

ГАРРИ ПОТТЕР

И

ДАРЫ СМЕРТИ

7

ДЖ.К. РОУЛИНГ

ГАРРИ ПОТТЕР

И

ДАРЫ СМЕРТИ

7

THE BOOK OF MORMON

ДЖ.К. РОУЛІНІ

Дж. К. Роулинг

Гарри Поттер и Дары Смерти

Посвящение в этой книге разбито на семь частей: Нилу, Джессике, Дэвиду, Кензи, Ди, Энн и вам, если вы оставались с Гарри до конца

О родовой недуг,
Вечно живая рана!
Крови напев немолчный, —
Увы!
Давний напев нестройный, —
Увы!
Неусыпимый веред!
В язвину вложит кто
Зелий целебных силу?
«В дом не придет чужой врач.
Раздор
Сам себя съест в потомках».
Богов
Слышу напев подземный.
О блаженный собор, в преисподней живой!
Умолению внимли, укрепление пошли
Агамемнона чадам к победе.

Эсхил. Плакальщицы^[1]

Смерть лишь пересекает мир, как друзья переплывают моря, друг в друге пребывая как прежде. Ибо потребно существовать им, кто любит и живет в вездесущем. В сем божественном стекле взирают они лицом к лицу, и разговор их прост и равно чист. Се утешение друзьям: пусть умирают они, однако дружба их и общество в наилучшем смысле непреходящи, ибо бессмертны.

Уильям Пенн. Новые плоды одиночества

Глава первая

Воцарение Черного Лорда

Узкая улочка утопала в лунном свете. Внезапно из пустоты возникли двое – и оба замерли, целя друг в друга волшебными палочками. Миг спустя узнали друг друга, спрятали палочки под плащи и деловито зашагали рядом.

– Есть новости? – спросил тот, что повыше.

– Самые замечательные, – ответил Злотеус Злей.

Слева низко росла дикая ежевика, справа стеной возвышалась аккуратно подстриженная живая изгородь. Двое шли; длинные плащи хлопали по ногам.

– Боялся, что опоздаю, – сказал Гнусли. Ветви деревьев низко нависали над головами, и его грубое лицо появлялось и пропадало в стробоскопе лунного света. – Все оказалось не так просто, как я думал. Ну, лишь бы он был доволен. А ты-то, похоже, рассчитываешь на благосклонный прием?

Злей кивнул, но промолчал. Они свернули направо на широкую аллею и, следуя извиву изгороди, достигли массивных кованых ворот. Те были заперты, но визитеров это не смутило: оба подняли левую руку, будто салютуя, и прошли сквозь прутья решетки, как сквозь дым.

Тисовые кусты приглушали стук подошв. Неожиданно справа зашуршало. Гнусли выхватил палочку и через голову своего спутника прицелился, но затем понял, что испугался белоснежного павлина, который величественно расхаживал по живой изгороди.

– Ох уж этот Люциус... сибарит. *Павлины!*.. – Гнусли презрительно фыркнул и сунул палочку под плащ.

В конце прямой подъездной аллеи из темноты вырос прекрасный особняк, мерцающий окнами первого этажа из-за ромбов решеток. Где-то за кустами, в саду, бил фонтан. Злей и Гнусли, ускорив шаг и хрустя гравием, подошли к двери, и та распахнулась перед ними сама собой.

Каменный пол просторного, тускло освещенного роскошного холла устилал великолепный ковер. Бледные лица с портретов пристально следили за прибывшими. Злей и Гнусли остановились перед тяжелой деревянной дверью в гостиную, переждали краткое мгновение – и Злей решительно повернул бронзовую ручку.

В гостиной за длинным резным столом молча сидело большое собрание. Всю мебель отодвинули к стенам. В камине, отделанном чуждым мрамором, с зеркалом в золоченой раме над полкой, гудел огонь – он и освещал комнату. Злей и Гнусли застыли на пороге, осваиваясь в сумраке, – и скоро их глаза невольно обратились к самому странному здесь: человеку, висевшему без сознания вверх ногами над столом. Отражаясь в зеркале и в полированной столешнице, фигура медленно, точно на невидимой веревке, вращалась. Но сие экстраординарное обстоятельство, похоже, не интересовало решительно никого, кроме бледного юноши, который сидел почти под висящим телом и ежеминутно, как будто невольно, поглядывал вверх.

– Гнусли, Злей, – раздался ясный пронзительный голос с дальнего конца стола. – Вы едва не опоздали.

Камин за спиной говорившего мешал разглядеть его лицо и высвечивал только силуэт в кресле. Однако чем ближе подходили Злей и Гнусли, тем отчетливее во мраке вырисовывалась безволосая змееподобная голова, ноздри-щели, горящие красные глаза с вертикальными зрачками. Кожа, неестественно бледная, жемчужно светила в темноте.

– Злотеус, сюда. – Вольдеморт указал на место справа от себя. – Гнусли – к Долохову.

Вновь прибывшие сели. Большинство глаз устремилось к Злею, и к нему же обратился Вольдеморт:

– Итак?

– Милорд, в следующую субботу на закате Орден Феникса увозит Гарри Поттера из нынешнего убежища.

Все явно разволновались: напряглись, заерзали, неотступно следя за Вольдемортом и Злеем.

– В субботу... на закате, – повторил Вольдеморт. Его красные глаза вонзились в черные глаза Злея так свирепо, что кое-кто отвернулся, будто спасаясь от этого испепеляющего взгляда. Злей, впрочем, встретил его спокойно, и вскоре безгубый рот Вольдеморта искривился

в подобии улыбки. – Хорошо. Очень хорошо. И эта информация получена от...

– ...источника, о котором мы говорили, – подтвердил Злей.

– Милорд.

Гнусли подался вперед, глядя во главу стола, на Вольдеморта и Злея. Все обернулись.

– Милорд, я слышал иное.

Он сделал паузу, но и Вольдеморт молчал, так что Гнусли продолжил:

– Давлиш, аврор, проболтался, что мальчишку увезут лишь вечером тридцатого – то есть накануне его семнадцатилетия.

Злей улыбался:

– По сведениям из моих источников, нас собирались пустить по ложному следу; видимо, это он и есть. Давлиш наверняка был под заморочным заклятием. Что же, не в первый раз – он вообще податлив.

– Заверяю вас, милорд, Давлиш говорил со всей убежденностью, – сказал Гнусли.

– Естественно, раз он заморочен, – хмыкнул Злей. – Но заверяю вас, Гнусли, что авроры больше не будут охранять Поттера. Орден считает, что министерство захвачено нашими людьми.

– Хоть до этого дотумкали! – Коренастый мужчина, сидевший недалеко от Гнусли, сипло хохотнул, и его смешок эхом повторился тут и там за столом.

Вольдеморт остался невозмутим. В глубокой задумчивости он взирал на медленно крутившееся тело.

– Милорд, – продолжал Гнусли, – по словам Давлиша, для переправки мальчишки соберется целая бригада авроров...

Вольдеморт одним взмахом большой белой руки прервал Гнусли и повернулся к Злею. Гнусли глядел на них с беспомощной обидой.

– Где его спрячут?

– У кого-то из членов Ордена, – ответил Злей. – На дом, если верить источнику, наложены все защитные заклинания, известные Ордену и министерству. Полагаю, милорд, шансы взять Поттера там крайне малы. Если, разумеется, министерство не падет до следующей субботы. Тогда большую часть заклинаний мы сумеем обнаружить и нейтрализовать, а через остальные, не сомневаюсь, прорвемся.

– Что скажешь, Гнусли? – осведомился Вольдеморт, и огонь камина странно сверкнул в его глазах. – *Падет* министерство к следующей субботе?

И опять все головы повернулись к Гнусли. Тот приосанился.

– Господин, на этот счет у меня хорошие новости. Мне – ценою больших усилий – удалось наложить проклятие подвластия на Донельза Ретивса.

Судя по лицам, заявление произвело эффект. Долохов, человек с длинным перекошенным лицом, одобрительно хлопнул Гнусли по спине.

– Для начала неплохо, – проговорил Вольдеморт. – Но Ретивс – это капля в море. Прежде чем начну действовать я, Скримджера необходимо окружить нашими людьми. Одно неудачное покушение на министра – и я буду отброшен далеко назад.

– Вы, безусловно, правы, милорд... Однако Ретивс – глава департамента защиты магического правопорядка, он постоянно общается не только с министром, но и с начальниками других отделов. Имея под контролем столь важное официальное лицо, мы легко подчиним прочих, а все вместе они уж как-нибудь свергнут Скримджера.

– Да, если только нашего друга Ретивса не разоблачат раньше, чем он перевербует остальных, – бросил Вольдеморт. – Так или иначе, до следующей субботы министерство вряд ли станет моим. И, коль скоро на новом месте добраться до мальчишки будет невозможно, надо перехватить его по дороге.

– Здесь мы в выгодном положении, господин. – Гнусли явно стремился выслужиться. – Мы внедрили несколько наших в департамент волшебных путей сообщения. Если Поттер аппаратует или использует кружаную сеть, мы узнаем тотчас же.

– Он не сделает ни того ни другого, – сказал Злей. – Орден избегает средств транспортировки, находящихся в подчинении министерства, – он вообще министерству не доверяет.

– Тем лучше, – отозвался Вольдеморт. – Поттеру придется перемещаться в открытую. Легче брать.

Он опять взглянул на крутящееся тело и продолжил:

– Я лично займусь мальчишкой. С ним много напортачили, в том числе и я сам. Он жив благодаря моим промахам, а не своим победам.

Все в страхе смотрели на Вольдеморта – каждый явно опасался, что персонально на него возложат вину за живучесть Гарри Поттера. Однако Вольдемор, похоже, разговаривал больше сам с собой и обращался к бесчувственному телу под потолком:

– Я был беспечен, и от меня отвернулась удача, мне изменил случай – эти злые недруги непродуманных планов. Теперь я мудрее. Я постиг много нового. Я сам должен убить Гарри Поттера, и я это сделаю.

Будто в ответ на его слова откуда-то раздался страшный протяжный стон, полный отчаяния и боли. Многие за столом вздрогнули и опустили глаза: крик, казалось, шел из-под ног.

– Червехвост, – задумчиво, не повышая голоса, произнес Вольдемор, не сводя глаз с вращающегося тела, – разве я не просил тебя следить за нашим пленником?

– Да, м-мой господин, – проскулил человечек, сидевший чуть дальше, – он сполз на сиденье так низко, что его стул на первый взгляд казался пустым. Сейчас человечек слез и заспешил прочь из комнаты, оставляя за собой странное серебристое свечение.

– Как я уже сказал, – продолжал Вольдемор, вглядываясь в напряженные лица своих последователей, – мне многое стало ясно. Например: чтобы убить Поттера, мне придется позаимствовать у кого-то из вас волшебную палочку.

Слова потрясли собрание так, словно он просил пожертвовать руку.

– Нет желающих? – процедил Вольдемор. – Что ж, посмотрим... Люциус! Мне представляется, тебе палочка больше не нужна.

Люциус Малфой поднял взгляд. В свете камина лицо отдавало восковой желтизной, глаза потемнели и запали. Когда он заговорил, голос прозвучал хрипло:

– Милорд?

– Волшебную палочку, Люциус. Я прошу твою палочку.

– Я...

Малфой покосился на такую же бледную жену. Ее длинные светлые волосы ниспадали по спине, и она неподвижно смотрела прямо перед собой, но под столом на мгновение сомкнула тонкие пальцы на запястье мужа. Малфой достал из-под мантии волшебную палочку и протянул Вольдеморту. Тот поднес ее к лицу и внимательно осмотрел:

– Что это?

– Вяз, господин, – прошептал Малфой.
– А сердцевина?
– Дракон... Сердечная жила дракона.
– Хорошо. – Вольдеморт достал свою палочку и сравнил обе по длине.

Люциус Малфой непроизвольно подался вперед, словно рассчитывая получить взамен палочку Вольдеморта. Тот заметил движение, и его горящие красные глаза издевательски расширились:

– Хочешь мою волшебную палочку, Люциус?

Мою?

Вкруг стола послышались смешки.

– Я дал тебе свободу, неужто мало? И, однако, я вижу, ваша семья в последнее время не слишком счастлива... Чем тебя не устраивает мое присутствие в твоём доме?

– Устраивает... Всем устраивает, милорд!

– Какое пошлое лицемерие, Люциус...

Злые губы уже не двигались, но шипение продолжалось, становилось громче, и кое-кто из колдунов невольно содрогнулся: под столом скользило нечто громадное.

Гигантская, как будто бесконечная змея вползла к Вольдеморту в кресло и разлеглась на его плечах. Шея толщиной с человеческое бедро, глаза с немигающими вертикальными зрачками. Вольдеморт, не сводя глаз с Люциуса Малфоя, рассеянно погладил змею длинными тонкими пальцами.

– Отчего же Малфои так недовольны своей участью? Разве не о моем возвращении к власти вы мечтали много лет?

– Конечно, милорд. – Люциус Малфой дрожащей рукой отер пот с верхней губы. – Всегда мечтали – и мечтаем по сей день.

Жена Малфоя, слева от него, скованно, избегая смотреть на Вольдеморта и его змею, кивнула. Драко Малфой, который сидел справа от отца и почти не сводил глаз с бесчувственного тела над столом, глянул на Вольдеморта и тут же отвернулся, страшась встретиться с ним взглядом.

– Господин, – волнуясь, сдавленно произнесла женщина с тяжелыми веками, выглядывая из-за Нарциссы, – ваше пребывание в нашем родовом поместье – честь для семьи. Величайшее счастье.

И внешне, и поведением она была полной противоположностью сестре. Нарцисса застыла прямая как гвоздь и невозмутимая; темноволосая Беллатрикс же всем телом тянулась к Вольдеморту – ибо простые слова не могли передать огромности ее преклонения.

– Величайшее счастье, – повторил Вольдемонт. Чуть склонив голову набок, он внимательно рассматривал Беллатрикс. – Приятно слышать, Беллатрикс, особенно от тебя.

Ее щеки залил румянец, в глазах блеснули слезы восторга.

– Господин знает, что это истинная правда!

– Величайшее счастье... Что, даже в сравнении с радостным событием в вашей семье, которое, я слышал, имело место на этой неделе?

Беллатрикс уставилась на него, приоткрыв рот, явно озадаченная:

– Я не понимаю, о чем вы, господин.

– О твоей племяннице, Беллатрикс. И о вашей, Нарцисса, Люциус. Которая на днях вышла замуж за оборотня Рема Люпина. Вы, полагаю, гордитесь родственницей?

Собравшиеся оскорбительно расхохотались. Многие подались вперед, злорадно переглядываясь, кое-кто застучал кулаками по столу. Огромной змее не понравился шум, и она, разинув пасть, злобно зашипела, но Упивающиеся Смертью не услышали – так восторженно приветствовали они унижение Беллатрикс и Малфоев. Лицо Беллатрикс, еще недавно розовое от счастья, пошло некрасивыми красными пятнами.

– Она нам не племянница, господин! – возопила Беллатрикс, стараясь перекрыть ликующий гвалт. – Мы с Нарциссой ни разу не видели сестры с тех пор, как она вышла за мугродье. И ни ее дворяжка-дочь, ни животное, за которое она вышла замуж, не имеют к нам ни малейшего отношения!

– А ты что скажешь, Драко? – поинтересовался Вольдемонт, тишайшим голосом перекрыв и хохот, и улюлюканье. – Будешь нянчить волчат?

Безобразное веселье продолжилось; Драко в ужасе посмотрел на отца, но тот сидел, опустил голову и разглядывая собственные колени. Взгляд Драко переметнулся к матери. Та почти неуловимо качнула головой и снова пусто воззрилась на стену.

– Хватит, – оборвал потеху Вольдеморт, поглаживая растревоженную змею. – Довольно.

Гогот стих.

– Почти всякое фамильное древо подгнивает со временем, – изрек Вольдеморт. Беллатрикс, затаив дыхание, жадно ловила каждое его слово. – И тогда его следует обрезать. Убирать больные ветви ради здоровья оставшихся.

– Да, господин, – прошептала Беллатрикс, и глаза ее наполнились слезами благодарности. – При первой возможности!

– Она у вас будет, – пообещал Вольдеморт. – И в вашей семье, и везде... Мы удалим гниль... Очистим кровь...

Вольдеморт направил волшебную палочку Люциуса Малфоя на тело, медленно вращавшееся над столом, и легонько ею взмахнул. Жертва очнулась, застонала и задергалась, вырываясь из невидимых пут.

– Узнаёшь гостью, Злотеус? – осведомился Вольдеморт.

Злей поднял глаза к перевернутому лицу. Упивающиеся Смертью, словно получив наконец разрешение полюбопытствовать, жадно уставились на несчастную. Та, оказавшись лицом к камину, хрипло, испуганно взмолилась:

– Злотеус! Помогите!

– А... да, – сказал Злей. Ее тем временем снова повернуло.

– А ты, Драко? – спросил Вольдеморт, свободной рукой поглаживая морду змеи.

Драко нервно дернул головой. Было ясно, что теперь, когда женщина пришла в сознание, он уже не в силах на нее смотреть.

– Но ты бы и не стал у нее заниматься, – подбодрил Вольдеморт. – Кстати, для непосвященных: сегодня нас почтила своим присутствием Мируша Милейдж, до недавнего времени – преподаватель «Хогварца», школы колдовства и ведьминских искусств.

С разных концов стола донеслись возгласы – о Мируше Милейдж слышали. Толстая сгорбленная старуха с острыми зубами неприятно хихикнула.

– Да... Профессор Милейдж рассказывала детишкам ведьм и колдунов о муглах... о том, как они практически ничем не отличаются от нас...

Один Упивающийся Смертью сплюнул на пол. Мируша Милейдж опять оказалась лицом к Злею.

– Злотеус... Прошу вас... Умоляю...

– Молчать! – приказал Вольдеморт, еще раз легонько взмахнул палочкой Малфоя и будто заткнул Мируше рот кляпом. – Профессору Милейдж показалось мало морочить головы детям колдунов, и на прошлой неделе она разразилась пылкой статьей в «Оракуле» в защиту мугродья. Колдуны, утверждает она, должны признать этих негодяев, нагло ворующих наши тайные знания. Если верить профессору, сокращение числа чистокровных колдунов можно только приветствовать... Дай ей волю, она заставила бы нас всех спариваться с муглами... а также, полагаю, и с оборотнями...

Никто не засмеялся – так явственно звучали ярость и презрение в голосе Вольдеморта. В третий раз Мируша Милейдж умоляюще посмотрела на Злея. Слезы ручьями стекали вниз, ей в волосы. Злей остался бесстрастен; несчастную женщину снова медленно повернуло.

– Авада Кедавра.

Зеленая вспышка ярко озарила комнату. Мируша рухнула на стол, и тот дрогнул и заскрипел. Несколько Упивающихся Смертью подскочили, отпрянули. Драко упал на пол.

– Ужинать, Нагини, – ласково шепнул Вольдеморт, и огромная змея враскачку сползла с его плеч на полированную столешницу.

Глава вторая

In Memoriam

У Гарри шла кровь. Зажав правую руку левой и ругаясь вполголоса, он плечом открыл дверь своей спальни. Хрустнул фарфор: Гарри наступил на чашку с холодным чаем, оставленную на полу за порогом.

– Что за?..

Гарри огляделся; лестничная площадка дома № 4 по Бирючинной улице была пуста. Фокусы Дудли? Надо же, вот ведь умница, подложил бомбу. Гарри, держа кровоточащий палец на весу, одной рукой собрал осколки и бросил их в мусорную корзину, и без того переполненную. А затем направился в ванную – сунуть палец под воду.

Какая глупость, идиотизм и бессмыслица, что ему еще целых четыре дня нельзя колдовать!.. Правда, порез он все равно бы не вылечил. Огромный пробел в образовании – учитывая его планы на жизнь. Не забыть спросить у Гермионы, как это делается. А пока он отмотал побольше туалетной бумаги, промокнул, сколько смог, пролитый чай и захлопнул за собой дверь комнаты.

Утро Гарри провел, вытрясая школьный сундук – впервые за шесть лет учебы. Обычно перед началом учебного года он вытаскивал примерно три четверти содержимого сверху, менял старые вещи на новые или складывал старые обратно, не касаясь всякой ерунды на дне: негодных перьев, сушеных жучиных глаз, одиноких носков, маленьких и давно лишившихся пары. И вот только что, запустив руку в глубь этой мульчи, он сильно поранил правый безымянный палец.

Теперь Гарри действовал аккуратней. Он встал на колени перед сундуком, осторожно пошарил внутри и достал значок, поочередно мигавший надписями «БОЛЕЙ ЗА СЕДРИКА ДИГГОРИ» и «ПОТТЕР – ВОНЮЧКА», старый треснувший горескоп, золотой медальон с посланием, подписанным инициалами Р. А. Б., а затем и то, обо что порезался. Этот предмет он мгновенно узнал: двухдюймовый осколок волшебного зеркала, когда-то подаренного покойным Сириусом. Гарри отложил осколок и осторожно ощупал дно сундука в поисках других

кусочков, однако от последнего дара крестного не осталось ничего, кроме блескучей стеклянной крошки, запорошившей придонный хлам.

Гарри сел и осмотрел осколок, однако увидел в нем только собственный ярко-зеленый глаз. Положил осколок на кровать, на свежий, непрочитанный выпуск «Оракула» и всерьез взялся за мусор в сундуке: прочь, горькие воспоминания и напрасные сожаления, связанные с этим зеркалом!

На опустошение сундука ушел час. Гарри выбросил ненужное, а остальное разложил по кучкам: что взять с собой, что нет. Школьные и квидишные мантии, котел, пергамент, перья, большинство учебников останутся лежать в углу комнаты. Интересно, как поступят с ними Дурслеи? Наверное, сожгут во тьме ночной, как улики страшного преступления. Дальше: мугловая одежда, плащ-невидимка, набор для зельеделания, кое-какие книги, альбом с фотографиями (подарок Огрида), пачка писем и волшебная палочка. Все – в старый рюкзак. В переднем кармане – Карта Каверзника и медальон с запиской Р. А. Б. Почетное место медальон заслужил не ценностью – по сути, он ничего не стоил, – а тем, какими страданиями за него заплачено.

За лето на столе рядом с клеткой полярной совы Хедвиги образовалась кипа газет: по одной за каждый день пребывания Гарри на Бирючинной улице.

Гарри встал с пола, потянулся, подошел к столу и начал перебирать газеты, безжалостно выкидывая их в мусор. Хедвига сидела не шевелясь. Она спала – либо притворялась: злилась на хозяина, что ее теперь редко выпускают из клетки.

Стопка порядком уменьшилась, и Гарри сбавил темп, просматривая газеты внимательней: искал один номер, вышедший, насколько он помнил, в самом начале каникул. В передовице еще упоминалось об отставке Мируши Милейдж, преподавательницы мугловедения в «Хогварце». А, вот! Открыв газету на десятой полосе, Гарри уселся за письменный стол и перечитал статью.

Эльфias Дож

ПАМЯТИ АЛЬБУСА ДУМБЛЬДОРА

Я познакомился с Альбусом Думбльдором в одиннадцать лет, в наш первый день в «Хогварце». Взаимная симпатия, несомненно, возникла оттого, что мы оба чувствовали себя изгоями. Я

незадолго до начала учебного года переболел драконьей оспой, и, хоть уже и не был заразен, мое зеленоватое рябое лицо не способствовало популярности. Альбус же появился в школе, образно говоря, помеченный клеймом прискорбной славы. Годом ранее его отца Персиваля посадили в тюрьму по обвинению в жестоком нападении на трех юных муглов – нашуумевшая тогда история.

Альбус не отрицал, что его отец (которому предстояло окончить дни в Азкабанае) совершил преступление, и, когда я собрался с духом и заговорил об этом, он сказал, что знает: отец виновен. Но более ни словом Думбльдор не обмолвился о печальном деле, хотя вызвать его на откровенность пытались многие. Некоторые даже хвалили поступок его отца, полагая, что и Альбус – муглоненавистник. Они глубоко ошибались: всякий, кто знал Альбуса, уверенно подтвердил бы, что тот ни в малейшей степени не страдал муглофобией – напротив, неотступной борьбой за права муглов нажил себе в дальнейшем немало врагов.

Однако спустя всего несколько месяцев Альбус затмил известностью своего отца. К концу первого года обучения он прославился как самый блестящий ученик за всю историю существования школы. Тем, кому посчастливилось с ним дружить, несказанно повезло: мы много от него почерпнули. Альбус никогда не скупился на помощь и поддержку, а в последние годы жизни признался мне: уже тогда он знал, что рожден быть учителем.

Он не только выигрывал все значимые призы, но и вел регулярную переписку с выдающимися колдунами тех дней, в том числе великим алхимиком Николя Фламелем, замечательным историком Батильдой Бэгшот и теоретиком магии Адальбертом Вафлингом. Некоторые работы Думбльдора были опубликованы в популярных изданиях: «Современные превращения», «Чрезвычайное в чарующем», «Заботы зельедела». Казалось, Думбльдора ждет стремительная и блестящая карьера – неясным оставалось только, когда именно он займет пост министра магии. Но, сколько бы это ни пророчили, подобное будущее его не интересовало.

Через три года после нашего поступления в «Хогварц» там появился и младший брат Альбуса, Аберфорс. У братьев было мало общего; Аберфорс не любил учиться и любые споры предпочитал разрешать дуэлью, а не разумной дискуссией. Из этого, впрочем, не

следует, что братья не ладили между собой. Нет, ладили – насколько это возможно для мальчиков, слепленных из абсолютно разного теста. Справедливости ради надо отметить, что Альбус затмевал всех. Вечно пребывать в его тени для брата куда неприятнее, чем для друзей.

Окончив «Хогварц», мы с Альбусом по тогдашней традиции собирались в кругосветное путешествие пообщаться с колдунами других стран, прежде чем разойтись каждый своей дорожкой. Помешало несчастье. Накануне нашего отъезда мать Альбуса, Кендра, умерла, оставив сына главой семьи и единственным кормильцем. Я отложил отъезд, чтобы проводить Кендру в последний путь, а затем отправился путешествовать один. Альбус, на которого свалились заботы о младшем брате и сестре, оказался в стесненных обстоятельствах и ехать уже не мог.

То было время, когда мы общались реже всего. Я – пожалуй, мало считаясь с его чувствами, – в письмах повествовал об иноземных чудесах: о том, как чуть не пал жертвой греческих химер, об экспериментах египетских алхимиков. Он отвечал, почти не упоминая о своей повседневной жизни – надо полагать, удручающе скучной для столь одаренного чародея. К концу путешествия я с ужасом узнал, что Альбуса постигла новая трагедия – умерла его сестра Ариана.

Ариана болела давно, однако удар, последовавший так скоро после смерти матери, потряс обоих братьев. Близкие Альбуса – а я отношу себя к этим счастливым избранным – сходятся во мнении, что смерть Арианы и угрызения Альбуса (который, разумеется, в ее кончине виновен не был) наложили неизгладимый отпечаток на его душу.

Вернувшись, я встретился с молодым, но не по возрасту настрадавшимся человеком. Альбус отчасти замкнулся и существенно растерял легкомыслие юности. К тому же в довершение бед брата, потеряв Ариану, не сблизились, но отдалились друг от друга совершенно. (Со временем это прошло, и вернулись если не близкие, то достаточно теплые отношения.) Однако с тех пор Альбус редко поминал о родителях и Ариане, и его друзья также научились не затрагивать болезную тему.

О его дальнейших заслугах напишут другие. Вклад Думбльдора в копилку волшебных знаний неоценим. Открытые им двенадцать способов использования драконьей крови еще послужат грядущим поколениям, как и необыкновенная мудрость принятых им судебных решений в должности Верховного Ведуна Мудрейха. По сей день считается, что не было равных дуэли, произошедшей в 1945 году между Думбльдором и Гриндельвальдом. Те, кто ее видел, с ужасом и восхищением описывали битву этих двух исключительных чародеев. Победа Думбльдора и ее значение для истории колдовского мира столь же велики, как, например, введение Международного закона о секретности или падение Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут.

Альбус Думбльдору чужды были чванство и тщеславие; любой человек, по видимости самый незначительный и убогий, становился бесконечно интересен ему и ценен. Я склонен считать, что именно потери, пережитые в юности, наделили его столь глубокой человечностью и сострадательностью. Не могу передать словами, как мне будет не хватать его дружбы, однако мое личное горе – ничто в сравнении с утратой, которую понес весь магический мир. Вне сомнений, Альбус был самым талантливым, заботливым и любимым из директоров «Хогварца». И умер он, как жил: во имя высшего блага, таким, каким был всегда, – неизменно готовым протянуть руку дружбы мальчику, только-только переболевшему драконьей оспой.

Гарри дочитал, но продолжал смотреть на фотографию при некрологе. Знакомая добрая улыбка, очки-полумесяцы – но взгляд поверх них, даже в газетной печати, пронзал Гарри, будто рентгеновские лучи. А Гарри было и горько, и стыдно.

Он считал, что хорошо знает Думбльдора, но после некролога стало ясно, что он не знает практически ничего. Гарри никогда не думал о детстве Думбльдора или его юности, словно тот так и появился на свет мудрым, убеленным сединами старцем. Думбльдор – подросток? Как-то не вяжется. Все равно что безмозглая Гермиона или ласковый взрывастый дракл.

Почему он никогда не интересовался жизнью Думбльдора? Конечно, это неподобающе и могло показаться дерзостью, но ведь, в конце концов, легендарная дуэль Думбльдора и Гриндельвальда –

событие историческое, а Гарри не удосужился расспросить профессора ни о ней, ни о других выдающихся достижениях. Нет, они бесконечно говорили о самом Гарри – о его прошлом, настоящем, будущем, о его планах... И сейчас, хотя будущее Гарри было туманно и опасно, он жалел, что безвозвратно упустил возможность побольше узнать о самом Думбльдоре. Впрочем, отвечая на тот единственный личный вопрос, который Гарри все-таки задал, профессор, похоже, слукавил:

– *А что видите в зеркале вы?*

– *Я? Я вижу себя с толстыми шерстяными носками в руках.*

В конце концов стряхнув задумчивость, Гарри вырвал из «Оракула» некролог, аккуратно сложил и спрятал в первый том «Практической защитной магии и ее применения в борьбе с силами зла». Затем бросил газету в мусор и оглядел комнату. Что же, намного чище. Только на кровати – сегодняшний номер «Оракула» и осколок зеркала поверх него.

Гарри стряхнул осколок на покрывало и раскрыл газету. Утром, когда сова доставила свернутый свежий номер, Гарри лишь мельком глянул на заголовки и, не увидев ничего о Вольдеморте, с досадой отбросил «Оракул» – ну конечно же редакция под давлением министерства придерживает неприятные новости. И только сейчас Гарри заметил, что пропустил.

В нижней половине первой полосы над фотографией идущего куда-то и несколько затравленного Думбльдора размещался небольшой заголовок:

О Думбльдоре – наконец-то вся правда?

Читайте на следующей неделе! Шокирующий материал о порочном гении, которого многие считали величайшим колдуном поколения. Что скрывалось под маской невозмутимого сребробородого мудреца? Рита Вринтер срывает завесы. Трудное детство, мятежная юность, пожизненная вражда и постыдные тайны, унесенные в могилу... ПОЧЕМУ Думбльдор, которого прочили на пост министра магии, довольствовался скромной должностью директора школы? Каковы ИСТИННЫЕ задачи секретной организации, известной как Орден Феникса? КАК в действительности умер Альбус Думбльдор?

Ответы на эти и другие вопросы – в скандальной биографии «Жизнь и ложь Альбуса Думбльдора», написанной известной журналисткой Ритой Вритер. Эксклюзивное интервью с ней, данное нашему корреспонденту Бетти Брейтуэйт, читайте на стр. 13.

Гарри рывком развернул газету. Вот: страница тринадцать. Знакомое женское лицо: прихотливо уложенные светлые кудельки, очки в оправе с бриллиантами, победительный оскал. Приветственный взмах пальчиками. Стараясь не замечать тошнотворной физиономии, Гарри продолжил читать.

Первое впечатление: в реальности Рита Вритер гораздо мягче и милее, чем можно предположить по ее знаменитым беспощадным принципиарным заметкам. Она встречает меня в своей уютной прихожей и проводит на кухню, где нас ждет горячий чай, бисквитный кекс и – куда же без них! – свежайшие, с пылу с жару, сплетни.

– Бесспорно, Думбльдор – мечта любого биографа, – смеется Рита. – Такая долгая, насыщенная жизнь... Я уверена, моя книга – лишь первая из числа очень, очень многих.

Прямо скажем: Рита времени не теряла. Ее девяти-сотстраничный труд был закончен всего через месяц после загадочной смерти Думбльдора. Как же ей это удалось?

– О, при моем журналистском опыте умение писать к сроку – это вторая натура! Я знала, что колдовской мир жаждет полного жизнеописания, и первой откликнулась на зов.

Я цитирую недавнее, широко разошедшееся в прессе замечание Эльфиаса Дожа, давнего друга Думбльдора и особого советника Мудрейха: «Из книги Вритер вы почерпнете меньше, чем из карточки в шокогадушке».

Вритер хохоча запрокидывает голову.

– Миляга Дожик! Помню, несколько лет тому назад я его интервьюировала о правах русалидов. Лапушка, только совсем ку-ку: думал, что мы с ним на озере Уиндермир, и без конца повторял: опасайтесь уток!

И все же не один Эльфиас Дож обвиняет Риту в неточности. Неужели она и правда полагает, что за каких-то четыре недели

можно составить полную картину долгой и удивительной жизни Думбльдора?

– Ах, дорогая моя, – Рита Вригер ласково похлопывает меня по руке, – вы не хуже других знаете, сколько сведений ловится на увесистый кошель галлеонов, на отказ слышать слово «нет» и остро заточенное принципиарное перо! Да люди в очередь ко мне вставали, и каждый – со своим ушатом помоев! Не все, ох не все обожали Думбльдора... Он успел изрядно потоптаться на больных мозолях разных бонз. А рыцарь Дождик пускай слезает с белого гиппогрифа – мне удалось заполучить такого очевидца, за чьи воспоминания многие журналисты не раздумывая отдадут свои волшебные палочки! Этот человек никогда прежде не выступал публично, но очень близко знал Думбльдора в самый сложный период его мятежной юности!

Реклама книги недвусмысленно намекает, что тех, кто считал Думбльдора святым, ждут потрясения. И каковы же самые крупные сюрпризы?

– Бросьте, Бетти, не стану же я пересказывать книгу, особенно до начала продаж! – ухмыляется Рита Вригер. – Однако обещаю: холодный душ поклонникам Думбльдора обеспечен! Старый колдун вовсе не был таким белым и пушистым, как его знаменитая борода. Вспомните его гневные речи насчет Сами-Знаете-Кого. Придет ли после этого в голову, что в юности и Думбльдор якшался с силами зла? И что, всюю пропагандируя терпимость и всеобщее равенство, в молодости он подобной широтой взглядов не отличался? Да-а, прошлое Альбуса Думбльдора темно и не слишком чисто... Я уж молчу про его семейку, о которой он и сам предпочитал не распространяться.

Я спрашиваю, что имеется в виду – пятнадцатилетней давности скандал с братом Думбльдора Аберфорсом, которого Мудрейх осудил за неправомерное колдовство?

– Ой, Аберфорс!.. Верхушка навозной кучи, – отмахивается Рита. – Нет-нет, я говорю о вещах посерьезнее, нежели братец, чрезмерно увлеченный козами, или отец, калечащий муглов! О них так или иначе все известно – в конце концов, оба угодили под следствие. Нет, меня куда больше интересовали мать и сестра, и, лишь чуточку покопавшись, я обнаружила настоящее змеиное

гнездо... Впрочем, читателям придется подождать книги – главы с девятой по двенадцатую! Однако кое-что я скажу: неудивительно, что Думбльдор помалкивал о том, как умудрился сломать нос.

Хорошо, но если отвлечься от скелетов в семейном шкафу, признает ли Рита научный гений Думбльдора и его выдающиеся открытия?

– Конечно, мозги у старика были, – отвечает та, – но подлинное авторство многих открытий теперь под вопросом. Так, например, в шестнадцатой главе моей книги Айвор Диллонсби рассказывает, что успел обнаружить восемь способов применения драконьей крови на момент, когда Думбльдор временно «одолжил» его бумаги.

И все же важность некоторых его достижений отрицать нельзя, осмеливаюсь заметить я. Знаменитая победа над Гриндельвальдом, например?

– Рада, что вы упомянули об этом, – очаровательно улыбается Вритер. – Боюсь, тех, кто до сих пор со слезами умиления восхваляет победу Думбльдора, ждет бомба... пожалуй, навозная. История грязна до крайности. Намекну: неизвестно, в самом ли деле легендарная дуэль имела место. По прочтении моей книги многие, возможно, придут к выводу, что Гриндельвальд попросту сотворил белый платочек на кончике своей волшебной палочки и тихо сдался.

Рита отказывается дальше развивать эту интригующую тему, поэтому мы переходим к взаимоотношениям, которые, без сомнения, вызовут жаркий интерес у большинства читателей.

– Да, – кивает Рита. – Отношениям Думбльдора и Поттера я посвятила целую главу. Их называли нездоровыми, даже опасными. Опять-таки придется купить мою книгу, чтобы узнать все подробности, но нельзя отрицать, что с первого дня знакомства Думбльдор проявлял к мальчику повышенный, противоестественный интерес. Только во благо ли Поттеру? Увидим. Ни для кого не секрет, что отрочество Гарри было весьма непростым.

В прошлом году Рита Вритер опубликовала нашумевшее интервью, в котором Гарри Поттер утверждал, что Сами-Знаете-Кто вернулся к власти. Я спрашиваю, продолжают ли Гарри с Ритой общаться.

– Да, разумеется, и весьма тесно! – восклицает журналистка. – У бедного мальчика так мало друзей, а мы встретились в один из самых трудных моментов его жизни – на Трехмудром Турнире. Пожалуй, только я одна и знаю настоящего Гарри Поттера.

Разговор естественно переходит к бесконечным слухам о последних часах жизни Думбльдора. Верит ли Рита, что Поттер был с Думбльдором в момент его смерти?

– Что ж... не хочу выдавать подробности – все есть в книге, – однако многие в «Хогварце» видели, как Поттер бежал прочь с места происшествия буквально через несколько секунд после того, как Думбльдор упал, спрыгнул или был скинут с башины. Позже Поттер обвинил в убийстве Злозеуса Злея, человека, к которому издавна питает глубокую неприязнь. Однако все ли так очевидно, как кажется? Решать колдовскому сообществу – после прочтения моей книги, разумеется.

На этой загадочной ноте я откланиваюсь. У меня нет сомнений: из-под пера Риты Вритер вышел безусловный бестселлер. Бесчисленные же почитатели Думбльдора трепещут в неведении – что-то они вскоре узнают о своем герое?

Гарри дочитал статью, но продолжал слепо смотреть на газетную полосу. Омерзение, ярость поднимались в нем, как рвота; он скомкал газету и со всей силы швырнул об стену. Бумажный ком упал на гору хлама, выросшую у переполненной мусорной корзины.

Гарри бесцельно заходил по комнате, едва понимая, что делает, – открывал пустые ящики, хватал какие-то книги и тут же клал их на место... В голове мелькали обрывки статьи: *отношениям Думбльдора и Поттера посвятила целую главу... повышенный, противоестественный интерес... в юности и Думбльдор являлся с силами зла... удалось заполучить такого очевидца, за чьи воспоминания многие журналисты не раздумывая отдадут свои волшебные палочки...*

– Вранье! – заорал Гарри и увидел в окно, как сосед, собиравшийся в очередной раз запустить газонокосилку, замер и испуганно посмотрел наверх.

Гарри тяжело сел на кровать. Осколок зеркала отпрыгнул. Гарри взял его и принялся вертеть в руках и все думал, думал о Думбльдоре, о том, как его оклеветала Рита Вритер.

И вдруг перед ним мелькнуло что-то ярко-голубое. Гарри замер; порезанный палец вновь скользнул по неровному краю осколка. Нет, показалось. Показалось. Гарри обернулся. Стена позади него – отвратительного персикового цвета, выбранного тетей Петунией. Ничего голубого в зеркале отразиться не могло... Гарри снова глянул в осколок – и увидел там собственный зеленый глаз.

Померещилось – единственное объяснение; померещилось, потому что он слишком напряженно думал о бывшем директоре своей школы. Пронзительного взгляда ярко-голубых глаз Альбуса Думбльдора ему больше не увидеть никогда – уж в этом Гарри был уверен.

Глава третья

Дурслеи дают драпака

Хлопнула парадная дверь. Стук эхом разнесся по дому, затем послышался крик:

– Эй, ты!

К Гарри подобным манером обращались шестнадцать лет, так что он понял, кого дядя зовет, но отзываться не спешил. Он по-прежнему не отрываясь смотрел на осколок зеркала, где ему померещился глаз Думбльдора. И лишь когда дядя истошно заорал: «ПАРЕНЬ!» – Гарри встал и поплелся к двери, задержавшись на секунду у рюкзака, чтобы сунуть туда осколок. Его тоже надо взять с собой.

– А подольше нельзя? – рявкнул Вернон Дурслей, едва Гарри появился на площадке. – Быстро вниз. Надо поговорить!

Гарри спустился, глубоко засунув руки в карманы джинсов. В гостиной его ждали Дурслеи – все трое, в дорожной одежде: дядя Вернон – в бежевом пиджаке на молнии, тетя Петуния – в изящном пальто лососевого цвета, а блондинистый здоровяк Дудли, двоюродный брат Гарри, – в кожаной куртке.

– Что? – спросил Гарри.

– Садись! – приказал дядя Вернон. Гарри поднял брови. – Пожалуйста! – прибавил дядя Вернон и поморщился, будто слово оцарапало ему горло.

Гарри сел. Он, кажется, знал, что сейчас будет. Дядя Вернон заходил по комнате. Тетя Петуния и Дудли тревожно следили за его перемещениями. Наконец дядя остановился против Гарри. И, наморщив большое сизое лицо, сообщил:

– Я передумал.

– Удивительное рядом, – сказал Гарри.

– Что за тон!.. – пронзительно начала тетя Петуния, но дядя Вернон замахал на нее руками.

– Все ерунда и собачья чушь, – объявил он, уставив на Гарри пороссячьи глазки. – Не верю ни единому слову. Я решил окончательно:

мы никуда не едем. Остаемся.

Гарри взглянул на дядю с насмешливой досадой. Вот уже месяц Вернон Дурслей ежедневно менял решение, причем всякий раз упаковывал, распаковывал и переупаковывал вещи. Особенно забавно было, когда он, не зная про гантели, которые при-овокупил к своим пожиткам Дудли, попытался закинуть чемодан обратно в багажник и рухнул, рыча от боли и изрыгая проклятия.

– По твоим словам, – дядя Вернон снова заходил по комнате, – всем нам – Петунии, Дудли и мне – угрожает опасность. И опасность эта исходит от... от...

– Да-да, от «нашей братии», – договорил за него Гарри.

– Так вот – я тебе не верю. – Дядя Вернон опять остановился перед ним. – Я полночи думал и догадался: вы хотите заполучить дом.

– Дом? – переспросил Гарри. – Какой дом?

– *Этот!* – крикнул дядя Вернон, и вена у него на лбу запульсировала. – *Наш дом!* Цены на недвижимость здесь растут как на дрожжах! Вы нас вытурите, а потом – оп! Колды-балды, и все переписано на тебя, и...

– Вы с ума сошли? – возмутился Гарри. – Какая недвижимость? Вы что, и правда такой тупой?

– Не смей!.. – взвизгнула тетя Петунья, но дядя Вернон снова от нее отмахнулся. По сравнению с опасностью, которую он заподозрил, личные оскорбления – пустяки.

– На всякий случай напоминаю, – сказал Гарри, – что у меня вообще-то есть дом: крестный завещал. Зачем мне ваш? На добрую долгую память?

Наступила тишина. Гарри решил, что аргумент возымел действие.

– Значит, ты утверждаешь, – дядя Вернон опять забежал по комнате, – что этот ваш лорд... как бишь его...

– ...Вольдеморт, – нетерпеливо перебил Гарри. – И мы это обсуждали сто раз! И не я утверждаю, а так и есть! И Думбльдор вам говорил в прошлом году, и Кингсли, и мистер Уизли...

Вернона Дурслея передернуло, и Гарри понял, что дядя пытается отогнать воспоминания о непрошеном визите двух взрослых колдунов в начале летних каникул. Появление Кингсли Кандальера и Артура Уизли в доме на Бирючинной улице стало для Дурслеев весьма неприятным потрясением – впрочем, немудрено: однажды мистер

Уизли разгромил здесь полгостиной. Было бы странно, если б дядя Вернон ему обрадовался.

— ...Кингсли и мистер Уизли тоже вам все объяснили, — безжалостно продолжал Гарри. — Как только мне исполнится семнадцать, защитные чары спадут, и вы вместе со мной окажетесь под угрозой. Орден считает, что Волдеморт может взять вас в заложники — либо чтобы под пытками узнать, где я, либо в надежде, что я прибегу вас спасать.

Гарри и дядя Вернон встретились взглядами; Гарри был уверен, что в этот миг оба они задумались об одном и том же. Затем дядя опять зашагал по комнате, а Гарри снова заговорил:

— Вас надо спрятать, и Орден хочет помочь. Вам предлагают серьезную защиту, лучше не бывает.

Дядя Вернон не ответил и не перестал расхаживать. Солнце низко висело над кустами бирючины. Соседская газонокосилка опять заглохла.

— Есть ведь, кажется, министерство магии? — вдруг спросил дядя Вернон.

— Есть, — удивленно подтвердил Гарри.

— Почему же оно нас не охраняет? Мы ни в чем не виноваты, кроме того, что укрываем тебя... Мы же наверняка подпадаем под какую-нибудь правительственную программу защиты!

Гарри рассмеялся — не смог сдержаться. Как это в духе дяди Вернона — уповать на власти, даже в презираемом и страшном мире.

— Вы сами слышали Кингсли и мистера Уизли, — ответил Гарри. — Мы считаем, что министерство захвачено.

Дядя Вернон прошел к камину и обратно. Он дышал так тяжело, что колыхались черные усы, а лицо по-прежнему было сизым от раздумий.

— Хорошо, — сказал он, вновь воздвигнувшись перед Гарри. — Допустим, мы согласились на защиту. Но я все равно не понимаю, почему нас не может охранять этот ваш Кингсли?

Гарри стоило труда не закатить глаза. На этот вопрос он отвечал не раз и не два.

— Я уже говорил, — процедил он сквозь зубы. — Кингсли охраняет министра муг... ну то есть вашего премьер-министра.

– Вот именно – значит, он лучше всех! – Дядя Вернон ткнул пальцем, показав на пустой телевизионный экран. Дурслеи видели Кингсли в новостях: он неприметно шел за премьер-министром, когда тот посещал больницу. Это плюс умение Кингсли одеваться как мугл плюс его неторопливый, спокойный бас заслужило ему некоторое доверие Дурслеев. Правда, они ни разу не видели Кингсли с золотым кольцом в ухе.

– Он занят, – отрезал Гарри. – Но Гестия Джонс и Дедал Диггл тоже очень...

– Если б нам хоть показали их резюме... – начал дядя Вернон, но у Гарри лопнуло терпение. Он встал, подошел к дяде и тоже ткнул пальцем в экран телевизора.

– Все эти бесконечные несчастные случаи вовсе не просто так. Аварии, взрывы, крушения поездов и что там еще произошло, пока мы не смотрели новости. Люди пропадают, погибают, и за всем этим стоит он – Вольдеморт. В тысячный раз повторяю: муглов он убивает для развлечения. Даже туманы – из-за дементоров! Если не помните, кто это такие, спросите своего сына!

Дудли в ужасе закрыл рот ладонями. Родители и Гарри повернулись к нему. Он медленно опустил руки и спросил:

– Их что... много?

– Много? – захохотал Гарри. – А ты думал, их двое – те, что на нас напали? Их сотни, а сейчас уже, может, и тысячи – они же питаются страхом и отчаянием...

– Хорошо, хорошо, – перебил дядя Вернон. – Мы поняли...

– Очень надеюсь, – сказал Гарри. – Потому что, едва мне исполнится семнадцать, до вас сможет добраться вся компашка: и Упивающиеся Смертью, и дементоры, и, наверное, даже инфернии – а это, между прочим, мертвецы под заклятием черных магов. И если вспомнить, чем все кончилось, когда вы последний раз пытались бегать от колдунов, я думаю, вы дружно согласитесь, что нуждаетесь в помощи.

Ненадолго повисла тишина, в которой, казалось, зазвучало далекое эхо: кулак Огрида вновь вышибал дверь деревянной лачуги. Тетя Петуния смотрела на дядю Вернона, Дудли – на Гарри. Наконец дядя Вернон выпалил:

– Прекрасно, но как же моя работа? А школа Дудли? Я понимаю, колдовским бездельникам эти вещи неинтересны...

– До вас что, не доходит? – заорал Гарри. – *Вас замучают и убьют, как моих родителей!*

– Пап, – громко сказал Дудли. – Я поеду с людьми из Ордена.

– Дудли, – поразился Гарри, – впервые слышу от тебя что-то разумное.

Он знал, что выиграл битву. Раз Дудли испугался и готов принять помощь Ордена, родители последуют за ним: куда ж они без своего Диддика? Гарри взглянул на дорожные часы на каминной полке.

– Они будут здесь минут через пять, – напомнил он и, не дождавшись ответа, вышел. Грядущая разлука с Дурслеями – возможно, навсегда – ничуть его не огорчала, даже радовала, и все-таки ему было неловко. Что положено говорить, когда расстаешься после шестнадцати лет крепкой взаимной неприязни?

У себя в спальне он бесцельно повозился с рюкзаком, затем просунул Хедвиге в клетку пару катышков «Совячьей радости». Те с глухим стуком упали на дно. Птица сделала вид, будто не заметила.

– Мы скоро уезжаем, – сообщил Гарри. – Опять сможешь летать.

В дверь позвонили. Гарри, поколебавшись, направился вниз. Не оставлять же Гестию и Дедала один на один с Дурслеями.

Он открыл дверь.

– Гарри Поттер! – раздался тоненький восторженный возглас. Человечек в сиреновом цилиндре склонился в низком поклоне. – Большая честь, как всегда!

– Спасибо, Дедал, – сказал Гарри, коротко, смущенно улыбнувшись темноволосой Гестии. – Спасибо, что согласились... Они там, мои дядя, тетя и двоюродный брат...

– Доброго вам дня, родственники Гарри Поттера! – радостно воскликнул Дедал, входя в гостиную.

Дурслеям такое обращение явно пришлось не по вкусу; Гарри не удивился бы, если б они снова передумали. Дудли при виде колдунов прилепился к матери.

– Вижу, вы собрались! Чудесно! План действий, как вам, должно быть, рассказал Гарри, весьма прост. – Дедал вытащил из жилетного кармана огромные часы. – Мы покинем ваш дом раньше его. Применять магию здесь нельзя – министерство может использовать

это как предлог для ареста Гарри, он ведь несовершеннолетний, – поэтому нам придется проехать на машине километров десять и уж оттуда дезаппарировать. Вы, я так понимаю, умеете водить? – вежливо поинтересовался он у дяди Вернона.

– Умею что?.. Конечно, умею, собака вас раздери! – вспыхнул дядя Вернон.

– Какой вы, однако, молодец, сэр, надо же. Лично я начисто растерялся бы от всех этих пимпочек и кнопочек. – Дедал явно полагал, что делает комплимент, но дядя Вернон, видимо, сильно усомнился в разумности «плана действий».

– Даже водить не умеет, – пробормотал он, возмущенно дернув усами. К счастью, ни Гестия, ни Дедал его не услышали.

– Ты, Гарри, – продолжал Дедал, – дождешься своих сопровождающих здесь. У нас кое-что поменялось...

– То есть? – встревожился Гарри. – Я думал, меня заберет Шизоглаз, и мы с ним аппаратуем параллельно.

– Нельзя, – сурово отозвалась Гестия. – Шизоглаз потом объяснит.

Дурслеи прислушивались к разговору, решительно ничего не понимая, и сильно вздрогнули, когда кто-то вдруг громко завопил: «Поторопитесь!» Гарри в недоумении огляделся и не сразу понял, что кричали карманные часы Дедала.

– И то правда, время поджигает. – Дедал кивнул часам и спрятал их в жилетный карман. – Нам желательно переместить твоих родных одновременно с тобой, Гарри, чтобы в момент исчезновения защиты все вы были уже в безопасности. – Он повернулся к Дурслеям: – Ну, готовы?

Никто не ответил: дядя Вернон в гадливом смятении взирал на оттопыренный карман Дедаловой жилетки.

– Нам, наверное, лучше подождать в коридоре, Дедал, – вполголоса произнесла Гестия. Она явно считала нетактичным оставаться в комнате, пока Гарри будет нежно – быть может, в слезах – прощаться с семьей.

– Ни к чему, – буркнул Гарри, но объяснять ничего не пришлось.

Дядя Вернон громко сказал:

– Ну, бывай, парень, – и сначала хотел пожать Гарри руку, но потом не нашел в себе сил, сжал пальцы в кулак и закачал им туда-сюда, как метроном.

– Готов, Диддик? – спросила тетя Петуния, суетливо проверяя застежку на сумке и всячески избегая взгляда Гарри.

Дудли не отвечал – он стоял, полуоткрыв рот и немного напоминая гиганта Гурпа.

– Тогда в путь, – подбодрил дядя Вернон.

Он почти дошел до дверей гостиной, когда Дудли вдруг промямлил:

– Не понимаю.

– Чего ты не понимаешь, пусик? – ласково спросила тетя Петуния.

Дудли поднял жирную, похожую на окорок руку и показал на Гарри:

– А он почему не с нами?

Дядя Вернон и тетя Петуния уставились на него ошеломленно, будто он изъявил желание стать балериной, когда вырастет.

– Что? – громко переспросил дядя Вернон.

– Почему он с нами не едет? – отчетливо повторил Дудли.

– Он... не хочет, – ответил дядя Вернон, повернулся к Гарри и пронзил его яростным взглядом: – Ведь не хочешь?

– Ни капельки, – отозвался Гарри.

– Вот видишь, – сказал дядя Вернон сыну. – А теперь пойдем, нам пора.

Он вышел из комнаты. Было слышно, как открывается входная дверь, но Дудли не двигался, и тетя Петуния, нерешительно просеменив по гостиной, тоже остановилась.

– Ну что еще? – рявкнул дядя Вернон, снова появляясь на пороге.

Казалось, Дудли не в состоянии выразить словами то, что его гнетет. Спустя несколько секунд напряженной внутренней борьбы он наконец выдал:

– А куда же он поедет?

Тетя Петуния и дядя Вернон переглянулись. Поведение сына явно их пугало. Молчание нарушила Гестия Джонс, озадаченно спросив:

– Но... Вы ведь, разумеется, в курсе, куда едет ваш племянник?

– Естественно, в курсе, – ответил Вернон Дурслей. – Куда-то с кем-то из вашей братии, верно? Все, Дудли, идем, мы торопимся, ты же слышал, что сказал дяденька.

Вернон Дурслей дошел до дверей, но Дудли за ним не последовал.

– Куда-то с кем-то из нашей *братии*? – вознегодовала Гестия.

Гарри такое уже видел: никто из колдунов не понимал, почему родные столь мало интересуются знаменитым Гарри Поттером.

– Все нормально, – успокоил он. – Ерунда, правда.

– Ерунда? – Гестия грозно повысила голос. – Они что, не понимают, сколько ты пережил? И в какой ты опасности? И какое уникальное место занимаешь в сердцах людей, восставших против Вольдеморта?

– Э-э... Нет, не понимают, – сказал Гарри. – Для них я пустое место, но я уже привык и...

– Для меня ты не пустое место.

Если бы Гарри не видел, как шевелятся губы Дудли, он бы не поверил своим ушам. Он уставился на двоюродного брата и в итоге вынужден был признать, что тот действительно произнес эту фразу; во всяком случае, Дудли залился краской. Изумленный Гарри тоже смутился.

– Ммм... Спасибо, Дудли.

Дудли вновь замолк, сражаясь с непростыми словами и обширными понятиями, а затем проямлил:

– Ты спас мне жизнь.

– Не совсем, – поправил Гарри. – Дементор взял бы только твою душу...

Он с любопытством смотрел на Дудли. Они не общались ни этим летом, ни прошлым – Гарри приезжал на Бирючинную ненадолго и почти не выходил из комнаты. Но лишь теперь до него дошло, что чашка с холодным чаем под дверью вовсе не была подложенной бомбой. Трогательно, конечно, но все-таки хорошо, что Дудли, кажется, исчерпал возможности выражать чувства... Он еще пару раз открыл рот и, красный как рак, замолчал.

Тетя Петуния разразилась слезами. Гестия Джонс посмотрела на нее одобрительно, но тотчас – едва тетя Петуния бросилась на шею не к Гарри, а к Дудли – вновь вскипела от гнева.

– М-милый Диддичка... – всхлипывая, лепетала тетя Петуния, припадая к массивной сыновней груди. – Ч-чудный мальчик... Поблагодарил...

– Он не благодарил! – возмутилась Гестия. – Он только сказал, что не считает Гарри пустым местом!

– Да, но от него это все равно что «я люблю тебя», – пояснил Гарри. Затянувшееся прощание утомило, хотя наблюдать за тетей, которая обнимала Дудли так, словно тот вытащил Гарри из горящего здания, было забавно.

– Мы вообще когда-нибудь поедem? – взревел дядя Вернон, вновь вырастая в дверях. – А еще говорили, время поджигает!

– Да... да, поедem. – Дедал Диггл, зачарованный происходящим, с очевидным трудом вернулся к действительности. – Действительно пора. Гарри...

Он, слегка споткнувшись, бросился к Гарри и обеими ладонями стиснул его руку:

– ...Удачи! Надеюсь, мы еще встретимся. На твоих плечах – судьбы всего колдовского мира.

– Ну да, – буркнул Гарри, – конечно. Спасибо.

– До свидания, Гарри. – Гестия тоже пожала ему руку. – Мысленно мы с тобой.

– Надеюсь, все будет хорошо, – сказал Гарри, глянув на тетю Петунию и Дудли.

– О, я уверен, мы подружимся! – Диггл на прощание помахал цилиндром и вышел из комнаты. Гестия направилась за ним.

Дудли аккуратно высвободился из материнских объятий и шагнул к Гарри, который едва подавил желание выставить ему навстречу волшебную палочку. Но Дудли протянул ему свою большую розовую ладонь.

– Ну и ну, Дудли. – Гарри пришлось повysить голос – причитания тети Петунии возобновились. – Тебя что, дементоры подменили?

– Не знаю, – пробормотал тот. – До свидания, Гарри. Увидимся.

– Угу... – Гарри пожал двоюродному брату руку. – Может быть. Давай, береги себя, Чемпион.

Дудли чуть не улыбнулся и вразвалку вышел из комнаты. Вскоре с улицы донесся хруст гравия, а потом хлопнула дверца машины.

Тетя Петуния, плакавшая в платочек, встрепелулась и словно бы изумилась, увидев, что осталась с Гарри наедине. Торопливо сунув мокрый платочек в карман, она буркнула:

– Что ж... Прощай, – и, не глядя на племянника, направилась к двери.

– Прощайте, – ответил Гарри.

Она остановилась, обернулась, и на секунду Гарри показалось, будто тетя хочет что-то сказать – такой странный, взволнованный был у нее взгляд, но затем она легонько дернула головой и заспешила вслед за мужем и сыном.

Глава четвертая

Семь Поттеров

Гарри взбежал по лестнице к себе и успел увидеть в окно, как машина Дурслеев выезжает на дорогу. На заднем сиденье между тетей Петунией и Дудли виднелся цилиндр Дедала. С Бирючинной улицы автомобиль свернул вправо, рубиново блеснув стеклами в лучах заходящего солнца, и скрылся из виду.

Гарри взял клетку с Хедвигой, «Всполох» и рюкзак, в последний раз обвел взглядом непривычно чистую комнату, затем сволок багаж вниз и поставил у лестницы. Темнело быстро; прихожую наполнили тени. Странно стоять здесь в тишине, зная, что покидаешь дом навсегда. Раньше, давно, когда Дурслеи уезжали куда-нибудь развлекаться и Гарри на несколько часов оставался один, это было редкое счастье. Он несся к холодильнику, хватал что-нибудь вкусненькое и бежал к компьютеру Дудли играть или к телевизору – переключать каналы сколько заблагорассудится... От воспоминаний у Гарри странно защемило в груди, словно при мысли о младшем брате, которого больше нет.

– Не хочешь напоследок прогуляться по дому? – спросил он Хедвигу. Та все еще дулась и прятала голову под крыло. – Мы сюда больше не вернемся. Вспомним старые добрые времена? Смотри, коврик... Это сюда Дудли вырвало, когда я спас его от дементоров... Он сказал мне спасибо, представляешь?.. А прошлым летом Думбльдор вошел в эту дверь... – Гарри на мгновение утерял ход мысли, но Хедвига не желала ему помочь и не вынимала головы из-под крыла. Гарри повернулся к двери спиной. – А здесь, Хедвига, – он открыл дверь в чулан под лестницей, – я жил! Тебя со мной еще не было... Хм, я и забыл, до чего тут тесно...

Гарри смотрел на старые ботинки и зонтики и вспоминал, как, просыпаясь по утрам, упирался взглядом в изнанку лестницы, где обычно сидела пара-тройка пауков. Он еще не знал, кто он на самом деле такой, не знал, как погибли родители, не понимал, почему вокруг

него происходит столько странного. Но уже тогда его преследовали загадочные сны про ослепительные зеленые вспышки и летающий мотоцикл – помнится, дядя Вернон чуть не разбил машину, услышав об этом...

Неожиданно где-то рядом что-то оглушительно взревело. Гарри резко выпрямился и стукнулся затылком о низкую притолоку. Припомнив несколько отборных ругательств дяди Вернона, он, держась за голову, прошел на кухню и выглянул в окно на задний дворик.

Тьма, казалось, пульсировала, воздух зыбился. Во дворе один за другим, сбрасывая прозрачаровальное заклятие, появлялись люди. Надо всеми, в огромном мотоцикле с коляской, возвышался Огрид в шлеме и защитных очках. Остальные слезали с метел, а двое – с черных скелетоподобных крылатых лошадей.

Распахнув дверь, Гарри бросился во двор. Послышались радостные восклицания. Гермiona обхватила Гарри руками, Рон хлопнул по спине, Огрид пробасил:

– Ну, все путем? К отъезду готов?

– А то! – Гарри так и сиял. – Но я не думал, что вас будет столько!

– План изменился, – проворчал Шизоглаз. Он держал два здоровенных, туго набитых мешка. Его волшебный глаз вращался как бешеный, сканируя темнеющее небо, дом, сад. – Давай-ка в укрытие, там все и расскажем.

Гарри провел всех на кухню, и, весело смеясь, переговариваясь, они расселись по стульям и столам, до блеска отполированным тетей Петунией, а кое-кто прислонился к безупречно чистым кухонным агрегатам. Вот долговязый Рон, вот Гермiona – пышные волосы заплетены в косу. Фред и Джордж с одинаковыми улыбками. Билл, весь в шрамах, с неизменной длинной шевелюрой. Добрый лысеющий мистер Уизли в очках набекрень. Одноногий вояка Шизоглаз – волшебный ярко-голубой глаз так и крутится в глазнице. У Бомс короткие розовые волосы – ее любимый цвет. Люпин все седеет и весь в морщинах. Стройная красавица Флёр с длинными серебрищимися локонами; лысый и широкоплечий чернокожий Кингсли; всклокоченный бородатый Огрид пригибает голову – потолок низок. Ну и паршивец Мундугнус Флетчер, маленький, грязный, с печальными глазами бассет-хаунда и свалывшимися патлами. Сердце

Гарри разрывалось от нежности ко всем — даже к Мундугнусу, которого он едва не придушил при последней встрече.

— Кингсли, а тебе не надо разве охранять премьер-министра муглов? — спросил Гарри через всю кухню.

— Один вечер он без меня как-нибудь обойдется, — отозвался Кингсли. — Ты у нас гораздо важнее.

— Гарри, угадай что? — Бомс со стиральной машины помахала левой рукой — блеснуло кольцо.

— Вы поженились? — ахнул Гарри, переводя взгляд на Люпина.

— Жалко, прошло без тебя, но все было очень скромно.

— Здорово, поздра...

— Тихо, тихо, после наболтаетесь! — рявкнул Хмури, сразу прекратив общий гомон, затем бросил мешки на пол и повернулся к Гарри: — Дедал, наверное, сообщил, что от плана А пришлось отказаться. Донельз Ретивс переметнулся, и у нас возникли трудности. Он запретил подсоединять этот дом к кружаной сети и пользоваться здесь портшлюсами и аппарированием. Иначе — тюрьма. И все — чтобы обезопасить тебя от Сам-Знаешь-Кого. Якобы. На самом деле толку чуть — тут пока еще действует защита твоей матери. А значит, его истинная цель — помешать тебе отсюда выбраться. Вторая проблема: ты несовершеннолетний, а значит, ходишь под Оком.

— Под чем?..

— Под Оком, под Оком! — нетерпеливо повторил Шизоглаз. — Заклятием, которое выявляет магическую активность вокруг несовершеннолетних. Так министерство отслеживает юных любителей поколдовать. Если ты или кто-то рядом произнесет заклинание, чтобы вытащить тебя отсюда, Ретивс сразу об этом узнает. И Упивающиеся Смертью тоже. Но нам нельзя ждать, пока тебе исполнится семнадцать и Око закроется: одновременно спадет и защита твоей матери. Короче, Донельз Ретивс уверен, что тебе от них не уйти.

Гарри оставалось лишь согласиться с неизвестным ему Ретивсом.

— А что делать?

— А что нам остается? То, что не видно Оку: метлы, тестрали, мотоцикл Огрида. Для них заклинания не нужны: сел и поехал.

В плане были просчеты, но Гарри пока придержал язык: может, Шизоглаз сам о них скажет.

– Итак. Материнские чары спадают в двух случаях: либо когда ты достигаешь совершеннолетия, либо когда этот дом, – Хмури обвел рукой идеально чистую кухню, – перестает быть твоим. Сегодня твои с родственниками пути разошлись, и все вы понимали, что вам больше не жить вместе, верно? – (Гарри кивнул.) – Значит, теперь, стоит тебе выйти за радиус действия материнской защиты, она спадет. Мы решили снять ее раньше – не ждать же, пока Сам-Знаешь-Кто схватит тебя в день семнадцатилетия. У нас лишь одно преимущество: Сам-Знаешь-Кто не знает, что тебя перевозят сегодня. Для министерства мы запустили утку: там думают, что до тридцатого ты сидишь тут и не рыпаешься. Однако противник наш не абы кто, и мы не можем рассчитывать на его легкоеверие; наверняка парочка Упивающихся Смертью сейчас патрулирует небо над окрестностями. Поэтому мы выбрали двенадцать домов и обложили их всеми мыслимыми защитными заклинаниями. Все будут смахивать на твое убежище, все так или иначе связаны с Орденом: мой дом, дом Кингсли, дом Мюриэль, тетушки Молли... Короче, понял?

– Да, – ответил Гарри без особой убежденности: он по-прежнему видел в этом плане зияющую дыру.

– Ты отправишься к родителям Бомс. А там, в зоне действия защитных заклинаний, на портшлюсе переберешься в «Гнездо». Вопросы есть?

– Э-э... да, – кивнул Гарри. – Даже если сейчас им неизвестно, в какой из двенадцати домов меня перевозят, они разве не... догадаются, когда мы толпой в... – он быстро всех пересчитал, – четырнадцать человек подлетим к дому родителей Бомс?

– А, – сказал Хмури, – я же самое главное забыл. Мы не полетим всей толпой к родителям Бомс. У нас будет семь Гарри Поттеров, и каждый с отдельным сопровождающим отправится в свое убежище.

Хмури достал из-под плаща фляжку с какой-то жидкой грязью – и Гарри сразу все понял.

– Нет! – воскликнул он. Голос звенящим эхом прокатился по кухне. – Ни за что!

– А я и говорила, что ты будешь против, – с некоторым торжеством сообщила Гермиона.

– Думаете, я позволю, чтобы шесть человек рисковали из-за меня жизнью!..

– Поскольку нам это, конечно, впервой... – перебил Рон.

– Это другое! Превращаться в меня...

– Естественно, кому понравится, – серьезно согласился Фред. –

Вдруг чего, и мы навсегда останемся тощими очкариками?

Гарри даже не улыбнулся.

– У вас ничего не выйдет, я не дам волосы!

– Ну все, хана плану! – сокрушенно покачал головой Джордж. – Без твоего согласия нам их не раздобыть.

– Ага, нас ведь всего-навсего тринадцать против одного, которому нельзя колдовать... Шансов – просто ноль, – ухмыльнулся Фред.

– Очень смешно, – сказал Гарри. – Обхохочешься.

– Если потребуется, мы применим силу, – пророкотал Хмури. Его волшебный глаз слегка подрагивал в глазнице, глядя на Гарри. – Мы здесь все взрослые и готовы рисковать.

Мундугнус, пожав плечами, скроил морду; волшебный глаз, перекатившись вбок, гневно на него воззрился.

– Хватит спорить. Время на исходе. Давай, парень, нам нужны твои волосы.

– Но это же бред, зачем...

– Зачем? – взревел Хмури. – Поттер, Сам-Знаешь-Кто на тебя охотится и полминистерства на его стороне! Может, он и проглотил утку про тридцатое число, но был бы полным придурком, если б не выставил одного-двух Упивающихся Смертью за тобой послеживать! Я бы точно так сделал. Да, здесь им тебя не достать, но материнская защита скоро спадет, а местоположение дома им более или менее известно. Так что обманки – наш единственный шанс. Даже Сам-Знаешь-Кому не под силу разделиться на семь частей.

Гарри поймал взгляд Гермионы и тотчас отвел глаза.

– В общем, Поттер... Несколько волосинок, будь любезен.

Гарри посмотрел на Рона. Тот ответил гримаской: мол, давай, все равно не отвертишься.

– Ну! – рывкнул Хмури.

Гарри под взглядами всех присутствующих ухватился за волосы на макушке и дернул.

– Молодец. – Хмури, хромая, подошел к нему и вытащил пробку из фляжки с зельем. – Сюда, пожалуйста.

Гарри бросил волосы в грязное месиво. Зелье вспенилось, задымилось и внезапно стало ярко-золотым.

– Ого, Гарри, а ты на вид повкуснее Краббе и Гойла, – сказала Гермиона, но, заметив, как Рон поднял брови, покраснела и спешно пояснила: – В смысле... Зелье Гойла было как сопли.

– Хорошо, теперь лже-Поттеры. В очередь, пожалуйста, – приказал Хмури.

Рон, Гермиона, Фред, Джордж и Флёр выстроились в ряд перед ослепительно-белой раковиной тети Петунии.

– Одного не хватает, – объявил Люпин.

– Вот он. – ОGRID за шиворот поднял Мундугнуса и втиснул его рядом с Флёр. Та демонстративно сморщила нос, отошла и встала между Фредом и Джорджем.

– Я ж просил, мне б в охрану, – буркнул Мундугнус.

– Заткнись, – рыкнул Хмури. – Слизняк бесхребетный! Сто раз объяснял: Упивающимся Смертью нужно поймать Поттера, а не убить. Думбльдор всегда говорил, что Сам-Знаешь-Кто захочет лично прикончить Гарри. Бояться надо как раз охранникам, их жизнь точно под угрозой.

Мундугнуса это не слишком убедило, но Хмури уже достал шесть рюмок, раздал их и разлил всеэссенцию.

– Поехали, дружно...

Рон, Гермиона, Фред, Джордж, Флёр, Мундугнус выпили и разом начали задыхаться, корчиться. Их лица запузырились и принялись менять очертания, как горячий воск. Гермиона и Мундугнус вытянулись, Рон и близнецы съежились, их волосы стали темнеть, а у Гермионы и Флёр – словно бы втягиваться в голову.

Хмури тем временем невозмутимо развязывал тюки. Когда он выпрямился, перед ним стояло шесть задыхающихся Гарри Поттеров.

Фред и Джордж повернулись друг к другу и хором воскликнули:

– Гляньте-ка! Мы одинаковые!

– Не знаю, по-моему, я все-таки симпатичней, – заметил Фред, разглядывая свое отражение в чайнике.

– Ой, – сказала Флёр, посмотревшись в дверцу микроволновой печи. – Билль, не смотги на меня, это какой-то кошмаг.

– Кому одежда велика, берите поменьше. – Хмури указал на первый мешок. – И наоборот. Да, не забудьте очки, в боковом кармане

шесть пар. Когда оденетесь, в другом мешке возьмете багаж.

Настоящий Гарри подумал, что, пожалуй, в жизни не видел зрелища безумнее – а он успел навидаться всякого. У него на глазах шесть одинаковых Гарри рылись в тюках, переодевались, цепляли на нос очки, складывали вещи. Ему хотелось потребовать к себе уважения – как легко они выставляют напоказ его тело! Со своим бы небось постеснялись.

– Я так и знал, что Джинни наврала про татуировку, – сказал Рон, оглядев свою голую грудь, а Гермiona, едва надев очки, изрекла:

– Гарри, у тебя и правда ужасное зрение.

Шесть лже-Гарри, одевшись, взяли из второго тюка по рюкзаку и клетке с чучелом совы.

– Отлично, – одобрил Хмури, когда перед ним наконец предстал последний Гарри. – Сейчас разобьемся на пары. Гнус, ты летишь со мной на метле...

– С чевой-то? – буркнул Гарри, стоявший ближе всех к задней двери.

– С того, что за тобой глаз да глаз, – рявкнул Хмури, и его волшебный глаз сверлил Мундугнуса, даже когда сам Хмури уже переключился на другое: – Дальше... Артур и Фред...

– Я Джордж, – обиженно произнес близнец, на которого указывал Шизоглаз. – Неужто нас нельзя различить, даже когда мы оба Гарри?

– Прости, Джордж...

– Вообще-то прикалываюсь: я Фред...

– Хорош мугляка валять! – взорвался Хмури. – Так, второй... Фред, Джордж или кто ты там... В пару к Рему. Мисс Делакеёр...

– Флёр со мной на тестрале, – сказал Билл. – Она недолюбливает метлы.

Флёр подошла и встала рядом с женихом, не сводя с него обожающего, рабски покорного взгляда. Гарри от души понадеялся, что такое выражение появляется на его лице в первый и последний раз.

– Мисс Грейнджер с Кингсли тоже на тестрале...

Гермиона, явно успокоившись, ответила на улыбку Кингсли; Гарри знал, что она тоже не очень уверенно держится на метле.

– Значит, мы с тобой, Рон! – Бомс радостно махнула рукой и опрокинула сушилку для кружек.

Рон в отличие от Гермiony приуныл.

– А ты со мной, Гарри. Не возражаешь? – немного озабоченно спросил Огрид. – На мотоцикле, яс'дело, – ни метла, ни тестраль меня не подымут... На сиденье ты со мной не уместись, придется в коляске, лады?

– Отлично, – ответил Гарри не вполне искренне.

– Упивающиеся Смертью наверняка ждут, что ты полетишь на метле, – объяснил Хмури, догадавшись, судя по всему, о чем думает Гарри. – У Злея была уйма времени, чтобы выложить о тебе всю подноготную, все, чего раньше не рассказывал. Так что, если мы и столкнемся с Упивающимися, они, скорее всего, погонятся за тем Поттером, который хорошо сидит на метле. Ну, порядочек. – Хмури завязал мешки с вещами и направился к двери. – Три минуты до старта. Дверь запирать незачем: Упивающихся Смертью этим не остановишь... Пошли...

Гарри забрал из прихожей рюкзак, «Всполох» и клетку и вместе с остальными вышел в темный сад. Метлы повскакивали с земли прямым ходом в руки седоков, Кингсли усадил Гермиону на черного тестраля, Билл помогал Флёр. Огрид в защитных очках ждал около мотоцикла.

– Это тот самый? Мотоцикл Сириуса?

– Яс'дело, – просиял Огрид. – И когда мы прошлый раз на нем ездили, ты, Гарри, у меня в ладони помещался!

Сидеть в коляске было как-то стыдно: Гарри сразу оказался на несколько футов ниже других. Как будто ребенок в игрушечной машинке. Рон, увидев его, фыркнул. Гарри положил рюкзак и метлу в ноги, а клетку с Хедвигой поставил между колен. М-да. Ужасно тесно и неудобно.

– Артур тут маленько поколдовал. – Огрид, нисколько не замечая страданий Гарри, оседлал мотоцикл. Тот, хрустнув, просел колесами в землю. – И теперь наша лошадка обучена парочке новых фокусов. Зато это вот – моя придумка.

Огрид толстым пальцем указал на фиолетовую кнопку рядом со спидометром.

– Огрид! Осторожней! – воскликнул мистер Уизли, стоявший неподалеку с метлой в руке. – Я до сих пор не уверен, что ею стоит пользоваться. Но если и да, то лишь в самом крайнем случае.

– Ну что, готовы? – спросил Хмури. – Стартуем одновременно, иначе все наши старания насмарку.

Все оседлали метлы.

– Держись крепче, Рон, – сказала Бомс. Рон виновато глянул на Люпина и обхватил Бомс за талию. Огрид толчком завел мотоцикл. Тот взревел как дракон, и коляска заходила ходуном.

– Удачи всем! – крикнул Хмури. – Встречаемся где-то через час в «Гнезде». На счет три: раз... два... ТРИ!

Мотор оглушительно рыкнул, и коляску неприятно трянуло: они взвились в небо. У Гарри заслезились глаза, ветер растрепал волосы. Мимо неслись вверх метлы, промелькнул длинный черный хвост тестраля. Ноги Гарри, придавленные клеткой и рюкзаком, болели и начинали неметь. Было настолько неудобно, что Гарри забыл бросить прощальный взгляд на дом № 4 по Бирючинной улице, а вспомнив и выглянув из коляски, не сумел различить, с каким из домов полагается прощаться. Они поднимались выше, выше...

И вдруг – из ничего, ниоткуда – их окружили. Минимум тридцать человек в капюшонах повисли в воздухе широким кольцом, в котором оказались ни о чем не подозревавшие члены Ордена...

Крики, зеленые вспышки со всех сторон: Огрид заорал, и мотоцикл перевернулся. Гарри сразу перестал понимать, где они и что происходит. Уличные фонари над головой, отовсюду вопли. Он из последних сил вцепился в коляску. Клетка, «Всполох», рюкзак выскользнули...

– Нет!.. ХЕДВИГА!

Метла штопором полетела вниз, но клетку за кольцо и рюкзак за лямку Гарри успел ухватить – и тут мотоцикл перевернулся как надо. Секунда радости – и новая зеленая вспышка. Сова, пронзительно вскрикнув, упала на дно клетки.

– Нет... НЕТ!

Мотоцикл рванул вперед. Огрид пробил оцепление Упивающихся Смертью – Гарри краем глаза видел, как их раскидало.

– Хедвига... *Хедвига*...

Сова, жалкая, неподвижная, как игрушка, лежала на полу клетки. Сознание Гарри отказывалось принять ее гибель, ему было смертельно страшно за остальных. Он обернулся. Толчея в воздухе; мелькание

зеленых вспышек, две пары людей, улетающих прочь на метлах, – непонятно, кто именно...

– Огрид, поворачивай, поворачивай! – завопил Гарри, перекрывая рев мотора, и выхватил волшебную палочку. Клетку с Хедвигой он втиснул на пол коляски – не мог поверить, что птица мертва. – Огрид, НАЗАД!

– Еще чего! У меня приказ! Доставить в целости и сохранности! – Огрид прибавил ходу.

– Стой... СТОЙ! – закричал Гарри, но, когда посмотрел назад, мимо левого уха пронеслись две зеленые молнии. Четверо Упивающихся Смертью гнались за ними, целясь в широкую спину Огрида. Тот уворачивался, но преследователи не отставали. Вслед мотоциклу летели проклятия, и Гарри вжался в коляску. Затем, изогнувшись, прицелился и крикнул:

– Обомри!

Четверка Упивающихся Смертью распалась, шарахнувшись от красного светового заряда.

– Гарри, держись, сейчас мы им покажем! – взревел Огрид и толстым пальцем надавил зеленую кнопку рядом с топливомером.

Выхлопная труба извергла стену – настоящую стену из кирпича. Гарри, вытянув шею, увидел, как стена распахивается в воздухе. Трое Упивающихся Смертью успели ее обогнуть, но четвертому повезло меньше. Он исчез из виду, а затем появился под стеной – без сознания стремительно летел вниз вместе с обломками метлы. Один Упивающийся Смертью замедлил ход – очевидно, чтобы спасти соратника, – но и его, и стену поглотил мрак: Огрид налег на руль и прибавил газу.

Мимо головы Гарри летели убийственные проклятия. Двое оставшихся преследователей целили в Огрида. Гарри послал в ответ сногшибатели. Красные и зеленые вспышки, столкнувшись в воздухе, разлетелись миллионами разноцветных искр, и Гарри нелепо подумал о фейерверках; муглы внизу не знают, что здесь происходит...

– Еще разок, Гарри, держись! – заорал Огрид, нажимая вторую кнопку.

На сей раз из выхлопной трубы вырвалась гигантская сеть, но Упивающиеся Смертью были готовы – они увернулись, и к тому же из темноты вынырнул третий, тот, что отстал, подбирая бесчувственного

товарища. Теперь они гнались за мотоциклом втроем, непрерывно паля проклятиями.

– Вот я вас! Не уйдешь! Гарри, держись крепче! – Огрид ладонью плашмя саданул по фиолетовой кнопке.

С животным ревом, который ни с чем не спутаешь, из выхлопной трубы вырвалось раскаленное бело-синее драконье пламя. Мотоцикл, страшно заскрежетав, пулей рванул вперед. Упивающиеся Смертью, раскиданные огнем, куда-то пропали, но в тот же миг Гарри почувствовал, как затряслась коляска: металлические крепления, соединявшие ее с мотоциклом, лопались от большой скорости.

– Нормалек, Гарри! – вопил Огрид, которого встречным ветром практически распластало навзничь по сиденью. Он уже не управлял мотоциклом, и коляску швыряло из стороны в сторону. – Не бойсь, я в момент починю! – И он выхватил из кармана куртки розовый цветастый зонтик.

– Огрид! Нет! Лучше я!

– РЕПАРО!

С оглушительным грохотом коляска оторвалась от мотоцикла. По инерции она еще летела вперед, но быстро теряла высоту...

В отчаянии Гарри указал палочкой на коляску и прокричал:

– Вингардиум Левиоза!

Коляска пробкой взмыла вверх и закачалась, будто на воде, – неуправляема, но хоть не падает. Гарри слегка успокоился, но ненадолго: мимо опять понеслись проклятия. Трое Упивающихся Смертью настигали его.

– Я тут, Гарри! Я сейчас! – раздался из темноты вопль Огрида, но коляска снова начала спускаться. Пригнувшись как можно ниже, Гарри направил палочку на преследователей и крикнул:

– Импедимента!

Заклинание ударило в грудь среднему Упивающемуся Смертью, и на миг он, словно шмякнувшись о невидимый забор, нелепо распластался и завис в воздухе, а один из соратников чуть с ним не столкнулся...

Коляска камнем пошла вниз. Очередное проклятие пролетело так близко, что Гарри поспешно пригнулся и о край сиденья выбил зуб...

– Я тут, Гарри, туточки!

Огромная рука за шиворот вытащила Гарри из падающей коляски. Гарри подхватил рюкзак и, подтянувшись, оказался на заднем сиденье мотоцикла спиной к Огриду. Они взвились, прочь от двух Упивающихся Смертью. Гарри выплюнул кровь и, направив палочку вслед коляске, прокричал:

– Конфринго!

Коляска взорвалась, и у Гарри все заболело внутри при мысли о Хедвиге. Ближний Упивающийся Смертью полетел вниз – взрывом его сбросило с метлы, – а напарник повернул назад и тоже растворился во мраке.

– Гарри, прости, прости, – стонал Огрид. – Нечего мне было соваться с починкой... теперь тебе и сидеть негде...

– Все нормально, ты, главное, не останавливайся! – крикнул Гарри в ответ. Из темноты вынырнули и стремительно приближались еще двое Упивающихся Смертью.

Проклятия посыпались градом. Огрид, уворачиваясь, выписывал в воздухе зигзаги. Фиолетовой кнопкой он пользоваться боялся: слишком уж ненадежно держался на сиденье Гарри, который палил сногшибателями, еле сдерживая натиск преследователей. Самый ближний уклонился от порчи-помехи, капюшон соскользнул у него с головы, и в красном свете собственного сногшибателя Гарри узнал странно безучастное лицо Стэнли Самосвальта... Стэна...

– Экспеллиармус! – закричал Гарри.

– Это он! Он! Настоящий!

Колдун в капюшоне вопил так, что слышно было даже сквозь рев мотора. А через секунду оба преследователя развернулись и исчезли.

– Гарри, чего такое?! – заорал Огрид. – Куда они делись?

– Не знаю!

Но Гарри испугался. Упивающийся Смертью крикнул: «Настоящий!» Как он догадался? Гарри тревожно взгляделся в черную грозную пустоту. Где они все?

Он развернулся и сел лицом вперед, вцепившись в куртку Огрида.

– Огрид, давай опять драконье пламя, нужно сматываться!

– Тогда держись крепче!

Грохот, рев, бело-синий огонь. Гарри поволокло назад, Огрида тоже, он едва удержал руль...

– Кажись, оторвались!

Но Гарри не был так уверен и, цепенея от страха, озирался: наверняка преследователи снова появятся... Почему они отстали? У одного еще оставалась волшебная палочка... «Это он... настоящий...» Они догадались сразу после того, как он попытался обезоружить Стэна...

– Мы почти на месте! Почти! – крикнул Огрид.

Гарри почувствовал, что мотоцикл понемногу снижается, хотя огоньки, мерцавшие на земле, были по-прежнему далеки, будто звезды.

И вдруг шрам на лбу Гарри запылал огнем; Упивающиеся Смертью выросли с обеих сторон, и два убийственных проклятия, посланных сзади, миновали его лишь чудом...

А потом Гарри увидел его. Вольдеморт парил в воздухе дымным облаком на ветру – без метлы, без тестраля, – и его змеиное лицо светилось в темноте, а белые пальцы поднимали волшебную палочку...

Огрид взвыл от ужаса и ушел в пике. Гарри, изо всех сил цепляясь за его куртку, наугад палил сногшибателями в клубящуюся тьму. Одно заклятие достигло цели: мимо пронеслось бесчувственное тело. А затем – взрыв, из двигателя посыпались искры; мотоцикл, окончательно потеряв управление, устремился вниз...

Замелькали зеленые вспышки; уже непонятно, где земля, где небо. Шрам горел, и Гарри в любую секунду ждал смерти. В считанных футах от них на метле завис человек в капюшоне. Гарри увидел, как он поднимает руку...

– НЕТ!

С неистовым криком Огрид прыгнул с мотоцикла прямо на Упивающегося Смертью. Гарри в ужасе смотрел, как они летят вниз – метла не выдержала такой тяжести...

С трудом сжимая падающий мотоцикл коленями, Гарри услышал крик Вольдеморта:

– *Он мой!*

Кончено. Гарри не видел, не слышал Вольдеморта, только заметил какого-то Упивающегося Смертью, метнувшегося прочь с дороги, и услышал:

– Авада...

От чудовищной боли во лбу Гарри зажмурился, но тут его волшебная палочка стала действовать сама по себе. Она, как магнитом, подняла и повела в сторону его руку, и сквозь полузакрытые веки Гарри увидел золотую огненную струю. Послышался треск, затем вопль ярости. Упивающийся Смертью закричал. Вольдеморт взвыл:

– *Нет!*

Непонятно как перед носом Гарри очутилась фиолетовая кнопка. Он шваркнул по ней свободной рукой, и мотоцикл, изрыгнув вверх пламя, с бешеной скоростью понесся к земле.

– Огрид! – позвал Гарри, отчаянно цепляясь за мотоцикл. – Огрид... Ацию Огрид!

Мотоцикл все быстрее мчался вниз. Гарри, прильнув к рулю, видел одни лишь стремительно приближающиеся огоньки. Все, сейчас он разобьется, и ничего нельзя сделать. Сзади опять послышался вопль...

– *Палочку, Сельвин, дай палочку!*

Он почувствовал Вольдеморта раньше, чем разглядел. Повернул голову, встретил его красный взгляд. Вот последнее, что он увидит в жизни: Вольдеморта, который снова готовится его убить...

Но Вольдеморт вдруг исчез. Гарри посмотрел вниз, и оказалось, что он падает прямо на распластанного по земле Огрида. Чтобы избежать столкновения, Гарри рванул руль, ударил по тормозам – и с оглушительным, все вокруг сотрясшим грохотом рухнул в грязный пруд.

Глава пятая

Павший воин

– Огрид?

Вокруг – обломки металла, ошметки кожаного сиденья... Гарри собрался с силами и попробовал приподняться, но руки увязли в глинистой жиже. Он не понимал, куда исчез Вольдеморт, и в любой момент ждал нападения. Со лба и по подбородку стекало что-то горячее. Гарри выполз из воды и, шатаясь, поковылял к черной бесформенной глыбе на берегу.

– Огрид? Огрид, скажи что-нибудь...

Но глыба не шелохнулась.

– Кто здесь? Поттер? Ты – Гарри Поттер?

Мужской голос, незнакомый. Женский крик:

– Они упали, Тед! Упали в сад!

Перед глазами у Гарри все плыло.

– Огрид, – бессмысленно повторил он и рухнул.

Очнулся он уже на каких-то подушках. Ребра и правую руку жгло огнем. Выбитый зуб вырос заново. Шрам во лбу разрывало от боли.

– Огрид?

Гарри открыл глаза и увидел, что лежит на диване в незнакомой освещенной гостиной. Рядом на полу валялся его рюкзак, мокрый и грязный.

– С Огридом все в порядке, сынок, – сказал светловолосый пузатый мужчина, встревоженно склоняясь над Гарри. – Жена им сейчас занимается. А ты как? Что-нибудь еще сломано? Ребра, зуб и руку я вылечил. Да, кстати, я – Тед. Тед Бомс – отец Доры.

Гарри сел – слишком резко. В глазах замерцали огни; голова закружилась; затошнило.

– Вольдеморт...

– Тише, тише. – Тед Бомс твердой рукой уложил Гарри обратно. – Ты только после аварии. Что, кстати, случилось? Мотоцикл забарахлил? Опять Артур Уизли чего-то перемудрил?

– Нет, – ответил Гарри. Шрам пульсировал, как открытая рана. – Упивающиеся Смертью... Много... гнались...

– Упивающиеся Смертью? – вскинулся Тед. – Как так? Они ведь не знали, что тебя переправляют сегодня! Я думал...

– Они знали, – сказал Гарри.

Тед Бомс посмотрел в потолок, будто вглядываясь сквозь него в небо.

– Ну а мы зато знаем, что наши защитные чары на месте. Сюда на сто ярдов ниоткуда не подступиться.

Теперь ясно, почему исчез Вольдеморт: мотоцикл пересек границу защитного поля Ордена. Надо надеяться, что оно сохранится... Гарри представил, как в ста ярдах над ними Вольдеморт без толку тычется в огромный прозрачный пузырь.

Гарри спустил ноги с дивана; он должен своими глазами убедиться, что Огрид жив. Однако не успел он встать, как дверь открылась и в проем втиснулся Огрид, окровавленный, грязный, прихрамывающий, но – чудо из чудес! – живой.

– Гарри!

Опрокинув два шатких столика и аспидистру, Огрид в два шага пересек гостиную, сгреб Гарри в охапку и едва не сломал ему ребра снова.

– Вот это да, Гарри, это ж надо ж... Выбрался? Я думал, нам крышка.

– Я тоже. Прямо не верю...

Гарри осекся: он только сейчас заметил женщину, которая вошла в комнату вслед за Огридом.

– Ты! – закричал он и сунулся в карман, но там было пусто.

– Вот твоя палочка, сынок, – сказал Тед, похлопав ею Гарри по руке. – Валялась около тебя, я поднял... А кричишь ты, кстати, на мою жену.

– Ой... Простите...

Чем ближе подходила миссис Бомс, тем меньше становилось ее сходство с сестрой Беллатрикс: волосы светло-каштановые, глаза больше и, главное, добрые. Тем не менее после выхода Гарри держалась она слегка надменно.

– Что с нашей дочерью? – спросила она. – Огрид говорит, вы попали в засаду; где Нимфадора?

– Не знаю, – ответил Гарри. – Мы не знаем про остальных.

Тед с женой переглянулись, и у Гарри внутри все сжалось от страха и раскаяния: если кто-то погиб, виноват он, он один. Зачем согласился на эту авантюру, зачем дал свои волосы...

– Портшлюс! – вдруг вспомнил он. – Нам надо в «Гнездо», мы там выясним... И пришем известие... Или сама Бомс, как только...

– С Дорой все будет хорошо, Дромеда, – успокоил Тед. – Она свое дело знает, не первый день в аврорах. Бывала в переделках. Портшлюс здесь, – сказал он Гарри. – Отправление через три минуты, если вам интересно.

– Да, конечно. – Гарри вскинул рюкзак на плечо. – Я...

Он смотрел на миссис Бомс и хотел попросить прощения за то, что оставляет ее в такой тревоге, заверить, что он сознает свою ответственность и ему очень, очень жаль, – но все слова, приходившие на ум, казались пустыми и неискренними.

– Я передам Бомс – Доре, – чтобы послала весточку, когда... Спасибо, что подлечили, и за помощь, за все! Я...

Он рад был уйти и вслед за Тедом Бомсом по короткому коридору прошагал в спальню. Огрид вошел следом, сильно пригнувшись, чтобы не удариться головой о косяк.

– Вот, сынок. Портшлюс. – Мистер Бомс показал на маленькую, в серебряной оправе расческу на туалетном столике.

– Спасибо. – Гарри пальцем потянулся к расческе.

– погоди, – остановил его Огрид, озираясь. – А где Хедвига?

– Ее... убили, – едва сумел выговорить Гарри.

На него вдруг обрушилось осознание ее гибели, и глаза, к его стыду, наполнились слезами. Хедвига была верным товарищем и единственной связью с колдовским миром, когда приходилось возвращаться к Дурслеям.

Огрид гигантской ладонью больно похлопал его по плечу.

– Ничего, – проворчал он. – Ничего. Она хорошую жизнь прожила...

– Огрид! – предостерег Тед Бомс: расческа уже засветилась ярко-синим, и Огрид еле успел прижать к ней палец.

Что-то сильно дернуло Гарри изнутри за пупок и, закрутив, как на невидимой удочке потащило вперед, в пустоту. Палец будто приклеился к портшлюсу. Гарри и Огрида унесло прочь от мистера

Бомса, а секундой позже ноги Гарри ударились о землю, и он рухнул на четвереньки во дворе «Гнезда». Послышались крики. Гарри отбросил потухшую расческу, встал, слегка пошатываясь, и увидел, как из задней двери выбегают миссис Уизли и Джинни, а рядом грузно поднимается с земли Огрид.

– Гарри? Ты настоящий? Что случилось? Где все? – кричала миссис Уизли.

– А что? Еще никто не вернулся? – задыхаясь, спросил Гарри.

Ответ был предельно ясен – так побледнела миссис Уизли.

– Упивающиеся Смертью нас ждали, – сказал Гарри. – Окружили сразу, еще на старте... Как-то вывели, что переброска сегодня... И мне ничего не известно про остальных. За нами гнались четверо, мы еле спаслись, а потом появился Вольдеморт...

Он явственно слышал в своем голосе самооправдание, мольбу понять, почему он ничего не знает о судьбе ее сыновей, но...

– Какое счастье, что ты цел! – Миссис Уизли обняла его, но ему казалось, что он такого не заслуживает.

– Молли, у тебя, случаем, бренди нет? – надтреснутым голосом поинтересовался Огрид. – Подлечиться?

Она могла бы призвать бренди колдовством, но поспешила к кособокому домику сама. Прячет лицо, догадался Гарри. Он повернулся к Джинни, и та сразу ответила на его безмолвный вопрос:

– Рон и Бомс должны были вернуться первыми, но не успели к портшлюсу, он пришел без них. – Она указала на валявшуюся поблизости ржавую масленку с носиком. – А это, – она кивнула на парусиновую туфлю, – по идее папа и Фред, им полагалось вернуться вторыми. Вы с Огридом третьи и, – Джинни глянула на часы, – Джордж с Люпином, если все сложится, должны быть здесь примерно через минуту.

Миссис Уизли вернулась и вручила Огриду бренди. Тот вытащил пробку и опустошил бутылку залпом.

– Мама! – закричала Джинни и ткнула пальцем в синюю точку, засветившуюся во мраке. Та становилась больше, ярче, и скоро они увидели Люпина и Джорджа, которые, вращаясь, плюхнулись на землю. Гарри сразу понял: что-то не так. Люпин поддерживал Джорджа – тот был без сознания, лицо все в крови.

Гарри подбежал, подхватил его за ноги. Вместе с Люпином они занесли Джорджа через кухню в гостиную и положили на диван. Свет лампы упал на голову раненого, и Джинни в ужасе охнула, а у Гарри подвело живот: у Джорджа было оторвано ухо. Полголовы и шея влажно, жирно блестели от алой крови.

Миссис Уизли склонилась над сыном, а Люпин схватил Гарри за плечо и грубо выволок обратно в кухню, где Огрид никак не мог протиснуться в заднюю дверь.

– Эй! – негодуя крикнул великан. – Пусти-ка его! Отпусти Гарри!

Люпин не обратил на него ни малейшего внимания.

– Что за существо сидело в углу, когда Гарри Поттер впервые зашел в мой кабинет в «Хогварце»? – спросил он, встряхнув Гарри. – Отвечай!

– За... загрыбаст в аквариуме?

Люпин отпустил его и прислонился к буфету.

– Что за шуточки? – возмутился Огрид.

– Прости, Гарри, я должен был проверить, – отрывисто объяснил Люпин. – Среди нас предатель. Про сегодняшнюю переброску Вольдеморту мог узнать только от тех, кто лично участвовал в разработке плана. Вдруг бы ты оказался не ты, а самозванец?

– А меня чего ж не проверяешь? – пропыхтел Огрид, так пока и не одолев дверной проем.

– Ты полугигант, – ответил Люпин. – А всеэссенция действует только на людей.

– Никто из Ордена не мог нас предать, – сказал Гарри. Самая мысль об этом ужасала: он не мог себе такого представить. – Вольдеморт настиг меня только под конец – вначале он не понимал, за кем гнаться. А если б его посвятили в план, он знал бы, что я лечу с Огридом.

– Вольдеморт тебя преследовал? – напрягся Люпин. – Как? Что случилось? Как вы спаслись?

Гарри коротко рассказал, как Упивающиеся Смертью узнали его, а потом отстали и, очевидно, вызвали Вольдеморта, который появился, когда до защищенного дома родителей Бомс было уже рукой подать.

– Они тебя узнали? Но как? Что ты сделал?

– Я... – Гарри мучительно задумался; страшный полет вспоминался словно в тумане паники и сумятицы. – Я увидел Стэна Самосвальта... кондуктора «ГрандУлета», помните? И попытался его обезоружить, а не... Но он ведь не понимал, что творит. Он наверняка под проклятием подвластия.

Люпин уставился на него в ошеломлении:

– Обезоружить? Гарри, те времена прошли! Тебя хотят поймать и убить! Если не готов убивать, хотя бы сшибай!

– Мы были очень высоко! А Стэн не в себе, и если б я его сшиб, он бы упал и разбился – чем это лучше «Авада Кедавра»? И кстати, «экспеллиармус» два года назад прекрасно спас меня от Вольдеморта, – вызываяще добавил Гарри. Люпин напомнил ему нагловатого хуффльпуффца Захарию Смита: тот тоже насмеялся, когда Гарри обучал «Думбльдорову армию» разоружному заклятию.

– Да, – с видимым трудом сохраняя спокойствие, ответил Люпин. – И многие Упивающиеся Смертью это видели! Прости, но это и тогда было странновато – под угрозой гибели-то. А поступить так снова на глазах людей, которые знают или слышали о том случае, – в сущности, просто самоубийство!

– Что же мне, надо было убить Стэна? – сердито буркнул Гарри.

– Конечно нет, – ответил Люпин. – И все-таки Упивающиеся Смертью – да, честно говоря, кто угодно, – ждали бы от тебя ответа посерьезнее! «Экспеллиармус» – заклинание бесспорно полезное, но наши враги, наверное, уже думают, что ты ничего другого и не умеешь! И я настоятельно прошу тебя – не допусти, чтоб они оказались правы!

Гарри почувствовал себя идиотом, но гнев его еще не остыл.

– Я не стану убивать людей просто так, только чтобы смести их с пути, – заявил он. – Это по Вольдемортовой части.

Люпин хотел возразить, но тут под Огридом, который наконец протиснулся в дверь и сел, обвалился стул. Гарри, не обращая внимания на его извинения и ругательства, спросил Люпина:

– Джордж поправится?

Люпин сразу перестал злиться.

– Надеюсь. Хотя шансов восстановить ухо нет: его ведь отрезало проклятием...

Снаружи слышался шум. Люпин кинулся к двери. Гарри, перепрыгнув через ноги Огрида, выбежал во двор.

Там появились двое. Гарри кинулся к ним и на бегу понял, что это Гермиона, постепенно принимающая свое нормальное обличие, и Кингсли. Оба держались за погнутую вешалку. Гермиона бросилась обнимать Гарри, зато Кингсли не выказал никакой радости встречи. Поверх плеча Гермионы Гарри увидел, что Кингсли выхватил волшебную палочку и нацелил ее в грудь Люпина.

– Последние слова, которые сказал нам с тобой Альбус Думбльдор?

– «Гарри – наша главная надежда. Верьте ему», – спокойно ответил Люпин.

Кингсли направил палочку на Гарри, но Люпин сказал:

– Это он, он! Я проверил.

– Ладно, ладно. – Кингсли убрал палочку в карман плаща. – Но кто-то нас предал! Они знали, знали про сегодня!

– Похоже на то, – отозвался Люпин, – но, судя по всему, не догадывались, что Гарри будет семеро.

– Слабое утешение! – огрызнулся Кингсли. – Кто уже вернулся?

– Только Гарри с Огридом и мы с Джорджем.

Гермиона прикрыла рот рукой, подавляя стон.

– Что было у вас? – спросил Люпин.

– Нам на хвост сели пятеро. Двое ранены, один, возможно, убит, – доложил Кингсли. – А еще мы видели Сам-Знаешь-Кого. Появился где-то на полпути, но довольно быстро исчез. Рем, он умеет...

– Летать, – закончил за него Гарри. – Я тоже его видел, он преследовал нас с Огридом.

– Так вот куда он делся: погнался за вами, – сказал Кингсли. – А я все не мог понять, почему он отвалился. Но с чего вдруг?..

– Гарри слишком церемонился со Стэном Самосвальтом, – объяснил Люпин.

– Со Стэном? – повторила Гермиона. – Я думала, он в Азкабане?

Кингсли безрадостно рассмеялся:

– Явно был массовый побег, но министерство о нем помалкивает. По идее и Трэверс в тюрьме, а я его видел – у него капюшон слетел от моего проклятия. Но вы-то как, Рем? Где Джордж?

– Остался без уха, – сообщил Люпин.

– Что?.. – ахнула Гермиона.

– Спасибо Злею, – сказал Люпин.

– Злею?! – вскричал Гарри. – Вы не говорили...

– Во время погони у него упал капюшон. И «сектумсемпра» – его коронный номер. Рад бы сказать, что сполна ему отплатил, но увы: я только и сумел, что удержать Джорджа на метле, он слишком быстро терял кровь.

Все четверо замолкли и устремили глаза к небу. Никакого движения. Только звезды, безразличные, немигающие – и хоть бы часть из них заслонили силуэты друзей! Где Рон? Где Фред с мистером Уизли? Где Билл, Флёр, Бомс, Шизоглаз, Мундугнус?

– Гарри, помоги-ка! – сипло позвал Огрид, который опять застрял в двери. Гарри, радуясь хоть какому-то занятию, подтолкнул его, а потом через пустую кухню прошел в гостиную. Миссис Уизли и Джинни хлопотали над Джорджем. Миссис Уизли остановила кровотечение, и в свете лампы Гарри увидел в голове Джорджа зияющую дыру.

– Как он?

Миссис Уизли обернулась.

– Ухо не вернуть – это черная магия. Но могло быть куда хуже... Главное, он жив.

– Да, – сказал Гарри. – Главное.

– Во дворе кто-то еще, да? – спросила Джинни.

– Гермiona и Кингсли, – подтвердил Гарри.

– Хвала небесам, – прошептала Джинни. Они посмотрели друг на друга. Гарри захотелось обнять ее, прижать к себе, и его не смущало даже присутствие миссис Уизли, но он не успел поддаться чувствам – в кухне что-то оглушительно затрещало.

– Я докажу тебе, кто я, Кингсли, но сначала увижу своего сына, а пока прочь с дороги, если жизнь дорога!

Гарри впервые слышал, чтобы мистер Уизли так кричал. Блестя потной лысиной, в перекошенных очках, тот ворвался в гостиную, а следом влетел Фред – оба бледные, но невредимые.

– Артур! – зарыдала миссис Уизли. – Благодарение небу!

– Как он? – Мистер Уизли упал на колени возле Джорджа.

Впервые на памяти Гарри Фред не находил слов. Он молча смотрел поверх диванной спинки на своего близнеца и, видимо, никак не мог поверить глазам.

Появление брата и отца разбудило Джорджа. Он зашевелился.

– Как себя чувствуешь, милый? – шепотом спросила миссис Уизли. Джордж коснулся пальцами головы и пробормотал:

– Безунчиком.

– Что это с ним? – встревожился Фред. – Головой повредился?

– Бывает в жизни небезуха. – Джордж открыл глаза и посмотрел на брата. – А у меня безуха... Дотумкал, тупица?

Миссис Уизли расплакалась пуще прежнего. Побелевшее лицо Фреда вновь начало покрываться румянцем.

– Позорище, – укорил он Джорджа. – Стыдоба! В мире миллион шуток про уши, а ты выбрал самую убогую?

– Что уж теперь. – Джордж улыбнулся заплаканной матери. – Зато ты, мам, наконец-то сможешь нас различать. – Он огляделся. – Привет, Гарри... Ты ведь Гарри?

– Да, – ответил Гарри, подходя ближе.

– Хорошо хоть ты добрался благополучно, – сказал Джордж. – А где Рон и Билл? Почему не толпятся у постели больного?

– Они еще не вернулись, – ответила миссис Уизли, и улыбка исчезла с лица Джорджа.

Гарри посмотрел на Джинни и кивнул на дверь.

В кухне Джинни тихо произнесла:

– Рон и Бомс должны бы уже появиться. От тети Мюриэль до нас совсем недалеко.

Гарри молчал. До сей минуты ему кое-как удавалось сдерживать страх, но теперь тот одолел его, полз по коже, пульсировал в груди, не давал дышать. Они вышли во двор, в темноту, и Джинни взяла Гарри за руку.

Кингсли ходил взад-вперед и при развороте каждый раз взглядывал на небо. Гарри вспомнил, как когда-то, миллион лет назад, точно так же вышагивал по гостинной дядя Вернон. Огрид, Гермиона, Люпин стояли плечом к плечу, молча, напряженно устремив глаза вверх. Подошедших Гарри и Джинни никто словно и не заметил.

Минуты медленно превращались в года. При малейшем дуновении ветра все вздрагивали, а на шелест куста или дерева оборачивались с надеждой – вдруг оттуда, целый и невредимый, выскочит кто-нибудь из членов Ордена?..

Внезапно прямо над их головами появилась метла, стремительно приближавшаяся к земле...

– Они! – закричала Гермиона.

Бомс приземлилась долгим юзом, фонтаном разбрасывая за собой землю и камешки.

– Рем! – Отбросив метлу, Бомс кинулась в объятия Люпина. Тот был бледен и, казалось, от волнения онемел. Еле живой Рон поплелся к Гарри и Гермионе.

– Вы целы, – пробормотал он.

Гермиона бросилась к нему и крепко прижала к себе:

– Я думала... думала...

– Со мной все в порядке, – успокаивал Рон, похлопывая ее по спине. – Все отлично.

– Рон молодец, – с чувством сказала Бомс, отрывшись от Люпина. – Настоящий герой. Сшиб Упивающегося Смертью, прямо по башке попал, а с летящей метлы по движущейся цели...

– Правда? – Гермиона, обнимая Рона за шею, посмотрела на него изумленно.

– А тебя это, как всегда, удивляет? – ворчливо отозвался он и высвободился. – Мы последние?

– Нет, – ответила Джинни. – Еще ждем Билла с Флёр и Шизоглаза с Мундугнусом. Рон, я пойду скажу родителям, что с тобой все хорошо...

Она убежала в дом.

– Почему вы так задержались? Что случилось? – чуть ли не со злостью спросил Люпин у Бомс.

– Беллатрикс, – пояснила та. – Я ей нужна не меньше, чем Гарри, Рем, она очень старалась меня убить. Ничего, я до нее доберусь... За мной должок. Зато мы совершенно точно ранили Родольфа... Потом добрались до тети Мюриэль, только опоздали к портшлюсу, а она так суежилась...

У Люпина ходили желваки. Он кивал, но говорить не мог.

– Ну а у вас всех что? – спросила Бомс у остальных.

Те пересказали свои истории, но чем дольше не было Билла, Флёр, Шизоглаза и Мундугнуса, тем сильнее их всех, словно траву морозом, сковывало ледяным страхом, тем трудней становилось его не замечать.

– Я уже час как должен вернуться на Даунинг-стрит. Пойду, – сказал наконец Кингсли, в последний раз оглядев небо. – Дайте знать, когда они будут здесь.

Люпин кивнул. Кингсли, попрощавшись, направился к воротам и скрылся во тьме. Гарри показалось, что из-за забора донесся характерный тихий хлопок: Кингсли дезаппарировал.

Мистер и миссис Уизли сбежали по ступенькам, Джинни – следом. Родители обняли Рона и повернулись к Люпину и Бомс.

– Спасибо, – воскликнула миссис Уизли, – за наших сыновей!

– Что за глупости, Молли, – отмахнулась Бомс.

– Как Джордж? – спросил Люпин.

– А что такое? – встревожился Рон.

– Ему отре...

Но слова миссис Уизли заглушил общий громкий возглас: в нескольких футах от них внезапно приземлился тестраль. Билл и Флёр спешили, растрепанные, но совершенно невредимые.

– Билл! Какое счастье, какое счастье...

Миссис Уизли бросилась к сыну, и тот обнял ее, но быстро отстранился и, глядя в глаза отцу, сказал:

– Шизоглаз погиб.

Все застыли; все онемели. Гарри казалось, будто внутри что-то падает, падает, проваливается сквозь землю, исчезает навсегда.

– Мы видели, – продолжал Билл. Флёр кивнула. Следы слез на ее щеках поблескивали в свете из окон кухни. – Как только мы прорвали окружение. Шизоглаз и Гнус были рядом с нами, они тоже направлялись на север. Вольдеморт – он умеет летать – на них бросился. Мундугнус испугался, завопил и дезаппарировал, хотя Шизоглаз пытался его остановить. Проклятие Вольдеморта ударило Шизоглаза прямо в лицо, он упал с метлы и... Мы ничего не могли сделать, ничего, за нами гналось полдюжины Упивающихся Смертью...

У Билла сорвался голос.

– Конечно, вы ничего не могли сделать, – тихо произнес Люпин.

Все стояли и смотрели друг на друга. У Гарри не укладывалось в голове: Шизоглаз – погиб? Ерунда какая-то... Шизоглаз, доблестный воин, храбрец, всегда выходивший сухим из воды...

Наконец, хотя никто этого не сказал, стало ясно, что во дворе стоять смысла больше нет, и вслед за мистером и миссис Уизли все молча пошли в дом, в гостиную, где весело хохотали Фред и Джордж.

– Что? – спросил Фред, увидев их лица. – Что случилось? Кто?..

– Шизоглаз, – ответил мистер Уизли. – Погиб.

Лица близнецов исказил ужас. Никто не понимал, что надо делать. Бомс тихо плакала, закрываясь носовым платком. Гарри знал, что с Шизоглазом она дружила – была его любимицей и протеже в министерстве магии. Огрид, сидя в углу на полу – так он занимал меньше места, – вытирал глаза платком размером со скатерть.

Билл подошел к шкафу, достал бутылку огневиски и кубки.

– Вот, – вздохнул он, и по взмаху его палочки двенадцать полных кубков разлетелись к присутствующим. Билл поднял тринадцатый: – За Шизоглаза.

– За Шизоглаза, – хором подхватили все и выпили.

– За Шизоглаза, – с некоторым опозданием икнул Огрид.

Огненный напиток опалил горло Гарри. Внутри сделалось горячо; онемение, пустота, ощущение нереальности происходящего растворились, и в нем снова зажглось нечто сильно напоминающее отвагу.

– Значит, Мундугнус исчез? – спросил Люпин, осушив свой кубок залпом.

Атмосфера в мгновение ока изменилась. Все напряглись и смотрели на Люпина, ожидая продолжения и, кажется, боясь того, что могут услышать.

– Я знаю, о чем ты думаешь, – отозвался Билл, – я на обратном пути и сам об этом думал. Нас ведь поджидали, верно? Но Мундугнус не мог предать. Появление семерых Гарри их явно удивило, а эту хитрость, если помнишь, именно Мундугнус и предложил. С чего бы ему скрывать самое главное? По-моему, Гнус попросту запаниковал. Он вообще не хотел участвовать, его Шизоглаз заставил, а Вольдеморт напал на них первыми. Тут всякий сдрейфит.

– Сами-Знаете-Кто действовал в точности как предсказывал Шизоглаз, – всхлипнула Бомс. – Он говорил, что, с точки зрения Сами-Знаете-Кого, Гарри должны сопровождать самые опытные авроры. И он напал сначала на Шизоглаза, а когда Гнус исчез, переключился на Кингсли...

– Да, и всё это очень ‘огошо, – раздраженно перебила Флёр, – но совьегшенно не ясно, откуда оныи узнали, что ‘Арри пегепгавляют сегодня. Кто-то биль неостогожьен, пгоболтался. Это един-твьенное объяснение, почьему они знаяи дату, но не весь план цельиком.

Слезы еще блестели на ее прекрасном лице. Флёр с вызовом обвела всех взглядом, ожидая возражений. Но все молчали, лишь из-под платка-скатерти доносилось икание Огрида. Гарри посмотрел на великана: сегодня ради него Огрид рисковал жизнью... Огрид, которого он любит, которому доверяет – и у которого Вольдеморт однажды уже выудил ценную информацию, подсунув драконье яйцо...

– Нет, – громко выпалил Гарри, и все удивленно обернулись. Из-за огневиски его голос стал много громче. – В смысле... если кто-то и проболтался, то не специально. Без умысла. – Это тоже прозвучало чуть громче, чем надо. – Мы должны доверять друг другу. Я верю вам всем. Я не думаю, что кто-то из вас сдал бы меня Вольдеморту.

В комнате повисла абсолютная тишина. Все смотрели на Гарри. Его опять бросило в жар, и от смущения он выпил еще огневиски, попутно вспомнив, что Шизоглаза всегда возмущала беспредельная доверчивость Думбльдора.

– Неплохо сказано, Гарри, – неожиданно похвалил Фред.

– Твои бы слова да кому надо в ухо. – Джордж покосился на Фреда, и у того дрогнули уголки губ.

На лице Люпина застыла странная гримаса, очень похожая на жалость.

– По-вашему, я глупости говорю? – бросил Гарри.

– Нет, ты говоришь как Джеймс, – ответил Люпин, – который считал глубочайшей низостью не доверять друзьям.

Гарри знал, на что намекает Люпин: что отца предал его друг Питер Петтигрю. Непонятно почему Гарри очень разозлился и хотел уже возразить, но Люпин отвернулся, поставил кубок на стол и обратился к Биллу:

– Есть дело. Я, конечно, могу попросить Кингсли...

– Нет, – сразу сказал Билл. – Я готов.

– Куда это вы? – в один голос спросили Бомс и Флёр.

– За телом Шизоглаза, – ответил Люпин.

– А нельзя?.. – начала миссис Уизли, умоляюще поглядев на Билла.

– Подождать? – спросил Билл. – Чтобы до него добрались Упивающиеся Смертью?

Все промолчали. Люпин и Билл, попрощавшись, ушли.

Все прочие расселись по стульям, только Гарри остался стоять. Смерть вдруг стала реальностью, повисла в воздухе.

– Я тоже пойду, – сказал Гарри.

Десять пар удивленных глаз разом уставились на него.

– Что за ерунда, – недоуменно пробормотала миссис Уизли. – Куда это?

– Я не могу здесь оставаться.

Он потерял лоб. Шрам покалывало; он не болел так уже больше года.

– Из-за меня вы в опасности. Я не хочу...

– Не глупи! – воскликнула она. – Сегодня всё и затеяли ради того, чтобы переправить тебя в надежное укрытие, и у нас, хвала небесам, получилось. Да и Флёр согласилась на свадьбу здесь, а не во Франции, чтобы мы все могли за тобой приглядывать...

Ну как она не понимает: от этого ему не лучше, а хуже!

– Если Вольдеморт узнает, что я тут...

– Как это он узнает? – осведомилась миссис Уизли.

– Есть целых двенадцать мест, где ты можешь находиться, Гарри, – подхватил мистер Уизли. – Ему ни за что не вычислить, где конкретно.

– Я боюсь не за себя! – воскликнул тот.

– Это ясно, – тихо откликнулся мистер Уизли. – Но, если ты уйдешь, сегодняшняя наша работа окажется напрасной.

– Да куда ты не пойдешь, – прогремел Огрид. – А то что ж получается: столько стараний – и все спустить в...

– В ушную раковину? – невинно осведомился Джордж, приподнимаясь на подушках.

– Я понимаю...

– Шизоглаз бы не...

– ПОНИМАЮ! – заорал Гарри.

Настоящий шантаж, все против одного: неужели они думают, будто он не ценит, сколько ради него сделано? Он хочет уйти, чтобы не причинить еще больше вреда! Шрам болел, пульсировал. Повисла мучительная тишина. Наконец, после долгой паузы, миссис Уизли ласково спросила:

– А где Хедвига, Гарри? Давай посадим ее к Свинринстелю и покормим.

Внутренности будто сжались в кулак – он не мог про это говорить. И потому просто допил огневиски.

– Вот погоди, люди узнают, что ты его опять сделал, – хихикнул Огрид. – Отбил, утек прям из-под носа!

– Отбился не я, – сухо возразил Гарри. – А моя палочка. Она сама. Гермiona, помолчав, мягко заметила:

– Но это невозможно, Гарри. Ты хочешь сказать, что колдовал инстинктивно?

– Нет, – мотнул головой он. – Мотоцикл падал. И я даже не знал, где Вольдеморт, а палочка повернулась к нему и послала непонятно какое заклятие. С золотыми искрами... я такого никогда не делал.

– Зачастую, – изрек мистер Уизли, – в стрессовой ситуации колдуны совершают нечто, о чем и помыслить не могли. Маленькие дети, например, пока не научатся...

– Все было не так, – сквозь зубы пробормотал Гарри. Голова раскалывалась. Гарри был раздражен, злился. Это чудовищно, что они так уверены, будто он обладает некой силой под стать Вольдемортовой.

Все молчали. Гарри знал, что ему не верят. Впрочем, поразмыслив, он уже не сомневался: с его волшебной палочкой сегодня случилось неслыханное. Шрам саднил ужасно; Гарри еле сдерживал крик. Он поставил кубок и вышел, пробурчав, что ему нужно на свежий воздух.

Во дворе огромный тестраль проводил его взглядом, расправил гигантские крылья, точно летучая мышь, и продолжил пастись. Гарри остановился у садовой калитки, посмотрел на буйную растительность, потер горящий лоб и задумался о Думбльдоре.

Тот бы поверил, это точно. И объяснил бы, почему, когда и в каких именно случаях волшебная палочка способна действовать независимо от владельца, – у Думбльдора были ответы на все вопросы. И о волшебных палочках вообще, и о странной связи между палочками Гарри и Вольдеморта... Но ни Думбльдора, ни Шизоглаза, ни Сириуса, ни родителей, ни бедной совы больше нет на свете, и Гарри никогда-никогда с ними не поговорит. У него перехватило горло, и теперь уже не из-за огневиски...

Шрам вдруг заболел нестерпимо. Гарри схватился за лоб, зажмурился, и в голове раздался вопль:

– *Ты говорил, достаточно сменить палочку, и все получится!*

Гарри увидел изможденного старика в тряпье на каменном полу: тот корчился в агонии и кричал, страшно, душераздирающе...

– Нет! Нет! Прошу вас, умоляю, умоляю...

– Ты солгал лорду Вольдеморту, Олливандер!

– Я не лгал... Клянусь, я не...
– Ты хотел помочь Гарри Поттеру! Помочь спастись от меня!
– Клянусь, я не хотел... Я был уверен, что чужая палочка поможет...

– Тогда объясни, что произошло. Палочка Люциуса уничтожена!
– Я не понимаю... связь... существует только... между вашими двумя палочками...

– *Врешь!*

– Пожалуйста... Умоляю...

Гарри увидел волшебную палочку в воздетой белой руке и ощутил прилив жгучей ярости Вольдеморта. Обессилевший старик на полу извивался в муках...

– Гарри?

Все прошло так же быстро, как началось. Гарри вновь стоял в темноте, его била дрожь, он держался за калитку, сердце бешено колотилось, шрам пульсировал. Прошло несколько секунд, прежде чем он сообразил, что рядом Рон и Гермиона.

– Гарри, вернемся в дом, – прошептала она. – Ты же не хочешь и правда от нас уйти?

– Да уж, друг, оставайся, – сказал Рон, хлопая его по спине.

– С тобой все нормально? – Гермиона взглядела Гарри в лицо. – Видок у тебя жуткий!

– Ну, – его голос дрогнул, – наверное, все-таки получше, чем у Олливандера...

И он рассказал друзьям о видении. Рон был в ужасе, Гермиона потрясена.

– Я думала, это прекратилось! Твой шрам так больше не должен! Нельзя восстанавливать эту связь... Думбльдор хотел, чтобы ты закрыл сознание!

Гарри не ответил, и Гермиона схватила его за руку:

– Гарри, Вольдемо́рт захватил министерство, газеты и половину колдовского мира! Не пускай его хотя бы к себе в голову!

Глава шестая

Упырь в пижаме

Дом погрузился в мрачный ступор. Кто-то постоянно приходил с новостями и уходил – Гарри ловил себя на том, что прислушивается и ждет, когда раздастся стук протеза и в дверях кухни появится Шизоглаз. От бездействия лишь обострялись угрызения совести и горе, и Гарри рвался в бой – ничто не утишит этих мук, кроме поисков и уничтожения окаянтов.

– С *окаянтами*, – это слово Рон произнес одними губами, – ты до семнадцати лет ничего не сделаешь. Ты пока что под Оком. А план поисков можно разработать и здесь. Или, – он понизил голос до шепота, – ты и так уже понял, где эти... сам-понимаешь-что?

– Нет, – признался Гарри.

– По-моему, Гермиона что-то разведывала, – сообщил Рон. – Но до твоего приезда не пожелала делиться.

Они сидели за завтраком. Мистер Уизли и Билл недавно ушли на работу. Миссис Уизли отправилась наверх будить Гермиону и Джинни, а Флёр отбыла принимать ванну.

– Око закроется тридцать первого, – сказал Гарри. – Значит, я здесь у вас только на четыре дня. А потом я...

– Пять дней, – твердо поправил Рон. – Еще свадьба, иначе они нас ужокошат.

«Они», догадался Гарри, означало Флёр и миссис Уизли.

– Один лишний денек, всего-то навсего, – успокоил Рон, встретив возмущенный взгляд друга.

– Им что, непонятно, как важно?..

– Конечно нет, – даже не дослушал Рон. – Они даже не догадываются ни о чем. И про это, кстати, я хотел с тобой поговорить.

Рон глянул на дверь – не идет ли миссис Уизли? – и придвинулся к Гарри.

– Мама уже подкатывала с расспросами ко мне и Гермионе. Куда мы собрались и зачем. Теперь возьмется за тебя, готовься. Папа и

Люпин тоже спрашивали, но мы ответили, что Думбльдор тебе запретил рассказывать всем, кроме нас, и они отстали. А маму так просто не остановить, она у нас решительная.

Предсказание Рона сбылось буквально через пару часов. Незадолго до обеда миссис Уизли увела Гарри якобы распознать одинокий мужской носок, который, видимо, выпал из его рюкзака. И, загнав беднягу в кладовку за кухней, учинила допрос.

– Я так поняла, ты, Рон и Гермиона уходите из «Хогварца»? – как бы между прочим поинтересовалась она.

– Ммм... – замычал Гарри. – Ну... да.

В углу сам по себе крутился валик для белья, отжимая, кажется, жилетку мистера Уизли.

– А позволь поинтересоваться, с чего вы вдруг решили бросить учебу?

– Думбльдор оставил мне... поручения... – забормотал Гарри. – Рон с Гермионой о них знают и хотят помочь.

– Какие еще «поручения»?

– Простите, но я не могу...

– А я, откровенно говоря, считаю, что мы с Артуром имеем право знать! И мистер и миссис Грейнджер тоже! – воскликнула миссис Уизли. Этого Гарри и опасался – нападения «обеспокоенных родителей». Он заставил себя посмотреть миссис Уизли прямо в глаза – точно такие же карие, как у Джинни. Что тоже было не слишком кстати.

– Думбльдор не велел никому говорить. Простите. Рон и Гермиона не обязаны мне помогать, они сами решили...

– А по-моему, и *тебе* это ни к чему! – закричала миссис Уизли, отбросив притворство. – Вы же почти дети! Чушь какая-то! У Думбльдора для поручений есть целый Орден! Наверное, ты его не так понял. Он сказал, что *нужно* что-то сделать, а ты решил, будто *ты должен*...

– Нет, я понял все правильно, – ровно ответил Гарри. – Именно я и должен.

Он отдал ей носок с узором из золотистых камышей:

– Это не мой. Я никогда не болел за «Малолетстон Юнайтед».

– Ну конечно же нет. – Внезапно миссис Уизли вновь заговорила непринужденно – и это довольно сильно пугало. – Я могла бы и

догадаться. Что же, Гарри, раз ты все равно пока здесь – поможешь подготовиться к свадьбе? А то столько дел!..

– Я... да... естественно, – забормотал он, растерявшись: очень уж резко она сменила тему.

– Вот спасибо, милый! – И миссис Уизли, улыбаясь, вышла из кладовки.

После чего так завалила Гарри, Рона и Гермиону работой, что им вообще стало не до планов. Возможно, она просто хотела отвлечь их от воспоминаний о Хмури и ужасах переброски из Литтл Уинджинга, однако спустя два дня бесконечной полировки столовых приборов, разгномливания сада, подбора букетов, бантиков, ленточек и приготовления миллиарда канapé Гарри заподозрил и другой мотив. Какую бы работу им ни давали, она всегда разводила их троих по разным углам. С тех пор как Гарри рассказал друзьям про Вольдеморта и Олливандера, случая поговорить наедине больше ни разу не представилось.

– Кажется, мама думает, что, если прекратить ваши собрания, твой отъезд получится отложить, – вполголоса сказала Джинни на третий вечер, когда они накрывали стол к ужину.

– И что, по ее мнению, будет дальше? – буркнул Гарри. – Кто-нибудь другой случайно пришьет Вольдеморта, пока мы тут готовим закуски?

Он брякнул это не подумав и сразу увидел, как побелела Джинни.

– Так это правда? – спросила она. – Вот что тебе предстоит?

– Я... нет... я пошутил, – ушел от ответа Гарри.

Они посмотрели друг на друга. Во взгляде Джинни читался не только испуг; Гарри вдруг сообразил, что они – после тех тайных встреч в «Хогварце» – впервые остались наедине. И он точно знал: Джинни сейчас думает о том же. Скрипнула дверь – вошли мистер Уизли, Кингсли и Билл. Гарри и Джинни, вздрогнув, отодвинулись друг от друга.

Члены Ордена часто приходили на ужин: «Гнездо» стало их штаб-квартирой вместо дома номер 12 на площади Мракэнтлен. Как объяснил мистер Уизли, после смерти Думбльдора, Хранителя Тайны, каждый, кому он доверил тайну местонахождения дома номер 12, в свою очередь сделался Хранителем...

– А таких человек двадцать, что изрядно подрывает силу Заклятия Верности. У Упивающихся Смертью в двадцать раз больше шансов вытянуть секрет. Нет, заклятие долго не продержится.

– Но ведь Злей наверняка уже выдал адрес? – спросил Гарри.

– Шизоглаз поставил дополнительную защиту – на случай, если Злей там еще появится. Будем надеяться, что заклятия сильные и ему туда дорога заказана, что они свяжут ему язык, если он вздумает болтать, но абсолютной уверенности нет.

Собираться в доме с такой ненадежной защитой – безумие.

Вечером за столом было так тесно, что едва удавалось орудовать ножом и вилкой. Гарри оказался рядом с Джинни, хотя после недавней сцены предпочел бы сидеть подальше. Он так старался не коснуться ее локтем, что насилу разрезал курицу.

– О Шизоглазе никаких новостей? – спросил он у Билла.

– Никаких, – ответил тот.

Хмури не получалось даже нормально похоронить: Билл с Люпином не нашли тела. Трудно было понять, куда оно упало в темноте в разгар сражения.

– «Оракул» ни словом не обмолвился ни о смерти, ни о поисках тела, – продолжал Билл. – Впрочем, это ничего не значит. Они теперь о многом молчат.

– И министерство до сих пор не созвало слушанье по поводу колдовства несовершеннолетнего, который спасался от Упивающихся Смертью? – через весь стол спросил Гарри мистера Уизли. Тот помотал головой. – Потому что они понимают, что у меня не было выбора? Или хотят скрыть, что на меня напал Вольдеморт?

– Скорее второе. Скримджер не желает признаваться, что Сам-Знаешь-Кто обрел полную силу, а из Азкабана случился массовый побег.

– Действительно – зачем говорить людям правду? – Гарри так крепко сжал нож, что на тыльной стороне правой ладони побелели шрамы – слова: «Я никогда не должен лгать».

– И что, ни у кого в министерстве не хватает пороку ему возразить? – сердито спросил Рон.

– Хватает, Рон, но люди напуганы, – ответил мистер Уизли. – Боятся за себя, за детей! Слухи ведь ходят ужасные. Я, например, не верю, что преподавательница мугловедения «Хогварца» уволилась

сама. Ее не видели уже несколько недель. А Скримджер целыми днями сидит взаперти в кабинете... и хорошо, если он там вырабатывает стратегию борьбы.

Повисло молчание. Миссис Уизли наколдовала стопку чистых тарелок и раздала шарлотку.

– Нужно гешить, как тебя спгятать, ‘Арри, – сказала Флёр, когда с десертом было покончено. – На свадьбе, – пояснила она, увидев его замешательство. – Сгеди ‘остей Упивающихся Смьертью не будьет, но вдгуг после шампанского у кого-то газвяжется язык.

Гарри понял, что она до сих пор подозревает Огрида.

– Да, верно, – кивнула миссис Уизли во главе стола. Сдвинув очки на кончик носа, она изучала длиннющий свиток – список неотложных дел. – Так, Рон: ты прибрался в своей комнате?

– *Зачем?* – Рон со стуком опустил ложку на стол и возмущенно уставился на мать. – Зачем прибираться в моей комнате? Нас с Гарри она и так устраивает!

– Молодой человек, ваш брат через несколько дней женится и...

– Но не в моей же комнате? – разъярился Рон. – Нет? Так зачем, во имя Мерлинова левого...

– Не смей говорить с матерью в таком тоне, – твердо остановил его мистер Уизли. – И делай что говорят.

Рон хмуро поглядел на родителей, взял ложку и набросился на остатки шарлотки.

– Я помогу – там и мои вещи, – утешил его Гарри, но миссис Уизли вмешалась:

– Нет, Гарри, милый, лучше помоги Артуру почистить курятник. А тебе, Гермiona, я была бы очень благодарна, если б ты постелила чистое белье для мсье и мадам Делакёр. Они приезжают завтра в одиннадцать утра.

Выяснилось, впрочем, что в курятнике делать практически нечего.

– Знаешь... э-э... не обязательно говорить Молли, – пробормотал мистер Уизли, загораживая Гарри вход, – но, видишь ли, Тед Бомс прислал мне почти все, что осталось от мотоцикла Сириуса, и я прячу... ну то есть храню это здесь. Потрясающие штуки: выхлопная прохладка – так, по-моему, она называется – и совершенно великолепный аккумулятор, и я изучу наконец, как работают тормоза.

Хочу попробовать собрать мотоцикл обратно, когда Молли не... ну в смысле в свободное время...

Они вернулись в дом. Миссис Уизли нигде не было видно, и Гарри потихоньку шмыгнул наверх к Рону.

– Да прибираюсь я, прибираюсь!.. А-а, это ты, – с облегчением выдохнул Рон и лег на кровать, откуда, судя по всему, только что вскочил. В комнате по-прежнему царил кавардак плюс в углу сидела Гермиона с Косолапсусом у ног. Она разбирала книги – Гарри узнал там и свои – и раскладывала их в две высоченные стопки.

– Привет, Гарри, – сказала она.

Гарри сел к себе на раскладушку.

– А тебе как удалось выкрутиться?

– Миссис Уизли забыла, что мы с Джинни вчера уже сменили белье. – Гермиона бросила «Нумерологию и грамматику» в одну стопку, а «Взлет и падение темных сил» – в другую.

– Мы как раз говорили о Шизоглазе, – сообщил Рон. – Я считаю, он мог выжить.

– Но Билл видел, как в него попало убийственное проклятие, – сказал Гарри.

– Да, но на Билла в тот момент тоже напали, – возразил Рон. – Тут что хочешь увидишь.

– Даже если проклятие промазало, Хмури упал где-то с тысячи футов, – заметила Гермиона, взвешивая на ладони «Квидишные команды Британии и Ирландии».

– Он мог закрыться заградительным заклятием...

– Флёр говорила, ему из рук выбило палочку, – сказал Гарри.

– Ладно, если вам так хочется, чтоб он умер... – угрюмо проворчал Рон, взбивая подушку поудобнее.

– Ничего нам не хочется! – воскликнула Гермиона. – Это ужасно, что он умер! Но приходится быть реалистами!

Гарри вдруг представил себе тело Шизоглаза, искореженное, как тогда Думбльдор, и волшебный глаз, по инерции вращающийся в глазнице... Ему стало противно – и как-то странно смешно.

– Упивающиеся Смертью, наверное, хорошо замечают следы, вот его и не нашли, – проницательно заметил Рон.

– Ну да, – отозвался Гарри. – Как вот Барти Сгорбса превратили в кость и зарыли на огороде у Огрида. А Хмури превратили и

запихали...

– Хватит! – истерически вскрикнула Гермиона. Гарри вздрогнул и обернулся. Она горько рыдала, склонившись над «Тарабарием Толковиана».

– Ой. Только не это, – сказал Гарри, пытаясь подняться с продавленной раскладушки. – Гермиона, я не хотел...

Душераздирающе скрипнули пружины кровати: Рон вскочил и оказался рядом с Гермионой первым. Он обнял ее одной рукой, а другой вытащил из кармана джинсов отвратительный носовой платок, которым не так давно чистил духовку. Затем торопливо достал волшебную палочку, навел на платок и произнес:

– Тергео!

Палочка всосала почти всю грязь. Рон гордо протянул слегка дымящийся платок Гермионе.

– Ой... спасибо, Рон... простите... – Гермиона высморкалась и всхлипнула. – П-просто все так... чудовищно... Сразу после Думбльдора... Шизоглаз был такой... непрошибаемый, мне даже в голову не п-приходило, что он может умереть!

– Это да. – Рон обнял ее крепче. – Но ты ведь знаешь, что бы он нам сейчас сказал?

– «Н-неусыпная бдительность», – вытирая глаза, процитировала Гермиона.

– Именно, – кивнул Рон. – Он бы посоветовал учиться на его ошибках. И вот что выучил я: нельзя доверять трусомордому вралю Мундугнусу.

Гермиона нервно хихикнула и нагнулась еще за двумя книгами. Спустя секунду Рон убрал руку с ее плеча: Гермиона уронила ему на ногу «Чудовищную книгу чудовищ». Ремень, стянувший книгу, расстегнулся, та подпрыгнула и жадно впилась Рону в лодыжку.

– Прости, прости, пожалуйста! – закричала Гермиона.

Гарри с трудом оторвал книжку от Рона и снова крепко ее застегнул.

– А зачем тебе вообще книги? – спросил Рон, хромая к своей кровати.

– Решаю, какие брать с собой, – ответила Гермиона. – Когда отправимся за окаянтами.

– А, ну да! – Рон хлопнул себя по лбу. – Я и забыл! На охоту за Вольдемортом мы поедem в передвижной библиотеке!

– Ха-ха, – рассеянно произнесла Гермиона, уставившись на «Тарабарий Толковиана». – Интересно... потребуется ли переводить руны? Вполне вероятно... видимо, лучше взять... чтобы наверняка...

Она бросила книгу в ту стопку, что побольше, и взяла «Историю “Хогварца”».

– Послушайте-ка, – сказал Гарри.

Он сел очень прямо. Рон и Гермиона повернулись к нему. На лицах читалось усталое: «Ну что еще?!»

– Я знаю, после похорон Думбльдора вы сказали, что будете искать со мной... – начал Гарри.

Рон закатил глаза и заметил Гермионе:

– Завел волынку!

– Как и было предсказано, – вздохнула та, возвращаясь к разбору книг. – Знаете, «Историю “Хогварца”» я все-таки возьму. Даже если мы туда не вернемся, мне без нее будет неуютно...

– Послушайте! – вновь воззвал Гарри.

– Нет, это *ты* послушай, – перебила Гермиона. – Мы – с тобой. Мы так решили уже давно... в общем-то много лет назад.

– Но...

– Заткнись, – посоветовал Рон.

– Вы точно хорошо все обдумали? – упорствовал Гарри.

– Сам посуди. – Гермиона, скривившись довольно яростно, швырнула «Турне с троллями» в стопку ненужного. – Мы можем уехать в любую минуту, и я пакую вещи уже который день, для чего, к твоему сведению, пришлось много и сложно колдовать. И если б ты знал, как трудно было выкрасть весь запас всеэссенции Шизоглаза прямо из-под носа миссис Уизли! А еще я модифицировала память родителей, и они теперь считают себя Уэнделлом и Моникой Уилкинс, которые давно мечтали перебраться в Австралию, что благополучно и сделали. Это чтобы Вольдеморту труднее было их разыскать и допросить обо мне... или о тебе – к сожалению, я им немало о тебе рассказывала. Если останусь жива – найду маму с папой и сниму чары. Если же нет... надеюсь, моего колдовства хватит до конца их дней. Пусть живут счастливо и беззаботно. Уэнделл и Моника, видишь ли, не знают, что у них есть дочь...

Глаза Гермионы вновь наполнились слезами. Рон опять встал и обнял ее, поглядев на Гарри с упреком: поимей, мол, совесть. Гарри не нашелся, что сказать: кому-кому, но не Рону учить людей тактичности.

– Я... Гермиона, прости... я не...

– Не думал, что мы с Роном понимаем, чем все может кончиться? А мы понимаем прекрасно! Рон, покажи Гарри, что ты сделал.

– Ты чего, он только поел, – ответил Рон.

– Нет, ты покажи – он должен знать!

– Ладно, так и быть. Гарри, за мной.

Рон убрал руку с плеча Гермионы и поковылял к двери:

– Пошли.

– Зачем? – спросил Гарри, выходя вслед за Роном на тесную лестничную площадку.

– Десцендо, – вполголоса произнес Рон, ткнув волшебной палочкой вверх. Над их головами в низком потолке открылся люк, и оттуда сползла лестница. Из квадратного отверстия донесся жуткий хлюпающий стон, и потянуло канализацией.

– Это ваш упырь? – Упыря Гарри еще ни разу не видел, лишь изредка слышал по ночам.

– Ага, он, родимый, – подтвердил Рон, взбираясь по лестнице. – Идем покажу.

Гарри поднялся на несколько ступенек и влез в люк до плеч. Упырь крепко спал в чердачном сумраке, свернувшись клубком и широко разинув большой рот.

– Но... он... разве упыри носят пижамы?

– Нет, – ответил Рон. – А еще у них обычно не бывает рыжих волос и столько фурункулов.

Гарри с легким отвращением глядел на упыря. Размерами и телосложением тот напоминал человека – в старой пижаме Рона, понял Гарри, когда глаза привыкли к темноте. А он-то всегда считал, что упыри склизкие и лысые, а не кудлатые и в сизых прыщах.

– Он – это я, дошло? – сказал Рон.

– Нет. Не дошло.

– Объясню в комнате, а то вонь тут кошмарная.

Они спустились по лестнице, которую Рон спрятал обратно в потолок, и вернулись в спальню. Гермиона по-прежнему разбирала книги.

– Как только мы уедем, это чудо переселится сюда, – сообщил Рон. – Небось ждет не дождется... Трудно, конечно, сказать, он только и умеет, что выть да пускать слюни... но что ни спросишь, всюю кивает. Короче, он станет мной, подхватившим ряборылицу. Ничего себе планчик?

Гарри все равно не понимал, и это читалось по его лицу.

– Да отличный! – Рон явно расстроился, что Гарри не оценил прелесть идеи. – Смотри: когда мы втроем не появимся в «Хогварце», все решат, что я и Гермиона с тобой, так? И Упивающиеся Смертью отправятся прямиком к нам домой, выяснять, где ты.

– Но, будем надеяться, про меня подумают, что я уехала с родителями. Сейчас многие муглорожденные прячутся, – вставила Гермиона.

– А моих не спрячешь, слишком подозрительно, да и не бросать же им всем работу, – продолжал Рон. – Поэтому мы пустим слух, что я серьезно заболел ряборылицей и в школу мне нельзя. И если придут к нам домой, мама с папой покажут им упыря в моей постели. Ряборылица жутко заразная, никто близко не сунется. И что упырь ничего не говорит, тоже никто не удивится, потому что вроде бы так обычно и бывает, если грибок поражает горло.

– И твои родители в курсе? – осведомился Гарри.

– Папа – да. Он помогал Фреду и Джорджу зколдовывать упыря... А мама... Ты же ее видел. Она не смирится с тем, что мы смылись, пока мы не смоемся.

Воцарилось молчание, нарушаемое лишь глухим стуком: Гермиона бросала книгу за книгой то в одну, то в другую кучу. Рон сидел, глядя на нее, а Гарри – на них обоих, и не мог ничего сказать. Его друзья тщательно ограждали родных, и одно это ясно доказывало: они действительно пойдут с ним до конца и хорошо осознают опасность. Гарри хотелось объяснить, как много это для него значит, но он не находил слов.

Снизу донеслись приглушенные крики миссис Уизли.

– Ну, видно, Джинни оставила пылинку на каком-нибудь дурацком салфеточном кольце, – сказал Рон. – И чего, спрашивается, Делакеёры тащатся сюда за два дня до свадьбы?

– Сестра Флёр – подружка невесты, ей надо участвовать в репетиции, но она еще маленькая и не может путешествовать одна, –

объяснила Гермиона, раздумывая над судьбой «Бесед с банши».

– Гости маму не успокоят, а наоборот, – констатировал Рон.

– Нам бы лучше решить, – произнесла Гермиона, без сожаления швырнув в мусорную корзину «Теорию защитной магии» и взяв «Рейтинг колдовских школ Европы», – куда, собственно, мы направляемся? Я знаю, Гарри, ты говорил, что первым делом хочешь в Годрикову Лощину, и я прекрасно понимаю почему... но... разве наша главная цель – не окаянты?

– Если б мы знали, где находится хоть один, я бы с тобой согласился, – отозвался Гарри. Вряд ли Гермиона по-настоящему понимает, отчего его манит Годрикова Лощина. Не только из-за могил родителей. Гарри казалось, что в родной деревне он найдет ответы на свои вопросы – может, потому, что там ему удалось выжить после убийственного проклятия Вольдеморта. Теперь, когда фокус предстояло повторить, Гарри так и тянуло туда, где все случилось; он надеялся что-то понять.

– А вдруг Вольдеморт следит за Лощиной? – спросила Гермиона. – Наверняка он ждет, что после совершеннолетия ты отправишься на могилы родителей.

Такая мысль Гарри в голову не приходила. Пока он размышлял, что можно возразить, заговорил Рон, очевидно думавший о своем:

– Этот Р. А. Б... Ну, помните, который украл настоящий медальон...

Гермиона кивнула.

– В записке сказано, что он собирается его уничтожить, верно?

Гарри подтянул к себе рюкзак и достал поддельный окаянт с запиской Р. А. Б.

– «Я украл настоящий окаянт и намерен уничтожить его, как только смогу», – прочел Гарри.

– Что, если он так и сделал? – спросил Рон.

– Он или она, – вставила Гермиона.

– Не важно, – сказал Рон. – Главное, одним меньше!

– Да, но мы все равно должны его найти, – сказала Гермиона. – Проверить, уничтожен он или нет.

– А когда найдем... Как вообще уничтожают окаянты?

– Ну, я про это немного почитала, – ответила Гермиона.

– Что? – удивился Гарри. – Я думал, в библиотеке нет книг об окаянтах.

– Нет, – подтвердила Гермиона краснея. – Думбльдор их изъял, но... не уничтожил.

Рон сел прямо, глаза его округлились.

– Мерлиновы портки! Как же ты их достала?

– Я не... не крада! – Взгляд Гермионы отчаянно заметался между Гарри и Роном. – Думбльдор убрал их с полок, но они же все равно библиотечные! А если бы он *правда* не хотел, чтоб их нашли, он бы спрятал получше...

– Ближе к теме! – перебил Рон.

– В общем... Это было несложно, – тихо сказала Гермиона. – Обычное призывное заклятие. Ну, знаете: «акцио». И всё – книги из кабинета Думбльдора перелетели в спальню девочек.

– И когда ты это сделала? – Гарри уставился на Гермиону в восхищенном потрясении.

– Сразу после... похорон... – еле слышно ответила она. – Как только мы решили бросить школу и искать окаянты. Я пошла собираться... и поняла, что чем больше мы о них узнаем, тем лучше... Я была одна... Попробовала... И получилось. Влетели прямо в открытое окно, и я... их взяла.

Она сглотнула и умоляюще произнесла:

– Думбльдор бы не рассердился. Я же не затем, чтоб их создавать...

– А что, по-твоему, мы против? – спросил Рон. – Где они?

Гермиона, порывшись в гряде книг, достала большой том в потускневшем переплете черной кожи. Она смотрела на него с отвращением и держала на отлете, как дохлую мышь.

– Здесь есть точные инструкции по изготовлению окаянтов. «Тайны наичернейшей магии»... Страшная книга, жуткая, с самыми черными заклинаниями. Интересно, когда Думбльдор изъял ее из библиотеки?.. Если уже после того, как стал директором, скорее всего, Вольдеморт ею и пользовался.

– Что ж тогда он спрашивал Дивангарда, как создать окаянт, если и сам знал? – озадачился Рон.

– Хотел уточнить, что будет, если расколоть душу на семь частей, – ответил Гарри. – Думбльдор считал, что Реддль к тому времени уже

выяснил технологию изготовления. И ты, Гермиона, пожалуй, права – возможно, именно из этой книги.

– Чем больше я читала, – сказала Гермиона, – тем больше понимала, какой это ужас. Просто не верится, что он создал целых шесть. Там ведь предупреждают, что грозит оставшейся части души, если создать хотя бы один!

Гарри вспомнил слова Думбльдора о том, что Вольдеморт вышел за пределы «обыкновенного зла».

– И нет способа собрать себя обратно? – спросил Рон.

– Есть, – горестно улыбнулась Гермиона, – но это мучительно больно.

– Почему? Как это делается? – заинтересовался Гарри.

– Раскаяние, – ответила Гермиона. – Нужно по-настоящему прочувствовать, что ты натворил. Там еще сноска: такая боль способна убить. Как-то я сомневаюсь, что Вольдеморт на это пойдет.

Рон опередил Гарри с ответом:

– Да уж. А там говорится, как уничтожать окаянты?

– Да. – Гермиона полистала тонкие страницы с такой гримасой, будто исследовала гнилой труп. – Чтобы черные маги знали, какой силы заклинания необходимы для их защиты. Кстати, то, что Гарри сделал с дневником Реддля, – один из немногих надежных способов уничтожить окаянт.

– В смысле проткнуть зубом василиска? – спросил Гарри.

– Надо же, а у нас их как раз целая куча, – съязвил Рон. – Я-то все думал, куда девать.

– Не обязательно зубом василиска, – терпеливо возразила Гермиона. – Но нужно нечто настолько разрушительное, чтобы окаянт не сумел восстановиться. Против яда василиска есть единственное противоядие, очень редкое...

– Слезы феникса, – кивнул Гарри.

– Совершенно верно, – сказала Гермиона. – Но беда в том, что субстанций, подобных яду василиска, очень мало и носить их при себе крайне опасно. Однако придется что-то придумать – окаянт не разорвешь, не разобьешь и не сломаешь. Надо нанести ему повреждение, которое не лечится колдовством.

– Хорошо, но если мы разрушим вместилище, – произнес Рон, – разве осколок души не может перескочить и поселиться где-нибудь

еще?

– Нет. Окаянт – полная противоположность человеку.

Гарри и Рон ничего не поняли, и Гермиона поспешила объяснить:

– К примеру, если бы я сейчас взяла меч и проткнула Рона насквозь, я бы все равно не затронула его душу.

– Вот спасибо, успокоила, – сказал Рон.

Гарри засмеялся.

– Зря веселишься! Я вот о чем: если пострадает тело, душа выживет, – серьезно продолжала Гермиона. – А с окаянтами все наоборот. Выживание осколка души напрямую зависит от своего магического хранилища. Без него осколок не способен существовать.

– Когда я проткнул дневник, он вроде как умер. – Гарри вспомнил чернила, кровью лившиеся с проколотых страниц, и вопль, с которым исчез осколок души Вольдеморта.

– Да, и когда дневник уничтожили как полагается, часть души перестала существовать. А когда Джинни пыталась спустить его в туалет, он возродился как новенький.

– Пойдите, – нахмурился Рон. – Но ведь осколок души из дневника вселился в Джинни? А это как?

– Пока магическое вместилище невредимо, осколок может переселяться в тех, кто поблизости. Не физически, не в смысле, что поддержишь, к примеру, медальон в руках, и конец, – добавила она, предупреждая вопрос Рона. – А эмоционально. Джинни изливала дневнику душу и тем самым подставила себя под удар. Если любишь окаянт, зависишь от него, тогда беда.

– Интересно, как Думбльдор уничтожил кольцо? – задумчиво проговорил Гарри. – Что же я его не спросил? Я так и не...

Он осекся на полуслове, задумавшись обо всем, что еще стоило спросить у Думбльдора. Со дня его гибели Гарри только и делал, что жалел об упущенных возможностях: сколько можно было узнать... все узнать...

Тишину внезапно взорвало: дверь спальни распахнулась, и от грохота вся комната содрогнулась. Гермиона закричала и выронила «Тайны наичернейшей магии», Косолапсус, негодуя зашипев, шмыгнул под кровать, а Рон, вскочив, поскользнулся на шокогадушной обертке и треснулся головой о стену. Гарри инстинктивно потянулся за

палочкой, но потом сообразил, что на пороге стоит миссис Уизли, растрепанная и очень разгневанная.

– Извините, что нарушаю ваш уют, – звеняще сказала она. – Разумеется, отдых необходим... Но моя комната завалена свадебными подарками, их нужно срочно разобрать, и мне казалось, что вы согласились помочь.

– Да-да! – испуганно воскликнула Гермиона и вскочила, рассыпав книги. – Конечно... Извините...

Тоскливо глянув на Гарри и Рона, она торопливо ушла вслед за миссис Уизли.

– Мы прям как домовые эльфы, – тихонько пожаловался Рон, потирая голову. Они с Гарри тоже направились вниз. – Но удовольствия от работы ноль. Скорее бы уж эта свадьба закончилась! Вот счастье-то будет.

– Да, – согласился Гарри. – Тогда только и останется разыскивать окаянты... Просто-таки праздник, согласись?

Рон засмеялся, но при виде горы свертков в комнате миссис Уизли тут же умолк.

Делакёров ждали наутро в одиннадцать. Гарри, Рон, Гермиона и Джинни успели почти что возненавидеть семью Флёр; ворча, Рон потащился вверх искать одинаковые носки, а Гарри попытался пригладить непослушные волосы. Наконец всех признали достаточно презентабельными, и они толпой вывалили на залитый солнцем задний двор встречать гостей.

Никогда еще здесь не бывало так чисто. Ни тебе ржавых котлов, ни старых сапог, обычно валявшихся у порога. Вместо них – две кадки по обе стороны двери: два новых трепекуста, с очаровательной лентой шевелящих листьями при полном отсутствии ветра. Кур нет, двор вымели, сад подстригли, вычистили и прибрали (Гарри, который любил заросли, подумал, что без привычной компании хулиганистых гномов тут как-то уныло).

Гарри уже и не помнил, сколько защитных заклятий наложено на «Гнездо» Орденом и министерством, – знал только, что попасть сюда магическим способом невозможно. Поэтому встречать Делакёров, прибывающих на портшлюсе, мистер Уизли отправился на вершину ближайшего холма. Еще издали к дому долетел необычайно высокий залиvistый смех, который, как оказалось, исходил от мистера Уизли:

мгновение спустя тот появился, нагруженный багажом и под руку с красавицей-блондинкой в плаще цвета сочной зеленой листвы – матерью Флёр.

– *Маман!* – вскричала Флёр и бросилась ее обнимать. – *Папа!*

Мсье Делакёр был далеко не так хорош собой, как жена, – на голову ниже, коренастый, с острой черной бородкой, но, впрочем, весьма добродушный. В ботинках на высоких каблуках он подскочил к миссис Уизли и расцеловал ее в обе щеки, отчего та сильно разволновалась.

– Вы столько пегежили, – сказал он басом. – И Флёр гассказывала, как много вы потгудились.

– О, не преувеличивайте! – пролепетала смущенная миссис Уизли. – Это сущие пустяки!

Рон выразил свое возмущение, пнув гнома, который выглянул из-за новенького трепекуста.

– Моя дорогая мадам! – Мсье Делакёр сиял, не выпуская руки миссис Уизли из пухлых ладоней. – Скоро наши семьи объединятся! Для нас это огромная честь! Позвольте представить мою жену Аполлину.

Мадам Делакёр выплыла вперед и нагнулась, дабы тоже расцеловать миссис Уизли.

– *Аншанте*, – молвила она. – Ваш муж – удивительный рассказчик!

Мистер Уизли истерически захохотал, но миссис Уизли поглядела на него так, что он немедленно смолк и застыл со скорбной миной, больше уместной у постели тяжело больного друга.

– Вы, газумеется, помните нашу младшую дочь Габгизель? – спросил мсье Делакёр. Одиннадцатилетняя Габриэль, вылитая Флёр в миниатюре, с такими же серебристыми волосами до пояса, ослепительно улыбнулась миссис Уизли и обняла ее, а затем стрельнула в Гарри огненным взглядом и взмахнула ресницами. Джинни громко кашлянула.

– Что же, прошу пожаловать! – просияв, пригласила миссис Уизли и повела Делакёров в дом. Последовали бесконечные: «Нет, прошу!», «Только после вас!» и «Что вы, что вы, не за что!».

Вскоре выяснилось, что Делакёры – гости не только приятные, но и полезные. Они ни на что не жаловались и с удовольствием включились в подготовку к свадьбе. Мсье Делакёр все, от плана рассадки гостей и

до туфель подружек невест, оценивал одинаково: «*Шарман!*» Мадам Делакёр прекрасно владела домохозяйственными заклинаниями и мигом почистила духовку. Габриэль хвостом ходила за старшей сестрой, всячески пытаюсь помочь, и без умолку тараторила по-французски.

К сожалению, «Гнездо» не было предназначено для такой уймы людей. Мистер и миссис Уизли спали теперь в гостиной, у себя в спальне разместив мсье и мадам Делакёр, несмотря на все протесты последних. Габриэль и Флёр спали в бывшей комнате Перси, а Биллу предстояло жить в одной комнате с Чарли, его шафером, которого вскорости ждали из Румынии. Разрабатывать планы стало решительно негде и некогда, и в отчаянии Гарри, Рон и Гермиона вызвались кормить кур, лишь бы сбежать из переполненного дома.

– И ведь *все равно* не отстаёт! – рыкнул Рон: едва они собрались во дворе, его мать с большой корзиной белья в руках была тут как тут.

– Уже покормили кур? Отлично, – сказала миссис Уизли. – Надо их запереть, а то завтра приедут... ставить шатер для свадьбы, – пояснила она и, замолчав, устало привалилась к стене курятника. – «Шикарные шатры Шамантье»... Очень хорошие. Билл привезет людей... А тебе, Гарри, пока они здесь, лучше побыть в доме. Да уж, все эти охранные заклинания сильно мешают подготовке.

– Мне жаль, – виновато произнес Гарри.

– Перестань, милый! – воскликнула она. – Я не о том... Твоя безопасность – главное! Вообще-то я собиралась спросить, как ты хочешь отпраздновать день рождения. Семнадцать лет – важная дата...

– Главное – чтобы никакой суеты, – быстро ответил Гарри, вообразив ужас новых приготовлений. – Честно, миссис Уизли... Обычный ужин – просто замечательно... Это же день перед свадьбой...

– Ну, если ты настаиваешь... Но я приглашу Рема и Бомс, ладно? И Огрида?

– Очень хорошо, – сказал Гарри. – Но, пожалуйста, не хлопчите.

– Что ты... Что ты... Мне не сложно...

Она долго, внимательно на него посмотрела, улыбнулась чуточку печально, выпрямилась и пошла к столбам с бельевыми веревками. Гарри наблюдал, как она машет волшебной палочкой и как поднимается в воздух и сама развешивается мокрая одежда, и ему

было очень стыдно, что он причиняет миссис Уизли столько неудобств и страданий.

Глава седьмая

Завещание Альбуса Думбльдора

Горная дорога, голубой холодный рассвет. Далеко внизу, в пелене тумана – очертания городка. Там ли человек, которого он ищет? Человек, который нужен ему настолько, что невозможно думать ни о чем другом, человек, который знает ответ...

– Эй, проснись.

Гарри открыл глаза. Он лежал на раскладушке в обшарпанной комнатке Рона на чердаке. Солнце еще не встало, темно. Свинринстель спит, спрятав голову под крыло. Шрам покалывает.

– Ты говорил во сне.

– Правда?

– Да. Повторял: «Грегорович, Грегорович».

Гарри был без очков и Рона видел расплывчато.

– А кто это?

– Мне почем знать? Ты говорил, не я.

Гарри задумчиво потер лоб. Где-то он эту фамилию слышал, но вот где?

– Кажется, Вольдеморт его ищет.

– Бедняга, – с жаром посочувствовал Рон.

Гарри сел, продолжая потирать шрам. Он совершенно проснулся и хотел припомнить сон, однако в памяти всплывали лишь горные вершины и городок в глубокой долине.

– По-моему, он за границей.

– Кто, Грегорович?

– Вольдеморт. Он где-то за границей, ищет Грегоровича. То место было не похоже на Англию.

– Ты снова влезаешь в его мысли?

Рон встревожился.

– Сделай одолжение, не говори Гермионе, – попросил Гарри. – Она почему-то уверена, что я способен разучиться видеть сны...

Он задумчиво посмотрел на маленького Свинринстеля... Откуда ему известна фамилия «Грегорович»?

– По-моему, – медленно произнес он, – Грегорович связан с квидишем. Как-то... но как?

– С квидишем? – переспросил Рон. – Может, тогда Горгович?

– Кто?

– Драгомир Горгович, Охотник, два года назад перешел в «Пуляющие пушки» за обалденные деньги. У него рекорд по уроненным мячам за сезон.

– Нет, – покачал головой Гарри, – о нем я даже не думал.

– Я тоже стараюсь, – сказал Рон. – Кстати – с днем рождения.

– Ой... я и забыл! Мне семнадцать!

Гарри схватил волшебную палочку, лежавшую у раскладушки, и указал на стол:

– Акцио очки! – И, хотя спокойно мог достать их рукой, с наслаждением наблюдал, как очки подлетают, – пока они не угодили ему в глаз.

– Ловко, – фыркнул Рон.

Гарри праздновал закрытие Ока – в воздухе заметались вещи Рона. Свинринстель встрепнулся и взволнованно запорхал по клетке. Затем Гарри попробовал магически завязать шнурки (узел пришлось несколько минут распутывать руками) и забавы ради перекрасил оранжевую форму «Пушек» на плакатах в ярко-синий цвет.

– Ширинку на твоём месте я бы все же застегнул вручную, – посоветовал Рон и хихикнул, когда Гарри мигом опустил голову и проверил. – Держи подарок. Открывай здесь, маме лучше не показывать.

– Книга? – удивился Гарри, взяв в руки прямоугольный сверток. – Это вроде не в наших традициях?

– Книга, но не простая, – объяснил Рон, – а золотая. «Двенадцать наивернейших способов околдовать ведьму». Все о девчонках. Мне бы такую в прошлом году! Я бы знал, как отвертеться от Лаванды и что делать с... Короче, мне Фред с Джорджем подарили – и я узнал много интересного! Ты удивишься, но там не только про волшебные палочки.

В кухне на столе они обнаружили гору подарков. Билл и мсье Делаке́р завтракали, а миссис Уизли развлекала их беседой, попутно колдуя над сковородкой.

– Гарри! – обрадовалась она. – Артур просил тебя поздравить. Ему пришлось рано уйти на работу, но к ужину он вернется. Наш подарок на самом верху.

Гарри сел, взял верхний сверток, развернул. Внутри были часы, очень похожие на те, что мистер и миссис Уизли подарили на семнадцатилетие Рону: золотые, со звездочками вместо стрелок, кружившими по циферблату.

– Дарить колдуну часы на совершеннолетие – традиция. Боюсь, они не новые, как у Рона, – сказала миссис Уизли, с беспокойством наблюдая за Гарри. – Они вообще-то принадлежали моему брату Фабиану, а он не очень берег вещи... Там сзади вмятина, но...

Она не успела договорить; Гарри встал и крепко ее обнял. Он постарался вложить в объятие все то, чего не мог выразить, и миссис Уизли, похоже, его поняла: когда Гарри отпустил ее, она ласково похлопала его по щеке и весьма рассеянно взмахнула палочкой, отчего половина бекона улетела со сковородки на пол.

– С днем рождения, Гарри! – Гермиона вбежала в кухню и шмякнула свой подарок поверх общей кучи. – Пустяк, но, надеюсь, тебе понравится. А ты что подарил? – спросила она Рона, который будто бы не услышал и вместо ответа подбодрил Гарри: – Давай, открывай скорей!

Гермиона купила Гарри новый горескоп. В следующем свертке была волшебная бритва от Билла и Флёр («Бгеет невеготтно гладко, – заверил мсье Делакёр, – только надо четко фогмулиговать пожелания, а то можно потегять чуть больше волос, чем ‘отелось бы...»»), шоколад от старших Делакёров и огромная коробка новых приколов из магазина близнецов.

Гарри, Рон и Гермиона не стали задерживаться на кухне, где с приходом мадам Делакёр, Флёр и Габриэль сделалось невероятно тесно.

– Я все упакую, – весело сказала Гермиона, когда они поднимались по лестнице, и забрала у Гарри подарки. – Я почти уже закончила, осталось только дожидаться трусов Рона из стирки...

Рон чуть не поперхнулся и что-то забормотал, но умолк: на втором этаже внезапно открылась дверь.

– Гарри, можно тебя на секундочку? – позвал голос Джинни.

Рон резко остановился, но Гермиона схватила его под локоть и потянула наверх. Гарри, волнуясь, перешагнул порог.

Он здесь еще не бывал. Комната оказалась маленькая, но светлая, с большим плакатом рок-группы «Чертовы сестрички» на одной стене и фотографией Гвенот Джонс, капитана «Граальхедских гарпий», на другой. Стол стоял у раскрытого окна, откуда виден был сад – там когда-то они вчетвером, с Роном и Гермионой, играли в квидиш двое на двое. Сейчас в саду раскинулся огромный белоснежный шатер; золотой флаг на вершине приходился как раз вровень с окном.

Джинни взглянула Гарри в глаза, глубоко вдохнула и сказала:

– Поздравляю с семнадцатилетием.

– Да... спасибо.

Она смотрела на него в упор, но ему почему-то было трудно встретиться с ней взглядом – все равно что смотреть на солнце.

– Красивый вид, – жалко пробормотал Гарри, показывая в окно.

Джинни проигнорировала эту реплику. Что ж, естественно.

– Я так и не придумала, что тебе подарить.

– Ничего не нужно.

И это она оставила без внимания.

– Хотела что-то полезное, но маленькое, что можно взять с собой...

Он решился взглянуть на нее. Джинни не плакала; его всегда удивляло, как редко она плачет. Наверное, потому, что росла с шестью старшими братьями.

Джинни приблизилась на шаг.

– А потом я подумала, что подарок должен напоминать тебе обо мне, если ты, например, встретишь какую-нибудь вейлу, когда будешь чем-то там своим заниматься.

– Подозреваю, что прогулки при луне мне не светят.

– Радует, – прошептала Джинни и поцеловала его так, как не целовала еще ни разу, и Гарри ответил на поцелуй, и это оказалось в сто раз лучше огневиски; все исчезло в мире, кроме Джинни, ее одну он сейчас чувствовал. Левой рукой он прижимал ее к себе, правой перебирал сладко пахнущие волосы...

Дверь с грохотом распахнулась, и они отскочили друг от друга.

– Ой, – многозначительно сказал Рон. – Прошу прощения.

– Рон! – Гермиона, немного запыхавшаяся, ворвалась за ним.

Повисла напряженная пауза. Затем Джинни тихо, ровно произнесла:

– Еще раз с днем рождения, Гарри.

Уши Рона покраснелись, Гермиона нервничала. Гарри хотелось треснуть им дверь по физиономиям, но с ними в комнату будто проник холод, и его секундное счастье лопнуло как мыльный пузырь. Вместе с Роном вошли все те разумные соображения, которые заставили Гарри прекратить отношения с Джинни, чего бы это ему ни стоило, и блаженное забытие улетучилось...

Гарри взглянул на нее, желая что-нибудь сказать, хотя что тут скажешь, но она повернулась к нему спиной – похоже, чтобы скрыть слезы. И в присутствии Рона он не посмел ее утешать.

– Еще увидимся, – пробормотал Гарри и вышел вслед за Роном и Гермионой.

Рон спустился по лестнице и через кухню, по-прежнему полную народа, вышел во двор. Гарри решительно шагал за ним, а испуганная Гермиона догоняла их чуть ли не бегом.

На уединенной свежепокошенной лужайке Рон гневно набросился на Гарри:

– Ты с ней расстался! А теперь что, в игрушки играешь?

– Нет, не играю, – сказал Гарри. К ним подошла Гермиона:

– Рон...

Но тот поднял руку: молчи.

– Джинни вся истерзалась, когда ты...

– Я тоже. Но ты ведь знаешь, почему я так поступил. Отнюдь не по своей воле.

– Да, но сейчас ты обнимаешь ее и целуешь, и она снова начнет надеяться...

– Она умная, понимает, что это невозможно, и не ждет, что мы... поженимся или...

Тут Гарри вдруг отчетливо представил себе Джинни в свадебном платье и рядом – высокого, безликого и весьма противного незнакомца, ее жениха. Гарри словно ударили под дых: у нее впереди целая жизнь, а у него... один сплошной Вольдеморт.

– Если ты и дальше собираешься ее тискать при каждом удобном случае...

– Это больше не повторится, – резко оборвал Гарри. День был безоблачный, но ему показалось, что солнце исчезло. – Понял?

Рон и обиделся, и смутился, и, качнувшись на каблуках, произнес:

– Понял... Тогда, ну... хорошо.

До вечера Джинни больше не искала встреч с Гарри наедине и ни взглядом, ни жестом не напоминала о том, что между ними произошло. И все-таки лишь с приходом Чарли Гарри сумел отвлечься – особенно когда миссис Уизли усадила Чарли на стул и, грозно взмахнув волшебной палочкой, объявила, что «пора наконец постричься по-человечески».

Для праздничного ужина кухня «Гнезда» была маловата, и еще до прибытия Чарли, Люпина, Бомс и Огрида в саду поставили в ряд несколько столов. Фред и Джордж наколдовали фиолетовые фонарики с надписью «17», и те плавали в воздухе над гостями. Рана Джорджа, стараниями его матери, выглядела аккуратно и чисто, но Гарри, несмотря на бесконечные шуточки близнецов, никак не мог привыкнуть к отверстию, зияющему у Джорджа в голове.

Фиолетовые и золотые ленты фонтаном били из палочки Гермионы, изящно обвивая кусты и деревья.

– Красиво, – похвалил Рон, когда Гермиона последним взмахом позолотила листья дикой яблони. – Как это у тебя здорово получается.

– Спасибо, Рон! – отозвалась довольная Гермиона с некоторым недоумением.

Гарри с улыбкой отвернулся, заподозрив, что в «Двенадцати наивернейших способах околдовать ведьму» непременно найдется глава про комплименты. Он встретился глазами с Джинни, улыбнулся, но, вспомнив данное Рону обещание, спешно отвел взгляд и заговорил с мсье Делакем.

– Дорогу, дорогу! – пропела миссис Уизли, входя в калитку.

Впереди нее плыл Проньра, большой, как пляжный надувной мяч. Гарри не сразу сообразил, что это его именинный торт, который миссис Уизли поддерживала волшебной палочкой, не рискуя нести в руках по неровной земле. Торт благополучно приземлился в середину стола, и Гарри сказал:

– Фантастика, миссис Уизли.

– Пустяки, дорогой, – нежно откликнулась та. Рон за ее спиной показал большие пальцы и беззвучно произнес: «Молодец».

К семи часам гости собрались. Фред и Джордж ждали их в конце тропинки и отводили в дом. Огрид по случаю торжества облачился в свой лучший – совершенно чудовищный – ворсистый коричневый костюм. Люпин, пожимая руку Гарри, улыбался, но вид у него был несчастный. Бомс же, напротив, прямо-таки светила. Чудные дела.

– С днем рождения! – воскликнула она и крепко обняла именинника.

– Семнадцать, поди ж ты, – сказал Огрид, принимая от Фреда кубок вина величиной с ведро. – Ровно шесть лет, как мы познакомились, Гарри, помнишь?

– Смутно, – улыбнулся тот. – Это не ты, случайно, вышиб тогда дверь, наградил Дудли пороссячим хвостом и заодно объявил, что я колдун?

– Да мало ль чего, всего не упомнишь, – фыркнул Огрид. – Как делишки, Рон, Гермиона?

– Прекрасно, – ответила Гермиона. – А у тебя?

– Путем. Делов, правда, не впрок, маленькие единорожики народились. Покажу, как вернетесь. – Гарри постарался не смотреть на Рона и Гермиону, а Огрид между тем полез в карман. – Вот... Сначала не знал, чего подарить, а после сообразил. – Огрид извлек на свет слегка потертый кисет на длинном шнурке – по всей видимости, носить на шее. – Дуриворанья кожа. Можно прятать чего угодно и никто, кроме хозяина, не достанет. Редкая вещь.

– Спасибо, Огрид!

– Ерунда, – махнул громадной ладонью тот. – Глядите-ка: Чарли! Всегда любил обормота... Эй! Чарли!

Чарли подошел, печально потирая жестоко обкорнанную голову. Он был ниже Рона, плотно сбитый, со множеством ожогов и царапин на мускулистых руках.

– Привет, Огрид! Как жизнь?

– Вот все не соберусь тебе написать... Как там мой Норберт?

– Норберт? – засмеялся Чарли. – Норвежский зубцеспин? Теперь ее зовут Норберта.

– Чего?.. Норберт – девочка?

– Еще какая.

– А как их различают? – спросила Гермиона.

– По характеру: девчонки гораздо злее, – ответил Чарли, обернулся через плечо и понизил голос: – Что-то папа запропастился. Мама нервничает.

Они посмотрели на миссис Уизли. Та беседовала с мадам Делаке́р, но беспрестанно поглядывала на ворота.

– Наверное, лучше начать без Артура! – через секунду-другую крикнула она. – Видимо, он задерживается на... Ой!..

Во двор стремительно влетела световая молния и, описав круг над столом, превратилась в ярко-серебристого горноста́я. Он встал на задние лапки и сообщил голосом мистера Уизли:

– Со мной министр магии.

Заступник растворился в воздухе. Родители Флёр изумленно смотрели туда, где он только что исчез.

– Нам лучше уйти, – сейчас же сказал Люпин. – Гарри... прости... объясню в другой раз.

Он взял Бомс за руку и потащил за собой; они добежали до ограды, перелезли через нее и скрылись из виду.

– Министр... но почему? Ничего не понимаю... – озадаченно проговорила миссис Уизли.

Времениоб обсудить это не было; миг спустя у ворот возникли мистер Уизли и Руфус Скримджер, безошибочно узнаваемый по седеющей гриве.

Они прошли через двор в сад, к столу, освещенному фонариками. Все безмолвно наблюдали. На свету Гарри сразу заметил, что Скримджер с их прошлой встречи сильно постарел, помрачнел и осунулся.

– Извините за вторжение, – сказал министр, дохромав до стола. – Тем более у вас праздник. – Его взгляд скользнул по тарту-Проныре. – Мои наилучшие пожелания.

– Спасибо, – ответил Гарри.

– Мне нужно поговорить с тобой, – продолжал Скримджер, – а также с мистером Рональдом Уизли и мисс Гермионой Грейнджер.

– С нами? – удивился Рон. – Зачем?

– Объясню в более приватной обстановке. Где мы можем уединиться? – спросил министр у мистера Уизли. Тот, занервничав, ответил:

– Ну, например... в гостиной. Если не возражаете?

– Отведи нас, – обратился к Рону Скримджер. – А вы, Артур, не беспокойтесь.

Гарри видел, как мистер и миссис Уизли тревожно переглянулись, когда он, Рон и Гермиона встали и молча направились к дому. Гарри знал, что друзья думают то же, что и он: похоже, до Скримджера дошли слухи об их намерении бросить «Хогварц».

Даже в пустой кухне, где царил страшный беспорядок, Скримджер не проронил ни слова. Сад еще озаряло мягким вечерним золотым светом, однако дом уже погрузился во мрак; на пороге гостинной Гарри взмахнул волшебной палочкой и зажег масляные лампы, открывшие взору небогато обставленную, но уютную комнату. Скримджер сел в продавленное кресло мистера Уизли, а Гарри, Рон и Гермиона втроем приютились на диване. И тогда Скримджер заговорил:

– Я должен задать каждому из вас несколько вопросов. Лучше с глазу на глаз. Если вы двое, – он показал на Гарри и Гермиону, – согласны подождать наверху, я начну с Рональда.

– Мы никуда не пойдем, – объявил Гарри. Гермиона энергично закивала. – Говорите сразу со всеми – или разговор отменяется.

Скримджер смерил его холодным взглядом, очевидно раздумывая, стоит ли с места в карьер вступать в конфронтацию.

– Хорошо. Со всеми так со всеми. – Он пожал плечами, откашлялся и продолжил: – Как вы наверняка догадываетесь, я здесь по поводу завещания Альбуса Думбльдора.

Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

– Удивлены? Вы не знали, что Думбльдор вам кое-что оставил?

– В... всем троим? – изумился Рон. – И мне с Гермионой тоже?

– Да, всем тро...

Но Гарри перебил:

– Думбльдор умер месяц назад. Что же вы столько тянули?

– Да разве не ясно? – вмешалась Гермиона, не дав министру раскрыть рот. – Изучали наследство. Вы не имели права! – Ее голос дрогнул.

– Отчего же, имел, – спокойно возразил Скримджер. – Декрет о законной конфискации разрешает министерству изымать означенные в завещании...

– Этот закон ввели, чтобы предотвратить передачу по наследству артефактов черной магии, – сказала Гермиона, – и для изъятия

имущества умершего министерству требуются серьезные доказательства нелегитимности означенного имущества! И не говорите, будто думали, что Думбльдор оставил нам проклятые вещи!

– Мечтаете о карьере в области колдовского права, мисс Грейнджер? – осведомился Скримджер.

– Нет, не мечтаю, – огрызнулась она. – Напротив, надеюсь сделать для мира что-то хорошее!

Рон засмеялся. Скримджер глянул на него, но отвел глаза, едва Гарри спросил:

– Так почему вы решили нам все отдать? Не нашлось предлога, чтобы оставить себе?

– Нет, просто прошел тридцать один день! – выпалила Гермиона. – Дольше удерживать их без доказательств противозаконно. Так?

– Можете ли вы сказать, Рональд, что были близки к Думбльдору? – проигнорировав ее выпад, спросил Скримджер.

Рон удивился:

– Я? Нет... Не так чтобы... Вообще-то это Гарри всегда...

Рон растерянно посмотрел на Гарри и Гермиону, которая одарила его убийственным взглядом, ясно говорившим: «Заткнись сейчас же!» Увы, зло свершилось: у Скримджера сделался такой вид, будто он услышал ровно то, что ожидал и хотел услышать. Министр ястребом кинулся на Рона:

– Если вы не были близки, как объяснить, что он упомянул вас в завещании? Там практически никто не упомянут лично. Почти все имущество – частная библиотека, колдовские инструменты, некоторые личные вещи – оставлены «Хогварцу». Почему же отдельное внимание вам? Как вы думаете?

– Ну... – протянул Рон. – Говоря, что мы не были близки... В смысле... по-моему, я ему нравился...

– Ты скромничаешь, Рон, – перебила Гермиона. – Думбльдор тебя обожал.

Она искажила правду до предела: насколько знал Гарри, Рон и Думбльдор никогда не говорили с глазу на глаз и вообще редко встречались. Впрочем, Скримджер не слушал. Он опустил руку в карман плаща и достал кисет – гораздо больше того, что Огрид подарил Гарри. Оттуда министр извлек пергаментный свиток, развернул его и зачитал:

– «Завещание Альбуса Персиваля Вульфрика Брайана Думбльдора...» Так, вот здесь... «Рональду Вреднейсу Уизли оставляю свой мракёр и надеюсь, что, пользуясь им, он будет вспоминать меня...»

Скримджер извлек из кисета предмет, который Гарри уже видел раньше: нечто вроде серебряной зажигалки, которая по одному щелчку вбирала в себя весь свет в зоне действия и затем, тоже по щелчку, отдавала его обратно. Скримджер чуть подался вперед и передал мракёр Рону. Тот в полном ошеломлении взял мракёр и повертел в руках.

– Очень ценная вещь, – сказал Скримджер, пристально наблюдая за Роном. – Не исключено, что единственная в своем роде. Личное изобретение Думбльдора, естественно. Почему он оставил вам такую редкость?

Рон недоуменно помотал головой.

– У Думбльдора были тысячи учеников, – упорно гнул свое Скримджер. – А в завещании он упомянул лишь вас троих. Почему? Для чего, по его мнению, вам пригодится мракёр, а, мистер Уизли?

– Выключать свет? – недоуменно предположил Рон. – Что еще с ним делать-то?

Скримджер, видимо, тоже не знал. Он снова подозрительно сощурился на Рона и вернулся к завещанию Думбльдора:

– «Мисс Гермионе Джин Грейнджер оставляю свой экземпляр “Сказок барда Бидля” и надеюсь, что она сочтет эту книгу интересной и поучительной».

Скримджер достал из кисета книжицу, на вид такую же древнюю, как «Тайны наичернейшей магии», спрятанные наверху. Переплет был грязный и местами отслаивался. Гермиона молча приняла от Скримджера книгу и, не отрывая от нее глаз, положила себе на колени. Гарри увидел, что заголовок написан рунами, которые он так и не освоил. Пока он смотрел, на тисненые символы упала слеза.

– Почему, как вы думаете, Думбльдор оставил вам эту книгу, мисс Грейнджер? – спросил Скримджер.

– Он знал... что я люблю книги, – сдавленно ответила она, утирая глаза рукавом.

– Почему именно эту?

– Не знаю. Наверное, думал, что она в моем вкусе.

– Вы когда-нибудь обсуждали с Думбльдором коды либо иные средства передачи секретной информации?

– Нет, не обсуждала, – ответила Гермиона, продолжая отирать слезы. – И если за тридцать один день министерство не нашло здесь тайного кода, вряд ли его найду я.

Она подавила всхлип. Они сидели так тесно, что Рон едва сумел вытащить руку и обнять Гермиону. Скримджер вновь обратился к завещанию:

– «Гарри Джеймсу Поттеру, – от одних этих слов внутри у Гарри все сжалось от волнения, – оставляю Проныру, пойманного им на первом квидишном матче в “Хогварце”, как напоминание о том, что упорство и труд неизменно бывают вознаграждены».

При виде золотого мячика размером с грецкий орех, слабо трепыхавшего серебристыми крылышками, волнение Гарри быстро превратилось в разочарование.

– Зачем Думбльдор оставил тебе этот мяч? – спросил Скримджер.

– Понятия не имею, – пожал плечами Гарри. – Видимо... вы сами только что прочли... чтобы я помнил, что упорство... и труд... все перетрут... и тому подобное.

– То есть ты считаешь, что это просто сувенир?

– Да, – ответил Гарри. – А что же еще?

– Вопросы здесь задаю я, – заявил Скримджер и придвинул кресло ближе к дивану. На улице сгустились сумерки; над изгородью призрачно белел шатер. – Кстати, и твой праздничный торт имеет форму Проныры. Почему?

Гермиона саркастически рассмеялась:

– Ну, конечно, вовсе не потому, что Гарри первоклассный Ловчий! Это было бы слишком просто! Нет, в сахарной глазури прячется тайное послание от Думбльдора!

– Вряд ли в глазури, – серьезно отозвался Скримджер. – Но в Проныре вполне можно спрятать что-нибудь не слишком крупное. Полагаю, ты понимаешь почему.

Гарри пожал плечами. Но Гермиона тут же ответила, и Гарри подумал, что некоторые въевшиеся привычки ничем не искоренить.

– Проныра запоминает прикосновение, – выпалила вечная отличница.

– Что?! – одновременно вскричали Гарри и Рон. Они оба считали, что Гермiona ничего не понимает в квидише.

– Верно, – кивнул Скримджер. – До игры Проныру не берут голыми руками, и даже изготовители работают в перчатках. На мяч наложено заклятие – он запоминает, кто первый его коснулся, на случай спорного захвата. Этот Проныра, – он подбросил золотой шарик в ладони, – помнит твое прикосновение, Поттер. И я думаю, что Думбльдор, колдун, несмотря на все его пороки, выдающийся, зачаровал этот мячик, чтобы он открылся одному тебе.

Сердце Гарри забилося чаще. Скримджер прав! А ведь сейчас придется взять Проныру голой рукой...

– Молчишь? – продолжал Скримджер. – И так знаешь, что в мяче?

– Нет. – Гарри лихорадочно размышлял, как ему сделать вид, будто он коснулся Проныры, а самому не касаться... Вот если бы он освоил легилименцию, взаправду бы ей выучился, можно было бы прочесть мысли Гермiony; он буквально слышал, как напряженно гудят ее мозги.

– Бери, – тихо приказал Скримджер.

Гарри встретился взглядом с желтыми глазами министра, понял, что деваться некуда, и протянул руку. Скримджер наклонился и медленно, осторожно положил мяч на ладонь Гарри.

Ничего не произошло. Пальцы Гарри сомкнулись, Проныра устало дрогнул крылышками и затих. Скримджер, Рон и Гермiona жадно глядели на кулак Гарри, словно надеясь на какое-то чудесное превращение.

– Представление окончено, – хладнокровно сказал Гарри. Рон и Гермiona засмеялись.

– Это все? – осведомилась Гермiona, привставая с дивана.

– Не совсем, – ответил Скримджер. У него, похоже, испортилось настроение. – Тебе, Поттер, завещано кое-что еще.

– Что? – Внутри у Гарри вновь все затрепетало.

На сей раз Скримджер не потрудился заглянуть в завешание.

– Меч Годрика Гриффиндора, – объявил министр.

Гермiona и Рон словно окаменели. Гарри заозирался: где же меч с эфесом, инкрустированным рубинами? Никак не у Скримджера: кисет слишком мал...

– Где он? – подозрительно спросил Гарри.

– К сожалению, – ответил Скримджер, – меч не был собственностью Думбльдора, и Думбльдор не имел права никому его завещать. Оружие Годрика Гриффиндора – ценный исторический артефакт и в качестве такового принадлежит...

– Он принадлежит Гарри! – с горячностью выпалила Гермиона. – Меч сам выбрал его, Гарри его нашел, вытащил из Шляпы-Распределницы...

– Согласно достоверным источникам, меч может явиться любому из достойнейших гриффиндорцев, – сказал Скримджер. – Однако от этого он не становится личной собственностью мистера Поттера, что бы ни возомнил Думбльдор. – Скримджер, разглядывая Гарри, почесал плохо выбритую щеку. – Почему, как ты думаешь...

– Думбльдор хотел оставить мне меч Гриффиндора? – закончил за него Гарри, еле сдерживая раздражение. – Наверное, думал, что меч неплохо впишется на мой настенный ковер.

– Это не шутки, Поттер! – зарычал Скримджер. – Он думал, что лишь мечом Годрика Гриффиндора можно победить Наследника Слизерина? И, подобно многим, считал, что это тебе предназначено уничтожить Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут?

– Занятная версия, – сказал Гарри. – Интересно, кто-нибудь вообще пробовал проткнуть Вольдеморта мечом? Может, пошлете своих людей, пусть они попробуют? Не все же потрошить мракёры и замалчивать побег из Азкабана! Так вот чем вы, министры, занимаетесь в своих кабинетах – играете в квидишные мячики? Люди умирают, я сам едва не погиб, Вольдеморт гнался за мной через три графства и убил Шизоглаза Хмури, а министерство ни словом не обмолвилось? И вы еще рассчитываете на наше сотрудничество!

– Ты забываешься! – закричал Скримджер, вскакивая с кресла. Гарри тоже вскочил. Скримджер, припав на одну ногу, шагнул ближе и ткнул Гарри в грудь волшебной палочкой: на футболке образовалась дыра как от сигареты.

– Эй! – Рон слетел с дивана и поднял палочку, но Гарри рывкнул:

– Не надо! Хочешь дать ему повод нас арестовать?

– Запомни: ты не в школе! – процедил Скримджер, сопя в лицо Гарри. – И я тебе не Думбльдор, который прощал и дерзость и неповиновение. Можешь носить свой шрам как корону, Поттер, однако

не тебе, семнадцатилетнему юнцу, рассказывать мне, как надо работать! Тебе пора научиться элементарному уважению!

– А вам пора его заслужить, – бросил Гарри.

Пол задрожал от чьих-то быстрых шагов, дверь распахнулась, и в гостиную вбежали мистер и миссис Уизли.

– Мы... думали... мы услышали... – начал мистер Уизли, испуганно глядя на Гарри и министра, стоявших почти нос к носу.

– Громкие голоса, – задыхаясь, закончила миссис Уизли.

Скримджер попятился, не сводя глаз с дыры в футболке Гарри, – вероятно, жалел, что потерял над собой контроль.

– Это мы так... ничего... – проворчал он. – Мне... жаль, что ты так относишься. – Он снова глянул Гарри в лицо. – Тебе, видимо, кажется, что у министерства какие-то другие задачи, не те же, что у тебя – и у Думбльдора. А нам бы объединить усилия.

– Мне не нравятся ваши методы, министр, – ответил Гарри. – Помните? – И он снова показал Скримджеру белые шрамы на правом кулаке: «Я никогда не должен лгать».

Лицо Скримджера окаменело. Он молча повернулся и захромал из гостиной. Миссис Уизли поспешила за ним; Гарри слышал, как она остановилась у задней двери и примерно через минуту крикнула:

– Он ушел!

– Что он хотел? – спросил мистер Уизли. Миссис Уизли быстрым шагом вернулась.

– Передать нам то, что завещал Думбльдор, – ответил Гарри. – Они наконец все изучили.

Они вышли в сад. Три предмета, привезенные Скримджером, переходили из рук в руки. Гости удивлялись мракёру и «Сказкам барда Бидля», сокрушались, что Скримджер не отдал меч, и никто даже не представлял, зачем Думбльдор оставил Гарри Проныру. Когда мистер Уизли в третий или четвертый раз осмотрел мракёр, миссис Уизли осторожно сказала:

– Гарри, детка, все ужасно проголодались. Но мы не хотели начинать без тебя. Можно я подам ужин?

Все торопливо поели, наскоро спели «С днем рожденья тебя», истребили торт, и вечеринка закончилась. Огрид, приглашенный на свадьбу, но слишком огромный, чтобы спать в переполненном «Гнезде», отправился разбивать палатку на соседнем поле.

– Приходи к нам наверх, – шепнул Гарри Гермионе, когда они помогали миссис Уизли убирать в саду. – Как только народ разойдется спать.

У себя на чердаке Рон вновь занялся мракёром, а Гарри стал заполнять кисет – но не золотом, а главными своими драгоценностями, на первый взгляд бесполезными. Туда отправились Карта Каверзника, осколок заколдованного зеркала Сириуса и медальон Р. А. Б. Гарри туго затянул шнурок и повесил кисет на шею, а потом сел с Пронырой в руках, разглядывая еле заметно подрагивающие крылышки. Наконец в дверь постучала Гермиона и на цыпочках прокралась внутрь.

– Заглуши, – шепнула она, махнув палочкой в сторону лестницы.

– Ты же против этого заклинания? – сказал Рон.

– Времена меняются, – ответила Гермиона. – Ну, покажи мракёр.

Рон мгновенно щелкнул приборчиком. Единственная лампа в комнате моментально потухла.

– Видите ли, – еле слышно проговорила в темноте Гермиона, – тот же эффект легко достигается тьмущим порошком.

Раздался тихий щелчок, и шар света вернулся под потолок, в лампу.

– Все равно здорово, – возразил Рон. – Говорят, Думбльдор сам это изобрел!

– Да, но вряд ли он упомянул тебя в завещании лишь затем, чтобы помочь нам выключать свет!

– Думаешь, он знал, что министерство конфискует и будет исследовать наследство? – спросил Гарри.

– Определенно, – ответила Гермиона. – Он не мог написать в завещании, зачем оставляет нам эти вещи, но все равно непонятно...

– ...почему нельзя было подсказать нам при жизни? – закончил за нее Рон.

– Вот именно. – Гермиона задумчиво перелистала «Сказки барда Бидля». – Если вещи так важны, что их надо передать даже под носом у министерства, хорошо бы все-таки объяснить зачем... Или, может, сам он считал, что все очевидно.

– Плохо считал! – бросил Рон. – Я всегда говорил: он – ку-ку. Выдающийся и всякое такое, но чокнутый. Оставить Гарри Проныру – спрашивается: на кой?

– Понятия не имею, – сказала Гермиона. – Знаешь, Гарри, когда Скримджер тебе его дал, я была уверена: что-то произойдет!

– Да. – Гарри приподнял мяч и почувствовал, как застучало сердце. – Но для Скримджера я не очень старался.

– В смысле? – не поняла Гермиона.

– Проныра, которого я поймал на первом квидишном матче, – произнес Гарри. – Неужто не помните?

Гермиона продолжала недоумевать. Рон же разинул рот и принялся тыкать пальцем в Гарри, в Проныру, потом снова в Гарри, пока наконец к нему не вернулся дар речи:

– Ты его чуть не проглотил!

– Ну да! – Сердце Гарри заколотилось как бешеное. Он прижал мяч к губам.

Тот не раскрылся. Гарри охватили злость, разочарование; он опустил золотой шарик, но тут Гермиона закричала:

– Надпись! На нем надпись! Быстрее читай!

От волнения и удивления Гарри едва не выронил мяч. Действительно, на гладкой золотой поверхности, только что абсолютно ровной, появились четыре слова тонким косым почерком Думбльдора:

Я открываюсь в конце.

Едва Гарри успел это прочесть, надпись испарилась.

– «Открываюсь в конце»... Что это значит?

Гермиона и Рон помотали головами.

– Открываюсь в конце... в *конце*... Я открываюсь в конце...

Но сколько они ни повторяли эту фразу на все лады, выудить из нее хоть крупицу тайного смысла не получилось.

– И еще меч... – протянул Рон, когда они отчаялись угадать, что значит надпись. – Зачем он завещал Гарри меч?

– И почему ничего не сказал? – тихо спросил Гарри. – Весь прошлый год, при всех наших разговорах меч был в кабинете! Если Думбльдор хотел, чтобы меч был у меня, почему не отдал тогда?

Он чувствовал себя как на экзамене, как перед списком вопросов, на которые должен бы знать ответ, но мозг наотрез отказывается работать. Что он пропустил в длинных беседах с Думбльдором? Что, по мнению Думбльдора, обязан был понять без слов?

– А эта книга, – проговорила Гермиона. – «Сказки барда Бидля»... Я о них даже не слышала никогда!

– Не слышала о «Сказках барда Бидля»? – недоверчиво переспросил Рон. – Ты шутишь?

– Нет, – удивилась Гермиона. – А ты их что, знаешь?

– Ну естественно, я их знаю!

Гарри отвлекся от раздумий. Небывалый случай: Рон читал что-то, о чем не знает Гермиона. Рон между тем поражался их удивлению.

– Да бросьте! Все старинные детские сказки написаны Бидлем. «Фонтан Феноменальной Фортуны», «Колдун и горшок-поскакун», «Бабетта Кролетта и пень-хохотун»...

– Чего? – хихикнула Гермиона. – Какой пень?

– Кончайте... – недоверчиво сказал Рон. – Вы не можете не знать про Бабетту Кролетту...

– Рон, тебе прекрасно известно, что меня и Гарри воспитывали муглы! – воскликнула Гермиона. – Твоих сказок мы не слышали! Мы знаем «Белоснежку и семь гномов», «Золушку»...

– Золушку? Это что, болезнь? – спросил Рон.

– Так это, стало быть, детские сказки? – уточнила Гермиона, вновь склоняясь над рунами.

– Да... – неуверенно отозвался Рон. – Ну то есть считается – так говорят, – что это старинные сказки, записанные Бидлем. Что там в оригинале, я понятия не имею.

– Но почему Думбльдор думал, что я должна их прочесть?

Внизу раздался скрип.

– Наверное, Чарли растит волосы, пока мама спит, – испуганно сказал Рон.

– Не важно, пора ложиться, – прошептала Гермиона. – Будет не очень красиво, если мы проспим свадьбу.

– Да, – согласился Рон. – А жестокое тройное убийство, совершенное матерью жениха, слегка подпортит торжество. Я потушу свет.

Гермиона вышла из комнаты, и он щелкнул мракёром.

Глава восьмая

Свадьба

Назавтра в три часа дня Гарри, Рон, Фред и Джордж стояли в саду у большого белого шатра и ждали гостей. Гарри, выпивший чуть ли не ведро всеэссенции, стал точной копией рыжего мугла из соседней деревни Колготтери Сент-Инспекторт, чьи волосы Фред позаимствовал с помощью призывного заклятия. Гарри собирались представлять как «кузена Барни» и рассчитывали, что он легко затеряется в толпе рыжих родственников Уизли.

Им четверым выдали схемы рассадки гостей и поручили сопровождать прибывающих к их местам. Часом раньше явилась бригада официантов в белых мантиях и ансамбль музыкантов в золотистых пиджаках; все они сидели неподалеку под деревом, и оттуда время от времени поднимались облачка голубого трубочного дыма.

За спиной Гарри, в шатре, по обе стороны от пурпурной ковровой дорожки, рядами стояли изящные золотистые стулья. Опоры шатра оплели гирляндами белых и золотых цветов. Там, где Биллу и Флёр предстояло скрепить свой союз, Фред и Джордж повесили сверху огромную связку золотых воздушных шаров. Снаружи, над газоном и живой изгородью, беззаботно порхали бабочки, жужжали пчелы. Гарри под жарким летним солнцем было тесно и душно: мугл, чей облик он принял, оказался плотней его.

– На моей свадьбе, – заявил Фред, оттягивая воротник, – всей этой дребедени не будет. Приходи в чем хочешь, без парада. А маму на время праздника – в полный телобинт.

– Вообще-то утром она вела себя довольно прилично, – возразил Джордж. – Поплакала только, что Перси нет, но кому он, собственно, нужен!.. Так, все, внимание – идут!

В отдалении один за другим из пустоты начали появляться разряженные люди. В считанные минуты образовалась процессия, змеей потянувшаяся к праздничному шатру. На шляпах ведьм красовались

экзотические цветы и заколдованные птицы, на шейных платках большинства колдунов поблескивали драгоценные камни. Взволнованные голоса гудели все громче, заглушая жужжание пчел, – вереница гостей приближалась.

– О! Ве-ли-ко-леп-но! По-моему, там наши дорогие кузины-вейлы. – Джордж, вглядываясь, вытянул шею. – Надо им помочь освоиться в непривычной английской обстановке...

– Ага, только ушами не хлопай, – сказал Фред и, минуя группу немолодых ведьм во главе процессии, метнулся к двум хорошеньким француженкам: – Сударыни, *permettez-moi* сопроводить *vous*!

Девушки засмеялись и позволили Фреду провести их в шатер. Джорджу достались пожилые ведьмы, Рону – мистер Перкинс, старинный коллега его отца, а Гарри – престарелые супруги, оба практически глухие.

Вновь выйдя из шатра к гостям, Гарри услышал знакомый голос:

– Салют! – и увидел во главе процессии Люпина и Бомс, в честь торжества – блондинку. – Артур сказал, что ты рыжий и в кудрях. Извини за вчерашнее, – прибавила Бомс шепотом, когда Гарри повел их по проходу. – Министерство оборотней не жалуется, вот мы и подумали, что наше общество тебе ни к чему.

– Да ничего страшного, – ответил Гарри скорее Люпину, чем Бомс.

Тот в ответ мельком улыбнулся, но, едва отвернувшись, опять загрустил, и на его лице четче обозначились морщины. Что с ним такое? Однако разбираться было некогда: Огрид умудрился устроить переполох. Он не понял указаний Фреда, вместо магически увеличенного и укрепленного кресла в заднем ряду сел на пять обычных стульев разом, и теперь те напоминали груды золотых переломанных спичек.

Пока мистер Уизли их чинил, а Огрид громогласно извинялся перед теми, кто не успел разбежаться, Гарри вернулся к своим обязанностям. У входа ему встретился Рон с каким-то косоглазым колдуном весьма эксцентричного вида: белые волосы до плеч, напоминающие сахарную вату, шляпа с кисточкой, болтающейся перед носом, и мантия цвета яичного желтка, яркая до рези в глазах. Плюс странный амулет на шее – нечто вроде треугольного глаза на золотой цепочке.

– Ксенофил Лавгуд, – представился колдун, протягивая руку Гарри. – Мы с дочерью живем за холмом. Так мило со стороны добрых

Уизли, что они пригласили нас на праздник. Вы ведь, кажется, знаете мою Луну? – прибавил он, обращаясь к Рону.

– Да, – кивнул тот. – А она не с вами?

– Задержалась в вашем замечательном садике, здороваются с гномами. Такое чуждое заражение! Большинство колдунов не догадывается, а у этих мудрых маленьких существ – *Gernumbli gardensi*, выражаясь научно, – многому можно научиться.

– И то. Наши знают немало отборных ругательств, – подтвердил Рон. – Только, по-моему, они сами научились им от Фреда с Джорджем.

Рон повел к шатру группу колдунов, а к Гарри подбежала Луна.

– Привет, Гарри! – сказала она.

– Э-э... я Барни, – опешил он.

– А-а, так ты и имя поменял? – весело поинтересовалась Луна.

– Как ты узнала?..

– Да по выражению лица.

Как и отец, она нарядилась в ярко-желтую мантию, а в волосы вплела огромный подсолнух. Впечатление от всей этой ослепительности, стоило с ней свыкнуться, было приятное. По крайней мере не редиски в ушах.

Ксенофил разговора Луны и Гарри не слышал – он увлекся беседой со знакомым, однако, попрощавшись с ним, обернулся к дочери. Луна показала палец:

– Папочка, смотри – меня гном укусил.

– Замечательно! Их слюна необычайно полезна. – Мистер Лавгуд схватил дочь за палец и осмотрел кровоточащую ранку. – Детка, дорогая, если ты вдруг почувствуешь желание, ну, я не знаю, исполнить оперную арию или заговорить по-русалочьи, не подавляй его! Возможно, это дар *Gernumbli*!

Рон, как раз проходивший мимо, не сдержался и громко фыркнул.

– Рон может смеяться сколько угодно, – невозмутимо сказала Луна, когда Гарри провожал ее с отцом к их местам, – но папа всерьез занимался изучением магии *Gernumbli*.

– Правда? – Гарри давно зарекся спорить с Луной насчет весьма сомнительных убеждений ее отца. – Но, может, все-таки обработать ранку?

– Нет, все нормально, – ответила Луна, задумчиво посасывая палец и разглядывая Гарри. – Ты нарядился. Я говорила папе, что все, наверное, придут в парадном, но он считает, что нужна одежда цвета солнца – на удачу. – И Луна неторопливо удалилась вслед за отцом.

Появился Рон с очень пожилой ведьмой, тяжело опиравшейся на его руку. Ее нос напоминал клюв, а покрасневшие глаза и розовая шляпа с перьями придавали ей сходство со старым и на редкость вздорным фламинго.

– ...и до чего у тебя длинные волосы, Рональд, я даже спутала тебя с Джиневрой... Мерлинова борода! Во что это вырядился Ксенофил Лавгуд? Яичница, а не человек. А ты кто такой? – рывкнула старуха на Гарри.

– Ах да, тетушка Мюриэль: это наш кузен Барни.

– Тоже Уизли? Да вы плодитесь как гномы! А Гарри Поттера нет? Я надеялась с ним познакомиться. Он ведь твой друг, Рональд, или ты просто хвастался?

– Нет, не хвастался... но он не смог прийти...

– Хмм. Отговорился? Значит, не такой болван, как в газетах на фотографиях. Я тут объясняла невесте, как носить мою диадему! – прокричала она Гарри. – Гоблинская работа! Принадлежала моей семье с незапамятных времен. Девочка, конечно, недурна, но... *французенка*... М-да... Итак, Рональд, найди-ка мне местечко лучше! В сто семь лет не дело топтаться на своих двоих.

Рон многозначительно глянул на Гарри и пропал в толпе: в следующий раз они встретились, когда Гарри уже успел развести по местам около дюжины гостей. Шатер был почти заполнен, очередь у входа исчезла.

– Эта Мюриэль – ходячий кошмар. – Рон отер пот со лба рукавом. – Раньше каждый год приезжала на Рождество, но потом, хвала небесам, обиделась: Фред с Джорджем за ужином подложили ей под стул навозную бомбу. Папа всегда говорил, что когда-нибудь она точно вычеркнет их из завещания... Но им-то что: они и так скоро будут самые богатые на всю семью со своим магазином... Ух ты! – Рон, часто моргая, воззрился на спешившую к ним Гермину. – Классно выглядишь!

– А тебя это, как всегда, удивляет, – сказала Гермину, но улыбнулась. На ней было легкое платье цвета сирени и сиреневые же

туфли на высоких каблуках, а волосы гладко блестели. – Твоя тетя Мюриэль не согласна. Мы сейчас столкнулись наверху – она отдавала Флёр диадему. Спросила: «О небо, это что, муглокровка?» – и сразу же: «Ножки тощие и как горбится!»

– Не бери в голову, она всем грубит, – утешил Рон.

– Вы про Мюриэль? – поинтересовался Джордж, выходя из шатра вместе с Фредом. – Да, мне тоже сообщили про уши, что какие-то они несообразные. Старая перечница. Жаль, дяди Вредни уже нет – вот с кем на свадьбах было весело.

– Это он увидел Сгубита и через сутки умер? – спросила Гермиона.

– Ну да, – подтвердил Джордж. – Он вообще перед смертью чудил.

– Но до того всегда был душа компании, – сказал Фред. – Прикончит бутылочку огневиски, выбежит на танцпол, задерет мантию и давай извлекать букетики прямо из...

– И правда, очаровашка, – заметила Гермиона. Гарри расхохотался.

– Только почему-то так и не женился, – сказал Рон.

– Надо же. Удивительно, – отозвалась Гермиона.

Они так смеялись, что не заметили запоздалого гостя: темноволосого юношу с большим крючковатым носом и густыми черными бровями. На него обратили внимание, лишь когда он сунул приглашение Рону и, уставившись на Гермиону, произнес:

– Самешателно фыглятишь.

– Виктор! – взвизгнула она и уронила расшитую бисером сумочку. Та упала на землю с громким стуком, явно не соответствующим ее размерам. Гермиона нагнулась за ней и, залившись краской, сказала: – Не знала, что ты будешь... надо же... я так рада... как твои дела?

Уши Рона опять покраснелись. Несколько секунд он рассматривал приглашение Крума, словно сомневался в его подлинности, а потом спросил чересчур громко:

– Ты-то как здесь?

– Флёр пригласила, – поднял брови Крум.

Гарри, который ничего против Крума не имел, поздоровался с ним за руку, и, дабы поскорее увести от Рона, вызвался проводить на место.

– Тфой трук не слишком мне рат, – заявил Крум, входя в шатер, полный гостей, а потом, поглядев на рыжие кудри Гарри, осведомился: – Или он тепе ротстфенник?

– Седьмая вода на киселе, – пробормотал Гарри, но Крум толком не слушал. Его появление вызвало некоторое волнение, особенно среди вейл: как-никак, знаменитость. Впрочем, и другие тянули шеи, стараясь получше разглядеть Крума. Тем временем по проходу подбежали Рон, Гермиона и близнецы.

– Пора садиться, – сказал Фред. – А то нас невеста затопчет.

Гарри, Рон и Гермиона заняли места во втором ряду позади Фреда и Джорджа. Гермиона вся порозовела, уши Рона по-прежнему светились алым. Он склонился к Гарри и прошептал:

– Нет, ты видел, какую идиотскую бородашку он отрастил?

Гарри промычал в ответ что-то невнятное.

В шатре царило напряженное ожидание, ровный гул голосов изредка прерывался взрывами смеха. Мистер и миссис Уизли прошли по ковровой дорожке, улыбаясь и здороваясь с родней. На миссис Уизли был новый наряд аметистового цвета и такая же шляпа. Спустя миг Билл и Чарли, оба в парадных мантиях с большими белыми розами в петлицах, встали в начале прохода. Фред присвистнул, вейлы захихикали, но затем все в шатре примолкло, а из золотых воздушных шаров полилась музыка.

– О-о! – протянула Гермиона, оборачиваясь к входу.

Все ведьмы и колдуны восторженно ахнули при виде мсье Делаке́ра и его дочери Флёр. Невеста плыла, отец шагал пружинисто, лучась радостью. Флёр в очень простом белом платье как будто светилась изнутри ярким серебром. Обычно она затмевала все вокруг, но сегодня, наоборот, дарила красотой тех, кто рядом. Джинни и Габриэль в золотистых платьях похорошели еще больше, а Билл, едва невеста встала возле него, изменился так, словно никогда и не встречался с Фенриром Уолком.

– Дамы и господа, – раздался певучий голос, и Гарри в легком потрясении узнал маленького колдуна с клочковатыми волосами, стоявшего перед Биллом и Флёр: это он руководил похоронами Думбльдора. – Мы собрались здесь сегодня, чтобы отпраздновать соединение двух любящих сердец...

– Да, моя диадема очень хороша, – прокомментировала тетюшка Мюриэль весьма громким шепотом. – Но у Джиневры вырез – куда это годится?

Джинни оглянулась, хитро подмигнула Гарри и сейчас же отвернулась, а он мысленно перенесся в те дни, что проводил с Джинни в укромных уголках школы. Давно, в какой-то другой жизни. Их встречи всегда казались слишком чудесными, нереальными, он словно крал их у кого-то, у нормального человека без шрама во лбу...

– Уильям Артур, берешь ли ты в жены Флёр Изабель?..

В переднем ряду миссис Уизли и мадам Делакёр тихо всхлипывали, утирая глаза крошечными кружевными платочками, а вскоре трубный рев возвестил, что и Огрид достал свой платок-скатерть. Гермиона, тоже с мокрыми глазами, обернулась и улыбнулась Гарри.

– ...отныне ваши жизни связаны навсегда.

Клочковатый колдун взмахнул волшебной палочкой над головами Билла и Флёр и осыпал их дождем серебряных звезд, что закружились, опускаясь на обнявшуюся пару. Фред и Джордж первыми заплодировали, золотые шары лопнули, и из них полетели райские птицы и маленькие золотые колокольчики, добавив к общему шуму пение и мелодичный звон.

– Дамы и господа! – воззвал колдун. – Прошу встать.

Все поднялись, тетушка Мюриэль – с громким ворчанием; колдун повел волшебной палочкой, и стулья грациозно взлетели, а полотняные стены шатра исчезли. Гости оказались в прекрасном солнечном саду под навесом на золотых шестах. В центре возникло озерцо жидкого золота, скоро ставшее блестящим танцполом. Стулья в воздухе окружили столики под белыми скатертями и мягко опустились на землю. Музыканты в золотых пиджаках хлынули к подиуму.

– Ловко, – одобрил Рон.

Вокруг сновали официанты, разнося на серебряных подносах тыквенный сок, усладэль, огневиски и пирамиды из бутербродов и пирожных.

– Надо пойти пожелать счастья! – Гермиона встала на цыпочки, выискивая взглядом молодоженов, которые затерялись в толпе поздравляющих.

– Успеется, – пожал плечами Рон. Мимо как раз проносили усладэль. Рон схватил три бутылки и протянул одну Гарри. – Гермиона, лучше зайдем столик... Нет, только не тот! Не с Мюриэль...

Рон зашагал через пустой танцпол, поглядывая по сторонам. И не с Крумом, усмехнулся про себя Гарри. Когда они дошли до другого края

навеса, большинство столиков уже были заняты, зато рядом с Луной пустовало сразу несколько мест.

– Не против, если мы присоединимся?

– Конечно, – радостно ответила та. – А папа как раз вручает Биллу и Флёр наш подарок.

– Да? И какой же? Пожизненный запас корнеплоха? – осведомился Рон.

Гермиона брыкнула его ногой под столом, но промахнулась и ударила Гарри. У того даже слезы выступили на глазах, и на миг он потерял нить разговора.

Заиграла музыка. Билл и Флёр под громкие аплодисменты пошли танцевать. Чуть погодя мистер Уизли пригласил на танец мадам Делакёр, а за ними последовали миссис Уизли и отец Флёр.

– Люблю эту песню, – сказала Луна, покачиваясь в такт вальсу, и вскоре встала, выскользнула на танцплощадку и начала вращаться на месте, закрыв глаза и размахивая руками.

– Вот молодец, – восхитился Рон. – Чудо-характер.

Однако улыбка быстро сползла с его лица: на освободившее место уселся не кто иной, как Виктор Крум. Гермиона смутилась и обрадовалась, но на сей раз Виктор воздержался от комплиментов и лишь угрюмо спросил:

– Кто этот тип в шолтом?

– Ксенофил Лавгуд, отец нашей подруги, – с вызовом ответил Рон, давая понять, что над своими смеяться не позволит, невзирая ни на какие провокации. – Идем потанцуем, – бросил он Гермионе.

Та слегка оторопела, но встала с довольным видом, и они с Роном влились в кружащуюся толпу.

– Они што, встречаются? – пробормотал Крум, на миг отвлекшись от Ксенофила.

– Вроде того, – отозвался Гарри.

– А ты кто?

– Барни Уизли.

Они обменялись рукопожатиями.

– Парни, слушай, ты хорошо снаешь этого Лавкута?

– Нет, только сегодня познакомился. А что?

Крум поверх кубка мрачно посмотрел на Ксенофила – тот за танцплощадкой мирно беседовал с какими-то колдунами.

– А то, – сказал Крум, – што не бут он костем Флёр, я бы фызфал его на туэл за такой амулет!

– Амулет? – удивился Гарри и тоже посмотрел на Ксенофила и странный треугольный глаз, поблескивавший у того на груди. – А в чем дело?

– Это знак Гриндельвальда!

– Гриндельвальда?.. Черного колдуна, которого победил Думбльдор?

– Именно.

На щеках Крума заходили желваки.

– Гриндельвальд убил много лютей – моего деда, к примеру. Конечно, у нас в стране он никогда ослепил силу не забирал, боялся, кофорт, Тумблтора – и не зря, ушитывая, шем все коншилось. Но это, – Крум показал пальцем на Ксенофила, – его знак, я сразу уснал. Гриндельвальд вырвал его на стене «Дурмштранга», когда там ушел. А некоторые итиоты перерисовывали себе на книги, на отешту, для устрашения... пока те, кто по фине Гриндельвальда лишился близких, не фоткофали им, што так делат не нушно.

Крум воинственно хрустнул пальцами и с ненавистью воззрился на Ксенофила. Гарри ничего не понимал. Отец Луны и силы зла? Нет, немисливо. И вообще, никто, кроме Крума, не обращает на треугольный символ внимания.

– Ты... э-э... уверен, что это знак Гриндельвальда?

– Та, – холодно ответил Крум. – Я несколько лет хотел мимо него каштый ден, изушил.

– А может, – сказал Гарри, – Ксенофил просто не знает, что это за штука? Лавгуды, видишь ли... большие оригиналы. Он запросто мог решить, что это, скажем, поперечный срез головы складкорогого стекла.

– Поперешный срез шего?

– Толком не знаю, но они с дочкой по выходным за ними охотятся...

Гарри почувствовал, что, пожалуй, неудачно живописует всю необычность семьи Лавгудов.

– Вон она, смотри. – Он показал на Луну, которая по-прежнему танцевала в одиночестве и махала руками, словно отгоняя мышку.

– Шего это она? – спросил Крум.

– Наверное, защищается от мутотырка, – предположил Гарри, узнавая симптомы.

Крум явно не понимал, говорит ли Гарри серьезно или разыгрывает его, поэтому достал из-под плаща волшебную палочку, угрожая постучал ею по ноге и высек несколько искр.

– Грегорович! – вскричал Гарри.

Крум вздрогнул, но Гарри так разволновался, что забыл о конспирации. Он вспомнил, как Олливандер изучал палочку Крума перед Тремудрым Турниром.

– Што Грегоровиш? – подозрительно спросил Крум.

– Изготовитель волшебных палочек!

– Та, и што?

– Он сделал твою палочку! Вот я и подумал... Квидиш...

– Ты откута снаеш? – еще больше напрягся Крум.

– Я... кажется, где-то читал, – залепетал Гарри. – В журнале... в моем интервью с фанатами...

Крум смягчился, но сказал:

– Не припомню, штобы я кофорил с фанатами про палочку.

– А... э-э... где сейчас Грегорович?

Крум посмотрел озадаченно.

– Несколько лет насат ушел на пенсию. Я – отин из послетних, кто купил его фолшепную палочку. У него они лутшие в мире. Хотя я снаю, што в Притании люпят Оллифандера.

Гарри не ответил, притворившись, будто, как и Крум, наблюдает за танцующими. Но на деле он лихорадочно размышлял. Значит, Вольдеморт разыскивает знаменитого изготовителя волшебных палочек. Не надо много ума, чтобы понять зачем. В ночь, когда Вольдеморт гнался за Гарри по небу, произошло нечто очень странное. Остролист и перо феникса победили палочку, позаимствованную Вольдемортом у соратника, чего Олливандер никак не ожидал и не мог объяснить. Так, может, Грегорович в курсе? Может, он и правда лучший в своем деле и владеет секретом, недоступным Олливандеру? Может, он даст ответ?

– Вон отшень симпатишная девушка – Голос Крума вернул Гарри к реальности. Крум показывал на Джинни, которая только что присоединилась к Луне. – Тоше тфоя ротстфенница?

– Да, – ответил Гарри с внезапным раздражением, – но она уже кое с кем встречается. Жутко ревнивый, огромный такой парняга. Не советую связываться.

Крум фыркнул.

– Фот и спрашивается, – сказал он, опустошив кубок и поднимаясь из-за стола, – какой смысл быть мирофой звездой кфитиша, если все симпатичные девушки уже саняты?

Он удалился. Гарри взял с подноса проходящего официанта бутерброд и направился в обход танцпола. Он хотел найти Рона и рассказать ему о Грегоровиче, но Рон с Гермионой танцевали в самом центре круга. Гарри прислонился к золотому шесту и стал наблюдать за Джинни, кружившейся в танце с другом Фреда и Джорджа, Ли Джорданом. Смотрел – и очень старался не жалеть об обещании, которое дал Рону.

Раньше Гарри не бывал на свадьбах и не знал, чем колдовские отличаются от тех, что устраивают муглы. Впрочем, он был уверен, что у муглов свадебные торты не украшают двумя фигурками фениксов, и те не взмывают и не кружат в воздухе, когда торт разрезают, а бутылки с шампанским не летают сами по себе среди гостей... Уже стемнело. Под навесом у парящих золотых фонариков мельтешили ночные мотыльки, но вечеринка только набирала обороты. Фред, Джордж и две кузины Флёр давно скрылись в темных зарослях сада. Чарли, Огрид и приземистый маг в пурпурной шляпе пирожком распевали «Одо-героя».

Гарри блуждал в толпе, избегая встречи с пьяным дядюшкой Рона, который, похоже, сомневался, что Гарри действительно его сын. За столиком в одиночестве сидел пожилой колдун. Одуванчик белых пушистых волос венчала битая молью феска. Кто-то знакомый... Гарри мучительно напряг память и наконец вспомнил: Эльфиас Дож, член Ордена Феникса и автор некролога Думбльдору.

Гарри подошел:

– Можно к вам?

– Конечно, конечно. – Голос у Дожа был высокий и сиплый.

Гарри наклонился ближе:

– Мистер Дож, я Гарри Поттер.

Дож раскрыл рот.

– Вот это да! Артур говорил, что ты здесь в чужом обличье... я страшно рад, огромная честь!

Взволнованный, он протянул Гарри кубок шампанского.

– Я подумывал написать тебе, – прошептал Дож, – после того как Думбльдор... такое горе... для тебя, разумеется, тоже...

Крохотные глазки Дожа вдруг наполнились слезами.

– Я видел некролог в «Оракуле», – сказал Гарри. – Оказывается, вы так хорошо знали профессора Думбльдора.

– Не более чем все. – Дож промокнул глаза салфеткой. – Но определенно дольше всех, не считая Аберфорса, – а Аберфорса почему-то никогда не считают.

– Кстати, об «Оракуле»... Не знаю, читали ли вы, мистер Дож...

– Эльфиас, мой мальчик, называй меня, пожалуйста, Эльфиас.

– Хорошо, Эльфиас, не знаю, читали ли вы интервью с Ритой Вритер...

Лицо Дожа сразу покраснело от злости.

О да! Читал. Эта женщина или, правильнее сказать, стервятница, замучила меня уговорами дать интервью. Стыдно признаться, но в итоге я грубо обозвал ее назойливой мухой и старой уткой, что, если ты заметил, привело к инсинуациям относительно моей вменяемости.

– В интервью, – продолжал Гарри, – Рита Вритер намекнула, что профессор Думбльдор в молодости занимался черной магией.

– Не верь ни единому слову! – немедленно вскричал Дож. – Ни единому! Ничто не должно омрачить светлой памяти Альбуса!

Гарри взглянул в бледное страдальческое лицо Дожа – и отнюдь не обрадовался, а расстроился. Неужели старик вправду думает, что это вопрос *веры*? Неужели не понимает, что Гарри нужно знать точно, доподлинно?

Эльфиас, вероятно, угадал мысли Гарри, поскольку торопливо забормотал:

– Гарри, Рита Вритер чудовищная...

Его перебил пронзительный старушечий голос:

– Рита Вритер? Обожаю! Читайте ее всегда!

Гарри и Дож посмотрели вверх и увидели тетушку Мюриэль. В ее волосах мерно качались перья, а рука цепко сжимала кубок с шампанским.

– Вы знаете, что она написала целую книгу о Думбльдоре?

– Здравствуй, Мюриэль, – сказал Дож. – Да, мы как раз обсуждали...

– Ну-ка, ты! Дай-ка сесть! Мне сто семь лет!

Кто-то из рыжих Уизли в испуге вскочил. Мюриэль с удивительной легкостью передвинула стул и плюхнулась между Гарри и Дожем.

– Здорово, Барри, или как тебя там... – бросила она Гарри. – Так что ты говорил про Риту, Эльфиас? Слышал про биографию Думбльдора? Я прямо жду не дожусь! Не забыть бы заказать у Завитуша и Клякца!

У Дожа сделался трагический вид, а тетушка Мюриэль одним махом осушила кубок и щелкнула костлявыми пальцами, подзывая официанта. Отхлебнув шампанского из нового кубка, тетушка не сочла нужным сдержать отрывку, а после рявкнула:

– Чего таращитесь, как два жабьих чучела? Альбус не всегда был важным да знаменитым. Раньше о нем ходило немало сплетен.

– Наглая клевета! – Дож покраснел как редиска.

– Что с тебя взять, Эльфиас, – хмыкнула тетушка Мюриэль, – если обо всем мало-мальски сомнительном ты в некрологе умолчал!

– Жаль, что тебе так показалось, – холодно ответил он. – Уверяю, я писал от чистого сердца.

– Ты-то Думбльдора боготворил, это мы в курсе! Ты будешь считать его святым, даже когда все узнают, что он сотворил со своей сестрой-швахой!

– *Мюриэль!* – воскликнул Дож.

В груди у Гарри похолодело, и вовсе не из-за ледяного шампанского.

– Вы о чем? – спросил он Мюриэль. – С чего вы взяли, что его сестра швах? Я думал, она просто болела.

– Ошибся, значит, Барри! – ухмыльнулась тетушка, довольная произведенным эффектом. – Впрочем, тебе-то откуда знать? Это было за много лет до того, как тебя задумали, мой милый, и никто так и не выяснил, что там произошло на самом деле. Мечтаю прочесть, что раскопала Вритер! Думбльдор столько лет молчал про сестру!

– Неправда! – просипел Дож. – Абсолютная чушь!

– Он не говорил, что у него была сестра-швах, – ляпнул Гарри. Внутри он словно замерз.

– А с чего бы ему тебе докладывать? – визгливо осведомилась старуха, покачиваясь на стуле и пытаясь сфокусировать взгляд на Гарри.

– Думбльдор, – начал Эльфиас глухим от волнения голосом, – никогда не говорил об Ариане по вполне понятной причине. Он так тяжело переживал ее смерть...

– Почему ж эту Ариану никто никогда не видел, а, Эльфиас? – громко перебила Мюриэль. – Почему половина из нас узнала о ее существовании, только когда из дому вынесли гроб? Где был святой Альбус, пока она медленно угасала в подвале? В «Хогварце», где ж еще, блистал умом – и плевать, что творится с родными!

– Как это «в подвале»? – спросил Гарри.

На Дожа было жалко смотреть. Мюриэль со смешком ответила:

– Мать Думбльдора была ужасная женщина, просто ужасная. Муглокровка, хоть сама и отрицала...

– Ничего она не отрицала! Кендра была замечательным человеком, – жалобно залепетал Дожд, но тетушка Мюриэль перебила его опять:

– ...горделивая, властная, рождение ребенка-шваха для нее – позор невыносимый...

– Ариана не шваха! – хрипло возразил Дожд.

– Если так, почему она не училась в «Хогварце»? – Старуха повернулась к Гарри. – В наше время о швах в семьях часто помалкивали, но чтобы запереть девчоночку в доме и притворяться, будто ее и вовсе нет...

– Все не так, говорю же! – почти закричал Дожд, но тетушку Мюриэль было не остановить:

– Обычно швахов отправляют в школы к муглам, и они потом так среди муглов и живут, это поощряется. Все гуманней, чем впахивать их в наш мир, где они всегда второй сорт. Но, естественно, Кендра Думбльдор и помыслить о таком не могла. Чтобы ее дочь – да в мугловую школу?..

– Ариана была болезненным ребенком! – в отчаянии возопил Дожд. – Ей здоровье не позволяло...

– Выходить из дому? – хмыкнула Мюриэль. – Но она почему-то и в больнице святого Лоскута никогда не лежала, и ни разу до самой смерти к ней на дом не вызывали знахаря!

– Но, послушай, Мюриэль, откуда тебе знать...

– К твоему сведению, Эльфиас, мой двоюродный брат Ланселот как раз в то самое время работал знахарем в святом Лоскуте! Он по секрету рассказывал, что Ариана никогда у них и не появлялась. Ланселот считал, что это крайне подозрительно!

Дождь чуть не плакал. Тетушка Мюриэль, чрезвычайно довольная собой, щелкнула пальцами: еще шампанского! Гарри же оцепенело думал о том, что и его Дурслеи запирали, сажали под замок, прятали только потому, что он умел колдовать, словно это преступление. Неужели сестра Думбльдора разделила его судьбу, но наоборот: из-за неспособности к колдовству? И неужели Думбльдор бросил ее ради «Хогварца» и блистательной карьеры?

– Если бы Кендра не умерла первой, – не унималась Мюриэль, – я бы решила, что это она убила Ариану...

– Как ты можешь? – простонал Дождь. – Убила собственную дочь? Думай, что говоришь!

– Почему нет, если она могла запереть бедняжку в подвале на долгие годы, – пожала плечами Мюриэль. – Но, говорю же, версия не проходит: Кендра умерла раньше... правда, неизвестно от чего...

– Ее, без сомнения, убила Ариана, – храбро съязвил Дождь. – От чего ж еще?

– А что, не исключено, при попытке сбежать... – задумчиво произнесла Мюриэль. – Можешь качать головой сколько угодно, Эльфиас! Ты ведь был на похоронах Арианы, да?

– Да, – у Дождя задрожали губы. – Как все горевали! Сердце Альбуса было разбито...

– Не только сердце. Помнится, на церемонии Аберфорс сломал ему нос.

Дождь, и без того чуть не в обмороке, словно пырнули ножом. Тетушка Мюриэль вновь хлебнула шампанского, и оно тоненькой струйкой стекало по ее подбородку.

– Откуда ты?... – шепотом спросил Дождь.

– Моя мать дружила со старухой Бэгшот, – весело сообщила тетушка. – Батильда ей рассказала, а я подслушивала под дверью. Потасовка у гроба! Аберфорс кричал, что это Альбус виноват в смерти Арианы, а потом двинул ему по физиономии. Батильда говорила, Альбус даже не пытался защищаться – что само по себе

подозрительно. На дуэли он бы со связанными руками развеял Аберфорса в прах.

Тетушка снова потянулась за шампанским. Воспоминания о былых скандалах, похоже, взбодрили ее не меньше, чем удручили Дожа. Гарри не понимал, что думать, чьим словам верить. Он хотел знать правду. А Дож лишь бубнил, что Ариана болела. С другой стороны, Гарри не мог представить, чтобы Думбльдор закрывал глаза на бесчинство в собственном доме... И все же история ужасно странная.

– Я еще вот что скажу. – Мюриэль осушила очередной кубок и тихо икнула. – Я так думаю, Батильда все выложила Рите Вритер. По намекам в интервью ясно. Свидетель, близкий семье Думбльдора. Батильда жила рядом – все сходится!

– Она бы не стала откровенничать с Ритой Вритер, – прошептал Дож.

– Батильда Бэгшот, автор «Истории магии»? – удивился Гарри.

Это имя стояло на обложке школьного учебника – правда, нельзя сказать, чтобы Гарри уж очень усердно его штудировал.

– Да. – Дож ухватился за его вопрос, как утопающий за соломинку. – Она один из самых одаренных историков нашего времени и давний друг Альбуса.

– И, говорят, в последнее время совсем того, – радостно вставила тетушка Мюриэль.

– Если так, со стороны Риты тем более низко пользоваться ее состоянием, – заявил Дож. – А Батильдиным свидетельствам нельзя доверять.

– Есть способы восстановить утраченные воспоминания, и, думаю, все они Рите известны, – сказала Мюриэль. – Но даже если Батильда окончательно спятила, у нее наверняка остались старые фотографии, а может, и письма. Она дружила с Думбльдорами многие годы... Ради одного этого стоило наведаться в Годрикову Лощину.

Гарри, который как раз глотнул усладэля, поперхнулся и закашлял, глядя на Мюриэль слезящимися глазами. Дож захлопал его по спине. Вновь обретя дар речи, Гарри спросил:

– Батильда Бэгшот живет в Годриковой Лощине?

– Да, уже целую вечность! Семья Думбльдора переехала туда, когда посадили Персиваля. Батильда была их соседкой.

– Думбльдоры жили в Годриковой Лощине?

– Да, Барри, я ведь сказала, – раздраженно бросила тетушка.

У Гарри внутри все словно опустело: ни разу за шесть лет Думбльдор не упомянул, что они оба жили и потеряли близких в Годриковой Лощине. Почему? Может, Лили и Джеймс похоронены рядом с матерью и сестрой Думбльдора? Навещал ли он их и, если бывал на кладбище, проходил ли мимо могил родителей Гарри? Думбльдор никогда об этом не говорил. Не удосужился...

Почему это так важно? Гарри не мог объяснить даже самому себе, но чувствовал: умалчивать о том, что их связывает, было равносильно лжи. Он остекленело смотрел перед собой и не видел ничего, даже Гермионы, вдруг вынырнувшей из толпы. Он заметил ее, лишь когда она поставила рядом стул.

– Все, не могу больше танцевать, – тяжело дыша, объявила она, сняла туфельку и принялась разминать ступню. – Рон пошел за усадэлем. Кстати, странно: я сейчас видела, как Виктор бросился прочь от отца Луны. Весь такой возмущенный. Кажется, они спорили. – Она внимательно посмотрела на Гарри и, понизив голос, спросила: – Слушай, с тобой все в порядке?

Тот не знал, с чего и начать, но тут стало не до разговоров – нечто огромное, серебристое прорвалось сквозь навес над танцполом, и крупная рысь, поблескивая, изящно приземлилась среди танцующих. Все повернулись к ней; несколько ближних пар нелепо застыли на полушаге. Заступник широко открыл рот и басом Кингсли Кандадьера громко, размеренно сказал:

– *Министерство пало. Скримджер убит. Они идут.*

Глава девятая

Укрытие

Все происходило как в тумане, как в замедленной съемке. Гарри и Гермиона вскочили, выхватили палочки. Многие гости не успели осознать, что происходит; кое-кто еще оборачивался к серебряной рыси, когда она уже исчезла. Оттуда, где она стояла, кругами расходилось ледяное молчание. Затем кто-то закричал.

Гарри и Гермиона бросились в гущу перепуганных людей. Гости в ужасе разбежались, дезаппарировали. Защитные чары над «Гнездом» рухнули.

– Рон! – закричала Гермиона. – Рон, ты где?

Они пробирались через танцпол, когда Гарри увидел в толпе фигуры в плащах и масках, а затем – Люпина и Бомс, поднимающих палочки; их крик: «Протего!» повсюду отозвался эхом...

– Рон! Рон! – чуть не плача, звала Гермиона, пока они с Гарри проталкивались сквозь мешанину обезумевших от страха людей. Гарри схватил Гермиону за руку, чтобы не разлучиться, и тут над их головами пролетела вспышка – хорошо, если защитное заклинание, а не что похуже...

Внезапно появился Рон и схватил Гермиону за другую руку. Гарри почувствовал, как Гермиона крутанулась на месте; картинки, звуки померкли, удаляясь, их поглотила тьма. Реальной оставалась лишь рука Гермионы. Их втискивало в тугой водоворот пространства и времени, прочь от «Гнезда», от Упивающихся Смертью, а может, и самого Вольдеморта...

– Где мы? – спросил голос Рона.

Гарри открыл глаза. И решил, что они по-прежнему на свадьбе: вокруг было полно народу.

– Тотнэм-Корт-роуд, – пропыхтела Гермиона. – Идите, идите вперед, надо найти, где вам переодеться.

Гарри подчинился. Они не то пошли, не то побежали по широкой темной улице среди ночных гуляк, вдоль закрытых магазинов. В небе

сияли звезды. Мимо пронесся двухэтажный автобус, и какие-то веселые пьянчуги вытаращили глаза на их парадные мантии.

– Нам ведь не во что переодеться! – воскликнул Рон, когда какая-то девица при виде его прыснула со смеху.

– И чего я не взял плащ-невидимку? – сказал Гарри, поражаясь собственной глупости. – Весь прошлый год таскал с собой и...

– Все нормально, плащ у меня, и одежда для вас обоих тоже, – успокоила Гермиона. – Ведите себя естественно, пока... А, вот, можно сюда...

Она завела их в переулок и дальше – в темный проход.

– Плащ у тебя и одежда тоже?.. – Гарри недоуменно посмотрел на малюсенькую сумочку Гермионы, где та сейчас рылась.

– Да, все здесь, – подтвердила она и, к полному изумлению Гарри с Роном, достала джинсы, футболку, несколько свекольных носков и наконец серебристый плащ-невидимку.

– Но как же?..

– Необнаружимое расширяющее заклятие, – объяснила Гермиона. – Заковыристое, но вроде бы получилось. Словом, у меня здесь все, что нам понадобится. – Она потрясла невесомой на вид сумочкой, и та загрохотала, как грузовая фура: внутри явно раскатилось что-то тяжелое. – О ужас, это книги, – она заглянула в сумочку, – а я-то рассортировала их по темам... ну ничего... Гарри, лучше надень плащ. Рон, давай быстренько переоденься...

И Рон стал снимать мантию.

– Когда ты все успела? – спросил Гарри.

– Я вам еще в «Гнезде» говорила, что собрала все необходимое на случай, если придется срочно убегать. А твой рюкзак, Гарри, сложила утром, когда ты переоделся... У меня было предчувствие...

– Ты просто чудо, настоящее. – Рон протянул ей свернутую мантию.

– Спасибо. – Гермиона скупой улыбнулась и убрала мантию в сумочку. – Гарри, пожалуйста – плащ!

Гарри накинул плащ-невидимку на плечи и накрылся с головой – исчез. До него только начинало доходить, что же произошло.

– А остальные?.. Там, на свадьбе...

– Сейчас нам не до того, – шепотом ответила Гермиона. – Они охотятся за тобой, Гарри. Если вернемся, всем будет еще хуже.

– Она права. – Рон, даже не видя Гарри, догадался, что тот собирается возражать. – Там почти весь Орден, они разберутся.

Гарри кивнул, а затем, вспомнив, что невидим, произнес:

– Да. – Но думал о Джинни, и страх выжигал его изнутри, как кислота.

– Ладно, пора идти, – сказала Гермиона.

Они зашагали назад по переулку и снова оказались на улице. На другой стороне по тротуару, шатаясь и распевая песни, брела компания мужчин.

– Кстати, из интереса: почему Тотнэм-Корт-роуд? – спросил Рон Гермиону.

– Понятия не имею. Первое, что пришло в голову. Но среди муглов сейчас безопаснее, тут нас не сразу станут искать.

– И то правда, – Рон огляделся, – но тебе не кажется, что ты сама слишком уж... на виду?

– Хорошо, а куда деваться? – Гермиона испуганно съежилась: мужчины засвистели ей через дорогу. – Не селиться же в «Дырявый котел»? И площадь Мракэнтлен отпадает, раз в дом может заявиться Злей... Попробовать разве к моим родителям?.. Но туда могут наведаться... Да когда же они отстанут?

– Эй, красотка! – крикнул самый пьяный из гуляк. – Выпить не хочешь? Давай бросай рыжего – и с нами по пивку!

– Пойдемте где-нибудь сядем, – поспешно сказала Гермиона, увидев, что Рон уже открыл рот. – Вот – это в самый раз!

В маленьком и убогом ночном кафе пластиковые столешницы покрывала тонкая пленка жира, зато было пусто. Гарри прошел в одну из кабинок первым, рядом с ним сел Рон, напротив – Гермиона. Она оказалась спиной к выходу, очень нервничала и то и дело оборачивалась, словно ее мучила судорога в плече. Гарри тоже не сиделось: когда идешь, все-таки легче, кажется, будто у тебя есть цель. Всеэссенция выветривалась, его руки под плащом принимали обычный вид. Гарри достал из кармана и надел очки.

Через пару минут Рон проговорил:

– Знаете, мы ведь недалеко от «Дырявого котла», он же на Чаринг-Кросс...

– Рон, туда нельзя! – перебила Гермиона.

– Не ночевать, а только узнать новости!

– Мы и так знаем! Вольдеморт захватил министерство, чего нам еще?

– Хорошо, хорошо! Я не настаиваю.

Повисло нервное молчание. Подошла официантка, жуя жвачку, и Гермиона попросила два капучино: заказывать кофе для невидимого Гарри было бы странно. В кафе вошли двое здоровенных рабочих и заняли соседнюю кабинку. Гермиона перешла на шепот:

– Предлагаю найти тихое место и оттуда аппарировать за город. Там как-нибудь свяжемся с Орденом.

– А ты умеешь вызывать говорящего Заступника? – спросил Рон.

– Я училась, думаю, что смогу, – ответила Гермиона.

– Ладно, если только они из-за нас не влипнут... хотя их и так могли уже арестовать. Мамочки, ну и гадость, – бросил Рон, отпив пенного сероватого кофе. Официантка услышала и, направляясь к новым посетителям, посмотрела на Рона злобно. Один из рабочих, светловолосый – ну и верзила, мельком подумал Гарри, – жестом показал ей: иди отсюда. Официантка оскорбленно уставилась на него.

– Пошли, хватит тут пить помой, – сказал Рон. – Гермиона, у тебя есть мугловые деньги? Расплатиться?

– Да, я перед отъездом в «Гнездо» сняла все свои сбережения в строительном обществе. Мелочь, как водится, на дне, – вздохнула она, потянувшись за сумочкой.

В тот же миг рабочие синхронно выхватили волшебные палочки, и Гарри, будто зеркало, инстинктивно за ними повторил. Рон, не сразу сообразив, в чем дело, бросился через стол и толкнул Гермиону вбок, на скамейку. Заклинания Упивающихся Смертью пробили стену там, где только что была голова Рона, а невидимый Гарри закричал:

– Обомри!

Красная вспышка угодила верзиле прямо в физиономию, и он без сознания упал на бок. Его кривомордый напарник, не понимая, кто произнес заклинание, снова пальнул по Рону. Из кончика палочки вылетели блестящие черные веревки и скрутили Рона по рукам и ногам. Официантка закричала и кинулась к выходу. Гарри послал в кривомордого еще один сногшибатель, но промахнулся. Заклинание попало в окно, а затем, срикошетив, в официантку. Та рухнула на пол у самой двери.

– Экспульсо! – заорал колдун, и стол перед Гарри взорвался. Гарри швырнуло об стену, он упал, палочка выскользнула из пальцев, плащ слетел.

– Петрификус Тоталус! – крикнула Гермиона из-под скамьи, и Упивающийся Смертью, как статуя, повалился на груды битой посуды и деревянных обломков, политых кофе. Гермиона выползла, вытряхивая из волос осколки стеклянной пепельницы и мелко дрожа.

– Д-диффиндо! – Она указала палочкой на Рона, и тот взревел от боли: Гермиона пропорала ему коленку. – Прости, рука так и прыгает! Диффиндо!

Веревки упали. Рон поднялся, затряс онемевшими руками. Гарри подобрал палочку и через обломки пробрался к светловолосому верзиле, без чувств валявшемуся поперек скамьи.

– Я должен был его узнать! Видел в ночь смерти Думбльдора, – пробормотал он и ногой перевернул на спину другого Упивающегося Смертью. Глаза у того забегали.

– Это Долохов, – сказал Рон. – Помню по старым плакатам «Разыскиваются». А большой, по-моему, Торфинн Раул.

– Какая разница, кто они такие! – слегка истерично воскликнула Гермиона. – Как они нас нашли? И что делать?

Почему-то ее паника вернула Гарри хладнокровие.

– Запри дверь, – велел он. – Рон, выключи свет.

Щелкнул замок, мракёр погрузил кафе в темноту. Гарри, быстро соображая, смотрел на парализованного Долохова. На улице пьяницы, которые раньше заигрывали с Гермионой, окликали другую девушку.

– И куда их теперь? – шепотом спросил Рон из черноты, а затем заговорил совсем тихо: – Убить? Они бы нас убили. Собственно, им почти удалось.

Гермиону передернуло, она попятилась. Гарри помотал головой:

– Надо просто стереть им память. Так лучше, собьем их со следа. А если убьем, это нас выдаст.

– Как скажешь, ты главный, – с огромным облегчением отозвался Рон. – Но я никогда еще не стирал память.

– И я, – сказала Гермиона, – но в теории знаю.

Она глубоко вдохнула, успокаиваясь, и волшебной палочкой указала на лоб Долохова:

– Обливиате.

Глаза Долохова мигом остекленели и затуманились.

– Отлично! – Гарри хлопнул Гермиону по спине. – Займись вторым и официанткой тоже, а мы с Роном пока приберемся.

– Приберемся? – Рон обвел взглядом полуразрушенное кафе. – Зачем?

– Тебе не кажется, что, очнувшись, они задумаются, почему здесь все как после бомбежки?

– И правда...

Рон с трудом извлек из кармана волшебную палочку.

– Гермиона, ты взяла старые джинсы – они узкие! Палочка не вытаскивается!

– Извините, простите, – прошипела Гермиона, оттаскивая официантку подальше от окна, и – Гарри услышал – тихо высказалась насчет того, куда бы еще Рону засунуть свою палочку.

Они привели кафе в порядок и затащили Упивающихся Смертью в ту же кабинку, что и раньше, лицом друг к другу.

– Все-таки как они нас нашли? – спросила Гермиона, глядя то на одно застывшее тело, то на другое. – Как узнали, что мы здесь? – Она повернулась к Гарри: – Может... ты еще под Оком?

– Исключено, – сказал Рон. – В семнадцать лет оно закрывается по закону, его нельзя направлять на взрослых.

– Это ты так думаешь, – возразила Гермиона. – А вдруг Упивающиеся Смертью нашли способ?

– Но Гарри за последние сутки ни разу не был рядом с Упивающимися Смертью. Кто мог его заколдовать?

Гермиона молчала. Гарри почувствовал себя грязным, прокаженным: неужели именно так его и выследили?

– Если ни мне, ни вам около меня нельзя колдовать и нас будут засекать всякий раз... – начал он.

– Мы не разделимся! – категорично объявила Гермиона.

– Нам нужно безопасное укрытие, – сказал Рон. – Чтобы там все обдумать.

– Площадь Мракэнтлен, – предложил Гарри.

Друзья уставились на него:

– Ты что, совсем? А Злей?

– Папа Рона говорил, что против Злея наложены заклятия... и даже если они не сработают, – чуть повысил голос он, заметив, что

Гермиона собралась спорить, – что с того? Я буду только счастлив встретиться со Злеем!

– Но...

– Гермиона, а куда еще деваться? Выбор невелик. Подумаешь, Злей! Один Упивающийся Смертью, всего-навсего. Если я под Оком, они слетятся к нам, куда ни заройся.

Гермионе при всем желании нечего было возразить. Она отперла дверь кафе, а Рон выпустил свет из мрака. Гарри сосчитал до трех, они произнесли над тремя поверженными контрзаклятия, а потом, не успели официантка и Упивающиеся Смертью толком очнуться, крутанулись на месте и опять провалились в давящую темноту.

Через несколько секунд Гарри с наслаждением вдохнул полной грудью и открыл глаза: он, Гермиона и Рон стояли посреди знакомой площади, маленькой и грязноватой. Со всех сторон их окружали высокие обветшалые здания, но дом № 12 они видели лишь потому, что знали про него от Хранителя Тайны, Думбльдора. Они торопливо направились к двери, по пути проверяя, нет ли погони или слежки, взбежали на каменное крыльцо, и Гарри стукнул по входной двери палочкой. Послышались металлические щелчки, звон цепочки. Дверь со скрипом открылась, и они торопливо переступили порог.

Стоило Гарри закрыть за собой дверь, как старинные газовые лампы, ожив, залили коридор мерцающим светом. Все было так, как помнил Гарри: зловещий полумрак, все в паутине; по стенам – головы домашних эльфов, отбрасывающие причудливые тени на лестницу; портрет матери Сириуса за длинными черными порттьерами. Лишь подставка для зонтов в виде троллей ноги не стояла на месте, а валялась на полу, словно ее опять сшибла Бомс.

– Похоже, сюда кто-то наведася, – прошептала Гермиона, указав на подставку.

– Может, это когда Орден уходил, – шепнул Рон в ответ.

– И где же их проклятия против Злея? – поинтересовался Гарри.

– Наверное, срабатывают, только если он появится, – предположил Рон.

И все же они топтались на коврике, спиной к двери, и боялись идти дальше.

– Не стоять же здесь вечно, – наконец буркнул Гарри и шагнул вперед.

– *Злотеус Злей?* – просипел из темноты голос Шизоглаза Хмури.

Они в ужасе отскочили.

– Мы не Злей! – успел хрипло вскрикнуть Гарри, но тут над ним просвистел какой-то ледяной вихрь, и его язык свернулся в трубочку, почти заткнув горло. Гарри потянулся рукой ко рту, но язык уже развернулся.

Рон и Гермиона, очевидно, испытали то же самое. Рон давился, а Гермиона, заикаясь, пролепетала:

– Это... ка... ка... кажется... заткнипасть Шизоглаза!

Гарри еще раз осторожно шагнул вперед. В конце холла, в сумраке, что-то зашевелилось, и, не успели они вымолвить ни слова, из ковра выросла высокая, страшная, пыльно-серая фигура. Гермиона закричала, и ее поддержала миссис Блэк из-за распахнувшихся портьер. Серая фигура приближалась плавно, но все быстрее – бесплотная, с волосами до пояса, с развевающейся бородой, впалым лицом, пустыми глазницами. До ужаса знакомый и чудовищно изменившийся призрак поднял изуродованную руку, указывая на Гарри...

– Нет! – закричал тот, но, хотя поднял палочку, не смог вспомнить ни одного заклинания. – Это не мы, не мы! Мы вас не убивали...

На последнем слове призрак взорвался огромным облаком пыли. На глазах у Гарри выступили слезы; кашляя, он огляделся. Гермиона сжалась в комок на полу у двери, закрыв голову руками, а Рон, трясущийся с головы до пят, неуклюже гладил ее по плечу, успокаивая:

– Все х-хорошо... Он у-ушел...

Пылинки вились вокруг Гарри туманом, отражая голубой газовый свет. Миссис Блэк все разорялась:

– *Грязь, мугродье, бесчестные ублюдки! Пятна позора в доме моих предков...*

– ЗАТКНИСЬ! – завопил Гарри, направив на нее палочку. Раздался грохот, посыпались красные искры, и портьеры закрылись, утихомирив портрет.

– Это... это... – шептала Гермиона, пока Рон помогал ей подняться.

– Да, – кивнул Гарри, – но только это не он. А страшилка для Злея.

Помог ли трюк? Или Злей мимоходом взорвал пугало, как убил настоящего Думбльдора? Нервы у Гарри были натянуты до предела; он

повел Рона и Гермиону по коридору, все время ожидая новых ужасов, но вокруг царило безмолвие, и только мышь прошмыгнула у стены.

– Прежде чем идти дальше, лучше проверить, – шепотом сказала Гермиона и подняла палочку со словами: – Хоменум ревелио.

Ничего не произошло.

– Спишем неудачу на шок, – добродушно улыбнулся Рон. – Что ты хотела сделать?

– Что хотела, то и сделала, – раздраженно бросила она. – Это заклинание обнаруживает человеческое присутствие! В доме никого нет, кроме нас.

– И старины Пылюганца. – Рон посмотрел на ковер, откуда вырос мертвец.

– Идем наверх. – Гермиона, испуганно глянув туда же, первой зашагала по скрипящим ступеням наверх, в гостиную.

Взмахнув палочкой, она зажгла старые газовые лампы и, ежась от холода – в комнате сильно сквозило, – села на диван и обхватила себя руками. Рон прошел к окну и чуть-чуть отодвинул тяжелые бархатные шторы.

– Никого не видно, – сообщил он. – А если бы Гарри был под Оком, уже бы явились. Я знаю, в дом они проникнуть не могут, но... Что, Гарри?

Тот вскрикнул от боли: шрам вдруг опалило, а в голове что-то ярко сверкнуло, будто свет по воде. Он увидел большую тень, и не своя, чужая ярость пронзила, сотрясла все тело, как удар электричества.

– Что? У тебя опять?... – спросил Рон, надвигаясь на Гарри. – Он у нас дома?

– Нет, просто почувствовал злость... он очень зол...

– Но вдруг это в «Гнезде»! – воскликнул Рон. – Что еще? Больше ничего? Он проклинал кого-то?

– Нет, только злился... Я не успел понять...

Гарри пришел в смятение, а Гермиона лишь все усложнила, испуганно спросив:

– Что, снова шрам? Да? Но я думала, связь прервалась!

– Прервалась. Ненадолго, – пробормотал Гарри. Шрам жутко болел, сосредоточиться не получалось. – Похоже... она возникает, когда он теряет над собой контроль, так уже было раньше...

– Гарри, ты должен закрыть разум! – пронзительно воскликнула Гермиона. – Думбльдор считал, что тебе не нужна эта связь, он хотел, чтобы ты ее разорвал, потому ты и занимался окклуменцией! Иначе Вольдеморт может показать тебе совсем не то, что есть на самом деле! Вспомни...

– Я помню, спасибо. – Гарри сжал зубы. Ему не требовалось напоминать о том, как однажды Вольдеморт, используя связь между ними, заманил его в ловушку и в итоге погиб Сириус. Зря он рассказал о новом видении – от этого Вольдеморт стал страшнее, как будто смотрел на них снаружи, лицом вжимаясь в окно гостиной. Боль нарастала, но Гарри отгонял ее, подавлял, как рвоту.

Он сделал вид, будто изучает генеалогическое древо Блэков на старом гобелене. Гермиона вскрикнула. Выхватив палочку, Гарри стремительно обернулся. В окно влетел серебристый Заступник, опустился на пол, превратился в горноста и сообщил голосом мистера Уизли:

– Семья в безопасности, не отвечайте, за нами следят.

Заступник растворился в воздухе. Рон то ли хныкнул, то ли застонал и опустился на диван. Гермиона села рядом и сжала его руку.

– С ними все хорошо, хорошо! – шептала она, и Рон, коротко засмеявшись, обнял ее.

– Гарри, – сказал он, глядя поверх ее плеча, – я...

– Ничего, – ответил Гарри. Ему становилось все хуже, голова раскалывалась. – Конечно, ты волнуешься за семью. Это нормально. Я бы тоже... – Он подумал о Джинни. – *Я тоже* волнуюсь.

Боль в шраме сделалась нестерпимой, как в тот раз в «Гнезде». Он едва слышал слова Гермионы:

– Я не хочу оставаться одна. Я взяла спальные – можно мы в них поспим здесь?

Рон согласился. У Гарри уже не было сил: пришлось подчиниться боли.

– Я в ванную, – пробормотал он и вышел из комнаты, стараясь не побежать.

Он едва успел: трясущимися руками заперев дверь, он обхватил голову и рухнул на пол. Чужая ярость взорвалась в нем, заполонила душу. Он увидел длинную комнату, освещенную лишь камином, и светловолосого здоровяка на полу. Тот кричал, дергался, а над ним,

подняв волшебную палочку, стоял кто-то поменьше. Гарри беспощадно заговорил; голос его был пронзителен и холоден:

– Еще, Раул? Или закончим и скормим тебя Нагини? Лорд Вольдеморт не уверен, что способен снова тебя простить... Ты посмел вызвать меня *за этим*? Сообщить, что Гарри Поттер в очередной раз улизнул? Драко, покажи Раулу еще раз, как мы им недовольны... Давай же – не то сам узнаешь!

В камине упало полено; пламя занялось, осветило испуганно побелевшее острое лицо... Гарри, словно вынырнув с большой глубины, хрипло вдохнул и открыл глаза.

Он лежал, раскинувшись на холодном черном мраморе, носом в паре дюймов от серебряных змей, на которых стояла ванна. Гарри сел. Тоскливое, окаменевшее лицо Малфоя словно отчеканилось на внутренней стороне век. Гарри затошнило от того, что он видел, от того, как Вольдеморт использовал теперь Драко.

В дверь громко постучали. Гарри вздрогнул, а голос Гермионы произнес:

– Гарри, твоя зубная щетка у меня. Нужна?

– Да, спасибо, – сказал он с деланным спокойствием и встал, чтобы впустить Гермиону.

Глава десятая

История Шкверчка

Наутро Гарри проснулся рано, в спальном мешке на полу гостиной. Сквозь тяжелые шторы виднелся кусочек неба, какое бывает перед рассветом, – холодного, чистого, цвета разбавленных синих чернил. Тишину в комнате нарушало лишь медленное, глубокое дыхание Рона и Гермионы. Гарри посмотрел на их очертания в темноте. Рон в порыве галантности настоял, чтобы Гермиона спала на диванных подушках, и ее силуэт возвышался над ним. Рука Гермионы свисала вниз, пальцы почти касались руки Рона. Видно, заснули, держась за руки. Гарри стало как-то одиноко.

Он взглянул на потолок, где играли тени, на люстру, откуда свисала паутина. Не прошло и суток с тех пор, как он стоял под ярким солнцем у входа в свадебный шатер и ждал гостей. Словно целую жизнь назад... А что теперь? Он лежал на полу и думал об окаянтах, о страшной, тяжелой миссии, которую возложил на него Думбльдор... Думбльдор...

Гарри, как и прежде, горевал, но по-другому. Обвинения Мюриэль засели в мозгу, словно что-то болезненное, отравленное, и омрачали воспоминания о человеке, который всегда был его идиолом. Неужели Думбльдор на такое способен? Неужели когда-то он ничем не отличался от Дудли, равнодушного к издевательствам, пока издеваются не над ним? Неужели мог отвернуться от запертой в подвале сестры?

Гарри думал о Годриковой Лощине, о могилах, ни разу не упомянутых Думбльдором, о странных предметах, без объяснения оставленных по завещанию, и все больше негодовал. Почему Думбльдор ничего не сказал? Почему не объяснил? Правда ли он любил Гарри или тот был лишь инструментом, который заботливо настраивают, полируют, но даже не помышляют ему довериться?

Гарри стало тошно лежать вот так, в компании горьких мыслей. Срочно требовалось отвлечься; он вылез из спальника, взял палочку и тихо вышел из комнаты. На лестнице прошептал:

– Люмос, – и зашагал вверх по ступеням, озаренным волшебным светом.

Выше этажом располагалась спальня, где они с Роном жили в прошлый раз. Он заглянул туда. Двери шкафа распахнуты, постельное белье сорвано с кровати. Гарри вспомнил опрокинутую ногу тролля вниз. Кто-то обыскивал дом после отъезда Ордена. Злей? Мундугнус, который много чего спер отсюда и до и после смерти Сириуса? Взгляд Гарри упал на портрет, где иногда появлялся Финей Нигеллий Блэк, Сириусов прапрадед. Пусто; один только грязный фон. Очевидно, Финей Нигеллий коротает ночь в кабинете директора «Хогварца».

Гарри поднялся еще выше. Здесь было лишь две двери; на одной висела именная табличка: «Сириус». Гарри никогда раньше не заходил в спальню крестного. Он толкнул дверь и высоко поднял волшебную палочку, чтобы осветить побольше.

Просторная и когда-то, должно быть, очень красивая комната. Большая резная кровать. Высокое окно, закрытое длинными бархатными шторами. На потолке – очень пыльная люстра с огарками свечей, застывший воск свисает сосульками. Фотографии на стенах и изголовье кровати тоже покрыты слоем пыли. От люстры к большому деревянному гардеробу тянется паутина. Гарри вошел. Где-то зашуршали потревоженные мыши.

Подросток Сириус сплошь оклеил стены своей спальни плакатами и фотографиями – лишь кое-где проглядывал серебристо-серый шелк. Очевидно, все это осталось здесь потому, что родители Сириуса не сумели снять неотлипное заклятие; вряд ли они одобряли художественный вкус старшего сына. И Сириус, похоже, из кожи вон лез, чтобы им досадить. В комнате, тускло отливая алым и золотым, висело несколько больших знамен «Гриффиндора» – очевидно, в пике семье, поголовно учившейся в «Слизерине»; на стенах фотографии мугловых мотоциклов и (что говорить, смело) несколько плакатов с красотками-муглянками в бикини. О том, что это муглянки, Гарри догадался, потому что они не двигались. Улыбки выцвели, глаза застыли. На единственном волшебном снимке, среди прочих сразу заметном, смеясь, рука об руку стояли четверо учеников «Хогварца».

Гарри узнал отца и задохнулся от радости. Очки, растрепанные волосы торчат совсем как у сына. Рядом Сириус, очень красивый, беззаботный. Молодое, чуть высокомерное лицо – Гарри никогда не

видел его таким счастливым. Справа от Сириуса – Петтигрю, на голову с лишним ниже остальных, толстенький, с водянистыми глазками. Щеки залиты румянцем от удовольствия – как же, Сириус и Джеймс, крутая компания бунтарей, позвали его к себе! А слева от Джеймса – Люпин, уже тогда немного оборванный, но тоже удивленный и счастливый – его полюбили, приняли... Или Гарри видел это, потому что знал их историю? Он попробовал снять фотографию со стены – она ведь, в конце концов, теперь его, как и прочее имущество Сириуса, – но снимок не поддался. Сириус не оставил родителям ни единого шанса устроить здесь ремонт.

Гарри осмотрелся. За окном посветлело: стали видны книги, клочки пергамента и всякие мелочи на ковре. Значит, и комнату Сириуса обыскивали, но все или почти все, что тут находилось, сочли бесполезной ерундой. Несколько книг грубо распотрошили, оторвав обложки, а листы раскидали по полу.

Гарри наклонился и поднял пару обрывков. Страница из старого издания «Истории магии» Батильды Бэгшот, кусок инструкции по техобслуживанию мотоциклов. Еще что-то... Написано от руки и сильно скомкано. Гарри расправил листок.

Дорогой Мягколап,

Спасибо, спасибо, спасибо за подарок Гарри на день рождения! Твой понравился ему больше всех! Конечно – игрушечная метла! Подумай, ему только годик, а он носился вовсю, и в полном восторге – посылаю тебе фотографию, сам посмотри. Метла, понятно, поднимается лишь на пару футов, но Гарри чуть не прикончил кота и разбил ужасную вазу, которую Петуния подарила на Рождество (тут я не в обиде). Джеймс, конечно, смеется и утверждает, что наш сын станет звездой квиддиша, но нам все равно пришлось убрать подальше хрупкие вещи, и мы не спускаем с Гарри глаз, пока он летает.

День рождения вышел очень скромным, попили чаю со старушкой Батильдой, она к нам очень добра и обожает Гарри. Жалко, ты не смог выбраться, но дела Ордена, разумеется, важнее, а Гарри все равно еще маленький и про день рождения не понимает! Джеймс взаперти мается – храбрится, но я же вижу... А Думбльдор никак не вернет плащ-невидимку – не погуляешь. Хоть бы ты заглянул ненадолго, он бы взбодрился. На выходных заходил

Червячишка. По-моему, он чем-то расстроен, наверное, из-за Маккиннонов, я весь вечер проплакала, когда узнала.

Батильда заглядывает почти каждый день. Удивительная старушка! Плетет невесть что о Думбльдоре – вряд ли он бы порадовался! Не знаю, верить или нет: немыслимо, чтобы Думбльдор...

У Гарри онемели руки и ноги. Он замер, сжимая в бесчувственных пальцах чудесный клочок пергамента, но внутри у него что-то тихо взорвалось, разгоняя по венам радость пополам с печалью. Он нетвердо добрал до кровати и сел.

Он перечитал письмо, но уловил не больше смысла, чем в первый раз, и просто рассматривал почерк. Буква «д» такая же, как у него. Он нашел их все, и на каждой ему словно дружески махали из-за завесы. Письмо было невероятным сокровищем, доказательством того, что Лили Поттер жила на свете и ее теплая рука, двигаясь по этому самому пергаменту, выводила буквы чернилами, писала о Гарри, ее сыне...

Нетерпеливо смахнув слезы, он еще раз пробежал глазами письмо и на сей раз постарался вникнуть в текст. Он будто слушал чей-то полузабытый голос.

Оказывается, у них был кот... погиб, наверное, вместе с родителями... или сбежал: некому стало кормить... первую метлу ему купил Сириус... родители знали Батильду Бэгшот... кто их познакомил, Думбльдор? Думбльдор никак не вернет плащ-невидимку... вот тут что-то странное...

Гарри задумался над словами матери. Зачем Думбльдору понадобился плащ-невидимка? Гарри отчетливо помнил его слова: «Мне плащ не нужен, чтобы стать невидимым». Вероятно, другому, менее одаренному члену Ордена, потребовалась помощь, и Думбльдор передал плащ ему? Что там еще?..

Заходил Червячишка... Петтигрю, предатель, был «расстроен», скажите пожалуйста! Интересно, он уже знал, что видит Джеймса и Лили в последний раз?..

И наконец Батильда с невероятными рассказами о Думбльдоре... *Немыслимо, чтобы Думбльдор...*

«Немыслимо»... Что? О Думбльдоре можно сочинить много немыслимого. Думбльдору когда-нибудь ставили «ужасающе» по превращениям? Или он, по примеру Аберфорса, зачаровывал коз?..

Гарри вскочил и без особых церемоний – как и те, кто успел здесь похозяйничать до него, – переворошил бумаги на полу: нет ли среди них окончания письма? Повывдвигал ящики. Перетряс книги. Встал на стул, заглянул на шкаф, затем под кресло и под кровать.

Тогда-то, лежа животом на полу, он заметил под тумбочкой клочок – как выяснилось, обрывок фотографии, о которой Лили упомянула в письме. Черноволосый малыш, хохоча, влетал и вылетал со снимка на крошечной метле, а за ним бегали чьи-то ноги – должно быть, Джеймс... Гарри сунул находку в карман к письму Лили и вновь занялся поисками второй части письма.

Но пятнадцать минут спустя ему пришлось признать поражение. Либо второй листок успел затеряться за шестнадцать лет, что миновали со дня его написания, либо его забрали те, кто обыскивал комнату. Гарри еще раз прочел начало, пытаясь понять, что могло заинтересовать Упивающихся Смертью. Вряд ли игрушечная метла. Внимания стоила лишь фраза о Думбльдоре. «Немыслимо, чтобы Думбльдор...» И что же Думбльдор?

– Гарри? Гарри! *Гарри!*

– Я тут! – откликнулся он. – В чем дело?

Снаружи затопотали, и в комнату влетела Гермиона.

– Мы проснулись, а тебя нет! – задыхаясь, выпалила она. Потом обернулась и крикнула через плечо: – Рон! Гарри здесь!

Рон сердито заорал снизу:

– Отлично! Тогда передай от меня, что он урод!

– Гарри, пожалуйста, не исчезай так больше, мы жутко перепугались! Как тебя сюда занесло? – Она оглядела перевернутую вверх дном комнату. – Что ты здесь делал?

– Смотри, что я нашел.

Гарри дал ей письмо и посмотрел, как она читает. Она дошла до конца и подняла глаза:

– Ой, Гарри...

– И вот еще.

Гарри протянул ей обрывок волшебного снимка. Гермиона, улыбаясь, поглядела на малыша, сновавшего туда-сюда на игрушечной метле.

– Я искал окончание, – сказал Гарри, – но его тут нет.

Гермиона осмотрелась.

– Это ты все раскидал? Или так и было?

– Было, – ответил Гарри.

– Так я и думала. Во всем доме кавардак. Как думаешь, что они искали?

– Если это Злей, то сведения об Ордене.

– Зачем, если он сам был членом Ордена?

– Или, – сказал Гарри – ему не терпелось поделиться догадками, – сведения о Думбльдоре. Во второй части письма. Мама упоминает некую Батильду. Догадываешься, о ком речь?

– О ком?

– Батильда Бэгшот, автор...

– «Истории магии»? – оживилась Гермиона. – И твои родители ее знали? Она же выдающийся историк!

– Да, – ответил Гарри, – и живет в Годриковой Лощине. Тетя Мюриэль говорила про нее на свадьбе. Батильда знала и семью Думбльдора. Любопытно было бы с ней пообщаться, а?

Гермиона ответила понимающей улыбкой – слишком уж понимающей. Гарри забрал письмо и фотографию и спрятал в кисет, чтобы не смотреть на Гермиону и не выдать себя.

– Я понимаю, что тебе хочется побольше разузнать о своей семье и о Думбльдоре, – сказала она. – Но в поисках окаянтов это мало поможет, согласись. – Гарри молчал, и Гермиона продолжила настойчивей: – Гарри, я знаю, ты хочешь в Годрикову Лощину, но... мне страшно... Вчера Упивающиеся Смертью так легко нас нашли. Я на сто процентов уверена: надо держаться подальше от могил твоих родителей. Там тебя поджидают.

– Дело не только в этом. – Гарри по-прежнему на нее не смотрел. – Мюриэль на свадьбе наплела про Думбльдора... всякое разное. Так вот, я хочу знать правду...

И он пересказал Гермионе все. Выслушав, она заговорила:

– Я понимаю, почему ты расстроен, но...

– Ничего не расстроен, – солгал Гарри. – Просто хочу выяснить, правда это или нет.

– Гарри, ты действительно думаешь, что добьешься правды от зловредной Мюриэль или от Риты Вритер? Как можно им верить? Ты ведь знал Думбльдора лично!

– Думал, что знал, – пробормотал Гарри.

– Забыл, что Рита писала о тебе самом? Дож прав: нельзя позволять таким людям омрачать твои воспоминания!

Гарри отвернулся, чтобы скрыть досаду. Снова здорово: выбирай, верить – не верить. Важна правда! А все почему-то уверены, что ему лучше ее не знать.

– Пойдем на кухню? – помолчав, предложила Гермиона. – Поищем, чем бы позавтракать.

Гарри неохотно согласился, вышел вслед за ней из комнаты и, минуя вторую дверь, заметил под табличкой, которую раньше не разглядел в темноте, глубокие царапины в краске. Остановившись на верхней ступеньке, Гарри прочитал аккуратную витиеватую надпись от руки:

*Не входить
без особого разрешения
Регула Арктура Блэка*

Нечто подобное вполне мог бы повесить на своей двери Перси Уизли. Гарри разволновался, сам еще не понимая почему. Он перечитал надпись. Гермиона тем временем успела спуститься на пол-этажа.

– Гермиона, – сказал Гарри и удивился, до чего спокоен его голос. – Поднимись-ка.

– А что?

– Кажется, я нашел Р. А. Б.

Гермиона ахнула и взбежала наверх.

– В письме твоей мамы? Но я не заметила...

Гарри покачал головой и указал на дверь. Гермиона прочла надпись и вцепилась Гарри в руку так, что он поморщился от боли.

– Брат Сириуса? – прошептала она.

– Он был Упивающимся Смертью, – сказал Гарри. – Сириус говорил. Регул примкнул к Волдеморту совсем мальчишкой, потом испугался, хотел выйти из игры... и его убили.

– Все сходится! – воскликнула Гермиона. – Он был Упивающимся Смертью, знал Волдеморта, разочаровался в нем и решил его свергнуть!

Она отпустила Гарри, перегнулась через перила и закричала:

– Рон! РОН! Скорее сюда!

Рон явился через минуту, запыхавшись, с палочкой наготове.

– Что стряслось? Если опять гигантские пауки, давайте сначала позавтракаем...

Он нахмурился и всмотрелся в надпись, на которую молча показывала Гермиона.

– Регул Арктур... Брат Сириуса? Регул... *Р. А. Б.!* ... Медальон... То есть, по-вашему?..

– Пошли выясним. – Гарри толкнул тяжелую дверь, но та оказалась заперта.

Гермиона поднесла к дверной ручке волшебную палочку и произнесла:

– Алохомора. – Что-то щелкнуло, и дверь открылась.

Все трое переступили порог и осмотрелись. Спальня Регула была чуть меньше комнаты Сириуса, но некогда так же великолепна. Только Регул, в противоположность Сириусу, стремился подчеркнуть не свое отличие, а свою принадлежность семье Блэков. Балдахин кровати, стены, оконные рамы – всюду царили изумрудный и серебристый, цвета «Слизерина». Над кроватью вместе с семейным девизом «Чисты навеки» красовался тщательно прорисованный фамильный герб. Под ним своеобразным коллажем висели пожелтевшие от времени газетные вырезки. Гермиона подошла к ним, всмотрелась.

– Все о Вольдеморте, – сказала она. – Похоже, Регул не один год был поклонником, прежде чем стал Упивающимся Смертью...

Она села на кровать, чтобы прочитать заметки, и над покрывалом поднялось облачко пыли. Гарри между тем заметил фотографию квидишной команды «Хогварца». Все улыбались, махали руками. Приблизившись, Гарри разглядел на их формах вышитых змей. Слизеринцы. В середине первого ряда сидел Регул. Его легко было узнать: похож на Сириуса – те же темные волосы и слегка надменное лицо, – хотя вовсе не так красив, и фигура субтильнее.

– Он был Ловчим, – заметил Гарри.

– Что? – рассеянно переспросила Гермиона, не отрываясь от газетных вырезок.

– Он сидит в середине первого ряда, а Ловчих обычно... Ну, не важно. – Гарри понял, что его не слушают. Рон, стоя на четвереньках, шарил под шкафом. Гарри огляделся: где тут могут быть тайники? Он подошел к письменному столу, который, естественно, тоже успели

обыскать: пыль размазана, в ящиках все разворочено. Впрочем, интересного ничего: старые перья, сильно потрепанные учебники. И чернильница, разбитая недавно: чернила на вещах в ящике не до конца высохли.

— Есть способ проще, — сказала Гермиона, когда Гарри стал вытирать липкие пальцы о джинсы. Она подняла волшебную палочку и произнесла: — Акцио медальон!

Ничего не произошло. Рон, который перетряхивал складки выцветших штор, разочарованно протянул:

— Выходит, и здесь его нет?

— Может, и есть, но под контрзаклятиями, — ответила Гермиона. — Чтобы не призывался магически.

— Вольдемо́рт так зачаровал каменную чашу в пещере. — Гарри вспомнил, как ему не удалось призвать фальшивый медальон.

— Ну и как его искать? — спросил Рон.

— Вручную, — ответила Гермиона.

— Гениально, — Рон закатил глаза и вновь занялся шторами.

Они больше часа прочесывали комнату дюйм за дюймом, но в конце концов признали, что медальона здесь нет.

Солнце поднялось высоко, его лучи слепили даже сквозь грязные окна на лестнице.

— Возможно, он еще где-то в доме, — ободрила Гермиона, когда они спускались. Чем сильнее падали духом Гарри и Рон, тем решительней становилась она. — Не важно, уничтожил Регул окаянт или нет, его все равно надо было надежно спрятать от Вольдеморта, верно? Вспомните всю дрянь, от которой пришлось избавляться два года назад. Часы, которые швырялись шурупами, мантия, которая пыталась задушить Рона, — все это могло защищать тайник с медальоном, хоть мы тогда и не... и не...

Гарри и Рон повернулись к ней. Гермиона застыла с поднятой ногой, невидяще глядя вперед, будто ей только что модифицировали память.

— ...догадывались, — шепотом закончила она.

— Что такое? — спросил Рон.

— Там был медальон.

— Где?! — в один голос закричали Рон и Гарри.

— В серванте в гостиной. Никто не смог его открыть, и мы... мы...

Гарри показалось, будто какой-то кирпич провалился сквозь его грудь в живот. Он тоже вспомнил, как держал медальон в руках и как они по очереди пытались его открыть. А потом выбросили в мусор вместе с табакеркой бородавочного порошка и музыкальной шкатулкой, которая всех усыпляла...

– Шкверчок многое перетащил к себе. – Гарри уцепился за этот последний шанс, тонкую ниточку надежды, и не собирался отпускать, пока ее силой не вырвут из рук. – Кучу хлама перепрятал в чулан на кухне. Идем.

Он кинулся вниз, прыгая через две ступеньки. Рон и Гермиона неслись за ним. Они так шумели, что, пробегая через холл, разбудили портрет матери Сириуса.

– *Мерзавцы! Мугродье! Срам!* – звучало им вслед, пока они не захлопнули за собой дверь.

Гарри промчался через кухню и распахнул дверь в каморку Шкверчка. Внутри по-прежнему валялись грязные старые одеяла – постель домового эльфа, но среди них больше не поблескивали безделушки, спасенные Шкверчком. Тут не было ничего, кроме старой книги «Истоки благородства: колдовская генеалогия». Отказываясь верить глазам, Гарри перетряхнул тряпки. Оттуда выпала и покатилась по полу дохлая мышь. Рон застонал и рухнул на табурет; Гермиона зажмурилась.

– Это еще не все, – сказал Гарри и крикнул: – *Шкверчок!*

Раздался громкий треск, и у пустого холодного очага возник из воздуха домовый эльф, которого Гарри с большой неохотой унаследовал от Сириуса, – маленький, в половину человеческого роста, с бледной кожей, висевшей складками. Из ушей, похожих на крылья летучей мыши, торчали густые кустики белых волос. Эльф кутался в те же засаленные лохмотья, что и при первом знакомстве, а по его высокомерному взгляду Гарри понял, что и сменой владельца Шкверчок недоволен по-прежнему.

– Хозяин, – по-жабьи проскрипел эльф и согнулся в низком поклоне, бормоча себе в колени: – Вернулся в дом госпожи вместе с предателем крови Уизли и мугродьем...

– Я запрещаю тебе называть людей «предателями крови» и «мугродьем», – прорычал Гарри. Даже если бы эльф не выдал Сириуса Вольдеморту, Гарри все равно ненавидел бы Шкверчка, этот его

хоботок и налитые кровью глаза. – У меня к тебе вопрос, – сердце Гарри часто забилося, – и я приказываю говорить правду. Ясно?

– Да, хозяин. – Шкверчок снова низко поклонился. Гарри видел, что эльф шевелит губами, беззвучно произносит запрещенные слова.

– Два года назад, – сердце Гарри молотом билось о ребра, – в гостиной наверху лежал большой золотой медальон. Мы его выбросили. А ты подобрал?

Ненадолго наступила тишина. Шкверчок выпрямился, посмотрел Гарри в лицо и сказал:

– Да.

– Где он сейчас? – торжествующе спросил Гарри. Рон и Гермиона просияли.

Шкверчок закрыл глаза, словно не желая видеть, как их обрадует его ответ.

– Нету.

– Нету? – эхом повторил Гарри. Ликование мигом схлынуло. – Что значит нету?

Эльфа передернуло, и он покачнулся.

– Шкверчок, – вскипел Гарри, – я приказываю...

– Мундугнус Флетчер, – проскрипел эльф, не открывая глаз. – Мундугнус Флетчер забрал все: фотографии мисс Беллы и мисс Циссы, перчатки моей госпожи, орден Мерлина первой степени, кубки с фамильным гербом и... и...

Шкверчок будто захлебывался, его грудь вздымалась. Затем он вдруг распахнул глаза и страшно закричал:

– ...и медальон, медальон хозяина Регула, Шкверчок не справился, не выполнил приказ!

Гарри отреагировал инстинктивно: бросился на Шкверчка, прижал к полу и не дал выхватить кочергу из-за каминной решетки. Вопль Гермионы смешался с воплем эльфа, но Гарри заорал громче всех:

– Шкверчок! Приказываю: не шевелись!

Он почувствовал, что эльф замер, и отпустил его. Шкверчок неподвижно лежал на холодном каменном полу. Из глаз его текли слезы.

– Гарри, позволь ему встать! – шепотом попросила Гермиона.

– Чтобы он забил себя кочергой? – фыркнул Гарри, опускаясь на колени возле эльфа. – Обойдется. Ладно, Шкверчок, говори правду:

откуда знаешь, что медальон украл Мундугнус Флетчер?

– Шкверчок сам видел! – возопил эльф, и слезы потекли ему в рот, на серые зубы. – Шкверчок видел, как Мундугнус Флетчер выходил из каморки Шкверчка, уносил сокровища Шкверчка. Шкверчок велел подлому вору остановиться, но Мундугнус Флетчер засмеялся и убежал...

– Ты сказал «медальон хозяина Регула»? – переспросил Гарри. – Почему именно Регула? Откуда взялся медальон? Шкверчок, сядь и расскажи все, что знаешь о медальоне, и при чем тут Регул!

Эльф сел, сжался в комок, прильнул заплаканным лицом к коленям и закачался взад-вперед. А потом в тишине гулкой кухни заговорил глухо, но отчетливо:

– Хозяин Сириус сбежал из дому, и скатертью дорога, нехороший мальчик, непослушный, разбил сердце госпожи своими незаконными делами. Но хозяин Регул был достойный, гордый, ему дорого было имя Блэков, он ценил чистоту крови. Много лет все твердил о Черном Лорде, который хотел дать колдунам власть, чтоб они не прятались, а правили муглами и муглокровками... В шестнадцать лет хозяин Регул пошел служить Черному Лорду. Гордился, так гордился, так был счастлив... А однажды, спустя год, хозяин Регул спустился в кухню проведать Шкверчка. Хозяин Регул любил Шкверчка, и хозяин Регул сказал... сказал... – Шкверчок закачался быстрее, – ...сказал, что Черному Лорду нужен эльф.

– Вольдеморту – эльф? – повторил Гарри, оглядываясь на Рона с Гермионой. Те были озадачены не меньше.

– Да, – простонал Шкверчок, – и хозяин Регул предложил ему Шкверчка. Хозяин Регул сказал, что это большая честь для него и для Шкверчка, Шкверчок обязан сделать все, что прикажет Черный Лорд... и в-вернуться домой. – Эльф раскачивался все быстрее, из его груди вырывались всхлипы. – Шкверчок пошел к Черному Лорду, но Черный Лорд не сказал Шкверчку, что делать, он взял Шкверчка с собой в пещеру на берегу моря. В пещере был подземный зал, а в зале большое черное озеро...

Волосы у Гарри встали дыбом. Казалось, скрежещущий голос эльфа доносится к нему через темные озерные воды. Гарри почти воочию увидел все, что произошло.

– ...там была лодка...

Разумеется, лодка, Гарри прекрасно ее помнил – призрачно-зеленую, маленькую, заколдованную так, что в ней могли плыть только колдун и жертва и только к острову посреди озера. Вот как, значит, Вольдеморт испытывал защиту окаянта – позаимствовал ничемное существо на выброс, домового эльфа...

– На острове стояла ч-чаша с зельем... Черный Лорд заставил Шкверчка пить...

Эльф затрясся всем телом.

– Шкверчок пил, и когда пил, видел ужасные вещи... внутри у Шкверчка все горело... Шкверчок звал на помощь хозяина Регула и госпожу Блэк, но Черный Лорд лишь смеялся... он заставил Шкверчка выпить зелье до дна... и бросил медальон в пустую чашу... и наполнил ее зельем снова... А потом Черный Лорд уплыл в лодке, бросил Шкверчка на острове...

Гарри отчетливо представлял себе эту картину: бледное змеиное лицо Вольдеморта исчезает во тьме, красные глаза равнодушно взирают на муки обреченного эльфа, доживающего последние минуты, – яд вызывал жажду, которой не одолеть... Но тут воображение отказало Гарри. Он не представлял, как Шкверчку удалось выбраться.

– Шкверчок очень хотел пить, он подполз к берегу и попил из черного озера... из воды потянулись руки, мертвые руки, потащили Шкверчка на глубину...

– Как же ты выбрался? – Гарри совсем не удивился, что говорит шепотом.

Шкверчок поднял уродливое лицо и посмотрел на Гарри большими, в красных прожилках глазами.

– Хозяин Регул приказал Шкверчку вернуться, – ответил он.

– Ясно, но... как ты вырвался от инферний?

Шкверчок, похоже, не понимал.

– Хозяин Регул приказал Шкверчку вернуться, – повторил он.

– Ну да, но...

– Что неясно? – вмешался Рон. – Он дезаппарировал!

– Но... там нельзя аппарировать, иначе бы Думбльдор...

– У эльфов своя магия, – сказал Рон. – Например, в «Хогварце» они могут аппарировать, а мы нет.

Наступила тишина. Гарри молчал и думал. Неужели Вольдеморт допустил такую ошибку? Но тут раздался ледяной голос Гермионы:

– Естественно, Вольдеморт считает магию эльфов недостойной внимания. Чистокровные колдуны обращаются с ними, как с животными... ему бы и в голову не пришло, что эльфы способны на то, что недоступно ему.

– Высший закон домового эльфа – воля хозяина, – нараспев произнес Шкверчок. – Шкверчку приказали вернуться домой, и Шкверчок вернулся...

– Значит, ты сделал то, что велено, – мягко сказала Гермиона. – Ты вовсе не ослушался приказа!

Быстро раскачиваясь, Шкверчок замотал головой.

– И что было, когда ты вернулся? – спросил Гарри. – Что сказал Регул, когда все узнал?

– Хозяин Регул сильно разволновался, очень сильно, – проскрипел Шкверчок. – Хозяин Регул приказал Шкверчку сидеть тихо и не выходить из дома... а потом... прошло совсем немного времени... однажды ночью хозяин Регул пришел к Шкверчку в каморку... Хозяин Регул вел себя очень странно, не как обычно, Шкверчок видел, что хозяин не в себе... И хозяин попросил Шкверчка отвести его в пещеру, куда Шкверчок ходил с Черным Лордом...

И они отправились туда. Перед глазами Гарри вновь разворачивалась картина: напуганный старый эльф и худой черноволосый Ловчий, так похожий на Сириуса... Шкверчок знал, как открыть запечатанный вход в подземную пещеру и как поднять маленькую лодку, но на этот раз к острову и чаше яда с ним плыл его обожаемый Регул...

– Он тоже заставил тебя пить зелье? – в омерзении спросил Гарри.

Шкверчок потряс головой и заплакал. Гермиона прижала ладонь ко рту: очевидно, уже обо всем догадалась.

– Х-хозяин Регул достал из кармана медальон, такой же, как у Черного Лорда. – Слезы лились по хоботку Шкверчка. – Хозяин Регул отдал его Шкверчку и велел, когда чаша опустеет, поменять медальоны...

Эльф всхлипывал громко и хрипло – Гарри с трудом понимал, что тот говорит.

– И он приказал... Шкверчку уходить... без него. Сказал Шкверчку... идти домой... и никогда не признаваться госпоже... что сделал хозяин... и уничтожить... первый медальон. И хозяин Регул выпил... зелье до дна... и Шкверчок поменял медальоны... и смотрел... как хозяина Регула... утащили под воду... и...

– Ой, Шкверчок! – воскликнула плачущая Гермиона, упала на колени возле эльфа и попыталась его обнять. В ту же секунду он вскочил и отпрянул с явной гадливостью.

– Мугродье коснулось Шкверчка, он не допустит, что скажет его госпожа?

– Я же велел не называть никого мугродем! – рявкнул Гарри, но Шкверчок уже наказывал сам себя: упал и принялся биться головой об пол.

– Останови его... останови! – завопила Гермиона. – Ну, теперь ты видишь, до чего доводит их идиотское послушание?

– Шкверчок... стоп! Стоп! – крикнул Гарри.

Эльф лежал на полу, тяжело дыша и вздрагивая. На хоботке поблескивала зеленая слизь, на мертвенно-бледном лбу уже расцветал синяк, глаза распухли, налились кровью и были полны слез. Гарри в жизни не видел ничего более жалкого.

– Итак, ты принес медальон домой, – продолжил он допрос, твердо решив узнать все до конца. – И попробовал его уничтожить?

– Что Шкверчок ни делал, ничего не помогало, на медальоне ни царапины, – простонал эльф. – Шкверчок использовал все, что знал, но ни одно заклинание не действовало... очень сильная защита... Шкверчок был уверен, что медальон получится уничтожить, если открыть, но медальон никак не открывался... Шкверчок наказывал себя и пробовал снова, и опять наказывал, и опять пробовал. Шкверчок не выполнил приказ, не уничтожил медальон! А госпожа сошла с ума от горя, потому что хозяин Регул пропал, но Шкверчок не мог ничего рассказать, потому что хозяин Регул з-запретил... рассказывать семье, что случилось в пе-пещере...

Шкверчок разрыдался так, что разобрать слова стало невозможно. По щекам Гермионы бежали слезы. Она смотрела на эльфа, но больше не смела его коснуться. Расстроился даже Рон, откровенно не любивший Шкверчка. Гарри сел на пятки и встряхнул головой, чтобы привести мысли в порядок.

– Я не понимаю тебя, Шкверчок, – наконец сказал он. – Вольдеморт пытался тебя убить, Регул погиб, борясь с Вольдемортом, а ты все равно радостно предал Сириуса? Побегал к Нарциссе и Беллатрикс и через них докладывал Вольдеморту...

– Гарри, у Шкверчка другая логика, – перебила Гермиона, утирая слезы. – Он раб. Домовые эльфы привычны к плохому и даже жестокому обращению. То, что сделал с ним Вольдеморт, в его понимании – практически нормально. Что ему до колдовских войн? Он верен тем, кто к нему добр, а миссис Блэк была к нему добра, и Регул, несомненно, тоже. Вот он и служил им с готовностью, и перенял их воззрения. Я знаю, что ты хочешь сказать, – прибавила она, когда Гарри собрался возразить. – Что воззрения Регула изменились... но Шкверчку он, видимо, так ничего и не объяснил. И я, кажется, знаю почему: и для Шкверчка, и для семьи Регула безопаснее было по-прежнему твердить о величии чистокровок. Регул пытался их защитить.

– Но Сириус...

– Сириус обращался со Шкверчком ужасно, и не надо на меня так смотреть, ты сам знаешь, что это правда. Перед тем как Сириус здесь поселился, Шкверчок долго жил один и отчаянно нуждался хоть в капле доброты. Я уверена, когда Шкверчок пришел к «мисс Циссе» и «мисс Белле», те обошлись с ним ласково, вот он из благодарности и рассказал все, о чем они спрашивали. Я всегда говорила, что колдуны рано или поздно поплатятся за плохое обращение с домовыми эльфами. Вольдеморт уже... да и Сириус.

У Гарри не нашлось слова против. Глядя на всхлипывающего Шкверчка, он вспомнил, что сказал Думбльдор всего через пару часов после гибели Сириуса: *«По-моему, Сириус не верил, что чувства Шкверчка столь же сильны, как и человеческие...»*

– Шкверчок, – попросил он чуть погодя, – когда будешь в силах... ммм... сядь, пожалуйста.

Прошло несколько минут, прежде чем Шкверчок перестал рыдать. Затем, икая, с усилием сел и потер глаза кулачками, как ребенок.

– Шкверчок, я хочу тебя кое о чем попросить, – продолжал Гарри и в поисках поддержки глянул на Гермиону. Он хотел отдать приказ по-доброму, но так, чтобы было понятно: это – приказ. Впрочем, всего лишь переменив тон, он добился одобрения – Гермиона поощрительно

улыбнулась. – Шкверчок, я прошу тебя разыскать Мундугнуса Флетчера. Нам нужно выяснить, где медальон... Медальон хозяина Регула. Это очень важно. Мы хотим закончить дело, начатое хозяином Регулом. Хотим... э-э... чтобы его смерть не была напрасной.

Шкверчок опустил кулачки и посмотрел на Гарри.

– Найти Мундугнуса Флетчера? – проскрипел он.

– И доставить сюда, на площадь Мракэнтлен, – сказал Гарри. – Как думаешь, сможешь?

Шкверчок кивнул, поднялся на ноги – и тут Гарри осенило. Он достал из Огридова кисета фальшивый окаянт – медальон, куда Регул вложил свою записку Вольдеморту.

– Шкверчок, я... э-э... вот... хочу тебе подарить. – Он вложил медальон в руку эльфа. – Это вещь Регула. Я уверен, что он и сам отдал бы ее тебе в знак благодарности...

– Перебор, друг, – констатировал Рон, когда эльф при виде медальона протяжно взвыл от горя и потрясения и опять повалился на пол.

Успокаивали Шкверчка около получаса. Эльф был так счастлив получить в собственность семейную реликвию Блэков, что у него подгибались ноги. Когда наконец он кое-как смог встать, его проводили в каморку – где он спрятал медальон в грязных тряпках – и заверили, что будут свято оберегать сокровище в его отсутствие. Затем Шкверчок дважды низко поклонился Гарри и Рону и даже как-то судорожно дернулся в сторону Гермионы – не исключено, что почтительно отсалютовал. А затем с громким хлопком дезаппарировал.

Глава одиннадцатая

Взятка

Если Шкверчок смог спастись от inferний, то поймать Мундугнуса для него – раз плюнуть, нисколько не сомневался Гарри. Сгорая от нетерпения, он бродил по дому, однако Шкверчок не вернулся ни до полудня, ни после. К вечеру Гарри пал духом. Его снедала тревога, и ужин из заплесневелого хлеба, который Гермиона множеством заклинаний безуспешно пыталась превратить во что-нибудь приличное, отнюдь не улучшил настроения.

Прошел день, другой – Шкверчок не возвращался. Зато на площади против дома появились двое в мантиях и проторчали до глубокой ночи, пристально вглядываясь туда, где стоял невидимый для них дом.

– Упивающиеся Смертью, точно, – изрек Рон, вместе с Гермионой и Гарри глядя в окно гостиной. – Как думаете, они знают, что мы здесь?

– Вряд ли, – ответила Гермиона, хотя в ее голосе звучал страх. – Не то послали бы Злея.

– Думаешь, он здесь побывал и его язык связан заклятием Хмури? – спросил Рон.

– Да, – кивнула Гермиона. – Иначе он давно бы рассказал своим, как сюда пробраться. А они, похоже, нас подстерегают. Знают, что Гарри унаследовал дом.

– Откуда... – начал Гарри.

– Завешания колдунов проходят через министерство, забыл? Сириус не исключение.

Из-за Упивающихся Смертью в доме № 12 по площади Мракэнтлен стало совсем мрачно. После Заступника мистера Уизли вестей из внешнего мира никто не приносил; напряжение нарастало. Рон не находил себе места и сделался раздражительным; у него появилась дурная привычка щелкать в кармане мракёром, что особенно злило Гермиону: в ожидании Шкверчка она коротала время, изучая «Сказки барда Бидля», и постоянно мигавший свет ей мешал.

– Прекрати! – закричала она на третий вечер, когда в гостиной в очередной раз воцарилась тьма.

– Извини, извини! – Рон поспешно щелкнул мракёром. – Я не нарочно!

– А нельзя заняться чем-нибудь полезным?

– К примеру, детскими сказочками?

– Рон, эту книгу мне оставил Думбльдор...

– ...а мне он оставил мракёр! Может, мне и надо им щелкать!

Устав от их грызни, Гарри незаметно выскользнул за дверь и направился вниз, на кухню, куда заглядывал постоянно: он был уверен, что Шкверчок, скорее всего, там и появится. Однако посреди лестничного марша, ведущего в холл, он услышал легкий стук в парадную дверь, а после – металлические щелчки и лязг цепочки.

Каждый нерв Гарри зазвенел как натянутая струна. Он достал волшебную палочку, отошел в тень отрубленных эльфийских голов и затаился. Дверь открылась: в проеме мелькнула площадь, освещенная фонарями, затем порог осторожно переступил кто-то в плаще. Незванный гость затворил дверь, шагнул вперед, и голос Хмури осведомился: «Злотеус Злей?» На другом конце холла выросла фигура из пыли и бросилась на прищельца, воздев мертвую руку.

– Вас убил не я, Альбус, – раздался тихий голос.

Заклятие спало: пыльная фигура рассыпалась, окутав вошедшего плотным серым облаком. Гарри направил туда палочку:

– Ни с места!

Он совсем забыл про портрет миссис Блэк. От его крика портьеры раздернулись, и она завопила:

– *Мугроде, подлое отребье оскверняет мой дом...*

Рон и Гермиона, слетев по лестнице, встали за спиной Гарри, тоже целясь в незнакомца. Тот застыл с поднятыми руками.

– Успокойтесь, это я, Рем!

– Хвала небесам, – пролепетала Гермиона и перевела палочку на миссис Блэк. Портьеры шумно закрылись, и воцарилась тишина. Рон опустил волшебную палочку, но Гарри с этим не торопился.

– Покажитесь! – велел он.

Люпин вышел на свет, не опуская рук.

– Я – Рем Джон Люпин, оборотень, также известный как Лунат, один из четырех создателей Карты Каверзника, женат на Нимфадоре

по прозвищу Бомс, и это я научил тебя, Гарри, вызывать Заступника, который принимает форму оленя.

– А, тогда ладно. – Гарри опустил палочку. – Но я же должен проверять.

– Как ваш бывший учитель защиты от сил зла, совершенно согласен: проверять нужно. Рон, Гермиона, вы зря так скоро успокоились.

Те сбегали по ступенькам к Люпину. Он устало кутался в плотный черный дорожный плащ, но был, очевидно, рад встрече.

– Значит, Злотеус не объявлялся? – констатировал он.

– Нет, – подтвердил Гарри. – А что в мире творится? Все наши целы?

– Да, – ответил Люпин. – Но за нами следят. На площади ошиваются двое Упивающихся Смертью...

– Знаем.

– ...аппарировать пришлось прямо на самый порог, чтобы точно не заметили. Они не уверены, что вы здесь, иначе бы прислали больше народу. У них под наблюдением все места, хоть как-то связанные с тобой, Гарри. Пойдемте вниз. Мне нужно многое вам рассказать, и я хочу знать, что было, после того как вы покинули «Гнездо».

Они спустились в кухню. Гермиона ткнула волшебной палочкой в каминную решетку, и в очаге вспыхнул огонь. Каменные стены сразу показались теплее, уютнее; пляшущее пламя отражалось в длинной деревянной столешнице. Люпин достал из-под плаща несколько бутылок с усладэлем. Все сели.

– Я бы появился три дня назад, но пришлось отрываться от Упивающегося Смертью – сел на хвост, – начал Люпин. – Стало быть, после свадьбы вы направились сюда?

– Нет, – сказал Гарри. – Сначала столкнулись с парочкой Упивающихся Смертью в кафе на Тотнэм-Корт-роуд.

Люпин пролил на себя усладэль.

– *Что?!*

Они объяснили, как было дело.

– Они нашли вас так быстро?! – ошеломленно вскричал Люпин. – Но аппарлирующего невозможно выследить, если только не держаться за него в момент перехода!

– И все-таки вряд ли они там случайно гуляли, – усмехнулся Гарри.

– Мы вот думаем, – осторожно произнесла Гермиона, – может, Гарри все еще под Оком?

– Исключено, – отрезал Люпин. Рон просиял, а Гарри вздохнул с облегчением. – Если б так, они бы, помимо всего прочего, точно знали, что Гарри здесь. Но я не понимаю, как вас выследили до Тотнэм-Корт-роуд. Это настораживает, всерьез настораживает.

Он явно встревожился, но, по мнению Гарри, с этим вопросом можно было подождать.

– Расскажите лучше, что нового. Папа Рона сообщил, что семья в безопасности, а больше мы ничего не знаем.

– Ну, Кингсли всех спас, – отозвался Люпин. – Большинство гостей, спасибо ему, успели дезаппарировать.

– А кто явился? Упивающиеся Смертью или министерские? – спросила Гермиона.

– И те и другие, но это, по сути, сейчас одно и то же, – ответил Люпин. – Около дюжины, но, Гарри, они не знали, что ты был на свадьбе. До Артура дошли слухи, что они пытались насчет тебя Скримджера и только потом убили. Если это правда, значит, он тебя не выдал.

Гарри посмотрел на Рона и Гермиону: судя по лицам, они тоже были ошеломлены и благодарны. Гарри никогда особо не любил Скримджера, но, если слухи верны, тот перед смертью пытался его защитить.

– Упивающиеся Смертью обыскали «Гнездо» сверху донизу, – продолжал Люпин. – Нашли упыря, но не захотели подходить к нему близко, а потом часами нас допрашивали. Выведывали о тебе, Гарри, но, естественно, никто, кроме Ордена, не знал, что ты там был. А пока они терзали гостей, другие Упивающиеся Смертью отправились по домам всех членов Ордена. Все живы, – добавил он торопливо, опережая вопрос, – но жестокости хватало. Сожгли дом Дедала Диггла, которого, как вы знаете, там не было, и пытали семью Бомс. Опять же хотели выяснить, куда ты от них отправился. С ними все нормально. Потрясены, конечно, но в целом ничего.

– Упивающиеся Смертью прорвались сквозь их защиту? – удивился Гарри, вспомнив, сколь несокрушима была оборона дома той ночью, когда он свалился в сад к родителям Бомс.

– Ты пойми, на стороне Упивающихся Смертью сейчас все министерское могущество, – сказал Люпин. – У них есть право налагать самые жестокие заклятия, не опасаясь ни опознания, ни ареста. Они не только прорвались, но и прямо объявили, зачем явились.

– А они хоть потрудились придумать, под каким предлогом пытаются людей? – напряженно спросила Гермиона.

– Ну... – замялся Люпин и достал сложенный «Оракул». – Вот. – Он толкнул газету через стол к Гарри. – Рано или поздно все равно узнаешь. Вот их оправдание.

Гарри развернул газету. На первой полосе красовалась его физиономия во всю страницу, а над ней заголовок:

РАЗЫСКИВАЕТСЯ ДЛЯ ДОПРОСА

В СВЯЗИ СО СМЕРТЬЮ АЛЬБУСА ДУМБЛЬДОРА

Рон и Гермиона взревели от негодования, но Гарри молча отложил газету. Дальше читать не хотелось; он и так догадывался, что в статье. Убийцу Думбльдора знали только те, кто был на вершине башни, а свидетели, о чем Рита Вритер уже поведала всему колдовскому миру, видели, как Гарри убегал с места преступления.

– Мне очень жаль, Гарри, – сказал Люпин.

– Значит, Упивающиеся Смертью захватили и «Оракул»? – яростно спросила Гермиона.

Люпин кивнул.

– И люди не понимают, что происходит на самом деле?

– Переворот произошел гладко и практически незаметно, – ответил Люпин. – Убийство Скримджера замалчивается, официальная версия – уход в отставку. А сменил его Донельз Ретивс – он под проклятием подвластия.

– Что ж Вольдемо́рт сам не стал министром магии? – поинтересовался Рон.

Люпин засмеялся:

– Ему не нужно, Рон. По сути, он и есть министр, но зачем ему сидеть в кресле? О повседневных делах заботится марионетка Ретивс, а Вольдемо́рт меж тем расширяет сферы влияния. Естественно, многие поняли, что случилось: за последние несколько дней политика министерства слишком круто изменилась, и люди шепчутся, что за

этим стоит Вольдемор. Но в том и беда: они шепчутся. Они не доверяют друг другу, страшатся высказаться откровенно – вдруг подозрения верны? Тогда их семьи окажутся под ударом. Да, Вольдемор ведет очень умную игру. Сев в министерское кресло, он рисковал бы вызвать открытое противостояние. Оставаясь в тени, он сеет замешательство, неуверенность, страх.

– И новая политика министерства, – сказал Гарри, – врагом колдовского мира вместо Вольдеморта объявить меня.

– Это определено часть программы, – подтвердил Люпин. – Гениальный ход. Теперь, когда Думбльдор умер, ты, мальчик, который остался жив, мог бы стать символом сопротивления черным силам. Но Вольдемор намекнул, что ты причастен к смерти бывшего героя, и не только назначил цену за твою голову, но и посеял сомнения и смятение среди твоих защитников... А новое министерство тем временем начало кампанию против муглорожденных. – Люпин указал на «Оракул»: – Поглядите на второй полосе.

Гермиона перевернула страницу с тем же отвращением, с каким брала в руки «Тайны наичернейшей магии».

– «Реестр муглорожденных, – зачитала она вслух. – Министерство магии проводит проверку так называемых “муглорожденных”, чтобы выяснить, как они получили доступ к секретам колдовства... Недавнее исследование департамента тайн показало, что магия передается исключительно по наследству в колдовских семьях. Так называемые “муглорожденные”, у которых не доказано наличие колдунов среди предков, вероятнее всего, получили магические способности путем насилия или воровства... С целью искоренения случаев узурпации магической силы министерство разослало так называемым “муглорожденным” повестки на собеседование в недавно созданной комиссии по учету муглорожденных».

– Люди не допустят!.. – воскликнул Рон.

– Уже допустили, – отозвался Люпин. – Мы вот тут разговариваем, а на муглорожденных ведутся облавы.

– Но как можно «украсть» магию! – возмутился Рон. – Что за бред? Если б так, на свете не было бы ни одного шваха!

– Конечно, – ответил Люпин. – Тем не менее отныне, пока не докажешь, что у тебя среди близкой родни есть хотя бы один колдун,

считается, что ты приобрел магическую силу незаконно и должен понести наказание.

Рон бросил взгляд на Гермиону, затем спросил:

– А если чистокровные колдуны и полукровки поручатся за муглорожденных, что те тоже из их семьи? Я скажу, что Гермиона – моя двоюродная сестра...

Гермиона накрыла ладонью его руку и сжала:

– Спасибо, Рон, но я не позволю...

– Куда ты денешься, – свирепо сказал он и тоже стиснул ее руку. – Изучишь мое фамильное древо, экзамен сдашь!

Гермиона нервно засмеялась:

– Рон, мы в бегах с Гарри Поттером, главным преступником страны, так что это не важно. Вот если бы я вернулась в школу – тогда другое дело. Кстати, какие планы у Волдеморта насчет «Хогварца»? – спросила она у Люпина.

– Посещение обязательно для всех юных ведьм и колдунов без исключения, – ответил тот. – Объявлено вчера. Это новости: раньше обучение никогда не было обязательным. Конечно, почти все британские ведьмы и колдуны обучались в «Хогварце», но родители имели право учить их дома или отправлять за границу. Отныне же все колдуны с малых лет попадают к Волдеморту под наблюдение. И заодно у него появляется еще способ отсеивать муглорожденных: для допуска к занятиям ученики обязаны предъявить «статус крови» – сертификат, подтверждающий колдовское происхождение.

В тошнотворном гневе Гарри вообразил, как взволнованные одиннадцатилетки складывают в стопки новенькие учебники и не подозревают, что рискуют никогда не увидеть не только «Хогварц», но и родных.

– Это... это... – забормотал он, сиюсь подобрать слова, которые в полной мере отразили бы его ужас, но Люпин тихо перебил:

– Да уж. – Он помолчал. – Я пойму, если ты не ответишь, Гарри, но в Ордене считают, что Думбльдор оставил тебе какое-то поручение.

– Оставил, – ответил Гарри. – Рон с Гермионой в курсе и мне помогают.

– Можешь рассказать, в чем дело?

Гарри взглянул ему в лицо, изборожденное ранними морщинами и обрамленное густыми седеющими волосами. Он бы очень хотел

ответить Люпину по-другому.

– Нет, Рем, простите. Если Думбльдор вам не сказал, то и мне нельзя.

– Я так и думал, – разочарованно вздохнул Люпин. – Но все же... я мог бы оказаться полезен. Ты знаешь меня и мои умения. Я мог бы пойти с вами, обеспечить защиту. Не обязательно говорить мне, в чем ваша задача.

Гарри колебался. Предложение, конечно, заманчивое, хоть и непонятно, как, если Люпин все время рядом, утаить от него задание.

Гермиона, однако, спросила недоуменно:

– А как же Бомс?

– Что Бомс? – в свою очередь спросил Люпин.

– Ну, – нахмурилась Гермиона, – вы ведь женаты! Как она относится к этой идее?

– Бомс будет в безопасности, – сказал Люпин. – У родителей.

Что-то странное прозвучало в его голосе, какой-то холод. Странной казалась и мысль запереть Бомс в родительском доме; она, в конце концов, член Ордена и к тому же не робкого десятка.

– Рем, – опасливо поинтересовалась Гермиона. – Все... хорошо?... В смысле... между вами и...

– Да, все хорошо, спасибо, – с нажимом ответил Люпин.

Гермиона покраснела. Возникла неловкая пауза. Затем Люпин глубоко вдохнул, будто собираясь признаться в чем-то неприятном, и сообщил:

– Бомс ждет ребенка.

– Ой, как здорово! – завизжала Гермиона.

– Отлично! – с энтузиазмом воскликнул Рон.

– Поздравляю, – сказал Гарри.

Люпин натянуто улыбнулся – скорее скривился, – затем спросил:

– Итак? Принимаете предложение? Станет троица четверкой? Вряд ли Думбльдор не одобрил бы. В конце концов, он сам назначил меня вашим учителем защиты от сил зла. А я стопроцентно уверен, что мы столкнемся с магией, какая нам и не снилась.

Рон и Гермиона посмотрели на Гарри.

– Минуточку... давайте-ка уточним, – произнес тот. – Вы хотите оставить Бомс у родителей и идти с нами?

– Она будет в безопасности, за ней присмотрят, – ответил Люпин безоговорочно, почти безразлично. – Гарри, я не сомневаюсь, Джеймс хотел бы, чтобы я был с тобой.

– А вот я, – медленно выговорил Гарри, – как раз сомневаюсь. Вообще-то я практически уверен, что мой отец поинтересовался бы, почему вы не хотите быть с собственным ребенком.

Люпин побледнел. В кухне стало холодней градусов на десять. Рон озирался с таким видом, словно ему велели в деталях запомнить кухонный интерьер. Гермиона смотрела то на Гарри, то на Люпина.

– Ты не понимаешь, – сказал наконец Люпин.

– Тогда объясните.

Люпин сглотнул.

– Я... совершил непростительную ошибку, женившись на Бомс. Я сделал это не подумав и... сильно о том жалею.

– Понятно, – откликнулся Гарри. – Поэтому вы хотите бросить ее с ребенком и сбежать с нами?

Люпин вскочил, опрокинув стул. Его глаза вспыхнули лютой яростью, и Гарри впервые разглядел в нем тень волка.

– Да ты понимаешь, что я сделал со своей женой и еще не рожденным ребенком? Я не должен был на ней жениться, она из-за меня стала изгоем! – Люпин пнул перевернутый стул. – Вы общались со мной в Ордене и в «Хогварце», где я был под защитой Думбльдора, и не знаете, как обычные колдуны относятся к таким, как я! Узнают про мой недуг, и все – даже не разговаривают! Ты понимаешь, что я наделал? Даже ее семье наш союз отвратителен! И понятно – оборотень в мужьях у единственной дочери! А ребенок... ребенок... – Тут Люпин вцепился себе в волосы, точно в припадке безумия. – У таких, как я, детей обычно нет! Он пойдет в меня, я уверен... Непростительно: обречь на подобное невинного! И даже если он чудом окажется нормальным, ему все равно будет в сто раз лучше без отца, которого надо стыдиться!

– Рем, – со слезами прошептала Гермиона, – не говорите так... любой ребенок вами бы только гордился!

– Не знаю, не знаю, Гермиона, – сказал Гарри. – Мне вот было бы за него стыдно.

Неизвестно откуда накатила ярость, и Гарри тоже вскочил. Люпин от его слов дернулся, как от удара.

– Если новому режиму плохи муглорожденные, – безжалостно продолжал Гарри, – представьте, что станется с полуоборотнем, у которого отец в Ордене? Мой папа умер, защищая меня и маму! Вы и правда считаете, что он посоветовал бы вам бросить ребенка и пуститься с нами в авантюру?

– Да как... ты смеешь? По-твоему, я жажду опасностей... или славы? Неужто ты полагаешь, что...

– Я полагаю, – перебил Гарри, – что вы геройствуете, вам охота поиграть в Сириуса...

– Гарри, ты что! – умоляюще воскликнула Гермиона, но тот не отрывал взгляда от разгневанного лица Люпина.

– Никогда бы не поверил, – отчетливо произнес Гарри, – что человек, научивший меня бороться с дементорами, – трус.

Люпин достал волшебную палочку так быстро, что Гарри не успел и коснуться своей. Громкий хлопок – и его с силой отбросило назад. Впечатавшись в кухонную стену, он сполз на пол и мельком увидел, как за дверью исчезает край плаща.

– Рем, Рем, вернитесь! – закричала Гермиона.

Люпин не ответил. Вскоре хлопнула парадная дверь.

– Гарри! – простонала Гермиона. – Как ты мог?

– Легко, – ответил Гарри. Он встал; на голове уже росла шишка. Его до сих пор трясло от ярости. – Не смотри на меня так! – рявкнул он на Гермиону.

– Не кричи на нее! – рыкнул Рон.

– Нет, нет, мы не должны ссориться! – Гермиона встала между ними.

– Зря ты так с Люпином, – укорил Рон.

– Сам напросился, – бросил Гарри. Разрозненные картинки мелькали у него в голове: Сириус, падающий в арку; поверженный, переломанный Думбльдор в воздухе; зеленая вспышка и голос матери, молящий о пощаде... – Родители, – сказал Гарри, – не должны бросать детей. Разве что... когда совсем нет выбора.

– Гарри. – Гермиона потянулась к нему, хотела утешить, но он дернул плечом и отошел, уставился в огонь, который она сотворила. Однажды через этот камин он говорил с Люпином – усомнился в Джеймсе, и Люпин его успокоил. Перед глазами встало измученное лицо Люпина, в груди больно кольнуло раскаяние. Рон и Гермиона за

его спиной молчали, но Гарри знал, что они смотрят друг на друга, общаясь без слов.

Он повернулся и успел заметить, как расцепились их взгляды.

– Я понимаю, я зря назвал его трусом.

– Да, зря, – подтвердил Рон.

– Но ведет он себя как трус.

– И все равно... – начала Гермиона.

– Это да, – не дослушав, согласился Гарри, – но если теперь он вернется к Бомс, оно того стоило, так?

В его голосе звучала мольба. Гермиона смотрела с сочувствием, Рон – с сомнением. Гарри опустил голову и подумал про отца. Поддержал бы его Джеймс или рассердился на то, как сын обошелся с его старым другом?

В тишине кухни, казалось, гулко звенело эхо недавней сцены и невысказанные упреки Рона и Гермионы. «Оракул», который принес Люпин, по-прежнему лежал на столе. Гарри с фотографии на первой полосе смотрел в потолок. Настоящий Гарри подошел, сел и, раскрыв газету где попало, притворился, будто читает. Но смысла слов не улавливал: в голове он все еще спорил с Люпином. Он чувствовал, что за ширмой «Оракула» продолжается молчаливый диалог Рона и Гермионы. Гарри шумно перевернул страницу и наткнулся на имя Думбльдора, однако не сразу сообразил, что за фотография перед ним, что за семья там запечатлена. Подпись под фотографией гласила: «Семья Думбльдоров; слева направо: Альбус, Персиваль с новорожденной Арианой, Кендра, Аберфорс».

Заинтересовавшись, Гарри всмотрелся. Отец Думбльдора, Персиваль, был хорош собой, и глаза его поблескивали даже на старом выцветшем снимке. Ариана – едва ли крупнее хлебной буханки и мало от нее отличима. Волосы матери, Кендры, собранные в пучок на макушке, чернели как смоль, а ее точеное лицо, темные глаза, высокие скулы, прямой нос напомнили Гарри об индейцах, несмотря на закрытое шелковое платье. Альбус и Аберфорс: одинаковые куртки с кружевными воротниками, одинаковые прически – волосы до плеч. Альбус выглядел постарше, но все-таки мальчики были очень похожи; фотографию сделали до того, как Альбус сломал нос и начал носить очки.

Обыкновенная счастливая семья безмятежно улыбалась с газетной полосы. Крохотная ручка Арианы слегка помахивала зрителю из пеленок. Над снимком шел заголовок:

НАШ ЭКСКЛЮЗИВ!

СКОРО В ПЕЧАТИ!

Рита Вритер

БИОГРАФИЯ АЛЬБУСА ДУМБЛЬДОРА

«Хуже все равно уже некуда», – решил Гарри и начал читать:

После нашумевшего ареста мужа и заключения его в Азкабан высокомерная гордячка Кендра Думбльдор не могла оставаться в Замшелъе. Она сорвалась с места и вместе с детьми переселилась в Годрикову Лощину, деревню, которой позже предстояло обрести громкую известность: именно там Гарри Поттер странным образом спасся от убийственного проклятия Сами-Знаете-Кого.

Подобно Замшелъю, Годрикова Лощина приютила многие колдовские семьи, но Кендра никого не знала и потому была избавлена от любопытных расспросов о преступлении мужа, которыми ее донимали в родном селении. Она упорно пресекала попытки новых соседей подружиться с ней и вскоре добилась желаемого результата: ее семью оставили в покое.

– Я испекла котлокексы и пришла ее поприветствовать, добро, мол, пожаловать, а она захлопнула дверь у меня перед носом, – рассказывает Батильда Бэгшот. – За весь их первый год здесь я встречала только мальчиков. А про дочь и не узнала бы, только зимой после их приезда собирала заунывки в лунном свете и увидела, как Кендра вывела Ариану погулять в сад за домом. И, знаете, очень крепко держала за руку. Прошлась с ней по лужайке и отвела обратно в дом. Я не представляла, что и думать.

Видимо, Кендра считала, что переезд в Годрикову Лощину – прекрасная возможность раз и навсегда спрятать Ариану, и, возможно, планировала это давно. Время поджигало. Ариане едва исполнилось семь, когда она бесследно исчезла, а ведь именно к этому возрасту, по мнению многих экспертов, у детей проявляются магические способности, если таковые имеются. Ариана же, по

воспоминаниям ныне здравствующих очевидцев, не показала себя ведьмой ни разу. Абсолютно ясно: Кендра сочла, что лучше скрыть от людей существование ребенка-шваха, чем сгорать из-за него от стыда. И она решилась поместить дочь в заточение. Переезд лишь упростил ей задачу – в Годриковой Лощине про Ариану никто не знал. Немногочисленные же посвященные свято хранили тайну, в их числе и двое братьев несчастной девочки. На неудобные вопросы мать научила их отвечать: «Моя сестра слишком слабенькая и не может учиться в школе».

Читайте на следующей неделе: «Альбус Думбльдор в “Хогварце” – призывы и притворство».

Гарри ошибся: стало хуже. Он снова посмотрел на фотографию счастливой семьи. Что здесь правда? Как выяснить? Он рвался в Годрикову Лощину, и не важно, сможет ли Батильда что-то рассказать: надо посетить место, где и он и Думбльдор потеряли близких. Он уже опускал газету, чтобы спросить мнения Рона и Гермионы, когда тишину кухни разорвал оглушительный хлопок.

Впервые за три дня Гарри забыл о Шкверчке и подумал, что это вернулся Люпин. Но в следующую секунду в воздухе прямо возле его стула материализовался странный кишащий клубок: руки, ноги, головы двух дерущихся. Гарри вскочил, а Шкверчок, выдравшись из хватки соперника, низко поклонился и проскрипел:

– Шкверчок доставил вора Мундугнуса Флетчера, хозяин.

Мундугнус с трудом поднялся и достал волшебную палочку, но Гермиона его опередила:

– Экспеллиармус!

Его палочка взлетела в воздух; Гермиона ее поймала. Мундугнус Флетчер с ополоумевшим видом бросился к лестнице, но рухнул на каменные плиты, поскольку Рон схватил его за ноги. Раздался глухой хруст.

– Чё надо? – заорал Гнус, тщетно вырываясь. – Га? Чё за проблемы? Эльфа поганого подослали! Чё за фокусы? Чё я вам сделал-то... Отвали! Да отцепись, говорю, не то...

– Не тебе нам угрожать, – сказал Гарри, отшвырнул газету, быстро пересек кухню и опустился перед Мундугнусом на колени. Тот в испуге затих. Запыхавшийся Рон встал и смотрел, как Гарри приставил

палочку прямо к носу Мундугнуса. От того разило потом и табаком; шевелюра свалаялась, одежда перепачкана.

– Шкверчок просит прощения за nepoзвoлитeльную задержку, хозяин, – проскрипел эльф. – Флетчер умеет уходить от погони, ловко прячется, и у него много сообщников. Но Шкверчок сумел загнать вора в угол.

– Ты молодец, Шкверчок, – похвалил Гарри. Эльф еще раз низко поклонился. – У нас к тебе пара вопросов, – сказал Гарри Гнусу, который тут же заголосил:

– Сдрейфил я, понятно? И вообще, я в ваши дела лезть не собирался, без обид, конечно, только мне за тебя, друг, помирать не по кайфу, а за мной Сам-Знаешь-Кто гнался, чтоб его разорвало, – кто угодно бы драпанул! Я ж говорил: не хочу я с вами...

– К твоему сведению, больше никто не дезаппарировал, – вмешалась Гермiona.

– Ну, значит, вы у нас герои, вот и вперед! А я в самоубийцы не записывался!

– Нас не интересует, почему ты бросил Хмури. – Гарри подвинул палочку к налитым кровью глазам Мундугнуса. – Мы всегда знали, чего ты кусок и что тебе нельзя доверять.

– Так какого ж рожна эльфа на меня натравили? Или опять из-за кубков? Нету их у меня, нету, отдал бы, да нету...

– Дело не в кубках, хотя это уже теплее, – перебил Гарри. – Заткнись и слушай.

Было так приятно найти себе занятие и человека, из которого можно вытрясти хоть толику правды. Гнус в страхе косил глаза на приставленную к его носу палочку Гарри.

– Когда ты обчистил этот дом и вынес ценности... – начал Гарри, но Мундугнус вновь заверещал:

– Да Сириусу барахло всю жизнь до лампы...

Послышалось топотание, блеснула медь, что-то лязгнуло, раздался вопль – Шкверчок наскочил на Мундугнуса и со всего маху треснул его по голове тяжелой сковородой.

– Убери его, убери, его под замок надо, он психический! – закричал Мундугнус, пригибаясь: эльф опять занес над ним сковороду.

– Шкверчок, нельзя! – приказал Гарри.

Тонкие руки эльфа тряслись от тяжести, но он упорно держал оружие на весу.

– Может, еще разок, хозяин Гарри? На счастье?

Рон засмеялся.

– Он нам нужен в сознании, Шкверчок, но, если придется его уговаривать, я предоставлю эту честь тебе, – обещал Гарри.

– Покорно благодарю, хозяин. – Эльф поклонился и немного отошел, с отвращением глядя на Мундугнуса большими бледными глазами.

– Когда ты обчистил дом, – снова начал Гарри, – ты взял из чулана в кухне кое-какие вещи и среди прочего медальон. – Во рту у Гарри вдруг пересохло, и он физически ощутил, как напряглись Рон и Гермиона. – Что ты с ним сделал?

– А чего? – спросил Мундугнус. – Он, что ли, дорогой?

– Так он до сих пор у тебя! – воскликнула Гермиона.

– Нет, вряд ли, – прозорливо заметил Рон. – Просто запереживал, что мог запросить больше.

– Больше?! – бросил Мундугнус. – Вот уж был бы не фокус... Я задарма отдал, выбора не было...

– В смысле?

– Я толкал товар на Диагон-аллее, а тут она: где лицензия на торговлю магическими артефактами? Ищейка проклятая. Собиралась штрафануть, да ей медальончик приглянулся, ну и забрала его, а меня на тот раз отпустила. Мол, радуйся, повезло.

– Кто «она»? – спросил Гарри.

– А я знаю? Карга из министерства. – Мундугнус поразмыслил, морща лоб. – Низенькая такая, на маковке бантик. – Нахмурился и добавил: – Жаба вылитая.

Гарри выронил палочку. Та ударила Мундугнуса по носу, и его брови загорелись от снопа красных искр.

– Агуаменти! – выкрикнула Гермиона. Струя воды из ее палочки окатила Мундугнуса, тот закашлялся, зафыркал.

Гарри посмотрел на Рона и Гермиону. Их лица зеркально отражали его собственное потрясение. Шрамы на тыльной стороне правой ладони снова как будто заныли.

Глава двенадцатая

Магия – это могущество

Медленно тянулся август. Трава на неухоженном газоне в центре площади Мракэнтлен постепенно высохла и побурела. Никто из соседей не видел ни обитателей дома № 12, ни сам дом. Местные муглы давно смирились с тем, что из-за нелепой ошибки за номером одиннадцать сразу следует номер тринадцать.

Однако сейчас площадь облюбовали личности, живо интересовавшиеся этой аномалией. Дня не проходило, чтобы не появился один или двое зевак, и с единственной целью: встать, опираясь на ограду, и пристально глазеть туда, где соединялись дома одиннадцать и тринадцать. Наблюдатели всегда были разные, однако дружно ненавидели нормальную одежду, и хотя лондонцев эксцентричностью не удивишь, кто-нибудь нет-нет да оглядывался: как это – в плаще в такую жару?

Наблюдение, похоже, не давало желаемых результатов. Иногда дозорные вдруг начинали взволнованно вглядываться в одну точку, словно заметив наконец что-то достойное внимания, но затем неизменно разочаровывались и вновь опирались на ограду.

Первого сентября личностей в плащах собралось больше обычного. Полднюжины человек молча вперились взглядами в стык между домами, но, похоже, так ничего и не высмотрели. Наступил вечер, и впервые за несколько недель вдруг пошел холодный противный дождь. Внезапно наблюдатели необъяснимо засуетились: как будто заметили нечто стоящее. Один – мужчина с перекошенным лицом – указал на что-то другому, стоявшему рядом, полному и бледному, и рванулся вперед, однако миг спустя все огорченно обмякли и вновь застыли.

Тем временем в доме № 12 Гарри вошел в холл. Он едва не потерял равновесие, когда аппарировал на порог, и боялся, что Упивающиеся Смертью заметили, как в воздухе мелькнул его локоть. Аккуратно затворив входную дверь, он снял плащ-невидимку, перекинул через

руку и по мрачному коридору быстро направился к кухне, крепко сжимая украденный «Оракул».

Его приветствовал обычный тихий шепот: «Злотеус Злей?» Гарри обдало холодом, язык на мгновение свернулся трубочкой.

– Я вас не убивал, – сказал Гарри, как только к нему вернулась способность говорить, и задержал дыхание, пережидая, пока осядет пыль от взорвавшегося чудища. Спустившись до середины лестницы в кухню, подальше от пыли и миссис Блэк, он крикнул:

– У меня новости, и они вам не понравятся!

Кухню было не узнать. Все сияло: медные сковороды и кастрюли, начищенные до розоватого блеска, и деревянная столешница, и сверкающие кубки и тарелки, уже расставленные к ужину. В камине весело играл огонь, в котле что-то кипело. Однако сильнее всего потрясали перемены в домовом эльфе, поспешившем навстречу Гарри. Эльф был одет в белоснежное полотенце, чистые кустики в ушах пушились как вата, на худой груди подпрыгивал медальон Регула.

– Ботиночки снимите, хозяин Гарри, прошу, и ручки помойте перед едой, – прокаркал Шкверчок, принял плащ-невидимку и торопливо зашаркал к вешалке. Плащ присоединился к нескольким старомодным свежевystиранным мантиям.

– Что там? – со страхом спросил Рон. Они с Гермионой изучали какие-то рукописные заметки и карты, нарисованные от руки, – все это в беспорядке валялось на краю длинного кухонного стола. Но сейчас взгляды Рона и Гермионы были прикованы к Гарри. Он подошел и бросил газету поверх их пергаментов.

С большой фотографии смотрел знакомый черноволосый мужчина с крючковатым носом. Заголовок сверху гласил: «Злотеус Злей утвержден в должности директора “Хогварца”».

– Нет! – дружно воскликнули Рон и Гермиона.

Гермиона первой схватила газету и стала читать вслух:

– «Злотеус Злей, долгое время занимавший пост преподавателя зельеделия в школе колдовства и ведьминских искусств “Хогварц”, был сегодня назначен ее директором. В ряду изменений кадрового состава древнейшего учебного заведения это – одно из важнейших. После выхода на пенсию преподавателя мугловедения освободившийся пост займет Алекто Карроу, а ее брат Амик станет преподавателем защиты от сил зла... “Я рада возможности поддержать

лучшие традиции и защитить ценности колдовского мира...» Это какие же, позвольте спросить? Убийство и отрезание ушей? Злей – директор?! Злей в кабинете Думбльдора? Мерлиновы портки! – вдруг завопила Гермiona. Гарри и Рон сильно вздрогнули. Она выскочила из-за стола и ринулась из комнаты, крикнув на ходу: – Сейчас вернусь!

– «Мерлиновы портки»? – удивленно повторил Рон. – Видать, сильно расстроилась.

Он притянул к себе газету и пробежал глазами статью.

– Другие преподаватели не согласятся: ни Макгонаголл, ни Флитвик, ни Спарж. Они ведь знают, как погиб Думбльдор. Они не примут Злея. И кто такие Карроу?

– Упивающиеся Смертью, – ответил Гарри. – Там есть фотографии. Они были на башне, когда Злей убил Думбльдора, так что... друзья встречаются вновь. И вообще, – с горечью продолжил он, выдвигая стул, – вряд ли у преподавателей есть выбор. Если за Злеем министерство и Вольдеморт, тут уж либо оставайся в школе и учи, либо проведи десяток прекрасных лет в Азкабана, и это если повезет. Я думаю, они останутся – чтобы защитить учеников.

Шкверчок прискакал к столу с большой супницей и, насвистывая, начал разливать суп в безупречно чистые миски.

– Спасибо, Шкверчок, – поблагодарил Гарри и перевернул Злея лицом вниз, чтобы не видеть. – Что ж, по крайней мере, мы точно знаем, где этот гад сейчас.

Он взял ложку и принялся забрасывать суп в рот. Шкверчок готовил не в пример лучше с тех пор, как получил в подарок медальон Регула. Гарри еще не доводилось пробовать такого вкусного французского лукового супа.

– У дома целая толпа Упивающихся Смертью, – сказал он Рону. – Гораздо больше обычного. Будто ждут, что мы вот-вот отправимся с сундуками на вокзал.

Рон взглянул на часы.

– Я об этом весь день думаю. «Хогварц-экспресс» почти шесть часов как ушел. Как-то странно, что мы не там, правда?

Гарри представил малиновый паровоз, за которым они с Роном однажды следовали по воздуху, яркую гусеницу, петляющую меж полей и холмов. Наверняка Джинни, Невилл и Луна сидят сейчас

вместе и говорят про него, Рона и Гермиону или решают, как лучше бороться с режимом Злея.

– Они меня чуть не увидели, когда я возвращался, – сказал Гарри. – Неудачно приземлился на верхнюю ступеньку, и плащ соскользнул.

– Да со мной постоянно так. А, вернулась, – добавил Рон, поворачиваясь на стуле к Гермионе. – Ну и куда, во имя подштанников старины Мерлина, тебя унесло?

– Вспомнила кое-что, – ответила запыхавшаяся Гермиона. – Вот.

Она поставила на пол большое полотно в раме, взяла с буфета бисерную сумочку, открыла и начала заталкивать картину туда. Через несколько секунд, несмотря на внушительные размеры, картина, подобно многим вещам до нее, исчезла в бездонных глубинах крохотной сумочки.

– Финей Нигеллий, – объяснила Гермиона, бросая сумку на стол. Внутри, как всегда, что-то гулко загрохотало.

– Не по-онял? – протянул Рон, но Гарри сообразил: Финей Нигеллий Блэк мог перемещаться по своим портретам с площади Мракэнтлен в кабинет директора «Хогварца», где, без сомнения, в эту самую минуту восседает Злей. Радует, что стал хозяином Думбльдоровой коллекции изящных серебряных приборов, каменного дубльдума, Шляпы-Распределницы и – если, конечно, его не перепрятали – меча Гриффиндора.

– Не исключено, что Финей Нигеллий шпионит на Злея, – объяснила Рону Гермиона, усаживаясь за стол. – Но теперь пусть попробует! Финей ничего не увидит, кроме подкладки сумочки.

– Отличная мысль! – восхитился Рон.

– Спасибо, – улыбнулась Гермиона и придвинула к себе миску. – Гарри, а что еще новенького?

– Ничего, – ответил Гарри. – Семь часов пронаблюдал за входом в министерство. Ее – ни следа. Зато, Рон, видел твоего папу. Выглядит хорошо.

Рон благодарно кивнул. Они давно решили, что контактировать с мистером Уизли около министерства на глазах множества служащих слишком опасно, но поглядеть на него время от времени все же хотелось. Утешало, даже если мистер Уизли был усталый и встревоженный.

– Папа говорил, министерские в основном попадают на работу через кружаную сеть, – сказал Рон. – Потому мы Кхембридж и не видим. Не пешком же ей, такой важной, топать.

– А та смешная старушенция и маленький колдун в темно-синей мантии? – поинтересовалась Гермиона.

– А-а, типчик из хозяйственного отдела, – проговорил Рон.

– Откуда ты знаешь, что из хозяйственного? – Гермиона застыла, не донеся ложку до рта.

– Отец говорил, там все служащие в темно-синем.

– Но ты никогда об этом не упоминал!

Гермиона бросила ложку, придвинула стопку бумаг и карт, которые они с Роном изучали до прихода Гарри, и начала лихорадочно их пролистывать.

– Здесь ничего нет о темно-синих мантиях, ничего!

– Это что, так важно?

– Рон! *Все* важно! Если мы хотим проникнуть в министерство и не попасться, когда там каждый колдун на стреме, значение имеет любая мелочь! Мы учим и учим наизусть, но какой смысл в разведывательных вылазках, если ты не даешь себе труда сказать...

– Обалдеть: я забыл какую-то ерундовину, а ты теперь...

– Ты что, не понимаешь? Для нас сейчас министерство, наверное, самое опасное место в мире...

– Я думаю, надо идти завтра, – объявил Гарри.

Гермиона застыла с открытым ртом; Рон поперхнулся супом.

– Завтра? – повторила Гермиона. – Ты серьезно?

– Да, – подтвердил Гарри. – Мы можем еще хоть месяц просидеть в засаде у входа в министерство, но лучше все равно не подготовимся. Чем дольше будем откладывать, тем верней прозеваем медальон. Вдруг Кхембридж его уже выбросила? Он ведь не открывается.

– Или, – сказал Рон, – она нашла-таки способ его открыть и сейчас одержима.

– Никто и не заметит, она по жизни чудовище, – пожал плечами Гарри.

Гермиона в глубокой задумчивости покусывала губу.

– Все самое важное нам известно, – убеждал ее Гарри. – Мы знаем, что аппарировать в министерство или оттуда запрещено и что только самым высшим чинам разрешено подключить дома к кружаной сети:

Рон слышал, как на это жаловались двое неописуемых. И мы приблизительно в курсе, где кабинет Кхембридж. Помните, как тот бородатый говорил другому...

– «Я буду на первом этаже, Долорес хотела меня видеть», – немедленно процитировала Гермиона.

– Именно, – кивнул Гарри. – И еще мы знаем, что внутрь люди попадают, используя эти дурацкие монетки, или жетоны, или кто они там, я сам видел, как одна ведьма одалживала у другой...

– Но у нас-то их нет!

– Если все по плану – будут, – спокойно ответил Гарри.

– Не знаю, Гарри, не знаю... Столько всего может пойти наперекос, нельзя так полагаться на удачу...

– Ничего не изменится, даже если готовиться еще три месяца, – сказал Гарри. – Пора действовать.

По лицам Рона и Гермионы он понимал, что им страшно. Он и сам был не очень-то уверен в себе, однако твердо знал: время пришло.

Последние четыре недели они, надевая плащ-невидимку, по очереди наблюдали за главным входом в министерство – Рон, спасибо мистеру Уизли, с детства знал, где это. Они следовали за сотрудниками, шедшими на работу, подслушивали разговоры и постепенно определили, кто ежедневно появляется один в одно и то же время. Иногда удавалось выкрасть свежий «Оракул» у кого-нибудь из портфеля. Мало-помалу накопилось множество схем и заметок, которые лежали сейчас стопкой перед Гермионой.

– Так и быть, – медленно произнес Рон. – Давайте завтра. Но только я и Гарри – вдвоем.

– Опять двадцать пять, – вздохнула Гермиона. – Мы же договорились!

– Одно дело торчать у входа под плащом, но тут другая история. – Рон ткнул пальцем в «Оракул» десятидневной давности. – Ты в списке муглорожденных, не явившихся на допрос!

– А ты вообще-то умираешь от рябобылицы в «Гнезде»! Если кому нельзя идти, так это Гарри, за его голову назначена награда в десять тысяч галлеонов...

– Отлично, я остаюсь, – сказал Гарри. – Сообщите, когда победите Вольдеморта, хорошо?

Рон и Гермиона засмеялись, но лоб Гарри пронзила боль. Рука непроизвольно взметнулась к шраму. Гермиона подозрительно прищурилась, и Гарри сделал вид, будто хотел убрать с глаз волосы.

– Хорошо, но если пойдем втроем, придется дезаппарировать по отдельности, – заметил Рон. – Вместе мы уже под плащ не помещаемся.

Шрам болел все сильнее. Гарри поднялся. К нему немедленно кинулся Шкверчок.

– Хозяин не доел суп, может, хозяин желает вкуснейших тушеных овощей или пирожное с патокой, к которому хозяин столь неравнодушен?

– Спасибо, Шкверчок, я сейчас вернусь... я в... туалет...

Зная, что Гермиона с подозрением за ним наблюдает, Гарри поспешил наверх в холл, а оттуда – в ванную этажом выше, и захлопнул за собой дверь. Постанывая от боли, он привалился к черной раковине с кранами в виде змей, разинувших пасти, и закрыл глаза...

Он неслышно скользил по сумеречной улице. Дома с высокими деревянными щипцами выглядели пряничными. Он приблизился к одному и постучал – длинные тонкие пальцы казались совершенно белыми на фоне двери. Волнение нарастало...

Дверь открыла смеющаяся женщина, но, едва она увидела Гарри, улыбка сошла с ее лица, веселье сменилось ужасом...

– Грегорович? – произнес холодный пронзительный голос.

Женщина затрясла головой и хотела закрыть дверь, но белая рука ей помешала.

– Мне нужен Грегорович.

– *Er wohnt hier nicht mehr!* – закричала хозяйка, мотая головой. – Он здесь не жить! Не жить! Я не знать!

Бросив попытки закрыть дверь, она начала отступать назад, в темноту. Гарри неспешно, плавно двинулся на нее, а его длиннопалая рука достала волшебную палочку.

– Где он?

– *Das weiß ich nicht!* Он уехать! Я не знать, не знать!

Он воздел руку, женщина вскрикнула. В холл выбежали двое малышей. Она закрыла их руками. Полыхнуло зеленым...

– Гарри! ГАРРИ!

Он распахнул глаза. Оказывается, он сполз на пол. Гермиона снова заколотила в дверь.

– Гарри, открой!

Выходит, он кричал. Гарри встал, открыл дверь. Гермиона, едва не упав, ввалилась внутрь и настороженно осмотрелась. Встревоженный Рон из-за ее спины целился палочкой в углы холодной ванной.

– Что ты тут делал? – строго осведомилась Гермиона.

– Ну, как по-твоему? – попробовал отшутиться Гарри.

– Орал как резаный, вот что, – сказал Рон.

– Ну... наверное, задремал, и...

– Гарри, пожалуйста, не морочь нам голову. – Гермиона глубоко дышала. – Мы же знаем: у тебя заболел шрам. Ты и сейчас белый как полотно.

Гарри сел на край ванны.

– Ладно. Я только что видел, как Вольдеморт убил женщину. Наверное, уже всю семью. Так, ни за что. Как Седрика: *попались под руку...*

– Гарри, ты ведь должен был это остановить! – закричала Гермиона, и ее голос эхом разнесся по ванной. – Думбльдор хотел, чтобы ты научился окклуменции! Считал, что такая связь опасна! Вольдеморт может ею *воспользоваться*, Гарри! Что толку смотреть, как он мучает и убивает людей, чем это поможет?

– Так я хотя бы знаю, чем он занят, – объяснил Гарри.

– Поэтому даже *не пытаешься* оборвать связь?

– Гермиона, я не могу! Ты же знаешь, в окклуменции я ноль! Никогда ее не понимал!

– Потому что никогда и не пробовал! – горячо возразила она. – Вообще, Гарри, тебе что, *нравится* это ваше единение или взаимоотношения, не знаю, как и назвать...

Она умолкла под его взглядом. Гарри встал.

– Нравится? – тихо повторил он. – *Тебе бы понравилось?*

– Мне... нет... прости, Гарри, я не...

– Я ненавижу это, ненавижу! Мне отвратительно, что он лезет мне в мозг и что я вижу его, когда он всего опаснее. Но я буду этим пользоваться.

– Думбльдор...

– Забудь про Думбльдора. Решение мое, и только мое. Мне необходимо узнать, для чего он разыскивает Грегоровича.

– Кого?

– Грегорович – иностранный изготовитель волшебных палочек, – пояснил Гарри. – В том числе палочки Крума, и Крум о нем очень высокого мнения...

– Но ты, – перебил Рон, – говорил, что у Волдеморта в плену Олливандер. Если есть один мастер, зачем второй?

– Может, он вроде Крума считает, что Грегорович лучше. Или надеется, что Грегорович объяснит ему, что сотворила моя палочка, когда он меня преследовал. Олливандер не сумел.

Гарри глянул в пыльное треснувшее зеркало и увидел, как Рон и Гермиона за его спиной скептически переглянулись.

– Гарри, опять? «Палочка сотворила», – сказала Гермиона, – когда в действительности сотворил *ты*! Почему ты так стремишься снять с себя ответственность?

– Потому что я знаю, что это был не я! И Волдеморт знает, Гермиона! Мы оба знаем, что произошло на самом деле!

Они воззрились друг на друга. Гарри видел, что не убедил Гермиону, что она выискивает аргументы в развенчание его теории и хочет убедить впредь не соваться в сознание Волдеморта. К его радости, вмешался Рон.

– Оставь, – посоветовал он Гермионе. – Его дело. Но если мы завтра идем в министерство, надо еще разок повторить план.

Гермиона с явной неохотой смолчала, но Гарри не сомневался: она вновь накинется на него при первой же возможности. Они вернулись на кухню, и Шкверчок подал тушеные овощи и пирожные с патокой.

Спать они отправились очень поздно, после того как каждый вытвердил план завтрашней операции назубок. Гарри – он теперь переселился в комнату Сириуса – лег в постель, направил свет палочки на старую фотографию отца, Сириуса, Люпина и Петтигрю и еще минут десять вполголоса повторял пункты плана. Но затем в темноте он думал не о всеэссенции, рвотных ракушках и темно-синих мантиях хозяйственного отдела, а о Грегоровиче. Есть ли у того шанс укрыться, когда Волдеморт ищет его с таким упорством?

Рассвет прибыл вслед за полуночью до неприличия торопливо.

– Видок у тебя, – поприветствовал Гарри Рон, пришедший его будить.

– Ничего, пройдет, – зевнул Гарри.

Гермиону они застали внизу, на кухне; Шкверчок уже подал ей кофе и горячие булочки. На лице у нее застыло то безумное выражение, которое у Гарри прочно ассоциировалось с подготовкой к экзаменам.

– Мантии, – нервно бубнила она, лишь кивнув им обоим и роясь в бисерной сумочке, – всеэссенция... плащ-невидимка... бомбушки-отвлекашки... возьмем на всякий случай по несколько... рвотные ракушки, нуга-носом-кровь, подслуши...

Они проглотили завтрак и направились к выходу. Шкверчок на прощание поклонился и пообещал приготовить к их возвращению пирог с мясом и почками.

– Благослови его небо, – нежно произнес Рон. – Надо же, а я мечтал повесить его голову на стену...

На порог они вышли очень осторожно. Двое Упивающихся Смертью опухшими глазами следили за домом с окутанной туманом площади. Гермиона дезаппарировала с Роном, затем вернулась за Гарри.

После привычного удушья и темноты Гарри очутился на узкой улочке, где они собирались привести в исполнение первую часть плана. Вокруг было пусто, только стояла пара больших мусорных баков. Первые работники министерства обычно появлялись здесь не раньше восьми утра.

– Итак, – Гермиона взглянула на часы, – она будет минут через пять. Когда я ее сшибу...

– Да, Гермиона, мы знаем, – сурово сказал Рон, – но, по-моему, еще надо открыть дверь до ее появления.

– Чуть не забыла! – взвизгнула Гермиона. – Отойдите...

Она направила палочку на амбарный висячий замок. Пожарная дверь, сплошь в граффити, с грохотом распахнулась. Темный коридор за ней, как они выяснили на разведке, вел в пустующий театр. Гермиона прикрыла дверь так, словно она заперта, и повернулась к Гарри и Рону:

– А теперь опять надеваем плащ...

– ...и ждем, – закончил Рон и накинул ей на голову плащ, будто одеяло на клетку с волнистым попугайчиком. И, поглядев на Гарри, закатил глаза.

Прошло немногим более минуты. Раздался легкий хлопок, и прямо перед ними из воздуха возникла невысокая министерская ведьма с развевающимися седыми волосами. Она заморгала на неожиданно ярком свете – из-за облака как раз выглянуло солнце, – но не успела насладиться внезапным теплом: безмолвный сногсшибатель Гермионы ударил ее в грудь. Ведьма упала.

– Отлично сработано, – похвалил Рон, появляясь из-за контейнера у двери театра. Гарри в ту же секунду снял плащ-невидимку. Вместе они утащили ведьму в коридор, что вел за кулисы. Гермиона вырвала пару волосков с ее головы и добавила их во флакон с глинистой всеэссенцией, извлеченной из бисерной сумочки. Рон порылся в сумке ведьмы.

– Это Мафальда Хопкёрк, – сообщил он, рассматривая визитку. Их жертва работала ассистентом в отделе неправомерного использования колдовства. – Возьми карточку, Гермиона, и вот еще жетоны. – Он извлек из кошелька ведьмы несколько золотых кружочков с отчеканенными буквами «М. М.».

Гермиона выпила всеэссенцию, которая приобрела приятный цвет гелиотропа, и в считанные секунды превратилась в копию Мафальды Хопкёрк. Затем сняла с Мафальды и надела на себя очки. Гарри поглядел на часы:

– Опаздываем, мистер хозяйственник вот-вот прибудет.

Они поспешно спрятали настоящую Мафальду в театре, Гарри и Рон накинули плащ-невидимку, а Гермиона осталась на виду, выжидая. Через пару секунд раздался новый хлопок, и перед ними появился маленький колдун, чем-то смахивающий на хорька.

– О, привет, Мафальда!

– Привет! – дрожащим голосом отозвалась Гермиона. – Как дела?

– Вообще-то не слишком, – удрученно вздохнул колдун.

Они с Гермионой направились к главной дороге, а Гарри и Рон крадучись пошли за ними.

– Надо же, какая жалость, – решительно перебила Гермиона сетования колдуна. Главное – не дать ему добраться до улицы. – Вот, съешь конфетку.

– А? Нет, спасибо...

– Вкусные! – напористо сказала Гермиона, потряхнув мешочком с ракушками перед носом мнимого коллеги. Колдун испуганно взял одну.

Эффект был незамедлительным. Едва ракушка коснулась языка хозяйственника, у того началась рвота – выворачивало его так, что он не заметил, как Гермиона вырвала прядь волос с его макушки.

– Бедняга, – проговорила Гермиона с состраданием, – может, тебе взять выходной?

– Нет... нет! – Он задыхался, его рвало не переставая, он не мог даже выпрямиться, но упорно брел дальше. – Я должен... сегодня... должен...

– Ну что за глупости! – в тревоге воскликнула она. – Куда же на работу в таком состоянии! Нет-нет, прямиком к святому Лоскуту, пусть тебя вылечат!

Колдун рухнул на четвереньки, но из последних сил полз к главной улице.

– Говорю же, в таком виде на работу нельзя! – закричала Гермиона.

Наконец колдун внял ее словам. Цепляясь за Гермиону, он встал на ноги, повернулся на месте и исчез, оставив после себя портфель, который Рон выхватил у него из рук, и брызги рвоты.

– Фу! – Гермиона брезгливо подхватила полы мантии, чтобы не испачкаться. – Сшибить было бы приятней и проще.

– Да, – согласился Рон, появляясь из-под плаща и крепко держа портфель. – Но я попрежнему считаю, что гора бесчувственных тел слишком привлекала бы внимание. Этот тип прямо-таки помешан на работе! Ну давай волосы и всеэссенцию.

Через две минуты Рон уменьшился, стал похож на хорька и облачился в темно-синюю мантию из похищенного портфеля.

– Странно, что он ее не надел, правда? Он же так спешил в министерство... В любом случае, если верить бирке на подкладке, я Редж Кэттермоул.

– Жди здесь, – велела Гермиона Гарри, скрытому плащом-невидимкой, – сейчас мы и для тебя волосы найдем.

Гарри ждал десять минут, но в одиночестве, на улочке в лужах рвоты, у двери, за которой без сознания лежала Мафальда, ему

показалось, что времени прошло куда больше. Наконец появились Рон и Гермиона.

– Кто он, мы не знаем. – Гермиона передала Гарри кудрявые черные волосы. – Но несчастный отправился домой с чудовищным носовым кровотечением. Он высокий, понадобится мантия длиннее.

Она вытащила из сумочки несколько старых мантий, выстиранных Шкверчком, и Гарри удалился, чтобы принять зелье и переодеться.

После болезненной трансформации он стал здоровяком шести с лишним футов ростом и, если судить по бицепсам, весьма накачанным. И еще у него была борода. Спрятав плащ-невидимку и очки под новую мантию, Гарри присоединился к друзьям.

– Ух ты, сурово! – Рон, задрав голову, поглядел на новоявленного атлета.

– На, возьми жетон, – поторопила Гермиона, – и давайте, уже почти девять.

Они вышли на главную улицу вместе. Впереди, ярдах в пятидесяти, запруженный людьми тротуар перекрывала черная решетка с шипами; по бокам под землю уходили две лестницы: «Дамы» и «Господа».

– До встречи, – нервно бросила Гермиона и шагнула к входу для дам. Гарри и Рон влились в толпу странно одетых мужчин, спускавшихся, как оказалось, в обычный подземный общественный туалет, выложенный грязной черно-белой плиткой.

– Доброе утро, Редж! – поздоровался колдун, тоже в темно-синей мантии, и опустил золотой жетон в прорезь на двери кабинки. – То еще удовольствие! Вот так впускать нас на работу! Кого они ждут, Гарри Поттера?

Колдун рассмеялся над своей остротой. Рон выдавил улыбку:

– Да, что-то они дурят.

Они с Гарри вошли в соседние кабинки.

Справа от Гарри спустили воду. Он присел, заглянул в просвет между полом и стенкой кабинки и успел увидеть, как ноги в ботинках взбираются на стульчак. Он посмотрел налево и увидел часто моргающего Рона.

– Мы что, должны спуститься в унитаз? – шепотом спросил тот.

– Похоже на то, – шепнул Гарри в ответ; оказалось, у него сиплый бас.

Оба выпрямились. Гарри, чувствуя себя полным идиотом, встал в унитаз и сразу понял, что все делает правильно: его ноги, ботинки и мантия остались вполне сухими. Он потянул за цепочку, его пронесло по короткому желобу и выбросило из камина в вестибюль министерства магии.

Он неуклюже встал; с непривычки трудно было совладать с таким большим телом. Величественный атриум выглядел темнее, чем помнилось. Раньше в центре стоял золотой фонтан, пускавший световые зайчики по полированным деревянным стенам и паркету. Теперь же тут высился гигантский монумент черного камня, довольно-таки пугающий: две огромные фигуры, ведьма и колдун, сидели на резных тронах и с высоты взирали на служащих министерства, которые выскакивали из каминов. У основания композиции футовыми буквами была выгравирована надпись: «МАГИЯ – ЭТО МОГУЩЕСТВО».

Гарри сильно ударило сзади по ногам – из камина вылетел следующий колдун.

– Чего застыл, ты... ой, простите, Ранкорн.

Явно перепугавшись, лысоватый колдун поспешил прочь. Ранкорна, в которого превратился Гарри, определенно боялись.

– Эй! – позвал кто-то. Гарри обернулся и увидел маленькую ведьму и хорька из хозяйственного отдела. Те стояли под статуями и махали руками. Гарри подошел.

– Добрался нормально? – тревожным шепотом спросила Гермиона.

– Нет, застрял в толчке, – съязвил Рон.

– Очень смешно... Ужас, правда? – сказала она Гарри, смотревшему вверх на статуи. – Ты заметил, на чем они сидят?

Гарри присмотрелся и понял: то, что он принял за резные троны, оказалось беспорядочным месивом обнаженных человеческих тел. Сотни и сотни мужчин, женщин, детей с одинаково глупыми уродливыми лицами, изломанные, переплетенные, спрессованные в постамент для нарядных колдунов.

– Муглы, – еле слышно произнесла Гермиона. – Там, где им положено быть. Идем, надо торопиться.

Они влились в поток сотрудников, направлявшихся к золотым воротам в конце зала, и по пути осторожно озирались, но нигде не увидели знакомой фигуры Долорес Кхембридж. Через ворота они

попали в зал поменьше, и там поток разделился на двадцать ручейков, ведущих к двадцати золотым решеткам лифтов. Они встали в ближайшую очередь, и тут чей-то голос произнес:

– Кэттермоул!

Они оглянулись. У Гарри моментально скрутило живот. К ним приближался Упивающийся Смертью, который был на башне при убийстве Думбльдора. Работники министерства, завидев его, умолкали и опускали глаза; Гарри физически ощущал, как между ними волнами разбегается страх. Мрачное, грубоватое лицо этого человека странно контрастировало с великолепием шитой золотом развевающейся мантии. Из толпы раздался льстивый голос:

– Доброе утро, Гнусли! – Но тот словно и не услышал.

– Я послал запрос, чтобы хозяйственники навели порядок у меня в кабинете, Кэттермоул, но там попрежнему идет дождь.

Рон огляделся, будто надеясь, что кто-нибудь вмешается, но все молчали.

– Дождь?.. У вас в кабинете? Вот ведь... незадача, а?

Рон нервно хихикнул. Гнусли округлил глаза:

– По-твоему, Кэттермоул, это смешно?

Две ведьмы выбежали из очереди к лифту и спешно удалились.

– Нет... – забормотал Рон, – нет, конечно...

– Ты понимаешь, что я иду вниз допрашивать твою жену? Вообще-то странно, что ты не там, не сидишь рядом, не держишь ее за руку. Уже забыл ее, списал как негодную? Что же, мудро. В следующий раз женись на чистокровной.

Гермиона ахнула от ужаса. Гнусли посмотрел на нее. Она тихо кашлянула и отвернулась.

– Я... я... – заикался Рон.

– Если бы *мою* жену обвиняли в нечистоте крови, хоть, конечно, с грязной дрянью я никогда бы не связался, – продолжал Гнусли, – а главе департамента защиты магического правопорядка потребовались бы мои услуги, я бы выполнил его приказ срочно. Ясно, Кэттермоул?

– Да, – шепотом ответил Рон.

– Тогда будь любезен заняться делом, и если в моем кабинете через час не станет абсолютно сухо, статус крови твоей жены окажется под еще большим вопросом, нежели сейчас.

Золотая решетка перед ними с лязгом открылась. Гнусли, кивнув и мерзко ухмыльнувшись Гарри, которому, очевидно, полагалось одобрить подобное обращение с Кэттермоулом, шагнул к другому лифту. Гарри, Рон и Гермиона вошли в свой, но никто за ними не последовал, словно опасаясь заразы. Решетка захлопнулась, лифт пополз вверх.

– Что делать? – потрясенно спросил Рон. – Если я не справлюсь, моя жена... В смысле жена Кэттермоула...

– Мы пойдем с тобой, надо держаться вместе... – начал Гарри, но Рон затряс головой:

– С ума сошел, откуда у нас столько времени? Нет, вы ищите Кхембридж, а я пойду разберусь с кабинетом Гнусли... Но как остановить дождь?

– Попробуй «фините инкантатем», – тотчас заговорила Гермиона, – если это порча или проклятие, дождь прекратится. А если не поможет, значит, что-то пошло не так с атмосферной чарой, и тогда намного сложнее, но как временную меру можешь использовать «импервиус», защитить вещи...

– Так, еще раз помедленней... – Рон отчаянно зашарил в карманах, разыскивая перо, но тут лифт остановился. Бестелесный женский голос произнес:

– Этаж четвертый. Департамент по надзору за магическими существами, отделы тварей, созданий и духов, отдел по связям с гоблинами, а также консультационный центр магической санобработки.

Решетка открылась, впуслав в кабину двух колдунов и несколько сиреневых бумажных самолетиков, которые закружились у светильника на потолке.

– Доброе утро, Альберт, – сказал мужчина с кустистыми усами, улыбнувшись Гарри и коротко глянув на Рона и Гермиону.

Лифт, заскрипев, пошел вверх. Гермиона торопливо нашептывала Рону инструкции. Колдун покосился на них и, наклонившись к Гарри, пробормотал:

– Дирк Крессуэлл, а? Из связей с гоблинами? Отличная работа, Альберт. Вот теперь я наверняка получу его место!

Он подмигнул. Гарри улыбнулся в ответ, надеясь, что этого достаточно. Лифт остановился. Решетка открылась.

– Этаж второй. Департамент защиты магического правопорядка, в том числе отдел неправомочного использования колдовства, штаб-квартира авроров и секретариат Мудрейха, – объявил женский голос.

Гарри заметил, что Гермиона слегка подтолкнула Рона, и тот выскочил из лифта. За ним последовали другие колдуны, и Гарри с Гермионой остались одни. Едва золотая решетка захлопнулась, Гермиона затараторила:

– Вообще-то, Гарри, мне лучше пойти с ним. Вряд ли он разберется сам, и если все провалит...

– Этаж первый. Министр магии и секретариат министра магии.

Решетка в очередной раз открылась, и Гермиона охнула. Перед ними стояли четверо; двое были увлечены беседой – длинноволосый колдун в великолепной черно-золотой мантии и приземистая жабоподобная ведьма с бархатным бантом в коротких кудельках и с пергаментом, прижатым к груди.

Глава тринадцатая

Комиссия по учету муглорожденных

– А, Мафальда! – сказала Кхембридж, увидев Гермиону. – Вас Трэверс прислал?

– Д-да, – пискнула Гермиона.

– Хорошо, вы прекрасно подойдете. – Кхембридж повернулась к колдуну в черно-золотой мантии: – Вот проблема и решена, министр. Раз Мафальда займется ведением протокола, можем начать хоть сейчас. – Она обратилась к своему пергаменту. – На сегодня десять человек – и в частности, жена нашего сотрудника! Ай-яй-яй... вы подумайте: в самом сердце министерства! – Кхембридж вошла в лифт и встала рядом с Гермионой, как и два колдуна, что молча слушали разговор Кхембридж с министром. – Мы прямо вниз, Мафальда, все, что вам нужно, найдется в зале суда. Доброе утро, Альберт, ты разве не выходишь?

– Да-да, конечно, – отозвался Гарри басовитым голосом Ранкорна и шагнул из лифта.

Золотые решетки лязгнули за его спиной. Гарри обернулся. Бархатный бант Кхембридж, испуганное лицо Гермионы и два высоких колдуна по бокам от нее уже уплывали вниз.

– Какими судьбами, Ранкорн? – осведомился новый министр магии. В его длинных черных волосах и бороде поблескивала седина, а высокий выпуклый лоб и глубоко посаженные блестящие глаза напомнили Гарри краба, выглядывающего из-под камня.

– Нужно перемолвиться словечком с... – Гарри секунду поколебался, – Артуром Уизли. Мне сказали, он поднялся на первый этаж.

– А-а, – протянул Донельз Ретивс. – Что, уличен в контакте с Нежелательными?

– Нет, – ответил Гарри, и в горле у него пересохло, – ничего подобного.

– Все равно, вопрос времени, – сказал Ретивс. – По-моему, предатели крови ничем не лучше мугродья. Ладно, всего доброго, Ранкорн.

– До свидания, министр.

Ретивс направился прочь по коридору, устланному толстым ковром. Гарри проводил министра взглядом, а едва тот скрылся, достал плащ-невидимку, накинул на себя и поспешил в другую сторону, пригибаясь, чтобы большие ступни не выглядывали из-под плаща.

Под ложечкой пульсировал страх. Полированные деревянные двери кабинетов, таблички с именами и должностями – чем дальше, тем сильнее все могущество министерства, его сложность и несокрушимость придавливали Гарри и тем смехо-ворней казался глупый, детский план, который они с Роном и Гермионой тщательно разрабатывали целый месяц. Они сосредоточились на том, как незаметно пробраться внутрь, но ни разу не задумались, как быть, если придется разделиться. И вот Гермиона очутилась на судебном процессе, наверняка многочасовом, Рон должен наколдовать то, чего совершенно не умеет, и от этого, возможно, зависит судьба женщины, а Гарри зачем-то блуждает по верхнему этажу, хотя та, на кого он охотится, уехала вниз на лифте.

Он остановился, прислонился к стене и задумался, что делать. Тишина давила на психику. Нигде ни звука: ни отдаленных разговоров, ни быстрых шагов, словно на коридоры, устланные пурпурными коврами, наложили заклятие *заглуши*.

«Ее кабинет должен быть где-то здесь», – подумал Гарри.

Маловероятно, чтобы Кхембридж хранила ценности в кабинете, но все-таки глупо его не обыскать. Гарри зашагал дальше по коридору, не встретив по пути никого, кроме хмурого колдуна, – тот шепотом диктовал что-то перу, которое парило перед ним в воздухе и покрывало каракулями длинный пергаментный свиток.

Поглядывая на дверные таблички, Гарри повернул за угол и в середине следующего коридора вышел в широкий просторный зал, где за маленькими партами – как будто школьными, только отполированными и без рисунков – рядами сидела дюжина ведьм и колдунов. Гарри замер: то, что они делали, завораживало. Синхронно взмахивая палочками, они рассылали во все стороны бумажные квадратики, точно маленькие розовые воздушные змеи. Через

несколько секунд Гарри уловил в их движениях определенный ритм и понял, что бумажки – часть целого, а еще через миг догадался, что наблюдает производство брошюр. Бумажные квадратики – страницы – магически собирались, сгибались, сшивались и падали в ровные стопки возле своих создателей.

Гарри подкрался ближе, хотя вообще-то мог и не опасаться, что поглощенные делом сотрудники услышат его шаги по такому толстому ковру. Он незаметно стянул готовую брошюру из стопки одной молодой ведьмы и под плащом-невидимкой рассмотрел. На розовой обложке золотом сверкало название:

МУГРОДЬЕ

и его опасность для мирного
чистокровного населения

Под заголовком свирепый клыкастый сорняк душил глупо улыбающуюся красную розу. Имя автора указано не было, но, пока Гарри просматривал брошюру, шрамы на правой руке стало покалывать. Вскоре молодая ведьма подтвердила его подозрение. Не переставая размахивать палочкой, она спросила:

– Никто не в курсе, старая карга весь день будет мугродье допрашивать?

– Ты бы потише, – прошипел ее сосед, нервно оглядываясь. Одна из его страничек сорвалась и упала на пол.

– У нее теперь что, не только волшебный глаз, но и волшебные уши?

Ведьма глянула на полированную дверь красного дерева напротив. Гарри посмотрел туда же – и вскипел от гнева. Там, где у муглов обычно располагается дверной глазок, в дерево был вставлен ярко-голубой круглый глаз – глаз, до боли знакомый каждому, кто знал Аластора Хмури.

На мгновение Гарри забыл, где он и как сюда попал, забыл даже, что невидим, и широкими шагами прошел к двери. Глаз не двигался, слепо уставившись вверх. Табличка под ним гласила:

ДОЛОРЕС КХЕМБРИДЖ

старший заместитель министра

Ниже располагалась еще табличка – она блестела ярче:

Председатель комиссии
по учету муглорожденных

Гарри обернулся на служащих: те, конечно, увлечены делом, но вряд ли не заметят вдруг распахнувшейся двери пустого кабинета. Он достал из внутреннего кармана странный предмет – нечто вроде маленькой резиновой груши, которая махала ножками, – присел и поставил бомбушку-отвлекашку на пол.

Та засеменила под ноги ведьмам и колдунам. Через пару секунд – Гарри стоял, замерев, сжимая дверную ручку, и ждал – раздался громкий взрыв. Из угла повалили клубы едкого дыма. Молодая ведьма в переднем ряду завизжала. Розовые странички разлетелись; все подскочили, озираясь и пытаясь понять, что случилось. Гарри повернул ручку, вошел в кабинет, закрыл за собой дверь – и словно переместился назад во времени.

Комната в точности повторяла кабинет Кхембридж в «Хогварце». Всюду шторы, салфеточки, засушенные цветочки. На стенах – те же ярко раскрашенные тарелочки с резвящимися котятами, прелестными до тошноты. Стол под цветастой скатертью с оборками. Телескопическое приспособление под глазом Хмури позволяло следить за людьми в зале. Гарри заглянул и увидел, что работники столпились над бомбушкой-отвлекашкой. Он вырвал телескоп, оставив в двери дырку, вынул волшебный глаз и положил в карман. Затем, отвернувшись от двери, поднял волшебную палочку и пробормотал:

– Ацио медальон!

Ничего не произошло, но он и не рассчитывал: Кхембридж, как-никак, разбирается в защитных чарах. Он торопливо приблизился к письменному столу и начал выдвигать ящики. Перья, записные книжки, колдолента. Волшескрепки, которые, змеясь, поползли наружу – пришлось загонять обратно силой. Аляповатая шкатулочка с запасными бантиками и заколками для волос... но ни следа медальона.

Позади стола находилась картотека, и Гарри занялся ею. Как и у Филча в «Хогварце», шкаф был забит поименованными папками. В нижнем ящике кое-что отвлекло его внимание от поисков медальона: досье мистера Уизли.

Гарри достал его, открыл.

АРТУР УИЗЛИ

Статус крови: чистокровный, однако открыто демонстрирует промугловые настроения.

Состоит в Ордене Феникса.

Семья: жена (чистокровная), семеро детей, двое младших обучаются в «Хогварце».

НВ: Младший сын дома, серьезно болен; подтверждено инспекторами министерства.

Статус безопасности: ПОД НАБЛЮДЕНИЕМ. Ведется мониторинг перемещений. Велика вероятность контакта с Нежелательным № 1 (ранее гостил в семье Уизли).

– Нежелательный номер один, – пробормотал Гарри, убирая папку на место. Он, кажется, знает, о ком речь. И действительно, стоило ему выпрямиться и оглянуться в поисках других возможных тайников, как он увидел на стене плакат с собственным изображением и надписью поперек груди: «Нежелательный № 1». К плакату была приклеена розовая бумажка для заметок с котенком в углу. Гарри подошел ближе и прочитал: «Наказать». Почерк Кхембридж.

Злой как никогда, он принялся обыскивать вазы и корзины с сухими цветами, но ничуть не удивился, не обнаружив медальона. Затем в последний раз обвел кабинет взглядом, и вдруг сердце у него екнуло: из прямоугольного зеркала на этажерке с книгами позади стола смотрел Думбльдор.

Гарри кинулся к нему, протянул руку... но это оказалось вовсе не зеркальце. Думбльдор задумчиво улыбался с глянцевой книжной обложки. Гарри не сразу заметил надпись зеленым, вьющуюся по его шляпе: «Жизнь и ложь Альбуса Думбльдора», и так же крупно поперек груди: «Рита Вритер, автор бестселлера “Армандо Диппет: директор или дурак?”».

Гарри наугад раскрыл книгу и увидел фотографию во всю страницу: два подростка заразительно хохочут, обнимают друг друга за плечи. Думбльдор, с волосами по локоть, отрастил крохотную бороденку на манер той, что была теперь у Крума и так не понравилась Рону. Мальчишка, что стоял рядом с Думбльдором и неслышно хохотал, казалось, просто ошалевает от радости. Его золотые кудри ниспадали до плеч. Молодой Дож? Гарри не успел прочитать подпись под снимком – дверь кабинета распахнулась.

Если бы Ретивс не оглядывался через плечо, Гарри не хватило бы проворства укрыться плащом-невидимкой. Но министр уловил движение лишь краем глаза: он застыл и пару секунд смотрел в точку, откуда исчез Гарри. Затем, похоже, решил, что виною всему Думбльдор, почесавший нос, – Гарри успел поставить книгу на этажерку. Ретивс подошел к столу и навел палочку на перо в чернильнице. Оно выпрыгнуло и принялось строчить записку Кхембридж. Гарри, стараясь не дышать, медленно прокрался из кабинета в зал.

Служащие толкались вокруг дымящихся остатков бомбушки-отвлекашки, которая все еще слабо дудела. Гарри спешно ретировался в коридор, услышав напоследок слова молодой ведьмы:

– Спорим, эта штука сбежала из комитета экспериментальной магии. Там такие растяпы! Помните ядовитую утку?

Торопясь к лифту, Гарри обдумывал, как быть дальше. Не похоже, что медальон в министерстве, и надежды колдовством выведать у Кхембридж, где он, нет – во всяком случае, не в зале суда, где полно народу. Главное сейчас – убраться, пока целы, и попробовать снова в другой день. Но для начала нужно найти Рона и вместе сообразить, как вытащить Гермиону.

Лифт пришел пустой. Гарри прыгнул внутрь и стянул с себя плащ-невидимку. Лифт дополз до второго этажа, и, к невероятному облегчению Гарри, вошел мокрый очумелый Рон.

– З-здравствуйте, – промямлил он, едва лифт тронулся.

– Рон, это я, Гарри!

– Гарри! Блин, я забыл, как ты выглядишь! А чего Гермиона не с тобой?

– Ей пришлось пойти в зал суда вместе с Кхембридж, не смогла выкрутиться и...

Гарри осекся: лифт опять остановился, и вошли мистер Уизли с пожилой ведьмой, чей высокий светлый начес напоминал муравейник.

– ...я, в общем, понимаю, о чем вы говорите, Ваканда, но боюсь, что не смогу участвовать в...

Мистер Уизли осекся: заметил Гарри. Это было странно – прежде он никогда не смотрел на Гарри с такой неприязнью. Двери закрылись, и они вчетвером покатались вниз.

– А-а, Редж, привет, – мистер Уизли оглянулся на шлепки капель, падавших с мантии Рона. – А твоя жена сегодня разве не на допросе? И... что случилось? Почему ты весь мокрый?

– Дождь в кабинете Гнусли, – ответил Рон, глядя мистеру Уизли в плечо. Боится, что отец узнает его, если они посмотрят друг другу в глаза, дога-

дался Гарри. – Остановить не смог, послали за Берни... Пиллсвортом, кажется...

– Да, в последнее время во многих кабинетах дожди, – закивал мистер Уизли. – А ты «распорчнипогоду реканто» пробовал? Блетчли помогло.

– «Распорчнипогоду реканто»? – шепотом переспросил Рон. – Нет. Спасибо, па... Ну то есть спасибо, Артур.

Двери открылись, ведьма с муравейником вышла, Рон тоже бросился вон и скрылся из виду. Гарри хотел бежать за ним, но ему помешал Перси Уизли. Он шагнул в кабину, не отрываясь от чтения каких-то бумаг.

Лишь когда лифт с лязгом захлопнулся, Перси осознал, что стоит рядом с собственным отцом. Заметив его, Перси покраснел как редиска и выскочил, едва открылись двери. Гарри опять хотел выйти, но на сей раз дорогу ему рукой преградил мистер Уизли.

– Минутку, Ранкорн.

Они поехали дальше. Мистер Уизли сказал:

– Говорят, у вас есть информация на Дирка Крессуэлла.

Гарри показалось, что после встречи с Перси мистер Уизли посуровел. И решил, что лучше всего прикинуться дурачком:

– Прошу прощения?

– Не притворяйтесь, Ранкорн, – гневно бросил мистер Уизли. – Вы поймали колдуна, который подделал свое генеалогическое древо, так?

– Я... Допустим. И что?

– А то, что Дирк Крессуэлл – колдун много лучше вас, – тихо процедил мистер Уизли. – И если он выживет в Азкабана, вам придется перед ним ответить. Я уж не говорю о его жене, сыне, друзьях...

– Артур, – перебил Гарри, – за вами тоже наблюдают, вы в курсе?

– Это угроза, Ранкорн? – громко поинтересовался мистер Уизли.

– Нет, – ответил Гарри. – Это факт! Они следят за каждым вашим шагом...

Лифт достиг атриума. Двери открылись. Мистер Уизли, пронзив Гарри уничтожающим взглядом, стремительно вышел. Потрясенный Гарри остался в кабине... И почему он превратился в этого Ранкорна? Снова лязг; лифт поехал дальше.

Гарри опять надел плащ-невидимку. Он сам вызовет Гермиону, пока Рон разбирается с дождем. Когда решетка открылась, Гарри вышел в каменный коридор, освещенный факелами и совсем не похожий на верхние этажи с их деревянными панелями и коврами дорожками. Лифт, грохоча, уехал. Гарри увидел вдали черную дверь департамента тайн и вздрогнул.

Но ему нужна была другая дверь. По его воспоминаниям, находилась она слева и открывалась на лестницу, ведущую в залы суда. Спускаясь, Гарри все не мог решить, как действовать: использовать оставшиеся бомбушки-отвлекашки? Нет, лучше под видом Ранкорна постучать в зал и попросить Мафальду на пару слов. Непонятно, правда, достаточно ли важная персона этот Ранкорн – может, с рук и не сойдет. И даже если получится, Гермиона не вернется в зал, и ее могут хватить раньше, чем они выберутся из министерства...

В задумчивости он не сразу почувствовал неестественный холод, охвативший его внезапно, словно он нырнул в туман. С каждым шагом становилось холоднее, ледяной воздух все глубже проникал в горло, замораживал легкие... Затем навалились тоска, отчаяние, безнадежность...

«Дементоры», – понял Гарри.

Он спустился, свернул направо – и увидел жуткую сцену. В темном коридоре у двери толпились высокие фигуры в черных капюшонах: лиц не видно, в абсолютной тишине – только прерывистое хриплое дыхание. Окаменевшие от страха муглорожденные, вызванные на допрос, сидели, съежившись и мелко дрожа, на деревянных скамьях. Многие закрывали лица руками – должно быть, инстинктивно отгораживались от жадных пастей дементоров. Кто-то пришел с родственниками, другие одни. Дементоры скользили перед ними туда-сюда. Холод, беспросветность, мрак легли на Гарри, словно проклятие...

«Сопровивляйся», – приказал он себе. Заступника вызывать нельзя, это его моментально выдаст. Как можно тише он пошел вперед, все больше цепenea, но мысленно твердя: иди, иди, ты нужен Рону и Гермионе...

Идти меж высоченных черных фигур было очень страшно: безглазые лица под капюшонами поворачивались к нему, и Гарри не сомневался, что дементоры его чувствуют, ощущают присутствие человека, у которого еще осталась надежда, который способен им противостоять...

Вдруг дверь слева распахнулась с оглушительным в гробовой тишине грохотом, и оттуда, разносясь эхом, полетел крик:

– Нет, нет, я полукровка, полукровка, говорю вам! Мой отец был *колдун*, проверьте, поищите в справочниках! Арки Алдертон, известный конструктор метел, проверьте, говорю же... отпустите, отпустите...

– Предупреждаю в последний раз, – мягко произнес голос Кхембридж, магически усиленный и легко перекрывавший отчаянные вопли. – Будете вырываться, подвергнетесь Поцелую дементора.

Крики стихли, и теперь в коридоре слышались глухие всхлипы.

– Увести, – приказала Кхембридж.

В дверях появились двое дементоров. Гнилостными руками в струпьях они подхватили колдуна под мышки – тот, похоже, потерял сознание. Дементоры, уволакивая жертву, поплыли по коридору, и мрак, который они испускали, скоро поглотил всех троих.

– Следующий! Мэри Кэттермоул, – вызвала Кхембридж.

Встала маленькая женщина в простой длинной мантии, дрожавшая с головы до ног. Бледная как мел, темные волосы стянуты в пучок на затылке. Гарри увидел, как она содрогнулась, проходя мимо дементоров.

Он действовал по наитию, без раздумий: не мог спокойно смотреть, как она идет в подземелье одна-одинешенька, и скользнул вслед за ней в закрывающуюся дверь.

Это был не тот зал, где Гарри однажды допрашивали за неправомерное использование колдовства. Намного меньше, но с таким же высоким потолком, зал давил на человека – тот словно оказывался на дне очень глубокого колодца.

Здесь кишели дементоры. Источая ледяной холод, они безликими стражами стояли поодаль от трибуны, где за балюстрадой сидела Кхембридж с Гнусли по одну сторону и Гермионой, такой же бледной, как миссис Кэттермоул, по другую. Под трибуной бродил туда-сюда пушистый кот со светящимся серебристым мехом – Заступник, охранявший обвинителей. Отчаяние, исходившее от дементоров, предназначалось лишь обвиняемым.

– Садитесь, – мягко промурлыкала Кхембридж.

Миссис Кэттермоул, спотыкаясь, прошла к креслу в центре зала. Едва она села, из подлокотников выпрыгнули цепи и приковали ее.

– Вы – Мэри Элизабет Кэттермоул? – осведомилась Кхембридж.

Миссис Кэттермоул боязливо кивнула.

– Замужем за Реджинальдом Кэттермоулом, сотрудником хозяйственного отдела?

Миссис Кэттермоул разразилась слезами:

– Я не знаю, где он! Он должен был ждать меня тут!

Кхембридж пропустила ее возглас мимо ушей.

– Мать Мэйзи, Элли и Альфреда Кэттермоулов?

Миссис Кэттермоул разрыдалась пуще прежнего:

– Им страшно, они боятся, что больше меня не увидят...

– Нельзя ли без сцен, – бросил Гнусли. – Нам мугродья не жалко.

Плач миссис Кэттермоул заглушил шаги Гарри, который направился напрямик к лестнице на трибуну и, ступив на территорию, охраняемую котом-Заступником, сразу почувствовал, как здесь тепло и уютно. Заступник наверняка принадлежал Кхембридж и светился так ярко потому, что его хозяйка, защищая уродливые законы, многие из которых сама же и написала, была в своей стихии и абсолютно счастлива. Гарри медленно прокрался позади Кхембридж и Гнусли к Гермионе и сел у нее за спиной. Он очень боялся, что Гермиона вздрогнет от неожиданности, и хотел было наложить на Кхембридж и Гнусли заклятие *заглуши*, но раздумал: даже тихо произнесенное слово могло потревожить Гермиону. Он дождался, когда Кхембридж, обращаясь к миссис Кэттермоул, повысит голос, и шепнул Гермионе на ухо:

– Я тут.

Естественно, она подскочила, да так, что едва не опрокинула чернильницу, куда макала перо, ведя протокол допроса. К счастью, все

внимание Кхембридж и Гнусли было обращено к миссис Кэттермоул, и происшествие осталось незамеченным.

– Миссис Кэттермоул, сегодня по прибытии в министерство у вас изъяли волшебную палочку, – монотонно говорила Кхембридж. – Восемь дюймов и три четверти, вишневое дерево, сердцевина – волос единорога. Узнаете по описанию?

Миссис Кэттермоул кивнула, утирая слезы рукавом.

– Не соблаговолите объяснить, у какой ведьмы или колдуна вы ее украли?

– У... украла? – всхлипнула миссис Кэттермоул. – Я не к-крала! Я ее к-купила в одиннадцать лет. Она... она... *сама* меня выбрала.

Миссис Кэттермоул зашлась рыданиями.

Кхембридж испустила нежный девичий смешок, и Гарри захотелось ее убить. Она подалась вперед через балюстраду, чтобы лучше видеть свою жертву, и что-то золотое блеснуло, качнулось в воздухе – медальон.

Гермиона тоже заметила и тихо ойкнула, но Кхембридж и Гнусли, поглощенные допросом, ко всему остальному были глухи.

– Едва ли, – заявила Кхембридж. – Сильно сомневаюсь. Палочки выбирают только колдунов или ведьм. Но вы не ведьма. У меня есть ваша анкета... Мафальда, передайте.

Кхембридж протянула руку, так похожую на жабью лапку, что Гарри не удивился бы, увидев перепонки между толстыми короткими пальцами. Руки Гермионы тряслись от волнения. Она порылась в груди документов, водруженной на соседний стул, и наконец извлекла пачку пергаментов с именем миссис Кэттермоул.

– Какая... прелестная вещица, Долорес. – Она указала на кулон, сверкавший среди рюшей на блузке Кхембридж.

– Что? – рявкнула та, посмотрев на свою широкую грудь. – А-а! Семейная реликвия. – Она погладила медальон. – «С» означает Сельвин... Я с ними в родстве... Собственно, я в родстве почти со всеми чистокровными семьями... чего, увы, – бегло просматривая анкету миссис Кэттермоул, прибавила она уже громче, – не скажешь о вас. «Занятие родителей: зеленщики».

Гнусли ядовито усмехнулся. Серебристый пушистый кот бродил под балюстрадой, дементоры в ожидании застыли по углам.

От наглой лжи Кхембридж кровь Гарри вскипела, и он забыл про осторожность. Стало быть, медальон, полученный как взятка от мелкого жулика, – дополнительное доказательство ее чистокровности? Он поднял волшебную палочку, даже не пряча ее под плащом-невидимкой, и выпалил:

– Обомри!

Вспыхнул красный свет; Кхембридж рухнула, стукнувшись лбом о край балюстрады. Документы посыпались с ее колен на пол; серебристый кот исчез. Волна ледяного воздуха нахлынула, как цунами. Гнусли, растерянно озираясь, искал нападавшего; увидев руку Гарри с направленной на него палочкой, он сунулся за своей, но не успел.

– Обомри!

Гнусли упал на пол и остался лежать скорчившись.

– Гарри!

– Гермiona, ну невозможно слушать ее враки...

– Гарри, миссис Кэттермоул!

Гарри развернулся, сбросив плащ-невидимку; внизу дементоры из углов медленно скользили к женщине, прикованной цепями к креслу. Они больше не стеснялись – оттого ли, что исчез Заступник, или оттого, что их хозяева повержены. Склизкая рука в струпьях схватила миссис Кэттермоул за подбородок и запрокинула ей голову; несчастная страшно закричала.

– ЭКСПЕКТО ПАТРОНУМ!

Серебристый олень, вылетев из кончика волшебной палочки Гарри, ринулся на дементоров. Те отступили и вновь растворились в темноте. Олень легким галопом поскакал вокруг подземелья. Его свет, ярче и теплее, чем свет кота, залил все вокруг.

– Забери окаянт, – велел Гарри Гермione и, на ходу пряча плащ-невидимку, сбежал вниз и склонился над миссис Кэттермоул.

– Вы? – прошептала она, глядя ему в глаза. – Но... Редж сказал, что это вы занесли мое имя в список на допрос.

– Правда? – пробормотал Гарри, сражаясь с цепями. – Ну, выходит, я передумал... Диффиндо! – Ничего не произошло. – Гермiona, как снять цепи?

– Подожди, у меня тут кое-что...

– Гермiona, вокруг дементоры!

– Знаю, но если она очнется, а медальона не будет... нужна копия... Геминию! Вот... Сойдет, чтобы обдурить...

Гермиона сбежала вниз по лестнице.

– Так... Релашио!

Цепи, лязгнув, втянулись в подлокотники. Миссис Кэттермоул по-прежнему испуганно таращила глаза.

– Ничего не понимаю, – прошептала она.

– Вы пойдете с нами. – Гарри помог ей подняться. – Отправляйтесь домой, берите детей и бегите. Если потребуется, бегите из страны. Меняйте внешность и дуйте отсюда. Вы же видите, что здесь творится. Не ждите честного суда.

– Гарри, – сказала Гермиона, – а как мы выберемся? За дверью толпы дементоров.

– Заступники, – бросил Гарри, указывая палочкой на оленя. Тот, ярко сияя, медленно зашагал к двери. – Чем больше, тем лучше. Вызывай своего, Гермиона.

– Экспек... экспекто патронум, – выдавила она. Заклинание не сработало.

– Все может, а с этим сплошное горе, – посетовал Гарри, обращаясь к окончательно сбитой с толку миссис Кэттермоул, – что, признаться, весьма некстати... Ну давай же, Гермиона!

– Экспекто патронум!

Серебряная выдра выпрыгнула из палочки Гермионы и грациозно полетела к оленю.

– Уходим, – приказал Гарри и повел Гермиону и миссис Кэттермоул к двери.

Заступники выплыли из зала. Послышались потрясенные возгласы людей, ожидавших снаружи. Гарри осмотрелся; дементоры отступали, растворялись во тьме, рассеиваясь перед серебристыми фантомами.

– Принято решение распустить вас по домам. Вы должны скрыться вместе с семьями, – объявил Гарри муглорожденным, которые щурились в ярком свете и жались друг к другу. – Если сумеете, бегите за границу. Чем дальше от министерства, тем лучше. Это... э-э... наша новая официальная политика. Все ясно? Тогда следуйте за Заступниками. Мы выйдем через атриум.

Они двигались уверенно и не встречали препятствий, однако у лифтов Гарри стало не по себе. Хороши они будут в атриуме с оленем,

выдрой и двумя десятками муглорожденных! Беды не миновать. Едва он пришел к этому неприятному заключению, появился лифт.

– Редж! – вскричала миссис Кэттермоул и бросилась в объятия к Рону. – Ранкорн освободил меня, сшиб Кхембридж и Гнусли и советует всем уехать из страны. По-моему, он прав. Редж, нам надо скорее домой! Возьмем детей и... А почему ты мокрый?

– От воды, – пробормотал Рон, отстраняясь. – Гарри, они знают, что в министерстве чужие! Говорили про дыру в двери кабинета Кхембридж... У нас от силы минут пять...

Гермиона в ужасе повернулась к Гарри, и ее Заступник с тихим хлопком исчез.

– Гарри, если мы тут застрянем!..

– Не застрянем, если поторопимся, – сказал Гарри и обратился к безмолвной группе людей, смотревших на него во все глаза: – У кого есть палочки?

Примерно половина подняли руки.

– Хорошо, у кого нет, сгруппируйтесь с теми, у кого есть. Действуем быстро, пока нас не задержали. Вперед.

Они кое-как втиснулись в два лифта. Заступник Гарри замер на часах у золотых решеток. Лифт начал подниматься.

– Этаж восьмой, – невозмутимо объявил женский голос. – Атриум.

Дело плохо, сразу понял Гарри. Атриум был полон народу; все бегали и блокировали каминь.

– Гарри, – пролепетала Гермиона, – как же мы...

– СТОП! – прогремел Гарри мощным голосом Ранкорна, эхом разнесшимся по вестибюлю. Колдуны у каминов замерли. – За мной, – шепотом приказал Гарри муглорожденным. Те шли за ним робким стадом, погоняемые Роном и Гермионой.

– Альберт, в чем дело? – нервно спросил лысоватый колдун, который сегодня вслед за Гарри входил в министерство.

– Эти люди должны покинуть здание, прежде чем вы заблокируете выходы, – как мог начальственно заявил Гарри.

Работники министерства переглянулись.

– Нам поступило указание перекрыть все входы и выходы и никого не...

– Ты будешь мне перечить? – взорвался Гарри. – Может, проверить твою родословную, как у Дирка Крессуэлла?

– Простите, – выдохнул лысоватый колдун, отступая назад, – я же ничего, Альберт, я просто подумал... их же вызвали для допроса...

– Их кровь чиста! – Бас Гарри снова эхом раскатился по залу. – Почище, чем у многих из вас. Идите! – гаркнул он муглорожденным. Те бросились к каминам и стали парами исчезать. Работники министерства попятились, огорошенные, напуганные, недовольные.

И вдруг:

– Мэри?

Миссис Кэттермоул обернулась. Из лифта выбежал Редж Кэттермоул, настоящий, изнуренный и бледный, хотя его уже не тошнило.

– Р-Редж?

Она перевела взгляд с мужа на Рона. Тот громко выругался.

Лысоватый колдун застыл, тупо водя глазами от одного Реджа Кэттермоула к другому.

– Эй! Вы кто? Что это все такое?

– Закройте выходы! ЗАКРЫТЬ!

Гнусли, выскочив из другого лифта, бросился к каминам, где только что исчезли все муглорожденные, кроме миссис Кэттермоул. Лысоватый колдун поднял палочку, но Гарри мощным ударом огромного кулака послал его в воздух и заорал:

– Гнусли, он помогал муглорожденным сбежать!

Поднялся гвалт. Рон, пользуясь суматохой, втолкнул миссис Кэттермоул в еще открытый камин и исчез вместе с ней. Растерявшийся Гнусли перевел взгляд с Гарри на колдуна на полу, но тут настоящий Редж Кэттермоул закричал:

– Моя жена! Кто это был с моей женой? Что происходит?

Гнусли повернул голову, и в его тупом лице забрезжило понимание.

– Сваливаем! – закричал Гарри Гермione, вцепился ей в руку и потянул за собой в камин. Над его головой пронеслось заклятие Гнусли...

Их кружило несколько секунд, а потом они очутились в туалетной кабинке. Гарри распахнул дверцу. Рон возле раковин сражался с миссис Кэттермоул.

– Редж, я не понимаю...

– Отпустите, я не ваш муж, идите домой!

В соседней кабинке раздался шум. Гарри оглянулся и увидел Гнусли.

– БЕЖИМ! – заорал он, схватил Рона и Гермиону за руки и крутанулся на месте.

Тьма засасывала их; он еще чувствовал руки друзей, но что-то было не так... Рука Гермионы выскользнула из его пальцев.

Ему казалось, он вот-вот задохнется, дышать нечем, ничего не видно, и надежными в этом мире оставались только локоть Рона и ускользающие пальцы Гермионы...

Затем показалась дверь дома № 12 на площади Мракэнтлен, дверной молоток в форме змеи, но Гарри не успел и вдохнуть, как раздался вскрик, полыхнуло фиолетовым, рука Гермионы вцепилась в него клешнями, и все опять поглотил мрак.

Глава четырнадцатая

Вор

Гарри открыл глаза, и его ослепило зелено-золотое сияние. Он не понимал, что случилось, знал только, что лежит на опавших листьях и ветках. Он глубоко вдохнул – легкие словно сплющились, – моргнул и понял, что безумное сияние – это яркий солнечный свет, льющийся сквозь шатер древесных крон. Над его лицом что-то мелькнуло. Гарри поднялся на четвереньки, готовый к нападению маленького, но опасного существа, но увидел лишь ступню Рона. Гарри огляделся. Они трое лежали на земле, и рядом никого не было.

Первым делом он подумал про Запретный лес и, даже зная, что очутиться на территории «Хогварца» для них и опасно и глупо, обрадовался, представив, как прокрадется к хижине Огрида. Но Рон тихо застонал, Гарри пополз к нему – и сообразил, что это вовсе не Запретный лес. Деревья моложе, растут реже, земля чище.

Гермиона, тоже на четвереньках, стояла у головы Рона. Едва глянув на друга, Гарри забыл обо всем на свете: левый бок у того был залит кровью, серое лицо на фоне листвы казалось мертвым. Всеэссенция выветривалась; Рон из Кэттермоула превращался в себя, волосы рыжели, а лицо бледнело с каждым мигом.

– Что с ним?

– Разомклило, – сказала Гермиона и занялась рукавом Рона, насквозь пропитавшимся темной густой кровью.

Гарри с ужасом наблюдал, как она разрывает рубашку. Разомклинч всегда казался ему комическим, но такое... Гермиона оголила руку Рона, с которой будто ножом срезали большой кусок плоти, и Гарри передернуло.

– Гарри, скорее, в сумке флакон «Экстракт бадьяна дикого»...

– В сумке... сейчас...

Гарри бросился туда, где приземлилась Гермиона, схватил шитую бисером сумочку и сунул руку внутрь. И тотчас вещи одна за другой

принялись предлагать себя на выбор: его руки касались кожаные переплеты книг, шерстяные рукава джемперов, каблуки...

– *Быстрее!*

Он схватил с земли волшебную палочку и указал ею в глубину сумочки:

– Акцио бадьян!

Из сумки вылетел коричневый флакончик, Гарри поймал его и ринулся к Гермионе. Глаза Рона закатились, под полузакрытыми веками виднелись белки.

– Потерял сознание. – Гермиона, смертельно бледная, больше не походила на Мафальду, хотя в волосах еще оставалась проседь. – Открой, у меня руки трясутся.

Гарри вытащил пробку, Гермиона взяла флакон и три раза капнула зельем на кровоточащую рану. Вверх взвился зеленоватый дым, а когда он рассеялся, стало видно, что кровь остановилась, а рваная рана затянулась молодой кожей, словно после ранения прошло несколько дней.

– Ничего себе, – сказал Гарри.

– Единственно безопасное средство, – объяснила Гермиона, не переставая дрожать. – Есть заклинания, которые бы его совсем вылечили, но я боюсь: если ошибешься, станет хуже... А он и так потерял много крови...

– Как его ранило? В смысле, – Гарри потряс головой, пытаясь понять, что вообще произошло, – почему мы здесь? Я думал, мы вернемся на площадь Мракэнтлен.

Гермиона тяжело вздохнула. В ее глазах стояли слезы.

– Гарри, боюсь, уже не получится.

– О чем ты?..

– Понимаешь, когда мы дезаппарировали, Гнусли меня схватил, и я не смогла оторваться, он слишком сильный. Так и держался до самой площади Мракэнтлен, а потом... наверное, он увидел дверь и решил, что мы на месте, ослабил хватку, и я его стряхнула. И перенесла нас сюда!

– А где же он?.. погоди... По-твоему, он в штаб-квартире? Ему ведь туда не проникнуть?

Глаза Гермионы влажно блеснули. Она кивнула:

– Боюсь, он там. Я... применила отвратку, но он меня выпустил уже в сфере действия Заклятия Верности. После смерти Думбльдора Хранителями Тайны стали мы... а я... выдала секрет, согласись?

Что уж тут притворяться; Гарри практически не сомневался, что так и есть. А значит, дело серьезное. Если Гнусли попал в дом, возвращаться нельзя. Может, туда уже слетаются другие Упивающиеся Смертью. Дом, пусть мрачный и неприветливый, был их единственным безопасным убежищем, а в последнее время, когда Шкверчок так изменился, казался почти родным. Гарри вообразил, как эльф печет пирог с мясом и почками, которого им уже не отведать, и глубоко вздохнул, причем вовсе не о еде.

– Гарри, прости меня, прости!

– Глупости, ты не виновата! Скорее уж я...

Гарри достал из кармана глаз Хмури. Гермиона отшатнулась.

– Кхембридж врезала его в дверь своего кабинета, чтобы шпионить за сотрудниками. Я не мог его там оставить... Но так они и узнали про незваных гостей.

Гермиона не успела ответить: Рон застонал и открыл глаза. Его серое лицо блестело от испарины.

– Как ты? – шепотом спросила Гермиона.

– Паршиво, – хрипло ответил Рон и поморщился, ощупывая больную руку. – Мы где?

– В лесу, где был мировой чемпионат по квидишу, – сказала Гермиона. – Я хотела попасть в защищенное, тайное место, и это...

– ...первое, что пришло в голову, – закончил за нее Гарри, оглядывая вроде бы пустынную поляну. Он поневоле вспомнил, что в прошлый раз первое пришедшее Гермионе в голову место Упивающиеся Смертью вычислили через считанные минуты. Легилименция? То есть, возможно, Вольдеморт с приспешниками уже в курсе?

– Думаешь, надо делать ноги? – спросил Рон, и Гарри по его лицу понял, что их мысли совпали.

– Не знаю.

Рон выглядел неважнецки и даже не пытался сесть – видимо, слабость. Куда ему в таком состоянии.

– Давайте пока останемся здесь, – решил Гарри.

Гермиона с видимым облегчением вскочила.

– Ты куда? – спросил Рон.

– Если остаемся, надо защититься, – объяснила она, подняла волшебную палочку и заходила широкими кругами, бормоча заклинания. Воздух стал зыбким, словно Гермиона наколдowała тепло. – Сальвио хексия... Протего тоталум... Репелло муглотум... Заглуши... Кстати, Гарри, можешь поставить палатку...

– Палатку?

– В сумке!

– В су... Естественно, – кивнул Гарри.

На сей раз он не полез внутрь, а сразу воспользовался призывным заклятием. Палатка вылетела: ком брезента, веревок, колышков. Гарри узнал ее – в основном по кошачьему запаху. В ней они ночевали на чемпионате по квидишу.

– Я думал, это палатка Перкинса из министерства, – сказал он, распутывая колышки.

– Он не захотел ее забирать, у него прострел в пояснице, – проговорила Гермиона, волшебной палочкой выписав в воздухе сложную фигуру восьмью штрихами. – И папа Рона разрешил взять. Эректо! – Она указала палочкой на смятое полотно, ткань взмыла, и перед Гарри встала палатка, полностью собранная. Колышек выскочил из его дрогнувших рук и со стуком вонзился в землю, закрепив оттяжку. – Каве инимикум, – закончила Гермиона, выводя над головой узор. – Вот все, что я могу. По крайней мере, будем знать, если они появятся, но гарантий, что это оградит от Воль...

– Не произноси имя! – рывкнул Рон.

Гарри и Гермиона переглянулись.

– Извините. – Рон, постанывая, приподнялся и посмотрел на них. – Но оно звучит как проклятие. Пусть он будет «Сам-Знаешь-Кто»... пожалуйста.

– Думбльдор говорил, что страх перед именем... – начал Гарри.

– И чем это в итоге закончилось! – бросил в ответ Рон. – По-моему... по-моему, лучше проявить к Сам-Знаешь-Кому капелюк уважения.

– *Уважения?* – потрясенно переспросил Гарри, но осекся под строгим взглядом Гермионы: дескать, не спорь с больным.

Гарри с Гермионой почти волоком втащили Рона в палатку. Там все было в точности как Гарри запомнил: небольшая квартирка с ванной и

крошечной кухонькой. Он отпихнул старое кресло и осторожно опустил Рона на нижнюю полку двухъярусной кровати. Даже от этого короткого перемещения Рон сильно побледнел и, как только его уложили, закрыл глаза и замолчал.

– Я приготовлю чай. – Запыхавшаяся Гермиона достала из глубин сумочки чайник и кружки и направилась в кухню.

Гарри пил чай с тем же остервенением, что и огневиски в ночь гибели Шизоглаза, – словно выжигая тоску в груди. Через пару минут Рон спросил:

– Как думаете, что сейчас с Кэттермоулами?

– Если повезло, сбежали, – ответила Гермиона, крепко сжимая кружку, чтобы согреться и успокоиться. – Надеюсь, мистеру Кэттермоулу хватило ума применить параллельное аппарирование, и сейчас они с миссис Кэттермоул и детьми уже за границей, как советовал Гарри.

– Хорошо бы так. – Рон откинулся на подушки. Чай пошел ему на пользу, щеки слегка порозовели. – Только, по-моему, Редж Кэттермоул умом не блещет, судя по тому, как со мной разговаривали, пока я был им. Надеюсь, у них все сложится... А то если из-за нас они загремят в Азкабан...

Гарри посмотрел на Гермиону, и его вопрос: могла ли миссис Кэттермоул аппарировать параллельно с мужем без волшебной палочки? – застрял в горле. Гермиона смотрела на Рона, переживавшего о судьбе Кэттермоулов, с такой нежностью, что Гарри смутился, будто застал их за поцелуем.

– Ну, он у тебя? – спросил Гарри, отчасти чтобы напомнить о своем присутствии.

– Он? Кто – он? – переспросила она, вздрогнув.

– А ради чего мы все затеяли? Медальон, конечно! Где он?

– *Вы его раздобыли?! –* закричал Рон, приподнимаясь повыше на подушках. – А мне ни слова! Могли бы и сказать!

– Вообще-то было не до того – мы спасались от Упивающихся Смертью, – напомнила Гермиона. – Вот он.

Она достала из кармана и протянула Рону медальон – размером с куриное яйцо, с витиеватой «С» на крышке. Инкрустированная зелеными камешками литера слабо мерцала в свете, проникавшем сквозь брезентовую крышу палатки.

– А есть шанс, что после Шкверчка его уже обезвредили? – с надеждой спросил Рон. – Вы уверены, что это все еще окаянт?

– Наверное. – Гермиона забрала медальон и внимательно в него вгляделась. – От уничтоженного колдовства остаются повреждения.

Она протянула медальон Гарри. Тот повертел его в руках. Изумительная, идеальная вещь. Он вспомнил изуродованный дневник и камень в кольце-окаянте, который треснул, лишившись магической силы, и сказал:

– По-моему, Шкверчок прав. Пока не поймем, как он открывается, нам эту дрянь не уничтожить.

Он вдруг осознал, что именно скрывается под золотой крышечкой, и ему, несмотря на все усилия, потраченные на поиски, ужасно захотелось выкинуть медальон подальше. Взяв себя в руки, он попробовал открыть крышку – сначала пальцами, потом заклинанием, которым Гермиона отперла дверь в спальню Регула. Ничего не вышло. Гарри передал медальон Рону и Гермионе, но и те, как ни старались, преуспели не больше.

– Вы тоже почувствовали? – тихо проговорил Рон, крепко сжимая окаянт в кулаке.

– Что?

Рон вернул медальон Гарри, и тот через пару мгновений понял. Что это – пульсация его собственной крови или внутри проклятой вещи билось крошечное подобие железного сердца?

– Что нам с ним делать? – спросила Гермиона.

– Хранить, пока не поймем, как уничтожить, – ответил Гарри и неохотно повесил цепочку на шею, под мантию, к кисету. – Надо по очереди охранять палатку снаружи, – сказал он Гермионе, встал и потянулся. – И позаботиться о еде. Ты лежи! – прикрикнул он на Рона, который, попытавшись сесть, неприятно позеленел.

Они аккуратно установили на столе горескоп, который Гермиона подарила Гарри на день рождения, и остаток дня по очереди за ним следили, но тот оставался тих и спокоен – то ли благодаря защитным чарам и муглорепелленту Гермионы, то ли потому, что люди вообще редко сюда заходили. Птицы да белки, никого больше. В десять вечера Гарри, сменив Гермиону, зажег волшебную палочку и огляделся. По-прежнему ничего, одни летучие мыши в просвете над их полянкой.

Его мучил голод, голова кружилась. Гермиона, полагая, что вечером они вернутся на площадь Мракэнтлен, не положила в сумку ничего съестного, поэтому из еды у них были только грибы, которые Гермиона собрала под ближайшими деревьями и потушила в походном котелке. Рон, проглотив пару ложек, с отвращением отодвинул тарелку, а Гарри не последовал его примеру, только чтобы не обидеть Гермиону.

В тишине вдруг что-то зашуршало, захрустели ветки. Скорее всего, зверьки какие-то, подумал Гарри, но вскинул палочку. Ему и так было не по себе из-за грибов, а стало еще хуже.

Он предполагал, что обрадуется, когда они вернут окаянт, но почему-то не радовался. И сейчас, глядя во мрак, лишь чуть-чуть отступивший под светом его палочки, он боялся того, что предстоит. Будто неся куда-то сломя голову неделями, месяцами, годами и вдруг резко остановился, потому что дорога кончилась.

А ведь есть и другие окаянты – решительно непонятно, где именно. И неизвестно, что они из себя представляют. Непонятно даже, как уничтожить этот, у него на груди. Странно: он не теплеет, остается холодным, словно только что вынут из ледяной воды. Время от времени Гарри чудилось, будто рядом с его сердцем бьется чужой, прерывистый, слабый пульс.

В темноте им овладели дурные предчувствия. Он сопротивлялся, гнал их прочь, но они подступали неотвратимо. *Выжить суждено лишь одному.* Рон и Гермиона, которые сейчас тихо разговаривают в палатке, могут, если захотят, вернуться домой. А он – нет. И пока он сидит, борясь со страхом и усталостью, окаянт неумолимо отсчитывает оставшееся время... «Ерунда, – приструнил себя Гарри. – Нельзя так думать...»

Опять покалывало шрам. Сам виноват: нечего малодушничать. Надо подумать о другом. Например, о бедном Шкверчке. Он ждал их, а дождался Гнусли. Будет ли эльф молчать или расскажет что знает? Хотелось верить, что Шкверчок за последний месяц изменился и останется верен Гарри, но мало ли что? А если Упивающиеся Смертью станут его пытаться? В голове замелькали ужасные картины, но их Гарри тоже отогнал: чем он сейчас поможет Шкверчку? Они с Гермионой уже решили его не призывать. Гнусли, уцепившись за рукав Гермионы, попал на площадь Мракэнтлен – где гарантия, что вместе с эльфом к ним не заявится целое министерство?

Шрам пылал. Гарри думал о том, что они очень многого не знают, что Люпин был прав: такая магия им и не снилась. Почему Думбльдор не объяснил больше? Может, думал, что еще будет время, что ему предстоит жить долгие годы, а то и столетия, как его другу Николя Фламелью? Если так, он ошибся... Злей распорядился по-своему... Злей, дремавший змей, ужаливший Думбльдора на вершине башни.

И Думбльдор пал... пал...

– *Отдай, Грегорович.*

Голос Гарри был пронзителен, ясен, холоден. Его длинные белые пальцы сжимали волшебную палочку. Человек, на которого он указывал, висел в воздухе вверх ногами без всяких веревок. Он покачивался в ужасных незримых путах, притянувших к телу его руки и ноги, побагровевшее лицо – вровень с лицом Гарри – перекосил ужас. Белоснежные волосы, густая борода – связанный Санта-Клаус.

– У меня нет, больше нет! Украл много лет назад!

– Не лги лорду Вольдеморту, Грегорович. Он знает... он все знает.

Зрачки несчастного расширились и продолжали расширяться, пока их чернота не поглотила Гарри целиком...

Он спешил по темному коридору следом за маленьким плотным Грегоровичем, который нес перед собой лампу. В конце коридора Грегорович открыл дверь, и лампа осветила какую-то мастерскую. Стружки, золото заблестели в нестойком кругу света. На подоконнике, точно гигантская птица на жердочке, застыл золотоволосый юноша. Лампа на секунду осветила его, и Гарри прочел на красивом лице восторг. Волшебная палочка красавца пальнула сногсшибателем, и незванный гость, заливаясь смехом, грациозно выпрыгнул наружу, за окно.

Гарри поволокло обратно по широкому тоннелю зрачков... прочь от потрясенного лица Грегоровича.

– *Кто этот вор, Грегорович?* – осведомился пронзительный ледяной голос.

– *Не знаю, никогда не знал, какой-то парень... нет... пожалуйста... ПРОШУ ВАС!*

Крик не кончался, затем полыхнуло зеленым...

– *Гарри!*

Он, задыхаясь, открыл глаза; шрам пульсировал болью. Гарри потерял сознание под стенкой палатки, соскользнул боком и теперь

лежал на земле. Над ним стояла Гермиона. Пышные волосы закрывали кусочек неба, видимый сквозь густые заросли.

– Сон, – сказал он, поспешно поднимаясь и с невинным видом встречая ее недовольный взгляд. – Наверное, я заснул, извини.

– Будто я не знаю, что это шрам! У тебя же на лбу написано! Опять читал мысли Воль...

– Не говори имя! – донесся из палатки сердитый голос Рона.

– *Хорошо*, – огрызнулась Гермиона, – мысли *Сам-Знаешь-Кого*.

– Я не нарочно! – воскликнул Гарри. – Это во сне! Сама-то умеешь управлять снами?

– Если б ты научился окклуменции...

Гарри неинтересно было выслушивать упреки; он хотел обсудить увиденное.

– Гермиона, он нашел Грегоровича и, кажется, убил, но сначала прочитал его мысли и...

– Пожалуй, мне лучше тебя сменить, раз ты засыпаешь, – холодно перебила она.

– Я могу досидеть дежурство!

– Нет, ты явно устал, иди приляг.

И она упрямо уселась у входа. Гарри разозлился, но не хотел затевать ссору, поэтому ушел в палатку.

На нижней кровати белело лицо Рона. Гарри забрался наверх, лег и уставился в брезентовый потолок. Вскоре Рон заговорил – очень тихо, чтобы Гермиона не услышала:

– Что поделявает Сам-Знаешь-Кто?

Гарри прищурился, вспоминая подробности, а затем прошептал:

– Он нашел Грегоровича. Связал его, мучил.

– Интересно, как бы связанный Грегорович изготовил ему новую палочку?

– Не знаю... странно, да?

Гарри закрыл глаза, размышляя. Как-то это все бессмысленно... Вольдеморт ничего не сказал ни о палочке Гарри, ни о сердцевинах-близнецах, и не требовал изготовить новую палочку, сильнее, способную победить палочку Гарри...

– Он что-то хотел от Грегоровича, – произнес Гарри, не открывая глаз. – Требовал отдать, но Грегорович сказал, что это украли... а потом... потом...

Он вспомнил, как в теле Волдеморта проник в память Грегоровича сквозь зрачки...

– Он читал мысли Грегоровича, и я видел: молодой парень влез на карниз, сшиб Грегоровича и спрыгнул. Он выкрал то, что ищет Сам-Знаешь-Кто. И... кажется, я его откуда-то знаю...

Хорошо бы еще раз глянуть в лицо смеющегося мальчишки. Кража, по словам Грегоровича, случилась много лет назад. Почему же юный вор знаком Гарри?

Шум леса почти не проникал в палатку; Гарри слышал только, как дышит Рон. После паузы тот шепотом спросил:

– А ты не видел, что было у вора в руках?

– Нет... видимо, что-то маленькое.

– Гарри...

Рон лег поудобнее; деревянные кроватные перекладины заскрипели.

– А вдруг Сам-Знаешь-Кто ищет, что бы еще превратить в окаянт?

– Не знаю, – медленно отозвался Гарри. – Не исключено. Но это ведь для него опасно – создать еще один? Гермиона же говорила, что с расщеплением души он и так уже дошел до предела.

– Да, но, может, он об этом не знает.

– Да... может быть, – сказал Гарри.

Он считал, что Волдеморт ищет старого изготовителя волшебных палочек, чтобы узнать, как разобраться с одинаковыми сердцевинами... А тот безжалостно убил Грегоровича, даже не спросив про это.

Что же ему нужно? Почему сейчас, когда министерство и весь колдовской мир лежат у его ног, он мотается неведь где, разыскивает вещь, которую некогда украл у Грегоровича светловолосый мальчишка? Перед глазами Гарри стояло его лицо, веселое, шальное, как у Фреда и Джорджа после очередной каверзы... Спорхнул с подоконника, словно птица... Гарри точно знал, что видел его раньше, только не мог вспомнить где...

Грегорович мертв, и теперь веселый воришка в большой опасности. Гарри думал и думал о нем, но вскоре Рон захрапел, и Гарри тоже медленно погрузился в сон.

Глава пятнадцатая

Месть гоблина

Рано утром, пока Рон и Гермиона еще спали, Гарри вылез из палатки, нашел самое старое, кривое и упрямое дерево, закопал в его тени глаз Хмури и, взмахнув волшебной палочкой, пометил ствол крестиком. Не так чтобы очень, но все-таки для Шизоглаза это гораздо лучше, чем торчать в двери Долорес Кхембридж.

Гарри вернулся в палатку и стал ждать, когда проснутся друзья, чтобы обсудить с ними план.

Гарри с Гермионой считали, что им нигде нельзя задерживаться надолго, и Рон соглашался, с единственным условием: они перемещаются поближе к сэндвичам с беконом. Гермиона сняла защитные заклинания, а Гарри и Рон уничтожили все следы стоянки. Затем они дезаппарировали на окраину маленького городка.

Едва они поставили палатку в рощице и окружили ее защитой, Гарри надел плащ-невидимку и отправился искать пропитание. Однако все пошло наперекосяк. Стоило ему очутиться в городе, небо потемнело, на землю опустился густой туман, и сделалось так пронзительно холодно, что Гарри буквально парализовало.

– Но у тебя шикарный Заступник! – воскликнул Рон, когда Гарри вернулся с пустыми руками, задыхаясь и повторяя одними губами: «Дементоры».

– Я не... не смог вызвать, – Гарри судорожно хватал ртом воздух и рукой зажимал нещадное колотье в боку. – Заступник... не... появлялся.

Рон и Гермиона так явно испугались и расстроились, что Гарри стало стыдно. Но он пережил настоящий кошмар, когда смотрел на дементоров, vyplывающих из тумана, и понимал, что не в состоянии защититься. Ледяной холод душил, в ушах звучали далекие крики... Гарри с невероятным трудом заставил себя сдвинуться с места и рвануть со всех ног от дементоров, скользивших между муглами,

которые, разумеется, ничего не видели, зато в полной мере ощущали отчаяние и безысходность.

– Значит, мы опять без еды.

– Замолчи, Рон, – оборвала Гермиона. – Гарри, что произошло? Почему ты не смог вызвать Заступника? Вчера у тебя отлично получилось!

– Я не знаю.

Он сел в старое кресло Перкинса, с каждой минутой все больше страдая от унижения. Кажется, с ним что-то не так. Вчерашний день казался очень далеким, а сегодня ему как будто опять тринадцать и он один хлопнулся в обморок при встрече с дементором в «Хогварц-экспрессе».

Рон пнул ножку стула.

– Что?! – рявкнул он Гермионе. – Да, хочу жрать! Я был при смерти, истекал кровью, а меня пичкают поганками!

– Тогда сам иди через дементоров, – сказал уязвленный Гарри.

– Да я бы пошел, но у меня рука на перевязи, если ты не заметил!

– Надо же, как кстати.

– И что ты этим хочешь?..

– Ну конечно! – Гермиона хлопнула себя по лбу; Рон и Гарри вздрогнули и умолкли. – Гарри, давай медальон! Дай сюда! – Она нетерпеливо щелкнула пальцами. – Окаянт, Гарри! Он все еще на тебе!

Она протянула руку, Гарри снял с шеи золотую цепь – и в тот же миг наступила невероятная легкость и свобода. Он и не сознавал, что весь покрыт липким потом, что тяжелый груз давит на грудь, пока все это не прошло.

– Лучше? – осведомилась Гермиона.

– Намного!

– Гарри, – присев перед ним, произнесла она так, словно разговаривала с тяжелобольным. – В тебя никто не вселился?

– Что?! Нет! – вскричал он. – Я помню все, что было. Если бы в меня вселились, я бы ничего не помнил, так? Джинни рассказывала, что у нее случались провалы в памяти.

– Хм... – Гермиона посмотрела на тяжелый медальон. – Все равно носить его на шее не стоит. Будем хранить в палатке.

– Нельзя оставлять окаянт без присмотра, – твердо сказал Гарри. – Если потеряем или его украдут...

– Хорошо, хорошо. – Гермиона повесила медальон на шею и спрятала под рубашкой. – Будем носить по очереди, чтобы он ни на ком подолгу не висел.

– Чудесно, – раздраженно бросил Рон. – А теперь, когда этот важный вопрос решен, можно наконец подумать о еде?

– Можно, только отправимся за ней куда-нибудь еще, – ответила Гермиона, покосившись на Гарри. – Зачем оставаться тут, когда кругом дементоры?

В итоге они устроились ночевать в глуши на лугу у одинокой фермы, где раздобыли яйца и хлеб.

– Это ведь не кража, правда? – озабоченно спросила Гермиона, когда они уплетали гренки с яичницей. – Я же оставила им деньги под куриным насестом.

Рон закатил глаза и с набитым ртом ответил:

– Гефмиона, не бешфокойша ты так, рашшлабьша...

Действительно, после сытного ужина расслабиться было гораздо проще. Стычка из-за дементоров забылась, они много смеялись, и Гарри весело, можно даже сказать, с оптимизмом первым заступил на ночное дежурство.

Так они впервые на собственном опыте убедились, что на сытое брюхо живется хорошо, а на голодное – тоскливо и сварливо. Для Гарри, правда, это не стало открытием: в доме Дурслеев его кормежкой не баловали. Гермиона довольно спокойно переносила вечера, когда приходилось ужинать ягодами или черствым печеньем, но становилась несколько вспыльчивей, чем обычно, и молчала суровее. Рона же мать и домовые эльфы «Хогварца» приучили к вкусному трехразовому питанию, и от голода он делался раздражителен и вздорен. А если при этом должен был носить окаянт – и вовсе зверел.

– И куда теперь? – то и дело вопрошал он. Не имея собственных идей, Рон явно ждал, что Гермиона и Гарри придумают всё за него, пока он страдает из-за нехватки провизии. Гарри и Гермиона часами обсуждали, где искать другие окаянты и как уничтожить имеющийся, но, поскольку новых сведений не поступало, беседы их ходили кругами.

Думбльдор говорил, что Вольдеморт наверняка спрятал окаянты в неких значимых местах, поэтому Гарри и Гермиона снова и снова, будто надоевшую молитву, повторяли названия, так или иначе

связанные с Волдемортом. Сиротский приют, где он родился и вырос, «Хогварц», где учился, «Боргин и Д'Авило», где работал после школы, затем Албания в годы изгнания... На этом они основывали свои рассуждения.

– Во-во, давайте рванем в Албанию. Страну обыскать – задача-то на пару часиков, – язвил Рон.

– Там окаянтов быть не может. Пять из них сделаны до изгнания, и Думбльдор был уверен, что шестой – змея, – отвечала Гермиона. – А она, мы точно знаем, не в Албании, она всегда рядом с Воль...

– *Я же просил: имя не произносить!*

– Хорошо! Змея всегда рядом с *Сам-Знаешь-Кем*, доволен?

– Лопаюсь от счастья.

– Насчет «Боргина и Д'Авило» тоже сомневаюсь. – Гарри твердил это постоянно, но сейчас сказал, чтобы прервать очень неуютную паузу. – Они знатоки черной магии, они бы окаянт сразу распознали.

Рон демонстративно зевнул. Гарри, с трудом подавив желание запустить в него чем-нибудь тяжелым, продолжил:

– Я по-прежнему считаю, что окаянт где-нибудь в «Хогварце».

Гермиона вздохнула:

– Но Думбльдор бы его нашел!

Гарри в тысячный раз привел довод в пользу своей теории:

– Он при мне говорил, что и не мечтает узнать все секреты «Хогварца». Говорю вам, если есть место, по-настоящему важное для Воль...

– Эй!

– САМ! ЗНАЕШЬ! КОГО! – заорал Гарри, потеряв терпение. – Если есть место, по-настоящему важное для Сами-Знаете-Кого, то это «Хогварц»!

– Да брось, – фыркнул Рон. – *Школа?*

– Да, школа. Его первый настоящий дом, где он осознал свою исключительность. «Хогварц» для него – все, и даже когда он доучился...

– Мы говорим о Сами-Знаете-Ком, я ничего не путаю? Или уже о тебе? – поинтересовался Рон, дергая на шее цепочку медальона. Гарри смертельно захотелось придушить его этой цепочкой.

– Ты говорил, Сам-Знаешь-Кто просил Думбльдора взять его преподавателем, – сказала Гермиона.

– Точно, – кивнул Гарри.

– И Думбльдор считал, что он хочет вернуться ради какой-то вещи, возможно, принадлежавшей основателям, чтобы создать еще один окаянт?

– Ну да.

– Но ведь работы в «Хогварце» он не получил? – продолжала Гермиона. – А значит, шанса создать и спрятать в школе окаянт у него не было!

– Хорошо, – сдался Гарри. – Забудем про «Хогварц».

Отчаявшись что-то придумать, они под плащом-невидимкой отправились в Лондон искать сиротский приют, где Вольдеморт провел детство. Гермиона прокралась в городскую библиотеку и выяснила, что дом снесли много лет назад. Они пришли по указанному адресу и обнаружили там офисное здание.

– Попробовать добраться до фундамента? – без энтузиазма предложила Гермиона.

– Тут он окаянты прятать не стал бы, – решительно отрезал Гарри. Он был уверен на сто процентов. Прятать осколок души там, откуда всегда стремился сбежать? Нет. Думбльдор показал Гарри, что для тайников Вольдеморт всегда выбирал места грандиозные и таинственные, вроде «Хогварца», министерства или колдовского банка «Гринготтс» с его золотыми воротами и мраморными полами. Куда до них этому серому, убогому лондонскому уголку?

Они безыдейно блуждали по стране, каждый вечер разбивая стоянку на новом месте. По утрам тщательно уничтожали следы своего пребывания и отправлялись на поиски другого уединенного места, аппаратуя то в лес, то в тенистую расщелину меж скал, то на молиниевый луг или склон горы, поросший утесником, а однажды заночевали в прибрежной пещере на гальке. Каждые двенадцать часов они передавали друг другу окаянт, и это напоминало детскую игру «передай посылку» в пугающе замедленном темпе, где каждый в страхе ждет мгновения, когда стихнет музыка и в награду ему достанутся полдня мучительной тревоги.

Шрам по-прежнему не давал Гарри покоя. Особенно часто это случалось, если на шее висел окаянт. Иногда Гарри не мог сдержаться и морщился от боли.

– Что? Что ты видел? – сразу спрашивал Рон.

– Лицо, – бормотал Гарри, – все то же лицо. Парня, который ограбил Грегоровича.

Рон отворачивался, даже не пытаясь скрыть разочарование. Он надеялся узнать что-нибудь о семье или Ордене Феникса, Гарри это понимал, но не мог, как телевизор, транслировать передачи по заказу; он видел только то, о чем в данную минуту думал Вольдемор. А тот неотступно думал о смешливом воришке, ни имени, ни местонахождения которого тоже не знал. Белокурый весельчак то и дело, словно дразня, проникал в сознание, шрам саднил, но Гарри научился скрывать боль – малейшее упоминание о воре страшно злило Рона и Гермиону. Гарри на них почти не обижался – просто они очень надеялись получить подсказку, где искать окаянты.

Дни шли за днями, сливаясь в недели, и Гарри начал подозревать, что Рон и Гермиона секретничают за его спиной, причем по его поводу. Они замолкали, стоило Гарри зайти в палатку; дважды он случайно наткнулся на них, когда они о чем-то шептались, и оба раза они поспешно прекратили разговор и сделали вид, будто собирают хворост или идут за водой.

Может, оба отправились с ним, предполагая, что его путешествие – все сильней напоминавшее бродяжничество – идет согласно тайному плану, о котором они узнают со временем? Рон даже не пытался скрыть недовольство, и Гарри боялся, что и Гермиона разочаровалась в нем как в лидере. Он отчаянно гадал, где спрятаны другие окаянты, и по-прежнему видел только один ответ: «В “Хогварце”», но, поскольку с ним никто не соглашался, перестал об этом говорить.

Осень захватывала поля и леса; палатку устанавливали на ковре из опавших листьев. Сезонные туманы сгустились из-за дементоров, ветер и дождь тоже не облегчали жизнь. Гермиона теперь лучше разбиралась в съедобных грибах, но что толку – их главной бедой была полная изоляция и отсутствие сведений о войне с Вольдемортом.

– Моя мама, – сказал однажды Рон на стоянке в Уэльсе, у реки, – может сотворить что-нибудь вкусненькое из воздуха.

Он мрачно ткнул вилкой в обугленный кусок серой рыбы на тарелке. Гарри машинально взглянул на шею Рона и, как ожидал, увидел поблескивающую золотую цепь. Он поборол желание выругаться – знал, что настроение Рона слегка исправится, когда придет время снять медальон.

– Еду из воздуха сотворить нельзя, – возразила Гермиона. – Вообще никак. Еда – первое из пяти исключений из закона Гампа об основных принципах элементарных превраще...

– А можно все то же самое по-английски? – перебил Рон, ковыряя в зубах.

– Нельзя сделать еду из ничего! Ее можно призвать заклятием, если знаешь откуда, превратить, умножить...

– Только эту рыбу не множь – гадость редкая, – сказал Рон.

– Что Гарри поймал, то я и приготовила, как могла! Между прочим, готовка всегда на мне. Потому что я *девочка*, да?!

– Нет, потому что ты вроде как лучше всех колдуешь, – буркнул Рон.

Гермиона вскочила. Остатки жареной щуки с ее тарелки упали на пол.

– Прекрасно, завтра готовишь *ты*, Рон! Найди продукты, попробуй превратить их во что-нибудь съедобное, а я буду сидеть с мрачной рожей и ныть! Вот и посмотрим, как ты...

– Тихо! – крикнул Гарри, вскочив и замахав руками. – Замолчите! *Оба!*

Гермиона возмутилась:

– Как ты можешь принимать его сторону, он вообще никогда не гото...

– Гермиона, тихо! Я что-то слышал!

Он не опустил рук, призывая друзей молчать, и напряженно прислушался. Сквозь речной шум и грохот доносились чьи-то голоса. Гарри посмотрел на горескоп. Тот не вращался.

– Ты ведь не забыла *заглуши*, да? – тихо спросил Гарри Гермиону.

– Я все сделала, – прошептала она в ответ. – И *заглуши*, и муглорепеллент, и прозрачаровательные чары. Кто бы они ни были, нас не увидят и не услышат.

Громкое шуршание шагов, шорох листьев, рокот катящихся камней, треск веток – было ясно, что по крутому лесистому склону спускаются несколько человек. Гарри, Рон и Гермиона выхватили волшебные палочки. В крошечной тьме и под магической охраной ни муглы, ни простые ведьмы и колдуны не заметят их лагерь. Но Упивающиеся Смертью... Что же – хорошая возможность проверить, насколько они защищены от сил зла.

Голоса становились все громче, но оставались неразборчивыми. Группа мужчин спустилась к реке. Гарри прикинул, что они шагах в двадцати от палатки, даже меньше, но из-за шума реки не был уверен. Гермиона схватила сумочку, извлекла три пары подслуш и дала по одной Рону и Гарри. Те торопливо вставили телесного цвета веревки одним концом себе в уши, а другой высунули из палатки.

Через пару секунд Гарри услышал усталый мужской голос:

– Должны же здесь водиться лососи, как думаете? Или еще не сезон? Акцио лосось!

В отдалении плеснула вода, затем раздался шлепок рыбыны о ладонь. Кто-то довольно забормотал. Гарри поглубже всунул подслуши в ухо. Сквозь журчание реки он неясно различал еще несколько голосов, но разговор шел не на английском и вообще, похоже, не на человеческом языке. Какие-то грубые, немелодичные, резкие и гортанные звуки. Общались, похоже, двое, причем один говорил ниже и медленнее другого.

Вскоре по ту сторону брезента заплясал огонь, между палаткой и костром замелькали тени. Аппетитный запах печеного лосося защекотал ноздри. По тарелкам застучали ножи и вилки. Первый мужчина сказал:

– Цапкрюк, Горнук – возьмите.

– *Гоблины!* – одними губами произнесла Гермиона, глядя на Гарри. Тот кивнул.

– Спасибо, – ответили гоблины хором по-английски.

– Стало быть, вы трое в бегах. Давно? – спросил новый голос, приятный и мягкий. Гарри показалось, что он его уже слышал; воображение нарисовало пузатого человека с приветливым лицом.

– Шесть недель... Или семь... забыл, – ответил усталый голос. – В первые дни повстречал Цапкрюка, потом объединились с Горнуком. В компании все же легче. – Все замолчали, только ножи царапали по тарелкам. – А ты почему сбежал, Тед? – снова заговорил усталый.

– Знал, что за мной придут, – ответил Тед, и Гарри вдруг понял, кто это: отец Бомс. – На той неделе прослышал, что в округе шастают Упивающиеся Смертью, и решил уносить ноги. Я принципиально отказался регистрироваться как муглорожденный, но они все равно бы меня вычислили рано или поздно, ну, я и рванул. С женой, надеюсь,

обойдется, она чистокровная... Потом вот встретил Дина... когда? Пару дней назад, да, сынок?

– Да, – подтвердил еще один голос, и Гарри, Гермиона и Рон взволнованно переглянулись. Дин Томас, их товарищ по «Гриффиндору»!

– Тоже муглорожденный? – поинтересовался первый мужчина.

– Не уверен, – ответил Дин. – Отец бросил маму, когда я был совсем маленький. И доказательств, что он колдун, у меня нет.

Снова пауза, пока все жевали, затем опять заговорил Тед:

– Знаешь, Дирк, я удивлен, что тебя встретил. Рад, но... удивлен. По слухам, тебя сцапали.

– Меня и сцапали, – отозвался Дирк, – но я сбежал с полдороги к Азкабану. Сшиб Давлиша, отобрал метлу. Причем запросто. Похоже, он не в себе – может, под заморочным заклятием. Если так, жму руку тому, кто это сделал. Он спас мне жизнь.

Вновь тишина, только костер потрескивал и гудела река. Затем голос Теда:

– А за кого вы-то двое? У меня... э-э... сложилось впечатление, что все гоблины за Сами-Знаете-Кого.

– Впечатление ложное, – ответил гoblin с голосом потоньше. – Мы ни за кого. Это война колдунов.

– Что ж вы тогда прячетесь?

– Я счел это благоразумным, – ответил другой гoblin. – Мне сделали оскорбительное предложение. Я отказался. И поставил свою жизнь под угрозу.

– Чего они хотели? – спросил Тед.

– Услуг, не совместимых с достоинством моего народа. – Голос гоблина стал жестче и почти не похож на человеческий. – Я им не домашний эльф.

– А ты, Цапкрюк?

– Та же история, – отозвался тонкий голос. – «Гринготтс» вышел из-под абсолютного контроля моей расы. Но колдунов за хозяев я не признаю.

Он добавил что-то едва слышно на гobleберде, и Горнук засмеялся.

– Шутка? – поинтересовался Дин.

– Он говорит, – ответил Дирк, – что колдуны тоже кой-чего не признают.

Короткая пауза.

– Я что-то не понял, – сказал Дин.

– Перед побегом я им слегка отомстил, – пояснил Цапкрюк по-английски.

– Хороший ты человек, то есть гоблин, – поспешно поправился Тед. – Вы, случаем, не заперли кого-нибудь из Упивающихся Смертью в вашем сверхнадежном хранилище?

– Если б так, ему бы и меч не помог, – бросил Цапкрюк. Горнук опять рассмеялся, и даже Дирк суховаато хмыкнул.

– Мы с Дином, похоже, что-то пропустили, – заметил Тед.

– Как и Злотеус Злей, хоть он про то и не знает, – ответил Цапкрюк.

Оба гоблина злобно захохотали. Гарри так разволновался, что едва мог дышать. Они с Гермионой, глядя друг на друга, напряженно вслушивались.

– Неужто не слыхал, Тед? – изумился Дирк. – Про то, как детишки в «Хогварце» пытались выкрасть меч Гриффиндора из кабинета Злея?

Гарри словно пронзило током. Он замер, но каждый его нерв дрожал.

– Нет, – недоуменно ответил Тед. – В «Оракуле» не писали?

– Вряд ли, – фыркнул Дирк. – Цапкрюк говорит, что узнал от Билла Уизли – тот тоже в банке работает. Среди воришек была его младшая сестра.

Гарри уставился на Рона и Гермиону. Те вцепились в подслуши, как утопающие в спасательный круг.

– Она и еще пара ребят проникли в кабинет Злея и расколошматили стеклянный ларец с мечом. Злей поймал их на лестнице.

– Храни их небеса! – воскликнул Тед. – Меч-то им зачем понадобился? Против Сам-Знаешь-Кого воевать? Или против Злея?

– Мне почему знать? Только Злей решил, что мечу у него в кабинете больше не место, – ответил Дирк. – И через два дня, получив небось добро от Сами-Знаете-Кого, переслал его на хранение в «Гринготтс».

Гоблины опять покатались со смеху.

– Никак не пойму, что смешного, – сказал Тед.

– Это подделка, – давясь от хохота, выговорил Цапкрюк.

– Меч Гриффиндора?

– Ну да! Копия. Великолепная, надо признать, но колдовской работы. Оригинал много веков назад выковали гоблины, а у нашего

оружия особые свойства. Так что настоящий меч Гриффиндора где угодно, только не в хранилище «Гринготтса».

– Ясно, – сказал Тед. – Я правильно понимаю, что Упивающимся Смертью вы об этом не сообщили?

– Что ж их расстраивать по пустякам, – довольно отозвался Цапкрюк, и на сей раз Тед и Дин присоединились к общему веселью.

В палатке Гарри закрыл глаза, пытаясь усилием воли заставить кого-нибудь у костра задать вопрос, который волновал его больше всего на свете. Спустя минуту, тянувшуюся четверть часа, на его немую мольбу откликнулся Дин, который тоже (ревниво вспомнил Гарри) когда-то встречался с Джинни:

– А что с Джинни и остальными? С теми, кто пытался украсть меч?

– Сурово наказаны, – равнодушно обронил Цапкрюк.

– Но они целы? – всполошился Тед. – Ну в смысле... Уизли, по моему, уже хватает изуродованных детей.

– Насколько я знаю, ничего серьезного, – сказал Цапкрюк.

– Повезло, – кивнул Тед. – При послужном списке Злея надо радоваться, что вообще живы.

– Так вы верите слухам, Тед? – спросил Дирк. – Что Злей убил Думбльдора?

– Конечно, верю, – ответил Тед. – Надеюсь, вы не собираетесь меня убеждать, будто к его гибели причастен Поттер?

– В наши дни не поймешь, во что верить, – пробурчал Дирк.

– Я Гарри Поттера знаю, – вмешался Дин. – И верю, что он тот самый... Избранный... или как там...

– Да, многие хотели бы в это верить, сынок, – согласился Дирк. – Я не исключение. Только где он? Сбежал, как ни посмотри. Если он знает что-то неизвестное нам или умеет что-то особенное, почему тогда прячется, почему не возглавил сопротивление? И знаете, в «Оракуле» против него вполне убедитель...

– В «Оракуле»? – усмехнулся Тед. – Тот, кто до сих пор читает эту пакость, ничего, кроме врак, не заслуживает. Факты печатает один «Правдобор».

На другом конце подслуш кто-то поперхнулся, закашлялся, его заколотили по спине: видно, Дирк проглотил рыбью кость. Наконец он фыркнул:

– «Правдобор»? Идиотская газетенка Ксено Лавгуда?

– Не такая уж она нынче и идиотская, – возразил Тед. – Стоит и почитать. Ксено пишет про все, о чем молчит «Оракул». И ни слова о складкорогих стеклопах в последнем номере. Не знаю, правда, сколько Лавгуд продержится. Он в каждой передовице призывает всех противников Сами-Знаете-Кого помочь Гарри Поттеру. Это, мол, ваша первоочередная задача.

– Трудно помочь мальчику, который испарился с лица земли, – бросил Дирк.

– Послушайте, но и то, что его до сих пор не сцапали, – уже огромное достижение, – сказал Тед. – Я бы рад у него поспрошать, как это он умудряется. Мы ведь с вами тем же самым заняты – пытаемся сохранить свободу, верно?

– Ну да, – мрачно согласился Дирк. – Министерство бросило на его поиски все силы, задействовало всех информаторов, по идее парня давно должны бы поймать. А с другой стороны, может, он убит, просто об этом молчат?

– Не говори так, – пробормотал Тед.

Они надолго притихли, слышался только стук вилок и ножей по тарелкам. Потом заспорили, остаться ли ночевать на берегу или вернуться в лес, в итоге решили, что под деревьями безопаснее, потушили костер и начали взбираться по склону. Голоса становились все тише и наконец смолкли. Гарри, Рон и Гермиона смотрели подслуши. Гарри, который все это время еле сдерживался, чтобы не сказать что-нибудь, теперь лишь растерянно проговорил:

– Джинни... меч...

– Я знаю! – вскричала Гермиона, нырнула за сумочкой и запустила туда руку по самое плечо. – Вот... он... где... – произнесла она сквозь зубы и потянула на себя что-то со дна. Постепенно из сумочки показался край резной картинной рамы.

Гарри поспешил ей помочь, и вместе они вытащили пустой портрет Финея Нигеллия. Гермиона направила на портрет волшебную палочку, готовясь в любой момент наложить заклятие.

– Если настоящий меч в кабинете Думбльдора подменили, – пропыхтела она, пока они пристраивали портрет у стены палатки, – Финей Нигеллий мог видеть, как это произошло: он же висит прямо за ларцом!

– Если только он не дрых, – буркнул Гарри, но затаил дыхание, когда Гермиона встала на колени перед пустым полотном и, указывая палочкой в центр, кашлянула, а затем позвала:

– Э-э... Финей? Финей Нигеллий?

Ничего не произошло.

– Финей Нигеллий, – опять позвала Гермиона. – Профессор Блэк! Нельзя ли с вами поговорить? Пожалуйста!

– «Пожалуйста» – волшебное слово и всегда помогает, – послышался холодный саркастический голос, и Финей Нигеллий скользнул на свой портрет.

Гермиона вскричала:

– Обскуро! – И умные темные глаза Финей закрыла черная повязка. От неожиданности он стукнулся головой о раму и взвизгнул:

– Что такое?... Да как вы смее!.. Что вы себе...

– Мне очень жаль, профессор Блэк, – сказала Гермиона, – но это необходимая мера предосторожности.

– Уберите этот мерзкий аксессуар! Уберите, говорю! Вы надругались над великим произведением искусства! Где я? Что происходит?

– Не важно где, – вмешался Гарри, и Финей Нигеллий замер, прекратив попытки содрать нарисованную повязку.

– Неужели это голос неуловимого мистера Поттера?

– Возможно, – ответил Гарри, рассчитывая удержать интерес Финей Нигеллия. – У нас к вам пара вопросов насчет меча Гриффиндора.

– А, – произнес Финей Нигеллий, вертя головой и тщетно пытаясь хоть как-то разглядеть Гарри. – Да. Глупая девчонка повела себя крайне неразумно...

– Подбирайте выражения, когда говорите о моей сестре! – резко оборвал Рон.

Финей Нигеллий презрительно поднял брови:

– Это еще кто? – Он не переставая крутил головой. – Ваш тон мне неприятен. Девчонка с друзьями действовали чрезвычайно нахально! Воровать у директора...

– Они ни у кого не воровали, – перебил Гарри. – Меч Злею не принадлежит.

– Но он принадлежит школе профессора Злея, – возразил Финей Нигеллий. – А какие права на него может предъявить девчонка Уизли? Она заслужила наказание – так же, как болван Лонгботтом и чудачка Лавгуд!

– Невилл не болван, а Луна – не чудачка! – воскликнула Гермиона.

– Где я? – Финей Нигеллий вновь принялся бороться с повязкой. – Куда меня затащили? На каком основании вынесли из дома моих предков?

– Не важно! Как Злей наказал Джинни, Невилла и Луну? – настойчиво спросил Гарри.

– *Профессор* Злей отправил их в Запретный лес помогать неотесанному мужлану Огриду.

– Огрид – не мужлан! – Голос Гермионы звенел.

– И это, по мнению Злея, наказание? – усмехнулся Гарри. – Джинни, Невилл и Луна, должно быть, от души посмеялись вместе с Огридом. Запретный лес... подумаешь! Они видали вещи и пострашнее!

У него камень с души свалился; он успел вообразить всякие ужасы, пыточное проклятие как минимум.

– Профессор Блэк, на самом деле мы хотели узнать... ммм... брал ли меч кто-то еще? Может, его забирали из кабинета почистить... например?..

Финей Нигеллий оставил в покое повязку.

– Ох уж эти *муглорожденные*, – пробурчал он. – Оружие гоблинской работы не нуждается в чистке, дурочка. Гоблинское серебро отталкивает мирскую грязь и впитывает лишь то, что его укрепляет.

– Не называйте Гермиону дурочкой, – сказал Гарри.

– Я, признаться, устал от пререканий, – заявил Финей Нигеллий. – Не пора ли мне назад?

Он стал ощупью продвигаться к краю картины, чтобы вернуться в «Хогварц». Тут Гарри вдруг осенило:

– Думбльдор! Вы не можете привести Думбльдора?

– Что-что? – удивился Финей Нигеллий.

– Портрет профессора Думбльдора – не могли бы вы пригласить профессора Думбльдора с его портрета в ваш?

Финей Нигеллий повернул голову на голос Гарри:

– Оказывается, не только муглорожденные бывают необразованны, Поттер! Обитатели портретов «Хогварца» навещают друг друга исключительно в пределах замка, покидать же его угождая могут лишь по собственным портретам. Поэтому пригласить сюда Думбльдора не получится. Да и я, смею вас заверить, после столь бесцеремонного обращения вряд ли нанесу вам повторный визит!

Гарри удрученно смотрел, как Финей энергично нащупывает выход с картины.

– Профессор Блэк, а не могли бы вы просто сказать нам, *пожалуйста*, когда меч в последний раз вынимали из ларца? – спросила Гермиона. – Я имею в виду, до Джинни...

Финей раздраженно фыркнул.

– По моим сведениям – когда профессор Думбльдор вскрывал с его помощью кольцо.

Гермиона резко повернулась к Гарри. Они оба не осмеливались ничего сказать при Финее Нигеллии, который наконец отыскал выход.

– Ну-те-с... доброй ночи, – слегка ядовито попрощался он и почти уже скрылся – лишь краешек шляпы еще виднелся на картине, – когда Гарри закричал:

– Погодите! А вы говорили об этом профессору Злею?

Голова Финей Нигеллия с повязкой на глазах опять появилась из-за рамы.

– Профессор Злей – занятой человек, у него и без выкрутасов Альбуса Думбльдора дел хватает. *Прощайте*, Поттер! – И Финей окончательно исчез, оставив за собой пустой мрачный фон.

– Гарри! – воскликнула Гермиона.

– Сам знаю! – выкрикнул в ответ Гарри и, не в силах больше сдерживаться, победительно рассек кулаком воздух. Он на такое и не надеялся!

Гарри мерил шагами палатку, а хотел бы куда-то бежать; он больше даже не чувствовал голода. Гермиона засунула портрет Финей Нигеллия в сумочку, застегнула ее и отбросила. И, сияя, посмотрела на Гарри.

– Меч способен уничтожать окаянты! Гоблинские клинки впитывают то, что их укрепляет... Гарри, этот меч напился ядом василиска!

– И Думбльдор не отдал мне его потому, что сам хотел уничтожить медальон...

– ...и, наверное, понял, что тебе не отдадут меч по завещанию...

– ...сделал копию...

– ...и положил подделку в стеклянный ларец...

– ...а настоящий меч спрятал... Но где?..

Они смотрели друг на друга, и Гарри чувствовал, что ответ незримо витает в воздухе, рядом. Почему Думбльдор не сказал? Или, может, сказал, но Гарри тогда не понял?

– Думай! – шептала Гермиона. – Думай! Где он мог его спрятать?

– Не в «Хогварце», – произнес Гарри и снова заходил по палатке.

– Может, в Хогсমেде? – предположила Гермиона.

– В Шумном Шалмане? Туда никто не ходит.

– Но Злей знает, как туда попасть. Не слишком рискованно?

– Думбльдор доверял Злею, – напомнил Гарри.

– Не настолько, чтобы сообщить о подмене меча, – возразила Гермиона.

– Да, ты права, – согласился Гарри. И еще больше повеселел: Думбльдор, конечно, верил Злею, но не слепо, не бездумно, до известных пределов. – Тогда, значит, наоборот, подальше от Хогсмеда? Рон, ты как думаешь?.. Рон?..

Гарри оглянулся и успел даже подумать, что Рона в палатке нет, но потом увидел, что тот лежит снизу на двухъярусной кровати. Лицо каменное.

– Неужто и обо мне вспомнили? – процедил он.

– Что?..

Рон усмехнулся и воззрился на верхний ярус.

– Да вы продолжайте, продолжайте. Не хочу мешать вашим забавам.

Гарри, сбитый с толку, посмотрел на Гермиону, но и она лишь в замешательстве покачала головой.

– В чем дело? – спросил Гарри.

– В чем? Да ни в чем, – бросил Рон, не глядя на него. – У тебя-то уж точно все прекрасно.

По палатке застучали капли дождя.

– Ну а у тебя что плохо? – спросил Гарри. – Давай выкладывай!

Рон резко сбросил длинные ноги с кровати и сел – очень злобный и сам не свой.

– Хорошо, выкладываю! Я не намерен скакать до потолка от радости из-за того, что теперь надо искать еще какую-то дрянь. Ты, Гарри, просто добавь ее в список вещей, о которых понятия не имеешь, и все.

– Не имею понятия? – повторил Гарри. – Я не имею понятия?

Кап. Кап. Кап. Дождь стучал в брезентовую крышу все сильнее, барабанил по листьям, его шум сливался с бормотанием реки во тьме. Ужас смыл недавнее ликование: Рон сказал именно то, что Гарри боялся услышать.

– Думаете, я об этом всю жизнь мечтал? – не унимался Рон. – Покалечить руку, голодать, морозить по ночам задницу, скитаться по стране? Нет! Но я считал, что уж за несколько недель мы что-нибудь да найдем.

– Рон, – позвала Гермиона так тихо, что он смог притвориться, будто не услышал из-за чечетки дождя по брезенту.

– Я думал, ты понимаешь, на что идешь, – сказал Гарри.

– Да, я тоже так думал.

– И в чем же именно не оправдались твои ожидания? – спросил Гарри. – Ты полагал, что мы будем ночевать в дорогих отелях? И через день отыскивать по окаянту? Надеялся к Рождеству вернуться к мамочке?

– Мы считали, ты знаешь, что делать! – заорал Рон, вскакивая с кровати. Каждое его слово пронзало Гарри раскаленным ножом. – Считали, что Думбльдор все объяснил, что у тебя есть нормальный план!

– Рон! – На сей раз Гермиону трудно было не услышать, но Рон опять не обратил на нее внимания.

– Ну простите, что разочаровал, – отозвался Гарри спокойно, хоть и чувствовал себя опустошенным, бесполезным. – Я с самого начала честно рассказал все, что узнал от Думбльдора. И, если ты не заметил, мы-таки нашли один окаянт...

– Ага, только ни шиша не можем от него избавиться, и фиг знает, где искать остальные...

– Сними медальон, Рон, – очень пронзительно сказала Гермиона. – Пожалуйста, сними. Ты бы не говорил так, если бы не проносил его

целый день.

– Говорил бы, – вмешался Гарри, не желая искать Рону оправданий. – Думаете, я не замечал, как вы шепчетесь за моей спиной? Вы считаете, я не догадываюсь о чем?

– Гарри, мы не...

– Не ври! – закричал Рон на Гермиону. – Сама говорила то же самое. Что разочарована и надеялась, что он лучше подготовлен...

– Это я о другом, Гарри! Все совсем не так! – Гермиона заплакала.

Дождь стучал по крыше, слезы текли по лицу Гермионы. Недавний восторг исчез, будто и не было, как огни фейерверка, которые вспыхнули и погасли, оставив за собой лишь холод, сырость и темноту. Меч Гриффиндора неизвестно где, а они трое – всего-навсего подростки, чье единственное достижение в том, что их пока еще не прикончили.

– Так чего же ты до сих пор здесь? – спросил Гарри Рона.

– А пес знает.

– Ну, отправляйся домой.

– А вот и отправлюсь! – закричал Рон, наступая на Гарри. Тот не попятился. – Слышал, что они сказали о моей сестре? Но тебе ведь плевать, правда? «Подумаешь, Запретный лес». Мистер «Я и не такое видал»! Тебе дела нет, что с ней случилось в лесу, а мне вот есть, там же гигантские пауки, там нечисть всякая...

– Я только сказал, что она была не одна и с Огридом...

– Да я понял, понял! Тебе по барабану. Судьба моей семьи тебя не заботит. «Уизли уже хватает изуродованных детей» – слышал?

– Да, я...

– И тебе плевать, что это значит?

– Рон! – закричала Гермиона, втискиваясь между ними. – Вряд ли произошло еще что-то страшное, новое что-нибудь. Это про Билла, и наверняка многие уже знают, что Джордж потерял ухо, а ты по идее умираешь от рябoryлицы. Я уверена, Дин имел в виду только это...

– Ах ты уверена? Тогда, конечно, не о чем и беспокоиться! Хорошо вам говорить, у вас-то родители ничем не рискуют...

– Мои родители умерли! – заорал Гарри.

– Мои от этого тоже недалеко! – закричал Рон.

– Тогда катись! – взревел Гарри. – Возвращайся домой, притворись, что выздоровел, и пусть мамуля накормит тебя до отвала...

Рон дернулся, Гарри отреагировал мгновенно, но прежде чем они успели достать волшебные палочки, Гермиона подняла свою.

– Протего! – закричала она, и невидимый барьер отделил Рона от нее и Гарри. Силой заклинания всех отбросило назад на несколько шагов. Рон и Гарри смотрели друг на друга через прозрачную преграду как незнакомцы. Гарри жгла ненависть: между ним и Роном что-то сломалось.

– Окаянт оставь, – потребовал Гарри.

Рон снял медальон и бросил в кресло.

Затем повернулся к Гермионе:

– А ты куда?

– В смысле?..

– Остаешься или как?

– Я... – Вид у нее сделался совершенно несчастный. – Да... да, остаюсь. Рон, мы обещали помочь Гарри...

– Ясно: выбираешь его.

– Рон... нет... пожалуйста... Вернись!

Гермиона бросилась за ним, но стена, которую она сама же и создала, ее не пустила. Пока Гермиона снимала заклятие, Рон выскочил из палатки и пропал в ночи. Гарри не сдвинулся с места и молча слушал, как Гермиона плачет, зовет Рона.

Через несколько минут она вернулась. Мокрые волосы облепили ее лицо.

– У-у-у-ушел. Дезаппарировал...

Она рухнула в кресло, свернулась клубочком и зарыдала.

Гарри как-то весь оцепенел. Он взял окаянт и повесил на шею. Снял плед с кровати Рона, укрыл Гермиону, забрался на свою кровать и уставился в темный потолок палатки, прислушиваясь к шуму дождя.

Глава шестнадцатая

Годрикова лощина

Наутро Гарри не сразу вспомнил о случившемся, а вспомнив, наивно понадеялся, что это был сон, что Рон на месте и никуда не уходил. Но потом он повернул голову на подушке, и ему стала видна пустая постель внизу – она притягивала взгляд, как труп. Стараясь туда не смотреть, Гарри спрыгнул на пол. Гермиона уже возилась на кухне. Она не пожелала Гарри доброго утра и отвела глаза, когда он прошел мимо.

«Его нет, – повторял про себя Гарри, – нет». Он мысленно твердил это, умываясь и одеваясь, будто надеялся приглушить свое потрясение. «Его нет. Он не вернется». Горькая правда. Как только Гарри с Гермионой переберутся на новое место и наложат защитные чары, Рон больше не сможет их отыскать.

Завтракали в молчании. Глаза Гермионы покраснели, опухли; похоже, не спала всю ночь. Они собрали вещи. Гермиона тянула время, и Гарри понимал почему. Несколько раз он замечал, как она вскидывает голову, словно слышав сквозь шум дождя чьи-то шаги, однако рыжеволосая фигура так и не появилась из-за деревьев. А Гарри, когда оглядывался вместе с Гермионой (он тоже еще не потерял надежды) и видел одни только мокрые деревья, всякий раз вспыхивал от гнева. В голове звучало: «Мы считали, ты знаешь, что делать!» – И Гарри с тяжелым сердцем продолжал складывать вещи.

Глинистая речка стремительно поднималась и грозила выйти из берегов. Гарри и Гермиона уже час как должны были покинуть стоянку. Гермиона трижды заново переупаковала бисерную сумочку; поводы для отсрочки закончились. Они крепко взялись за руки и перенеслись на ветреное взгорье, покрытое вересковым ковром.

Гермиона сразу отпустила руку Гарри, отошла, села на валун и уткнулась лицом в колени. Все ее тело сотрясало от рыданий. Гарри наблюдал за ней, понимая, что должен подойти и утешить, но что-то не давало ему сдвинуться с места. Внутри все застыло и замерзло. Перед

глазами опять возникло презрительное лицо Рона. Гарри зашагал по вереску, описывая большой круг с плачущей Гермионой в центре, бормоча защитные заклинания, которые обычно накладывала она.

За несколько дней они и словом не обмолвились о Роне. Гарри твердо решил не упоминать больше его имени, и Гермиона, кажется, это понимала, хотя иногда по ночам плакала, считая, что Гарри спит. Он же в свете волшебной палочки изучал Карту Каверзника и ждал, когда в коридорах «Хогварца» возникнет точка с надписью «Рон» – это означало бы, что их друг, защищенный чистокровным статусом, вернулся в уютный замок. Но Рон на карте не появлялся, а спустя некоторое время Гарри осознал, что открывает карту лишь затем, чтобы впиться жадными глазами в имя Джинни в спальне для девочек – смотреть и гадать, чувствует ли она во сне его взгляд, понимает ли, что он думает о ней и надеется, что с ней все в порядке.

Каждый день они с Гермионой пытались вычислить, где Думбльдор спрятал меч Гриффиндора, однако чем дальше, тем неправдоподобнее становились их теории. Как бы Гарри ни напрягался, он не мог припомнить ничего, что давало бы ключ к разгадке. Временами он уже не знал, на кого злится больше: на Рона или на Думбльдора. «Мы считали, ты знаешь, что делать... Считали, что Думбльдор все объяснил, что у тебя есть нормальный план!»

Бесполезно себя обманывать – Рон прав. Думбльдор почти не оставил Гарри подсказок. Они нашли один окаянт, но не знают, как его уничтожить. Другие окаянты по-прежнему недостижимы. Какая-то безысходность. Гарри уже склонялся к мысли, что поступил самонадеянно, позволив друзьям сопровождать его в этом бессмысленном путешествии. Он ничего не знал, не представлял, как быть дальше, и с ужасом ждал, что и Гермиона вот-вот скажет: с меня довольно, я ухожу.

Вечера они проводили в молчании. Гермиона вытаскивала портрет Финей Нигеллия и ставила его в кресло, будто затем, чтобы хоть отчасти заполнить пустоту на месте Рона. Финей Нигеллий, несмотря на угрозы никогда больше не появляться, кажется, не мог противостоять соблазну что-нибудь вызнать про Гарри и раз в несколько дней соглашался вернуться – как раньше, с завязанными глазами. А Гарри даже радовался: все-таки собеседник, пусть заносчивый и ехидный. Гарри и Гермиона ждали любых новостей из

«Хогварца» – правда, информатор из Финей получался не ахти. Он до небес превозносил Злея, первого директора-слизеринца после него самого, и Гарри с Гермионой приходилось следить за собой, чтобы не ляпнуть ничего оскорбительного или критического, иначе Финей тотчас удалялся.

Так или иначе, кое-что удалось выяснить. Против Злея постоянно, хоть и неявно бунтовала старая школьная гвардия. Джинни запретили посещать Хогсмед. Злей вернул старый декрет Кхембридж, запрещающий собрания трех и более учеников и создание неформальных объединений.

Из этого Гарри сделал вывод, что Джинни и, возможно, Невилл с Луной не оставили «Думбльдорову армию». Ему остро, до боли в животе, хотелось увидеть Джинни. А еще он все чаще думал о Роне... и о Думбльдоре... и о «Хогварце», по которому скучал почти так же сильно, как по Джинни. Более того, когда Финей Нигеллий говорил о жестоких новых порядках, Гарри на безумную долю секунды охватывало желание все бросить, вернуться в «Хогварц» и там бороться с режимом Злея. Есть до отвала, спать в мягкой постели, а главное, переложить бремя ответственности на других – что может быть лучше? Но потом Гарри вспоминал, что он – Нежелательный № 1 и за его голову назначена награда в десять тысяч галлеонов, а явиться в «Хогварц» сейчас – все равно что сдать министерству. Финей Нигеллий иногда, сам того не желая, напоминал об этом, будто невзначай спрашивая о местонахождении Гарри и Гермионы, – но тогда она сразу убирала картину в сумочку, и Финей после столь бесцеремонного прощания по три-четыре дня категорически отказывался приходить.

Неотвратимо холодало. Они не отваживались подолгу оставаться на одном месте и потому не ограничивались югом Англии, где разве что подмерзала земля, а путешествовали по всей стране, бросая вызов стихиям. В горах по палатке колотил ледяной дождь, на обширных унылых болотах ее затапливало холодной водой, а на островке посреди шотландского озера за ночь наполовину занесло снегом.

В окнах домов уже посверкивали огнями рождественские елки, и однажды Гарри твердо решил снова напомнить о единственном, пожалуй, еще не исследованном месте. Тем вечером они вкусно поели: Гермиона под плащом-невидимкой взяла в супермаркете продукты

(честно бросив деньги в открытую кассу), и Гарри счел, что после спагетти болоньезе и консервированных груш она будет сговорчивее. Кроме того, он дальновидно предложил отдохнуть несколько часов от окаянта, и тот висел рядом с ним на спинке кровати.

– Гермиона?

– Ммм? – Она свернулась калачиком в продавленном кресле и читала «Сказки барда Бидля». Интересно, что еще нового можно оттуда почерпнуть? Книжка-то маленькая. Но, очевидно, что-то оставалось – на подлокотнике лежал открытый «Тарабарий Толковиана».

Гарри кашлянул; ровно так же он себя чувствовал, когда просил у профессора Макгонаголл разрешения посещать Хогсмед, хотя Дурслеи и не подписали ему разрешение.

– Гермиона, я тут подумал...

– Гарри, хочу тебя попросить.

Явно не слушая, она протянула ему «Сказки барда Бидля».

– Взгляни на этот символ, – она показала на что-то вверху страницы. Поверх заглавия сказки (впрочем, Гарри не умел читать древних рун и не был уверен, что это заглавие) на него смотрел треугольный глаз со зрачком, пересеченным вертикальной линией.

– Я же не изучал древние руны, Гермиона.

– Знаю, но это не руна, этого нет в справочнике. Я думала, это глаз, но теперь сомневаюсь. Он чернильный, его кто-то нарисовал в книге! Вспомни, ты когда-нибудь видел это раньше?

– Нет... хотя... погоди. – Гарри присмотрелся внимательней. – Такой амулет вроде был у отца Луны?

– Вот и мне показалось!

– Тогда это знак Гриндельвальда.

Гермиона уставилась на него, разинув рот:

– *Что?!*

– Крум сказал...

Гарри повторил историю, услышанную на свадьбе. Гермиона смотрела на него в полном потрясении.

– Знак *Гриндельвальда*? – Она перевела взгляд с Гарри на загадочный символ, потом обратно. – Никогда не слышала, что у Гриндельвальда был знак. Об этом нигде не упоминается.

– Ну вот Крум говорил, что этот символ был высечен на стене «Дурмштранга», причем лично Гриндельвальдом.

Нахмурившись, Гермиона откинулась на спинку кресла.

– Очень странно. Если это знак черной магии, как он попал в книгу детских сказок?

– Непонятно, – согласился Гарри. – И чтобы Скримджер проглядел? Он был министр, ему полагалось быть экспертом в таких делах.

– Да уж... Может, он, как я, подумал, что это глаз? У остальных сказок тоже маленькие рисунки над заголовками.

Она замолкла, разглядывая странный знак. Гарри снова завел свое:

– Гермиона?

– Ммм?

– Я тут подумал. Я... хочу в Годрикову Лощину.

Она рассеянно на него посмотрела, явно продолжая размышлять над непонятным символом, а после сказала:

– Да. Я тоже об этом думала. Пора.

– Ты меня правильно расслышала?

– Конечно. Ты хочешь в Годрикову Лощину. Я согласна. Надо там побывать. Самое вероятное место. Опасно, конечно, но чем дольше я думаю, тем больше мне кажется, что он там.

– Э-э... *кто* там? – спросил Гарри.

Ее лицо, как зеркало, отразило его недоумение:

– Не кто, а что. Меч, разумеется! Думбльдор ведь знал, что ты захочешь туда вернуться. Как-никак, Годрикова Лощина – место рождения Годрика Гриффиндора.

– Правда? Гриффиндор родился в Годриковой Лощине?

– Гарри, ты когда-нибудь открывал «Историю магии»?

– Э-э... – Гарри улыбнулся – словно впервые за несколько месяцев: мышцы лица будто заржавели. – Открывал... однажды... когда купил...

– Я думала, ты догадаешься, раз деревня названа его именем. – Гермиона вдруг напомнила себя прежнюю: казалось, вот-вот скажет, что ей надо в библиотеку. – В «Истории магии» есть о ней немного, сейчас, подожди...

Она порылась в бисерной сумочке, извлекла старый школьный учебник, «Историю магии» Батильды Бэгшот, и пролистала до нужной

страницы.

– «После принятия Международного закона о секретности в 1689 году колдуны решили спрятаться навсегда и, вполне естественно, начали создавать внутри государства свои сообщества. Ради взаимной защиты и поддержки они селились небольшими группами в маленьких деревнях. Тинворт в Корнуолле, Верхний Флэгли в Йоркшире, Колготтери Сент-Инспекторт на южном побережье Англии дали приют целому ряду колдовских семей, живших бок о бок с муглами, которые терпимо относились к подобному соседству либо находились порой под действием заморочного заклятия. Наибольшую известность среди таких смешанных поселений приобрела Годрикова Лощина, деревня к юго-западу от Лондона, где родился великий колдун Годрик Гриффиндор и где Ах Айдамастер, кузнец-чародей, создал первого Золотого Проныру. На кладбище здесь можно встретить фамилии многих старинных колдовских династий, что, без сомнения, породило легенды о привидениях, на протяжении долгих веков обитающих при местной церквушке». Ты и твои родители не упомянуты. – Гермиона закрыла книгу. – Профессор Бэгшот остановилась на событиях конца девятнадцатого столетия. Но подумай: Годрикова Лощина, Годрик Гриффиндор, меч Гриффиндора. Наверняка Думбльдор рассчитывал, что ты уловишь связь?

– А-а... да...

Гарри не хотелось признаваться, что, предлагая отправиться в Годрикову Лощину, он вовсе не думал о мече. В родной деревне его манили могилы родителей, дом, где он чудом избежал смерти, и Батильда Бэгшот.

– Помнишь, что говорила Мюриэль? – чуть погодя спросил он.

– Кто?

– Ну, – Гарри замялся, не желая упоминать Рона. – Двоюродная бабушка Джинни. Которая на свадьбе сказала, что у тебя тощие ноги.

– А, – отозвалась Гермиона.

Возникла неловкая пауза: Гарри знал, что Гермиона почувствовала, как на горизонте замаячило имя Рона, и поторопился продолжить:

– Мюриэль говорила, что Батильда Бэгшот до сих пор живет в Годриковой Лощине.

– Батильда Бэгшот, – пробормотала Гермиона, пробежав указательным пальцем по выпуклым буквам имени автора на обложке

«Истории магии». – Что же, наверное...

Она ахнула так, что у Гарри внутри все оборвалось. Выхватив волшебную палочку, он развернулся, почти ожидая увидеть руку, отводящую входную штору, но на пороге никого не было.

– Что? – сердито спросил он, выдохнув с облегчением. – Что ты меня пугаешь? Я думал, как минимум Упивающиеся Смертью пожаловали.

– Гарри! *А что, если меч у Батильды?* Что, если Думбльдор поручил его ей?

Гарри задумался. Батильда уже очень старая и, по выражению Мюриэль, «совсем того». Мог ли Думбльдор спрятать меч Гриффиндора у нее? Если так, он действовал на авось: он никогда не говорил, что заменил меч подделкой, и ни словом не обмолвился о знакомстве с Батильдой. Однако сейчас, когда идея Гермионы так Гарри на руку, высказывать сомнения не время.

– Не исключено! Так что – в Годрикову Лощину?

– Да, только нужно тщательно все обдумать. – Гермиона села прямее, не меньше Гарри воодушевившись оттого, что у них наконец-то есть план. – И для начала потренироваться в совместном дезаппарировании под плащом-невидимкой. Прозрачаровальное заклятие тоже пригодится. Или уж не стесняться и воспользоваться всеэссенцией? Тогда нужны чьи-то волосы. На самом деле, Гарри, пожалуй, так разумнее: чем сильнее маскировка, тем лучше...

Гарри слушал и кивал при каждой паузе, но думал о другом. Впервые с тех пор, как стало известно, что меч в «Гринготтсе» – подделка, он волновался в предвкушении.

Скоро он попадет домой, туда, где когда-то у него была семья. Если бы не Вольдеморт, Гарри вырос бы и проводил каникулы в Годриковой Лощине. Приглашал бы к себе друзей... Может, у него были бы братья и сестры... и праздничный пирог на семнадцатилетие ему испекла бы родная мама. Утраченная жизнь еще никогда не казалась такой реальной, как сейчас, когда Гарри предстояло увидеть место, где у него все отняли. Ночью, едва Гермиона ушла спать, он тихонько достал из ее сумочки свой рюкзак, а оттуда – фотоальбом, давний подарок Огрида. Гарри уже много месяцев не рассматривал снимки родителей – единственное, что от них осталось. Они улыбались, махали ему руками...

Гарри с радостью помчался бы в Годрикову Лощину на следующий же день, но у Гермионы имелись свои соображения. Она по-прежнему не сомневалась, что Вольдеморт только и ждет, когда Гарри вернется к месту родительской гибели, и объявила, что необходима безупречная маскировка. Лишь через неделю – когда они тайком надергали волос у невинных муглов, занятых рождественскими покупками, и вдоволь попрактиковались в совместном аппарировании под плащом-невидимкой – Гермиона сочла возможным отправиться в путь.

Они решили аппарировать в темноте. Уже смеркалось, когда они наконец проглотили всеэссенцию и Гарри стал лысеющим немолодым муглом, а Гермиона – его женой, маленькой серой мышкой. Бисерная сумка со всеми вещами (кроме окаянта, который висел у Гарри на шее) лежала во внутреннем кармане застегнутого пальто Гермионы. Гарри накрыл ее и себя плащом-невидимкой, и они провалились в удушающую тьму.

Гарри открыл глаза. Сердце колотилось в горле. Они стояли, держась за руки, на заснеженной узкой улице под темно-синим небом и первыми, еще бледными, ночными звездами. Вдоль улицы тянулись дома; в окнах мерцали рождественские гирлянды. Короткая дорога впереди, вся золотая в свете фонарей, вела к центру деревни.

– Ох уж этот снег! – прошептала Гермиона. – И как мы не подумали? Миллион предосторожностей, а все равно оставим следы! Придется замечать... Ты иди, я сама.

Гарри не хотел входить в деревню, словно лошадь из школьного спектакля – прячась под плащом и вдобавок замечая следы заклинаниями.

– Давай снимем плащ, – сказал он.

Гермиона посмотрела испуганно, и Гарри добавил:

– Брось! Мы на себя не похожи, и вокруг никого нет.

Он сунул плащ под куртку, и они зашагали вперед. Морозный воздух обжигал лица. Где тут дом Джеймса и Лили, где – Батильды? Гарри смотрел на парадные двери, на крыши и веранды, укрытые снегом, и гадал, вспомнит ли свой дом, хоть в глубине души и понимал, что это невозможно: ему тогда было чуть больше года. Гарри вообще не был уверен, что сможет его увидеть, – неизвестно, что происходит, когда умирают те, кто участвовал в наложении Заклятия

Верности. Узкая улочка вильнула налево, к сердцу деревни, и Гарри с Гермионой очутились на маленькой площади.

Повсюду сверкала разноцветная иллюминация, а в центре стоял обелиск, очевидно, военный. Его частично заслоняла потрепанная ветром елка. Несколько магазинов, почта, паб; маленькая церковь с витражными окнами, которые осыпали площадь световыми рубинами, изумрудами и сапфирами.

Здесь люди утоптали снег, и он стал твердым, скользким. Жители деревни сновали туда-сюда; их фигуры высвечивались уличными фонарями. Когда открывалась дверь паба, до Гарри и Гермионы доносились взрывы хохота, музыка. Затем в церквушке запели праздничный гимн.

– Гарри, так сегодня сочельник! – воскликнула Гермиона.

– Правда?

Он потерял счет времени, и они уже много недель не видели газет.

– Точно. – Гермиона смотрела на церковь. – Они... наверняка там. Твои мама и папа. Видишь, за церковью кладбище?

Гарри почувствовал... не волнение, нет. Скорее страх. Очутившись рядом, он уже и не знал, хочет ли все это видеть. Гермиона, должно быть, догадалась – она взяла его за руку и на сей раз зашагала первая, ведя его за собой. Но на середине площади остановилась как вкопанная.

– Гарри, смотри!

Она указывала на обелиск. Когда они подошли, он изменился. Вместо памятника сплошь в именах и фамилиях Гарри увидел скульптурную группу из трех человек: мужчину в очках, с взъерошенными волосами, и длинноволосую женщину с приятным лицом и малышом на руках. На головах у всех троих пушистыми шапками лежал снег.

Гарри медленно приблизился, вглядываясь в лица родителей. Он и представить не мог, что найдет здесь такие статуи. И вообще... странно видеть самого себя, высеченного из камня, – счастливого малыша без шрама на лбу.

– Пойдем, – бросил Гарри, насмотревшись, и они направились к церкви. Перейдя дорогу, он оглянулся: статуя вновь стала военным мемориалом.

Чем ближе к церкви, тем громче звучало пение. У Гарри перехватило горло. Он вспомнил «Хогварц»: Дрюзг выкрикивает из доспехов грубо переиначенные рождественские гимны, и двенадцать елей в Большом зале, и Думбльдор в соломенной дамской шляпке, извлеченной из хлопушки, и Рон в вязаном свитере...

Они оказались перед узкой арочной калиткой. Гермиона постаралась открыть ее беззвучно, и они протиснулись внутрь. По обе стороны от скользкой дорожки к дверям церкви лежал глубокий нетронутый снег. Они побрели по снежной целине вокруг здания, держась в тени под ярко освещенными окнами и оставляя за собой глубокие борозды.

За церковью припорошенные надгробные плиты рядами выступали из-под бледно-голубого снежного покрывала, искрившегося золотым, синим, зеленым там, куда падал свет витражей. Крепко сжимая в кармане куртки волшебную палочку, Гарри подошел к ближайшей могиле.

– Гляди-ка, Аббот! Какой-нибудь давно забытый родственник Ханны!

– Говори потише, – шикнула Гермиона.

Они уходили все дальше по кладбищу, оставляя на снегу черные следы. Останавливались прочитать надписи на старых надгробиях и часто оглядывались, проверяя, нет ли слежки.

– Гарри, вот!

Гермиону отделяли от него два ряда надгробий. Он двинулся к ней; сердце отчаянно билось.

– Это что?..

– Нет, но посмотри!

Она указала на темный камень. Гарри наклонился и на замшелом мерзлом граните увидел слова «Кендра Думбльдор» и чуть ниже даты рождения и смерти. «И дочь ее Ариана». Еще на камне была эпитафия:

Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет.

Итак, Рита Вритер и Мюриэль хотя бы отчасти говорили правду. Семья Думбльдора действительно жила здесь, и некоторые здесь умерли.

Видеть могилу оказалось тяжелей, чем слышать о ней. Гарри не мог избавиться от мыслей о том, как прочно связывает их с

Думбльдором это кладбище. Думбльдор обязан был рассказать ему, но не посчитал нужным. Они могли бы вместе прийти на эти могилы. Гарри на миг представил, что стоит здесь с Думбльдором. Как бы это их объединило, как много бы для него значило! Но то, что их родные похоронены рядом, Думбльдор, похоже, считал несущественным совпадением, не касающимся миссии, которую он возложил на Гарри.

Гермиона смотрела на него, и он был рад, что его лицо скрыто тенью. Он вновь прочел слова на надгробии: «Где сокровище ваше, там и сердце ваше будет». Он не понимал, что это значит. А ведь выбрал фразу Думбльдор, старший в семье после смерти матери.

– Ты уверен, что он никогда не упоминал?.. – начала Гермиона.

– Нет, – отрезал Гарри. – Давай искать дальше. – Он отвернулся от камня: не хотел, чтобы волнение омрачилось обидой.

– Здесь! – через пару секунд закричала из темноты Гермиона. – Ой нет, извини! Я думала, тут написано «Поттер».

Она смахивала снег с раскрошившегося, поросшего мхом камня и смотрела на него, хмурия брови.

– Гарри, вернись на секунду.

Ему очень не хотелось отвлекаться, но он все-таки поплелся назад по снегу.

– Что?

– Смотри!

Могила была очень старая. Надпись так истерлась, что Гарри не смог прочитать. Но Гермиона показала на символ под именем.

– Гарри, это знак из книги!

Он взгляделся внимательней. Сложно было что-то разобрать, однако под истертыми буквами и цифрами виднелся треугольный знак.

– Да... может быть...

Гермиона зажгла волшебную палочку и направила ее на камень:

– Здесь написано Иг... Игнотус, кажется...

– Я поищу родителей, не возражаешь? – сказал Гарри чуть раздраженно и пошел прочь. Гермиона осталась стоять, склонившись над могилой.

То и дело Гарри попадались фамилии, которые он слышал в «Хогварце». Иногда встречались целые поколения колдунов: по датам понятно, что они либо все умерли, либо уехали из Годриковой

Лощины. Гарри уходил все дальше и возле каждой новой могилы у него заново замирало сердце.

Вдруг резко потемнело и стало тихо. Гарри тревожно огляделся: дементоры? Но затем сообразил, что это прекратилось пение, в церкви выключили свет, а голоса прихожан, высыпавших на площадь, почти смолкли.

Из темноты, всего в паре ярдов от него, в третий раз отчетливо и звонко раздался голос Гермионы:

– Гарри, они здесь... Вот.

По ее голосу он понял: там его мама и папа. Он направился к Гермионе. Что-то больно стиснуло грудь, совсем как после гибели Думбльдора, – горе, которое физически, как тяжелый камень, придавило сердце и легкие.

Надгробие стояло всего через два ряда за могилами Кендры и Арианы. Как и гробница Думбльдора, оно было из белого мрамора и словно сияло в ночи; надпись легко читалась. Гарри не пришлось ни вставать на колени, ни даже подходить близко.

ДЖЕЙМС ПОТТЕР,

родился 27 марта 1960 года,

умер 31 октября 1981 года

ЛИЛИ ПОТТЕР,

родилась 30 января 1960 года,

умерла 31 октября 1981 года

Последний же враг истребится – смерть.

Гарри читал очень медленно, будто у него всего один шанс понять смысл этих слов. Последнюю строчку он произнес вслух.

– «Последний же враг истребится – смерть»... – В голову пришла ужасная мысль, и его охватила паника. – Это же Упивающиеся Смертью так думают? Зачем это здесь?

– Тут другой смысл, Гарри. Не про такую победу над смертью, как у них, – мягко сказала Гермиона, – а про... ну, знаешь... жизнь на том свете. После смерти.

«Но они не живут, – подумал Гарри. – Их нет». Пустые слова не отменяют того, что здесь, под снегом, под равнодушным ко всему

камнем, лежат останки его родителей. Он не совладал с собой. По щекам покатились горячие слезы; они обжигали кожу и тотчас замерзали на лице. Стоит ли притворяться и вытирать их? Гарри дал волю чувствам и, плотно сжав губы, смотрел вниз, на толстый снежный ковер, укрывший Лили и Джеймса – теперь-то уже лишь кости, прах, – которые даже не подозревали, не беспокоились о том, что их сын стоит рядом, что он жив и сердце его бьется, ибо они пожертвовали собой ради него. Ему захотелось уснуть под снегом вместе с ними.

Гермиона взяла его руку и крепко сжала. Гарри не мог посмотреть на нее, но ответил на пожатие. Он судорожно глотал ночной воздух, пытаясь успокоиться. Надо было что-то принести, но он не подумал, а сейчас вокруг ни одного растения, только снег и лед... Но Гермиона волшебной палочкой описала круг, и в воздухе расцвел венчик из морозника. Гарри поймал его и положил на могилу родителей.

Как только он выпрямился, ему захотелось уйти. Невозможно дольше здесь оставаться. Он обнял Гермиону за плечи, она обхватила его за талию, они молча развернулись и побрели назад по глубокому снегу, мимо матери и сестры Думбльдора, к темной церкви и пока неразличимой узкой калитке.

Глава семнадцатая

Тайна Батильды

– Гарри, стой.

– Что? – Они дошли до могилы неизвестного Аббота.

– Здесь кто-то есть. Наблюдает за нами. Точно. Там, за кустами.

Они застыли, держась друг за друга и вглядываясь в темноту. Гарри ничего подозрительного не заметил.

– Уверена?

– Я видела, как что-то пошевелилось. Клянусь... – И Гермиона чуть отодвинулась, освобождая руку с волшебной палочкой.

– Мы же выглядим как муглы, – заметил Гарри.

– Которые только что положили венок на могилу твоих родителей! Гарри, там точно кто-то есть!

Гарри вспомнил «Историю магии». Кладбище населено привидениями; что, если?.. Но тут он услышал хруст, увидел под кустами углубление в снегу... Нет, это не призраки.

– Кошка, – подумав, сказал он, – или птица. Если бы Упивающийся Смертью, нас бы уже убили. Давай выбираться и снова спрячемся под плащом.

Они пошли к выходу, поминутно оборачиваясь. Гарри чувствовал себя далеко не так уверенно, как старался показать Гермионе, и вздохнул с облегчением, когда наконец-то очутился на скользком тротуаре. Они укрылись плащом-невидимкой. В паб набилось куда больше людей, чем раньше. Многие распевали гимн, который Гарри с Гермионой слышали из церкви. Гарри подумал было зайти в паб, но не успел даже предложить – Гермиона шепнула: «Сюда», – и потащила его по темной улице к окраине деревни, не туда, откуда они пришли, а в противоположную сторону. Гарри видел, где заканчиваются дома и открывается поле. Они шагали быстро, насколько было прилично; рядом мелькали окна, сверкающие разноцветными огнями, за шторами темнели очертания рождественских елок.

– Как же найти дом Батильды? – спросила Гермиона, ежась и озираясь. – Гарри? Как ты думаешь? Гарри?

Она дергала его за руку, но Гарри не обращал внимания. Он смотрел в конец улицы, на какую-то темную глыбу... А потом бросился бежать и потащил Гермиону за собой; она едва не упала на льду.

– Гарри...

– Посмотри... Посмотри туда...

– Я не... О!

Он видел дом; Заклятие Верности, должно быть, умерло вместе с Джеймсом и Лили. За шестнадцать лет, что миновали с тех пор, как Огрид нашел Гарри среди обломков в высокой траве и забрал отсюда, живая изгородь разрослась. Дом еще стоял, весь в почерневшем плюще и снегу, но правое крыло верхнего этажа снесло: видимо, проклятием – а чем еще? Гарри и Гермиона смотрели от калитки на развалины, которые когда-то были коттеджем, ничем не отличавшимся от соседних.

– Интересно, почему его не восстановили? – шепотом спросила Гермиона.

– Видимо, невозможно, – ответил Гарри. – Наверное, это как раны от черной магии... не лечится. – Он высунул руку из-под плаща и взялся за толстую, ржавую, заснеженную калитку – просто чтобы дотронуться.

– Ты же не собираешься внутрь? По-моему, там небезопасно, что, если... Ой, Гарри, смотри!

От его прикосновения к калитке прямо из-под земли, среди сорняков и крапивы, поднялась табличка, этаким причудливый быстрорастущий цветок. По ней золотыми буквами вилась надпись:

Здесь 31 октября 1981 года

лишились жизни Лили и Джеймс Поттеры.

***Их сын Гарри был и остается единственным колдуном,
выжившим после убийственного проклятия.***

***Этот дом невидим для муглов и сохранен разрушенным
как памятник семье Поттеров и напоминание о насилии,
ее уничтожившем.***

Вокруг все было исписано колдунами и ведьмами, приходившими посмотреть на место чудесного спасения мальчика, который остался жив. Чьи-то имена вечными чернилами, инициалы, вырезанные на дереве, послания. Шестнадцатилетние наслоения магического граффити и самые свежие поверх: «Удачи, Гарри, где бы ты ни был», «Если ты читаешь это, Гарри, знай: мы с тобой!», «Да здравствует Гарри Поттер!».

– Зачем же прямо по табличке! – возмутилась Гермиона.

Но Гарри просиял:

– Наоборот, хорошо! Я рад. Я... – Он умолк. По дороге, хромя, к ним приближалась чья-то плотно укутанная фигура – силуэт чернел на фоне ярких огней с далекой площади. Вроде бы женщина, подумал Гарри, хотя судить трудно. Она двигалась медленно – очевидно, боялась поскользнуться. Сгорбленная, грузная, еле шаркает – очень старая. Гарри и Гермиона молча на нее смотрели. Гарри подождал, не свернет ли старуха в какой-нибудь из домов, но инстинктивно чувствовал, что не свернет. Та вдруг застыла посреди обледенелой дороги и уставилась на них.

Гермиона ущипнула Гарри за руку, но тот и сам понял: женщина не мугланка. Она явно видела дом. Однако если она и ведьма, все равно странно – явиться поглядеть на руины ночью, в такой мороз. По всем законам рядовой магии, плащ должен был надежно скрывать Гарри и Гермиону от старухи, однако Гарри казалось, что она не просто ощущает их присутствие, но в курсе, кто они такие. Стоило ему прийти к этому неприятному выводу, как ведьма подняла руку в перчатке и поманила их к себе. Гермиона под плащом придвинулась к Гарри.

– Как она догадалась?

Он покачал головой. Женщина поманила решительней. Гарри мог назвать миллион причин, почему не следует откликаться на зов, но его внезапно озарило. Он, кажется, знал, кто это.

Возможно ли, чтобы она дожидалась их долгие месяцы? Что Думбльдор велел ей ждать Гарри, который обязательно придет? Не она ли шла за ними на кладбище? В самой ее способности чувствовать их было что-то от Думбльдора – ничего подобного Гарри никогда не встречал.

Наконец он спросил, заставив Гермиону вздрогнуть:

– Вы Батильда?

Укутанная фигура наклонила голову и вновь поманила. Гарри и Гермиона под плащом переглянулись. Гарри поднял брови; Гермиона нервно кивнула.

Они шагнули к старухе, и та сразу заковыляла назад. Миновав несколько домов, они свернули к калитке и пошли по тропинке через сад, заросший немногим меньше, чем у дома Поттеров. Повозившись с ключом у двери, Батильда открыла и отступила на шаг, пропуская гостей.

Пахнуло чем-то неприятным, то ли от нее самой, то ли из глубин дома. Гарри поморщился, бочком протискиваясь мимо нее, и снял плащ. Только сейчас, очутившись рядом, он понял, какая она маленькая и сгорбленная: где-то ему по грудь. Батильда затворила дверь – ее сизые пальцы четко выделялись на облупившейся поверхности, – повернулась и вгляделась Гарри в лицо. Ее мутные глаза тонули в складках морщинистой прозрачной кожи, пестревшей старческими пятнами. Видит ли она вообще? Если и да, то не его, а лысеющего мугла.

Батильда размотала побитый молью черный платок. Показалась голова в редких белых волосах; сильнее запахло старостью, пылью, нестираной одеждой, несвежей едой.

– Батильда? – повторил Гарри.

Та опять кивнула. Гарри вдруг почувствовал медальон на груди; металлическое сердце, что изредка не то тикало, не то билось внутри, проснулось и запульсировало сквозь холодное золото. Почуяло близость оружия, которое его уничтожит?

Батильда прошаркала мимо них, толкнув Гермиону так, словно ее не заметила, и скрылась в гостиной.

– Гарри, я что-то сомневаюсь, – еле слышно выдохнула Гермиона.

– Посмотри на нее, неужто мы не справимся? – успокоил Гарри. – Слушай, я должен был раньше сказать... я знал, что она слегка не в себе. Совсем того, по словам Мюриэль.

– Подойди! – раздалось из соседней комнаты.

Гермиона подскочила и схватила Гарри за руку.

– Все нормально, – сказал тот и уверенно направился в гостиную.

Батильда семенила по комнате и зажигала свечи, которые лишь чуть-чуть рассеивали темноту. Тут было очень грязно. Под ногами

скрипел толстый слой пыли, а к запаху сырости и плесени прибавился отвратительный душок гниющего мяса. Видно, к Батильде давно никто не заходил, а сама она забыла, что умеет колдовать; свечи, во всяком случае, зажигала вручную. Полуоторванные кружева манжет вот-вот грозили загореться.

– Дайте-ка лучше я, – предложил Гарри и забрал у нее спички. Она безропотно смотрела, как он зажигает свечные огарки в блюдах на шатких стопках книг, на столиках, заставленных треснувшими заплесневелыми чашками.

Последней Гарри зажег свечу на пузатом комодке, где теснилось множество фотографий. Пламя, вспыхнув, отразилось в пыльном стекле, в серебре; на снимках что-то еле заметно задвигалось. Пока Батильда возилась у камина с дровами, Гарри шепотом приказал:

– Тергео.

Пыль исчезла, и оказалось, что с полдюжины самых больших и красивых рамок пустует. Может, их Батильда вынула – или кто-то другой? Его внимание привлекла фотография в заднем ряду, Гарри ее схватил.

Из серебряной рамки лениво улыбался златовласый симпатяга, воришка с подоконника Грегоровича. И Гарри вспомнил, где видел его раньше: в книге «Жизнь и ложь Альбуса Думбльдора», рука об руку с подростком Думбльдором. Видимо, и другие отсутствующие фотографии перекочевали в Ритино произведение.

– Миссис... Мисс... Бэгшот? – Голос Гарри дрогнул. – Кто это?

Батильда стояла посреди комнаты и смотрела, как Гермиона разжигает камин.

– Мисс Бэгшот? – повторил Гарри и подошел к ней. В камине вспыхнул огонь. Батильда обернулась на его голос; окаянт на груди забился сильнее. – Кто этот человек?

Гарри протянул ей фотографию. Она посмотрела на снимок, затем на Гарри.

– Вы знаете, кто это? – громко и медленно произнес он. – Этот человек, вы его знаете? Как его зовут? – Батильда смотрела озадаченно. Гарри охватила страшная досада. И как Рите Вритер удалось добраться до Батильдиных воспоминаний? – Кто этот человек? – еще раз громко спросил он.

– Гарри, зачем тебе? – вмешалась Гермиона.

– Гермиона, это он, тот, кто ограбил Грегоровича! Пожалуйста! – вновь обратился он к Батильде. – Кто это?

Но она лишь молча смотрела на него.

– Зачем вы нас позвали, миссис... мисс... Бэгшот? – спросила Гермиона, повысив голос. – Хотели что-то сказать?

Батильда словно не слышала. Она приблизилась к Гарри и мотнула головой в сторону прихожей.

– Хотите, чтоб мы ушли? – спросил он. Она повторила жест, показав сначала на него, потом на себя и на потолок.

– А-а, понятно... Гермиона, она хочет, чтобы я пошел с ней наверх.

– Хорошо, – сказала Гермиона, – идем.

Но стоило ей пошевелиться, как Батильда неожиданно сильно тряхнула головой и еще раз указала на Гарри, а затем на себя.

– Она хочет, чтобы я пошел один.

– Зачем? – Голос Гермионы взрезал тишину сумрачной комнаты. Старуха замотала головой от такого шума.

– Может, Думбльдор велел отдать меч мне, и только мне.

– Ты правда думаешь, что она знает, кто ты?

– Да, – подтвердил Гарри, глядя в уставленные на него белесые глаза. – По-моему, знает.

– Ладно, но тогда поскорей.

– Идемте, – сказал Гарри Батильде. Она, видимо, поняла и направилась к двери. Гарри обернулся – хотел напоследок улыбнуться Гермионе, – но та, обхватив себя руками посреди захламленной гостиной, уже разглядывала книги в шкафу. Гарри вышел и украдкой сунул фото неизвестного во внутренний карман куртки.

Лестница оказалась крутая и узкая; Гарри так и хотелось подпереть грузную Батильду под спину – чтобы не свалилась на него. Одышливо сопя, она доковыляла до верха, сразу же свернула направо и провела Гарри в спальню с низким потолком.

Там было очень темно и стояла чудовищная вонь; прежде чем Батильда закрыла дверь и в комнате воцарился абсолютный мрак, Гарри успел разглядеть ночной горшок под кроватью.

– Люмос, – произнес Гарри, волшебная палочка засветилась, и он вздрогнул: в темноте Батильда успела приблизиться к нему чуть ли не вплотную, а он даже не услышал.

– Ты Поттер? – шепотом осведомилась она.

– Да.

Она медленно, сурово кивнула. Гарри почувствовал, что окаянт заколотился быстрее его сердца – неприятное, тревожное чувство.

– У вас что-то есть для меня? – спросил Гарри, но Батильду, кажется, отвлекал свет палочки. – У вас что-то есть для меня? – повторил Гарри.

Старуха закрыла глаза, и сейчас же случилось много странного: шрам Гарри больно закололо, окаянт подпрыгнул так, что оттопырился свитер на груди, темная, зловонная комната на мгновение куда-то исчезла, а Гарри внезапно возликовал и крикнул пронзительным холодным голосом:

– *Задержи его!*

Гарри зашатался: зловонная чернота вернулась; он так и не понял, что произошло.

– У вас что-то есть для меня? – спросил он в третий раз намного громче.

– Здесь, – прошептала старуха, показывая в угол.

Гарри поднял палочку и разглядел очертания загроможденного туалетного столика под занавешенным окном. Батильда не шевелилась. Гарри, высоко подняв палочку, протиснулся между ней и неубранной постелью. Он хотел держать старуху в поле зрения.

– Что это? – На туалетном столике что-то валялось грудой – судя по запаху, грязное белье.

– Там. – Батильда ткнула пальцем в эту бесформенную кучу.

Гарри всмотрелся – не блеснет ли эфес меча или рубин – и краем глаза заметил, что старуха как-то странно дернулась. Он повернулся – и остолебенел от ужаса: тело старухи обмякло, а из шеи выползала огромная змея.

Он поднял палочку, и змея бросилась; от укуса в предплечье палочка взлетела к потолку, рисуя тонкую световую спираль, и погасла. Мощный хвост ударил Гарри в солнечное сплетение; он, задохнувшись, упал на туалетный столик в кучу грязного тряпья и быстро откатился, лишь чудом избежав нового удара – хвост саданул по столику, и на Гарри, который свалился на пол, посыпался дождь стеклянных осколков. Гермиона позвала снизу:

– Гарри?

Но ему не хватило дыхания крикнуть в ответ: тяжелое, гладкое, невероятно сильное тело придавило его, ползло по нему...

– Нет! – еле выдохнул он, притиснутый к полу.

– Да, – прошептал голос. – *Есссть... держу тебя... держу...*

– Ацио... Ацио палочка...

Ничего не вышло, и Гарри нужны были обе руки, чтобы отталкивать змею, обвивавшую его кольцами, выжимавшую воздух из легких, вдавившую окаянт в грудь. Тот, ледяной и живой, бился рядом с его сердцем, и сознание залил холодный белый свет, мысли исчезли, собственного дыхания не слышно, чьи-то шаги вдалеке, все поплыло...

Металлическое сердце било по груди, и Гарри летел, летел, радостно, победоносно, без метлы и тостраля...

Он вдруг очнулся в кисло пахнущей темноте; Нагини его отпустила. Он с трудом поднялся и в освещенном дверном проеме увидел силуэт змеи: та нанесла удар, а Гермиона с криком отпрянула. Ее заклятие, срикошетив, вдребезги разнесло занавешенное окно. Оттуда хлынул морозный воздух. Гарри метнулся в сторону, спасаясь от осколков, и поскользнулся на каком-то длинном карандаше – на своей же волшебной палочке...

Он нагнулся, схватил ее, но теперь змея, хлеща хвостом, словно заполнила собой всю комнату. Гермиона куда-то исчезла, и на секунду Гарри испугался, что случилось худшее, но тут раздался громкий хлопок, полыхнуло красным, и змея взлетела в воздух, ударив его по лицу. Виток за витком она взвивалась к потолку, и Гарри поднял палочку, но тут шрам страшно обожгло – давно такого не бывало.

– Он здесь! *Гермиона, он здесь!* – закричал Гарри.

В тот же миг змея с гневным шипением рухнула. Кругом был хаос: она разбила полки на стене, и повсюду разлетелись осколки фарфора. Гарри перепрыгнул кровать, ринулся на силуэт, в котором узнавал Гермиону...

Та вскрикнула от боли; Гарри перетащил ее обратно через кровать. Змея вновь поднялась, но Гарри знал: приближается нечто много страшнее змеи. Возможно, он уже у калитки. От боли в шраме раскалывалась голова.

Он прыгнул, волоча за собой Гермиону. Змея сделала выпад. Гермиона крикнула:

– Конфринго! – и заклятие, пролетев через комнату, разбило зеркало в шкафу и заметалось, рикошета от пола и потолка. Оно обожгло Гарри руку; осколок стекла распорол щеку... Гарри, таща за собой Гермиону, перескочил на разломанный туалетный столик, а затем – прямоком в разбитое окно, в пустоту. В воздухе они повернулись; крик Гермионы гулко раскатился в ночи...

А потом шрам будто взорвало, и он уже был Вольдемортом и бежал через зловонную спальню... Его длинные белые пальцы вцепились в подоконник, и он, уловив, как лысый мужчина и маленькая женщина крутанулись в воздухе и исчезли, завопил от ярости, и его вопли смешались с девчоночьим криком, эхом разнеслись над темными садами, перекрывая звон рождественских колоколов...

Его крик был криком Гарри, его боль – болью Гарри... и это могло случиться здесь, где однажды уже случилось... недалеко от дома, где он едва не познакомился со смертью... смерть... боль была так ужасна... его выдернуло из тела... но раз у него нет тела, почему же так болит голова; если он мертв, почему ему так плохо, разве боль не прекращается после смерти, разве она не уходит?..

Сырая ветреная ночь; двое детей, наряженных тыквами, ковыляют через площадь, где витрины оклеены бумажными пауками – глупой мишурой, знаками того мира, в который муглы не верят... А он, непобедимый, целеустремленно скользит вперед, им движет сознание правоты... не злоба... злоба – удел слабаков... но триумф, да... Он этого ждал, он на это надеялся...

– Отличный костюм, мистер!

Когда мальчишка подбежал и заглянул под капюшон его плаща, улыбка пропала... ужас на разрисованной мордочке; мальчишка развернулся, кинулся наутек... он нащупал под плащом палочку... одно простое движение – и щенок никогда не вернется к матери... Но все это ни к чему, решительно ни к чему...

Он свернул на другую улицу, где было еще темнее, и цель замаячила впереди, и Заклятие Верности разрушено, хотя они об этом пока не знают... Двигаясь тише палой листвы, скользившей по тротуару, он поравнялся с темной изгородью и взглянул вверх.

Они не задернули штор, и он ясно их видел: сидят в своей маленькой гостиной, высокий черноволосый мужчина в очках пускает из волшебной палочки струи разноцветного дыма на потеху

черноволосого малыша в синей пижаме. Мальчик смеется и ловит дым, хватая ручкой...

Дверь открылась, и вошла мать, что-то сказала – он не разобрал слов; длинные темно-рыжие волосы закрывали ее лицо. Отец взял ребенка на руки и передал матери, бросил палочку на диван, потянулся, зевая...

Калитка скрипнула, но Джеймс Поттер не услышал. Белая рука достала палочку из-под плаща и указала на дверь. Та распахнулась с грохотом.

Он как раз переступил порог, когда Джеймс выбежал в коридор. Все было так просто, слишком просто, болван даже не захватил палочку...

– Лили, хватай Гарри и беги! Это он! Скорей! Беги! Я его задержу!..

Задержит? Без палочки?.. Он расхохотался, прежде чем произнести проклятие...

– Авада Кедавра!

Зеленый свет залил узкий коридор, выхватил из темноты детскую коляску у стены; перила засветились, точно громоотводы, и Джеймс Поттер рухнул как марионетка, у которой обрезали нити...

Он слышал, как она кричит наверху, в западне; ничего: если будет благоразумна, ей не стоит бояться... он поднимался по лестнице, с легкой улыбкой слушая, как она там баррикадируется... у нее тоже нет при себе палочки... как они глупы, как доверчивы – думали, друзья их защитят, можно ходить без оружия...

Одно ленивое движение палочки – и дверь открылась, отбросив спешно наваленные стулья и коробки... вот и она с ребенком на руках. Увидев его, бросает сына в кроватку и широко раскидывает руки, будто это спасет, будто, если она заслонит сына собой, он выберет ее вместо него...

– Только не Гарри, не Гарри, пожалуйста, не Гарри!

– Отойди, глупая девчонка... отойди сейчас же.

– Только не Гарри, пожалуйста, возьми меня, убей лучше меня...

– Последний раз предупреждаю...

– Только не Гарри! Пожалуйста... сжался... пощади... Не Гарри! Не Гарри! Пожалуйста – я сделаю что угодно...

– Отойди. Отойди, глупая девчонка!

Он мог бы ее оттолкнуть, но, похоже, будет разумнее уничтожить обоих...

Зеленая вспышка озарила комнату, и женщина упала, как и ее муж. Ребенок не плакал; стоял, ухватившись за перильца кровати, и с живым интересом рассматривал вошедшего – может, думал, что это его отец из-под плаща пускает красивые огни, а мать вот-вот вскочит, смеясь...

Он аккуратно направил палочку малышу в лицо; хотел своими глазами видеть, как исчезнет эта непонятная угроза. Ребенок заплакал: сообразил, что перед ним не Джеймс. Он не выносил детский плач еще с приютских времен...

– Авада Кедавра!

И вдруг: он разбит, стал ничем, от него остались только боль и ужас, и надо прятаться, но не здесь, не в развалинах дома, где в западне орал ребенок, а далеко... очень далеко...

– Нет! – застонал он.

Змея ползла по полу, хрустя осколками, а он убил мальчишку, однако сам был этим мальчишкой...

– Нет...

А сейчас он стоял у разбитого окна в доме Батильды и вспоминал о величайшей своей утрате; под ногами огромная змея скользила по битому стеклу и фарфору... Он опустил глаза и увидел нечто... нечто невероятное...

– Нет...

– Гарри, все хорошо, ты жив!

Он наклонился и подобрал фотографию под расколотым стеклом. Вот этот неизвестный вор, которого он ищет...

– Нет... Я уронил... уронил...

– Гарри, все в порядке, очнись, очнись!

Он – Гарри... Гарри, не Вольдеморт... и шуршит не змея...

Он открыл глаза.

– Гарри, – шепотом спросила Гермиона, – ты как?

– Нормально, – солгал он.

Он лежал в палатке на нижней кровати, заваленный одеялами. Судя по холоду и свету, сочившемуся сквозь полотняную крышу, уже светало. Он весь в поту; простыни и одеяла намокли.

– Мы выбрались.

– Да, – сказала Гермиона. – Я уложила тебя в кровать невесомой чарой. Не могла поднять. Ты был... Ну, в общем, не в самом...

Под ее карими глазами залегли фиолетовые тени, а в руке она держала маленькую губку, которой отирала его лицо.

– ...лучшем виде, – закончила она. – Точнее, в худшем.

– Давно мы?..

– Несколько часов назад. Скоро утро.

– Я был... без сознания?

– Не совсем, – смутилась Гермиона. – Кричал, стонал и прочее, – добавила она таким тоном, что Гарри стало неловко. Что он делал? Выкрикивал проклятия, как Вольдеморт, или плакал, как младенец в кроватке?

– Никак не могла снять с тебя окаянт. – Гермиона явно хотела сменить тему. – Он прямо приклеился к груди. Теперь там шрам. Извини, пришлось отрезать обрывным заклятием. А еще тебя укусила змея, но я промыла и обработала рану диким бадьяном...

Гарри оттянул ворот потной футболки и посмотрел: на груди алел овальный след медальона. Отметины на предплечье уже заживали.

– Куда ты дела окаянт?

– В сумку. Пусть пока там полежит.

Он откинулся на подушки и глянул в осунувшееся, серое лицо Гермионы.

– Не надо было соваться в Годрикову Лощину. Это моя вина, целиком. Прости.

– Ничего не твоя. Я и сама хотела... Я правда думала, что Думбльдор оставил там меч.

– Ну что ж... мы оба ошиблись.

– А что произошло, Гарри? Там, наверху? Змея где-то пряталась? Вылезла, убила старуху и напала на тебя?

– Нет, – сказал он. – Старуха и была змея... или змея была она... как-то так.

– Ч-что?

Гарри закрыл глаза. Он еще чувствовал на себе запах Батильдиного дома, и от этого ужасные воспоминания казались почти реальностью.

– Батильда, наверное, давно умерла. А змея сидела... внутри нее. Сама-Знаешь-Кто оставил ее в Годриковой Лощине дожидаться нас. Ты оказалась права. Он знал, что я вернусь.

– Змея – *внутри* нее?

Гарри снова открыл глаза. У Гермионы был такой вид, точно ее вот-вот вырвет.

– Люпин предупреждал, что мы столкнемся с магией, какая нам и не снилась, – вспомнил Гарри. – Она молчала при тебе, потому что говорит только на серпентарго, но я ее, конечно, понимал и не заметил. Из спальни она послала сигнал Сама-Знаешь-Кому, я слышал у себя в голове, почувствовал, как он разволновался, он велел меня держать... а потом...

Гарри вспомнил, как змея вылезла из шеи Батильды: Гермионе лучше не знать таких подробностей.

– ...она... превратилась в змею и напала.

Он посмотрел на следы от укуса.

– Она не должна была меня убивать, только задержать до прихода Сама-Знаешь-Кого.

Убей он змею, оно бы того стоило, но... Сердце заныло; Гарри резко сел, отбросил одеяло.

– Гарри, нельзя! Тебе нужен отдых.

– Это тебе нужно поспать. Не обижайся, но вид у тебя жуткий. Я в норме. Постерегу пока. Где моя палочка?

Гермиона не отвечала, отводила взгляд.

– Гермиона, где моя палочка?

Она прикусила губу, на глазах выступили слезы.

– Гарри...

– *Где моя палочка?*

Гермиона подняла палочку с пола и протянула Гарри. Палочка из остролиста с пером феникса разломилась, половинки держались на одном остове пера. Древесина распалась надвое. Гарри взял палочку, словно живое, тяжело раненное существо. Мозги не соображали – он запаниковал, в голове все поплыло. Он протянул палочку Гермионе:

– Почини. Пожалуйста.

– Гарри, вряд ли это возможно. При таких повреждениях...

– Пожалуйста, Гермиона, попробуй!

– Р-репаро!

Половинки соединились. Гарри поднял палочку повыше.

– Люмос!

Она слегка заискрилась и погасла. Гарри прицелился в Гермиону.

– Экспеллиармус!

Палочка Гермионы дрогнула, но осталась у нее в руке. Зато от несильной, вялой магии палочка Гарри вновь развалилась. Он в ужасе смотрел, отказываясь верить глазам... Эта палочка столько всего пережила...

– Гарри, – прошептала Гермиона тихо-тихо: он едва расслышал. – Мне очень-очень жаль. Кажется, это я виновата. Помнишь, когда мы спасались от змеи, я сотворила взрывное заклятие? Оно металось по комнате и, наверное... наверное, задело...

– Ты ведь не нарочно, – оцепенело сказал Гарри, совершенно опустошенный. – Мы... придумаем, как ее починить.

– Гарри, вряд ли получится, – повторила Гермиона. По щекам ее текли слезы. – Помнишь... как Рон сломал волшебную палочку? Когда вы попали в аварию. Она так и не стала прежней, пришлось купить новую.

Гарри подумал об Олливандере – тот у Волдеморта в плену. Грегорович вообще умер. Где взять новую палочку?

– Ну что же, – произнес он с деланным спокойствием, – придется пока одолжить твою. На время дежурства.

Заплаканная Гермиона протянула ему свою палочку, и он поспешил уйти подальше, оставив ее сидеть у кровати.

Глава восемнадцатая

Жизнь и ложь Альбуса Думбльдора

Всходило солнце. Чистое, бесцветное, бесконечное небо простиралось над Гарри, равнодушное к нему и его страданиям. Он сел у входа в палатку и глубоко вдохнул свежий воздух. Знать, что ты жив, и смотреть, как над заснеженными вершинами холмов восходит солнце, – казалось бы, высшее счастье. Но Гарри не мог его оценить: все вытесняла мысль об изуродованной палочке. Он поглядел на долину, укрытую снегом. Из безмолвной сверкающей дали еле слышно доносился звон церковных колоколов.

Гарри бессознательно впивался ногтями в локти, словно пытался перетерпеть физическую боль. Несчетное множество раз ему приходилось проливать кровь, а однажды – остаться без костей правой руки; в нынешнем странствии к старым шрамам на кисти и на лбу успели прибавиться новые, на груди и предплечье. Однако никогда он не чувствовал себя таким слабым, беспомощным и беззащитным – из него словно вырвали добрую половину магической силы... Скажи он об этом Гермione, она бы ответила: «Волшебная палочка хороша постольку, поскольку хорош колдун». Да, но для него все иначе... Гермione не видела, как его палочка вертелась, будто стрелка компаса, и стреляла во врага золотым пламенем. Гарри потерял защиту сердцевины-близнеца, и только сейчас осознал, как сильно на нее полагался.

Он вытащил из кармана обломки и не глядя сунул в кисет на шее. Тот уже превратился в свалку сломанного хлама, и в него почти ничего не влезало. Сквозь дуриворанью кожу рука Гарри нащупала Проныру, и он едва совладал с желанием выбросить мячик прочь. Непонятный и ненужный, как все, что оставил Думбльдор...

Бешеная злость на Думбльдора захлестнула Гарри с головой, как лава, обжигая изнутри, сметая любые другие чувства. От полнейшего отчаяния они с Гермioneй убедили себя, что в Годриковой Лощине таятся какие-то ответы, что возвращение туда – часть секретного

маршрута, проложенного Думбльдором, однако в действительности тот не приготовил для них ни карты, ни плана. Бросил одних в темноте, прямо в пасть неведомой и невиданной опасности, и ничего не объяснил, ничего не сказал прямо. У них не было меча, а теперь Гарри остался еще и без палочки. Хуже того, он потерял фотографию вора – Вольдеморт без труда выяснит, кто это... Отныне у Вольдеморта все карты в руках...

– Гарри? – Гермиона, со следами слез на лице, смотрела так, будто боялась, что Гарри ее заколдует ее же собственной палочкой. Держа в трясущихся руках по чашке чая и еще что-то объемистое под мышкой, она осторожно села рядом.

– Спасибо, – сказал Гарри, забирая одну чашку.

– Можно с тобой поговорить?

– Да. – Ему не хотелось ее обижать.

– Гарри, ты хотел знать про того человека с фотографии. Вообще-то... У меня тут книжка.

Она робко положила ему на колени абсолютно новый экземпляр «Жизни и лжи Альбуса Думбльдора».

– Где?... Как?..

– Лежала в гостинной Батильды... А внутри записка. – Гермиона вслух зачитала шипастые строчки, написанные ядовито-зелеными чернилами: – «Дорогой Бэтти с приветом от Риты! Спасибо за помощь! Вот книга; надеюсь, вам понравится. Вы все это рассказали, даже если сами не помните. Рита». Видимо, письмо пришло, когда настоящая Батильда была еще жива, но, наверное, она уже не могла прочитать.

– Да, наверное.

Гарри посмотрел на фотографию Думбльдора с каким-то зверским удовольствием: наконец он узнает то, о чем ему не соизволили рассказать.

– Ты все еще злишься на меня, да? – спросила Гермиона.

Он увидел, что она опять плачет, и понял, что не сумел скрыть гнев.

– Нет, – тихо ответил он. – Нет, Гермиона. Ты же не специально. Ты хотела вывести нас оттуда живыми... и вообще ты герой. Если б не ты, я бы погиб.

Он через силу ответил на ее грустную улыбку и снова обратился к книге. Судя по корешку, ее ни разу не открывали. Он полистал

страницы и почти сразу наткнулся на фотографию, которую искал: молодой Думбльдор и его симпатичный товарищ хохочут над какой-то шуткой, давно затерявшейся в прошлом. Гарри взглянул на подпись.

Альбус Думбльдор вскоре после смерти матери со своим другом Геллертом Гриндельвальдом.

Пару секунд, показавшихся вечностью, Гарри изумленно таращился на последнее слово. Гриндельвальд. Его друг Гриндельвальд. Он покосился на Гермиону. Та тоже смотрела на подпись, будто не верила глазам, а потом медленно перевела взгляд на Гарри:

– Гриндельвальд?

Гарри, теперь не обращая внимания на фотографии, принялся искать роковое имя в тексте. Вскоре нашел и с жадностью стал читать, однако запутался: чтобы разобраться, пришлось отлистать назад, до начала главы «Высшее благо», и они с Гермионой углубились в чтение.

Приближался его восемнадцатый день рождения. Думбльдор вышел из «Хогварца» во всем блеске славы: староста, старший староста, обладатель награды Барнабуса Финкли за исключительное чародейство и золотой медали «За революционный вклад в общее дело» на Международной конференции алхимиков в Каире, представитель молодежи Британии в Мудрейхе. Думбльдор хотел отправиться в Гран-тур с Эльфиасом Дожем по прозвищу «Песий Смрад», своим не слишком умным, но верным школьным дружкойм.

Молодые люди остановились в «Дырявом котле» в Лондоне и наутро собирались отбыть в Грецию, однако прибыла сова с известием о смерти матери Думбльдора. «Песий Смрад» Дож, который отказался дать интервью для этой книги, представил публике свою версию дальнейших событий. Она в высшей степени сентиментальна: смерть Кендры – трагический удар, а решение Думбльдора отказаться от путешествия – акт благородного самопожертвования.

Действительно, Альбус сразу вернулся в Годрикову Лощину, якобы с тем, чтобы «заботиться» о младших брате и сестре. Но как именно он о них позаботился?

– Он был псих, этот Аберфорс, – рассказывает Энид Теньнаплетейн, чья семья в то время проживала на окраине

Годриковой Лощины. – Рос как зверек. Сирота, все понятно, его бы пожалеть, да только он все швырял козым пометом мне в голову. И, по-моему, Альбус не слишком беспокоился о брате. Во всяком случае, вместе я их ни разу не видала.

Чем же занимался Альбус, если не своим непутевым младшим братом? Очевидно, сестрой. Ее первая тюремщица умерла, однако жалкое положение Арианы Думбльдор не улучшилось. О самом ее существовании мало кто знал, и все посвященные, подобно «Песьему Смраду» Дожу, верили сказкам о слабом здоровье девочки.

Одним из таких доверчивых друзей была Батильда Бэгшот, известный историк магии, много лет жившая в Годриковой Лощине. Вначале, только переехав в деревню, Кендра недружелюбно откликнулась на попытки Батильды по-соседски поприветствовать новоселов. Однако через несколько лет писательницу так потрясла статья Альбуса о межвидовых метаморфизмах в журнале «Современные превращения», что она отправила ему сову в «Хогварц». Это положило начало знакомству с семьей Думбльдора. На момент смерти Кендры одна Батильда в Годриковой Лощине поддерживала с ней отношения.

К сожалению, от блестящего ума Батильды остались одни воспоминания. Как сказал Айвор Диллонсби: «Очаг не потух, да в котле пусто». Энид Теньнаплетейн выразилась будничнее: «В голове кукушки кукуют». Тем не менее благодаря испытанным репортерским приемам мне удалось собрать достаточно фактов и связать воедино скандальную историю.

Как и весь колдовской мир, Батильда считала, что Кендра погибла от несчастного случая при незадавшемся колдовстве; это же годы спустя продолжали твердить Альбус и Аберфорс. Кроме того, Батильда, придерживаясь семейной версии, называла Ариану «слабой» и «болезненной». Но не зря я с таким трудом добывала признание, – одной лишь Батильде была известна самая страшная тайна Альбуса Думбльдора. Теперь она раскрыта и ставит под сомнение все, во что привычно верят его почитатели: и его неприятие черной магии, и его борьбу с муглоненавистничеством, и даже его любовь к родным.

В то лето, когда Думбльдор вернулся в Годрикову Лощину сиротой и главой семьи, Батильда Бэгшот согласилась поселить у

себя своего внучатого племянника Геллерта Гриндельвальда.

Имя Гриндельвальда знаменито недаром: в списке наичернейших колдунов всех времен и народов он не занимает верхнюю строчку лишь потому, что поколение спустя его корону украл Сами-Знаете-Кто. Впрочем, кампания террора, развязанная Гриндельвальдом, не распространялась на Британию, и подробности его восхождения к власти здесь не так широко известны.

Обучаясь в «Дурмиштранге», даже в те времена печально знаменитом своей терпимостью к злу, Гриндельвальд невероятной одаренностью не уступал Думбльдору. Однако Геллерт Гриндельвальд не искал призов и наград, его интересовали иные материи. И когда юноше исполнилось шестнадцать, даже в «Дурмиштранге» уже не могли закрывать глаза на его опасные эксперименты. Геллерта исключили из школы.

До сих пор о дальнейшей судьбе Гриндельвальда было известно лишь то, что он «несколько месяцев странствовал по свету». Мы же установили, что Гриндельвальд пожелал навестить двоюродную бабушку в Годриковой Лоцине, и там – многие будут ошеломлены – завязал крепкую дружбу не с кем иным, как с Альбусом Думбльдором.

– Он был сплошное очарование, – бормочет Батильда, – хоть и стал потом не пойми кто. Естественно, я его познакомила с бедняжкой Альбусом, тот очень скучал без сверстников. Мальчики сразу поладили.

И точно, поладили. Батильда сохранила письмо, посланное Альбусом Думбльдором Геллерту Гриндельвальду как-то ночью.

– Да-да, целый день проспорят – оба такие умницы и друзья не разлей вода, – а все равно иной раз ночью слышишь: сова стучит в окно Геллерту! Письмо от Альбуса. Мысль в голову пришла, и вот не терпится с другом поделиться!

И что за мысли! Почитатели Альбуса Думбльдора изумятся, узнав, чем именно в семнадцать лет их герой делился со своим новоиспеченным лучшим другом (снимок оригинала письма см. на стр. 463):

Геллерт,

Твой постулат о том, что колдовское господство – БЛАГО ДЛЯ МУГЛОВ, на мой взгляд – ключевой. Да, мы наделены силой, и да,

эта сила дает нам право ПРАВИТЬ, но она же налагает на нас обязанность отвечать за тех, кем мы правим. Эту мысль необходимо подчеркивать, она станет фундаментом того, что мы хотим построить. Нам, конечно, станут возражать, но этот тезис должен стать основой всех наших контраргументов. Мы захватим власть РАДИ ВЫСШЕГО БЛАГА. И следовательно, встречая сопротивление, должны применять силу лишь в пределах необходимого, не больше. (Это было твоей ошибкой в «Дурмиштранге»! Но я не жалею: если бы тебя не исключили, мы бы не встретились.)

Альбус

К потрясению и неудовольствию поклонников Альбуса Думбльдора, это письмо доказывает, что в свое время он мечтал об отмене Закона о секретности и установлении власти колдунов над муглами. Какой удар для тех, кому Думбльдор представлялся величайшим поборником прав муглорожденных! Какими пустыми кажутся речи о толерантности в свете этого нового позорного свидетельства! Сколь презренным человеком предстает нам Альбус Думбльдор, грезивший о захвате власти, когда ему следовало оплакивать мать и заботиться о сестре!

Без сомнения, неколебимые сторонники Думбльдора, упорно подпирая его крошащийся пьедестал, скажут, что, в конце концов, он ведь не привел эти планы в действие, он, должно быть, передумал, переродился. Однако правда куда чудовищнее.

Не прошло и двух месяцев с начала великой дружбы, как Думбльдор и Гриндельвальд разошлись и больше никогда не встречались вплоть до своего легендарного поединка (подробности см. в главе 22). Что стало причиной внезапного разрыва? Действительно ли Думбльдор изменил взгляды, объявил, что не желает участвовать в предприятиях Гриндельвальда? Увы, нет.

– Видно, на него подействовала смерть бедняжки Арианы, – говорит Батильда. – Ужасная беда. Геллерт был там, когда все случилось. Потом пришел, дрожит весь и говорит: хочу завтра домой. Страшно переживал. Я подготовила портилюс и больше уж Геллерта не видела... Альбус был от горя вне себя. Оба брата очень по Ариане убивались. Никого у них не осталось, только они двое.

Неудивительно, что они тогда ссорились. Аберфорс обвинял Альбуса – ну, знаете, когда несчастье случается, с людьми так бывает. Но Аберфорс, бедняга, всегда болтал невесть что. Хотя, конечно, разбивать Альбусу нос на похоронах не стоило. Кендра бы не пережила, если б увидела, как сыновья дерутся над гробом сестры. Жалко, что Геллерт не остался на церемонию... хоть поддержал бы Альбуса...

Потасовка у гроба, о которой знали только те, кто пришел на похороны Арианы Думбльдор, порождает ряд вопросов. Почему Аберфорс обвинял Альбуса в смерти сестры? Только ли в безумии горя, как считает «Бэтти с приветом»? Или для его гнева имелась причина поконкретнее? Гриндельвальд, отчисленный из «Дурмиштранга» за нападения на соучеников, едва не закончившиеся роковым образом, сбежал из страны через несколько часов после смерти девочки, и Альбус (от стыда? в страхе?) не встречался с ним, пока не был официально к тому принужден мольбами колдовской общественности.

Ни Думбльдор, ни Гриндельвальд впоследствии не упоминали о своей недолгой юношеской дружбе. Однако остается фактом, что сражение с Геллертом Гриндельвальдом Думбльдор откладывал лет пять – годы беспорядков, фатальных происшествий, исчезновений. Была ли причиной тому немеркнущая привязанность или Думбльдор опасался, что бывший лучший друг его разоблачит? Возможно, не очень-то Думбльдор и рвался ловить и обезвреживать знаменитого черного мага, которым некогда так восхищался?

И как же умерла таинственная Ариана? Стала случайной жертвой некоего обряда черной магии? Или нежелательной свидетельницей – того, например, как двое молодых людей готовятся к захвату власти и завоеванию славы? Возможно ли, что Ариана Думбльдор первой погибла во имя «высшего блага»?

На этом глава заканчивалась. Гарри поднял глаза. Гермiona дочитала раньше его. Она, словно испугавшись его гримасы, выхватила книгу и не глядя захлопнула, будто прятала непристойность.

– Гарри!..

Он молча покачал головой. Он окончательно растерялся и не знал, во что верить; то же самое было после ухода Рона. Раньше Гарри

доверял Думбльдору, считал его воплощением доброты и мудрости. Все оборотилось в прах: сколько ему еще терять? Рон, Думбльдор, волшебная палочка...

– Гарри. – Гермiona, казалось, услышала его мысли. – Послушай. Это... пакость, которую тошно читать...

– И не говори...

– ...но не стоит забывать, что автор – Рита Вридер.

– А письмо к Гриндельвальду?

– Да... письмо. – Гермiona запнулась, посидела с убитым видом, обнимая чашку замерзшими руками. – Оно хуже всего. Пусть Батильда считала, что это всего лишь разговоры, но выражение «ради высшего блага» стало лозунгом Гриндельвальда, оправданием его злодеяний. И... все выглядит так, будто идею подал Думбльдор. Говорят, надпись «Ради высшего блага» была даже выбита над воротами Нурменгарда.

– Что за Нурменгард?

– Тюрьма, которую Гриндельвальд построил для своих противников. И сам там оказался, когда Думбльдор его поймал. Ужасно думать, что... идеи Думбльдора помогли Гриндельвальду прийти к власти. Но, с другой стороны, даже Рита не смеет утверждать, что их знакомство было долгим – всего пара месяцев, и они были юные...

– Так и знал, что ты это скажешь, – ответил Гарри. Он не хотел выплескивать на нее гнев, но держать себя в руках получалось с трудом. – «Они были юные». Да они были как мы сейчас! И *мы* рискуем жизнью в борьбе с силами зла – а он с лучшим дружкой хотел захватить власть над муглами!

Его терпение иссякло: он встал и заходил кругами, стараясь успокоиться.

– Я не пытаюсь оправдать то, что он написал, – ответила Гермiona. – Его «право править» не лучше, чем «магия – это могущество». Но, Гарри, у него только что умерла мать, он остался один...

– Один? Какое там «один»! У него был брат и сестра в придачу, сестра-шваха, которую он держал под замком...

– Этому я не верю, – заявила Гермiona и тоже встала. – Не знаю, что с ней было, но – шваха? Нет. Думбльдор, которого мы знали, никогда бы не позволил...

– Думали, что знаем! А он хотел силой взять власть над муглами! – заорал Гарри, и его голос эхом разнесся над холмом. Несколько черных дроздов взмыли в воздух и, загалдев, унеслись в бледное переливчатое небо.

– Он изменился, Гарри, изменился! Вот так вот просто! Может, в семнадцать у него и были какие-то не те убеждения, зато потом он всю жизнь боролся с черной магией! И победил Гриндельвальда, и всегда защищал муглов и права муглорожденных, и с самого начала боролся с Сам-Знаешь-Кем, и умер, пытаясь его остановить!

Книга Риты лежала на земле между ними, и Альбус Думбльдор грустно улыбался им обоим.

– Гарри, прости, но мне кажется, ты злишься только потому, что он сам тебе не рассказал.

– Может быть! – выпалил Гарри и обхватил голову руками, ничего не соображая, – то ли пытался сдержать гнев, то ли защищался от невыносимого разочарования. – Но посмотри, чего он требовал от меня, Гермиона! Рискни жизнью, Гарри! И еще! И еще! Только не жди, что я тебе что-то объясню, просто доверься мне, я знаю, что делаю! Верь мне, даже если я тебе не верю! Ни разу всей правды!.. Ни разу!

Его голос сорвался. Они стояли среди белой пустоты, и смотрели друг на друга, и под необъятным равнодушным небом были, казалось Гарри, ничтожнее насекомых.

– Он любил тебя, – прошептала Гермиона. – Я точно знаю: он тебя любил.

Гарри опустил руки.

– Не знаю я, кого он любил, но точно не меня. Какая любовь, если он оставил меня в этом кошмаре. И своими драгоценными взглядами и мыслями он делился с Геллертом Гриндельвальдом, а не со мной.

Гарри поднял палочку Гермионы, которую уронил в снег, и сел у входа в палатку:

– Спасибо за чай. Я посторожу, а ты иди в тепло.

Гермиона мялась, но понимала, что ее отсылают куда подальше. Она взяла книгу и ушла в палатку. Проходя, ладонью легонько погладила Гарри по макушке. Он закрыл глаза от ее прикосновения, глубоко презирая себя за то, как страстно желает, чтобы слова Гермионы оказались правдой и Думбльдор действительно его любил.

Глава девятнадцатая

Серебряная лань

Вполночь, когда на дежурство заступила Гермиона, шел снег. В сумбурных, беспокойных снах Гарри то и дело являлась Нагини: выползала из огромного треснувшего кольца, из венка морозника... Он часто просыпался, обмирая от страха, уверенный, будто слышал чей-то зов издалека, и отчетливо различал шаги и голоса в завываниях ветра.

Кончилось тем, что он еще в темноте встал и присоединился к Гермионе. Та, притулившись у входа в палатку, при свете волшебной палочки читала «Историю магии». Густо валил снег; предложение Гарри собрать вещи и выдвинуться пораньше было встречено с радостью.

– Нужно укрытие получше, – согласилась продрогшая Гермиона, натягивая толстовку поверх пижамы. – Мне все время казалось, что снаружи кто-то ходит. И пару раз я вроде кого-то видела.

Наполовину застряв в джемпере, Гарри глянул на безмолвный и неподвижный горескоп на столе.

– Наверняка почудилось, – с тревогой продолжала Гермиона. – При таком снеге, да еще в темноте чего только не вообразишь... Но давай все-таки дезаппарируем под плащом-невидимкой? На всякий случай.

Через полчаса, сложив палатку, они дезаппарировали – Гарри с окаянтом на шее и Гермиона с бисерной сумочкой в руках. Тело привычно сдавило, ноги оторвались от пушистого снега и затем ударились обо что-то твердое: мерзлую землю, усыпанную палой листвой.

– Где мы? – спросил Гарри, озираясь; их снова окружали деревья. Гермиона уже доставала из сумки колышки для палатки.

– В Дольнем лесу, – ответила она. – Я как-то ходила сюда в поход с родителями.

Здесь тоже стоял пронизывающий холод, и деревья завалило снегом, но они хотя бы защищали от ветра. Почти весь день Гарри и Гермиона просидели в палатке, греясь над спасительным синим огнем,

который так хорошо умела создавать Гермiona, – его можно было носить с собой в баночке. Гарри казалось, он приходит в себя после быстротечной, но опасной болезни – к тому же и Гермiona заботилась о нем соответственно. Ближе к вечеру с неба опять полетели снежинки, и даже защищенную поляну припудрило свежей порошей.

После двух почти бессонных ночей все чувства Гарри обострились. Они чудом выбрались из Годриковой Лощины живыми, и Вольдеморст стал как будто ближе, страшнее. Когда стемнело, Гарри не разрешил Гермione дежурить и отправил ее спать.

Он вынес ко входу в палатку старую подушку и сел там, дрожа от холода, несмотря на то, что надел все свои свитеры. Через несколько часов тьма сгустилась непроницаемая. Гарри хотел достать Карту Каверзника и посмотреть на Джинни, но вспомнил, что сейчас рождественские каникулы, а значит, она в «Гнезде».

В бесконечной неподвижности леса становилось заметно любое движение. Гарри понимал: вокруг полно разного зверья, но хорошо бы оно тихо сидело по норам – тогда, если что, он сразу бы различил опасность. Он вспомнил, как много лет назад плащ скользил по опавшей листве, – и ему тотчас почудилось, что он опять слышит этот шорох. Гарри потряс головой. До сих пор защита прекрасно действовала, с чего бы ей сейчас отказать? Но ощущение какого-то не порядка не покидало его.

Несколько раз он, вздрагивая, просыпался. Шея болела – во сне он неловко приваливался к стенке палатки. Вокруг царила глубокая, бархатная темнота; он словно застрял в пустоте, откуда-то дезаппарировав. Гарри поднял руку, чтобы проверить, сможет ли разглядеть собственные пальцы, и тут...

Прямо перед ним засиял яркий серебристый свет и поплыл к нему между деревьями – непонятно, что это, но двигалось оно медленно и беззвучно.

Гарри вскочил – крик застрял в горле – и выставил перед собой Гермionину палочку. Он щурился: свет слепил его, превращая деревья в черные силуэты, и наплывал, наплывал...

Наконец из-за дуба показалась серебристо-белая лань, сиявшая, как луна, и зашагала по снежной целине, тихо, не оставляя следов, высоко подняв красивую голову с огромными глазами, обрамленными длинными ресницами.

Гарри неотрывно смотрел на чудесное создание, потрясенный не столько его странным появлением, сколько своим необъяснимым узнаванием. Он словно ждал эту лань, но забыл, что они уговорились встретиться, и вспомнил только теперь. Кричать, звать Гермиону расхотелось. Он твердо знал, готов был голову дать на отсечение, что лань пришла к нему, и только к нему.

Они посмотрели друг на друга, а затем лань повернулась и двинулась прочь.

– Нет, – тихо сказал он севшим от долгого молчания голосом. – Вернись!

Она неторопливо шагала меж деревьев, и вскоре ее свет исполосовали их черные стволы. Гарри сомневался лишь мгновение. Осторожность шептала: это может быть обман, ловушка, западня. Но инстинкт, всепобеждающий инстинкт, уверял: это – не черная магия! Гарри бросился за ланью.

Снег хрустел у него под ногами, но лань двигалась бесшумно – она была только светом. И она уводила Гарри все дальше в лес, и он спешил за ней в уверенности, что рано или поздно она остановится и подпустит его к себе. И тогда заговорит, и сообщит то, что ему необходимо знать.

Лань остановилась и вновь повернула свою прекрасную голову к Гарри, и он бросился к ней с одним-единственным вопросом, но, не успев он открыть рот, как лань исчезла.

Тьма поглотила ее, но силуэт отпечатался на сетчатке, горел даже под закрытыми веками и сбивал с толку. Гарри охватил страх: присутствие лани означало безопасность.

– Люмос! – прошептал он, и палочка засветилась.

Образ лани в глазах постепенно исчезал. Гарри стоял моргая и прислушивался к шорохам леса, к отдаленному потрескиванию веток и тихому шуршанию снега. На него сейчас нападут? Это была ловушка? Кто-то следит за ним из темноты?

Он поднял палочку выше. Никто на него не бросался, из-за деревьев не летели зеленые вспышки. Зачем же она привела его сюда?

Что-то блеснуло в свете палочки. Гарри развернулся, однако увидел только замерзшее озерцо под черным истрескавшимся льдом.

Он осторожно приблизился. Лед отразил его изломанную тень и свет волшебной палочки, но где-то в глубине, под мутной серой

толщей, блеснуло что-то еще. Большое, серебряное, напоминавшее крест...

Сердце Гарри подпрыгнуло к горлу. Он упал на колени и палочкой осветил дно. Вспыхнуло что-то красное... Рубины на эфесе! На дне лесного озерца покоился меч Гриффиндора.

Гарри смотрел на него, боясь дышать. Как такое возможно? Как меч оказался рядом с их лагерем? Какая неведомая магия направила сюда Гермиону? Или лань, которую он принял за Заступника, была стражем озера? А может, меч поместили в озерцо специально, когда он и Гермиона уже оказались здесь, ровно потому, что они здесь? И если так, где тот, кто хотел передать меч? Гарри вновь осветил палочкой лес вокруг, выискивая человеческий силуэт или отблеск глаз, но ничего и никого не увидел. К волнению прибавился страх. Гарри сосредоточился на мече, направил на него палочку и шепотом приказал:

– Акцио меч!

Тот не пошевелился. Впрочем, Гарри и не ждал. Когда б все так просто, меч лежал бы на берегу, а не в озере подо льдом. Он пошел вдоль ледяной кромки, вспоминая, как меч попал ему в руки в прошлый раз. Тогда Гарри в ужасной опасности просил о помощи.

– Помоги, – прошептал он, но меч по-прежнему безразлично лежал на дне.

Как тогда сказал Думбльдор, задумался Гарри (вновь зашагав по берегу). «Только истинный гриффиндорец мог вытащить меч из Шляпы». А кто такой гриффиндорец? *Им за доблесть и отвагу люди славу воздают*, ответил тихий голосок в голове.

Гарри, глубоко вздохнув, остановился. Пар от его дыхания рассеялся в морозном воздухе. Он знал, что должен делать. Почестному, заподозрил сразу, едва увидев подо льдом меч.

Он еще раз оглядел лес вокруг, уже без страха. Никто и не собирался на него нападать. Хотели бы – не ждали бы столько: он один гулял по лесу, он торчал тут на берегу озерца. Гарри медлил лишь по одной причине: очень уж неприятное дело ему предстояло.

Непослушными пальцами он начал стаскивать многочисленные свитеры. Ну и в чем здесь, спрашивается, доблесть? В том разве, что он не позвал Гермиону и не попросил сделать все за него?

Пока Гарри раздевался, где-то ухнула сова, и он с болью в сердце вспомнил Хедвигу. Его трясло, зубы стучали, но он продолжал снимать свитер за свитером и наконец остался в одном белье, босиком на снегу. Положил поверх одежды кисет с обломками палочки, письмом матери, осколком зеркала Сириуса и старым Пронырой и направил на ледяную корку волшебную палочку Гермионы:

– Диффиндо.

В тишине треск льда прозвучал как выстрел. Серая толща разошлась, ледяные обломки закачались на воде. Озеро, похоже, было неглубоко, но, чтобы достать меч, все-таки придется нырнуть.

Что же, сколько ни медли, задача не станет легче, а вода теплее. Гарри шагнул к озеру и положил светящуюся палочку Гермионы на землю. И, стараясь не думать, насколько холоднее сейчас будет и как сильно предстоит дрожать, прыгнул.

Все тело протестующе закричало. Даже воздух в легких будто замерз, когда Гарри по плечи накрыло ледяной водой. Он едва мог дышать, а тело заколотило так, что поднявшиеся волны заплескались о берег. Окоченевшей ногой Гарри нащупал меч: не хотелось бы нырять лишний раз.

Но он стоял и стоял и, дрожа, задыхаясь, оттягивал нырок, пока не приказал себе: надо. Он набрался смелости и нырнул.

Холод ожег его, как огонь; казалось, даже мозги застыли. Гарри, рассекая руками черную воду, потянулся к мечу. Пальцы сомкнулись на рукояти; Гарри потащил его вверх.

И тогда что-то сдавило ему горло. Водоросли? Он не почувствовал их, когда нырял. Свободной рукой Гарри ощупал шею. То были не водоросли: цепь окаянта натянулась и медленно душила его.

Гарри изо всех сил оттолкнулся ногами от дна, чтобы выпрыгнуть на поверхность, но его лишь закрутило и ударило о каменный берег. Брыкаясь, он в ужасе хватался за цепь, но онемевшие пальцы не могли ее ослабить. В голове замерцали огонечки – все, сейчас он утонет, и ничего нельзя сделать, и руки, сомкнувшиеся на его груди, принадлежат самой Смерти...

Гарри, давясь, отплевываясь, мокрый и промерзший насквозь, очнулся лицом в снегу. Рядом кашлял, давился и топтался кто-то еще. Гермиона – опять появилась ниоткуда, как тогда, со змеей... Но нет, и низкий кашель, и тяжесть шагов не ее, другие...

Гарри не хватало сил поднять голову и разглядеть спасителя. Он только и смог, что трясущейся рукой ощупать горло – там, куда вгрызлся медальон. Тот исчез: кто-то освободил Гарри. Затем чей-то голос над его головой, прерываясь, спросил:

– Ты что, *сбрэндил*?

Услышав этот голос, Гарри так изумился, что заново обрел силы. Дрожа всем телом, он поднялся на ноги – и увидел Рона, одетого, но мокрого до нитки, с волосами, облепившими лицо. В одной руке Рон держал меч Гриффиндора, а в другой – медальон на обрывке цепи.

– Какого рожна, – задыхаясь, выговорил Рон, держа на весу окаянт, который качался взад-вперед, будто на сеансе гипноза, – ты не снял эту пакость перед тем, как нырнуть?

Гарри потерял дар речи. Что там серебряная лань в сравнении с явлением Рона! Гарри едва верил собственным глазам. Умирая от холода, он бросился к одежде, кучей сваленной у кромки воды, и начал одеваться. Он не сводил с Рона глаз, отчасти опасаясь, что тот может исчезнуть, едва Гарри сунет голову в очередной свитер, однако Рон не мог не быть настоящим: он только что нырнул в озеро и спас Гарри жизнь.

– Т-так это т-ты? – стуча зубами, произнес Гарри; голос его после удушения ослабел.

– Ну... да, – смешался Рон.

– Т-ты вызвал лань?

– Что? Нет, конечно! Я думал, она твоя!

– Мой З-заступник – олень.

– Ах да. То-то я смотрю, он без рогов.

Гарри надел на шею Огридов кисет, натянул последний свитер, поднял с земли палочку Гермионы и вновь обратился к Рону:

– Откуда ты взялся?

Рон явно рассчитывал, что этот вопрос будет задан позже, а лучше бы – никогда.

– Ну, я... Короче... Вернулся. Если, конечно... – Он откашлялся. – Короче... Если я вам еще нужен.

Возникла пауза. На миг дезертирство Рона встало между ними невидимой стеной. Но теперь Рон был здесь, он вернулся – и только что спас жизнь Гарри.

Рон посмотрел на свои руки и словно бы удивился, что это за вещи он держит.

– Ах да... Я его достал, – сказал он, хотя в объяснении не было надобности, и поднял меч выше. – Ты ведь за ним нырял?

– Да, – кивнул Гарри. – Но я не понимаю, как ты попал сюда? Как нашел нас?

– Длинная история. Искал вас много часов, лес-то большой. Хотел уж прикорнуть под деревом, дожждаться утра, но тут увидел оленя и тебя тоже.

– А кого-нибудь еще видел?

– Нет, – ответил Рон. – Я...

Он замолчал в нерешительности, глядя на два дерева неподалеку.

– Вон там вроде что-то шевельнулось, но я на бегу заметил, ты нырнул и не выныривал, и мне было не до... Эй, куда!

Гарри бросился туда, где жались друг к другу два дуба – между стволами расщелина в пару дюймов на уровне глаз. Идеальное место для слежки. Но на земле у корней снега не было, и следов Гарри не увидел. Он вернулся к Рону, так и стоявшему с мечом и окаянтом в руках.

– Есть что-нибудь? – спросил Рон.

– Нет.

– А как меч попал в озеро?

– Кто вызвал Заступника, тот его туда и положил.

Оба посмотрели на красивый серебряный меч. Эфес поблескивал рубинами в свете Гермиониной волшебной палочки.

– Думаешь, настоящий? – спросил Рон.

– Есть только один способ узнать, – отозвался Гарри.

Окаянт, слегка подергиваясь, болтался у Рона в руке. Похоже, то, что жило внутри, занервничало. Почуяло меч и хотело убить Гарри, не дать ему завладеть оружием. Времени для дискуссий не оставалось: надо уничтожить эту пакость раз и навсегда. Гарри огляделся, высоко держа палочку, нашел подходящее место – плоский камень под платаном – и направился к нему.

– Иди сюда, – позвал он Рона, смел с камня снег и протянул руку за окаянтом. Рон предложил ему и меч, но Гарри помотал головой:

– Нет. Давай ты.

– Я? – изумился Рон. – Почему?

– Потому что ты достал меч из озера. Тебе и честь.

Гарри сказал так не из благородства и не по доброте. Он твердо знал, что уничтожить окаянт полагается Рону, как знал, что лань – не порождение сил зла. Есть особые виды магии, и неоценима сила некоторых символических поступков – этому, по крайней мере, Думбльдор Гарри научил.

– Я его открою, – продолжал Гарри, – а ты ударишь. Только сразу, хорошо? Что бы там ни оказалось, оно будет сопротивляться. Кусочек Реддля из дневника пытался меня убить.

– А как ты его откроешь? – испуганно спросил Рон.

– Попрошу открыться на серпентарго. – Ответ пришел быстро, будто Гарри всегда его знал: возможно, помогла недавняя встреча с Нагини. Он посмотрел на змееподобную «С», выложенную сверкающими зелеными камнями, и с легкостью представил, что это миниатюрная змейка, свернувшаяся на холодном камне.

– Подожди! – вскричал Рон. – Не открывай! Я серьезно!

– Почему? Давай избавимся от этой дряни! Столько месяцев...

– Я не могу, Гарри! Честно! Лучше ты...

– Но почему?

– Потому что эта дрянь для меня опасна! – воскликнул Рон, пятясь от медальона. – Я с ней справиться не могу! Я не оправдываюсь, я себя вел как придурок, но она влияет на меня сильнее, чем на вас с Гермионой, вот честно! Заставляет думать такое... такое, что я и так думаю, только намного хуже! Не могу объяснить... но когда я эту фигню снимал... все опять было в порядке... а потом приходилось снова надевать и... Нет, не могу, Гарри, не могу!

Мотая головой, он отступал все дальше, волоча меч по земле.

– Можешь, – твердо сказал Гарри. – Очень даже можешь! Ты достал меч – тебе и воевать. Пожалуйста, просто прикончи эту гадость, и все, Рон.

Услышав свое имя, Рон встряхнулся. Он сглотнул и, громко сопя, шагнул ближе.

– Скажи когда, – хрипло попросил он.

– На счет три. – Гарри, глядя на медальон, прищурился и сосредоточился на изогнутой «С». Содержимое медальона трепыхалось, как пойманный таракан. Гарри, наверное, пожалел бы

его, если бы не порез на шее, который до сих пор жгло. – Раз... Два... Три... *Откройся!*

Последнее слово прозвучало как шипение и рык. Золотые крышечки медальона, щелкнув, распахнулись.

За обоими стеклышками скрывалось по живому, мигающему глазу, темному и красивому – глаза Тома Реддля до того, как он превратил их в красные, с узкими зрачками.

– Бей! – приказал Гарри, удерживая медальон на камне.

Рон трясущимися руками поднял меч. Глаза медальона отчаянно вращались под нависшим острием. Гарри цепко держал окаянт, готовясь к удару, уже представляя, как хлынет кровь из пустых крышечек.

И вдруг окаянт зашипел:

– *Я видел твое сердце, и оно принадлежит мне...*

– Не слушай! – закричал Гарри. – Бей!

– *Я знаю твои мечты, Рональд Уизли, и твои страхи. Все, чего ты желаешь, – возможно! Но возможно и то, чего ты боишься...*

– Бей! – завопил Гарри, и его голос эхом разнесся по лесу. Острие меча дрогнуло. Рон уставился в глаза Реддля.

– *Твоя мать хотела дочку и тебя любила меньше всех... Твоя девушка предпочла твоего друга... Ты всегда второй, всегда в тени...*

– Рон, бей! – взревел Гарри. Он чувствовал, как дрожит медальон, и боялся того, что сейчас произойдет. Рон поднял меч выше, и глаза Реддля вспыхнули красным.

Из окошек медальона, из глаз, двумя уродливыми пузырями выплыли причудливо искаженные головы Гарри и Гермионы.

Рон потрясенно вскрикнул и отшатнулся. Две фигуры выросли над окаянтом; сначала плечи, затем тела, ноги – два человека в полный рост встали плечом к плечу, словно деревья с одним корнем, закачались над Роном и настоящим Гарри, который отдернул руки от медальона, внезапно раскалившегося добела.

– Рон! – крикнул он, но Реддль-Гарри заговорил голосом Вольдеморта, и Рон как замороженный смотрел ему в лицо.

– *Зачем ты вернулся? Нам было лучше без тебя, мы были счастливы без тебя, мы радовались, что тебя нет... Мы смеялись над твоей глупостью, твоей трусостью, твоей самонадеянностью...*

– *Самонадеянность!* – эхом повторила Гермиона-Реддль, намного красивее и ужаснее настоящей. Хихикая, она закачалась перед Роном, который потрясенно застыл, беспомощно опустив меч: – *Да кто на тебя посмотрит, кто обратит внимание, когда рядом сам Гарри Поттер? Что ты вообще такое по сравнению с Избранным? Кто ты рядом с мальчиком, который остался жив?*

– Рон! Бей! БЕЙ!!! – Гарри орал во весь голос, но Рон не шевелился. В широко раскрытых глазах отражались Реддль-Гарри и Реддль-Гермиона – их волосы развевались языками пламени, глаза светились красным, а голоса разрастались страшным дуэтом.

– *Твоя мать призналась,* – засмеялся Реддль-Гарри, а Реддль-Гермиона ухмыльнулась, – *что в сыновья предпочла бы меня, с радостью поменяла бы...*

– *И кто же не предпочтет его? Какой женщине нужен ты? Ты ничто, ничто, ничтожество рядом с ним!* – пропела Реддль-Гермиона и, вытянувшись змеей, обвилась вокруг Реддль-Гарри, сжав его в тесном объятии. Их губы встретились.

Лицо Рона переполнилось страданием. Дрожащими руками он высоко поднял меч.

– Давай, Рон! – закричал Гарри.

Рон глянул на него, и Гарри померещилось, что в глазах друга блеснул красный отблеск.

– Рон?..

Меч сверкнул и опустился. Гарри отскочил, лязгнув металл, раздался долгий, протяжный вой. Гарри круто развернулся, поскользнувшись на снегу, с палочкой наготове, но сражаться было не с кем.

Чудовищные фантомы исчезли. Рон стоял, бессильно опустив меч, взглядом упершись в останки медальона на плоском камне.

Гарри медленно подошел, не зная, что сказать, что сделать. Рон тяжело дышал. Его глаза были уже не красными, а обычными, голубыми – и влажными.

Гарри, притворившись, будто не заметил, нагнулся и подобрал уничтоженный окаянт. Рон разбил стекла в обеих половинках. Глаза Реддль пропали; запятнанный шелк подкладки чуть-чуть дымился. Напоследок подвергнув Рона тяжелой пытке, то, что жило внутри, умерло.

Меч выскользнул из руки Рона и с кляцаньем упал. Рон рухнул на колени, обхватив голову руками. Он мелко дрожал, и вовсе не от холода. Гарри сунул разбитый медальон в карман, присел рядом и осторожно положил руку Рону на плечо. Тот ее не сбросил – хороший знак.

– Когда ты ушел, – тихо начал Гарри, радуясь, что не видит лица Рона, – она проплакала неделю. Может, и больше, только от меня скрывала. А по вечерам мы вообще почти не разговаривали. Без тебя...

У него перехватило горло – лишь теперь, когда Рон снова был рядом, Гарри осознал, чего им стоил его уход.

– Она мне как сестра, – продолжил он, справившись с волнением. – Я люблю ее как сестру и знаю, что она ко мне чувствует то же самое. Так было всегда. Я думал, ты знаешь.

Рон не ответил, но отвернулся, хлюпнул носом и вытерся рукавом. Гарри вновь поднялся и направился к огромному рюкзаку Рона, который тот бросил, когда бежал спасать Гарри. Вскинул рюкзак на плечи, возвратился к Рону. Тот встал с земли. Глаза его были красноваты, но в целом он взял себя в руки.

– Прости... – выдавил он. – Я был дурак, что ушел. И не дурак, а...

Он обвел взглядом окружающую тьму, будто надеясь, что оттуда выскочит и приклеится к нему достаточно яркое определение.

– Ну, за это ты сегодня вроде как расплатился, – ответил Гарри. – Добыл меч. Уничтожил окаянт. Спас мне жизнь.

– Звучит круче, чем было на самом деле, – пробормотал Рон.

– А это всегда так, – сказал Гарри. – Сто лет пытаюсь тебе объяснить.

Они одновременно шагнули навстречу друг другу и обнялись. Гарри сжал руками еще мокрую куртку Рона.

– А теперь, – произнес Гарри, отстраняясь, – осталось только найти палатку.

Это оказалось не сложно. Путь, показавшийся длинным, когда Гарри один шел через темный лес за ланью, в компании Рона занял на удивление мало времени. Гарри не терпелось разбудить Гермиону, и в палатку он вошел в радостном возбуждении; Рон держался чуть позади.

После озера и леса здесь было восхитительно тепло; в чашке на полу тихо мерцал синий огонь. Гермиона спала, свернувшись под

одеялами, и на оклики Гарри отозвалась не сразу.

– *Гермиона!*

Она вздрогнула и вскочила, отбросив с лица волосы:

– Что? Что случилось? Гарри? Все нормально?

– Да-да, все хорошо. Даже великолепно! И со мной еще кое-кто.

– То есть? Кто?..

Она увидела Рона. Тот с мечом в руке стоял на протертом ковре, и с него капала вода. Гарри ретировался в темный угол, снял рюкзак и, насколько мог, слился с брезентовой стенкой.

Гермиона соскользнула с кровати и, как лунатик, пошла к Рону, приоткрыв рот и не сводя распахнутых глаз с его бледного лица. Остановилась перед ним. Он робко, с надеждой улыбнулся и слегка развел руками.

Гермиона бросилась на него и заколотила всюду, куда могла дотянуться.

– Ой! Ай! Отстань!.. Ты чего?.. Гермиона! Ай!

– Какая! Же! Ты! Задница! Рональд! Уизли!

Каждое слово она подтверждала ударом. Рон отступал, прикрывая голову, но Гермиона не унималась:

– Приполз! Обратно! Столько! Времени! Прошло! *О-о, где моя палочка?!*

Она посмотрела так, будто хотела вырвать ее из рук Гарри, и тот среагировал инстинктивно:

– Протего!

Между Роном и Гермионой встал невидимый щит. Гермиону отбросило назад, и она упала на пол. Выплевывая волосы изо рта, тут же вскочила.

– Гермиона, – сказал Гарри. – Успоко...

– Не успокоюсь! – заорала она. Никогда еще он не видел, чтоб она настолько выходила из себя; она как будто совсем обезумела. – Верни мою палочку! *Сейчас же!*

– Гермиона, пожалуйста...

– Не учи меня, Гарри Поттер! – завизжала она. – Нечего! Давай сюда сию минуту! А ты!!!

Она ожгла Рона взглядом – страшным, страшнее проклятия. Неудивительно, что бедняга попятился.

– Я бежала за тобой! Звала! Умоляла вернуться!

– Знаю, – покаянно сказал Рон. – Гермиона, прости, мне правда...

– Ах, *прости!*

Она пронзительно, истерически расхохоталась. Рон посмотрел на Гарри, прося о помощи, но тот лишь бессильно скривился.

– Столько недель прошло! *Недель!* И ты полагаешь, что достаточно сказать «прости» – и все наладится?

– А что еще мне сказать? – завопил Рон. Гарри порадовало, что друг не сдается.

– Не знаю! – с жутким сарказмом выкрикнула Гермиона. – Покопайся в мозгах, Рональд! Благо тебе это недолго, не больше пары секунд!

– Гермиона! – вмешался Гарри, посчитав это ударом ниже пояса. – Рон только что спас...

– Мне все равно! – рявкнула она. – Мне плевать на его заслуги! Столько времени! Мы давно могли *сдохнуть*, а он бы и не узнал!

– Я знал, что вы живы! – взревел Рон, впервые повышая голос и приближаясь, насколько позволяло заградительное заклятие. – Про Гарри пишут в «Оракуле», говорят на радио, ищут его везде, кругом всякие чокнутые слухи, рассказы! Я бы моментально узнал, если б вы погибли! Вы не понимаете, каково мне было...

– Каково было *тебе?!*

Ее голос сорвался почти что на ультразвук – еще чуть-чуть, и услышат одни летучие мыши, – но тут от негодования она вовсе потеряла дар речи, чем Рон и воспользовался:

– Я хотел вернуться сразу, как только дезаппарировал, честно, Гермиона, но угодил в лапы к Отлов-отряду и не смог выдраться!

– К кому? – переспросил Гарри, а Гермиона упала в кресло и как-то так переплела руки и ноги, что казалось, их не расплести уже никогда.

– Отловщикам, – повторил Рон. – Они повсюду! Делают денежки на ловле муглорожденных и предателей крови. Министерство дает награду. Я был один и по виду школьник, они и обрадовались, решили, что я муглорожденный в бегах. Пришлось наврать, а то бы сволокли в министерство.

– А что ты сказал?

– Что я Стэн Самосвалыт. Первое, что пришло в голову.

– И они поверили?

– Ну, они не так чтобы гении. А один, по-моему, вообще полутролль: запашок от него шел...

Рон глянул на Гермиону, определенно рассчитывая шуткой отвоевать хотя бы долю бывшего расположения, но ее лицо осталось каменным, и сама она не пошевелилась.

– Они долго спорили, Стэн я или нет. Видок у них, если честно, был довольно жалкий, но все-таки – их пятеро, а я один, и у меня отобрали палочку. Потом двое подрались, а остальные поразевали рты, ну я и врезал под дых тому, кто меня держал, выхватил его палочку, разоружил другого, который сцапал мою, и дезаппарировал. Не слишком удачно, опять разомкнулся, – Рон предъявил два пальца правой руки без ногтей, и Гермиона холодно подняла брови, – и промахнулся на несколько миль. А пока до вас добирался... вы уже ушли.

– История, леденящая кровь! – воскликнула Гермиона высокомерно, как всегда, когда хотела побольнее уязвить. – Как же тебе досталось, бедняжке! И все это, пока мы таскались в Годрикову Лощину, и дайте-ка вспомнить, что же мы там делали, Гарри? Ах да, там нас всего-навсего чуть не убила змея Сам-Знаешь-Кого, а через секундочку и он сам пожаловал, только нас уже не застал!..

– *Что?!* – потрясенно вскричал Рон. Его взгляд заметался между Гермионой и Гарри.

Гермиона словно не услышала.

– Представь, Гарри: лишиться целых двух ногтей! Наши беды в сравнении просто меркнут!

– Гермиона, – тихо проговорил Гарри. – Рон сейчас спас мне жизнь. Но она и этого не услышала.

– Одно я хотела бы знать, – ее глаза будто сверлили дыру в воздухе над головой Рона, – как ты нас нашел? Это важно. Чтобы обезопасить себя от других нежелательных визитов.

Рон ожег ее взглядом и достал из кармана джинсов маленький серебряный предмет.

– Вот.

Что поделаешь, Гермионе пришлось скользнуть по нему глазами.

– Мракёр? – изумилась она, на секунду забыв свой гнев.

– Он не просто включает и выключает свет, – объяснил Рон, – а еще и... Я не знаю, как это устроено и почему сработало только сейчас, а

не раньше, я ведь с самого начала хотел вернуться... Но факт тот, что рано утром в Рождество я включил радио и услышал... услышал... тебя.

Он смотрел на Гермиону.

– Меня по радио? – недоверчиво переспросила она.

– Нет, из кармана. Твой голос, – Рон еще раз показал мракёр, – из этой вот штуки.

– И что же я говорила? – поинтересовалась Гермиона. Непонятно, чего было больше в ее тоне: скепсиса или любопытства.

– Ты позвала меня: «Рон». А еще... что-то про волшебную палочку...

Гермиона густо покраснела. Гарри вспомнил: в тот день они впервые после ухода Рона вслух упомянули его имя. Гермиона тогда сказала, что починить палочку Гарри не удастся.

– Я достал его, – продолжал Рон, глядя на мракёр, – и на вид он был как всегда, ничего нового, но я совершенно точно слышал твой голос. Короче... я щелкнул. И тогда свет в комнате погас, зато зажегся другой, за окном.

Рон свободной рукой указал перед собой; его взгляд сосредоточился на том, чего ни Гарри, ни Гермиона не видели.

– Такой пульсирующий световой шар, голубоватый, вот как вокруг портшлюсов, понимаете?

– Да, – автоматически в один голос ответили Гарри и Гермиона.

– Я понял: это оно, – сказал Рон, – быстро собрал барахло, взял рюкзак и вышел в сад. Шар висел в воздухе и поджидал меня. Увидел и поплыл вперед. Я – за ним, а потом он... короче, он оказался во мне.

– Что-что? – переспросил Гарри, решив, что плохо расслышал.

– Он подплыл, – объяснил Рон, для наглядности рисуя в воздухе траекторию движения шара, – вот сюда, к груди, и как бы проник внутрь. Он был где-то здесь. – Рон указал на сердце. – Горячий такой. Я его чувствовал. И как только он оказался внутри, я понял, что надо делать. Знал, что он отведет куда нужно. Я аппарировал и попал на склон холма. Все снегом завалено...

– Мы там были, – перебил Гарри, – целых две ночи! И всю вторую ночь я слышал, как кто-то зовет меня из темноты!

– Короче, это был я, – сказал Рон. – Так или иначе, ваша защита действовала: я вас не видел и не слышал. Но был уверен, что вы рядом,

и в конце концов забрался в спальник и стал ждать, пока кто-нибудь из вас не покажется. Например, когда начнете собирать палатку.

– Ну, мы обошлись без этого, – ответила Гермиона. – Аппарировали под плащом-невидимкой, из осторожности. И очень рано, потому что слышали, как вокруг кто-то бродит.

– А я весь день просидел на холме, – ответил Рон. – Все надеялся, вы появитесь. Но когда стало темнеть, понял, что упустил вас, и опять щелкнул мракёром. Появился голубой свет, вошел в меня, я аппарировал и попал в этот лес. Но все равно вас не видел. Понадеялся на удачу, и в итоге появился Гарри. Ну то есть сначала, естественно, лань.

– Кто? – вскинулась Гермиона.

Они рассказали, как все было. Слушая про серебряную лань и меч в озере, Гермиона хмуро смотрела то на Гарри, то на Рона в такой сосредоточенности, что забылась и расплела руки-ноги.

– Но это же был Заступник! – воскликнула она. – Вы видели, кто его вызвал? Кого-нибудь вообще видели? Заступник привел вас к мечу! Невероятно! А дальше?

Рон поведал, как увидел, что Гарри прыгает в озеро, и ждал, когда тот вынырнет, а потом понял, что дело плохо, и нырнул, и спас Гарри, а после еще вернулся за мечом. Добравшись до того, как медальон открылся, Рон смущенно замолчал, и Гарри закончил за него:

– ...и Рон ударил его мечом.

– И... окаянт умер? Так просто? – прошептала Гермиона.

– Ну, он... оно... повопило, конечно, – сказал Гарри, глянув на Рона. – Смотри.

Он бросил медальон Гермионе на колени. Она осторожно взяла обломки, посмотрела на разбитые окошки.

Гарри, решив, что теперь можно, взмахом ее палочки снял заградительное заклятие и повернулся к Рону:

– Ты говорил, что прихватил у Отловщиков лишнюю палочку?

– Что? – не понял тот. Он не отрывал взгляда от Гермионы, изучавшей медальон. – А! Да.

Он открыл рюкзак и достал из кармашка короткую темную палочку.

– Вот. Подумал, запас карман не тянет.

– И верно. – Гарри протянул руку. – А то моя сломалась.

– Шутить? – изумился Рон. В этот миг Гермиона встала, и он опасливо на нее покосился.

Гермиона спрятала уничтоженный окаянт в бисерную сумочку и, не говоря ни слова, забралась в постель. Рон отдал Гарри новую палочку.

– Могло быть хуже, – шепнул тот.

– Да, – ответил Рон. – Это точно. Помнишь, как она птиц на меня наслала?

– На твоём месте я бы пока не расслаблялась, – глухо донесся из-под одеял голос Гермионы, но Гарри увидел, что Рон, вытаскивая из рюкзака бордовую пижаму, слегка улыбается.

Глава двадцатая

Ксенофил лавгуд

Гарри не ждал, что за ночь Гермиона сменит гнев на милость, поэтому утром не удивлялся ни ее суровым взглядам, ни подчеркнутому молчанию. Рон, усердно демонстрируя раскаяние, при ней был неестественно мрачен. Ни дать ни взять похороны, на которые почти никто не пришел, сердился Гарри. Впрочем, в те редкие минуты, когда они с Роном оставались вдвоем (таскали воду или искали грибы в подлеске), тот сразу же начинал бессовестно веселиться.

– Кто-то нам помог, – твердил он. – Послал лань. Кто-то за нас. И, друг, уже одним окаянтом меньше!

Воодушевленные уничтожением медальона, они вновь, как раньше, обсуждали, где могут находиться другие окаянты. Гарри верил, что дальше все пойдет только лучше, и даже угрюмая мина Гермионы не лишала его оптимизма. Неожиданная удача, появление таинственной лани, возвращение меча Гриффиндора, а главное Рона, наполняли Гарри таким счастьем, что ходить с постной физиономией просто не получалось.

Ближе к вечеру они с Роном опять сбежали от Гермионы – якобы поискать несуществующую чернику в облетевших кустах – и продолжили обмениваться новостями. Гарри наконец в подробностях рассказал Рону о скитаниях с Гермионой и о том, что произошло в Годриковой Лощине. Рон, в свою очередь, поведал, что творится в колдовском мире.

– Да, а как вы узнали про Табу? – спросил он после очередной истории о том, как трудно муглорожденным прятаться от министерства.

– О чем?

– Ну и ты, и Гермиона перестали называть Сам-Знаешь-Кого по имени.

– Да это просто дурная привычка. Очень уж заразная, – отмахнулся Гарри. – Я запросто могу называть его Во...

– НЕТ! – заорал Рон.

Гарри отпрянул и угодил в заросли ежевики, а Гермиона, поглощенная чтением, бросила на них недовольный взгляд от входа в палатку.

– Извини, – Рон помог Гарри выбраться из кустов, – просто на имя наложено заклятие. Так они отслеживают людей! Произносишь имя – разрушаются защитные чары, идут как бы магические волны. Нас так и нашли на Тотнэм-Корт-роуд!

– Потому что мы назвали его *по имени*?

– Да! Надо отдать им должное, в этом есть смысл. Только те, кто взаправду с ним борется, вроде Думбльдора, не боятся произносить имя вслух. Теперь на имя наложили Табу. Скажешь – и тебя вычислят! Быстрый и легкий способ расправиться с Орденом! Чуть не схватили Кингсли...

– Серьезно?!

– Еще как! Билл говорил, свора Упивающихся Смертью зажала Кингсли в угол, но тот сумел вырваться. Теперь в бегах, как мы. – Рон задумчиво почесал подбородок кончиком палочки. – Может, это он послал лань?

– Его Заступник – рысь, мы видели на свадьбе, помнишь?

– Ах да...

Они побрели дальше вдоль зарослей, прочь от палатки и Гермионы.

– Гарри... как думаешь, может, это Думбльдор?

– Что Думбльдор?..

Рон слегка смутился, но тихо продолжил:

– Послал лань? В смысле, – Рон искоса посмотрел на Гарри, – это же он последним держал настоящий меч?

Гарри не стал смеяться над Роном, прекрасно понимая, что кроется за нелепым вопросом. Насколько спокойнее было бы, если бы Думбльдор чудесным образом вернулся и присматривал за ними! Гарри покачал головой.

– Думбльдор погиб, – сказал он. – У меня на глазах. Я видел тело, он точно был мертв. И в любом случае его Заступник – феникс, не лань.

– Но Заступник ведь может меняться? – спросил Рон. – Заступник Бомс изменился, так?

– Да, но если Думбльдор жив, почему бы ему самому не появиться? Почему просто не передать нам меч?

– Мне почем знать, – ответил Рон. – Все потому же, почему он не отдал его тебе, пока был жив. Почему завещал тебе Проныру, а Гермионе – детские сказки.

– И почему же? – Гарри уставился Рону в лицо, отчаянно мечтая получить ответ.

– Не знаю! Иногда, от усталости, я думал, что он издевался – или хотел усложнить задачу. Но больше я так не считаю. Он ведь знал, что делает, когда оставлял мне мракёр. Он... хм... – Уши Рона ярко покраснели, и он сосредоточенно воззрился себе под ноги, пиная пучок травы, – кажется, знал, что я от вас убегу.

– Нет, – поправил Гарри, – он знал, что ты всегда захочешь вернуться.

Рон ответил благодарным, хоть и смущенным взглядом. Гарри, отчасти чтобы сменить тему, спросил:

– А ты в курсе, что о нем написала Вритер?

– Да уж! Про это много говорят. Конечно, будь все по-другому, вышла бы сенсация – Думбльдор, да дружил с Гриндельвальдом. Но сейчас это так... повод позубоскалить, если Думбльдор не нравился, и легкая пощечина, если ты считал его хорошим человеком. Я вообще не уверен, что это дико важно. Все-таки он был совсем мальчик...

– Нашего возраста, – оборвал Гарри его, как прежде Гермиону, и что-то в его лице заставило Рона умолкнуть.

На кусте ежевики замерзла паутина – в центре сидел большой паук. Гарри нацелил на него новую палочку, которую Гермиона соблаговолила осмотреть и определила как терновую.

– Энгоргио!

Паук вздрогнул. Гарри попробовал еще раз. Паук слегка увеличился.

– Прекрати, – бросил Рон. – Прости, что я не то сказал про Думбльдора, и вообще...

Гарри забыл, что Рон терпеть не может пауков.

– Извини... Редуцио.

Паук не уменьшился. Гарри посмотрел на терновую палочку. Каждое ерундовое заклинание с ней стоило бóльших усилий и оказывалось менее действенным, чем с его старой палочкой. Эта была

неприятной и незнакомой, будто чужая кисть, пришитая к его запястью.

– Просто нужно попрактиковаться, – сказала Гермиона. Она бесшумно подошла сзади и с беспокойством наблюдала за попытками Гарри увеличить и уменьшить паука. – Главное – уверенность, Гарри.

Он знал, почему ей хочется так считать: она все еще винила себя за то, что сломала его палочку. Он сдержался и не стал предлагать ей, раз уж нет разницы, обменять свою палочку на терновую. Ради общего мира и спокойствия Гарри кивнул, но, когда Рон нерешительно улыбнулся Гермионе, та гордо отошла и опять спряталась за книгой.

С наступлением сумерек все вернулись в палатку. Гарри дежурил первым. Сидя у входа, он заставлял левитировать камешки под ногами, но ему по-прежнему казалось, что теперь он колдует неловко, неуклюже.

Гермиона лежала на кровати и читала, а Рон, тысячу раз нервно посмотрев на Гермиону, достал из рюкзака небольшой деревянный радиоприемник и попытался его настроить.

– Есть одна станция, – шепнул он Гарри, – передает новости как на самом деле. Остальные переметнулись к Сам-Знаешь-Кому и поддерживают министерство, но эта... Подожди, сам услышишь, это кайф. Только они не могут выходить в эфир каждую ночь, мотаются все время, чтоб не выследили, и для настройки требуется пароль... Беда в том, что последний выпуск я пропустил...

Он легонько постучал волшебной палочкой по приемнику, наугад шепча слова и то и дело украдкой посматривая на Гермиону, явно опасаясь ее гнева. Но для нее он словно был пустым местом. Минут десять Рон постукивал и бормотал, Гермиона переворачивала страницы, а Гарри учился колдовать терновой палочкой. Наконец Гермиона встала с кровати. Рон моментально прекратил постукивать.

– Если тебя раздражает, я не буду! – испуганно сказал он.

Гермиона не снисошла до ответа, но приблизилась к Гарри и объявила:

– Надо поговорить.

Он посмотрел на томик в ее руках: «Жизнь и ложь Альбуса Думбльдора».

– Что? – спросил он, не ожидая ничего хорошего. Он мельком вспомнил, что в книге есть глава и про него. Гарри сомневался, что

готов узнать, каковы, с точки зрения Риты, были его отношения с Думбльдором. Но ответ Гермионы его удивил:

– Я хочу встретиться с Ксенофилом Лавгудом.

Гарри уставился на нее:

– Что?

– С Ксенофилом Лавгудом, отцом Луны. Я хочу с ним поговорить!

– А... зачем?

Она сделала глубокий вдох, словно набираясь терпения, и сказала:

– Знак. Знак в «Сказках барда Бидля». Смотри!

Она сунула «Жизнь и ложь Альбуса Думбльдора» под нос Гарри, и тот против воли уставился на снимок оригинала письма Думбльдора к Гриндельвальду. До боли знакомый тонкий наклонный почерк, стопроцентное доказательство авторства Думбльдора. Рита ничего не придумала. Гарри отвратительно было это видеть.

– Подпись, – пояснила Гермиона. – Обрати внимание на подпись.

Сначала Гарри не понял, о чем речь, но, приглядевшись в свете волшебной палочки, увидел, что «А» в своем имени Думбльдор заменил таким же треугольным значком, какой кто-то нарисовал в «Сказках барда Бидля»...

– И... что это зна?... – осторожно начал Рон, но Гермиона истребила его взглядом и снова обратилась к Гарри:

– Опять он. Виктор считает, это знак Гриндельвальда, но этот же знак мы видели и на старой могиле в Годриковой Лощине, а дата смерти на надгробье такая, когда никакого Гриндельвальда в помине не было! А теперь вот здесь! У Думбльдора с Гриндельвальдом ничего не узнаешь – неизвестно, кстати, жив ли Гриндельвальд, – зато у нас есть мистер Лавгуд! На свадьбу он пришел с таким амулетом. Я уверена, Гарри, это важно!

Гарри ответил не сразу. Он посмотрел на Гермиону – ее лицо горело нетерпением – и задумчиво уставился в темноту. Наконец после долгой паузы он произнес:

– Нам не нужна еще одна Годрикова Лощина. Мы себя уговорили, что нам туда надо, и...

– Но знак вылезает повсюду! Думбльдор оставил мне «Сказки барда Бидля»! Это ли не подсказка?..

– Ну вот, опять! – разозлился Гарри. – Всюду ищем его намеки да подсказки...

– Мракёр оказался очень полезен, – подал голос Рон. – По-моему, Гермиона права: надо навестить Лавгуудов.

Гарри ответил мрачным взглядом. Ему было предельно ясно: Рон поддерживает Гермиону вовсе не потому, что мечтает побольше разузнать о треугольной руне.

– Как в Годриковой Лощине не будет, – добавил Рон. – Лавгуды на твоей стороне. «Правдобор» всегда выступал за тебя и сейчас призывает тебе помогать!

– Я уверена, что это важно! – убежденно повторила Гермиона.

– Если уж настолько, Думбльдор бы мне сказал, тебе не кажется?

– Может, и да... А может, ты сам должен выяснить! – ответила она, довольно явно хватаясь за соломинки.

– Да-да, – заискивающе подхватил Рон, – здесь определенно есть смысл.

– Нет здесь никакого смысла! – рявкнула Гермиона. – Но все равно, надо поговорить с мистером Лавгудом. Символ, который объединяет Думбльдора, Гриндельвальда и Годрикову Лощину! Гарри, обязательно надо узнать, в чем тут дело!

– Я считаю, надо проголосовать, – объявил Рон. – Кто за то, чтобы навестить Лавгуудов?..

Он поднял руку первым. Губы Гермионы подозрительно задрожали, когда она вскинула свою.

– Перевес на нашей стороне, Гарри. Прости. – Рон хлопнул его по спине.

– Великолепно, – бросил Гарри, досадуя и одновременно смеясь. – Только сразу после Лавгуда начнем искать другие окаянты, хорошо? А где они вообще живут? Кто-нибудь знает?

– Да, недалеко от меня, – ответил Рон. – Не знаю, где точно, но мама с папой, когда о них говорят, всегда показывают на холмы. Вряд ли их очень трудно найти.

Когда Гермиона снова легла, Гарри, понизив голос, сказал:

– Ты согласился, только чтобы с ней помириться!

– На войне и в любви все средства хороши, – радостно отозвался Рон. – А тут и то и другое. Веселей, сейчас рождественские каникулы, Луна будет дома!

С замерших холмов, куда они аппарировали утром, открывался прекрасный вид на деревню Колготтери Сент-Инспекторт. С высоты, в

косых лучах солнца, пробивавшихся сквозь облака, дома казались игрушечными. Все трое постояли пару минут, прикрывая глаза ладонями и глядя на «Гнездо», но разглядели только высокую изгородь и деревья в саду, которые защищали кособокий дом от глаз муглов.

– Странно: оказаться так близко и не навестить, – пробормотал Рон.

– Можно подумать, ты их сто лет не видел! Ты же был здесь на Рождество, – холодно заметила Гермиона.

– Я не был в «Гнезде», – усмехнулся Рон. – По-твоему, я мог явиться и сказать им, что бросил вас? Вот бы Фред с Джорджем обрадовались! А уж Джинни точно бы поддержала!

– Где же ты был? – удивилась Гермиона.

– У Билла и Флёр. В «Ракушке», их новом доме. Билл всегда ко мне хорошо относился. Он, конечно, тоже не похвалил, когда узнал, что я сделал, но не занудствовал. Понимал, что я и так переживаю. И никто из семьи не знает, что я у них появлялся. Билл сказал маме, что они с Флёр не приедут на Рождество, хотят побыть одни. Типа первый семейный праздник и все такое. Флёр, честно говоря, не расстроилась. Вы же знаете, она ненавидит Прельстину Солоуэй.

Рон повернулся к «Гнезду» спиной.

– Давайте сюда, – сказал он, направляясь к вершине холма.

Они шли несколько часов; Гарри, по настоянию Гермионы, под плащом-невидимкой. На двух низких холмах, похоже, никто не жил – нашелся лишь один маленький коттедж, да и тот заброшенный.

– Думаете, это их? Они что, уехали на Рождество? – Гермиона через окошко с геранью на подоконнике осмотрела кухню.

Рон фыркнул.

– По-моему, дом Лавгуудов мы бы через окно мигом опознали. Надо вон в тех холмах поискать.

И они аппарировали на несколько миль к северу.

Ветер еще развевал их волосы и одежду, а Рон уже крикнул: «Ага!» – и указал вверх, на вершину холма, куда они перенеслись. Там громоздился крайне странный дом – огромный черный цилиндр, над которым в предвечернем небе завис призрачный месяц.

– Это точно дом Луны! Кто еще согласится тут жить? Какая-то гигантская ладья!

– Не очень-то похоже на лодку, – бросила Гермиона, хмурясь.

– Шахматная фигура. Башня, если по-твоему.

Рон, как самый длинноногий, достиг вершины первым. Когда, задыхаясь и держась за бока, подошли Гарри и Гермиона, Рон широко улыбался:

– Это он! Посмотрите.

К покосившимся воротам были прибиты три дощечки с рукописными надписями краской. Первая гласила: «“Правдобор”. Редактор К. Лавгуд». Вторая: «Выбери себе омелу». Третья: «Осторожно: сливы-дирижабли».

Они открыли ворота. Те заскрипели. Вдоль извилистой дорожки росли всевозможные странные растения, и среди них – куст оранжевых редисок, которые Луна иногда носила вместо сережек. Гарри заметил, кажется, трухлявый свирепень и шагнул подальше. По обе стороны от двери, покачиваясь на ветру, стояли на часах две согбенные дикие яблоньки, уже без листьев, но еще увешанные маленькими, размером с ягоду, красными фруктами и увенчанные пушистыми, в белых бусинках, коронами омелы. На одной ветке неподвижно сидела небольшая сова с чуть приплюснутой головой, похожей на ястребиную.

– Лучше сними плащ-невидимку, Гарри. Мистер Лавгуд призывает помогать тебе, а не нам, – сказала Гермиона.

Он послушался и отдал плащ Гермионе, чтобы та убрала в сумку. Гермиона трижды постучала в толстую черную дверь, обитую коваными гвоздями и с молотком в форме орла.

Не прошло и десяти секунд, как Ксенофил Лавгуд отворил – босой, в грязной ночной рубаше, с невымытыми и нечесаными длинными волосами, белыми как сахарная вата. На свадьбе Билла и Флёр он определенно выглядел опрятней.

– Что такое? В чем дело? Вы кто? Что вам надо? – сварливо взвизгнул он, переводя взгляд с Гермионы на Рона, а затем и на Гарри. Рот его потешно раскрылся, образовав идеально круглое «О».

– Здравствуйте, мистер Лавгуд. – Гарри протянул руку. – Я Гарри, Гарри Поттер.

Ксенофил не пожал руки, но его взгляд – точнее, тот его глаз, который не косил к носу, – скользнул прямым к шраму на лбу Гарри.

– Можно войти? Мы хотели кое о чем спросить.

– Я... не думаю, что это целесообразно, – шепотом ответил Ксенофил, нервно сглотнул и быстро оглядел сад. – Довольно

странно... честное слово... боюсь, что мне... мне... не следовало бы...

– Это ненадолго, – заверил Гарри, несколько разочарованный не слишком теплым приемом.

– Я... ну хорошо. Входите, быстро. *Быстро!*

Ксенофил захлопнул дверь, едва они переступили порог. Гарри в жизни не видел такой удивительной кухни – абсолютно круглой. Они словно попали внутрь гигантской перечницы. Все было изогнуто под стать стенам – печь, мойка, шкафы – и разрисовано яркими цветами, насекомыми, птицами. Узнаю стиль Луны, подумал Гарри. В круглом замкнутом пространстве эффект получался ошеломительный.

Посреди кухни располагалась кованая лестница. Сверху доносился грохот и лязг. Интересно, чем это там занимается Луна?

– Вам лучше подняться. – Ксенофил с очень неверенным видом пошел первым.

Комната на втором этаже оказалась помесью гостиной с мастерской, и в ней царил еще больший хаос. Поменьше, конечно, и круглая, но чем-то она напоминала Кстати-комнату в незабываемый день, когда та предстала гигантским лабиринтом, хранилищем многовековых наслоений всякой всячины. Здесь тоже повсюду громоздились стопки книг и бумаг, с потолка свисали изящные модели каких-то неведомых существ – они махали крыльями, щелкали челюстями...

Но Луны тут не было. Стучала и гремела причудливая деревянная машина с зубцами и шестернями, которые вращались под действием магии. Помесь верстака с книжным шкафом, подумал Гарри, но затем распознал старинный печатный станок. Оттуда листок за листком выплевывались свеженькие номера «Правдобора».

– Прошу прощения. – Ксенофил прошел к машине, выдернул откуда-то из-под кипы книг и бумаг, рухнувших на пол, грязноватую скатерть и набросил ее на станок. Лязг и грохот стали глуше. Затем Ксенофил повернулся к Гарри: – Что привело вас сюда?

Не успел Гарри ответить, Гермiona потрясенно вскрикнула:

– Мистер Лавгуд, что это?

Она показала на огромный серый спиралевидный рог на стене – примерно как у единорога и в несколько футов длиной.

– Это рог складкорогого стеклопа.

– Ничего подобного! – воскликнула Гермiona.

– Гермиона, – смущенно пробормотал Гарри, – сейчас не время для...

– Но Гарри, это рог сносорога! Товар класса Б! Держать его в доме чрезвычайно опасно!

– С чего ты взяла, что это сносорог? – спросил Рон, отпрыгнув подальше, насколько позволяли завалы в комнате.

– В «Фантастических тварях» есть описание! Мистер Лавгуд, от него нужно немедленно избавиться! Они же взрываются от малейшего прикосновения!

– Складкорогий стеклоп, – ясным голосом упрямо возвестил Ксенофил, – крайне пугливое животное с колоссальным магическим потенциалом, и его рог...

– Мистер Лавгуд, посмотрите на желобки у основания! Это сносорог, и он опасен! Не знаю, откуда он у вас...

– Купил, – категорично объявил Ксенофил. – Две недели назад у одного весьма приятного молодого колдуна, который знает о моем интересе к складкорогим стеклопам. Рождественский сюрприз для моей Луны. А теперь, – он повернулся к Гарри, – объясните, зачем вы пришли, мистер Поттер?

– Нам нужна помощь, – ответил Гарри, пока Гермиона опять не начала спорить.

– А, – сказал Ксенофил, – помощь. Хм...

Его здоровый глаз вновь опасливо и зачарованно уставился на шрам Гарри.

– Да. Но... в наше время помогать Гарри Поттеру... мягко говоря, рискованно...

– Разве не вы писали, что это наипервейший долг всех честных людей? – осведомился Рон. – В вашем собственном журнале?

Ксенофил оглянулся на печатный станок, неумно стучавший под скатертью.

– Ммм... Да, я выражал такую точку зрения, но...

– Но это касается остальных, а не вас лично? – перебил Рон.

Ксенофил молчал, нервно сглатывая и бегая глазами. Казалось, он мучительно борется с собой.

– А где Луна? – спросила Гермиона. – Давайте спросим, что она думает.

Ксенофил сглотнул, явно стараясь успокоиться. Затем дрожащим голосом, еле слышным за шумом станка, произнес:

– Луна на речке, ловит пресноводных плескарей. Она... будет рада вас видеть. Схожу позову ее, а потом... так и быть. Попробую вам помочь.

Он отбыл по винтовой лестнице. Внизу открылась и закрылась дверь. Гарри, Рон и Гермиона переглянулись.

– Старая трусливая баба, – сказал Рон. – Луна стоит десятка таких, как ее папаша.

– Он, наверное, боится, что с ними будет, если Упивающиеся Смертью узнают о моем визите, – отозвался Гарри.

– А я согласна с Роном, – заявила Гермиона. – Жалкий лицемер! Призывает тебе помогать, а сам юлит! Да, кстати, умоляю: держитесь подальше от этого рога.

Гарри прошел к дальнему окну и где-то внизу, у подножия холма, увидел тонкую блестящую ленту реки. Они были очень высоко. Мимо окна пролетела птица. Гарри смотрел туда, где за холмами скрывалось «Гнездо». Джинни сейчас там. Они почти рядом, впервые со свадьбы Билла и Флёр, но сегодня она и понятия не имеет, что он здесь и думает о ней. Впрочем, по идее и хорошо, что не имеет: всякий, кто с ним общается, в большой опасности. Поведение Ксенофила это доказывает.

Гарри отвернулся от окна и на гнупом серванте, уставленном всякой ерундой, увидел еще одну странную вещь: каменный бюст прекрасной и очень строгой ведьмы в невероятном головном уборе. По бокам изгибались две золотые трубки, напоминающие слуховые; на кожаном ремне, охватившем голову от уха до уха через макушку, сверкала пара голубых крылышек, а на втором ремне, стянувшем лоб, висели оранжевые редиски.

– Смотрите-ка, – сказал Гарри.

– Обалдеть, – отозвался Рон. – Странно, что он не надел эту красоту на свадьбу.

Снова хлопнула дверь. Через минуту Ксенофил, на тонкие ноги нацепивший резиновые сапоги до колена, поднялся по винтовой лестнице с подносом, где стояли разномастные чашки и чайник, испускавший пар.

– А, нашли мое любимое изобретение. – Он сунул поднос Гермионе и подошел к Гарри. – Отлично сидит на прекрасной Эвране Вранзор, что весьма уместно. «Ум и талант – вот главный брильянт!» – Он показал на слуховые трубки: – Хоботки мутотырков. Вытягивают из головы ненужные мысли. А это, – он ткнул пальцем в крылышки, – вертивжик. Стимулирует мышление. И наконец, – Лавгуд указал на оранжевую редиску, – слива-дирижабль. Усиливает восприимчивость к необычайному.

Ксенофил вернулся к подносу, который Гермиона шатко примостила на одном из захламленных столиков.

– Позвольте предложить вам настойку корнеплоха. Сами делаем, – похвастался Ксенофил и, уже разливая свекольную жидкость, добавил: – Луна внизу, по ту сторону Нижнего моста. Очень обрадовалась, что вы здесь. Она долго не задержится: уже почти наловила плескариков на суп. Хватит на всех. Присаживайтесь! Сыпьте сахар... Ну-с, – он убрал высоченную кипу бумаг из кресла и сел, скрестив ноги в резиновых сапогах, – чем могу помочь, мистер Поттер?

– Видите ли, мистер Лавгуд, все дело, – Гарри взглянул на Гермиону, и та ободряюще ему кивнула, – в амулете, который был у вас на свадьбе Билла и Флёр. Мы хотели спросить, что он означает.

Ксенофил поднял брови:

– Вы имеете в виду знак Даров Смерти?

Глава двадцать первая

Сказка о трех братьях

Гарри, обернувшись, вопросительно уставился на Рона и Гермиону, но те, похоже, тоже не понимали, о чем речь.

– Даров Смерти?

– Совершенно верно, – подтвердил Ксенофил. – Неужели не слышали? Впрочем, неудивительно. Мало кто из колдунов в них верит. Тот олух на свадьбе вашего брата, – Ксенофил кивнул Рону, – набросился на меня: я, видите ли, щеголяю с меткой «знаменитого черного колдуна»! Какое невежество! В Дарах нет ровным счетом ничего от черной магии – по крайней мере не в примитивном смысле. Символ используется верующими в Дары с тем, чтобы опознавать друг друга, в надежде на помощь в Поиске.

Он размешал несколько кусков сахара в настойке корнеплоха и отпил.

– Извините, – сказал Гарри, – но я все равно не понимаю.

Из вежливости он тоже отпил из чашки и чуть не подавился: варево было чудовищное. Ни дать ни взять раствор из козьявочных всевкусных орешков.

– Видите ли, верующие в Дары Смерти неустанно их ищут, – пояснил Ксенофил и причмокнул губами, смакуя настойку.

– Но что это такое? – спросила Гермиона.

Ксенофил отставил пустую чашку.

– Полагаю, вам знакома «Сказка о трех братьях»?

Гарри ответил: «Нет», а Рон и Гермиона в один голос сказали: «Да».

Ксенофил серьезно кивнул:

– Так-так, мистер Поттер. Однако все начинается с этой сказки. У меня она где-то есть...

Он рассеянно обвел взглядом комнату, стопки пергаментных свитков и книг, но Гермиона сообщила:

– У меня есть, мистер Лавгуд. Книга у меня с собой. – И вытащила из бисерной сумочки «Сказки барда Бидля».

– Оригинал? – осведомился Ксенофил и, когда Гермиона кивнула, предложил: – В таком случае, может, прочтете вслух? И тогда всё всем станет ясно.

– Э-э... хорошо, – неуверенно согласилась Гермиона. Она открыла книгу, и Гарри увидел вверху страницы пресловутый загадочный знак. Гермиона, тихо кашлянув, начала читать: – *«Однажды три брата шли пустынной извилистой дорогой в сумерках...»*

– В полночь. Мама всегда так рассказывала, – вставил Рон. Он растянулся в кресле и закинул руки за голову. Гермиона раздраженно на него посмотрела. – Извини. Просто, по-моему, «в полночь» страшнее, – объяснил Рон.

– Да, страшного нам как раз и не хватает, – ляпнул Гарри. Но Ксенофил, не слушая, разглядывал небо за окном. – Продолжай, Гермиона.

– *«Долго ли, коротко ли, подошли они к реке, такой глубокой, что вброд не перейти, и такой опасной, что не переплыть. Однако братья владели искусством колдовства. Они взмахнули волшебными палочками, и над коварными водами вырос мост. На полпути к другому берегу путь им преградила фигура в капюшоне. И заговорила с ними Смерть...»*

– Смерть? – перебил Гарри. – Заговорила?

– Это же сказка, Гарри!

– Верно, извини. Продолжай.

– *«И заговорила с ними Смерть. Она очень рассердилась оттого, что ей не досталось трех новых жертв, ибо прежде все путники тонули в реке. Но Смерть была хитроумна. Она притворилась, будто восторгается колдовством братьев, и сказала, что все они заслуживают награды за то, что сумели от нее ускользнуть.*

И тогда старший брат, забияка и воин, попросил самую могущественную волшебную палочку на свете – волшебную палочку, которая одержит верх в любом поединке, палочку, достойную колдуна, победившего Смерть! Смерть подошла к бузине, что росла на берегу реки, смастерила из ветки волшебную палочку и отдала ее старшему брату.

Средний брат, человек надменный, решил еще больше унижить Смерть и попросил о власти отбирать у Смерти ее жертвы. Смерть подняла с речного берега камень, отдала его среднему брату и сказала, что камень тот обладает силой возвращать умерших.

Наконец Смерть спросила, чего желает младший брат. Самый скромный и самый мудрый из братьев, он не доверял Смерти. Поэтому он попросил такой дар, что позволит ему уйти восвояси и не даст Смерти последовать за ним. И Смерть очень неохотно отдала ему свой плащ-невидимку».

– У Смерти был плащ-невидимка? – снова перебил Гарри.

– Ага, чтоб подкрадываться незаметно, – сказал Рон. – Не вечно же ей гоняться за людьми с улюлюканьем... Ну все, все, прости, Гермиона.

– «Смерть посторонилась и пропустила братьев через мост. Они пошли дальше, удивленно обсуждая свое приключение и восхищаясь подарками Смерти.

Но вскоре братья расстались, и каждый отправился своим путем.

Старший брат шел больше недели и оказался в далекой деревушке, где жил колдун, с которым он был не в ладах. Случилась дуэль, но старший брат, вооруженный бузинной палочкой, разумеется, никак не мог проиграть. Оставив труп недруга лежать на земле, он завернул в трактир и там стал громко бахвалиться мощью волшебной палочки, отобранной у Смерти, и непобедимостью, которую эта палочка дарует.

Глубокой ночью один колдун прокрался к старшему брату, пока тот спал в своей постели мертвецки пьяный. Вор украл бузинную палочку, а для верности перерезал старшему брату глотку.

Так Смерть забрала к себе первого брата.

Тем временем средний брат отправился в свой дом, где жил в одиночестве. Там он вынул из кармана камень, обладающий силой воскрешать мертвых, и трижды повернул его в руке. К его изумлению и восторгу, пред ним тотчас предстала девушка, которую некогда, до ее безвременной кончины, он хотел взять в жены.

Но девушка была печальна и холодна, и от среднего брата ее будто отделяла незримая завеса. Хоть несчастная и возвратилась в мир живых, она уже не принадлежала ему и оттого страдала.

Обезумев от безнадежной тоски, средний брат покончил с собой, дабы поистине воссоединиться с любимой.

Так Смерть забрала к себе второго брата.

Но многие и многие годы искала Смерть младшего брата и не могла отыскать. Лишь в глубокой старости он наконец снял плащ-невидимку и подарил его своему сыну. И тогда, приветствовав Смерть, точно старую подругу, он охотно, как равный, последовал за нею из этого мира прочь».

Гермиона закрыла книгу. Прошло несколько секунд, прежде чем Ксенофил заметил, что чтение прекратилось. Он отвел взгляд от окна и промолвил:

– Ну, собственно, вот.

– То есть? – опешила Гермиона.

– Это и есть Дары Смерти, – сказал Ксенофил.

Со стола, заваленного хламом, он взял перо и вытянул из какой-то книги клочок пергамента.

– Бузинная палочка. – Ксенофил нарисовал на пергаменте вертикальную линию. – Камень воскрешения. – Он добавил поверх линии круг. – Плащ-невидимка. – (Линия и круг оказались заключены в треугольник, образовав символ, который так занимал Гермиону.) – А вместе, – объяснил Ксенофил, – Дары Смерти.

– Но в сказке это выражение не упоминается, – возразила Гермиона.

– Естественно, – с возмутительной самоуверенностью отозвался Ксенофил. – Это же детская сказка! Ее рассказывают для развлечения, а не для наставления. И все же мы – те, кто в курсе, – понимаем, что древнее сказание отсылает нас к трем предметам, или Дарам, которые, будучи собраны вместе, делают своего владельца хозяином Смерти.

Ненадолго воцарилось молчание. Мистер Лавгуд украдкой глянул в окно. Солнце висело низко.

– Скоро Луна принесет плескарей, – тихо проговорил он.

– Когда вы говорите «хозяином Смерти»... – начал Рон.

– Хозяином, – небрежно отмахнулся Ксенофил. – Властелином. Победителем. Выбирайте что нравится.

– Но, стало быть, – Гермиона говорила медленно и, почувствовал Гарри, скрывая скепсис, – вы верите, что эти предметы – Дары – в самом деле существуют?

Ксенофил опять поднял брови:

– Разумеется.

– Но, мистер Лавгуд, – судя по голосу, терпению Гермiony пришел конец, – как вы *можете* в это верить?

– Луна рассказывала мне о вас, юная леди, – ответил Ксенофил. – Насколько я понимаю, вы, хоть и неглупы, но крайне ограничены. Вы недалекая. С очень узкими представлениями о реальности.

– Может, шляпку примеришь, Гермiona? Расширишь границы. – Рон, еле сдерживая смех, кивнул на нелепый головной убор.

– Мистер Лавгуд, – не унималась Гермiona, – мы прекрасно знаем, например, о плащах-невидимках. Это редкость, но они существуют. Однако...

– Однако третий Дар, мисс Грейнджер, – *настоящий* плащ-невидимка! То есть не обыкновенный дорожный плащ под прозрачаровательным заклятием, или защищенный затмичарами, или, что тоже встречается, сотканный из шерсти камуфлори. Они способны скрывать, но с годами теряют невидимость и становятся матовыми. Мы же говорим о плаще, который делает своего обладателя поистине, полностью невидимым, который вечен и обеспечивает непреходящую маскировку, непроницаемую для любого колдовства. Сколько *таких* плащей вам доводилось видеть, мисс Грейнджер?

Гермiona открыла было рот, но тут же закрыла с видом крайне сконфуженным. Она переглянулась с Гарри и Роном, и Гарри не сомневался, что они трое подумали об одном и том же: *такой* плащ, уж извините, находится сейчас в этой самой комнате.

– Вот-вот, – продолжил Ксенофил, словно одержал победу в здоровом споре. – Никто из вас не видел, никогда. Обладатель подобного сокровища был бы несметно богат, не правда ли?

Он вновь глянул за окно. Небо окрасилось бледно-розовым.

– Хорошо, – в замешательстве произнесла Гермiona. – Допустим, плащ существует... Но камень? Мистер Лавгуд? Предмет, который вы назвали камнем воскрешения...

– И что же?

– Как такое может быть?

– А вы докажете, что не может, – сказал Ксенофил.

– Но... – возмутилась Гермiona, – простите, это нелепо! Как я докажу, что его не существует? Мне что, собрать... все камни в мире и

проверить? Ну то есть как можно *утверждать*, что нечто существует, основываясь лишь на том, что никто не в силах доказать обратного?

– А вот и можно, – заявил Ксенофил. – И мне отрадно видеть, что ваши представления о реальности немного расширились.

– И бузинная палочка, – поспешил вмешаться Гарри, прежде чем Гермиона еще что-нибудь возразит, – по-вашему, тоже существует?

– Ну тут уж доказательств предостаточно, – сказал Ксенофил. – Бузинная палочка – Дар, который легче всего отследить, учитывая, как он переходил из рук в руки.

– И как же? – не понял Гарри.

– Дабы новый хозяин стал истинным обладателем палочки, переход ее от прежнего хозяина к новому происходит путем захвата, – пояснил Ксенофил. – Вы, несомненно, наслышаны, что после убийства Эмерика Злющего палочка перешла к Эгберту Вопиющему? И что Годелот умер в собственном погребке, а сын его Хэревуд забрал его палочку? И что ужасный Локсиас отнял палочку у Барнабаса Деверилла, которого сам и убил? Кровавый след бузинной палочки тянется по страницам истории колдовского мира.

Гарри поглядел на Гермиону. Та смотрела на Ксенофила нахмурившись, однако не возражала.

– А где, по-вашему, бузинная палочка сейчас? – спросил Рон.

– Кто знает? – ответил Ксенофил, не отрывая глаз от окна. – Кто знает, где она спрятана? След обрывается на Арке и Ливии. Но кто из них победил Локсиаса, кто забрал палочку? Кто победил их самих? История, увы, умалчивает.

Возникла пауза. Наконец Гермиона сухо спросила:

– Мистер Лавгуд, а семья Певереллов имеет отношение к Дарам Смерти?

Ксенофил на миг растерялся, а Гарри что-то смутно припомнил, только никак не мог понять, что именно. Певерелл... где-то он слышал это имя...

– Что же вы морочите мне голову, юная леди! – Ксенофил подскочил на стуле и вытаращился на Гермиону. – А я-то думал, вы ничего не знаете о Поиске! Многие из нас, Искателей, убеждены, что Певереллы имеют самое – *самое!* – непосредственное отношение к Дарам!

– Кто это – Певереллы? – спросил Рон.

– Это имя было на надгробии со знаком в Годриковой Лощине, – ответила Гермiona, не сводя глаз с Ксенофила. – Игнотус Певерелл.

– Именно! – Ксенофил воздел указательный палец. – Знак Даров Смерти на могиле Игнотуса – убедительнейшее доказательство!

– Доказательство чего? – не понял Рон.

– Того, что трое сказочных братьев – это братья Певереллы: Антиох, Каdm и Игнотус! Первые обладатели Даров!

С этими словами Ксенофил еще раз глянул в окно, встал и, подхватив поднос, направился к винтовой лестнице.

– Вы останетесь на ужин? – крикнул он спускаясь. – Наш суп из пресноводных плескарей великолепен! Все всегда просят рецепт.

– Ну да, показать знахарям святого Лоскута в отделении отравлений, – пробормотал Рон.

Гарри выждал, пока Ксенофил загрохочет кастрюлями на кухне, и спросил Гермionу:

– Что думаешь?

– Ой, Гарри, – устало ответила она, – все это полная ерунда и не относится к символу. Он что-то навывдумывал, а мы тратим время впустую.

– Человек, поведавший миру о складкорогих стеклопах, – изрек Рон.

– То есть ты тоже не веришь в Дары? – спросил Гарри.

– Не-а! Обычная сказочка для детишек, с моралью. Из серии «не ищи на задницу приключений, не лезь в драку, не буди лихо, сиди тихо, занимайся своими делами и умрешь счастливым». Если вдуматься, – прибавил Рон после паузы, – может, отсюда и пошло, что от бузинных палочек добра не жди.

– В смысле?

– Ну, знаешь, суеверия: «Родилась в мае – выйдешь за мугла», «Наколдуешь в сумерках – к полуночи расколдуется». «Палочка из бузины – горя полные штаны». Наверняка же слышал? Мама таких миллион знает.

– Гарри и меня воспитывали муглы, – напомнила Гермiona. – У нас свои суеверия.

Тут из кухни пошел едкий запах, и Гермiona тяжело вздохнула. В том, что Ксенофил ее раздражал, была польза: о неприязни к Рону она, по-видимому, забыла.

– Пожалуй, ты прав, – сказала она ему. – Это сказка-мораль, и ясно, какой из Даров лучший и какой надо выбрать...

Все трое ответили одновременно: Гермиона – «плащ», Рон – «палочку», Гарри – «камень».

И поглядели друг на друга, изумленно и весело.

– *Полагается* выбирать плащ, – пояснил Рон, – но зачем становиться невидимым, если есть палочка? *Непобедимая* палочка, Гермиона, подумай!

– К тому же плащ-невидимка у нас уже есть, – прибавил Гарри.

– И он нас много раз выручал, если ты забыл, – отозвалась Гермиона. – А с палочкой жди только неприятностей.

– Да, если всюду о ней трезвонить, – парировал Рон. – «Ах, у меня непобедимая палочка, если такой умный – попробуй отними!» Но если держать пасть на замке...

– А удастся? – скептически ответила Гермиона. – Между прочим, в рассказах Ксенофила есть доля истины. Истории о сверхмогущественных палочках существовали столетиями.

– Правда? – переспросил Гарри.

Гермиона досадливо поджала губы. Эта ее гримаса была так хорошо знакома Рону и Гарри, что они ухмыльнулись друг другу.

– Смертный жезл, палочка Судьбы... Они всплывали под разными названиями из века в век, и почти всегда у какого-нибудь черного колдуна, который ими похвалялся. Профессор Биннз упоминал кое-кого... Но это полная чушь. Волшебная палочка не бывает сильнее своего владельца. Просто кое-кто не может не хвастаться, что у него палочка побольше и получше, чем у других.

– Но вдруг, – возразил Гарри, – все эти палочки, Смертный жезл и палочка Судьбы, – просто одна и та же палочка под разными именами?

– Что, бузинная палочка, изготовленная Смертью? – спросил Рон.

Гарри усмехнулся: мысль поистине нелепая. «Моя палочка, – напомнил он себе, – была из остролиста, а не из бузины и к тому же изготовлена Олливандером». И если в ту страшную ночь погони неуязвимым Гарри сделала палочка, что же она потом сломалась?

– А почему ты выбрал камень? – сменил тему Рон.

– Если бы я мог воскрешать людей... я бы вернул Сириуса... и Хмури... и Думбльдора... и родителей...

Рон и Гермиона слушали его без улыбки.

– Но, если верить Бидлю, они не захотели бы возвращаться, – задумчиво продолжил Гарри. – Я так полагаю, других историй о камне воскрешения нет? – спросил он Гермioniу.

– Нет, – печально откликнулась та. – Вряд ли кто-то, кроме мистера Лавгуда, способен в него поверить. Бидль, вероятно, взял за основу философский камень, только у него не камень, дарующий бессмертие, а камень, оживляющий мертвых.

Запах с кухни – каких-то горелых трусов – становился все сильнее. Гарри не был уверен, что удастся хоть из вежливости проглотить пару ложек Ксенофиловой стряпни.

– Да, но плащ, – задумчиво протянул Рон. – Вы понимаете, что здесь Ксенофил не соврал? Я так привык к плащу Гарри, что даже не задумывался, какой он ценный. Я никогда не слышал ни о чем похожем. Он не подводит. Мы ни разу не попались, когда его надевали...

– Конечно! Мы ведь были невидимы, Рон!

– Да, но все, что он сказал про другие плащи – и они не то чтобы по десятку за кнуд, – истинная правда! Мне раньше в голову не приходило, но я слышал всякие такие истории – с ткани выветриваются чары, плащи рвутся от заклинаний, дырки остаются... Гарри плащ достался от отца, то есть он не новый, но сохранился – супер!

– Хорошо, Рон, но *камень*?..

Пока они шепотом переговаривались, Гарри ходил по комнате и слушал вполуха. У винтовой лестницы он рассеянно поднял глаза – и остолбенел. С потолка комнаты наверху смотрел он сам, собственной персоной.

После секундного замешательства Гарри разглядел, что это не зеркало, а портрет. Движимый любопытством, он начал подниматься по лестнице.

– Гарри, ты что?! Нечего тут разгуливать без спросу!

Но Гарри был уже на другом этаже. Потолок своей спальни Луна украсила пятью прекрасно написанными портретами – Гарри, Рона, Гермioniы, Джинни и Невилла. Они не двигались, как портреты в «Хогварце», но, несомненно, были созданы колдовством: Гарри показалось, что они дышат. Их оплетали изящные золотые цепочки – присмотревшись внимательней, Гарри понял, что это одно слово,

тысячекратно повторенное золотыми чернилами: *друзья... друзья... друзья...*

Гарри с нежностью подумал о Луне. Он обвел взглядом ее комнату. У кровати стояла крупная фотография маленькой Луны и женщины, сильно на нее похожей. Они обнимались. Луна на снимке была одета куда опрятнее, чем Гарри привык. Фотография запылилась. Как-то странно. Гарри осмотрелся.

Что-то здесь не так. Бледно-голубой ковер тоже покрыт толстым слоем пыли. Платяной шкаф с распахнутыми дверцами пуст. На нетронутой постели не спали очень и очень давно. На фоне кроваво-красного неба через ближнее окно протянулась одинокая паутина.

– Что-то не так? – спросила Гермиона, едва Гарри спустился. Не успел он ответить, из кухни поднялся Ксенофил с тарелками на подносе.

– Мистер Лавгуд, – сказал Гарри, – где Луна?

– Что?

– Где Луна?

Ксенофил остановился на верхней ступени.

– Я... я же говорил. Пошла на мост ловить плескарей.

– Почему тогда на подносе только четыре тарелки?

Лавгуд попытался что-то произнести, но не смог выдать ни звука. В комнате слышалось лишь тарахтение печатного станка да позвякивание посуды – руки у Ксенофила дрожали.

– Луны здесь нет давно, – продолжал Гарри. – Нет ее одежды, и кровать нетронута. Где она? И почему вы все время смотрите за окно?

Ксенофил выронил поднос. Тарелки упали и разбились; Гарри, Рон и Гермиона выхватили волшебные палочки. Рука Ксенофила застыла на полпути к карману. Станок как раз допечатал выпуск. Свежие номера «Правдобора» хлынули из-под скатерти на пол; пресс наконец затих.

Гермиона наклонилась и подняла журнал, держа мистера Лавгуда под прицелом волшебной палочки.

– Гарри, ты только посмотри!

Гарри подошел торопливо – насколько позволял беспорядок. На обложке «Правдобора» красовался его портрет под заголовком «Нежелательный № 1» и обещанием денежного вознаграждения.

– «Правдобор» сменил ракурс? – бесстрастно поинтересовался Гарри; мысль его работала очень быстро. – Что же вы делали, когда выходили в сад, мистер Лавгуд? Посылали сову в министерство?

Ксенофил нервно облизнулся.

– Они взяли Луну, – зашептал он, – мою Луну! Из-за того, что я писал. Они забрали ее, и я не знаю, где она, что они с ней сделали. Но они обещали ее вернуть, если я... если я...

– Выдадите Гарри, – закончила за него Гермиона.

– Не катит, – решительно объявил Рон. – Мы уходим. Прочь с дороги!

Ксенофил будто постарел на сто лет; его лицо исказилось ужасной гримасой.

– Они будут здесь с минуты на минуту. Я должен спасти Луну. Я не могу ее потерять. Вы не уйдете.

Он широко развел руки, преграждая путь к лестнице, и Гарри вспомнил, как Лили Поттер вот так же заслоняла собой его кровать.

– Не заставляйте делать вам плохого, – сказал Гарри. – Пропустите, мистер Лавгуд.

– ГАРРИ! – закричала Гермиона.

В окнах мелькнули чьи-то силуэты на метлах. Гарри, Рон и Гермиона отвлеклись лишь на мгновение, но Ксенофил успел выхватить волшебную палочку. Гарри вовремя осознал ошибку и отскочил, увлекая за собой Рона и Гермиону. Сногсшибатель Ксенофила, просвистев через комнату, ударил в рог сносорога.

Последовал грандиозный взрыв. Комнату как будто разнесло вдребезги самым грохотом: обломки мебели, обрывки пергаментов, куски каменной кладки полетели во все стороны, воздвигая стену невообразимо густой белой пыли. Гарри подняло в воздух и швырнуло на пол. Он ничего не видел. Град обломков обрушился на него; он закрыл голову обеими руками. Он слышал крик Гермионы, вопль Рона и металлический гром снова и снова: очевидно, взрыв сбил Ксенофила с ног и сбросил со спиральной лестницы.

Гарри, наполовину погребенный под обломками, попытался выбраться. Он едва мог дышать и ничего не видел из-за пыли. Рядом валялся бюст Эвраны Вранзор, лишенный половины лица. Полпотолка обвалилось; из открывшейся дыры свешивался угол Луниной кровати. В воздухе парили пергаментные клочья; лестницу на кухню

перегородил развороченный печатный станок. Придвинулась чья-то белая фигура – Гермiona, вся в пыли, похожая на статую, приложила палец к губам.

Внизу пинком распахнули дверь.

– Я же говорил, Трэверс, торопиться нечего! – слышался грубый голос. – Говорил: у нашего психа очередное помешательство! Хлоп! Ксенофил завизжал от боли.

– Нет... нет... там, наверху... Поттер!

– А я тебе еще на прошлой неделе говорил, Лавгуд: мы вернемся только за настоящим товаром! Помнишь – на прошлой неделе? Или забыл? Когда ты, Мерлинова борода, пробовал выменять свою дочечку на идиотскую шляпу? А до того, – (снова хлопок и вопль), – на доказательство существования складко... – (хлоп!), – рогих... – (хлоп!), – стеклопов?!

– Нет... нет... умоляю! – всхлипывал Ксенофил. – Там правда Поттер, правда, правда!

– А теперь ты, значит, нас позвал, чтобы взорвать! – взревел Упивающийся Смертью. Последовал град хлопков вперемежку с взвизгами Ксенофила.

– Похоже, Сельвин, тут сейчас все провалится, – хладнокровно сказал второй визитер, и его голос эхом прокатился наверх. – Лестница перекрыта. Может, расчистить? Или все грохнется?

– Ты, лживый ублюдок! – орал Сельвин. – Ты ведь Поттера в жизни не видел, а? Заманил нас сюда, чтобы прикончить, да? Думал так вернуть свою девчонку?

– Клянусь... клянусь... наверху Поттер!

– Хоменум ревелио, – произнес голос у подножия лестницы.

Гермiona испуганно ахнула. Гарри показалось, будто что-то ужасное надвинулось на него и накрыло своей тенью.

– Наверху кто-то есть, Сельвин, – резко объявил второй колдун.

– Это Поттер, говорю вам, Поттер! – всхлипывал Ксенофил. – Пожалуйста... пожалуйста... отдайте Луну, верните Луну...

– Заберешь свою дочурку, Лавгуд, – ответил Сельвин, – если сходишь и приведешь Гарри Поттера. Но если это ловушка, если у тебя там сообщник... тогда посмотрим, наскребем ли тебе на похороны хоть пару кусочков от твоей малышки.

Ксенофил взвыл от страха и отчаяния и задвигался, засуетился, сквозь завалы продираясь на лестницу.

– Давайте-ка, – шепнул Гарри. – Смываемся.

Ксенофил, поднимаясь по лестнице, довольно сильно шумел. Пользуясь этим, Гарри вылез из-под обломков. Рона засыпало сильнее всех. Гарри и Гермиона как можно тише пробрались к нему и принялись стаскивать тяжелый комод с его ног. Ксенофил с грохотом приближался. Гермиона тем временем с помощью невесомой чары освободила Рона.

– Отлично, – выдохнула она, вся белая от пыли. Сломанный печатный станок, перекрывавший лестницу, затрясся – Ксенофилу оставались считанные футы. – Ты мне доверяешь, Гарри?

Тот кивнул.

– Хорошо, тогда так, – зашептала Гермиона, – Рон, наденешь плащ-невидимку.

– Я? Но как же Гарри...

– *Пожалуйста*, Рон! Гарри, сожми крепче мою руку. Рон, держись за мое плечо.

Гарри вытянул левую руку. Рон исчез под плащом. Печатный станок заходил ходуном: Ксенофил пробовал его сдвинуть невесомой чарой. Гарри не понимал, чего ждет Гермиона.

– Держитесь крепче... – шептала она, – крепче... сейчас...

Лицо Ксенофила, белое как бумага, появилось над буфетом.

– Обливиате! – крикнула Гермиона и указала палочкой сначала на его лицо, а затем себе под ноги. – Депримо! – И заклятием пробила в полу дыру.

Они камнем ухнули вниз. Гарри изо всех сил сжимал руку Гермионы. Снизу раздался вопль, и Гарри успел увидеть, как двое пытаются спастись от лавины обломков мебели и кусков потолка.

Гермиона крутанулась в воздухе – грохот рушащегося дома оглушил Гарри – и увлекла его за собой в темноту.

Глава двадцать вторая

Дары смерти

Гарри, задыхаясь, упал на траву и моментально вскочил. Они приземлились у какого-то поля. Смеркалось. Гермиона носилась вокруг, размахивая палочкой.

– Протего тоталум... Сальвио хексия...

– Подлый предатель, – пропыхтел Рон, появившись из-под плаща-невидимки и швырнув его Гарри. – Гермиона, а ты – гений! Вообще обалдеть! Без тебя нам бы не выбраться.

– Каве инимикум... Я же *говорила*, что это рог сносорога, я же говорила! А теперь что? Весь дом вдребезги!

– Так ему и надо, – буркнул Рон, осматривая порванные джинсы и порезы на ногах. – Как думаете, что с ним сделают?

– Надеюсь, не убьют, – вздохнула Гермиона. – Я потому и хотела, чтобы Упивающиеся Смертью увидели Гарри, – пусть знают, что Ксенофил не солгал.

– А меня зачем спрятала? – спросил Рон.

– Ты же умираешь от рябобылицы, Рон! Луну похитили, потому что ее отец поддерживал Гарри! Представь, что сделали бы с твоими, если б узнали, что ты с ним...

– А как же *твои* мама с папой?

– Они в Австралии, – ответила Гермиона, – и ничего не знают. С ними все обойдется.

– Ты гений, – с восхищением повторил Рон.

– Да, точно! – с жаром согласился Гарри. – Что бы мы без тебя делали?

Гермиона просияла, но тут же посерьезнела:

– Но как быть с Луной?

– Ну, если они не ввали и она жива... – начал Рон.

– Не говори так, не говори! – закричала Гермиона. – Она жива, непременно жива!

– Тогда ее, наверное, упекли в Азкабан, – сказал Рон. – Может, она там и выживет... хотя мало кому удастся...

– Ей – удастся, – убежденно провозгласил Гарри. Вообразить иной исход было невыносимо. – Луна сильная! Гораздо сильнее, чем кажется. Небось уже читает сокамерникам лекции про мутотырков и вьедлов.

– Надеюсь. – Гермиона закрыла глаза рукой. – Было бы очень жалко Ксенофила, если...

– ...если бы только он не попытался сдать нас Упивающимся Смертью, – договорил за нее Рон.

Они поставили палатку, устроились; Рон приготовил чай. Теперь, когда они чудом избежали плена, даже холодная палатка казалась домом: надежным, безопасным, родным.

– И что нас туда понесло? – после недолгого молчания простонала Гермиона. – Гарри, ты был прав: опять все как в Годриковой Лощине! И мы потеряли уйму времени! Дары Смерти... бред собачий... Хотя, – видимо, ее вдруг озарило, – он, наверное, все выдумал? И сам ни в какие Дары не верит! Просто отвлекал нас разговорами до прихода Упивающихся.

– Вряд ли, – покачал головой Рон. – Когда так нервничаешь, сочинять на ходу трудно. Я на себе понял, когда попался Отловщикам. Легче было изображать Стэна – о нем я хоть что-то знал, – чем выдумывать совсем уж небылицы. Старине Лавгуду пришлось туго – он же не мог нас отпустить. Я так думаю, он говорил правду – ну, то, что считает правдой.

– Какая разница, – отмахнулась Гермиона. – Даже если и так, большей чуши я в жизни не слышала!

– Погоди, – возразил Рон. – Тайная комната тоже считалась мифом.

– Но Даров Смерти не существует! Это *невозможно*, Рон!

– Хоть сто раз повторяй, а один-таки существует, – не сдавался Рон. – Плащ-невидимка Гарри...

– «Сказка о трех братьях» – вымысел, – отрезала Гермиона. – Притча о страхе смерти. Если бы победить смерть было так легко – спрятался под плащом-невидимкой, и готово, – у нас давно было бы все, что нужно!

– Не знаю... Непобедимая волшебная палочка нам бы не помешала, – задумчиво пробормотал Гарри. Он вертел в руках

терновую палочку – она сильно ему не нравилась.

– Такой палочки нет, Гарри!

– Ты говорила, их много... Этот Смертный жезл или как его там...

– Хорошо, даже если поверить в бузинную палочку – а камень воскрешения? – Гермиона изобразила в воздухе кавычки. Ее голос источал сарказм. – Никаким волшебством мертвых не воскресить, и точка!

– Когда моя палочка соединилась с Сами-Знаете-Чьей, она вызвала моих маму с папой... и Седрика...

– Но они же не восстали из мертвых на самом деле? – перебила Гермиона. – Это были... фантомы, призраки. Отнюдь не то же самое, что вернуться к жизни.

– И девушка из сказки тоже не вернулась к жизни. В сказке говорится, что, если человек умер, он принадлежит Смерти. Но средний брат все равно ее видел, говорил с ней и даже жил какое-то время...

На лице Гермионы возникла тревога и что-то еще – непонятно что. Она покосилась на Рона, и Гарри понял, что напугал ее своими разговорами о жизни с мертвыми.

– А этот Певерелл на кладбище в Годриковой Лощине ничем не знаменит? – спросил он, стремясь показать, что абсолютно нормален.

– Нет, – ответила Гермиона, явно обрадовавшись смене темы. – Я проверяла. Если бы он чем-то прославился, про него наверняка написали бы хоть в каком-то учебнике. Но я нашла фамилию «Певерелл» только в книге «Истоки благородства: колдовская генеалогия». У Шкверчка позаимствовала, – объяснила она, увидев, что брови Рона поползли вверх. – Певереллы значатся среди чистокровных семей, прервавшихся по мужской линии. По-видимому, Певереллы исчезли одни из первых.

– «Прервавшихся по мужской линии»? – повторил Рон.

– В смысле фамилия исчезла, – пояснила Гермиона. – В случае с Певереллами – много веков назад. То есть у них могут быть потомки, но их зовут по-другому.

И тогда Гарри осенило. Певерелл! В памяти, словно из ниоткуда, всплыло ярчайшее воспоминание: неряшливый старикашка размахивает уродливым кольцом перед лицом чиновника.

– Ярволо Монстер! – закричал Гарри.

– Чего? – дружно сказали Рон и Гермиона.

– *Ярволо Монстер!* Дедушка Сами-Знаете-Кого! В дубльдуме! С Думбльдором! Ярволо Монстер заявил, что он потомок Певереллов!

Рон и Гермиона были явно озадачены.

– Кольцо! Которое окаянт! Ярволо Монстер сказал, что на нем – герб Певереллов! Я видел, как он им размахивал перед типом из министерства, прямо под нос ему сунул!

– Герб Певереллов? – резко переспросила Гермиона. – Ты видел его?

– Не знаю. – Гарри напряг память. – Ничего особенного – так, пара царапин. А близко я его видел только уже вскрытым.

На лице Гермионы забрезжило озарение, глаза ее распахнулись. Рон недоуменно водил взглядом между Гарри и Гермионой.

– Ничего себе... Ты думаешь, это был знак? Символ Даров Смерти?

– Почему нет, – взволнованно сказал Гарри. – Ярволо Монстер, свинья и невежда, волновался только о своей родословной. Если кольцо передавали из рода в род веками, он мог и не знать про знак. Книг в его доме не было, и вообще, уж поверьте, такой человек не стал бы читать сказки детям. А царапины он наверняка считал гербом, потому что для него чистокровка – все равно что король.

– Да... интересная теория, – деликатно произнесла Гермиона, – но, Гарри, если ты думаешь о том, о чем ты, по-моему, думаешь...

– Да почему нет?! *Почему нет?!* – отбросив осторожность, закричал Гарри. – Это же был камень, верно? – Он посмотрел на Рона, рассчитывая на поддержку. – Что, если... воскрешения?

У Рона отпала челюсть.

– Мерлинова борода... и он бы еще действовал, если бы Думбльдор не сломал?..

– Действовал? *Действовал?* Рон, он никогда не действовал! *Камней воскрешения не бывает!* – Гермиона в ярости вскочила. – Гарри, ты пытаешься все подогнать под легенду о Дарах...

– *Подогнать?* – повторил он. – Ничего я не пытаюсь – само получается! Я *знаю*, что на камне был знак Даров Смерти! А Монстер сказал, что унаследовал кольцо от Певереллов!

– Минуту назад ты говорил, что не разглядел знака!

– Как думаешь, где сейчас кольцо? – спросил Рон Гарри. – Куда его дел Думбльдор, когда расколол?

Но воображение Гарри унесло его далеко-далеко.

Три предмета, или Дара, будучи собраны вместе, делают своего владельца хозяином Смерти... Хозяином... Властелином... Победителем... Последний же враг истребится – смерть...

И Гарри увидел, как он, обладатель Даров, выходит на битву против Вольдеморта с его жалкими окаянтами... *Выжить суждено лишь одному...* Это ли не ответ? Дары против окаянтов? Это ли не его шанс победить? Обладая Дарами, он станет неуязвим?

– Гарри...

Но он едва слышал Гермиону. Он достал плащ-невидимку, и тот заструился меж пальцев, как вода, невесомый, как воздух. За шесть с лишним лет Гарри не встречал в колдовском мире подобной вещи. Плащ в точности соответствовал описанию Ксенофила: он делал обладателя поистине, полностью невидимым, был вечен, обеспечивал непреходящую маскировку, непроницаемую для любого колдовства...

И Гарри, чуть не задохнувшись, вспомнил:

– Плащ был у Думбльдора в ту ночь, когда погибли мои родители!

Его голос задрожал, лицо покраснело, но ему это было безразлично.

– Мама писала Сириусу, что Думбльдор одолжил у них плащ! Так вот почему! Он хотел проверить, думал, что это – третий Дар! Игнотус Певерелл, похороненный в Годриковой Лощине... – Гарри, не замечая ничего вокруг, расхаживал по палатке, чувствуя, что перед ним открываются необъятные просторы истины, – мой предок! Я – потомок младшего брата! Тогда все складывается!

В одно мгновение он почувствовал себя вооруженным до зубов – одна лишь вера в Дары уже защищала его. Он радостно повернулся к друзьям.

– Гарри... – опять сказала Гермиона, но он дрожащими пальцами уже развязывал кисет на шее.

– Читай. – Он сунул ей письмо матери. – Читай! Плащ был у Думбльдора, Гермиона! А иначе зачем ему плащ? Думбльдор и под прозрачаровальным заклятием спрятался бы – не найдешь!

Что-то упало из кисета на пол и, сверкая, укатилось под стул. Доставая письмо, Гарри выронил Проныру. Нагнулся за ним – и неожиданно сделал еще одно открытие. Он остолбенел, но его распирало изнутри нечто такое, от чего он не сдержал крика:

– ОНО ЗДЕСЬ! Он оставил мне кольцо... оно в Проныре!

– Ты... ты думаешь?

Гарри не постигал, чему так удивляется Рон. Это же очевидно, ясно как день! Все сходится, все-все-все... Его плащ – третий Дар, а если понять, как открыть Проныру, будет и второй, тогда останется лишь найти первый – бузинную палочку, и...

И тут перед ним словно упал занавес: все его волнение, надежда, счастье улетучились. Он будто оказался в крошечной тьме, один. Волшебство разрушилось.

– Так вот за чем он охотится.

Перемена в его голосе напугала Рона и Гермиону еще больше.

– Сами-Знаете-Кто ищет бузинную палочку.

Гарри отвернулся от их напряженных недоверчивых лиц. Он знал: это – правда. Все обретало смысл. Вольдеморт искал не новую волшебную палочку, а старую, очень-очень старую. Гарри подошел к выходу из палатки, забыв про Рона и Гермиону. Погрузившись в размышления, он уставился вдаль, в бескрайнюю ночь...

Вольдеморт вырос в приюте для муглов-сирот. Ему, как и Гарри, никто не читал в детстве «Сказок барда Бидля». Мало кто из колдунов верит в Дары Смерти. Возможно ли, чтобы Вольдеморт о них знал?

Гарри смотрел в черноту... если бы Вольдеморт знал о Дарах, он, разумеется, искал бы их. Сделал бы все, лишь бы завладеть ими и стать хозяином Смерти. Зная о Дарах, он, может, и не создавал бы окаянты. А раз он сделал окаянт из Дара, значит, не ведал этой последней великой колдовской тайны...

То есть Вольдеморт ищет бузинную палочку, не сознавая всей ее мощи, не понимая, что она – один из Даров... потому что волшебную палочку невозможно спрятать... *Кровавый след бузинной палочки тянется по страницам истории колдовского мира...*

Гарри разглядывал облака, пепельные, серебристые, скользившие на белом фоне луны. От изумления пред грандиозностью собственных озарений кружилась голова.

Он вернулся в палатку и очень удивился, что Рон с Гермионой стоят ровно там, где он их оставил, и Гермиона до сих пор держит в руках письмо Лили. У Рона на лице застыла тревога. Они что, не понимают, насколько им удалось продвинуться в поисках за считанные минуты?

– Ну? – Гарри хотелось поделиться с ними сиянием своей ошеломленной уверенности. – Это все объясняет. Дары Смерти существуют, и один у меня уже есть... может, и два, – он показал им Проныру, – а Сами-Знаете-Кто ищет третий, только он не знает... думает, это просто очень сильная волшебная палочка...

– Гарри, – Гермиона подошла и отдала ему письмо, – мне жаль, но, по-моему, ты ошибаешься.

– Ты что, не видишь? Все сходится...

– Нет, *не сходится*, – сказала она. – *Не сходится*, Гарри! Тебя занесло. Пожалуйста, – продолжила она, не давая ему возразить, – ответь: если бы Дары Смерти реально существовали и Думбльдор об этом знал... знал, что тот, кто ими завладеет, станет хозяином Смерти... Гарри, почему он тебе не сказал? Почему?

Ответ у него был готов:

– Ты же сама говорила, Гермиона! Чтобы мы выяснили сами! Это Поиск!

– Но я так сказала, чтобы ты согласился пойти к Лавгудам! – раздраженно закричала Гермиона. – Я в это не верила!

Гарри проигнорировал ее слова.

– Думбльдор всегда заставлял меня думать самостоятельно. Давал мне почувствовать свою силу, вынуждал рисковать. Это все очень на него похоже.

– Гарри, это не игра и не тренировка! Это жизнь! Думбльдор оставил тебе вполне ясное указание: найти и уничтожить окаянты! А символ ничего не значит. Забудь про Дары Смерти! Нам нельзя отвлекаться...

Гарри ее почти не слушал. Он вертел в руках Проныру, втайне надеясь, что тот откроется, а внутри окажется камень воскрешения – вот это докажет Гермионе, что Гарри прав: Дары существуют.

Она обратилась к Рону:

– Ты ведь тоже не веришь, да?

Гарри пристально посмотрел на друга.

– Не знаю... то есть... ну... кое-что действительно сходится... – Рон замялся. – Но если в целом... – Он глубоко вздохнул. – Я думаю, надо уничтожить окаянты, Гарри. Так велел Думбльдор. А про Дары, наверное... надо забыть.

– Спасибо, Рон, – сказала Гермиона. – Я сегодня дежурю первая.

Она прошла мимо Гарри и села у входа в палатку, давая понять, что разговор окончен.

Ночью Гарри не мог уснуть. Мысль о Дарах терзала его, и успокоиться не получалось. Волшебная палочка, камень, плащ... если бы ими завладеть...

Я открываюсь в конце... В конце чего? Почему нельзя раздобыть камень сейчас? Будь у Гарри камень, он бы задавал эти вопросы лично Думбльдору... И Гарри в темноте наугад шептал золотому мячику разные слова, даже на серпентарго, но Проныра не открывался...

А палочка, бузинная палочка, где она? Где ищет ее Вольдеморт? Гарри хотелось, чтобы шрам запылал огнем и впустил его в сознание Вольдеморта. Впервые их с Вольдемортом объединяло одно желание... Гермионе, конечно, такое не понравилось бы... Но она не верит... Ксенофил по-своему прав... *Она ограниченная. Недалекая. С узкими представлениями...* Дары Смерти пугают ее, особенно камень воскрешения... Гарри опять припал губами к Проныре, целуя его, чуть ли не съедая, но холодный металл не откликнулся...

Уже почти рассвело, когда он вспомнил про Луну, которая сидит за решеткой в Азкабанах среди дементоров, и ему стало стыдно. В лихорадочных размышлениях о Дарах он совсем о ней забыл. Как ее вытащить?.. Но через армию дементоров не пройти... Он вдруг вспомнил, что еще не вызывал Заступника терновой палочкой... надо утром попробовать...

Если бы достать палочку получше...

И желание владеть бузинной палочкой, совершенным, непобедимым Смертным жезлом, вновь захватило его целиком...

Утром они сложили палатку и двинулись дальше сквозь тоскливую пелену дождя. Ливень пригнал их на берег, где они к вечеру и расположились, и так продолжалось всю неделю — одна сплошная сырость. Дождь, унылые пейзажи вгоняли Гарри в тоску. Он только и думал, что о Дарах Смерти. В нем словно горел огонек, который не могли потушить ни категорическое неверие Гермионы, ни упорные сомнения Рона. Но чем сильнее Гарри жаждал заполучить Дары, тем меньше это доставляло ему радости. Он винил Рона и Гермиону: их решительное равнодушие к его идее портило настроение не меньше бесконечного дождя, но не могло поколебать его уверенности —

абсолютно твердокаменной. Желание найти Дары овладело Гарри настолько, что он отдалился от друзей, одержимых своими окаянтами.

– Одержимых? – с тихой злобой бросила Гермиона, когда однажды вечером он случайно обронил это слово в ответ на ее обвинение: он, дескать, забыл о цели их путешествия. – Мы, Гарри, в отличие от некоторых, не одержимы! Мы просто исполняем волю Думбльдора!

Но он оставался глух к ее завуалированным нападкам. Ведь ей самой Думбльдор оставил знак Даров для расшифровки! А внутри золотого Проныры – Гарри нисколько не сомневался – спрятан камень воскрешения. *Выжить суждено лишь одному... Хозяин Смерти...* Почему до Рона и Гермионы не доходит?

– «Последний же враг истребится – смерть», – спокойно процитировал он.

– А я-то думала, что наш враг – СамЗнаешь-Кто, – огрызнулась Гермиона, и Гарри отчаялся ее переубедить.

Даже загадка серебряной лани, которую Рон и Гермиона живо обсуждали, мало интересовала Гарри: отчасти занимательная интермедия, не более того. Его беспокоила только боль в шраме – она вернулась, и он тщательно это скрывал. Когда она возникала, он стремился уединиться, но видения разочаровывали его. Они были какие-то размытые, смазанные. Он различал лишь подобие черепа и гору, больше похожую на тень. Гарри привык к видениям четким, как в жизни, и перемена сбивала его с толку. Неужели связь между ним и Вольдемортом – связь, которую Гарри боялся и одновременно, что бы он ни говорил Гермионе, ценил, – нарушилась? Должно быть, объяснял он себе, картинки размыты потому, что сломалась волшебная палочка, а терновая не дает читать мысли Вольдеморта ясно, как прежде.

Шли дни, недели. Постепенно Гарри, хоть и был всецело поглощен своими мыслями, начал замечать, что руководит все чаще Рон – то ли чтобы компенсировать вину за свой побег, то ли потому, что апатия Гарри пробудила в нем спящие лидерские качества. В любом случае именно Рон теперь побуждал их к действию.

– Осталось три окаянта, – твердил он. – Нам необходим план – ну же, шевелите мозгами! Где мы еще не искали? Вспоминаем. Приют...

Диагон-аллея, «Хогварц», дом Реддлей, «Боргин и Д'Авилло», Албания – все места, где когда-либо жил или работал Том Реддль, где

он бывал и где убивал, — вновь и вновь перечислялись Роном и Гермионой. Гарри подавал голос, только чтобы Гермiona к нему не цеплялась. Ему бы сидеть в тишине и стараться прочесть мысли Вольдеморта, узнать побольше о бузинной палочке — а Рон тащит их неизвестно куда, чаще в такие места, где меньше всего ожидаешь найти окаянты, и лишь для того, чтоб не торчать на одном месте.

— Никогда не знаешь, где найдешь, где потеряешь, — упорно бубнил Рон. — Вот, например, Верхний Флэгли — колдовская деревня. Вдруг он хотел там жить? Давайте проверим.

Во время этих вылазок на колдовскую территорию они не раз натывались на Отловщиков.

— Вообще-то они не лучше Упивающихся Смертью, — сказал Рон. — Те, что поймали меня, были слюнтяи, но Билл считает, что некоторые и правда опасны. По «Поттер-дозору» передавали...

— По чему? — спросил Гарри.

— По «Поттер-дозору», я не рассказывал? Радиостанция, которую я тут все ловлю, — где говорят всё как есть. Остальные подчиняются СамЗнаешь-Кому. Я очень хочу, чтобы ты послушал, только вот настроиться не так просто...

Каждый вечер Рон пытался поймать волну, палочкой выстукивая разные ритмы по корпусу радиоприемника. Изредка ему вдруг давали совет по исцелению драконьей оспы, а однажды запели «Котел, полный крепкой и сладкой любви». Не переставая стучать, Рон пытался угадать пароль и бормотал слова, какие только придут в голову.

— Обычно пароль — это что-то про Орден, — пояснял он. — Билл их классно угадывал. Я тоже рано или поздно должен...

Но Рону не везло до самого марта. Однажды, когда Гарри сидел на дежурстве, уставившись на куст мышинных гиацинтов, неведь как пробившийся из-под мерзлой земли, из палатки раздался взволнованный крик:

— Нашел! Получилось! Пароль «Альбус»! Гарри, иди скорей!

Впервые за много дней отвлекшись от мыслей о Дарах Смерти, Гарри кинулся в палатку. Рон и Гермiona на коленях стояли перед маленьким радио. Гермiona, которая до этого от скуки полировала меч Гриффиндора, открыв рот глядела на приемник, откуда доносился до боли знакомый голос:

– ...просим простить за наше временное отсутствие! Дело в том, что нас одолевали визитами очаровашки Упивающиеся!..

– Это же Ли Джордан! – воскликнула Гермиона.

– Да! – просиял Рон. – Круто, скажи?

– ...но теперь мы нашли новое укромное местечко, – говорил Ли, – и я рад сообщить, что ко мне в студии присоединились два наших постоянных эксперта. Добрый вечер, ребята!

– Привет.

– Добрый вечер, Речка.

– Речка – это Ли, – пояснил Рон. – У них у всех псевдонимы, но обычно понятно...

– Тихо, – шикнула Гермиона.

– Однако прежде чем мы побеседуем с Роялом и Ромулом, – продолжал Ли, – прервемся на сообщения о смертях, о которых ни «Канал волшебных новостей», ни «Оракул» не посчитали нужным упомянуть. С огромным прискорбием сообщаем, что убиты Тед Бомс и Дирк Крессуэлл.

У Гарри все перевернулось внутри. Он, Рон и Гермиона в ужасе посмотрели друг на друга.

– Также убит гoblin Горнук. По слухам, муглорожденному Дину Томасу и еще одному гoblinу, которые предположительно странствовали с Бомсом, Крессуэллом и Горнуком, удалось скрыться. Если Дин нас слушает или кто-то знает о его местонахождении, передайте, что его родители и сестры ждут весточки... Кроме того, в Геддли найдена мертвой семья муглов из пяти человек. Власти муглов связывают их гибель с утечкой газа, но Орден Феникса утверждает, что причиной послужило убийственное проклятие. Еще одно доказательство – можно подумать, нам нужны лишние – того, что расправы над муглами при новом режиме становятся попросту забавой. И наконец, с прискорбием сообщаем, что в Годриковой Лощине найдены останки Батильды Бэгшот. Судя по всему, она умерла несколько месяцев назад. По данным Ордена Феникса, на теле обнаружены раны, которые неоспоримо свидетельствуют о применении черной магии. Мы объявляем минуту молчания в память о Теде Бомсе, Дирке Крессуэлле, Батильде Бэгшот, Горнуке и неизвестных, но оплакиваемых нами муглах, которых убили Упивающиеся Смертью.

Наступила тишина. Гарри, Рон и Гермиона молчали. Гарри и хотел, и страшился услышать другие новости. Впервые за долгое время он был полноценной частицей внешнего мира.

– Благодарим вас, – произнес голос Ли. – А теперь обсудим с нашим постоянным экспертом Роялом, как новый колдовской режим влияет на жизнь муглов.

– Спасибо, Речка, – произнес безошибочно узнаваемый голос – глубокий, размеренный, уте-шительный.

– Кингсли! – выкрикнул Рон.

– Знаем! – оборвала Гермиона.

– Муглы не понимают, откуда исходит опасность, однако продолжают нести тяжелые потери, – сказал Кингсли. – Тем не менее до нас доходят поистине вдохновляющие истории о колдунах и ведьмах, которые, рискуя собственной безопасностью, спасают друзей и соседей-муглов, часто без ведома последних. Я хотел бы обратиться к слушателям с просьбой последовать этому примеру. Скажем, наложить обычное защитное заклинание на дома муглов на вашей улице. Эта простейшая мера может спасти немало жизней.

– Роял, а что бы вы сказали тем слушателям, которые считают, что в наше ужасное время «колдуны превыше всего»? – спросил Ли.

– Я бы сказал, что от «колдуны превыше всего» один шаг до «чистокровки превыше всего», а оттуда прямая дорога к Упивающимся Смертью, – ответил Кингсли. – Все мы люди. Все человеческие жизни одинаково ценны и заслуживают спасения.

– Отлично сказано, Роял! Если когда-нибудь выпутаемся из этой заварушки, я проголосую за вас на выборах министра, – пообещал Ли. – Ну а теперь – Ромул в нашей популярной рубрике «Друзья Поттера».

– Благодарю, Речка, – раздался еще один очень знакомый голос. Рон открыл было рот, но Гермиона, опережая его, зашипела:

– Да, да, это Люпин!

– Ромул, вы по-прежнему, как и всякий раз, появляясь у нас в эфире, утверждаете, что Гарри Поттер жив?

– Абсолютно верно, – твердо сказал Люпин. – О его гибели во всеуслышание объявили бы Упивающиеся Смертью – это стало бы сильнейшим ударом для движения сопротивления новому режиму. «Мальчик, который остался жив» был и остается символом всего, за

что мы боремся: добра, справедливости, необходимости противостоять злу.

Гарри охватила жаркая благодарность – и стыд. Значит, Люпин простил те ужасные слова, которые Гарри бросил сгоряча при последней встрече?

– Ромул, а что бы вы сказали Гарри, если б знали, что он вас слушает?

– Сказал бы, что мысленно мы с ним, – ответил Люпин и, колебавшись, добавил: – А еще посоветовал бы доверять своим инстинктам. Они у него неплохо развиты и почти никогда не подводят.

Гарри взглянул на Гермину. Ее глаза были полны слез.

– Почти никогда не подводят... – повторила она.

– Ой, а я забыл, да? – удивился Рон. – Билл говорил, Люпин снова с Бомс! И она, судя по всему, растет на глазах...

– ...А теперь, как обычно, – новости о друзьях Гарри Поттера, пострадавших за преданность его делу? – продолжал тем временем Ли.

– Как знают наши постоянные слушатели, арестованы еще несколько известных сторонников Гарри Поттера, в том числе Ксенофил Лавгуд, бывший главный редактор журнала «Правдобор», – сказал Люпин.

– Хотя бы жив, – пробормотал Рон.

– Кроме того, в последние часы пришло сообщение о том, что Рубеус Огрид, – (все трое вскрикнули и чуть не прослушали дальнейшее), – всем известный лесник и хранитель ключей «Хогварца», чудом избежал ареста в своем доме на территории школы, где, по слухам, проходил организованный им вечер в поддержку Гарри Поттера. Однако схватить Огрида не удалось, и теперь он в бегах.

– Надо думать, когда спасаешься от Упивающихся Смертью, шестнадцатифутовый сводный братик приходится очень кстати? – спросил Ли.

– Безусловно кстати, – серьезно ответил Люпин, – но, отдавая должное силе духа Огрида, мы в «Поттер-дозоре» призываем даже самых верных сторонников Гарри Поттера не брать с Огрида пример. Вечера в поддержку Гарри Поттера – не самое мудрое времяпрепровождение в сложившейся обстановке.

– Действительно, Ромул, вы правы, – признал Ли. – Но, друзья, в эфире «Поттер-дозор», и, слушая нас, вы выражаете поддержку

человеку со шрамом-молнией! А сейчас перейдем к новостям о столь же неуловимом колдуне, которого мы называем командиром Упивающихся Смертью. Самые невероятные слухи о нем прокомментирует наш новый эксперт Рябчик.

– *Рябчик?! –* возмутился в ответ еще один знакомый голос.

Гарри, Рон и Гермиона хором закричали:

– Фред!

– Может, Джордж?

– Нет, кажется, Фред, – сказал Рон, наклоняясь ближе к динамику и прислушиваясь.

– Какой Рябчик, еще не хватало! Я же говорил, что хочу быть Рапирой!

– Ах да, Рапира! Так позволите ли узнать вашу точку зрения на мифы о командире Упивающихся Смертью?

– Разумеется, Речка, позволю, – ответил Фред. – Итак. Наши слушатели – те, кто не прячется в страхе где-нибудь на дне пруда, – уже поняли, что Сами-Знаете-Кто верен своей стратегии: он отсиживается в тени, что неизбежно порождает у населения приятную легкую панику. Хочу отметить, что если верить всем сообщениям о его появлениях там и сям, у нас тут шастает никак не меньше девятнадцати Сами-Знаете-Кого.

– Что ему только на руку, – вставил Кингсли. – Ореол таинственности устрашает сильнее, чем собственно появление на публике.

– Согласен, – сказал Фред. – Поэтому, народ, давайте-ка успокоимся. Да, дела обстоят не лучшим образом, но не будем усугублять положение распространением небылиц. Возьмем, к примеру, один из последних слухов: якобы Сами-Знаете-Кто способен убивать взглядом. Ошибочка, дорогие слушатели. Взглядом убивает василиск. Если на вас пялится кто-то подозрительный, проверьте, имеются ли у него ноги. Если да – смело смотрите ему в глаза! Правда, если это окажется Сами-Знаете-Кто, скорее всего, он станет последним, кого вы увидите в жизни...

Гарри впервые за долгое время хохотал; неотступное напряжение слегка спало.

– А что вы скажете насчет слухов, будто он за границей? – осведомился Ли.

– Да что тут скажешь? Кому бы не хотелось отдохнуть от трудов несправедливых? – ответил Фред. – Но, господа, не стройте иллюзий, что пока он за пределами страны, вы в безопасности. По сути, не важно, где он: когда надо, он носится пошустрее, чем Злодеус Злей, удирающий от шампуня, так что если затеяли рисковать, лучше не рассчитывайте, что он где-то далеко. Эх, вот не думал, что такое скажу, но... осторожность, друзья мои, прежде всего!

– Спасибо большое за мудрые слова, Рапира, – поблагодарил Ли. – Что ж, уважаемые слушатели, очередной выпуск «Поттер-дозора» подошел к концу. Не знаем, когда встретимся с вами снова, но непременно встретимся. Ищите нас на этой частоте. Кодовое слово следующего выпуска – «Шизоглаз». Берегите друг друга. Не теряйте веру. Спокойной ночи.

В динамике затрещало, и огоньки на панели настройки погасли. Гарри, Рон и Гермиона лучились от счастья. Знакомые дружеские голоса были словно глоток свежего воздуха. Гарри так привык к изоляции – он уже и забыл, что другие люди тоже борются с Вольдемортом. Он будто проснулся от долгого сна.

– Здорово, да? – радостно сказал Рон.

– Блеск, – подтвердил Гарри.

– Какие они смелые! – восхищенно вздохнула Гермиона. – Если б их засекли...

– Ну, они вряд ли сидят на одном месте, – отозвался Рон. – Как и мы.

– Слышали, что сказал Фред? – Гарри разволновался. Передача кончилась, и его мысли вернулись в старое русло. – Он за границей! Наверняка ищет волшебную палочку, я так и знал!

– Гарри...

– Да ладно тебе, Гермиона! Зачем так упорно отрицать, что Воль...

– ГАРРИ, МОЛЧИ!

– ...деморт охотится за бузинной палочкой?

– На имя наложено Табу! – завопил Рон и вскочил, потому что за стенкой палатки послышался громкий хлопок. – Гарри, я же говорил, говорил, что нельзя произносить его вслух! Скорей, нужно снова возвести защиту! Срочно! Они так находят...

Тут он осекся, и Гарри понял почему. Горескоп на столе засветился и начал вращаться. Со всех сторон к палатке приближались голоса:

хриплые, возбужденные. Рон выхватил из кармана мракёр и щелкнул. Все лампы погасли.

– Выходите с поднятыми руками! – проскрипел из темноты чей-то голос. – Мы знаем, что вы там! На вас нацелено полдюжины палочек, и нам плевать, в кого угодит заклятие!

Глава двадцать третья

Поместье Малфоев

Гарри оглянулся на друзей: два силуэта, почти неразличимых в темноте. Он увидел, как Гермиона направляет свою волшебную палочку – но не на него, а не на вход в палатку. В глаза ударил белый луч, и от боли Гарри согнулся пополам, временно ослепнув. Он ощупал лицо: оно стремительно опухало. Послышались чьи-то тяжелые шаги; его окружили.

– Вставай, паразит!

Кто-то грубо поднял Гарри с земли и, не успев он опомниться, как его обыскали и отняли терновую палочку. Гарри хватался за лицо; оно страшно болело и явно изменилось до неузнаваемости – раздулось, словно при сильной аллергии. Кожа натянулась, глаза превратились в щелочки, и он почти ничего не видел; очки, когда его вытаскивали из палатки, слетели, и он едва различал неясные очертания четырех-пяти человек, схвативших Рона и Гермиону.

– Руки прочь от нее! – заорал Рон.

Раздался очень неприятный звук – кулак саданул по телу. Рон хрипло охнул, а Гермиона закричала:

– Нет! Не трогайте его, не трогайте!

– Ничего, пусть привыкает: ему еще больше не поздоровится, если он у меня в списке, – сказал до ужаса знакомый сиплый голос. – Какая девочка... прелесть... кожа нежная... обожаю...

У Гарри подвело живот: он узнал Фенрира Уолка, оборотня, пожалованного мантией Упивающегося Смертью за невероятное зверство.

– Общайте палатку! – приказал другой голос.

Гарри швырнули на землю лицом вниз. По глухому стуку он понял, что Рона бросили рядом. В палатке Упивающиеся Смертью задвигали стульями.

– А теперь посмотрим на улов, – кровожадно произнес Уолк.

Гарри перекатали на спину. Луч волшебной палочки осветил его лицо. Уолк засмеялся:

– Этого придется запивать усладэлем. Что с тобой, уродец?

Гарри молчал.

– Я задал вопрос, – повторил Уолк, и Гарри, получив удар в солнечное сплетение, крикнул и сложился вдвое. – Что с тобой?

– Ужалили, – пробормотал Гарри. – Меня ужалили.

– Да, похоже, – сказал второй голос.

– Фамилия? – рявкнул Уолк.

– Дудли, – ответил Гарри.

– А имя?

– Я... Вернон. Вернон Дудли.

– Проверь по списку, Паршьер, – приказал Уолк, и Гарри услышал, что он перешел к Рону. – Ну а ты, рыжий?

– Стэн Самосвальт, – сказал Рон.

– Не ври! – бросил Паршьер. – Мы знаем Стэна, он для нас кой-чего делал.

Еще глухой удар.

– Я Барди, – промычал Рон; судя по голосу, его рот был полон крови. – Барди Уигли.

– А, Узли! – рыкнул Уолк. – Родня предате-ям крови, хоть и не мугродьё! Ага... И наконец, подружка-симпатяшка...

Он произнес это с таким смаком, что Гарри содрогнулся.

– Притормози, Уолк, – предупредил Паршьер, а остальные загоготали.

– Да не собираюсь я ее трогать! Пока что. Просто выясню, помнит ли девчушка собственное имя. В отличие от Барни. Кто ты, лапушка?

– Пенелопа Диямант, – испуганно, но твердо ответила Гермиона.

– Какой крови?

– Полукровка, – сказала она.

– Это легко проверить, – проговорил Паршьер. – Но только эта компашка, похоже, из «Хогварца»...

– Бы бдосили, – поспешно вставил Рон.

– Бросили школу, рыжий? – переспросил Паршьер. – И отправились в поход? А заодно, смеха ради, решили осквернить имя Черного Лорда?

– Де осгведнить, – сказал Рон. – Сдучайдо.

– Случайно? – Раздался смешок. – А тебе известно, кто любит называть Черного Лорда по имени, Уизли? – прорычал Уолк. – Ребятишки из Ордена Феникса. Ни о чем не говорит?

– Дет.

– Они не выказывали Черному Лорду должного почтения, поэтому на имя наложили Табу. И в итоге кое-кого из Ордена мы выследили. Ладно, еще узнаем про вас. Свяжите их вместе с двумя другими!

Гарри схватили за волосы, протащили немного и грубо усадили на землю, а затем начали привязывать к кому-то спиной к спине. Гарри по-прежнему ничего толком не видел. Когда тот, кто их связывал, наконец ушел, Гарри зашептал другим пленным:

– У кого-нибудь осталась волшебная палочка?

– Нет, – раздался голоса Рона и Гермионы справа и слева.

– Это все я виноват. Произнес имя. Простите...

– Гарри?

Новый, но хорошо знакомый голос прозвучал из-за спины Гарри, слева от Гермионы.

– *Дин?*

– *Ты?* Если они узнают, кого поймали!.. Это Отловщики, ищут беглых за вознаграждение...

– Неплохая добыча за ночь. – Подбитые гвоздями башмаки Уолка застучали совсем рядом; в палатке еще что-то швыряли. – Мугродье, беглый гоблин и эти прогульщики. Проверил по списку, Паршьер? – прорычал он.

– Да. В списке нет никакого Вернона Дудли.

– Интересно, – отозвался Уолк. – Очень интересно.

Он присел возле Гарри. Тот сквозь крошечную щелку меж распухших век увидел страшную рожу с седой свалявшейся шевелюрой и бакенбардами, бурые зубы, заеды в уголках рта. Как и тогда, на башне, в ночь, когда погиб Думбльдор, от Уолка несло грязью, потом, кровью.

– Значит, ты не в розыске, Вернон? Или ты в списке под другой фамилией? Где ты учился в «Хогварце»?

– В «Слизерине», – машинально ответил Гарри.

– Забавно: нам все так говорят, – ухмыльнулся Паршьер из темноты. – Но почему-то никто не знает, где у них гостиная.

– В подземелье, – отчеканил Гарри. – Проход сквозь стену. Там много черепов и прочего подобного, и гостиная прямо под озером, поэтому свет зеленый.

Повисла короткая пауза.

– Что ж... Похоже, нам и впрямь попался слизеринец, – констатировал Паршьер. – Это тебе в плюс, Вернон, в «Слизерине» мугродня не много. Кто твой отец?

– Работает в министерстве, – сочинил Гарри. Он знал: его ложь моментально рухнет, копни они чуть поглубже, но, с другой стороны, игра так и так кончится, едва придет в норму его физиономия. – В департаменте волшебных происшествий и катастроф.

– Знаешь, Уолк, – сказал Паршьер, – кажется, там правда есть какой-то Дудли. Гарри затаил дыхание: возможна ли такая удача? Вдруг им повезет выбраться?

– Ну-ну... – произнес Уолк. Его жестокий голос чуть дрогнул. Гарри знал, что Уолк сейчас решает, действительно ли они повязали сына министерского чиновника. Сердце Гарри било по веревкам, стянувшим грудь; он бы не удивился, если б Уолк это заметил. – Ежели так, уродец, тебе нечего бояться – сейчас прогуляемся в министерство, и твой папаша наградит нас за то, что мы вернули ему дорогое чадо.

– Но, – рот Гарри мгновенно пересох, – если бы вы нас просто...

– Эй! – крикнули из палатки. – Уолк, глянь!

Подбежала темная фигура. Что-то серебристо сверкнуло в лучах волшебных палочек. Отловщики нашли меч Гриффиндора.

– О-о-очень хорошо! – похвалил Уолк, забрав меч. – Просто шикарно. Кажется, гоблинская работа. – И, обращаясь к Гарри: – Где добыл?

– Это моего отца, – соврал Гарри, слабо надеясь, что в темноте Уолк не разглядит гравировку под гардой. – Мы взяли его рубить дрова...

– Подожди-ка, Уолк! Смотри, в «Оракуле»!

Как только Паршьер это сказал, шрам на распухшем лбу пронзил острая боль. И яснее всего, что было вокруг, Гарри увидел высокую, черную, зловещую крепость – внезапно мысли Вольдеморта вновь как бритва прорезали его сознание.

Он скользил к каменной громаде, и им владела ровная эйфория предвкушения собственного торжества.

Близко... Уже близко...

Огромным усилием воли Гарри закрыл разум, вернулся в темноту, в свое тело, привязанное к Рону, Гермионе, Дину и Цапкрюку, и прислушался к разговору Уолка и Паршьера.

– «Гермиона Грейнджер, – говорил Паршьер, – мугродье. Находится в бегах с Гарри Поттером».

Шрам горел, но Гарри отчаянно держался за настоящее, не давал себе соскользнуть в сознание Вольдеморта. Он услышал скрип башмаков Уолка – тот присел на корточки перед Гермионой.

– Знаешь что, лапушка? Сдается мне, на этой фотографии – ты.

– Нет, не я! Это не я!

Испуганный писк Гермионы был равносителен признанию.

– *В бегах с Гарри Поттером*, – тихо повторил Уолк.

Все кругом замерло. Боль истязала Гарри с какой-то изощренной виртуозностью, но он из последних сил сопротивлялся зову мыслей Вольдеморта. Сейчас, как никогда, было важно оставаться в своем уме.

– Это все меняет, верно? – прошептал Уолк.

Все молчали. Гарри чувствовал на себе застывшие взгляды Отловщиков, ощущал дрожь в руке Гермионы. Уолк поднялся, подошел, присел над Гарри и вгляделся в его распухшее лицо.

– Что это у тебя на лбу, Вернон? – мягко поинтересовался он. В ноздри Гарри ударило зловонное дыхание оборотня, грязный палец надавил на растянутый шрам.

– Не трогайте! – завопил Гарри: не смог сдержаться, боялся потерять сознание от боли.

– Я думал, Поттер, ты очкарик, – еле слышно произнес Уолк.

– Я нашел очки! – закричал какой-то Отловщик сзади. – В палатке! Сейчас...

Через пару секунд очки водрузили на нос Гарри. Отловщики собрались вокруг, уставились на него.

– Есть! – завопил Уолк. – Мы поймали Поттера!

Его подельники попятились, ошеломленные собственным достижением. Гарри, еле удерживаясь в настоящем – так раскалывалась голова, – все еще надеялся что-то придумать. Фрагменты видений врывались в его сознание...

...он скользил вдоль высоких стен черной крепости...

Нет, нет, он – Гарри, он связан, у него отобрали палочку, он в большой опасности...

...смотрел вверх, на вершину самой высокой башни...

Он – Гарри, а рядом Отловщики вполголоса решают его судьбу...

...пора лететь...

– ...в министерство?

– Да пошло оно куда подальше! – рявкнул Уолк. – Вся слава им, а нас побоку... Нет, отведем напрямик к Сами-Знаете-Кому.

– Ты вызовешь его *сюда*? – В голосе Паршьера звучал ужас.

– Нет! – огрызнулся Уолк. – У меня нет... Говорят, его штаб-квартира у Малфоев. Доставим туда.

Гарри догадался, почему Уолк не вызвал Вольдеморта.оборотню, когда он понадобился, разрешили надеть мантию Упивающегося Смертью, однако чести носить Смертный Знак не удостоили. Так Вольдеморт клеймил только наивернейших слуг.

Шрам Гарри опять запылал...

...и он воспарил в ночи прямо в небо, к окнам высокой башни...

– ...точно уверен, что это он? Если вдруг нет, Уолк, нам крышка.

– Кто здесь главный? – грозно взревел Уолк, скрывая свои сомнения. – Говорю вам, это Поттер, а Поттер плюс его палочка – это двести тысяч галлеонов враз! Если у вас духу не хватает, я возьму все себе, а если подфартит, то и девчонку в придачу!

...окно – прорезь в черной скале, слишком узкая, взрослому человеку не пролезть... внутри кто-то едва различимый, почти скелет, под одеялом... мертв – или спит?..

– Ладно! – решил Паршьер. – Мы в деле! Но как с остальными?

– Возьмем всех. Мугродья две штуки – еще десять галлеонов. И дай-ка меч. Что тут, рубины? Тоже прибыль.

Пленных вздернули на ноги. Гарри слышал, как рядом задыхается от ужаса Гермiona.

– Держите их крепче. Я возьму Поттера! – Уолк схватил Гарри за волосы. Длинные желтые когти царапнули кожу на голове. – На счет три! Раз – два – три...

Они дезаппарировали, потащив пленников за собой. Гарри пытался вырваться, но без толку. Его стиснуло между Роном и Гермионой, никуда не денешься. Дыхание сбилось, шрам заболел еще мучительней...

...он змеей скользнул в оконную щель, легким туманом опустился на пол комнаты... камеры...

Шатаясь и толкаясь, они приземлились на проселке. Через миг-другой опухшие глаза Гарри различили железные ворота, за которыми уходила вдаль длинная аллея. От сердца чуть-чуть отлегло: худшее пока не случилось, Вольдеморта здесь нет. Гарри знал это, потому что сопротивлялся видению; Вольдеморту в каком-то странном месте, в крепости, на вершине самой высокой башни. Как скоро он появится, узнав, что Гарри пойман, – другой вопрос...

Один Отловщик шагнул к воротам и подергал.

– Как мы войдем? Заперто, Уолк, я не могу... А, чтоб тебя!..

Он испуганно отдернул руки. Железо начало искажаться, выворачиваться и превратилось в кошмарную рожу, которая громко пролязгала:

– Цель визита?

– Мы привели Поттера! – торжествующе прорычал Уолк. – Схватили Гарри Поттера!

Ворота распахнулись.

– Вперед! – приказал Уолк своим.

Пленников протащили в ворота и повели по аллее вдоль плотной живой изгороди, приглушавшей стук шагов. Над головой Гарри заметил какое-то призрачное белое существо – оказалось, павлин-альбинос. Гарри споткнулся, но Уолк удержал его на ногах; Гарри нестойко брел спина к спине с другими пленниками. Он сомкнул опухшие веки и на мгновение разрешил боли в шраме завладеть собой – хотел узнать, что делает Вольдеморту, знает ли уже, что Гарри схвачен...

...изможденный мужчина под тонким одеялом зашевелился, повернулся, разомкнул веки... сел, уставился глубоко запавшими глазами на него, Вольдеморта, и улыбнулся... у доходяги почти не осталось зубов...

– А-а, пришел! Я знал, что придешь... рано или поздно... Но зачем? Зря потратил время. У меня ничего нет и не было.

– Лжешь!

Гнев Вольдеморта разлился внутри, голова грозила взорваться. Гарри рывком вернул сознание в свое тело, в реальность – их волокли по гравии.

Всех залил яркий свет.

– В чем дело? – прозвучал холодный женский голос.

– Мы к Тому-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут! – прохрипел Уолк.

– Кто вы?

– Вы знаете меня! – негодуя бросил оборотень. – Фенрир Уолк!

Мы поймали Гарри Поттера!

Уолк схватил Гарри и выволок на свет, потянув за ним других пленников.

– Да, рожа опухшая, мэм, но это он! – подтвердил Паршьер. – Приглядитесь, вот шрам. И, видите, девчонка? Его подружка, мугродье, которая была с ним в бегах. Это точно он, мэм, и у нас его палочка! Вот...

Сквозь щелки глаз Гарри увидел, как Нарцисса Малфой пристально вглядывается в его распухшее лицо. Паршьер показал ей терновую палочку; Нарцисса приподняла брови.

– Введите, – сказала она.

Гарри и остальных протащили по каменным ступеням и втолкнули в холл, увешанный портретами.

– Следуйте за мной, – приказала Нарцисса, направляясь в комнаты. – Мой сын Драко дома на пасхальных каникулах. Если это Гарри Поттер, он узнает.

После темноты снаружи гостиная ослепляла; даже почти ничего не видя, Гарри понимал, как огромна комната. С потолка свисала хрустальная люстра, темно-лиловые стены увешаны портретами. Когда Отловщики ввели пленных, с кресел перед резным мраморным камином поднялись двое.

– Что такое?

Слишком хорошо знакомый, протяжный голос Люциуса Малфоя резанул слух. Гарри запаниковал; теперь они точно пропали. От страха блокировать мысли Вольдеморта стало проще, хотя шрам болел с прежней силой.

– Они утверждают, что поймали Поттера! – прозвучал ледяной голос Нарциссы. – Драко, подойди.

Гарри не посмел открыто посмотреть на Драко, но видел его краем глаза. Тот встал с кресла – несколько выше Гарри, лицо – бледное треугольное пятно в обрамлении белых волос.

Уолк вытолкнул Гарри вместе с остальными под люстру.

– Что скажете, юноша? – просипел оборотень.

Гарри стоял перед камином, против большого зеркала в золоченой раме, и сквозь щелочки глаз видел свое отражение – впервые с тех пор, как покинул площадь Мракэнтлен.

Огромное, блестящее, розовое лицо; все черты искажены проклятием Гермионы. Черные волосы до плеч, подбородок оттенен щетиной. Просто не верилось, что это он, – казалось, кто-то другой нацепил его очки. Гарри твердо решил молчать, чтобы его не узнали по голосу. Взгляда Драко он избегал. Тот приблизился.

– Итак, Драко? – алчно спросил Люциус Малфой. – Это он? Гарри Поттер?

– Не знаю... не уверен, – ответил Драко. Он держался подальше от Уолка и, по всей видимости, тоже боялся прямо глядеть на Гарри.

– Смотри внимательней! Подойди ближе!

Гарри никогда не видел, чтобы Люциус Малфой так волновался.

– Драко, если именно мы передадим Поттера Черному Лорду, нам все прости...

– Э, э, мистер Малфой! Надеюсь, мы не забудем, кто на самом деле поймал Поттера? – с угрозой произнес Уолк.

– Нет, разумеется, нет! – нетерпеливо отмахнулся Люциус и подошел так близко, что Гарри даже опухшими глазами увидел каждую черточку на этом обычно апатичном, бледном лице. Самого Гарри раздуло настолько, что он смотрел будто сквозь прутья решетки. – Что вы с ним сделали? – спросил Люциус Уолка. – Почему он в таком виде?

– Это не мы.

– Похоже на жгучую порчу, – обронил Люциус.

Его серые глаза изучали лоб Гарри.

– Что-то есть, – прошептал он. – Может, и шрам, только растянутый... Драко, иди взгляни. Внимательней! Что думаешь?

Гарри увидел вблизи лицо Драко, совсем рядом с лицом отца. Они были необычайно похожи, только отец смотрел с жадным интересом, а Драко – с неохотой и даже страхом.

– Не знаю, – сказал он наконец и отошел к камину, где стояла и наблюдала за происходящим его мать.

– Мы должны быть уверены, Люциус, – невозмутимо произнесла Нарцисса. – Абсолютно уверены, что это Поттер, прежде чем призовем

Черного Лорда... Они утверждают, что это его, – она всмотрелась в терновую палочку, – однако с описанием Олливандера не сходится... Если мы ошибемся и вызовем Черного Лорда понапрасну... Ты же помнишь, что он сделал с Раулом и Долоховым.

– Ну а мугродье? – рыкнул Уолк. Гарри чуть не свалился, когда Отловщики силой развернули пленников так, чтобы свет люстры упал на Гермиону.

– Минуточку! – резко воскликнула Нарцисса. – Да-да, это она была с Поттером у мадам Малкин! Я видела ее фотографию в «Оракуле»! Посмотри, Драко, – это Грейнджер?

– Я... наверное... да...

– Но тогда этот – Уизли! – выкрикнул Люциус, обходя пленников и приближаясь к Рону. – Они дружки Поттера! Драко, посмотри, это же сын Артура Уизли? Как там его?..

– Да, – отозвался Драко, стоя к пленникам спиной. – Может быть.

Позади Гарри отворилась дверь гостиной. Заговорила женщина, и, услышав этот голос, Гарри похолодел от ужаса.

– В чем дело? Что случилось, Цисса?

Беллатрикс Лестранж медленно обошла пленников и, остановившись справа от Гарри, воззрилась на Гермиону.

– Ну конечно, – тихо сказала она, – мугродье. Грейнджер?

– Да-да, это Грейнджер! – вскричал Люциус. – А рядом с ней, мы так думаем, Поттер! Поттер и его друзья наконец-то схвачены!

– Поттер? – взвизгнула Беллатрикс. И попятилась, чтобы лучше рассмотреть Гарри. – Уверен? Нужно срочно сообщить Черному Лорду! – Она оттянула левый рукав, и Гарри увидел Смертный Знак. Сейчас она коснется клейма, призовет своего обожаемого господина...

– Я призову! – вскричал Люциус, перехватывая ее запястье и не давая дотронуться до знака. – *Я призову*, Белла! Поттера привели в мой дом, а следовательно, в моих полномочиях...

– Полномочиях? – расхохоталась она, пытаясь вырвать руку. – Твои полномочия, Люциус, утрачены вместе с волшебной палочкой! Да как ты смеешь! Убери лапы!

– Тебя это не касается, не ты поймала мальчишку...

– Пардон, *мистер* Малфой, – вмешался Уолк, – но Поттера поймали мы, и мы будем требовать золота...

– Золота! – расхохоталась Беллатрикс, все еще вырываясь из хватки Люциуса и одновременно на шаривая в кармане волшебную палочку. – Кому нужно твое золото, падальщик, зачем оно мне? Мне важна лишь честь... служить...

Она прекратила сопротивляться, и ее взгляд устремился куда-то мимо – Гарри не понял куда. Люциус с облегчением выпустил ее руку и задрал свой рукав.

– СТОЙ! – закричала Беллатрикс. – Не трогай! Если мы сейчас вызовем Черного Лорда, то все погибнем!

Указательный палец Люциуса замер над Смертным Знаком. Беллатрикс отошла в сторону, вне поля зрения Гарри.

– Что это? – спросила она.

– Меч, – пробурчал невидимый Отловщик.

– Дай его мне.

– Он не ваш, миссис, он мой, я нашел!

Оглушительный хлопок, вспышка красного – очевидно, Отловщика сразили сногсшибателем. Его товарищи недовольно загалдели, Паршьер выхватил волшебную палочку.

– Что это вы затеяли, дамочка?

– Обомри! – завопила она. – Обомри!

Даже вчетвером они не представляли для нее угрозы: Беллатрикс была безжалостна и виртуозно владела колдовством. Отловщики попадали где стояли; все, кроме Уолка – тот застыл на коленях, вытянув руки вперед. Краем глаза Гарри видел, как Беллатрикс с восковым лицом, крепко сжимая меч, бросилась к оборотню.

– Где ты это взял? – шепотом спросила она, забирая волшебную палочку из обмякших пальцев Уолка.

– Как вы смеете? – прорычал он, обнажая острые зубы. Двигать он мог только ртом. – Пустите, дамочка!

– Где взял? – повторила она, потрясая мечом перед лицом Уолка. – Злей спрятал его в моем сейфе в «Гринготтсе»!

– Его нашли у них в палатке! – просипел Уолк. – Освободите же!

Она взмахнула волшебной палочкой, и оборотень вскочил на ноги, но приблизиться к Беллатрикс не рискнул. Он ретировался за кресло и вцепился в спинку грязными кривыми когтями.

– Драко, выкинь эту мразь из дому! – приказала Беллатрикс, ткнув пальцем в бесчувственных Отловщиков. – И если у тебя кишка тонка

их пришить, оставь на заднем дворе – я сама.

– Не смей так разговаривать с Драко! – вспыхнула Нарцисса, но Беллатрикс крикнула:

– Тихо! Дело очень серьезно, Цисса! Гораздо серьезней, чем ты можешь представить!

Часто, прерывисто дыша, она внимательно изучала эфес меча. Затем повернулась к безмолвным пленникам.

– Если это действительно Поттер, его нельзя трогать, – пробормотала она в основном себе самой. – Черный Лорд хотел прикончить его лично... Но если он узнает... Я должна... должна выяснить... – И велела сестре: – Пленников – в подвал, пока я не решу, как поступить!

– Это мой дом, Белла, ты не имеешь права распоряжаться...

– Делай что говорю! Ты понятия не имеешь, что нам грозит! – заорала Беллатрикс. Ее глаза горели устрашающим безумием; из палочки вырвалась тонкая огненная струйка и прожгла дыру в ковре.

Нарцисса на мгновение задумалась, затем сказала оборотню:

– Отведите пленных в подвал, Уолк.

– Подожди, – резко перебила Беллатрикс. – Всех, кроме... мугродья.

Уолк буквально застонал от удовольствия.

– Нет! – закричал Рон. – Возьмите меня, меня!

Беллатрикс ударила его по лицу: хлопок разнесся по комнате.

– Если она умрет на допросе, тогда возьму тебя, – пообещала она. – В моем списке предатели крови следуют сразу за мугродьем. Отведи их вниз, Уолк, и запри крепко, но не трогай... пока.

Беллатрикс бросила Уолку его волшебную палочку и достала из-под плаща короткий серебряный нож. Она обрезала веревки, отделила Гермиону от других пленников, схватила ее за волосы и выволокла на середину комнаты. Уолк между тем потащил остальных к другой двери, в темный коридор, выставив перед собой палочку, излучавшую невидимую и несокрушимую силу.

– Небось она даст мне позабавиться с девчонкой, когда сама с ней закончит, – напевал Уолк, толкая их по коридору. – Даст куснуть разочек-другой, а, как думаешь, рыжий?

Гарри почувствовал, что Рона бьет дрожь. Они спускались по крутой лестнице спина к спине, рискуя в любой момент свалиться и

сломать шею. Внизу путь им преградила массивная дверь. Уолк открыл ее волшебной палочкой, втолкнул их в сырую, затхлую комнату и оставил в крошечной тьме. Не успел стихнуть грохот закрывшейся двери, сверху донесся душераздирающий вопль.

– ГЕРМИОНА! – взвыл Рон и задергался. Он так отчаянно пытался освободиться от пут, что Гарри едва не упал. – ГЕРМИОНА!

– Тихо! – прикрикнул Гарри. – Замолчи, Рон, надо придумать, как...

– ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

– Прекрати орать, надо снять веревки...

– Гарри? – раздался шепот из темноты. – Рон? Это вы?

Рон перестал кричать. Что-то прошуршало рядом, и Гарри увидел возле себя чью-то тень.

– Гарри? Рон?

– *Луна?*

– Да, я! Я так надеялась, что вас не поймают!

– Луна, можешь нас развязать? – спросил Гарри.

– Да, наверное... У нас тут есть старый гвоздь, мы им все режем и разбиваем... Подождите...

Наверху опять закричала Гермиона, и Беллатрикс тоже, правда, слова нельзя было разобрать, и Рон снова завопил:

– ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

– Мистер Олливандер, – услышал Гарри шепот Луны, – мистер Олливандер, гвоздь у вас? Если вы чуточку подвинетесь... кажется, он у кувшина с водой.

Она вернулась через секунду.

– Только не шевелитесь, – предупредила она.

Гарри почувствовал, как она тычет гвоздем в веревки, ослабляя узлы. Сверху донесся голос Беллатрикс:

– Еще раз спрашиваю! Где вы взяли меч? *Где?*

– Мы его нашли... нашли... НЕ НАДО! – кричала Гермиона.

Рон дернулся, и ржавый гвоздь, соскользнув, впился в запястье Гарри.

– Рон, пожалуйста, стой спокойно, – прошептала Луна. – Я же не вижу, что делаю...

– В кармане! – воскликнул Рон. – У меня в кармане мракёр, а в нем полно света!

Через несколько секунд раздался щелчок, и люминесцентные шары, которые мракёр вобрал в себя из ламп в палатке, выплыли в подвал: они не могли вернуться куда следует и просто висели в воздухе, точно маленькие солнца. Гарри увидел Луну, ее огромные глаза на бледном лице, а в углу – Олливандера, изготовителя волшебных палочек, неподвижно свернувшегося клубком на полу. Выгнув шею, Гарри поглядел на Дина и Цапкрюка. Гоблин в полубомороке держался на ногах только благодаря веревкам, которыми был привязан к людям.

– Да, так гораздо проще, Рон, спасибо, – сказала Луна и опять занялась узлами. – Привет, Дин!

Наверху снова зазвучал голос Беллатрикс:

– Ты лжешь, грязное мугродье, я точно знаю! Вы были в моем сейфе в «Гринготтсе»! Говори правду, *правду!*

Новый ужасающий крик...

– ГЕРМИОНА!

– Что еще вы украли? Что еще? Говори правду, или, клянусь, я проткну тебя этим клинком!

– Готово!

Гарри почувствовал, что веревки упали, и повернулся, растирая запястья. Рон метался по подвалу, глядя на потолок, разыскивая люк. Дин, с окровавленным лицом, явно преодолевая боль, поблагодарил Луну и остался стоять на месте, дрожа. Цапкрюк упал на пол почти без чувств. Его смуглое лицо тоже было изранено. Рон тщетно пытался аппарировать без волшебной палочки.

– Отсюда нельзя сбежать, Рон, – сказала Луна, наблюдая за ним. – Подвал полностью защищен. Я сначала тоже пыталась. Мистер Олливандер здесь дольше меня, и он вообще все перепробовал.

Гермиона вновь закричала, и ее крик отозвался в теле Гарри физической болью. Шрам запульсировал, и Гарри тоже забегал по подвалу, хоть и знал, что выхода нет.

– Что еще вы взяли? ОТВЕЧАЙ! КРУЦИО!

Вопли Гермионы заметались эхом. Рон зарыдал и заколотил кулаками по стенам. Гарри в отчаянии сорвал с шеи кисет, выхватил наугад Проныру и затряс, сам не зная зачем. Ничего не произошло. Он взмахнул половинками фениксовой палочки – без толку. Из кисета выпал фрагмент зеркала и заблестел на полу ярко-голубым...

Из зеркала на Гарри пристально глядел глаз Думбльдора.

– Помогите нам! – закричал Гарри в полном безумии. – Мы в подвале поместья Малфоев, помогите!

Глаз моргнул и пропал. Гарри не был даже уверен, что вообще его видел. Он повертел осколком, но не разглядел ничего, кроме стен и потолка их тюрьмы.

Наверху Гермиона закричала еще надрывней. Рон взревел:

– ГЕРМИОНА! ГЕРМИОНА!

– Как вы вошли в мой сейф? – слышался голос Беллатрикс. – Этот мерзкий гоблинюшка помог?

– Мы встретили его только сегодня, – рыдала Гермиона, – мы никогда не были в вашем сейфе... Это не настоящий меч! Это копия, копия!

– Копия? – завизжала Беллатрикс. – Ну конечно!

– Но мы легко можем проверить, – донесся голос Люциуса. – Драко, приведи гоблина, пусть скажет, настоящий это меч или нет!

Гарри метнулся к Цапкрюку, без сил валявшемуся на полу.

– Цапкрюк, – зашептал он гоблину в ухо, – скажите, что меч фальшивка, они не должны знать, что он настоящий, пожалуйста, Цапкрюк...

Послышались чьи-то шаги; в следующий миг за дверью раздался дрожащий голос Драко:

– Отойдите подальше. Встаньте в шеренгу у дальней стены. И не вздумайте рыпаться, убью!

Все отошли к задней стене. Когда заскрежетал замок, Рон щелкнул мракёром, и световые шары прыгнули ему в карман. Подвал погрузился в темноту. Дверь открылась. Выставив перед собой палочку, вошел бледный и сосредоточенный Малфой. Он схватил гоблина за руку и волоком потащил за собой. Дверь с лязгом закрылась, и одновременно раздался громкий хлопок.

Рон опять щелкнул мракёром. Три ярких шара опять взлетели к потолку и осветили Добби, домового эльфа, который только что аппарировал в подвал.

– ДОБ!..

Гарри врезал Рону в плечо, чтобы молчал, но Рон и сам испугался своего возгласа. Наверху послышались шаги: Драко тащил Цапкрюка к Беллатрикс.

Огромные, как теннисные мячи, глаза Добби расширились; он дрожал от кончиков ушей до пяток, в ужасе оттого, что вновь оказался в доме своих старых хозяев.

– Гарри Поттер, – почти неслышно пискнул он, – Добби пришел спасти вас!

– Но откуда ты?..

Жуткий крик заглушил слова Гарри: Гермиону опять пытали. Гарри перешел к делу.

– Ты можешь отсюда аппарировать? – спросил он Добби.

Тот закивал; уши закачались в такт.

– И можешь взять с собой людей?

Добби снова кивнул.

– Хорошо. Добби, возьми Луну, Дина и мистера Олливандера и перенеси их... перенеси...

– К Биллу и Флёр, – подсказал Рон. – В коттедж «Ракушка» под Тинвортом!

Эльф кивнул в третий раз.

– А затем вернись, – попросил Гарри. – Сделаешь, Добби?

– Конечно, Гарри Поттер! – прошептал маленький эльф. Он поспешил к еле живому мистери Олливандери, одной рукой взял за руку мастера волшебных палочек, а вторую протянул Луне и Дину, но те стояли не шевелясь.

– Гарри, мы хотим помочь! – шепнула Луна.

– Мы не можем тебя здесь бросить, – поддержал Дин.

– Давайте отсюда, оба! Встретимся у Билла и Флёр.

И тут шрам пронзила невыносимая боль. Гарри опустил глаза и вместо Олливандера увидел совсем другого человека, такого же старого и немощного, но презрительно смеющегося:

– Убей меня, Вольдеморт, я приветствую смерть! Впрочем, это не даст тебе того, что ты ищешь... Ты многого не понимаешь...

Гарри ощутил ярость Вольдеморта, но в этот миг отчаянно закричала Гермиона, и Гарри вернулся в кошмар собственного настоящего.

– Давайте! – взмолился он. – Идите! Мы скоро будем, давайте!

Луна и Дин схватились за руку эльфа. Раздался громкий хлопок; все трое вместе с Олливандером исчезли.

– Что это? – вскрикнул над их головами Люциус Малфой. – Вы слышали? Что за шум в подвале?

Гарри и Рон уставились друг на друга.

– Драко, стой! Позови Червехвоста! Пусть пойдет проверит!

Шаги пересекли комнату наверху, и наступила тишина. Гарри знал: в гостиной прислушиваются к происходящему в подвале.

– Хватаем его, – шепнул Гарри Рону. Выбора не было: как только кто-то войдет и увидит, что трое заключенных пропали, им конец. – Оставь свет, – добавил Гарри. Они услышали, что кто-то спускается, и встали по обе стороны от двери.

– Отойдите подальше! – прозвучал голос Червехвоста. – К задней стене. Я вхожу.

Дверь открылась. Полсекунды Червехвост тупо разглядывал пустой подвал, освещенный тремя яркими шарами под потолком. Затем Гарри и Рон бросились на него; Рон схватил Червехвоста за руку с волшебной палочкой и вывернул ее вверх, а Гарри закрыл ему рот ладонью, заглушая крик. Они молча боролись. Палочка Червехвоста искрилась; серебряная рука вцепилась Гарри в горло.

– Что там, Червехвост? – громко крикнул Люциус Малфой сверху.

– Ничего! – крикнул в ответ Рон, пристойно подражая хриплому голосу Червехвоста. – Все хорошо!

Гарри еле дышал.

– Хочешь меня убить? – просипел он, пытаясь разжать металлические пальцы. – А ведь я спас тебе жизнь! Ты мой должник, Червехвост!

Серебряные пальцы разжались. Гарри этого не ожидал: в изумлении он вырвался, по-прежнему зажимая Червехвосту рот. Водянистые глазки крысоподобного человечка распахнулись от удивления и страха. Казалось, он не меньше Гарри потрясен тем, что сама по себе сделала его рука, этим внезапным, мимолетным актом милосердия, и начал сопротивляться еще энергичнее, словно для того, чтобы перечеркнуть позорный момент слабости.

– Это мы заберем, – шепотом сказал Рон, вытягивая палочку из руки Червехвоста.

Зрачки Петтигрю, беспомощного, обезоруженного, расширились от ужаса; взгляд скользнул с лица Гарри на что-то другое. Его серебряные пальцы неуклонно ползли к его же горлу.

– Нет...

Недолго думая Гарри вцепился в серебряную руку и потянул ее назад, но отвести не смог. Устройство, которое подарил своему самому трусливому слуге Вольдеморт, восстало против безоружного и бесполезного владельца. Петтигрю пал жертвой собственной нерешительности, собственного секундного милосердия и теперь душил сам себя.

– Нет!

Рон тоже отпустил Червехвоста и вместе с Гарри принялся отгибать металлические пальцы, но тщетно. Петтигрю уже посинел.

– Релашио! – выпалил Рон, указывая палочкой на серебряную руку, но ничего не произошло.

Петтигрю упал на колени, и одновременно наверху пронзительно завизжала Гермиона. Глаза Червехвоста на лиловом лице закатились, он в последний раз дернулся и затих.

Гарри и Рон переглянулись, бросили Червехвоста на полу и помчались вверх по лестнице, а затем по темному коридору к гостиной. Они подкрались к приоткрытой двери. Отсюда им хорошо была видна Беллатрикс; она смотрела вниз на Цапкрюка, держащего в длинных пальцах меч Гриффиндора. Гермиона лежала у ее ног и, кажется, не шевелилась.

– Ну? – спросила Беллатрикс. – Подлинный?

Гарри ждал, затаив дыхание, стараясь не замечать боли в шраме.

– Нет, – ответил Цапкрюк. – Подделка.

– Уверен? – задыхнулась Беллатрикс. – Точно?

– Да, – ответил гоблин.

Беллатрикс прямо-таки обмякла от облегчения.

– Чудненько, – сказала она и легким взмахом палочки взрезала гоблину лицо. Тот с воплем упал к ее ногам. Беллатрикс отпихнула его прочь. – А теперь, – добавила она победно, – призовем Черного Лорда!

Она отвернула рукав и указательным пальцем коснулась Смертного Знака.

И сразу же голова Гарри точно раскололась. Все вокруг исчезло: он был Вольдемортом, и худосочный колдун беззубо смеялся, глядя ему в глаза. Он был разгневан: какая наглость! Он ведь предупреждал, чтобы его не вызывали, – только когда поймают Поттера! И если тревога ложная...

– Убей меня! – требовал старик. – Тебе не победить, ты не сможешь! Эта волшебная палочка никогда не будет твоей...

Ярость Вольдеморта выплеснулась наружу: тюремная камера озарилась зеленой вспышкой, тело старика взлетело над кроватью и, безжизненное, упало обратно. Вольдеморт, вернувшись к окну, едва мог совладать с гневом... Но они не позвали бы его без причины, иначе им несдобровать...

– А от мугродья, – сказал голос Беллатрикс, – пожалуй, можно избавиться. Уолк! Она твоя, если хочешь.

– HE-E-E-E-E-E-E-E-E-E-E-E-ET!

Рон ворвался в гостиную; Беллатрикс потрясенно оглянулась и перевела палочку на него.

– Экспеллиармус! – взревел Рон, указывая на нее палочкой Червехвоста. Волшебная палочка Беллатрикс взлетела в воздух, и Гарри, вбежав в комнату вслед за Роном, ее поймал. Люциус, Нарцисса, Драко и Уолк развернулись.

Гарри закричал:

— Обомри!

Люциус Малфой отлетел к камину, а в Гарри полетели заклятия Драко, Нарциссы и Уолка. Спасаясь, он бросился на пол и откатился за диван.

– ХВАТИТ – ИЛИ ОНА УМРЕТ!

Гарри, еле переводя дыхание, выглянул из-за дивана. Беллатрикс держала Гермиону — та, кажется, потеряла сознание, — приставив короткий серебряный нож к ее горлу.

– Палочки на пол, – шепотом приказала Беллатрикс. – На пол – или все увидят, насколько грязна ее кровь!

Рон застыл с палочкой Червехвоста в руках. Гарри встал, не выпуская волшебной палочки Беллатрикс.

– Я сказала, на пол! – взвизгнула та и слегка вдавила лезвие в горло Гермiony. Гарри увидел, как на коже выступили капельки крови.

– Хорошо! – крикнул он и уронил палочку под ноги. Рон последовал его примеру. Оба подняли руки.

– Замечательно! – осклабилась Беллатрикс. – Драко, подними! Ну-с, Гарри Поттер, Черный Лорд уже близко! Скоро ты сдохнешь!

Гарри и сам это знал: шрам разрывался. Где-то далеко Вольдеморт скользил по небу над мрачными, бурлящими морскими водами и скоро

сможет к ним аппарировать. Спасения нет.

– А теперь, Цисса, – мягко обратилась к сестре Беллатрикс, когда Драко подбежал с палочками, – надо снова связать наших маленьких героев. О мисс Мугродине позаботится Уолк. Я уверена, что после всех его сегодняшних заслуг Черный Лорд возражать не станет.

Не успела она договорить, наверху что-то зазвенело. Все подняли головы и увидели, как хрустальная люстра, зловеще заскрипев, сорвалась с потолка и начала падать. Беллатрикс стояла прямо под ней; бросив Гермиону, она с воплем отскочила. Люстра, сверкая цепями и хрусталем, упала на Гермиону и гоблина, который по-прежнему сжимал в руке меч Гриффиндора. Во все стороны брызнули блестящие осколки. Драко согнулся, закрывая руками окровавленное лицо.

Рон бросился вытаскивать Гермиону, а Гарри решил рискнуть: перепрыгнул через кресло, вырвал из руки Драко три волшебные палочки, нацелил их на Уолка и закричал:

– Обомри!

Оборотня подкинуло в воздух тройным заклятием, он взлетел к потолку и грохнулся на пол.

Пока Нарцисса оттаскивала Драко, чтобы тот не поранился сильнее, растрепанная Беллатрикс вскочила, размахивая серебряным ножом, но тут Нарцисса направила палочку на дверной проем.

– Добби! – вскричала она так, что даже Беллатрикс застыла на месте. – Ты! Ты обрушил люстру?..

Маленький эльф вбежал в комнату, тыча дрожащим пальцем в бывшую хозяйку.

– Нельзя причинять вред Гарри Поттеру, – пискнул он.

– Убей гаденыша, Цисса! – заорала Беллатрикс, но тут опять раздался треск, палочка Нарциссы тоже взлетела в воздух и приземлилась в дальнем углу.

– Ах ты, дрянная макака! – завопила Беллатрикс. – Как ты смеешь коснуться колдовской палочки? Как смеешь идти против хозяев?

– У Добби нет хозяев! Добби – свободный эльф! Добби пришел спасти Гарри Поттера и его друзей! – завизжал тот.

Боль в шраме ослепляла Гарри. Он смутно понимал, что до появления Вольдеморта остаются считанные секунды.

– Рон, лови – и УХОДИМ! – крикнул он, бросая волшебную палочку другу; затем нагнулся и вытащил из-под люстры стонущего

Цапкрюка, упорно цепляющегося за меч. Перекинув гоблина через плечо, Гарри схватил за руку Добби и крутанулся на месте, чтобы дезаппарировать.

Проваливаясь в темноту, он мельком увидел бледных, застывших Нарциссу и Драко, и рыжие полосы – вероятней всего, волосы Рона, – и тусклое серебро ножа Беллатрикс, летящего к ним через гостиную...

Билл и Флёр... Коттедж «Ракушка»... Билл и Флёр...

Он пропал в неизвестности и лишь повторял название коттеджа в надежде, что это поможет туда добраться. Боль в шраме убивала; гoblin тянул его вниз; лезвие меча било по спине; пальцы Добби в его руке дернулись. Может, эльф хочет перенести их сам, лучше знает, куда нужно попасть? Гарри сжал его руку – мол, хорошо, я согласен...

Они приземлились на твердую землю и почуяли море. Гарри упал на колени, отпустил руку Добби и уложил Цапкрюка на землю.

– Как вы? – спросил он, но гoblin едва пошевелился и только застонал в ответ.

Гарри вгляделся в темноту под необъятным звездным небом. Кажется, до дома недалеко и снаружи кто-то ходит.

– Добби, это «Ракушка»? – шепотом спросил Гарри, крепко сжимая две волшебные палочки, захваченные у Малфоев, готовый отразить нападение. – Мы там, где надо? Добби?

Он оглянулся. Маленький эльф стоял совсем рядом.

– ДОББИ!

Тот дрожал, пошатываясь, и звезды отражались в его блестящих глазищах.

Они оба посмотрели на серебряную рукоять ножа, торчавшую из судорожно вздымавшейся груди эльфа.

– Добби... нет... ПОМОГИТЕ! – завопил Гарри, поворачиваясь к дому, к людям. – ПОМОГИТЕ!

Он не знал, да его и не волновало, кто они, колдуны или муглы, друзья или враги; его волновало одно – темное пятно, растекающееся по груди Добби, руки эльфа, протянутые к нему в мольбе о помощи. Гарри подхватил его и уложил на бок в прохладную траву.

– Добби, не умирай, не умирай...

Взгляд эльфа нашел его, и губы задрожали: Добби пытался что-то сказать.

– Гарри... Поттер...

Эльф содрогнулся и затих. Его большие глаза стеклянно мерцали, спрыснутые светом звезд, но видеть их уже не могли.

Глава двадцать четвертая

Изготовитель волшебных палочек

Гарри словно попал в свой ночной кошмар – на миг ему показалось, что он опять стоит на коленях возле мертвого Думбльдора у подножия самой высокой башни «Хогварца», хотя в реальности перед ним на траве лежало, съежившись, щуплое тельце, пронзенное серебряным ножом Беллатрикс. Голос Гарри еще повторял: «Добби... Добби...» – но он уже знал, что эльф там, откуда нет возврата.

Примерно через минуту он понял, что они все-таки прибыли куда нужно – Билл, Флёр, Дин и Луна подошли и встали вокруг.

– А Гермiona? – вскинулся Гарри. – Где она?

– Рон увел ее в дом, – ответил Билл, – с ней все будет хорошо.

Гарри перевел взгляд на Добби. Протянул руку, вытащил из груди эльфа клинок, снял с себя куртку и накрыл ею умершего, как одеялом.

Где-то неподалеку морские волны били о скалы. Гарри слушал их рокот, пока остальные обсуждали что-то совершенно ему неинтересное, распоряжались, принимали решения. Дин отнес раненого Цапкрюка в дом, Флёр поспешила за ними. Билл говорил о том, как лучше похоронить эльфа; Гарри соглашался, толком не понимая, о чем речь. Он неотрывно смотрел на худенькое тельце, и в шраме покалывало, жгло. Мысленно, но где-то в отдалении, будто через телескоп с обратной стороны, он видел, как Вольдеморт наказывает тех, кто остался в особняке Малфоев. Вольдеморт неистовствовал, но боль из-за смерти Добби умягчала его гнев, превращала в отголосок шторма, что докатился с бескрайних, безмолвных океанских просторов.

– Я хочу сделать все как положено. – Это было первое, что Гарри сказал осознанно. – Без колдовства. Есть лопата?

Билл показал ему место в конце сада, меж кустов, и Гарри принялся рыть могилу, один. В ярости он копал и копал, наслаждаясь работой, ее обыденностью, неволшебностью, и каждая капля пота,

каждая мозоль были данью благодарности эльфу, спасшему их от гибели.

Шрам пылал, но Гарри управлял болью и чувствовал ее будто бы извне. Он наконец освоил то, чему Думбльдор так долго заставлял его учиться у Злея: он контролировал доступ к своему сознанию и мог закрывать его от Вольдеморта. Как и во время траура по Сириусу, боль утраты защищала Гарри от непрошеного вторжения. Похоже, скорбь отпугивала Вольдеморта... хотя Думбльдор, конечно, сказал бы, что не скорбь, а любовь.

Гарри копал, глубже и глубже вгрызаясь в твердую мерзлую землю, топя свое горе в поту и упорно не замечая жжения в шраме. И в темноте, под плеск волн и собственное прерывистое дыхание, он вспоминал все, что произошло у Малфоев, анализировал все, что слышал, – и постепенно начинал понимать.

Четкий ритм движения лопаты отмерял время в такт мыслям. Дары... окаянты... Дары... окаянты... Страстное, безумное желание найти Дары больше не сжигало его изнутри. Гибель Добби и страх это перечеркнули. Гарри словно разбудили пощечиной от глубокого сна.

Могила становилась все глубже. Гарри знал, где был Вольдепорт сегодня вечером, кого убил в темнице на вершине Нурменгарда и почему...

Гарри думал о Червехвосте, которого погубила одна-единственная бездумная секунда милосердия. Думбльдор это предвидел... Что еще было ему известно?

Гарри потерял счет времени. И лишь когда подошли Рон и Дин, он заметил, что ночная тьма слегка рассеялась.

– Что там Гермиона?

– Получше, – ответил Рон. – Флёр за ней присматривает.

Гарри ждал вопроса, почему он не захотел вырыть могилу взмахом палочки, и подготовил резкий ответ, но тот не понадобился: Рон и Дин запрыгнули в яму со своими лопатами, и вместе молча они копали, пока яма не стала достаточно глубока.

Гарри плотнее обернул эльфа своей курткой. Рон сел на краю могилы, снял носки и ботинки и надел их на босые ноги эльфа. Дин протянул шерстяную шапочку, и Гарри аккуратно нацепил ее на голову Добби, спрятав под нее огромные уши.

– Нужно закрыть ему глаза.

Гарри не заметил, как из темноты приблизились остальные. Билл был в дорожном плаще, Флёр – в большом белом фартуке, из кармана которого виднелся пузырек: Гарри узнал «СкелеРост». Гермиона в чужом халате, очень бледная, еле держалась на ногах. Она подошла к Рону, и тот ее обнял. Луна в пальто Флёр села на корточки и нежно, кончиками пальцев, опустила эльфу веки.

– Теперь хорошо, – тихо произнесла она. – Как будто он спит.

Гарри перенес Добби в могилу, покойно уложил его руки и ноги, вылез и в последний раз посмотрел на худенькое тельце. Он вспомнил похороны Думбльдора – ряды золотых стульев, министра магии в первом ряду, торжественные речи, величие белой мраморной гробницы – и лишь огромным усилием воли не разрыдался. Добби заслуживает не менее пышных похорон, а лежит в какой-то яме среди кустов...

– Надо что-то сказать, – заметила Луна. – Я начну, ладно?

И когда все посмотрели на нее, заговорила, обращаясь к мертвому эльфу:

– Спасибо тебе, Добби, за то, что спас меня из подвала. Несправедливо, что ты, такой хороший и смелый, умер. Я всегда буду помнить, что ты сделал для нас. И я очень надеюсь, что ты теперь счастлив.

Она повернулась и выжидающе посмотрела на Рона. Тот откашлялся и сипло произнес:

– Да... спасибо тебе, Добби.

– Спасибо, – пробормотал Дин.

Гарри сглотнул.

– Прощай, Добби. – Только на это его и хватило, но Луна все уже сказала за него.

Билл взмахнул волшебной палочкой; горка вырытой земли поднялась в воздух и мягко опустилась в могилу, образовав красноватый холмик.

– Вы не против, если я ненадолго задержусь? – спросил Гарри.

Они что-то пробормотали в ответ; он не разобрал. Похлопали его по спине и побрели в дом, оставив Гарри наедине с эльфом.

Он огляделся – клумбы рядом были окаймлены белыми камнями, гладко отшлифованными морем. Он взял самый крупный и положил

над головой Добби, на манер подушки. Затем полез в карман за волшебной палочкой.

Их там оказалось две. Он забыл, откуда они, чьи, и никак не мог вспомнить. У кого-то он их отобрал... Он взял ту, что покороче, что ладнее легла в руку, и нацелил ее на камень.

Медленно, вслед за его указаниями шепотом, на камне стали появляться слова. Гермiona, конечно, высекала бы их аккуратней и, возможно, быстрее, но Гарри хотел сделать это сам, как и вырыть могилу. Когда он закончил и встал, надпись на камне гласила:

Здесь покойся Добби, свободный эльф.

Гарри еще несколько секунд разглядывал свою работу, а потом ушел. Шрам покалывало, а в голове роились мысли, пришедшие, пока он копал, сформировавшиеся в темноте, – мысли завораживающие и ужасные.

Он вошел в дом, в маленькую прихожую. Все сидели в гостиной и слушали Билла. Комната была светлая, симпатичная, в камине ярко горел пламя. Гарри остановился в дверях, чтобы не испачкать ковер, и тоже стал слушать.

– ...удача, что Джинни на каникулах. Будь она в «Хогварце», ее бы схватили, мы бы не успели ее забрать. А так она в безопасности.

Билл обернулся и увидел Гарри.

– Я постепенно забрал всех из «Гнезда», – объяснил он. – Перевез к Мюриэль. Упивающиеся Смертью уже знают, что Рон с тобой и наша семья под прицелом... Не извиняйся, – прибавил он, заметив, как изменилось лицо Гарри. – Это был только вопрос времени, папа давно предупреждал. Мы – главные предатели крови в стране.

– Какая у них защита? – спросил Гарри.

– Заклятие Верности. Отец – Хранитель Тайны. И в «Ракушке» так же, но здесь Хранитель Тайны я. Никому, правда, нельзя ходить на работу, но сейчас это не главное. Как только Олливандер и Цапкрюк немного придут в себя, мы переправим их к Мюриэль, к остальным. У нас тесновато, а у нее места предостаточно. Ноги у Цапкрюка заживают. Флёр дала ему «СкелеРост», возможно, уже через час-два их обоих получится...

– Нет, – перебил Гарри. Билл посмотрел на него удивленно. – Они оба нужны мне здесь. Я хочу с ними поговорить. Это важно.

Его голос звучал властно, уверенно; Гарри стал таким, пока рыл могилу. Все озадаченно повернулись к нему.

– Пойду умоюсь, – сказал он Биллу, поглядев на свои руки – в земле и крови Добби. – А потом мне сразу надо их видеть.

Он прошел в маленькую кухню, к раковине под окном с видом на море. Из-за горизонта вставало солнце, окрашивая небо розовато-золотистым. Гарри мыл руки, вновь обдумывая то, что пришло ему в голову в саду...

Добби уже не расскажет, кто прислал его к ним в подвал, но Гарри прекрасно помнил, как все было. Голубой глаз пронзительно глянул на него из осколка зеркала – а затем пришла помощь. *В стенах «Хогварца» те, кто просит о помощи, всегда ее получают...*

Гарри вытер руки, не обращая внимания на красоту за окном и голоса в гостиной. Он смотрел на океан и чувствовал, что близок к разгадке как никогда.

Шрам покалывало: значит, и Волдеморт к разгадке близок. Гарри понимал все – и не понимал. Чутье говорило одно, разум – абсолютно другое. Думбльдор в голове Гарри улыбался, наблюдая за ним поверх кончиков пальцев, сложенных будто в молитве.

Вы оставили Рону мракёр... Вы понимали его... Дали ему возможность вернуться...

И вы понимали Червехвоста... знали, что где-то в глубине его души теплится раскаяние...

Вы понимали их... но что вы знали обо мне?

Моя судьба – догадаться, но не искать? Представляли вы, как тяжело мне это будет? И потому все так усложнили? Чтобы мне хватило времени разобраться?

Гарри остекленело глядел туда, где из-за горизонта только что показался краешек ослепительно-золотого солнечного диска. Затем посмотрел на свои чистые руки и мимолетно удивился, откуда у него полотенце. Положил его, вышел в прихожую. И тотчас шрам запульсировал, а в голове, словно отражение стрекозы в водной глади, мелькнули очертания хорошо знакомого здания.

Билл и Флёр стояли у подножия лестницы.

– Я должен поговорить с Цапкрюком и Олливандером, – сказал Гарри.

– Нет, – ответила Флёр, – пгидется подождать, ‘Арри. Им обоим нужно отдохнуть.

– Мне жаль, – возразил Гарри очень спокойно, – но медлить нельзя. Придется поговорить сейчас. Наедине и по отдельности. И срочно.

– Гарри, да что происходит? – осведомился Билл. – Ты являешься с мертвым эльфом и едва живым гоблином, Гермиону, похоже, вообще пытали, и Рон наотрез отказывается рассказать...

– Мы не можем рассказать, чем занимаемся, – сухо ответил Гарри. – Ты же сам в Ордене, Билл, ты знаешь, что Думбльдор оставил нам задание. Секретное.

Флёр раздраженно фыркнула, но Билл даже не взглянул на нее; он не отрывал глаз от Гарри. Его лицо в глубоких шрамах было непроницаемо. Наконец он произнес:

– Хорошо. С кем будешь говорить первым?

Гарри замялся. Он знал: от его слова зависит все. Времени почти не осталось, пора решить: окаянты или Дары?

– С Цапкрюком, – сказал Гарри. – Сначала с Цапкрюком.

Сердце стучало так, будто он бежал спринтерскую дистанцию и только что преодолел очень сложный барьер.

– Сюда, наверх, – показал Билл.

Гарри поднялся на несколько ступенек, затем остановился и посмотрел вниз.

– Вы оба мне тоже нужны! – крикнул он Рону и Гермионе, которые выглядывали из-за двери гостиной. Они вышли на свет, словно бы с облегчением.

– Как ты? – спросил Гарри Гермиону. – Ты молодчина – сочинила такую историю, под пыткой...

Рон приобнял ее за плечи, и Гермиона слабо улыбнулась.

– Что надо делать, Гарри? – спросил Рон.

– Увидите. Пойдем.

Гарри, Рон и Гермиона проследовали за Биллом наверх, где с маленькой лестничной площадки открывалось три двери.

– Сюда. – Билл открыл дверь в их с Флёр спальню.

Окно здесь тоже выходило на море, золотившееся в рассветных лучах. Гарри прошел к окну, повернулся спиной к прекрасному виду и, сложив руки на груди, стал ждать. Шрам покалывало. Гермиона села в кресло у туалетного столика; Рон пристроился на подлокотник.

Билл появился с маленьким гоблином на руках и бережно усадил его на кровать. Цапкрюк пробормотал: «Спасибо», и Билл ушел, закрыв за собой дверь.

– Простите, что вытащил из постели, – сказал Гарри. – Как ваши ноги?

– Болят, – ответил гоблин, – но уже меньше.

Он по-прежнему сжимал в руках меч Гриффиндора и смотрел странно: воинственно и в то же время заинтересованно. Гарри отметил про себя его желтоватую кожу, длинные тонкие пальцы, черные глаза и – Флёр сняла с Цапкрюка ботинки – длинные грязные ступни. Гоблин был крупнее домового эльфа, но ненамного; куполообразная голова существенно больше человеческой.

– Вы, должно быть, не помните... – начал Гарри.

– ...что я показал тебе твой сейф, когда ты в первый раз пришел в «Гринготтс»? – осведомился Цапкрюк. – Помню прекрасно, Гарри Поттер. Ты знаменит и среди гоблинов.

Гарри и гоблин оценивающе посмотрели друг на друга. Шрам саднило. Гарри хотел закончить разговор как можно скорее, но боялся допустить ошибку. Пока он решал, как лучше высказать свою просьбу, гоблин прервал молчание.

– Ты похоронил эльфа, – бросил он неожиданно враждебно. – Я видел из окна спальни.

– Да, – подтвердил Гарри.

Цапкрюк уперся в него раскосыми черными глазами:

– Ты необычный колдун, Гарри Поттер.

– В смысле? – Гарри рассеянно потер шрам.

– Ты вырыл могилу.

– И?

Цапкрюк не ответил. Видимо, гоблин насмехался, потому что Гарри действовал как мугл, но на это вообще-то наплевать. Гарри собрался с духом.

– Цапкрюк, я хочу спросить...

– А еще ты спас гоблина.

– Что?

– Взял меня сюда. Спас.

– Вы, надеюсь, не жалеете? – чуть нетерпеливо спросил Гарри.

– Нет, Гарри Поттер. – Цапкрюк намотал на палец узкую черную бородку. – Но ты очень странный колдун.

– Как скажете, – ответил Гарри. – Мне нужна помощь, а вы, Цапкрюк, можете мне помочь.

Гоблин не выказал ни тени энтузиазма и продолжал хмуро рассматривать Гарри, словно какую-то диковину.

– Мне нужно попасть в хранилище «Гринготтса».

Гарри не собирался рубить с плеча: слова выскочили сами, из-за боли. Шрам ожгло, и перед глазами опять промелькнули очертания «Хогварца». Гарри наглухо закрыл сознание. Сначала Цапкрюк. Рон и Гермиона таращились на Гарри, будто он спятил.

– Гарри... – начала Гермиона, но Цапкрюк ее перебил.

– В хранилище «Гринготтса»? – повторил он и, морщась, поерзал на кровати. – Невозможно!

– Нет, возможно, – возразил Рон. – И кое-кому удавалось.

– Да, – сказал Гарри. – В день нашего знакомства, Цапкрюк. В мой день рождения семь лет назад.

– Сейф, о котором идет речь, тогда был пуст, – отрезал гоблин. Гарри понял, что, хоть Цапкрюк и покинул «Гринготтс», самая мысль о взломе банка его оскорбляет. – Его и не охраняли толком.

– А тот, что нужен нам, – далеко не пуст, и охраняют его, я думаю, будь здоров как, – ответил Гарри. – Он принадлежит Лестранжам.

Рон и Гермиона изумленно переглянулись, но Гарри решил, что объяснить можно и потом, а пока пусть Цапкрюк ответит.

– Нереально, – категорически объявил тот. – Ни единого шанса. *Сокровище, что в подземелье мирно спит, тебе, запомни, не принадлежит...*

– *Вор, трепещи* – да, знаю, знаю, помню, – кивнул Гарри. – Но я не хочу завладеть сокровищем и вообще ничего не хочу для себя. Верите?

Гоблин покосился на Гарри. Шрам запульсировал, но Гарри не обратил внимания: он отказывался замечать эту боль, этот зов.

– Если есть на свете колдун, кого трудно заподозрить в стяжательстве, – помолчав, ответил Цапкрюк, – так это ты, Гарри Поттер. Носители волшебных палочек редко выказывают гоблинам и эльфам уважение, подобное тому, какое ты проявил сегодня.

– Носители волшебных палочек, – повторил Гарри. Выражение показалось ему очень странным, но шрам болел, Вольдеморт

устремлялся мыслью к северу, а Гарри не терпелось поговорить с Олливандером.

– Колдуны и гоблины долго спорили о праве носить волшебную палочку, – тихо сказал гoblin.

– Но гоблины умеют колдовать и без палочек, – вмешался Рон.

– Не важно! Колдуны не пожелали делиться секретами владения волшебной палочкой, они отказали в этом другим колдовским народам, ограничили нас в развитии магических способностей!..

– Положим, гоблины тоже ни с кем не делятся секретами, – парировал Рон. – Вы же не рассказываете, как куete мечи и доспехи. Гоблины творят с металлом такое, что никакому колдуну и не...

– Не в том суть, – поспешно перебил Гарри, заметив, как вспыхнуло лицо Цапкрюка. – Речь вовсе не о том, что колдуны против гоблинов или еще кого...

Цапкрюк неприятно хмыкнул.

– Очень даже о том! Если Черный Лорд вновь обретет могущество, ваша раса еще выше вознесется над моей. «Гринготтс» подчинят колдунам, домовых эльфов истребят – но кто из носителей палочек выступит против?

– Мы! – пылко воскликнула Гермиона. Она села прямо, глаза ее заблестали. – Мы выступим! И меня преследуют, как гoblin или эльфа, Цапкрюк! Я мугродье.

– Не называй себя так, – пробормотал Рон.

– А почему нет? – с вызовом спросила она. – Я мугродье, чем и горжусь. При новом порядке у меня не больше прав, чем у вас, Цапкрюк. И у Малфоев пытали меня.

Гермиона отвернула воротник и показала тонкий алый порез на горле.

– Вы знаете, что это Гарри освободил Добби? – поинтересовалась она. – Что мы который год выступаем за освобождение эльфов? – (Рон заерзал на подлокотнике ее кресла.) – И мы не меньше вашего мечтаем о свержении Сами-Знаете-Кого.

Гoblin смотрел на Гермиону с тем же любопытством, что и на Гарри.

– Что вам нужно в сейфе Лестранжей? – внезапно спросил он. – Меч там – подделка. Вот настоящий. – Он окинул всех троих

пристальным взглядом. – Вы, надо думать, и сами знаете. Вы же и попросили меня солгать.

– Но поддельный меч – не единственная ценность, правда? – спросил Гарри. – Может, вы видели, что еще там хранится?

Его сердце билось как сумасшедшее. Шрам горел; Гарри изо всех сил старался этого не замечать.

Гоблин снова накрутил бородку на палец.

– Наш кодекс запрещает раскрывать тайны «Гринготтса». Мы храним дивные сокровища, отчасти созданные нашими же руками. Беречь эти сокровища – наш долг.

Гоблин поднял меч, и его темные глаза скользнули к Гарри, Гермионе, Рону, снова к Гарри.

– Такие молодые, – произнес он после раздумья, – против стольких врагов...

– Вы поможете? – спросил Гарри. – Без вас нам туда не пробраться. Вы – наша единственная надежда.

– Я... подумаю, – с возмутительным спокойствием отозвался Цапкрюк.

– Но... – рассердился было Рон, однако Гермиона пихнула его локтем.

– Спасибо, – сказал Гарри.

Гоблин в ответ наклонил большую голову и согнул короткие ножки.

– Кажется, – произнес он, демонстративно устраиваясь на кровати Билла и Флёр, – «СкелеРост» подействовал. И я наконец могу уснуть. Прошу извинить...

– Да-да, конечно. – Но, прежде чем выйти, Гарри наклонился и взял с кровати меч Гриффиндора. Цапкрюк не возразил, и все же, закрывая дверь, Гарри, кажется, уловил в глазах гоблина негодование.

– Мерзкий плюгавец, – тихо ругнулся Рон. – Нарочно время тянет.

– Гарри, – зашептала Гермиона, вытаскивая их обоих на середину темной лестничной площадки, подальше от двери, – я правильно поняла? Ты считаешь, в сейфе Лестранжей... окаянт?

– Да, – ответил Гарри. – Беллатрикс пришла в ужас, когда подумала, что мы там побывали, она была вне себя. Почему? Что мы там могли увидеть или забрать? То, чего очень не хотел бы лишиться Сами-Знаете-Кто.

– Но я думал, мы ищем места, где Сами-Знаете-Кто бывал или что-нибудь совершил... – растерялся Рон. – Неужто он был в сейфе Лестранжей?

– Не уверен, что он вообще заходил в «Гринготтс», – сказал Гарри. – В молодости у него денег не водилось, наследства ему никто не оставлял. Но он наверняка видел банк снаружи, когда впервые попал на Диагон-аллею.

Шрам саднил; Гарри упорно игнорировал боль. Он хотел объяснить Рону и Гермионе свою мысль до разговора с Олливандером.

– Я думаю, он завидовал любому обладателю ключа к сейфу в «Гринготтсе». Это же как символ принадлежности к колдовскому миру. И не забывайте, он доверял Беллатрикс и ее мужу. Они преданно служили ему, когда он был у власти, они стали его разыскивать, когда он пропал. Он сам говорил, когда только вернулся, я слышал.

Гарри потер шрам.

– Но вряд ли он посвятил Беллатрикс в свою тайну. Люциус Малфой, к примеру, не подозревал правды о дневнике. Сами-Знаете-Кто мог без особых объяснений – мол, дорогая сердцу вещь, и все, – попросить поместить окаянт в сейф. Самое надежное место, если хочешь что-то спрятать, как сказал в свое время Огрид... за исключением «Хогварца».

Дослушав, Рон покачал головой:

– Ты по-настоящему его понимаешь.

– Отчасти, – ответил Гарри. – Отчасти... Хотел бы я настолько же понимать Думбльдора. Но поживем – увидим. А теперь Олливандер.

Рон и Гермиона, ошарашенные, но под впечатлением, шагнули за ним к комнате напротив спальни Билла и Флёр. Постучали. Из-за двери раздалось слабое:

– Войдите!

Мастер лежал на одной из двух кроватей, той, что дальше от окна. Он провел в темнице больше года, и его, насколько знал Гарри, пытали один раз как минимум. Олливандер очень исхудал; большие серебристые глаза глубоко запали, голова напоминала череп, обтянутый желтоватой кожей. Руки поверх одеяла тоже словно принадлежали скелету. Гарри, Рон и Гермиона сели на свободную кровать. Из этой комнаты не был виден восход солнца. Окно выходило в сад на краю обрыва и свежую могилу.

– Мистер Олливандер, простите, что приходится вас тревожить, – начал Гарри.

– Мой дорогой мальчик, – слабо отозвался Олливандер. – Вы спасли нас. Я уж думал, все, там и умрем. Я никогда не смогу отблагодарить вас... в должной мере... *никогда*...

– Мы очень рады, что нам это удалось.

Шрам Гарри сильно пульсировал. Он чувствовал – нисколько не сомневался, – что Вольдеморта уже не опередить и не остановить, времени почти не осталось. Гарри запаниковал... но ведь он сам решил сначала поговорить с Цапкрюком. Стараясь не выдать волнения, он достал из кисета половинки сломанной волшебной палочки.

– Мистер Олливандер, мне нужна помощь.

– Все что угодно, все что угодно, – прошелестел тот.

– Вы можете это починить? Это реально?

Олливандер протянул трясущуюся руку, и Гарри положил ему на ладонь два еле скрепленных обломка.

– Остролист и перо феникса, – дрожащим голосом произнес Олливандер. – Одиннадцать дюймов. Приятная, послушная.

– Да, – подтвердил Гарри. – Вы можете?..

– Нет, – прошептал Олливандер. – Мне жаль, очень жаль, но я не знаю способа устранить такие повреждения.

Гарри был готов это услышать, и все равно слова мастера стали для него ударом. Он забрал обломки и спрятал обратно. Олливандер проводил их взглядом и смотрел на кисет, пока Гарри не достал из кармана две палочки, захваченные в доме Малфоев.

– Можете сказать, чьи они?

Олливандер взял одну палочку, поднес близко к глазам и внимательно рассмотрел, крутя в узловатых пальцах.

– Орех и сердечная жила дракона, – сказал он. – Двенадцать и три четверти дюйма. Жесткая. Принадлежала Беллатрикс Лестранж.

– А эта?

Олливандер повторил осмотр.

– Боярышник и волос единорога. Ровно десять дюймов. Достаточно пружинистая. Принадлежала Драко Малфою.

– Принадлежала? – переспросил Гарри. – А сейчас?

– Видимо, нет. Раз вы ее отобрали...

– Да, отобрал...

– ...тогда она, возможно, ваша. Конечно, важны обстоятельства, при которых ее отняли. И многое зависит от самой палочки. Но в общем и целом, если ее выиграла, палочка может поменять хозяина.

В комнате наступила тишина, лишь далеко за окном шумели волны.

– Вы говорите о палочках так, будто у них есть чувства, – сказал Гарри. – Будто они способны сами что-то решать.

– Палочка выбирает колдуна, – ответил Олливандер. – Уж это всегда знали те, кто посвящал им жизнь.

– Но ведь можно пользоваться палочкой, которая тебя не выбирала? – спросил Гарри.

– Да, разумеется. Если ты хоть немного колдун, тогда любой инструмент сгодится. И тем не менее лучшие результаты достигаются, когда между колдуном и волшебной палочкой сильнее родство. Это сложная связь: изначальная симпатия, а затем совместная исследовательская работа, обучение, взаимный обмен опытом.

Волны бились о берег – очень печальная музыка.

– Я отнял палочку у Драко Малфоя силой, – сказал Гарри. – Мне можно спокойно ею пользоваться?

– Думаю, да. Непростым законам подчиняются волшебные палочки, но, полагаю, побежденная палочка будет служить новому хозяину.

– Значит, я могу колдовать этой? – Рон вынул из кармана волшебную палочку Червехвоста и передал ее Олливандеру.

– Каштан и сердечная жила дракона. Девять с четвертью дюймов, хрупкая. Меня заставили ее изготовить, когда похитили, – для Питера Петтигрю. Да, если вы ее завоевали, она послужит вам лучше любой другой.

– Это общее правило для всех палочек? – спросил Гарри.

– Пожалуй, – ответил Олливандер, устремив на Гарри выпуклые глаза. – Вы задаете очень тонкие вопросы, мистер Поттер. Изготовление волшебных палочек – наука сложная и таинственная.

– То есть, чтобы стать хозяином палочки, не обязательно убивать предыдущего владельца? – уточнил Гарри.

Олливандер сглотнул.

– Убивать? Нет, я бы не сказал, что обязательно.

– Но есть легенды. – Сердце Гарри забилось еще сильнее, а боль в шраме усилилась. Он был уверен, что Вольдеморт решил

действовать. — Легенды о волшебной палочке — или палочках, — которые переходили из рук в руки через убийство.

Олливандер побледнел. Его лицо на белоснежной подушке казалось бледно-серым, покрасневшие глаза распахнулись — похоже, в страхе.

— Только одна палочка, по моим сведениям, — прошептал он.

— И ее ищет Сами-Знаете-Кто, не так ли? — спросил Гарри.

— Я... Но откуда?.. — каркнул Олливандер, умоляюще глянув на Рона и Гермиону. — Как вы узнали?..

— Он спрашивал, как разорвать связь между его палочкой и моей, — продолжал Гарри.

Олливандер испугался еще больше.

— Поймите, он пытал меня! Пыточное проклятие, я... у меня не было выбора... пришлось сказать все, что знаю... о чем догадывался.

— Понимаю, — кивнул Гарри. — О сердцевинах-близнецах? И что нужно просто взять чужую палочку?

Олливандер, наповал сраженный тем, как много известно Гарри, медленно кивнул.

— Но это не помогло, — продолжал тот. — Моя палочка все равно победила чужую. Вы знаете почему?

Олливандер так же медленно покачал головой:

— Я... и не слышал ни о чем подобном. В ту ночь ваша палочка проделала что-то уникальное. Даже связь сердцевин крайне редка, и я не представляю, почему ваша палочка победила одолженную...

— Мы говорили о другой палочке. Той, что меняет хозяина через убийство. Когда Сами-Знаете-Кто понял, что моя палочка повела себя странно, он вернулся к вам и расспрашивал о другой палочке?

— Откуда вы знаете?

Гарри не ответил.

— Да, расспрашивал, — прошептал Олливандер. — Хотел знать все о так называемом Смертном жезле, о палочке Судьбы, или бузинной палочке.

Гарри посмотрел на Гермиону. Та была ошеломлена.

— Черный Лорд, — испуганно, тихо сказал Олливандер, — всегда любил волшебную палочку, которую я для него изготовил... Тис и перо феникса, тринадцать с половиной дюймов... Любил, пока не узнал о

сердцевинах-близнецах. С тех пор он ищет другую, более могущественную палочку, дабы победить вашу.

– Но скоро он узнает, если еще не узнал, что моя палочка сломана и починить ее невозможно, – пробормотал Гарри.

– Нет! – в ужасе воскликнула Гермиона. – Он не может!.. Откуда?..

– Приори инкантатем, – пояснил Гарри. – У Малфоев осталась твоя палочка и терновая тоже. Если они подойдут к делу серьезно и заставят палочки повторить последние заклинания, то увидят, что твоя палочка сломала мою, что ты пыталась починить ее и не сумела, а я после этого пользовался терновой.

Гермиона побледнела. Рон посмотрел на Гарри осуждающе и сказал:

– Давайте пока не будем о грустном...

Мистер Олливандер его перебил:

– Черный Лорд ищет бузинную палочку не только затем, чтобы уничтожить вас, мистер Поттер. Он жаждет ею обладать, ибо верит, что с ней станет по-настоящему неуязвим.

– И что – станет?

– Обладателю бузиновой палочки всегда стоит быть начеку, – ответил Олливандер. – Но, должен признать... Смертный жезл в руках Черного Лорда... грозное сочетание.

Гарри вдруг вспомнил, как при первой встрече не мог понять, нравится ли ему Олливандер. Немудрено: даже сейчас, после пыток и заточения, мысль о том, на что окажется способен Черный Лорд с бузиновой палочкой, не только пугала, но и зачаровывала Олливандера.

– Вы... правда считаете, что эта палочка существует, мистер Олливандер? – спросила Гермиона.

– О да! – откликнулся тот. – И ее исторический путь легко проследить. Бывали, конечно, периоды, и достаточно длинные, когда она исчезала из виду и о ней никто ничего не слышал, но затем она непременно появлялась вновь. Есть признаки, по которым ее узнает любой адепт моей волшебной науки. Существует множество письменных свидетельств, изученных мною и другими мастерами. Они явно подлинны.

– То есть, по-вашему, это не сказка и не миф? – теряя надежду, спросила Гермиона.

– Нет, не сказка, – ответил Олливандер. – Обязательно ли *убивать*, чтобы завладеть ею, – не знаю. Ее история кровава – но, быть может, лишь потому, что она так желанна и порождает страсти в душах колдунов. Бузинная палочка чрезвычайно могущественна, в плохих руках очень опасна. Объект бесконечного восхищения для всех знатоков вопроса.

– Мистер Олливандер, – медленно произнес Гарри. – Вы сказали Сами-Знаете-Кому, что бузинная палочка была у Грегоровича, так?

Олливандер побледнел, хотя, казалось, больше уже некуда, и стал похож на призрака.

– Но откуда?.. Откуда вы?..

– Не важно, – с трудом выговорил Гарри, морщась от пронзительной боли в шраме. На секунду перед ним мелькнула главная улица Хогсмед, где еще не рассвело: и понятно, Хогсмед гораздо севернее. – Так вы сказали, что палочка была у Грегоровича?

– Это слухи, – зашептал Олливандер. – Они распространялись годами, задолго до вашего рож дения. Не исключено, что Грегорович сам их распускал. Естественно, такая польза бизнесу. Чтобы все думали, будто он исследовал свойства бузинной палочки и научился их воспроизводить.

– Да, ясно. – Гарри встал с кровати. – Мистер Олливандер, последний вопрос, и мы больше не будем вас мучить. Что вы знаете о Дарах Смерти?

– О чем?.. – в крайнем недоумении переспросил Олливандер.

– О Дарах Смерти.

– Боюсь, я не понимаю, про что вы. Это тоже связано с волшебными палочками?

Гарри глянул в изможденное лицо Олливандера и понял, что тот не обманывает. Он ничего не знает о Дарах.

– Спасибо, – сказал Гарри. – Спасибо вам огромное. Мы пойдем, а вы отдыхайте.

Олливандер вдруг будто сломался.

– Он пытал меня! – выдохнул он. – Пыточным проклятием!.. Вы не представляете...

– Представляю, – отозвался Гарри, – очень даже представляю. Пожалуйста, отдыхайте. Спасибо, что обо всем рассказали.

Они с Роном и Гермионой спустились на кухню, где Билл, Флёр, Луна и Дин пили чай. Стоило Гарри появиться в дверях, все на него посмотрели, но он лишь кивнул им и вышел в сад. Рон и Гермиона последовали за ним. Гарри направился к красноватому земляному холмику, под которым лежал Добби. Голова болела все сильнее. Он с огромным трудом сопротивлялся настырным видениям, но знал, что страдать осталось недолго. Очень скоро он поддастся и выяснит, верна ли его теория, – это необходимо знать. Еще одно усилие – объяснить все Рону и Гермионе.

– Давным-давно бузинная палочка принадлежала Грегоровичу, – сказал Гарри. – Я видел, как Сами-Знаете-Кто его разыскивал. Но, когда нашел, оказалось, что палочки у Грегоровича давно нет, ее похитил Гриндельвальд. Как Гриндельвальд пронюхал, где палочка, я не в курсе, хотя... если Грегоровичу хватило ума распускать слухи, пожалуй, это было нетрудно...

Вольдеморт стоял у ворот «Хогварца». Гарри видел его, видел лампу, что, покачиваясь в предрассветных сумерках, подплывала все ближе и ближе.

– Благодаря бузинной палочке Гриндельвальд добился власти. В зените его могущества, когда Думбльдор понял, что ему одному под силу остановить Гриндельвальда, они сразились на дуэли, Думбльдор победил и забрал бузинную палочку себе.

– Бузинная палочка была у *Думбльдора*? – поразился Рон. – А сейчас она где?

– В «Хогварце», – ответил Гарри, изо всех сил отгоняя морок.

– Но тогда нужно спешить! – нетерпеливо воскликнул Рон. – Гарри, давай заберем ее, пока он туда не добрался!

– Поздно, – сказал Гарри. Он не удержался и обхватил руками голову, чтобы помочь ей совладать с видениями. – Он знает, где она. Он сейчас там.

– Гарри! – вскричал Рон. – Ты давно это понял? Что же мы тратим время? Зачем ты говорил с Цапкрюком? Мы давно были бы там... мы и сейчас еще можем...

– Нет. – Гарри рухнул на колени в траву. – Гермиона права. Думбльдор не хотел, чтобы бузинная палочка попала ко мне. Он хотел, чтобы я нашел окаянты.

– Но, Гарри... Непобедимая палочка! – простонал Рон.

– Я не должен... Я должен искать окаянты.

И теперь вокруг было прохладно и темно, солнце еще только собиралось встать из-за горизонта, и он скользил рядом со Злеем по двору к озеру.

– Я догоню тебя в замке, – молвил он пронзительно и холодно. – А сейчас оставь меня.

Злей поклонился и пошел обратно; его черный плащ развевался за спиной. Гарри двигался медленно, дожидаясь, пока Злей скроется из виду. Ни Злею, ни прочим не годится видеть, куда он направляется. Но свет в окнах замка не горел, и вдобавок можно замаскироваться... Через миг он наложил на себя прозрачаровательное заклятие, и оно скрыло его даже от собственных глаз.

Он пошел вдоль берега, разглядывая очертания любимого замка, первого своего царства, данного ему по праву рождения...

А вот и она – за озером, отражается в темной воде. Белая мраморная гробница, ненужное бельмо на привычном пейзаже. В голову вновь ударила сдержанная, злая эйфория: он у цели, и грядет разрушение! Он нацелил старую тисовую палочку. Какой достойный финал ее карьеры!

Гробница разверзлась. Тело, укутанное саваном, было худым и длинным, как при жизни. Он поднял палочку вновь.

Ткань спала. Лицо – полупрозрачное, бледное, с ввалившимися щеками – отлично сохранилось. Очки на крючковатом носу; увидев их, он презрительно усмехнулся. Руки покойника сложены на груди, а вот и она под ними. Похоронена вместе с Думбльдором.

Неужто старый дурак рассчитывал, что мрамор и смерть защитят палочку? Неужто думал, что Черный Лорд не осмелится осквернить гробницу? Пальцы, похожие на паука, выхватили палочку у мертвеца, и та, попав в живые руки, выпустила сноп искр в знак готовности служить новому хозяину, осветив на прощание труп прежнего.

Глава двадцать пятая

Коттедж «Ракушка»

Домик Билла и Флёр одиноко стоял на утесе над морем, и его беленые стены были выложены ракушками. Уединенное, прекрасное место. Где бы Гарри ни находился, в крошечном коттедже или в саду, всюду слышался шум моря, точно дыхание огромного спящего существа. Последние несколько дней Гарри под любыми предлогами сбегал из переполненного дома на вершину утеса, где лицо обвеивал холодный соленый ветер и видно было только небо и необъятную морскую пустошь.

Грандиозность принятого решения – не мчаться наперегонки с Вольдемортом за бузинной палочкой – еще пугала Гарри. Он не припоминал, чтобы прежде хоть раз выбирал бездействие, и сейчас его терзали сомнения, которые неустанно подогревал Рон.

«А вдруг Думбльдор хотел, чтобы мы расшифровали символ вовремя и нашли палочку?», «А вдруг тот, кто расшифрует символ, достоин получить Дары?», «Гарри, но если это и впрямь бузинная палочка, как же мы, спрашивается, прикончим Сам-Знаешь-Кого?».

Гарри не знал ответов. Временами казалось, что позволить Вольдеморту вскрыть гробницу было настоящим безумием. Он даже не мог внятно объяснить, почему не попытался помешать Вольдеморту, и, перебирая в уме прежние доводы, сам признавал их жалкими.

И странно, поддержка Гермионы сбивала его с толку не меньше, чем сомнения Рона. Гермиона, когда ей пришлось признать существование бузинной палочки, сразу окрестила ее «ужасной вещью», а способ, каким Вольдемонт ее заполучил, «отвратительным и не достойным обсуждения».

– Ты бы никогда так не поступил, Гарри, – твердила она. – Никогда не вскрыл бы могилу Думбльдора.

Однако мысль о трупе Думбльдора пугала Гарри намного меньше, чем риск неправильно понять намерения Думбльдора живого. Гарри

чувствовал, что по-прежнему блуждает в темноте; он вроде и выбрал путь, но продолжал оглядываться назад: вдруг он неверно истолковал знаки, вдруг пошел не по той дороге? Время от времени на него накатывал гнев, мощный, как волны, что бились о скалы: ну почему Думбльдор ничего не объяснил при жизни?

– Но он *точно* умер? – спросил Рон через три дня после того, как они обосновались у Билла и Флёр. Когда подошли Рон с Гермионой, Гарри созерцал море поверх садовой ограды над обрывом и нисколько им не обрадовался: не хотел продолжать бесконечный спор.

– Да, Рон, точно, и, *пожалуйста*, не начинай!

– Но факты, сама посуди, факты, – сказал Рон через голову Гарри, который упорно глядел куда-то за горизонт. – Серебряная лань. Меч. Глаз в зеркале...

– Гарри согласен, что ему могло почудиться! Правда, Гарри?

– Могло, – буркнул Гарри, не оборачиваясь.

– Но на самом деле ты так не думаешь? – уточнил Рон.

– Не думаю, – подтвердил Гарри.

– Вот видишь! – воскликнул Рон торопливо, не давая Гермионе возразить. – Но если не Думбльдор, кто же прислал в подвал Добби? А, Гермиона?

– Не знаю... Ну, а ты можешь объяснить, как бы Думбльдор это сделал из гробницы?

– Не знаю! Может, он призрак!

– Думбльдор не вернулся бы призраком, – сказал Гарри. Он мало что наверняка понимал про Думбльдора, но это знал точно. – Он бы пошел дальше.

– Куда «дальше»? – не понял Рон, но не успел Гарри ответить, сзади позвали:

– ‘Арри?

Из дома вышла Флёр; ее длинные серебристые волосы развевались на ветру.

– ‘Арри, Цапкгюк ‘очет с тобой поговоить. Он в мальенькой спальнье – скажаль, чтобы вас не подслыюшали.

Ее раздражение – какой-то гоблин гоняет ее с поручениями! – было очевидно; дернув плечом, она развернулась и пошла вокруг дома.

Цапкрюк действительно дожидался их в самой маленькой из трех спален, которую делили Гермиона и Луна. Он задернул красные

хлопковые шторы, закрывшись от яркого неба в легких облачках, и комната, в отличие от прочих помещений светлого домика, казалась какой-то печью.

– Я принял решение, Гарри Поттер, – сообщил гоблин. Он сидел скрестив ноги в низком кресле и постукивал по подлокотникам крючковатыми пальцами. – Гоблины «Гринготтса» сочтут это подлым предательством, но я помогу тебе...

– Отлично! – воскликнул Гарри. У него отлегло от сердца. – Цапкрюк, спасибо, мы очень...

– ...за вознаграждение, – твердо закончил гоблин.

Гарри немного опешил:

– Сколько вы хотите? Золото у меня есть.

– Не золото, – возразил Цапкрюк. – Его и у меня предостаточно.

Черные глаза, лишённые белков, заблестели.

– Мне нужен меч. Меч Годрика Гриффиндора.

У Гарри резко упало настроение.

– Его отдать не могу, – сказал он. – Извините.

– Тогда, – тихо отозвался гоблин, – ничего не выйдет.

– Хотите что-нибудь другое? – нетерпеливо предложил Рон. – У Лестранжей в сейфе наверняка куча ценного, берите что понравится!

Так говорить не следовало. Цапкрюк вспыхнул.

– Я не вор, мальчишка! Я не возьму сокровищ, на которые не имею права!

– Меч наш...

– Нет, – возразил гоблин.

– Мы – гриффиндорцы, а меч принадлежал Годрику Гриффиндору...

– Но чей он был до Гриффиндора? – властно спросил гоблин, распрямляясь в кресле.

– Ничей, – ответил Рон. – Меч сделали специально для него.

– Нет! – ошестинившись, закричал гоблин и гневно ткнул в Рона длинным пальцем. – Как же вы, колдуны, самоуверенны! Меч принадлежал Рагнуку Первому, но был отнят Годриком Гриффиндором! Шедевр гоблинского мастерства! И принадлежит он гоблинам! Меч – моя цена, и как хотите – либо да, либо нет!

Цапкрюк впился в них взглядом. Гарри посмотрел на друзей и сказал:

– Нам нужно это обсудить, Цапкрюк. Не отпустите нас на пару минут?

Гоблин кисло кивнул.

Внизу, в пустой гостиной, Гарри, хмурясь, подошел к камину и задумался. Позади него Рон воскликнул:

– Да он просто издевается! Мы не можем отдать меч.

– Это правда? – спросил Гарри у Гермионы. – Гриффиндор украл меч?

– Я не знаю, – безнадежно вздохнула она. – Колдовская история часто умалчивает о том, что колдуны творили с другими волшебными расами, но достоверных свидетельств нет. По крайней мере, мне они неизвестны.

– Это гоблинская байка, – заявил Рон. – Их, бедняжек, вечно колдуны притесняли. Повезло еще, что он у нас волшебную палочку не потребовал.

– У гоблинов есть серьезные основания не любить колдунов! – воскликнула Гермиона. – В прошлом с ними очень жестоко обращались.

– Гоблины тоже не очень-то белые и совсем не пушистые, – сказал Рон. – Сколько наших поубивали! Также воевали грязно.

– Но, если мы начнем выяснять, чья раса хуже и чья обиженной, это вряд ли вдохновит Цапкрюка нам помогать!

Наступила тишина; все задумались. Гарри посмотрел из окна на могилу Добби. Луна пристраивала у надгробного камня цветки кермека в банке из-под варенья.

– Ладно, – прервал молчание Рон, и Гарри повернулся к нему, – предлагаю вот что. Скажем Цапкрюку, что, пока не зайдем в сейф, меч нам будет нужен, а после пусть забирает. Там ведь есть поддельный? Подменим и отдадим ему копию.

– Рон, он поймет! – вскричала Гермиона. – Он единственный, кто заметил подмену!

– Да, но пока он будет разбираться, мы смоемся...

Гермиона одарила его таким взглядом, что он испугался.

– Ну и ну, – тихо сказала она. – Какая низость. Просить о помощи, а потом обмануть? И ты еще удивляешься, почему гоблины не любят колдунов?

Уши Рона покраснели.

– Хорошо, хорошо! Больше ничего не сочинилось! Придумай что-нибудь получше.

– Надо предложить ему что-то другое, настолько же драгоценное.

– Замечательно! Пойду возьму из коллекции другой гоблинский меч, а ты завернешь его понаряднее.

Вновь воцарилась тишина. Гарри не сомневался: кроме меча, гоблину ничего не нужно, даже если бы у них и нашлось что-то подходящее. Однако меч – их единственное оружие против окаянтов.

Гарри на пару секунд закрыл глаза и прислушался к шуму моря. Мысль о том, что Гриффиндор мог украсть меч, была ему неприятна. Он всегда гордился тем, что он гриффиндорец; Гриффиндор защищал муглорожденных и боролся против Слизерина, помешанного на чистоте крови...

– Может, Цапкрюк врет, – сказал Гарри, открывая глаза, – и Гриффиндор не крал меч. Откуда мы знаем, где правда?

– Это что, важно? – спросила Гермиона.

– Для меня – да, – ответил Гарри. – Он глубоко вздохнул. – Скажем, что отдадим меч после того, как он проведет нас в сейф, но *когда именно* – умолчим.

По лицу Рона медленно расплзлась улыбка. А Гермиона встревожилась:

– Гарри, нельзя...

– Цапкрюк его получит, – продолжал Гарри. – Когда мы уничтожим все окаянты. Я прослежу, чтобы он его получил. Сдержу слово.

– Да, лет эдак через несколько! – воскликнула она.

– Допустим. Но *ему* это знать не обязательно. Я ему не совру... в общем-то.

Он вызывающе посмотрел на Гермиону, но на самом деле ему было стыдно. Он вспомнил слова, выбитые на воротах Нурменгарда: «РАДИ ВЫСШЕГО БЛАГА». Гарри выбросил неприятную мысль из головы. Разве у них есть выбор?

– Мне это не нравится, – сказала Гермиона.

– Мне тоже не очень, – признался Гарри.

– А я думаю, это гениально, – вставая, объявил Рон. – Пойдем к нему.

Вернувшись в спальню, Гарри изложил их предложение Цапкрюку, не упоминая о времени передачи меча. Гермиона хмуро смотрела в

пол; Гарри злился, опасаясь, что она своим поведением выдаст его игру. К счастью, Цапкрюк не глядел ни на кого, кроме Гарри.

– Даешь слово, Гарри Поттер, что, если я вам помогу, отдашь мне меч Гриффиндора?

– Да, – обещал Гарри.

– Тогда договорились. – И гоблин протянул ему руку.

Гарри пожал ее, гадая, способен ли Цапкрюк по глазам распознать обман. Между тем гоблин хлопнул в ладоши и воскликнул:

– Ну-с, приступим!

Они как будто вновь разрабатывали план проникновения в министерство. Расположились они в маленькой спальне, по желанию Цапкрюка – в полутьме.

– Я был в сейфе Лестранжей только один раз, – рассказывал Цапкрюк. – Мне приказали положить туда фальшивый меч. Это одно из самых старых помещений банка. Древнейшие колдовские семьи хранят сокровища на нижнем уровне – там сейфы очень просторные и лучше всего защищены...

В спальне, больше похожей на чулан, они просиживали по многу часов. Дни медленно превращались в недели. Одна за другой возникали препоны – например истощился запас всеэссенции.

– Здесь хватит только на одного, – сказала Гермиона, рассматривая глинистую жижу на свет.

– Этого будет достаточно, – отозвался Гарри. Он изучал карту нижних подземелий банка, нарисованную Цапкрюком.

Другие обитатели коттеджа не могли не заметить, что Гарри, Рон и Гермиона что-то затевают, поскольку те появлялись лишь к завтраку, обеду и ужину. Их ни о чем не спрашивали, но за общим столом Гарри нередко ловил на себе задумчивый, тревожный взгляд Билла.

Чем дольше, тем отчетливее Гарри осознавал: Цапкрюк не слишком ему нравится. Гоблин оказался весьма кровожаден, веселился, воображая страдания низших существ, и явно радовался перспективе при взломе сейфа Лестранжей ранить каких-нибудь колдунов. Рон и Гермиона, похоже, разделяли чувства Гарри, но Цапкрюка они не обсуждали. Он был им нужен.

За общим столом гоблин питался неохотно. Даже выздоровев, он продолжал требовать, чтобы еду приносили ему в комнату, как все еще очень слабому Олливандеру. Наконец Флёр закатаила Биллу сцену, и

тому пришлось сказать Цапкрюку, что так продолжаться не может. Цапкрюк начал спускаться к столу, но отказывался есть то же, что остальные, и требовал сырое мясо, коренья, грибы.

Гарри переживал: это ведь он ради допроса настоял, чтобы гоблин остался в «Ракушке», и по его вине семейство Уизли вынуждено скрываться, а Билл, Фред, Джордж и мистер Уизли не могут ходить на работу.

– Мне страшно неприятно, – сказал он Флёр однажды ветреным апрельским вечером, когда помогал ей готовить ужин, – что из-за меня у вас сплошные проблемы.

Она только что приказала ножам нарезать мясо для Цапкрюка и Билла, который после встречи с Уолком полюбил отбивные с кровью. Ножи приступили к делу, недовольное лицо Флёр смягчилось.

– ‘Арри, я не забыла, что ты спас жьизнь моей сестге.

Дело, конечно, обстояло не совсем так, но Гарри не стал напоминать, что настоящая опасность Габриэль тогда не грозила.

– И потом, – Флёр указала палочкой на кастрюльку на плите, и там тотчас закипел соус, – мистег Олльивандег сегодня пегеезжает к Мюгиэль. Станет полъегче. Можно пегеселить гоблина вньиз. – Она нахмурилась. – А вы с Гоном и Дином пегеедете в его комнату.

– Нам и в гостиной неплохо, – заверил Гарри. Цапкрюку не понравится спать на диване, а от его настроения зависит успех операции. – Не беспокойся. – И на возражения Флёр ответил: – Мы с Роном и Гермионой тоже скоро уедем. Недолго осталось.

– То есть? – нахмурилась Флёр. Блюдо с запеканкой повисло в воздухе под прицелом ее палочки. – Почъему это? Здъесь вы в бьезопасности!

В этот миг она была до того похожа на миссис Уизли, что Гарри обрадовался, когда открылась задняя дверь и в кухню вошли промокшие Луна и Дин. Они принесли пла́вник.

– ...и еще такие маленькие ушки, – говорила Луна. – Папа рассказывал, что они похожи на бегемотов, только лиловые и волосатые. И чтобы их подозвать, надо спеть. Они любят вальс, а не быструю музыку...

Дин, проходя вслед за Луной в гостиную, где Рон и Гермиона накрывали на стол, глянул на Гарри и от неловкости пожал плечами.

Гарри, лишь бы не отвечать Флёр, подхватил два кувшина с тыквенным соком и поспешил за ними.

— ...и если будешь у нас в гостях, я покажу тебе его рог. Папочка мне писал, но сама я не видела, Упивающиеся Смертью выкрали меня прямо из «Хогварц-экспресса», и я не попала домой на Рождество, — продолжала Луна, вместе с Дином разжигая огонь в камине.

— Луна, мы же тебе говорили, — вмешалась Гермиона, — тот рог взорвался. И принадлежал он сносорогу, а не складкорогому стеклопу...

— Нет, точно стеклопу, — уверенно заявила Луна, — папочка сам сказал. И рог наверняка уже починился: они же самовосстанавливающиеся.

Гермиона покачала головой и снова стала раскладывать вилки. Тут на лестнице появился Билл: он помогал спуститься мистеру Олливандеру и нес его чемодан. Мастер был все еще очень плох и тяжело опирался на руку Билла.

— Я буду по вам скучать, мистер Олливандер, — сказала Луна, бросаясь к старику.

— И я по тебе, дорогая. — Олливандер погладил ее по плечу. — Ты была мне истинным утешением в том ужасном подвале.

— *Au revoir*, мсье Олльивандег. — Флёр расцеловала его в обе щеки. — Можно я вас попрошу кое-что вегнуть тьетушке Мюгиэль? Я так и не отдала ей диадъему.

— Почту за честь, — с легким поклоном ответил Олливандер. — Это меньшее, чем я могу отплатить за ваше щедрое гостеприимство.

Флёр открыла перед Олливандером потертую бархатную шкатулку. Диадема внутри засверкала в свете низко висящей люстры.

— Лунные камни и бриллианты, — констатировал Цапкрюк, незаметно вошедший в комнату. — Гоблинская работа, надо полагать?

— За колдовские денежки, — тихо сказал Билл.

Гоблин бросил на него взгляд, вороватый и вызывающий.

Билл и Олливандер вышли в ночь. Сильный ветер сотряс окна коттеджа. Оставшиеся сели за стол, тесно, локоть к локтю; есть было не очень удобно. В камине потрескивал огонь. Гарри заметил, что Флёр возит вилкой по тарелке, почти не ест и то и дело взглядывает в окно. К счастью, Билл вернулся раньше, чем съели первое блюдо. Его длинные волосы растрепались на ветру.

– Все в порядке, – сообщил он Флёр. – Олливандер устроился, мама и папа шлют всем привет, Джинни просила передать, что всех любит, Фред и Джордж сводят тетю Мюриэль с ума, работают у нее в чуланчике и по-прежнему рассылают клиентам сов с заказами. Тетя очень обрадовалась диадеме. Думала, мы ее стибрили – прямо так и сказала.

– Твоя тьетя – само очагование, – раздраженно бросила Флёр, волшебной палочкой составила грязные тарелки в стопку, подхватила ее и обиженно вышла из комнаты.

– Папа тоже сделал диадему, – вставила Луна. – Правда, она больше похожа на корону.

Рон поймал взгляд Гарри и усмехнулся. Оба вспомнили нелепый головной убор, который видели у Ксенофила.

– Он хочет воссоздать утерянную диадему Вранзор. И вроде бы нашел все основные составляющие. Когда добавил крылья вертивжика, все встало на свои...

В дверь неожиданно постучали. Все резко обернулись. Флёр испуганно выбежала из кухни; Билл вскочил и направил на дверь волшебную палочку; Гарри, Рон и Гермиона тоже. Цапкрюк бесшумно скользнул под стол.

– Кто там? – крикнул Билл.

– Это я, Рем Джон Люпин! – Голос перекрикивал завывания ветра. Гарри от страха похолодел: что стряслось? – Я оборотень, женат на Нимфадоре Бомс, и ты, Хранитель Тайны коттеджа «Ракушка», сообщил мне адрес и разрешил прийти в случае необходимости!

– Люпин, – пробормотал Билл и побежал открывать.

Люпин ввалился в дом, бледный, в дорожном плаще, почти седой, взлохмаченный. Выпрямился, осмотрелся и, увидев, что чужих нет, громко закричал:

– У нас мальчик! Назвали Тедом, в честь отца Доры!

Гермиона взвизгнула:

– Что?.. Бомс... родила?

– Да, да! – заорал Люпин.

За столом все заахали, завздыхали облегченно, Гермиона и Флёр дружно завизжали:

– Поздравляем!

А Рон выпалил:

– Поди ж ты – ребенок! – будто раньше никогда ни о чем подобном не слышал.

– Да... да... мальчик! – вновь и вновь восклицал Люпин, шальной от счастья. Он обошел стол и обнял Гарри; сцены в доме на площади Мракэнтлен как будто и не случилось. – Будешь крестным?

– Я? – Гарри не поверил собственным ушам.

– Ты, конечно, кто ж еще... Дора согласна, лучшего не найти...

– Я... да... ух ты...

Гарри охватило потрясение, изумление, восторг. Билл поспешил за вином; Флёр принялась уговаривать Люпина отметить событие вместе.

– Не могу остаться надолго, надо обратно, – сказал Люпин, обводя всех сияющим взглядом; Гарри никогда не видел его таким молодым. – Спасибо, спасибо, Билл!

Билл быстро наполнил кубки, и все высоко их подняли.

– За Тедди Рема Люпина, – провозгласил Люпин, – будущего великого колдуна!

– На кого он похож? – спросила Флёр.

– По-моему, на Дору, но она говорит, что на меня. Волос у него пока маловато. Были темные, когда родился, но буквально через час порыжели. А вернусь, небось окажется блондином. Андромеда говорит, у Бомс волосы начали менять цвет прямо в день рождения. – Он осушил кубок. – Ой, ну ладно, еще один, – улыбнулся он, когда Билл снова наклонил над кубком бутылку.

Ветер сотрясал домик, огонь в камине танцевал и потрескивал, и вскоре Билл открыл новую бутылку вина. Новость Люпина – счастливая весть о новой жизни – всех взбодрила, и они на время позабыли о том, что живут в осаде. Только гоблин нежданный праздник не коснулся: он вскорости удалился в спальню, которую теперь занимал один. Гарри думал, что он единственный это заметил, но потом поймал взгляд Билла – тот тоже следил, как гоблин поднимается по лестнице.

– Нет... Все... Пора возвращаться, – сказал наконец Люпин, отказавшись от очередного кубка. Он поднялся и надел дорожный плащ. – До свидания, до свидания... Надеюсь, через пару дней появлюсь с фотографиями... Все очень обрадуются, когда узнают, что я вас навестил...

Он застегнул плащ, обнял на прощание женщин, пожал руки мужчинам и, по-прежнему улыбаясь до ушей, исчез в ночи.

– Крестный Гарри! – воскликнул Билл. Они вместе носили в кухню грязную посуду. – Вот это честь! Поздравляю!

Гарри поставил пустые кубки у раковины. Билл закрыл дверь в гостиную, где и без Люпина продолжалось шумное веселье.

– Я хотел поговорить наедине. Что нелегко – в доме столько народу. – Билл замялся. – Гарри, вы что-то затеваете с Цапкрюком.

Утверждение, не вопрос. Гарри не стал отрицать, лишь выжидательно посмотрел на Билла.

– Я гоблинов знаю, – продолжал тот. – Пошел в «Гринготтс» сразу после школы. И вот что скажу... если между колдунами и гоблинами вообще возможна дружба, у меня друзья-гоблины есть... По крайней мере, гоблины, с которыми я тесно общаюсь и которые мне нравятся. – Билл опять замялся. – Гарри, что тебе надо от Цапкрюка и что ты обещал взамен?

– Не могу сказать, – ответил Гарри. – Прости.

Дверь открылась: Флёр принесла еще несколько пустых кубков.

– Подожди, – остановил ее Билл. – Минуточку.

Она попятилась. Билл закрыл дверь и снова заговорил:

– Тогда я должен предупредить: если ты заключил с Цапкрюком сделку, тем более насчет сокровищ, будь предельно осторожен. Понятия гоблинов о собственности, о выплатах и компенсациях... не совсем такие, как у людей.

Гарри стало неуютно – в груди будто зашевелилась маленькая змея.

– В смысле? – спросил он.

– Гоблины – не люди, – ответил Билл. – Отношения между колдунами и гоблинами много веков были и остаются натянутыми – ты и сам знаешь из истории магии. Виноваты и те и другие; я вовсе не пытаюсь обелять колдунов. Однако среди гоблинов, особенно работников «Гринготтса», бытует мнение, что с деньгами и сокровищами колдунам доверять нельзя. Что колдуны не уважают права собственности гоблинов.

– Я уважаю... – начал Гарри, но Билл покачал головой:

– Ты не понимаешь, и никто из тех, кто плохо знает гоблинов, не поймет. У них законным владельцем вещи считается не покупатель, а

изготовитель, мастер. То, что гоблин сделал своими руками, принадлежит ему. Так они думают.

– Но если вещь купили...

– ...тогда, с их точки зрения, ее просто взяли в аренду. И тут есть загвоздка в смысле наследования сокровищ колдунами. Заметил, как Цапкрюк смотрел на диадему? Осуждающе. Я уверен, он, как и многие его сородичи, полагает, что диадему после смерти покупателя надо было возвратить мастеру. А передачу вещи от колдуна к колдуну по наследству без дополнительных выплат они считают едва ли не воровством.

Гарри охватили зловещие предчувствия; быть может, Билл знает больше, чем показывает.

– Я одно хочу сказать, Гарри. – Билл взялся за дверную ручку. – Поосторожнее с обещаниями гоблину. Не так опасно вломиться в «Гринготтс», как нарушить уговор с гоблином.

– Понял, – отозвался Гарри, когда Билл уже открывал дверь. – Спасибо. Приму к сведению.

Гарри вернулся к остальным, и его, под влиянием, без сомнения, выпитого вина, посетила очень нехорошая мысль. Похоже, крестный из него выйдет не лучше, чем из Сириуса Блэка, – такой же безрассудный. Бедный Тедди Люпин.

Глава двадцать шестая

«Гринготтс»

Все было спланировано, подготовка завершена: в стеклянном пузырьке на каминной полке в маленькой спальне лежал длинный и жесткий черный волос, снятый со свитера Гермионы, в котором она была у Малфоев.

– И у тебя будет ее настоящая палочка, – сказал Гарри, кивая на ореховую волшебную палочку. – По-моему, очень убедительно.

Гермиона взяла палочку, глядя на нее с опаской и отвращением, словно на ядовитую змею.

– Ненавижу ее, – пробормотала она. – Ненавижу. И она меня совсем не слушается... она как будто кусок Беллатрикс.

Гарри вспомнил, как Гермиона отмахивалась, когда он жаловался, что не выносит терновую палочку; как настаивала, что надо больше тренироваться, убеждала, что ему только мерещится, будто палочка работает хуже старой. Но сейчас, накануне проникновения в «Гринготтс», не время лезть к Гермионе с ее же собственными советами и затевать ссору.

– Зато поможет войти в образ, – утешил Рон. – Подумай, сколько всего эта палочка натворила!

– Я о том и говорю! – воскликнула Гермиона. – Ею пытали родителей Невилла и еще кучу людей! Ею убили Сириуса!

Об этом Гарри не подумал. Он посмотрел на палочку, и ему вдруг зверски захотелось сломать ее, перерубить мечом Гриффиндора – благо вот он, рядом, у стены.

– Я скучаю по *своей* палочке! – пожаловалась Гермиона. – Вот если бы мистер Олливандер и мне сделал новую...

Утром мистер Олливандер прислал новую палочку Луне, и сейчас та испытывала ее, стоя на лужайке за домом в лучах предвечернего солнца. Дин, у которого отняли палочку Отловщики, весьма уныло наблюдал.

Гарри взглянул на волшебную палочку из боярышника, которая раньше принадлежала Драко Малфою. Странно – но приятно, – что она работает у него не хуже палочки Гермионы. Гарри помнил, что говорил Олливандер о секретах волшебных палочек: пожалуй, ясно, в чем причина неудач – Гермиона не отобрала палочку силой, и та сохранила преданность бывшей хозяйке.

Дверь спальни отворилась; вошел Цапкрюк. Гарри инстинктивно подтянул меч к себе, о чем сразу и пожалел: гоблин заметил. Оправдываясь, Гарри сказал:

– Мы только что все проверили, Цапкрюк. И сообщили Биллу и Флёр, что завтра уезжаем. Просили не вставать и не провожать нас.

Они твердо решили, что Гермиона должна превратиться в Беллатрикс еще до отъезда, а чем меньше будут знать или подозревать Билл и Флёр, тем лучше. Гарри, Рон и Гермиона объяснили, что назад не вернуться. Билл одолжил им палатку – старой, принадлежавшей Перкинсу, они лишились при нападении Отлов-отряда. Сейчас новая палатка лежала в бисерной сумочке, которую Гермиона спасла от Отловщиков простейшей уловкой: засунула в носок. Гарри, узнав об этом, поразился ее изобретательности.

Он знал, что ему будет очень не хватать Билла, Флёр, Луны и Дина, не говоря уже о домашнем уюте, которым они наслаждались последние недели, – и все же с нетерпением ждал, когда вырвется из тесной «Ракушки». Он устал постоянно проверять, не подслушивают ли их, устал сидеть в крошечной темной спаленке. А больше всего устал от Цапкрюка. Но как и когда отделаться от гоблина, не отдавая меча? Вопрос без ответа. И обсудить это не выпадало случая: гоблин редко оставлял Гарри, Рона и Гермиону дольше чем на пять минут.

– Моей маме сто очков вперед даст, – ворчал Рон, завидев длинные пальцы гоблина на дверном косяке.

Помня предостережение Билла, Гарри не мог не думать, что Цапкрюк следит за ними, подозревает обман. Гермиона была настолько против самой идеи надуть гоблина, что Гарри даже не пытался спросить ее, как бы это получше проверить. Рон же, в те редкие минуты, когда они оставались без Цапкрюка, твердил одно:

– Что-нибудь придумаем, дружище.

Ночью Гарри спал плохо. Ближе к утру, лежа без сна, он невольно вспомнил, как ждал проникновения в министерство магии, – он был

полон решимости, даже предвкушения. Сейчас им владели тревога, сомнения, страх: вдруг что-то пойдет не так? Он твердил себе, что план хорош, что Цапкрюку известны все подводные камни, что они готовы к любым сложностям, – и тем не менее нервничал. Пару раз он слышал, как ворочается Рон – наверняка тоже не спит, – но, поскольку ночевали они в одной комнате с Дином, Гарри не произнес ни слова.

Он вздохнул с облегчением, когда пробило шесть, – наконец-то можно вылезти из спальных мешков, одеться в полутьме и незаметно выйти в сад, где они договорились встретиться с Гермионой и Цапкрюком. Стояла рассветная майская прохлада, ветра почти не было. Гарри посмотрел на звезды, слабо мерцавшие в темном небе, и прислушался к плеску волн под утесом. Он знал, что будет скучать по этим звукам.

Сквозь красноватую землю на могиле Добби пробивались зеленые росточки: пройдет год, и холм покроется цветами. Ветер успел слегка выщербить белый камень с надписью. Красивее места для вечного упокоения не найти, подумал Гарри. Сердце защемило от грусти; жалко оставлять здесь эльфа. Глядя на холмик, Гарри вновь задумался: как Добби узнал, где их искать? Рука рассеянно потянулась к кисету на шее и сквозь дуриворанью кожу нащупала осколок зеркала, в котором он – точно-точно! – видел глаз Думбльдора. Но тут открылась дверь, и он обернулся.

По лужайке к нему и Рону шагала Беллатрикс Лестранж вместе с Цапкрюком и на ходу засовывала бисерную сумочку во внутренний карман старой мантии, одной из тех, что они прихватили с площади Мракэнтлен. Гарри прекрасно знал, что это Гермиона, и все же содрогнулся от ненависти. Она была выше него, длинные черные волосы волнами струились по спине, глаза под тяжелыми веками облили его презрением. Но потом Беллатрикс заговорила, и в ее низком голосе зазвучали интонации Гермионы:

– До чего же она на вкус *тошнотная*, хуже корнеплоха! Так, Рон, иди-ка сюда, я тебя переделаю...

– Хорошо – только не слишком длинную бороду...

– Ради всего святого! Нашел время прихорашиваться...

– Не в том дело, она мешается!.. Да, и нос покороче, давай как в прошлый раз.

Гермиона вздохнула и принялась за работу. Бормоча заклинания, она так и этак меняла наружность Рона, превращая его в несуществующего человека, которого, оставалось надеяться, защитит общий страх перед Беллатрикс. Гарри и Цапкрюк собирались спрятаться под плащом-невидимкой.

– Ну вот, – сказала наконец Гермиона. – Как он тебе, Гарри?

Догадаться, что это Рон, было очень трудно, но можно – впрочем, только потому, что Гарри слишком хорошо его знал. А так – длинные волнистые волосы, пышные каштановые борода и усы, никаких веснушек, короткий широкий нос, густые брови.

– Не так чтоб влюбиться, но вообще сойдет, – отозвался Гарри. – Отчаливаем?

Все трое обернулись посмотреть на коттедж, темный и тихий под гаснущими звездами, и направились дезаппарировать за ограду, где не действовало Заклятие Верности. За воротами Цапкрюк заговорил:

– Пожалуй, я полечу сверху, Гарри Поттер.

Гарри пригнулся, и гоблин вскарабкался ему на спину. Цепкие руки сомкнулись на горле Гарри. Гоблин весил немного, но ощущать на себе его и эту неожиданно сильную хватку было неприятно. Гермиона вытащила из сумочки плащ-невидимку и накрыла их обоих.

– Отлично, – сказала она, наклоняясь проверить, не торчат ли из-под плаща ноги Гарри. – Я ничего не вижу. Поехали.

С Цапкрюком на плечах Гарри развернулся на месте, стараясь как можно яснее вообразить «Дырявый котел» – гостиницу, служившую проходом на Диагон-аллею. При дезаппарировании гоблин едва не задушил Гарри, но уже через несколько секунд тот почувствовал под ногами асфальт, открыл глаза и увидел Чаринг-Кросс-роуд. Муглы сновали туда-сюда с угрюмыми утренними лицами и даже не подозревали о существовании маленькой колдовской гостиницы.

Паб «Дырявого котла» практически пустовал. За стойкой хозяин, сутулый беззубый Том, до блеска начищал бокалы, в дальнем углу шептались двое ведунов. Глянув на Гермиону, они отодвинулись подальше в тень.

– Мадам Лестранж, – пробормотал Том и, когда Гермиона проходила мимо, почтительно склонил голову.

– Доброе утро, – ответила она.

Гарри, под плащом кравшийся следом за ней, заметил, как удивился Том.

– Не миндальничай, – шепнул Гарри на ухо Гермионе, когда они через паб вышли в задний дворик. – Запомни: все вокруг – грязь!

– Хорошо, хорошо!

Гермиона достала палочку Беллатрикс и стукнула по кирпичу в стене. Кирпичи начали вращаться. В стене образовалась дыра, которая становилась все шире, пока не превратилась в арку, ведущую на узкую, мощенную булыжником Диагон-аллею.

Стояла тишина, магазины только открывались, покупателей почти никого. Извилистая торговая улочка мало напоминала ту, какой ее впервые увидел Гарри давным-давно, еще до поступления в «Хогварц». С его последнего визита сюда многие магазины позакрывались, зато возникло несколько сомнительных лавчонок, так или иначе связанных с черной магией. С бесчисленных плакатов в витринах на Гарри смотрело его собственное лицо и надпись: «Нежелательный № 1».

На порогах лавок сбились в кучку оборванцы: кланчили у прохожих милостыню и уверяли, что они колдуны. У одного мужчины на глазу была окровавленная повязка.

Завидев Гермиону, попрошайки быстро накинули капюшоны и словно растаяли в воздухе. Гермиона посмотрела им вслед с любопытством. Вдруг ей наперерез бросился человек с повязкой.

– Мои дети! – тыча в Гермиону пальцем, завопил он высоким, резким голосом безумца. – Где мои дети? Что он с ними сделал? Ты знаешь, *знаешь!*

– Я... я... не... – опешила Гермиона.

Попрошайка прыгнул, попытался схватить ее за горло – но после громкого хлопка и красной вспышки отлетел назад и упал без чувств. Рон стоял, подняв палочку; на его бородатом лице застыло потрясение. В окна по обе стороны улицы высывались любопытные, а трое-четверо состоятельных прохожих, подхватив подола мантий, улепетывали с места происшествия.

Их появление на Диагон-аллее получилось слишком заметным. Гарри даже подумал, не вернуться ли, не разработать ли другой план, и хотел уже посоветоваться с остальными, но не сделал и шага, как сзади крикнули:

– Ну надо же! Мадам Лестранж!

Гарри обернулся; Цапкрюку пришлось крепче ухватиться за его шею. К ним приближался высокий худощавый колдун с густой седой шевелюрой и длинным острым носом.

– Трэверс, – прошипел в ухо Гарри гоблин, но Гарри не припоминал, кто это. Гермиона, выпрямившись в полный рост, процедила со всем презрением, на какое была способна:

– Что надо?

Трэверс замер как вкопанный, явно оскорбленный таким обращением.

– *Он тоже из Упивающихся!* – выдохнул Цапкрюк.

Гарри, наклонившись к уху Гермионы, передал ей эту информацию.

– Я просто хотел поздороваться, – холодно сказал Трэверс, – но если вы мне не рады...

Теперь Гарри узнал голос: Трэверс – один из нагрянувших к Ксенофилу.

– Нет-нет, что вы, Трэверс! – воскликнула Гермиона, торопясь исправить ошибку. – Как дела?

– Честно говоря, Беллатрикс, я весьма удивлен, что вы здесь.

– Правда? Почему?

– Ну, – Трэверс кашлянул, – *говорят*, что в поместье Малфоев всех посадили под домашний арест после... кхм... *побега*.

Гарри молился, чтобы Гермиона не ляпнула какой-нибудь глупости. Если это правда и Беллатрикс нельзя выходить из дому...

– Черный Лорд прощает тех, кто служил ему верой и правдой, – изрекла Гермиона, блистательно копируя высокомерные интонации Беллатриксы. – Быть может, вы у него не на таком хорошем счету!

Трэверс явно обиделся, но подозрения его утихли. Он мельком глянул на мужчину, пораженного сногшибателем Рона.

– Чем оно вам не угодило?

– Не важно. Больше оно этого не сделает, – хладнокровно ответила Гермиона.

– От этих беспалочных одни проблемы, – вздохнул Трэверс. – Пока попрошайничают, еще ладно, но на прошлой неделе одна, представьте, вздумала умолять замолвить за нее словечко в министерстве! «Я ведьма, сэр, ведьма, позвольте доказать!» – запищал он женским

голосом. – Как будто я ей отдам свою палочку... А кстати, чьей, – с любопытством спросил Трэверс, – пользуетесь вы, Беллатрикс? Я слышал, ваша...

– Моя – у меня, – ледяным тоном отчеканила Гермиона, предъявляя ему волшебную палочку Беллатрикс. – Уж не знаю, каких вы сплетен наслушались, но вас подло дезинформировали!

Трэверс, слегка сконфуженный, повернулся к Рону:

– А кто ваш спутник? Я что-то не узнаю.

– Драгомир Деспард, – сказала Гермиона. Они решили, что Рону безопаснее быть выдуманным иностранцем. – Он почти не говорит по-английски, но сочувствует идеям Черного Лорда. Приехал из Трансильвании познакомиться с нашим новым режимом.

– В самом деле? Как поживаете, Драгомир?

– Каг дила? – осведомился Рон и протянул руку.

Трэверс коснулся ее двумя пальцами, будто опасаясь испачкаться.

– И что же привело вас и вашего... кхм... сочувствующего друга на Диагон-аллею в такую рань? – поинтересовался Трэверс.

– Мне нужно в «Гринготтс», – ответила Гермиона.

– Увы, мне тоже, – вздохнул Трэверс. – Золото, бранный металл! Без него никак, хоть и неприятно якшаться с нашими длиннопалыми дружками.

Пальцы Цапкрюка на миг впились в шею Гарри.

– Пойдемте? – предложил Трэверс, жестом приглашая Гермиону за собой.

Ей ничего не оставалось, как двинуться за ним по петляющей улице к белоснежному зданию «Гринготтса», что возвышалось над магазинчиками. Рон плелся рядом, следом шагали Гарри с Цапкрюком.

Бдительный Упивающийся Смертью – только этого не хватало! Хуже того, при нем Гарри не мог поговорить ни с Роном, ни с Гермионой. Вскоре они оказались у мраморной лестницы, ведущей к массивным бронзовым дверям. Однако гоблинов-охранников в ливреях, как и предупреждал Цапкрюк, сменили два колдуна с длинными тонкими золотыми прутами в руках.

– Ах, индикаторы искренности! – театрально вздохнул Трэверс. – Примитивно... но эффективно!

Он направился вверх по ступеням, кивнув налево и направо. Колдуны подняли прутья и провели ими вверх-вниз вдоль его тела.

Индикаторы искренности выявляли маскировочные заклятия и спрятанные магические предметы. Зная, что в запасе всего несколько секунд, Гарри нацелил палочку Драко на охранников по очереди и дважды пробормотал: «Конфундо». Незаметно для Трэверса, который сквозь бронзовые двери заглядывал в банк, охранники, пораженные заклинанием, слегка вздрогнули.

Гермиона поднялась по ступенькам; длинные черные волосы струились по спине.

– Секунду, мадам. – Охранник поднял индикатор.

– Но вы нас уже проверили! – воскликнула Гермиона властным, надменным тоном Беллатрикс. Трэверс, подняв брови, обернулся. Охранник был озадачен. Он воззрился на золотой щуп, затем на товарища. Тот в некотором оцепенении сообщил:

– И правда проверил, Мариус.

Гермиона прошествовала внутрь. Рон шел рядом с ней, невидимые Гарри и Цапкрюк – чуть позади. Переступив порог, Гарри обернулся: оба колдуна озадаченно чесали в затылках.

Перед внутренними серебряными дверями с гравировкой – стихотворным предостережением для воров – стояли два гоблина. Гарри посмотрел на стихотворение и кристально ясно вспомнил день, когда ему исполнилось одиннадцать, – лучший свой день рождения. Тогда на этом самом месте Огрид, возвышаясь у него за спиной, как гора, сказал: «Сюда только полоумный сунется». В тот день «Гринготтс» казался чудом из чудес, и в нем был сейф с кучей золота, о котором Гарри даже не подозревал. Ему и в голову не могло прийти, что однажды он вернется сюда красть... Впрочем, спустя пару секунд они уже очутились в огромном мраморном вестибюле банка.

За длинной стойкой на высоких стульях сидели гоблины, обслуживая первых клиентов. Гермиона, Рон и Трэверс направились к старому гоблину, который через лупу изучал толстую золотую монету. Гермиона пропустила Трэверса первым, сделав вид, что показывает Рону красоты вестибюля.

Гоблин отшвырнул монету, буркнул: «Лепреконово», а затем поздоровался с Трэверсом. Тот предъявил золотой ключик, который проверили и возвратили.

Гермиона шагнула вперед.

– Мадам Лестранж! – воскликнул гоблин, вздрогнув от неожиданности. – Святое небо! Чем... могу быть полезен?

– Мне нужно в свой сейф, – объявила Гермиона.

Старый гоблин как будто отпрянул. Гарри огляделся. На них смотрел не только Трэверс, но и несколько других гоблинов. Все оторвались от работы и пристально следили за Гермионой.

– Позвольте вас... опознать, – попросил гоблин.

– Опознать? Раньше этого не требовалось! – возмутилась она.

– *Они знают!* – зашептал Цапкрюк Гарри в ухо. – *Их наверняка предупредили, что возможно появление самозванцев!*

– Достаточно вашей палочки, мадам, – сказал гоблин, протягивая чуть дрожащую руку, и Гарри посетило ужасное озарение: гоблины «Гринготтса» знают, что палочка Беллатрикс украдена.

– *Действуй, быстро,* – тихо велел Цапкрюк. – *Проклятие подвластия!*

Гарри под плащом поднял боярышниковую палочку, направил ее на старого гоблина и впервые в жизни шепотом приказал:

– Империио!

Что-то необычайное пробежало по руке Гарри, по сухожилиям и венам, какое-то покалывающее тепло, будто прямо из подсознания, соединяя его с палочкой и произнесенным проклятием. Гоблин взял палочку Беллатрикс, рассмотрел и произнес:

– А-а, у вас новая палочка, мадам Лестранж!

– Что? – переспросила Гермиона. – Нет-нет, это моя...

– Новая палочка? – удивился Трэверс, возвращаясь к стойке. Гоблины вокруг по-прежнему наблюдали за происходящим. – Но как вам удалось, к кому вы обратились?

Гарри не раздумывая направил палочку на Трэверса и опять прошептал:

– Империио!

– Ага, ага, ясно, – забормотал Трэверс, разглядывая палочку Беллатрикс. – Да, хороша! А работает как, нормально? По-моему, любую палочку требуется хорошенько обкатать, правда?

Гермиона абсолютно ничего не понимала, но, к великому облегчению Гарри, смирилась со странным оборотом дела.

Старый гоблин за стойкой хлопнул в ладоши, и к нему подошел гоблин помоложе.

– Попрошу класки, – сказал старик. Молодой мгновенно исчез, минутой позже вернулся с кожаной сумкой, в которой звенело что-то металлическое, и вручил ее начальнику. – Хорошо, хорошо... мадам Лестранж. – Старый гoblin спрыгнул со стула и пропал из виду. – Если соблаговолите последовать за мной, я провожу вас в хранилище.

Он появился из-за стойки и бодро поскакал к ним, позвякивая кожаной сумкой. Трэверс застыл, разинув рот. Рон удивленно на него таращился, что было совершенно ни к чему.

– Подожди-ка, Богрод!

Вдоль стойки торопливо шагал другой гoblin.

– У нас инструкции. – И он поклонился Гермione. – Простите, мадам, но у нас есть специальный приказ относительно хранилища Лестранжей.

Он зашептал что-то Богроду на ухо, но тот под влиянием проклятия лишь отмахнулся.

– Да знаю я о приказе! Мадам Лестранж нужно в ее сейф... Древний род... Старые клиенты... Сюда, пожалуйста... – И, звеня сумкой, поспешил к одной из множества дверей из зала. Гарри оглянулся на Трэверса. Тот стоял как замороженный и выглядел ненормально. Гарри решился: махнул палочкой и заставил Трэверса смиренно следовать за ними. Они прошли в дверь, в уложенный неровными камнями коридор, где пылали факелы.

– У нас беда, они что-то подозревают, – сказал Гарри, когда за ними захлопнулась дверь и он снял плащ-невидимку. Цапкрюк спрыгнул на пол. Ни Трэверс, ни Богрод не выказали ни малейшего удивления, неожиданно узрев Гарри Поттера. – Они под проклятием подвластия, – добавил он в ответ на вопросительные взгляды Рона и Гермione, пораженных поведением Трэверса и Богрода, которые стояли с видом полных идиотов. – Но, по-моему, оно не очень сильное...

В голове всплыло воспоминание о том, как настоящая Беллатрикс Лестранж верещала, когда он впервые попытался использовать непростительное проклятие: «В них следует вкладывать истинное чувство!»

– Что делать-то? – спросил Рон. – Уйти, пока можно?

– Если можно, – подчеркнуто произнесла Гермione, оглядываясь на дверь в главный зал, за которой происходило трудно сказать что.

– Мы зашли слишком далеко, назад пути нет, – ответил Гарри.

– Вот и отлично! – воскликнул Цапкрюк. – Но тележкой должен управлять Богрод: у меня больше нет полномочий. Правда, колдун там не поместится.

Гарри направил палочку на Трэверса:

– Империио!

Тот развернулся и живо зашагал по темному коридору.

– Что ты велел ему сделать?

– Спрятаться, – объяснил Гарри и направил палочку на Богрода.

Тот свистнул, подзывая тележку; она прикатилась по рельсам из темноты. Забираясь в нее, Гарри совершенно точно расслышал крики из главного зала. Богрод сел впереди с Цапкрюком, Рон, Гарри и Гермиона втиснулись назад.

Дернувшись, тележка тронулась и стала набирать скорость. Они миновали Трэверса, который пытался забиться в расщелину в стене, повернули и запетляли вниз по рельсам в путанице коридоров. За грохотом тележки Гарри ничего не слышал. Его волосы развевались. Тележка шныряла меж сталактитов, спускаясь глубже и глубже под землю, но Гарри постоянно оглядывался. Они, должно быть, выдали себя миллион раз. Чем больше он думал, тем безрассудней казалась мысль превратить Гермиону в Беллатрикс и воспользоваться чужой палочкой – ведь Упивающиеся Смертью знали, кто ее украл.

Гарри никогда еще не бывал в «Гринготтсе» так глубоко. Они резко повернули на полной скорости и увидели впереди водопад. Вода лилась прямо на рельсы, и до нее оставалась лишь пара секунд. Гарри услышал, как Цапкрюк закричал:

– Нет! – но тормозов у них не было.

Они влетели под воду. Она полилась в глаза, в рот; Гарри ничего не видел и не мог дышать. Затем тележка круто накренилась, перевернулась и выбросила пассажиров. Гарри слышал, как она разбилась об стену, слышал, как что-то крикнула Гермиона, и почувствовал, как сам он легко, невесомо заскользил по воздуху и плавно приземлился на каменный пол тоннеля.

– П-подушечное заклятие, – выдохнула Гермиона, когда Рон поставил ее на ноги. Гарри с ужасом обнаружил, что Гермиона больше не Беллатрикс. Она стояла перед ним в мешковатой мантии, промокшая насквозь, и была сама собой. Рон снова стал рыжим и без

бороды. Они и сами сообразили, что случилось, оглядев друг друга и ощутив собственные лица.

– Водопад Ворюг! – провозгласил Цапкрюк, с трудом поднимаясь на ноги и оглядываясь на ливень – то была не простая вода. – Смывает любые чары, любые магические уловки! Они знают, что в «Гринготтсе» самозванцы, и включили защиту!

Гермиона проверила, на месте ли бисерная сумочка, и Гарри сунул руку под куртку – удостовериться, что не потерял плащ-невидимку. Потом обернулся к Богроду. Тот в замешательстве тряс головой. Очевидно, Водопад Ворюг смыл и проклятие подвластия.

– Он нам нужен, – сказал Цапкрюк. – Мы не войдем в сейф без сотрудника «Гринготтса». И без клэкок!

– Империи! – произнес Гарри опять, и его голос эхом разнесся по каменному тоннелю. По руке из подсознания к палочке вновь побежало пьянящее тепло власти.

Богрод подчинился. Его ошалелость сменилась вежливым равнодушием. Рон поспешил подобрать лязгающую кожаную сумку.

– Гарри, кажется, кто-то идет! – Гермиона нацелила палочку Беллатрикс на водопад и крикнула: – Протего!

Заградительный щит разбил волшебный поток и унесся в тоннель.

– Хорошая мысль, – одобрил Гарри. – Показывайте дорогу, Цапкрюк!

– А как же мы выберемся? – спросил Рон. Они в темноте торопливо шагали за гоблином. Богрод трусил позади, дыша тяжело, как старая собака.

– Давайте решать проблемы по мере их поступления, – предложил Гарри, напряженно прислушиваясь. Казалось, совсем близко что-то грохочет и ворочается. – Цапкрюк, далеко еще?

– Недалеко, Гарри Поттер, недалеко...

Они свернули за угол, и Гарри увидел то, к чему был готов, – и однако оно их остановило.

Перед входом в самые глубокие сейфы банка был прикован исполинский дракон. Он так долго сидел под землей, что чешуя его побледнела и расслоилась; глаза затянуты молочно-розовой пленкой, задние лапы опутаны цепями, которые тянулись к огромным крюкам, вмурованным в каменный пол. Гигантские шипастые крылья, плотно прижатые к телу, раскрывшись, заполнили бы весь подземный зал.

Дракон повернул к нежданым гостям уродливую голову и, открыв пасть, издал страшный рык. Стены содрогнулись. Дракон выпустил столб огня, и все кинулись бежать назад по проходу.

– Он почти слепой, – пропыхтел Цапкрюк, – и оттого еще больше озверел. Но мы его уйдем. Он знает, что бывает от клацок. Дайте-ка мне.

Рон протянул сумку Цапкрюку, и гоблин вытащил оттуда маленькие железные инструменты. Если их потрясти, раздавался долгий звон, словно от миниатюрных молоточков, стучащих по наковальням. Цапкрюк раздал всем клацки; Богрод смиренно принял свою.

– Вы помните, что делать, – сказал Цапкрюк Гарри, Рону и Гермионе. – Услышав звон, он будет ждать боли и отступит. Тогда Богрод должен приложить ладонь к двери сейфа.

Они снова свернули за угол, гремя клацками. Шум эхом отдавался от каменных стен, и у Гарри неприятно загудело в голове. Дракон еще раз хрипло рыкнул и попятился. Приблизившись, Гарри увидел, как зверь дрожит, заметил на морде шрамы от чудовищных порезов; видимо, дракона обучали бояться раскаленных мечей, когда гремят клацки.

– Заставь его приложить руку к двери! – поторопил Цапкрюк. Гарри нацелил палочку на Богрода. Старый гоблин повиновался и прижал ладонь к деревянной поверхности. Дверь сейфа исчезла, открыв вход в пещеру, от пола до потолка забитую всякой всячиной: золотые монеты, кубки, серебряные доспехи, шкуры странных существ – одни длиннохвостые, у других болтаются крылья, – зелья в драгоценных флаконах и череп в короне.

– Ищите скорей! – приказал Гарри, едва они вбежали в сейф.

Он описывал Рону и Гермионе кубок Хуффльпуфф, но если в сейфе прятался другой, неизвестный окаянт, Гарри не знал, что тот из себя представляет. Он едва успел оглядеться, как позади что-то глухо стукнуло. Дверь появилась опять, запечатав их в сейфе, и они очутились в крошечной темноте. Рон от неожиданности вскрикнул.

– Ничего, Богрод сможет нас выпустить, – успокоил Цапкрюк. – Зажгите палочки! И поспешите, времени мало!

– Люмос!

Гарри осветил сейф палочкой. Луч упал на сверкающие драгоценности, и на верхней полке среди груды цепей Гарри увидел фальшивый меч Гриффиндора. Рон и Гермиона тоже зажгли палочки и теперь рассматривали груды сокровищ.

– Гарри, это, случайно, не?.. Ой!

Гермиона вскрикнула от боли. При свете палочки Гарри успел увидеть, как из ее руки выскальзывает драгоценный кубок. Но, упав, кубок раскололся на целую груду новых, и спустя несколько секунд страшного грохота пол оказался усеян абсолютно одинаковыми кубками. Найти среди них настоящий было невозможно.

– Он меня обжег! – пожаловалась Гермиона и сунула в рот пальцы, покрывшиеся волдырями.

– Они наложили заклятия размножения, – констатировал Цапкрюк. – Все, к чему вы прикоснетесь, будет жечь и множиться, но от копий проку нет... И если вы не перестанете трогать сокровища, в конце концов вас насмерть раздавит груды раскаленного золота!

– Так, ничего не трогайте! – в отчаянии сказал Гарри, но тут Рон, как назло, случайно задел ногой один кубок и запрыгал от боли. Еще двадцать кубков разлетелось в стороны, а в ботинке Рона появилась прожженная дыра.

– Стой спокойно! – Гермиона схватилась за Рона.

– Смотрите по сторонам! – велел Гарри. – Кубок маленький, золотой, с двумя ручками. На нем выгравирован барсук... а еще ищите орла, символ «Вранзора»...

Осторожно поворачиваясь на месте, они освещали палочками все закутки и щели, но ничего при этом не задеть было практически невозможно. Гарри нечаянно создал целый водопад фальшивых галлеонов – те посыпались на пол к груды кубков. Ступить стало некуда. Золото сияло, озаряя сейф, и вскоре там сделалось жарко как в печке. Луч скользил по щитам и шлемам гоблинской работы, сложенным на полках до самого потолка. Выше, выше, и вдруг... Сердце екнуло, рука задрожала.

– *Вон он! Наверху!*

Свет от волшебных палочек Рона и Гермионы тоже взметнулся под потолок к маленькому кубку, заигравшему в свете трех лучей яркими бликами. Кубок, некогда принадлежавший Хельге Хуффльпуфф,

перешедший во владение Хефцибы Смит и украденный у нее Томом Реддлем.

– И как мы до него доберемся, чтоб ничего не трогать? – осведомился Рон.

– Акцио кубок! – крикнула Гермиона, от отчаяния забыв все наставления Цапкрюка.

– Без толку, без толку! – рявкнул гоблин.

– И что делать? – Гарри обернулся к нему: – Если вам нужен меч, тогда помогайте... Стоп! А мечом всего этого добра можно касаться? Гермиона, дай меч!

Гермиона нащупала под мантией бисерную сумочку и, порывшись в ней, достала сияющий меч. Гарри ухватился за инкрустированный рубинами эфес и кончиком лезвия коснулся какой-то серебряной фляги. С ней ничего не произошло.

– Вот если б подцепить мечом ручку... но как туда залезть-то?

До полки не доставал даже Рон, самый высокий из всех. Зачарованные драгоценности пылали жаром, по лицу и спине Гарри тек пот. Он изо всех сил напрягал мозги. Неожиданно по ту сторону двери взревел дракон и что-то залязгало, громче и громче.

Вот теперь точно попались. Другого выхода нет, только через дверь, а к хранилищу, похоже, движется толпа гоблинов. Гарри посмотрел на Рона и Гермиону и прочел ужас в их глазах.

– Гермиона, – сказал Гарри. Снаружи грохотали все отчетливее. – Мне надо наверх, мы должны его уничтожить...

Она направила на Гарри волшебную палочку и прошептала:

– Левикорпус.

Гарри вздернули в воздух за лодыжку. Повиснув, он ударился о доспехи. Раскаленные добела торсы разлетелись фонтаном, загромождая и без того тесное помещение. Рон, Гермиона и оба гоблина заорали от боли, упали, задели другие предметы, и те тоже принялись множиться. Пока все с воплями барахтались под обжигающими сокровищами, Гарри лезвием меча подцепил за ручку кубок Хельги Хуффльпуфф.

– Импервиус! – взвизгнула Гермиона, пытаясь защитить себя, Рона и гоблинов от горячего металла.

За этим раздался душераздирающий вопль, и Гарри невольно посмотрел вниз. Рон и Гермиона, по пояс в драгоценностях, силились

удержать Богрода на поверхности, но Цапкрюк уже исчез из виду – виднелись лишь кончики длинных пальцев.

Гарри схватился за них и потянул Цапкрюка вверх. Гоблин, весь в волдырях, появился из-под проклятых сокровищ, завывая от боли.

– Либеракорпус! – крикнул Гарри, и они с Цапкрюком грохнулись на растущую гору драгоценностей. Меч Гарри уронил. – Лови! – завопил он, с трудом терпя жжение. Цапкрюк, спасаясь от раскаленного металла, снова вскарабкался к Гарри на плечи. – Где меч? На нем кубок!

Звон за дверью почти оглушал – слишком поздно...

– Вот он!

Меч увидел Цапкрюк, Цапкрюк прыгнул к нему, и в этот миг Гарри понял: гоблин даже не рассчитывал, что они сдержат слово. Одной рукой он крепко вцепился Гарри в волосы, чтобы не упасть в море полыхающего золота, а другой схватил меч и вздернул его повыше, чтобы Гарри не дотянулся.

Маленький кубок соскользнул с лезвия и полетел в воздух. Гарри, оседланный гоблином, сделал рывок и поймал кубок – и не выпустил, хотя тот обжег пальцы до кости, а из кулака хлынул водопад фальшивых кубков. Тут дверь хранилища открылась, и лавина жгучего золота и серебра понесла Гарри, Рона и Гермиону к выходу.

Улетая прочь на волне множющихся сокровищ, Гарри уже плевать хотел на ожоги. Он сунул кубок в карман и собрался было отобрать меч у гоблина, но Цапкрюк исчез. При первой возможности он соскользнул с плеч Гарри и скрылся среди гоблинов, размахивая мечом и крича:

– Воры! Воры! Помогите! Воры! – Он растворился в надвигающейся толпе, вооруженной кинжалами и принявшей его без сомнений.

Поскальзываясь на раскаленном металле, Гарри с трудом встал, понимая, что единственный путь наружу – через толпу.

– Обомри! – выпалил он, и Рон с Гермионой повторили заклинание.

Красные лучи полетели в гущу гоблинов. Кое-кто упал, но остальные продолжали наступать. Из-за угла выскочили несколько колдунов-охранников.

Привязанный дракон зарычал, и столп огня опалил гоблинов. Колдуны, пригнувшись, кинулись обратно, а на Гарри снизошло

вдохновение – или безумие. Нацелив палочку на толстые оковы, что удерживали чудовище на полу, он проревел:

– Релашио!

Цепи, звонко щелкнув, пали.

– Сюда! – завопил Гарри и, на бегу сшибая наступавших гоблинов, ринулся к слепому дракону.

– Гарри... Гарри... ты что?! – закричала Гермиона.

– Лезьте, скорее, давайте...

Дракон не понял, что свободен. Гарри поставил ногу на сгиб его задней лапы и взобрался на спину чудовища. Чешуя была твердой, как сталь, и дракон, похоже, ничего не почувствовал. Гарри протянул руку и помог взобраться Гермионе. Рон вскарабкался следом, и тут дракон сообразил, что цепи его больше не сдерживают.

Когда он с ревом поднялся на ноги, Гарри изо всех сил сдвинул коленями зазубренную чешую. Дракон расправил крылья, расшвыряв визжащих гоблинов, будто кегли, и взмыл. Гарри, Рона и Гермиону, распластанных по его спине, провезло по потолку; затем дракон нырнул и устремился в коридор. Преследователи метали в них кинжалы, но те отскакивали от неуязвимых боков зверя.

– Нам не выбраться, он слишком большой! – крикнула Гермиона, но дракон разинул пасть и изрыгнул огонь; тоннель взорвался, пол и потолок треснули и стали рушиться.

Чудовище, загребая когтями, неистово расчищало себе путь. Гарри крепко зажмурился от жара и пыли. Оглушенный грохотом камней и ревом дракона, он только и мог, что цепляться за чешую, в любой момент ожидая, что его скинут. Потом он услышал вопль Гермионы:

– Дефодио!

Она помогала дракону расширять проход, разбивала потолок, который преграждал путь на свет, прочь от вопящих и бряцающих клцками гоблинов. Гарри и Рон, следуя ее примеру, тоже начали рушить потолок прорывальными заклинаниями. Они миновали подземное озеро, и огромный ревуший зверь почувал свободу, близость открытого пространства; позади них из стороны в сторону метался шипастый драконий хвост, разлетались обломки гигантских сталактитов и здоровенные каменные глыбы, гвалт гоблинов затихал, а дракон упорно расчищал себе путь огнем...

Наконец, общими усилиями – дракона и заклятий – они пробились из подземелья в мраморный зал. Гоблины и колдуны с визгом кинулись наутек. Дракон полностью расправил крылья и, повернув рогатую голову навстречу прохладе и свежести с улицы, взлетел. Он снес с петель серебряные и бронзовые двери банка и, на спине унося Гарри, Рона и Гермиону, вырвался на Диагон-аллею.

Глава двадцать седьмая

Последний тайник

Управлять драконом не получалось. Он не видел, куда летит, и Гарри знал: при первом же резком повороте или нырке им не удержаться на его широкой спине. Тем не менее Гарри был бесконечно благодарен судьбе за спасение, казалось бы, невозможное; они поднимались все выше, и под ними серо-зеленой картой простирался Лондон. Плотнo приникая к спине зверя, Гарри цеплялся за его почти металлическую чешую. Встречный ветер приятно охлаждал обожженную, в волдырях, кожу. Крылья дракона рассекали воздух, как лопасти ветряной мельницы. Позади Гарри не то от радости, не то от страха во весь голос ругался Рон, а Гермиона вроде бы плакала.

Минут через пять опасение, что дракон их сбросит, поутихло – похоже, зверь желал лишь поскорее убраться от подземной тюрьмы. Но, когда и как они приземлятся, еще неизвестно, и мысль об этом пугала. Гарри не имел ни малейшего представления, сколько времени драконы способны лететь без остановки и каким образом эта почти слепая тварюга выберет подходящее место для посадки. Гарри непрерывно крутил головой, и ему казалось, что шрам покалывает...

Сколько времени пройдет, прежде чем Вольдеморт узнает, что они проникли в сейф Лестранжей? Как скоро гоблины «Гринготтса» известят Беллатрикс? Когда поймут, что именно украдено? И еще: едва обнаружится, что пропал золотой кубок, Вольдеморт наконец сообразит, что они охотятся за окаянтами.

Дракона, видимо, влекли прохлада и свежесть. Он набирал высоту, и скоро они оказались в холодных белых ошметках облаков. Гарри уже не различал на земле цветные точки автомобилей, направлявшихся в столицу и обратно. Спустя считанные минуты внизу замелькало бурозеленое лоскутное сельское одеяло, прошитое глянцевыми и матовыми лентами рек и дорог.

– Как думаешь, что он ищет? – крикнул Рон. Они улетали дальше и дальше на север.

– Понятия не имею! – через плечо заорал Гарри. Руки окоченели, но он боялся ослабить хватку. Уже некоторое время он гадал, что делать, если дракон, долетев до побережья, направится в открытое море. Малоприятная перспектива: Гарри и сейчас уже окостенел от холода, и к тому же ужасно хотелось есть и пить. А еще не давала покоя мысль о том, что дракон тоже скоро проголодается и, быть может, поймет, что у него на спине очень кстати сидят три весьма съедобных человечка...

Солнце постепенно опускалось к горизонту, небо потемнело до оттенка индиго, а дракон все летел. Внизу проплывали большие и маленькие города. Дракон, как большая туча, отбрасывал на землю гигантскую тень. Гарри так цеплялся за его чешую, что все тело от напряжения нещадно болело.

– Мне кажется, – после продолжительного молчания крикнул Рон, – или мы и правда пошли на снижение?

Гарри опустил глаза и увидел большие зеленые горы и озера, медно-красные в свете заката. Ландшафт просматривался все отчетливей; наверное, дракон по вспышкам солнца на воде догадался, что внизу есть чем утолить жажду.

Дракон спускался, описывая в воздухе огромные круги, – примеривался к небольшому озерцу.

– Еще немного пониже – и прыгаем! – прокричал Гарри. – Прямо в воду, пока он нас не заметил!

Все согласились – у Гермионы, правда, голос дрогнул, – и, стоило желтому брюху дракона зарыбиться в воде, Гарри заорал:

– ДАВАЙТЕ!

Он сполз по драконьему боку и соскользнул в озеро ногами вниз. Как выяснилось, они были выше, чем он предполагал; сильно ударившись о воду, он камнем погрузился в холодную, зеленую, полную водорослей и тины толщу. Затем, изо всех сил работая руками, вынырнул и принялся жадно хватать ртом воздух. Там, где упали Рон и Гермиона, по воде расходились круги. Дракон, похоже, ничего не заметил; он уже улетел футов на пятьдесят. Скользя над озером, он опускал исполосованную шрамами морду в воду и пил. Рон и Гермиона, отплевываясь и кашляя, вынырнули из глубины, а дракон, сделав еще несколько взмахов огромными крыльями, наконец сел на дальнем берегу.

Гарри, Рон и Гермиона поплыли в другую сторону. Озеро оказалось не слишком глубоким, и вскоре плавание превратилось в мучительную борьбу с зарослями камыша и донным илом. Наконец, мокрые и совершенно выдохшиеся, они выкарабкались на скользкую траву. Гермиона, дрожа и кашляя, рухнула на землю. Гарри с наслаждением лег бы сейчас и уснул, однако с трудом встал и привычно принялся устанавливать магическую защиту.

Закончив, он подошел к друзьям и впервые после побега из хранилища хорошенько к ним пригляделся. По их лицам и рукам расползались красные ожоги; одежда была опалена. Морщась от боли, они смазывали многочисленные раны экстрактом бадьяна. Гермиона передала пузырек Гарри, достала три бутылки тыквенного сока, которые захватила из «Ракушки», и чистые сухие мантии для всех троих. Переодевшись, они с жадностью стали пить.

— Итак, — сказал Рон, наблюдая, как восстанавливается кожа на руках. — С одной стороны, мы добыли окаянт. А с другой...

— ...лишились меча, — скрипя зубами выдавил Гарри, сквозь дыру на джинсах поливая бадьяном кошмарный ожог.

— Да, меча мы лишились, — повторил Рон. — Эта мелкая двуличная гадина...

Гарри достал окаянт из кармана сброшенной мокрой куртки и положил его на траву. Мерцая на солнце, тот притягивал взгляды.

— Хоть на шее таскать не придется. — Рон допил и вытер рот рукой. — Кулончик из него так себе.

Гермиона смотрела на дальний берег озера, на дракона, пьющего воду.

— Как думаете, что с ним будет? — спросила она. — Он не пропадет?

— Здравствуйте: новый Огрид, — произнес Рон. — Гермиона, это дракон, он как-нибудь справится. Нам и без него забот хватает.

— В смысле?

— Даже не знаю, как объяснить, чтобы до тебя дошло, — сказал Рон. — Но боюсь, наш визит в «Гринготтс» *вряд ли* остался без внимания.

Все трое громко засмеялись и долго не могли остановиться. Ребра Гарри болели, и от голода кружилась голова, но он, лежа в траве и глядя на рдеющее закатное небо, хохотал, пока не запершило в горле.

– И все же: что делать? – спросила Гермиона, поикав и посерьезнев. – Он наверняка узнает. Догадается, что нам известно про окаянты!

– А вдруг ему побоятся сообщить? – с надеждой проговорил Рон. – Постараются все замять...

Небо, запах озера, голос Рона – все померкло, исчезло. Боль, словно от удара меча, расколола голову Гарри. Он очутился в сумеречной комнате. Его окружали колдуны, а перед ним, сгорбившись, стояла на коленях чья-то дрожащая фигурка.

– Что ты сказал? – В его пронзительном холодном голосе klokотали ярость и страх. Случилось то, чего он боялся. Но... нет, этого не может быть, он не понимает, как...

Гоблин дрожал, не смея поднять голову и взглянуть в красные глаза Вольдеморта.

– Повтори! – гневно приказал тот. – *Повтори!*

– М-милорд, – заикаясь, пробормотал гоблин, выпучив от ужаса глаза. – М-м-милорд... мы п-пытались их остановить... са... самозванцы, милорд... в-ворвались... в сейф Лестранжей...

– Самозванцы? Какие еще самозванцы? Мне казалось, в «Гринготтсе» умеют разоблачать самозванцев? Кто это был?

– Это был... это... мальчишка П-Поттер и д-два сообщника...

– *Они что-то взяли?* – Голос стал громче, жуткая паника охватила Вольдеморта. – *Говори! Что они вынесли?!*

– М... маленький з-золотой к-кубок, милорд...

Он заорал не своим голосом. Гнев и отчаяние звучали в его вопле. Вольдеморт взбесился, обезумел от ярости, это неправда, невозможно, немыслимо, об этом не могли узнать, как мальчишка проник в его тайну?!

Бузинная палочка рассекла воздух зеленой вспышкой, и коленопреклоненный гоблин упал замертво. Испуганные колдуны шарахнулись. Беллатрикс и Люциус Малфой бросились к двери, отталкивая прочих. Палочка Вольдеморта исторгала зеленое пламя снова и снова; те, кто не успел убежать, были убиты. Убиты за то, что принесли дурную весть, за то, что услышали про золотой кубок...

Оставшись один среди трупов, он принялся расхаживать взад-вперед, и перед его внутренним взором проносились образы его сокровищ, его подлинной защиты, его якорей, единственной надежды

на бессмертие. Дневник уничтожен, кубок украден. А что, если... *Что, если* мальчишка знает о других окаянтах? Знает – или, может, уже охотится за ними, догадался, где они? Стоит ли за этим Думбльдор? Думбльдор, который всегда его подозревал; Думбльдор, убитый по его приказу; Думбльдор, чьей палочкой он теперь владеет... Этот вот самый Думбльдор добрался до него из презренной могилы посредством сопляка, *сопляка*...

Но если бы сопляк уничтожил окаянт, разве он, лорд Вольдеморт, не понял бы? Не почувствовал?

Он, величайший, могущественнейший из колдунов, он, убийца Думбльдора и многих других никчемных безымянных людишек. Чтобы он, лорд Вольдеморт, да не почувствовал, как поруганию подверглось самое важное и ценное на свете – он сам?

Правда, он не ощутил, когда уничтожили дневник, но это, скорее всего, потому, что у него тогда не имелось тела, нечем было чувствовать, он был меньше чем призрак... Нет, нет, конечно, остальные окаянты в безопасности, невредимы...

Но он должен знать наверняка, должен удостовериться... Он прошелся по комнате, на ходу отшвырнув ногой труп гоблина. В воспаленном мозгу одна за другой всплывали картины: озеро, хижина, «Хогварц»...

Немного остыв, он принялся размышлять. Как мальчишка мог прознать, что он спрятал кольцо в лачуге Монстера? Никто никогда не знал о его родстве с Монстерами, он замел следы, уничтожил свидетелей. Кольцо, несомненно, на месте.

И как мог мальчишка или кто-то другой узнать про пещеру, а тем более прорваться сквозь ее защиту? Медальон – украден? Абсурд...

Что же до школы, он один знает, где в «Хогварце» спрятан окаянт: ему одному известны глубочайшие секреты этого места... А Нагини – она теперь всегда будет рядом, под присмотром; он больше не станет посылать ее с поручениями...

Но для полной уверенности надо побывать везде и усилить защиту... И этим, как и поисками бузинной палочки, придется заниматься самому...

Куда же в первую очередь? Какой окаянт в наибольшей опасности? Вольдеморту стало не по себе. Думбльдору было известно его второе имя... Возможно, он догадался о его связи с Монстером... Похоже,

заброшенная лачуга сейчас – самое уязвимое место. Туда-то он и отправится...

Озеро... Нет... Невозможно. Хотя малая вероятность того, что Думбльдор пронюхал про его при-ютские злодеяния, все же есть.

И наконец, «Хогварц»... Там окаянт точно в неприкосновенности; Поттеру не пробраться ни в Хогсмед, ни в школу; его заметят. Но перестраховаться не повредит. Нужно предупредить Злея, что мальчишка попытается наведаться в замок... Конечно, глупо рассказывать, зачем – роковой ошибкой было понадеяться на Беллатрикс и Малфоя, своей тупостью и безалаберностью они доказали, что верить нельзя никому.

Для начала он отправится в лачугу Монстера, взяв с собой Нагини. Со змеей теперь разлучаться нельзя... И он стремительно вышел из комнаты, пересек прихожую и выступил в темный сад, где блистал фонтан. Позвал змею на серпентарго. Та выползла из кустов и устремилась за ним длинной тенью...

Гарри распахнул глаза, вернувшись в действительность. Он лежал на берегу, солнце спускалось за горизонт. Рон и Гермиона смотрели на него. Судя по их встревоженным лицам и пульсации в шраме, неожиданный экскурс в сознание Вольдеморта не остался для них тайной. Гарри с трудом сел, его била дрожь. Он слегка удивился, что насквозь мокрый, и посмотрел на кубок, невинно лежавший в траве, а затем на озеро, темно-синее, золотящееся в лучах заката.

– Он все понял. – После пронзительных криков Вольдеморта собственный голос показался странным, чересчур низким. – Понял и собирается проведать другие окаянты. И последний из них, – Гарри уже встал, – в «Хогварце»! Я ведь знал! *Знал!*

– Что?

Рон изумленно уставился на него, Гермиона встревожилась.

– Что ты видел? С чего ты взял?

– Я видел, как ему доложили о пропаже кубка. Я... был у него в голове. Он... – Гарри запнулся, вспомнив, как Вольдемо́рт убивал всех подряд, – жутко разозлился... и перепугался. Он не понимает, как мы узнали про окаянты, и хочет проверить, все ли с ними в порядке начиная с кольца. Он считает, что «Хогварц» – самое безопасное место, потому что там Злей и мне туда не пробраться. Я думаю, школой он

займется в последнюю очередь, но все равно будет там через несколько часов.

– А ты видел, где именно в «Хогварце»? – спросил Рон, тоже поднимаясь.

– Нет. Он решал, как бы предупредить Злея, а о самом тайнике не думал...

– Постойте! *Погодите!* – закричала Гермиона. Рон уже потянулся за кубком, а Гарри доставал плащ-невидимку. – Нельзя же просто так... у нас нет плана. Нужно...

– Нужно спешить, – решительно перебил Гарри. Он надеялся выспаться, предвкушал постель в новой палатке, но теперь на это не было времени. – Представляешь, что будет, когда он узнает о пропаже кольца и медальона? А вдруг он решит перепрятать окаянт из «Хогварца»?

– Да, но как мы туда попадем?

– Сначала в Хогсмед, – сказал Гарри, – а там что-нибудь придумаем; посмотрим, какая защита вокруг школы. Гермиона, иди под плащ. На этот раз надо держаться вместе.

– Но мы не поместимся втроем...

– В темноте вряд ли кто-то заметит ноги.

Громкое хлопанье огромных крыльев эхом разнеслось над темной водой. Дракон утолил жажду и взвился в воздух. Гарри, Рон и Гермиона замерли, наблюдая за его черной тенью на фоне быстро темнеющего неба; зверь постепенно набрал высоту и исчез за ближней горой. Затем Гермиона втиснулась между Гарри и Роном, Гарри как можно ниже натянул плащ, они вместе крутанулись и провалились во тьму.

Глава двадцать восьмая

Пропавшее зеркало

Ноги коснулись земли, и перед Гарри предстала до боли знакомая главная улица Хогсмеда: темные витрины, чернеющая за деревней горная гряда, петляющая дорога к «Хогварцу», свет в окнах «Трех метел». Он с пронзительной ясностью вспомнил, как почти год назад приземлился здесь, поддерживая обессиленного Думбльдора...

Не прошло и секунды – Гарри еще не отпустил рук Рона и Гермионы, – ночную тишину взрезал вопль. Точно так кричал Вольдеморт, узнав, что украден кубок. Вопль пронзил каждый нерв, и Гарри сразу понял: причина – их появление. Он едва успел переглянуться под плащом с друзьями, а дверь «Трех метел» уже распахнулась, и на улицу с палочками на изготовку вылетела дюжина Упивающихся Смертью в плащах с поднятыми капюшонами.

Гарри перехватил руку Рона, не дав ему прицелиться; врагов было слишком много. Сама попытка сопротивления их выдаст. Один из Упивающихся Смертью взмахнул волшебной палочкой, вопль прекратился, лишь его эхо, затихая, еще гремело в горах.

– Ацио плащ! – взревел кто-то.

Гарри вцепился в плащ-невидимку, но тот и не шелохнулся. Призывное заклятие на него не подействовало.

– Что, Поттер, сегодня без чехла? – крикнул тот, кто произнес заклинание, а затем приказал спутникам: – Рассредоточьтесь! Он тут.

К ним побежали шестеро Упивающихся Смертью: Гарри, Рон и Гермиона как можно быстрее попятились в ближайший переулок, и Упивающиеся Смертью промчались мимо в считанных дюймах. Трое под плащом замерли, напряженно прислушиваясь к шагам противников. Те бегали туда-сюда, исчерчивая темноту световыми лучами волшебных палочек.

– Давайте дезаппарируем! – прошептала Гермиона.

– Отличная мысль, – отозвался Рон, но Гарри даже не успел открыть рот, как раздался крик:

– Мы знаем, что ты здесь, Поттер, тебе не скрыться! Мы тебя найдем!

– Они подготовились, – шепотом сказал Гарри. – Наложили заклятие, чтобы узнать, когда мы появимся. И наверняка что-то еще подстроили – мы не выберемся...

– Может, позвать дементоров? – крикнул другой Упивающийся Смертью. – Натравим их, они быстро найдут поганца!

– Черный Лорд хочет, чтобы Поттер умер от его руки...

– Дементоры его не убьют! И Черному Лорду нужна жизнь Поттера, а не душа. Если мальчишку поцелуют, его будет легче потом убить!

Остальные с ним согласились. Гарри охватил ужас: им не вызвать Заступников, не выдав себя.

– Придется дезаппарировать, Гарри! – шепнула Гермиона.

Стоило ей это произнести, по улице пополз неестественный, страшный холод. Из мира словно высосали весь свет – даже звезды исчезли. В крошечной тьме Гарри почувствовал прикосновение Гермионы, и они крутанулись на месте. Однако воздух как будто затвердел, аппарировать не получалось – Упивающиеся Смертью умели колдовать. Холод вгрызался под кожу. Они втроем продолжали отступать в переулок, прижимаясь к стенам домов и стараясь не шуметь. Из-за угла беззвучно выплыли дементоры, с десятков, не меньше, – темнее неба и лишь потому заметные, в черных плащах, с гниющими руками в струпьях. Чуют ли они страх поблизости? Скорее всего: они заскользили быстрее, надвигаясь, окружая, с ужасающим хлопанием всасывая воздух. Как же Гарри ненавидел эти звуки...

Он поднял палочку. Он не может, не хочет подвергнуться Поцелую, и ему все равно, что будет дальше. Он думал о Роне и Гермионе, когда еле слышно произнес:

– Экспекто патронум!

Серебристый олень, вырвавшись из палочки, ринулся на дементоров. Те отпрянули, разлетелись, а где-то вдалеке послышалось ликующее:

– Это он, вон там! Вон там! Я видел его Заступника, это олень!

Дементоры отступили, звезды вновь повыскакивали на небо, шаги Упивающихся Смертью зазвучали громче. Гарри в панике еще не

придумал, что делать, но тут рядом заскрежетали задвижки, по левую сторону узкой улочки открылась дверь, и грубый голос сказал:

– Поттер, сюда, быстро!

Гарри повиновался без колебаний. Все трое поспешно втиснулись в открытый проем.

– Наверх, не снимайте плащ и – тихо! – пробормотал высокий человек, прошел мимо них на улицу и захлопнул за собой дверь.

До этого Гарри не имел ни малейшего представления, где они находятся, но сейчас в слабом мерцании свечи узнал грязный, пыльный паб «Башки борова». Они побежали за барную стойку, в другую дверь, по шаткой деревянной лестнице быстро поднялись на второй этаж – и оказались в гостиной, устланной потертым ковром, где над маленьким камином висел огромный портрет светловолосой девушки, рассеянно и любезно созерцавшей комнату.

С улицы слышались крики. Не снимая плаща, Гарри, Рон и Гермиона кинулись к грязному окну и посмотрели вниз. Их спаситель – Гарри узнал бармена «Башки борова» – единственный не скрывался под капюшоном.

– И что?! – орал он кому-то из Упивающихся Смертью прямо в лицо. – А вы чего ждали? Вы посылаете на мою улицу дементоров – я в ответ вызываю Заступника. Я же сказал: пусть только попробуют ко мне сунуться, пусть попробуют только!

– Это не твой Заступник! – возразил Упивающийся Смертью. – Это был олень, Заступник Поттера!

– Олень?! – взревел бармен, доставая палочку. – Сам ты олень! Идиот! Экспекто патронум!

Что-то огромное, рогатое вырвалось из палочки, пронеслось по Высокой улице и пропало из виду.

– Я видел другое! – упорствовал Упивающийся Смертью, однако уже не слишком уверенно.

– Но кто-то же нарушил комендантский час, ты ведь слышал! – обратился к бармену другой Упивающийся Смертью. – Кто-то вышел на улицу, несмотря на запрет...

– Если моему коту приспичило погулять, я его выпущу, и пропади пропадом ваш комендантский час!

– Так это ты запустил воплечары?

– А если я? Сошлете меня в Азкабан? Убьете за то, что высунул нос за свою же дверь? Ну, так и пожалуйста, сколько угодно! Надеюсь только, вам хватит ума не лапать лишний раз Смертные Знаки и не призывать его сюда из-за меня и моего старого кота! Ему это вряд ли понравится!

– За нас не переживай, – огрызнулся один из Упивающихся Смертью. – Переживай за себя: это ты комендантский час нарушил!

– Ну хорошо, прикроете вы мой паб. И где будете торговать зельями да ядами? Как же ваш левый гешефт?

– Угрожаешь?..

– Мой рот на замке, потому вы сюда и ходите, верно?

– Но я точно видел оленя! – не унимался первый Упивающийся Смертью.

– Оленя? – рявкнул бармен. – Да это *козел*, баран!

– Ладно, мы ошиблись, – процедил второй. – Но все равно – еще раз нарушишь комендантский час – пеняй на себя!

И они двинулись обратно к Высокой улице. Гермиона застонала от облегчения, выскользнула из-под плаща и опустилась на колченогий стул. Гарри плотно задернул шторы и снял плащ с себя и Рона. Они услышали, как бармен запер дверь паба и стал подниматься по лестнице.

И тут Гарри заметил вещицу на каминной полке – прямоугольное зеркальце прямо под портретом девушки.

Вошел бармен.

– Вы болваны, – пробурчал он хрипло, оглядывая их по очереди. – Чем вы думали? Чего вас сюда понесло?

– Спасибо, – сказал ему Гарри. – Не знаем, как вас и благодарить. Вы спасли нам жизнь.

Бармен хмыкнул. Гарри приблизился и всмотрелся, пытаясь разглядеть лицо под длинными седыми волосами и бородой. За грязными стеклами очков светились пронзительные ярко-голубые глаза.

– Это ваш глаз я видел в зеркале.

В комнате воцарилось молчание. Гарри и бармен пристально смотрели друг на друга.

– Вы послали Добби.

Бармен кивнул и оглянулся:

– Я думал, он будет с вами. Где вы его забыли?

– Он погиб, – ответил Гарри. – Его убила Беллатрикс Лестранж.

Лицо бармена осталось невозмутимым. Через несколько секунд он произнес:

– Жаль. Мне он нравился.

Он отвернулся, зажигая лампы прикосновениями палочки и ни на кого не глядя.

– Вы Аберфорс, – сказал Гарри ему в спину.

Тот не подтвердил этого, но и не опроверг, лишь наклонился, разводя огонь в камине.

– Откуда это у вас? – спросил Гарри, подойдя к зеркалу Сириуса – копии того, что сам разбил почти два года назад.

– Купил у Гнуса в прошлом году, – ответил Аберфорс. – Альбус мне рассказал, что это такое. Ну и я за тобой вроде как послеживал.

Рон ахнул:

– Серебряная лань! Это ваша?

– О чем ты? – не понял Аберфорс.

– Кто-то послал к нам Заступника-лань!

– С таким блестящим умом тебе бы к Упивающимся Смертью, сынок. Разве ж ты не видел, что мой Заступник – козел?

– Ах да, – пробормотал Рон. – Конечно... Я что-то проголодался, – добавил он в оправдание: у него громко заурчало в животе.

– Поесть у меня найдется. – Аберфорс вышел и через минуту появился с огромной буханкой хлеба, сыром, медом в оловянном кувшине и поставил все это на столик перед камином.

Рон, Гарри и Гермиона жадно набросились на еду, и некоторое время только и было слышно, как они жуют.

– Так, – сказал Аберфорс, когда все наелись досыта и Гарри с Роном устало откинулись на спинки стульев. – Надо придумать, как вам лучше отсюда выбраться. Ночью нельзя: сами слышали, что бывает, если выйти на улицу в темноте. Эти дерьмушники сползаются на воплечары, как лечурки на яйца мольфеек. И вряд ли удастся еще раз выдать козла за оленя. Лучшеждемся рассвета, когда комендантский час закончится, и вы под плащом уйдете отсюда пешком. Выбирайтесь из Хогсмед в горы, а оттуда уже дезаппарируете. Может, встретите Огрида. С тех пор как его пытались арестовать, они с Гурпом в пещере прячутся.

– Мы не уйдем, – ответил Гарри. – Нам нужно в «Хогварц».

– Не дури, парень.

– Нам надо, – повторил Гарри.

– Что вам надо, – Аберфорс наклонился вперед, – так это убратся подальше подобиру-поздорову.

– Вы не понимаете. У нас мало времени. Нам нужно в замок. Думбльдор... ну, то есть... ваш брат... хотел, чтобы мы...

В камине полыхнул огонь, и грязные очки Аберфорса на миг матово побелели, напомнив Гарри слепые глаза гигантского паука Арагога.

– Мой брат Альбус много чего хотел, – раздраженно бросил Аберфорс. – Только из-за его великих хотений люди часто нарывались на величайшие неприятности. Убирайся подальше от школы, Поттер, и вообще из страны, если сможешь. Забудь про моего братца и его хитроумные прожекты. Он там, где ему уже ничто не повредит, а ты ему ничем не обязан.

– Вы не понимаете! – повторил Гарри.

– Это я-то не понимаю? – усмехнулся Аберфорс. – Собственного брата? Уж не думаешь ли ты, что знал Альбуса лучше моего?

– Я не о том, – сказал Гарри. Он очень устал и слегка осовел от избытка еды и меда. – Просто... он оставил мне задание.

– Да что ты? Надеюсь, интересное? – ядовито осведомился Аберфорс. – Приятное? Легкое? Что-нибудь ненапряжное для начинающих колдунов?

Рон угрюмо хмыкнул. Гермиона напружинилась.

– Не легкое, нет, – покачал головой Гарри. – Но я должен...

– Должен? Кому «должен»? Он ведь умер, так? – грубо перебил Аберфорс. – Бросай все, парень, пока не отправился вслед за ним! Спасай себя!

– Не могу.

– Почему?

– Я... – Гарри замялся. Он не мог объяснить почему и прибег к лучшему способу защиты – нападению. – Вы же сами боретесь, состоите в Ордене Феникса...

– Состоял, – поправил Аберфорс. – Ордена Феникса больше нет. Сам-Знаешь-Кто победил, все кончено, а те, кто думает иначе, сами себе врут. Здесь, Поттер, тебе покоя не будет. Он слишком жаждет тебя

сцапать. Мотай за границу, прячься. Спасайся. И эту парочку забери. — Он указал пальцем на Рона и Гермиону. — Они тоже в опасности: всем известно, что они с тобой заодно.

— Нельзя. У меня дело...

— Поручи его кому-нибудь другому!

— Нет. Я должен сам. Думбльдор мне все объяснил...

— Надо же! Так-таки и все? И он был с тобой честен?

Гарри от всего сердца хотел ответить: «Да», но выдавить это простое слово не получилось. Аберфорс, видимо, понял.

— Я хорошо знал своего брата, Поттер. Скрытность он впитал с молоком матери. Тайны и ложь, так мы и росли, и Альбус... он был в этом дока.

Взгляд старика обратился к портрету девушки над камином. Гарри внимательно осмотрелся: других картин в комнате не было. Не было здесь и фотографий — ни Думбльдора, ни других.

— Мистер Думбльдор, — робко произнесла Гермиона. — Это ваша сестра? Ариана?

— Да, — сквозь зубы процедил Аберфорс. — Увлекаетесь творчеством Риты Вригтер, барышня?

Даже в розоватом свете камина было видно, как покраснела Гермиона.

— Нам про нее рассказал Эльфиас Дож, — ответил Гарри, вызволяя Гермиону из неловкой ситуации.

— Старый болван, — проворчал Аберфорс, отхлебнув меда. — Он думал, у моего братца солнышко сияет из всех дыр. Впрочем, так многие думали, и вы трое, похоже, не исключение.

Гарри молчал. Он не хотел выказывать свои сомнения, свою неуверенность в Думбльдоре, давно его терзавшую. Он сделал выбор, пока рыл могилу для Добби, — решил не сходить с опасного, тернистого пути, указанного Альбусом Думбльдором, довериться ему, хоть и знал далеко не все, что хотел бы знать. Он не желал усомниться вновь; не хотел слышать ничего, что отвлечет от цели. Он поймал взгляд Аберфорса, поразительно похожий на взгляд брата: эти ярко-голубые глаза тоже словно просвечивали тебя рентгеном. Похоже, Аберфорс читал его мысли и презирал Гарри за них.

— Профессор Думбльдор любил Гарри... очень... — тихо сказала Гермиона.

– Неужто? – хмыкнул Аберфорс. – Забавно: он много кого любил, и в результате почти всем пришлось хуже, чем если б он на них забил.

– О чем вы? – еле слышно спросила она.

– Да ерунда... – Аберфорс замолчал.

– Но это ведь серьезное обвинение, расскажите! – вскинулась Гермиона. – Вы... о своей сестре?

Аберфорс уставился на нее. Его губы двигались, словно пытаюсь остановить рвущиеся наружу слова. А потом он заговорил:

– Когда моей сестре было шесть, на нее напали трое мальчишек-муглов. Через забор на заднем дворе подглядели, как она колдует. Она была маленькая, еще не умела управлять колдовством. Мальчишки, видно, испугались того, что увидели, перелезли через забор, попытались заставить ее повторить трюк, а когда она не смогла, решили поучить уму-разуму. Ну и увлеклись немного.

Глаза Гермионы казались огромными в свете камина; Рона, кажется, замутило. Аберфорс поднялся, высокий, как Альбус, и в гневе и боли неожиданно грозный.

– То, что они сделали, сломало ее. Она так и не оклемалась. Она не колдовала, но избавиться от колдовства не могла. Магия кипела внутри и сводила бедняжку с ума. Прорывалась, когда с ней совсем не получалось совладать, поэтому временами Ариана чудила и бывала опасна. Но в основном славная девочка, тихая и безобидная... Мой отец нашел этих ублюдков. Расквитался с ними – и его посадили в Азкабан. Он не признался, почему это сделал. Если бы в министерстве узнали, что стало с Арианой, ее бы заперли в святом Лоскуте навсегда. Конечно, такая угроза Международному закону о секретности. Бомба с колдовством, того и гляди взорвется. Нам приходилось прятать ее в тишине и безопасности. Мы переехали, распространили слух, что Ариана больна, и мать приглядывала за ней, стараясь, чтоб она была спокойна и счастлива... Я был ее любимцем. – Из-под морщин и спутанной бороды, казалось, выглянул неряха-школьник. – Не Альбус! Нет, тот, когда навещался домой, безвылазно сидел у себя, книжки листал, пересчитывал награды да переписывался с «выдающимися умами современности»! – Тут Аберфорс фыркнул. – Он не любил, чтобы Ариана его беспокоила. Я ей нравился больше. Я мог уговорить ее поесть, когда у матери не получалось, успокаивал, когда она выходила из себя, а в хорошие дни она помогала мне кормить коз...

Потом... Ей исполнилось четырнадцать... Поймите, меня не было... Я бы ее успокоил... Но у нее случился очередной припадок, а мама была уже немолода, и... это... несчастный случай... Ариана не умела себя контролировать... В общем, мать погибла.

Гарри охватило ужасное отвращение пополам с жалостью. Он не желал больше слушать, но Аберфорс говорил и говорил. Судя по всему, ему нечасто удавалось поделиться горем, если вообще удавалось.

— Альбусова кругосветка с малышом Дожем накрылась. Чудопарочка явилась на похороны нашей матери, потом Дож смылся, а Альбус воцарился в доме главой семьи. Ха!

Аберфорс плюнул в огонь.

— Я бы приглядывал за ней, я так и сказал, что плевать мне на школу. Остался бы дома, на хозяйстве. Но он уперся: надо получить образование, я сам заменю ей мать. Господин Совершенство! Только нет ведь грамот за то, что ухаживаешь за полусумасшедшей сестрой и не даешь ей взрывать дом... Пару месяцев он справлялся... А потом появился этот. — Лицо Аберфорса исказилось в ярости. — Гриндельвальд. Наконец-то собеседник моему братцу — такой же яркий, такой же талантливый, *ровня*. Ариана отошла на второй план, потому что они вдвоем рассуждали о новом колдовском порядке, о поиске *Даров* и что там их еще занимало. Грандиозные планы, глобальная польза для всего колдовского мира, а тут — девчонка, но ею-то можно и пренебречь, Альбус ведь трудился *ради высшего блага!*.. Через пару недель я не выдержал. Пора было возвращаться в «Хогварц», ну я и сказал обоим в лицо, как вам сейчас... — Аберфорс поглядел вниз на Гарри, и тому не понадобилось много фантазии, чтобы представить себе гневного подростка, бросающего вызов старшему брату. — Оставь, говорю, свои идеи, она не в том состоянии, нельзя ее тащить куда вы, умники, собрались. А ему, естественно, не понравилось.

В отблеске огня линзы очков Аберфорса вновь слепо побелели.

— А уж Гриндельвальду как не понравилось — слов нет. Он разозлился. Дескать, встаешь, идиот, на пути гениального брата, мешаешь... Мы, мол, изменим мир, выведем колдунов из тени, поставим муглов на место, и вашу сестру уже *не надо* будет прятать, что тут *непонятного?*.. Ну, мы поспорили... Я выхватил волшебную палочку, он — свою... На меня наложили пыточное проклятие —

лучший друг моего брата наложил, и Альбус пытался его остановить, а потом мы давай драться все трое, и вспышки, грохот вывели ее из себя, она этого не переносила. – Аберфорс постепенно бледнел, словно его смертельно ранили. – По-моему, она хотела помочь, но не знала, что делает... Я так и не понял, который из нас... кто угодно мог, и... в общем... ее убило.

На последнем слове его голос сорвался, и Аберфорс рухнул на стул. Лицо Гермионы было мокро от слез, Рон побледнел почти как Аберфорс. Гарри не чувствовал ничего, кроме омерзения, он не желал ничего этого слышать, он хотел вычистить все это из головы.

– Какой... ужас, – прошептала Гермиона.

– Умерла, – прохрипел Аберфорс. – Ушла навсегда!

Он вытер нос рукавом и откашлялся.

– Естественно, Гриндельвальд тут же сделал ноги. За ним уже числилось кое-что на родине, и он не хотел добавлять к списку грехов Ариану. Зато Альбус-то освободился, а? Сбросил обузу – пожалуйста, становись себе величайшим колдуном...

– Он так никогда и не освободился, – перебил Гарри.

– Что? – сипло переспросил Аберфорс.

– Никогда, – повторил Гарри. – В ночь, когда ваш брат умер, он выпил зелье, от которого у него помутился рассудок. Он кричал, умолял кого-то невидимого: «Не мучай их, прошу тебя, возьми меня».

Рон и Гермиона уставились на Гарри. Он не рассказывал им подробностей того, что произошло на острове посреди подземного озера: ужас дальнейшего быстро все это затмил.

– Он думал, что он с вами и Гриндельвальдом, я точно знаю, – продолжал Гарри, вспоминая, как плакал и молил Думбльдор. – Ему, видимо, чудилось, что Гриндельвальд мучает вас с Арианой. Для него это было как пытка! Если б вы его видели, вы бы не говорили, что он освободился.

Аберфорс увлеченно разглядывал свои сцепленные жилистые руки. После долгой паузы он спросил:

– Откуда такая уверенность, Поттер, что моего брата больше интересовал ты, а не высшее благо? Может, ты для него был ничуть не важнее моей сестренки? Может, он и тебя запросто бы в расход пустил?

Ледяная игла кольнула Гарри в сердце.

– Не верю! Думбльдор любил Гарри! – запальчиво крикнула Гермиона.

– Что же он не посоветовал ему скрыться? – парировал Аберфорс. – Почему не сказал: «Позаботься о себе, я научу тебя выжить»?

– Потому что... – начал Гарри, не дав Гермионе раскрыть рта, – *есть* вещи поважнее собственной безопасности! Иногда *приходится* думать и о высшем благе! Идет война!

– Тебе семнадцать, парень!

– Я совершеннолетний и буду бороться, даже если вы сдались!

– Кто сказал, что я сдался?

– «Ордена Феникса больше нет», – с горькой иронией процитировал Гарри. – «Сам-Знаешь-Кто победил, все кончено, а те, кто думает иначе, сами себе врут».

– Я не говорю, что мне это нравится, но это правда!

– Нет! – возразил Гарри. – Ваш брат знал, как покончить с Сами-Знаете-Кем, и передал свое знание мне. Я доведу дело до конца – или умру. Не думайте, будто я не понимаю, чем все может закончиться. Давно уже в курсе.

Он замолчал, ожидая, что Аберфорс засмеется или заспорит, но тот лишь набылся.

– Нам нужно в «Хогварц», – напомнил Гарри. – Если вы не поможете, мыждемся рассвета, оставим вас в покое и попытаемся пробраться сами. А если *хотите* помочь – сейчас самое время.

Аберфорс посидел, уставив на Гарри эти ярко-голубые глаза. Затем откашлялся, встал, обошел столик и приблизился к портрету Арианы.

– Ты знаешь, что нужно, – произнес он.

Она улыбнулась, повернулась и пошла прочь – не так, как обычно люди на портретах, за рамку, а вглубь, по длинному тоннелю, нарисованному за ее спиной. Гарри, Рон и Гермиона наблюдали за удаляющейся стройной фигурой, пока Ариану не поглотила тьма.

– Э-э-э... что?... – начал Рон.

– Сейчас в «Хогварц» один путь, – сказал Аберфорс. – Все старые тайные проходы под наблюдением с обеих сторон, вдоль ограды дементоры, в школе повсюду патрули – как мне доносят, «Хогварц» никогда в жизни так не охраняли. Что вы там сможете, если директором теперь Злей, а в заместителях у него Карроу?.. Впрочем, это дело ваше, верно? Вы вроде сказали, что готовы умереть?

– Но что?.. – произнесла Гермиона, глядя на картину.

В конце нарисованного тоннеля появилась маленькая белая точка. Ариана, постепенно увеличиваясь, возвращалась. И вела с собой кого-то еще, высокого, хромого, явно взволнованного. С тех пор как Гарри видел его в последний раз, человек этот сильно оброс. Он проявлялся все отчетливей, обе фигуры становились больше и больше, пока наконец их головы не заполнили все полотно. Картина, будто дверца, распахнулась и открыла проход в настоящий тоннель – а оттуда, нестриженный, с изрезанным лицом, в изорванной мантии, выбрался самый что ни на есть настоящий Невилл Лонгботтом. Он взревел от восторга, спрыгнул с каминной полки и завопил:

– Я так и знал, что ты придешь! Я так и знал, Гарри!

Глава двадцать девятая

Потерянная диадема

– Невилл... но... как?..

Однако Невилл увидел Рона и Гермиону и с радостным криком бросился их обнимать. Гарри вгляделся; Невиллу явно нелегко: один глаз опух и весь желто-фиолетовый, лицо в шрамах, да и вообще, по виду судя, жизнь его треплет. Тем не менее он сиял и, отпустив Гермиону, вновь воскликнул:

– Я так и знал, что ты придешь! Говорил ведь Шеймасу: рано или поздно – обязательно!

– Невилл, что с тобой случилось?

– Что? А-а, это. – Невилл мотнул головой: мол, раны ерунда. – Я еще ничего, у Шеймаса видок похуже. Сами посмóтрите. Ну что, идем? Аб, – обратился он к Аберфорсу. – Там еще парочка наших сюда собирается.

– Еще парочка? – зловеще переспросил Аберфорс. – Какая-токая «парочка», Лонгботтом? У нас комендантский час, и над всей деревней воплечары!

– Да, и поэтому они аппарируют прямо в паб, – невозмутимо сказал Невилл. – Вы просто отправьте их по проходу, когда появятся, ладно? Большое спасибо.

Невилл подал руку Гермионе и помог ей взобраться на каминную полку и затем в тоннель; Рон последовал за Невиллом. Гарри обратился к Аберфорсу:

– Не знаю, как вас благодарить. Вы спасли нам жизнь, причем дважды.

– А вы уж ее берегите, – буркнул Аберфорс. – За третий шанс я лично не поручусь.

Гарри через каминную полку пролез в нишу за портретом Арианы. По другую сторону обнаружились гладкие каменные ступени: очевидно, тайный тоннель существовал уже много лет. На стенах

висели медные лампы; земляной пол был гладкий, утопанный. Они шли, и четыре тени ложились на стены веерами.

– А давно существует этот проход? – спросил Рон. – На Карте Каверзника его нет – да, Гарри? Я думал, из школы только семь тайных ходов?

– В начале года их все запечатали, – объяснил Невилл. – Там теперь сплошь проклятия на входах и Упивающиеся с дементорами на выходах, не прорвешься. – Он развернулся и пошел спиной вперед, восторженно разглядывая друзей. – Но это ерунда... Лучше скажите – правда, что вы вломились в «Гринготтс»? И улетели на драконе? Все только про вас и говорят. Карроу избил Терри Бута: тот закричал об этом в Большом зале за ужином!

– Все правда, – подтвердил Гарри.

Невилл ликуяще засмеялся.

– И куда вы дели дракона?

– Выпустили на свободу, – сказал Рон. – Хотя Гермиона была против, хотела взять себе на воспитание...

– Не преувеличивай, Рон...

– Но чем вы занимались? Говорили, вы просто в бегах, но я не верил. Вы же наверняка что-то затеяли.

– Ты прав, – ответил Гарри. – Но лучше расскажи про «Хогварц», мы же ничего не знаем.

– Ну... «Хогварц» больше не «Хогварц». – Невилл перестал улыбаться. – Слыхали про Карроу?

– Новые преподаватели, Упивающиеся Смертью?

– Они не просто преподаватели, – сказал Невилл. – Они отвечают за дисциплину. И обожают наказывать.

– Как Кхембридж?

– Да нет, Кхембридж на их фоне лапочка. Всем учителям приказано направлять провинившихся к Карроу. Но учителя по возможности стараются отвертеться. Ненавидят их не меньше нашего, сразу видно. Старина Амик преподает то, что раньше называлось защитой от сил зла, – теперь это попросту силы зла. Заставляет нас отрабатывать пыточное проклятие на провинившихся...

– *Что?*

Дружный вскрик Гарри, Рона и Гермионы эхом прокатился по тоннелю.

– Ага, – усмехнулся Невилл. – Так я и заработал вот это. – Он показал на особенно глубокий порез на щеке. – Отказался. А некоторым даже нравится. Краббе и Гойл, например, обожают. Небось впервые в жизни у них что-то получается... Алекто, сестра Амика, преподает мугловедение. Посещение обязательно для всех. Слушаем рассказы о том, что муглы – те же звери, грязные и тупые, своей жестокостью загнали колдунов в подполье, зато сейчас восстанавливается естественный порядок вещей. Вот это, – Невилл указал на другую глубокую рану на лице, – я получил за вопрос, сколько мугловой крови у них с братцем.

– Блин, Невилл! – сказал Рон. – Язык твой – враг твой.

– Вы ее не слышали, – ответил Невилл. – Сами бы не выдержали. А еще, когда мы против них выступаем, это дает остальным надежду. Я и раньше замечал – ты так делал, Гарри.

– Но об тебя же точили ножи, – болезненно поморщился Рон. Они как раз проходили под лампой, и все ссадины на лице Невилла проступили очень рельефно.

Невилл пожал плечами:

– Да ерунда. Слишком много чистой крови им проливать тоже ни к чему. Ну, пытаются слегка за болтливость, но не убивают.

Гарри не знал, что хуже: сами пытки или то, как бесстрастно Невилл о них рассказывает.

– Плохо только тем, у кого нелояльные друзья и родственники. Их берут в заложники. Когда Ксено Лавгуд в «Правдоборе» чересчур распоясался, Луну выкрали из поезда по дороге домой на рождественские каникулы.

– Невилл, с ней все в порядке, мы общались...

– Знаю, она со мной связывалась.

Он вынул из кармана золотую монету – и Гарри узнал фальшивый галлеон: с их помощью обменивалась сообщениями «Думбльдорова армия».

– Эти штуки сильно нас выручили. – Невилл широко улыбнулся Гермионе. – Карроу так и не врубились, как мы переговариваемся. Бесились жутко. По ночам мы писали на стенах: «“Думбльдорова армия” набирает добровольцев», всякое в таком духе. Злей прямо буйствовал.

– *Писали?* – переспросил Гарри. От него не ускользнуло, что слово было в прошедшем времени.

– Ну, со временем стало сложнее, – сказал Невилл. – Луну мы потеряли на Рождество, Джинни не вернулась после Пасхи, а мы втроем были вроде как главные. Похоже, Карроу знали, что почти за всем этим стоял я, и взялись за меня, а потом попался Майкл Корнер – они заковали первоклашку, Майкл хотел освободить, пытали его за это довольно сильно. Потом все стали побаиваться.

– Еще бы, – пробормотал Рон. Тоннель пошел вверх.

– Ну, короче, у меня не хватало совести подставлять людей под то, что было с Майклом, и мы с виду вроде как утихомирились, боролись подпольно. А пару недель назад они придумали, как меня остановить, и отправились похищать Ба.

– *Что?!* – хором выпалили Гарри, Рон и Гермиона.

– Ага. – Невилл немного задыхался: подъем был крутым. – Идея понятна. Раз можно похищать детей, чтобы не рыпались взрослые, почему бы не поступить наоборот? Вот только, – он снова повернулся к ним, и Гарри, к своему удивлению, увидел улыбку до ушей, – с Ба не на таковскую напали. Думали, старушка, одинокая – обойдемся малыми силами... Короче, – Невилл засмеялся, – Давлиш до сих пор в святом Лоскуте, а Ба в бегах. Прислала письмо. – Он похлопал по нагрудному карману мантии. – Очень мной гордится, я истинный сын своих родителей и не смею унывать.

– Круто, – оценил Рон.

– Да, – радостно подхватил Невилл. – Но тогда эти гады решили, что, раз на меня нет управы, в «Хогварце» мне не место. Не знаю, что они собирались, убить меня или отправить в Азкабан, но я понял, что пора делать ноги.

– А мы сейчас разве не в «Хогварце»? – растерялся Рон.

– Туда, туда, – успокоил Невилл. – Сейчас увидите. Уже пришли.

Они свернули и оказались в конце тоннеля. Короткая лестница вела к потайной двери, как за портретом Арианы. Невилл толкнул дверь и пролез. Гарри, последовав за ним, услышал, как Невилл крикнул кому-то:

– Смотрите, кто здесь! Я же говорил!

Когда Гарри выбрался в комнату, его встретили воплями:

– ГАРРИ!

– Это Поттер, ПОТТЕР!

– Рон!

– *Гермиона!*

Гарри ничего не соображал: какие-то разноцветные драпировки, лампы, множество лиц... Через секунду их с Роном и Гермионой обнимали как минимум человек двадцать. Их хлопали по спине, им ерошили волосы, жали руки; можно было подумать, будто они только что выиграли квидишный финал.

– Ладно, ладно, успокойтесь! – велел Невилл. Толпа немного отступила, и Гарри смог рассмотреть комнату.

Он совсем ее не узнавал. Огромная, смахивает на роскошный древесный шалаш или на гигантский кубрик. С потолка и балкона, что тянулся вдоль глухих стен, отделанных панелями темного дерева и украшенных яркими знаменами, свисали разноцветные гамаки. Гарри пригляделся к знаменам: золотой гриффиндорский лев на алом фоне, черный барсук «Хуффльпуффа» на желтом, бронзовый орел «Вранзора» на синем. Не было лишь серебра и зелени «Слизерина». До отказа набитые книжные шкафы, у стен – несколько метел, в углу – большое деревянное радио.

– Где мы?

– В Кстати-комнате, где ж еще! – ответил Невилл. – Она превзошла сама себя. За мной гнались Карроу – ясно было, что у меня единственный шанс спрятаться. Я сумел войти – и вот! Правда, тогда она была гораздо меньше, с одним гамаком и знаменем «Гриффиндора». Но наших прибывало, и она росла.

– И Карроу сюда не попасть? – спросил Гарри, озираясь и пытаясь понять, где дверь.

– Нет, – сказал Шеймас Финниган, и лишь тогда Гарри его узнал: страшно израненное лицо Шеймаса сильно опухло. – Отличное убежище: пока хотя бы кто-то один здесь, нас не найдут, и дверь не открывается. Спасибо Невиллу. Он эту Комнату *понимает*. Надо ее правильно просить, например: «Не хочу, чтобы сюда проникли сторонники Карроу», – и она слушается! Главное, все лазейки закрыть. Невилл – молоток!

– Да тут все просто, – скромно заметил Невилл. – Я пробыл здесь дня полтора, жутко проголодался и хотел какой-нибудь еды – и тут открылся тоннель в «Башку борова»! Я прошел по нему и встретил

Аберфорса. Он снабжает нас провизией. Комната сама почему-то этого не умеет.

– Конечно, не умеет: еда – одно из пяти исключений из закона Гампа об основных принципах элементарных превращений, – поведал, изумив всех, Рон.

– Так мы и прячемся уже почти две недели, – продолжал Шеймас. – А комната отрачивает новые гамаки, если надо, и даже устроила неплохую ванную, когда стали появляться девочки...

– ...ну да, и подумали, что неплохо будет умыться, – добавила Лаванда Браун, которую Гарри до этого не замечал. Теперь, осмотревшись, он узнал многих. Близняшки Патил, Терри Бут, Эрни Макмиллан, Энтони Голдштейн, Майкл Корнер.

– Расскажите, чем вы занимались, – сказал Эрни. – Про вас столько слухов! Мы старались следить за новостями по «Поттер-дозору». – Он показал на радио. – Вы ведь не вламывались в «Гринготтс»?

– Вламывались! – отозвался Невилл. – И про дракона тоже правда!

Послышались редкие аплодисменты, кое-кто заикался. Рон отвесил поклон.

– Что вы там искали? – жадно спросил Шеймас.

Не успели они ответить вопросом на вопрос, шрам Гарри чудовищно обожгло. Он поспешно отвернулся от любопытных счастливых лиц. Кстати-комната исчезла, и он очутился перед разрушенным каменным домишкой. У ног его лежали груды выдранных гнилых половиц. Возле ямы валялась открытая, пустая золотая шкатулка, а голову разрывал яростный крик Вольдеморта.

Невероятным усилием Гарри покинул его разум и снова оказался в Кстати-комнате. Он стоял, пошатываясь и обливаясь потом. Рон поддерживал его.

– Ты как, Гарри? – спрашивал Невилл. – Присядешь? Вы, наверно, устали...

– Нет.

Гарри посмотрел на Рона и Гермиону, пытаясь без слов внушить им, что Вольдеморт обнаружил пропажу еще одного окаянта. Время истекало: если теперь Вольдеморт собирается в «Хогварц», они упустят шанс...

– Нам пора, – сказал он и по их лицам догадался, что оба поняли.

– Куда? – с готовностью спросил Шеймас. – Что будем делать?

– Делать? – переспросил Гарри. Он тратил все силы на то, чтобы не поддаться злобе Вольдеморта, и шрам по-прежнему горел. – Ну, мы – Рон, Гермиона и я – действительно должны кое-что сделать. А потом мы линияем отсюда.

Больше никто не смеялся и не гикал. Невилл смотрел озадаченно:

– Что значит «линяем»?

– Мы не насовсем вернулись. – Гарри потер шрам, пытаясь усмирить боль. – У нас тут кое-что важное...

– Что?

– Я... не могу сказать.

Со всех сторон послышался ропот. Брови Невилла сошлись на переносице.

– Почему? Это против Сам-Знаешь-Кого?

– Ну да...

– Значит, мы поможем.

Члены «Думбльдоровой армии» закивали: одни с энтузиазмом, другие торжественно. Кое-кто вскочил со стульев – мол, мы готовы действовать незамедлительно.

– Вы не понимаете. – В последние несколько часов Гарри как будто только и делал, что без конца это повторял. – Мы... не можем сказать. Мы должны сами... втроем.

– Почему? – не отступал Невилл.

– Потому что... – Собраться с мыслями было трудно. Отчаянно не терпелось пойти искать окаянт или по крайней мере с Роном и Гермионой наедине обсудить, с чего начинать. И шрам все еще ныл. – Думбльдор оставил нам троим задание, – произнес Гарри, тщательно подбирая слова, – и мы не имеем права делиться... В смысле он хотел, чтобы это сделали мы.

– А мы – его армия, – сказал Невилл. – «Думбльдорова армия». Мы были вместе, мы боролись вместе, пока вас троих где-то носило...

– Мы вообще-то не на солнышке загорали, дружище, – перебил Рон.

– Я и не говорю. Но все равно не понимаю, почему вы нам не доверяете. Все здесь бойцы, все здесь потому, что за ними по замку охотятся Карроу. Мы доказали свою преданность Думбльдору – и вам.

– Послушайте... – Гарри еще не знал, что скажет, но договаривать и не пришлось: позади него распахнулась дверь в тоннель.

– Мы получили сообщение, Невилл! Привет, троица, мы так и думали, что вы здесь!

Вошли Луна и Дин. Шеймас взревел от счастья и кинулся обнимать лучшего друга.

– Привет всем! – радостно воскликнула Луна. – О-о, как же хорошо вернуться!

– Луна... – удивился Гарри, – как ты здесь?.. Откуда ты?..

– Я ее вызвал, – объяснил Невилл, показывая фальшивый галлеон. – Я обещал им с Джинни, что сообщу, если вы появитесь. Мы все думали, что раз вы вернулись, значит, будет революция. Мы свергнем Злея и Карроу.

– И теперь будет революция! – бодро поддержала Луна. – Правда же, Гарри? Мы выгоняем их из «Хогварца»?

– Послушайте, – в панике снова заговорил Гарри, – мне жаль, но мы вернулись не для этого. Нам обязательно надо кое-что сделать, а потом...

– Вы бросите нас одних разгребать этот кошмар? – вознегодовал Майкл Корнер.

– Нет! – возразил Рон. – То, что мы делаем, – это на пользу всем, это остановит Сами-Знаете-Кого.

– Тогда дайте помочь! – рявкнул Невилл. – Мы тоже хотим!

Сзади снова послышался шум, и Гарри обернулся. Сердце у него оборвалось: из отверстия в стене выбиралась Джинни, а за ней Фред, Джордж и Ли Джордан. Джинни одарила Гарри сияющей улыбкой. Он напрочь забыл, а может, вправду никогда и не сознавал, до чего Джинни красивая, и, однако, сейчас ни капли ей не обрадовался.

– Аберфорс уже бурчит, – объявил Фред, помахав в ответ на приветственные крики. – Он, видите ли, собрался соснуть, но тут не паб, а вокзал.

От удивления Гарри разинул рот. Теперь в комнату пролезла его бывшая подруга Чо Чан. Она улыбнулась ему.

– Я получила сообщение. – Она предъявила свой фальшивый галлеон и села рядом с Майклом Корнером.

– Ну-с, каков план, Гарри? – осведомился Джордж.

– Нет никакого плана. – От внезапного нашествия всей этой толпы он совершенно растерялся и уже ничего не понимал, а шрам болел нестерпимо.

– Импровизируем на ходу? Все как я люблю, – объявил Фред.

– Прекрати уже! – сказал Гарри Невиллу. – Зачем ты всех вытащил? Это какой-то бред...

– Будет драчка? – поинтересовался Дин, тоже вынимая из кармана фальшивый галлеон. – Мне пришло сообщение, что Гарри вернулся и мы воюем! Только мне бы новую палочку, а то...

– У тебя нет *палочки*?.. – начал Шеймас.

Рон внезапно повернулся к Гарри:

– А пускай помогут?

– Что?

– Пускай помогут. – Рон понизил голос, чтобы его слышали только Гарри и Гермиона, стоявшая между ними. – Мы же не знаем, где он. А найти надо быстро. Можно же не говорить, что это окаянт.

Гарри перевел взгляд с Рона на Гермиону. Та пробормотала:

– По-моему, Рон прав. Мы не знаем, что ищем, помощь не повредит. – И, поскольку Гарри это не убедило, добавила: – Ты не обязан все делать сам.

Гарри быстро соображал, но голова грозила расколоться на части. Думбльдор предупреждал, что, кроме Рона и Гермионы, об окаянтах никто не должен знать...

Тайны и ложь, так мы и росли... и Альбус... он был в этом дока... Не превращается ли он в Думбльдора, цепляясь за свои секреты и никому не доверяя? Но Думбльдор доверял Злею, и к чему это привело? К убийству на самой высокой башне...

– Ладно, – тихо сказал он Рону и Гермионе и обратился к остальным уже громче: – Так.

Гомон стих; даже Фред и Джордж, балагурившие как бешеные, замолкли. Все смотрели тревожно, взволнованно.

– Нам надо кое-что найти, – заговорил Гарри. – Эта... вещь поможет свергнуть Сами-Знаете-Кого. Она здесь, в «Хогварце», но мы не знаем, где именно. Возможно, она принадлежала Вранзор. Кто-нибудь что-нибудь о таком слышал? Никому не попадалось предмета с изображением орла, например?..

Он с надеждой поглядел на стайку вранзорцев: Падму, Майкла, Терри и Чо, однако ответила Луна. Она пристроилась на ручке кресла, где сидела Джинни.

– Вообще-то есть ее диадема. Я говорила, Гарри, помнишь? Потерянная диадема Вранзор. Папа еще пытался ее воссоздать.

– Да, но потерянная диадема, – закатил глаза Майкл Корнер, – она *потеряна*, Луна. О том как бы и речь.

– Когда она потерялась? – спросил Гарри.

– Говорят, несколько столетий назад, – ответила Чо, и у Гарри упало сердце. – Профессор Флитвик рассказывал, что диадема пропала у самой Вранзор. Ее искали, но... – Чо обратилась к соученикам, – не нашли никаких следов, да?

Те закивали.

– Извиняюсь, а диадема – это вообще *что*? – спросил Рон.

– Такая... на манер короны, – сказал Терри Бут. – Считалось, что она волшебная и дарует мудрость владельцу.

– Да, папа говорил, что хоботки мутотырков...

Но Гарри перебил Луну:

– Никто из вас никогда не видел ничего похожего?

Все замотали головами. Гарри посмотрел на Рона и Гермиону – на их лицах отразилось его собственное разочарование. Вещь, потерянная так давно и, похоже, бесследно, как-то не годится в окаянты... Однако прежде чем Гарри сформулировал новый вопрос, Чо заговорила снова:

– Если хочешь посмотреть, как она предположительно выглядела, я могу провести тебя в нашу гостиную. Там есть статуя Вранзор в диадеме.

Шрам снова обожгло болью. На мгновение Кстати-комната куда-то уплыла, и вместо нее Гарри увидел, как внизу несется темная земля, и почувствовал тяжесть гигантской змеи, обвившей плечи. Вольдеморт снова летел – к подземному озеру или сюда, в замок? Гарри не знал. В любом случае время на исходе.

– Он в пути, – тихо сообщил Гарри Рону и Гермионе. Потом поглядел на Чо – и опять на Рона и Гермиону. – Слушайте, я знаю, шансов мало, но я все-таки пойду гляну на статую. Хоть узнаем, как выглядит диадема. Ждите меня здесь и берегите другой... – Он не договорил: «окаянт».

Чо вскочила, но запротестовала Джинни:

– Нет, Луна ответит Гарри. Правда, Луна?

– Конечно, – отозвалась довольная Луна, а разочарованная Чо села.

– Как нам выйти? – спросил Гарри у Невилла.

– Сюда.

Он отвел Гарри и Луну в угол, где чуланчик скрывал крутую лестницу.

– Каждый день выход в новом месте, так что нас не могут найти, – сказал он. – Беда, правда, в том, что мы тоже никогда не знаем, куда выйдем. Осторожней, Гарри, коридоры ночью патрулируются.

– Ничего, – ответил Гарри. – Мы скоро.

Они с Луной взбежали по длинной лестнице, освещенной факелами, с поворотами в непредсказуемых местах, и наконец достигли стены.

– Давай сюда. – Гарри вытащил из кармана плащ-невидимку и укрыл их обоих. Затем слегка надавил на стену.

От прикосновения стена исчезла, Гарри с Луной выскользнули наружу, и он успел увидеть, как стена запечаталась вновь. Они стояли в темном коридоре. Гарри подтолкнул Луну обратно в тень и достал из кисета Карту Каверзника. Приблизив ее к глазам, он поискал, где они очутились.

– Мы на пятом этаже, – шепнул он, разглядывая точечного Филча, удалявшегося от них по следующему коридору. – Пошли.

И они на цыпочках двинулись в путь.

Гарри раньше часто бродил по замку ночью, но никогда еще сердце его не колотилось так сильно, никогда столь многое не зависело от благополучного исхода вылазки. Они шли и шли по прямоугольникам лунного света на полу, мимо рыцарских доспехов, скрипевших при их появлении, сворачивали за углы, где неизвестно кто или что затаилось; шли, проверяя Карту Каверзника, если освещение позволяло, дважды замирали, пропуская призрака. В любую секунду Гарри предчувствовал препоны, больше всего боялся столкнуться с Дрюзгом и изо всех сил напрягал слух, чтобы не пропустить полтергейста.

– Сюда, – шепнула Луна, за рукав потянув его к винтовой лестнице.

Они поднимались по головокружительно крутой спирали. Гарри никогда прежде здесь не бывал. Вскоре они подошли к двери. Ни замочной скважины, ни дверной ручки – только ровная дубовая поверхность и бронзовый молоточек в форме орла.

Луна потянулась к молоточку. Получилось довольно зловеще: будто в воздухе сама по себе плавала отрубленная белая рука. Луна стукнула молоточком лишь раз, но в тишине как будто грохнул оружейный залп.

Клюв орла раскрылся, однако вместо ожидаемого птичьего крика послышался тихий и мелодичный голос:

– Что было в начале: феникс или пламя?

– Хм... Ты как считаешь, Гарри? – спросила Луна задумчиво.

– Что? А пароля нет?

– Чтобы войти, надо ответить на вопрос.

– А если ответишь неправильно?

– Ну... тогда ждешь того, кто может ответить, – сказала Луна. – И так ты учишься, понимаешь?

– Да... но проблема в том, что мы не можем никого ждать.

– Да уж, это ясно, – серьезно проговорила она. – В общем... Помоему, ответ такой: «У кольца нет начала и конца».

– Хорошо рассуждаешь, – одобрил голос, и дверь распахнулась.

Безлюдная общая гостиная «Вранзора» оказалась большой и круглой – Гарри не видел в «Хогварце» помещений, настолько полных воздуха. Изящные арочные окна во всю стену были завешены бронзово-синим шелком. Днем ученикам «Вранзора» открывался потрясающий вид на горы, окружавшие замок. Куполообразный потолок и синий как ночь ковер украшали нарисованные звезды. Столы, стулья, книжные шкафы; в нише против двери – величественная фигура белого мрамора.

Гарри видел бюст в доме Луны и потому узнал Эврану Вранзор. Дверь подле статуи, должно быть, вела в спальню на верхнем этаже. Гарри приблизился к мраморной женщине. Та, казалось, посмотрела на него в ответ и одарила загадочной полуулыбкой – прекрасной, но слегка пугающей. Тонкий мраморный ободок венчал ее голову. Диадема Вранзор напоминала ту, что была на Флёр в день свадьбы. По ободку бежали крошечные буквы. Гарри выбрался из-под плаща и влез на постамент, чтобы прочитать.

– Ум и талант – вот главный бриллиант, – продекламировал он вслух.

– Выходит, у тебя ни крупинки, тупица, – хмыкнул кто-то.

Гарри резко обернулся, поскользнулся на мраморе и съехал с постамента на пол. Перед ним стояла кособокая Алекто Карроу. И она, пока Гарри поднимал волшебную палочку, успела указательным пальцем ткнуть в предплечье с черепом и змеей.

Глава тридцатая

Злотеус Злей – занавес!

Едва ее палец коснулся знака, шрам Гарри пронзила жгучая боль. Звездчатая гостинная исчезла, и он оказался на валуне под утесом. Вокруг волновалось море, и сердце ликовало – *они взяли мальчишку*.

Какой-то грохот вернул Гарри в действительность. Не успев опомниться, он поднял волшебную палочку, но Алекто уже падала лицом вперед; она рухнула с такой силой, что зазвенели стекла в книжных шкафах.

– Я еще ни разу никого по-настоящему не сшибала, только на занятиях Д. А., – с легким интересом отметила Луна. – Не думала, что от этого столько шума.

И правда, потолок задрожал. Торопливые шаги за дверью, ведущей в спальни, отдавались эхом и становились все громче. Заклинание Луны разбудило учащихся «Вранзора».

– Луна, ты где? Дай мне спрятаться!

Из ниоткуда появились ее ступни, Гарри подбежал, и Луна накрыла плащом их обоих. В ту же секунду дверь распахнулась, и в общую гостиную хлынули школьники в пижамах. Увидев Алекто, валяющуюся без сознания, все удивленно заахали, закричали. Толпа опасно, словно страшного зверя, который может вот-вот очнуться и напасть, обступила бесчувственное тело. Затем один смелый первоклашка подскочил к Карроу и пихнул ее ногой в спину.

– Кажется, умерла! – с восторгом закричал он.

– Смотри, – радостно прошептала Луна, глядя на школьников вокруг Алекто. – Они довольны!

– Да-да... прекрасно...

Гарри закрыл глаза. Шрам пульсировал, и Гарри вновь погрузился в сознание Вольдеморта... Он двигался по тоннелю в первую пещеру... надо удостовериться, что медальон на месте... но это не займет много времени...

В дверь общей гостиной забарабанили. Учащиеся «Вранзора» замерли. Снаружи донесся тихий мелодичный голос дверного молоточка:

– Куда попадает то, что пропало?

– Откуда мне знать! Заткнись! – рывкнули в ответ. Гарри узнал голос брата Карроу, Амика. – Алекто? *Алекто*? Ты там? Поймала его? Открой дверь!

Вранзорцы испуганно перешептывались. В дверь принялись палить как будто из ружья.

– *АЛЕКТО!* Если он придет, а Поттера не будет... Ты что, хочешь закончить, как Малфои? **ДА ОТВЕТЬ ЖЕ!** – вопил Амик, сотрясая дверь изо всех сил, но та не поддавалась. Школьники попятились, а кое-кто, совсем перепугавшись, бросился назад в спальни. Гарри хотел было взорвать дверь и вырубить Упивающегося Смертью, пока тот не учудил чего похуже, но услышал другой, очень хорошо знакомый голос:

– Можно полюбопытствовать, что вы тут делаете, профессор Карроу?

– Пытаюсь... открыть... подлую... дверь! – заорал Амик. – Приведите Флитвика! Пусть он откроет! Сейчас же!

– Но разве ваша сестра не там? – осведомилась профессор Макгонаголл. – Насколько я знаю, профессор Флитвик впустил ее туда вечером по вашей же настоятельной просьбе. Может быть, она откроет? Чтобы не будить ползамка.

– Она не отвечает, старая вы метелка! *Вы* откройте! Быстро, ну!

– Непременно, если вы настаиваете, – ледяным тоном ответствовала профессор Макгонаголл.

Раздался деликатный стук молоточка, и мелодичный голос опять спросил:

– Куда попадает то, что пропало?

– Попадает в никуда, кое, по сути, нигде – и везде, – произнесла профессор Макгонаголл.

– Красиво сказано, – одобрил орел, и дверь отворилась.

Амик, потрясая палочкой, ввалился внутрь. Те несколько вранзорцев, что еще оставались в гостиной, ринулись к лестнице. Амик, сутулый, как и его сестра, мертвенно-бледный, пастозный,

увидел Алекто, застывшую на полу, распахнул крошечные глазки и завопил от страха и ярости:

– Что вы натворили, подонки недорослые! Я вас буду пытаться, пока не признаетесь, кто это сделал! И что скажет Черный Лорд? – завизжал он, стоя над сестрой и стуча себя кулаком по лбу. – Его не поймали, зато Алекто убили!

– Ее просто сшибли, – раздраженно бросила профессор Макгонаголл, наклоняясь и осматривая Алекто. – С ней все будет в порядке.

– Да? Когда до нее доберется Черный Лорд? – рявкнул Амик. – Взяла и послала за ним, я почувствовал, как знак жгло! Он думает, Поттер схвачен!

– Поттер схвачен? – резко переспросила профессор Макгонаголл. – В каком смысле «схвачен»?

– Черный Лорд говорил, что Поттер, возможно, попытается пробраться в башню «Вранзора»! И чтобы срочно сообщить, если мы его поймем!

– Зачем Гарри Поттеру в башню «Вранзора»? Поттер – ученик моего колледжа!

Помимо недоумения и гнева в ее голосе звучала гордость, и сердце Гарри сжалось от нежности к Минерве Макгонаголл.

– Нам сказали, может прийти – и все! – ответил Карроу. – А зачем – не мое дело!

Профессор Макгонаголл выпрямилась и, прищурившись, внимательно осмотрела гостиную. Дважды она скользнула глазами по тому месту, где стояли Гарри и Луна.

– Мы свалим все на детей. – Амик лукаво скривил свинячью физиономию. – Да! Так и сделаем. Скажем, что Алекто подкараулили дети, ну, эти, наверху, – он показал глазами на звездный потолок, – и заставили тронуть знак. Потому она и подала ложный сигнал... Пусть их наказывает. Парой поганцев больше, парой меньше, какая разница?

– Всего лишь такая же, как между правдой и ложью, смелостью и трусостью. – Профессор Макгонаголл сильно побледнела. – Словом, разница, которой ни вам, ни вашей сестре не понять. Но давайте проясним одну вещь. Вам не удастся свалить ваши многочисленные промахи на учеников «Хогварца». Я этого не допущу.

– Па-а-азвольте... – Амик придвинулся к ней угрожающе близко, его лицо – в паре дюймов от ее лица. Она не отступила и взирала на него сверху вниз так, как обычно смотрят на отвратительную мерзость, прилипшую к сиденью унитаза. – Мне от вас допуска не требуется, Минерва Макгонаголл. Ваше времечко вышло. Теперь командуем мы, а вы либо подтвердите, чего я скажу, либо заплатите за неповиновение. – И Амик плюнул ей в лицо.

Гарри сбросил плащ, поднял палочку и проговорил:

– А вот это ты зря.

Упивающийся Смертью обернулся, и Гарри выкрикнул:

– Круцио!

Карроу оторвало от пола. Он корчился в воздухе, словно утопающий, дергался, завывал, а потом с треском и хрустом, разбив стекло, врезался в книжный шкаф и без чувств рухнул на пол.

– Беллатрикс была права, – заметил Гарри. Кровь стучала у него в висках. – Надо вкладывать истинное чувство.

– Поттер! – шепотом воскликнула профессор Макгонаголл, хватаясь за сердце. – Поттер! Вы здесь! Но... как?.. – Она тщетно старалась взять себя в руки. – Поттер, это... очень глупо!

– Он в вас плюнул, – объяснил Гарри.

– Поттер, я... да... вы чрезвычайно... *галантны*... но... вы отдаете себе отчет?..

– Да, – заверил он. Почему-то ее смятение придало ему решимости. – Профессор Макгонаголл, Волдеморт скоро будет здесь.

– О-о, так нам теперь можно произносить имя? – заинтересовалась Луна и скинула плащ-невидимку. Появление еще одной нежелательной личности добило профессора Макгонаголл. Она пошатнулась, схватилась за ворот старого клетчатого халата и упала в кресло.

– Можно, нельзя, без разницы, – сказал Гарри Луне. – Он и так знает, где я.

Частичкой сознания, что была связана с воспаленным, пылающим от боли шрамом, Гарри видел Волдеморта: тот быстро плыл по черному озеру в призрачной зеленой лодке... и почти уже достиг острова с каменной чашей...

– Бегите, Поттер, – прошептала профессор Макгонаголл. – Сейчас, как можно скорей!

– Не могу, – ответил Гарри. – У меня здесь дело. Профессор, вы знаете, где диадема Вранзор?

– Д-диадема Вранзор? Конечно нет – она утеряна много веков назад! – Макгонаголл села чуть прямее. – Поттер, да вы с ума сошли! Это просто безумие, явиться в замок...

– Пришлось, – сказал Гарри. – Профессор, здесь спрятано нечто, а я должен найти. *Возможно*, это диадема... Мне бы поговорить с профессором Флитвиком...

Кто-то зашевелился, зазвенело стекло. Амик приходил в себя. Опередив Гарри и Луну, профессор Макгонаголл поднялась, направила палочку на одурелого Упивающегося Смертью и произнесла:

– Империио.

Амик встал, подошел к Алекто, взял ее волшебную палочку, затем послушно приблизился к профессору Макгонаголл и отдал ей палочку сестры и свою. После этого лег на пол рядом с Алекто. Профессор Макгонаголл еще раз взмахнула палочкой, и в воздухе появилась мерцающая серебристая веревка. Она обвилась вокруг Карроу, крепко связав вместе брата и сестру.

– Поттер, – промолвила профессор Макгонаголл с восхитительным равнодушием к содеянному. – Если Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут действительно знает, что вы здесь...

Едва она это сказала, шрам запылал, и гнев, почти как физическая боль, пронзил Гарри. На секунду он заглянул в чашу: зелье стало прозрачным, золотого медальона на дне не было...

– Поттер, что с вами? – спросил кто-то, и Гарри очнулся. Он хватался за плечо Луны, чтобы не упасть.

– Нет времени, профессор, Вольдеморт близко. Я действую по указаниям Думбльдора и должен найти то, что должен! Но пока я обыскиваю замок, учеников надо вывести... Вольдеморту нужен только я, но ему наплевать, кого еще он убьет. Сотней больше, сотней меньше, не важно! (*И уж точно не важно теперь, когда он знает, что я охочусь за окаянтами*, – закончил Гарри про себя.)

– Вы действуете по указаниям Думбльдора? – изумленно повторила профессор Макгонаголл и выпрямилась во весь рост. – Мы защитим школу от Того-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут, пока вы будете искать... что вам нужно.

– Это возможно?

– Думаю, да, – сухо ответила профессор Макгонаголл. – Наши преподаватели, как вы знаете, в магии худо-бедно разбираются. Уверена, что на какое-то время мы его задержим, общими усилиями. Разумеется, нужно что-то решить с профессором Злеем...

– Позвольте мне...

– ...и если «Хогварц» на грани осады, а Черный Лорд у ворот, несомненно, целесообразно вывести отсюда как можно больше невинных людей. Кружанаая сеть под наблюдением, и аппарировать с территории нельзя...

– Есть выход, – перебил Гарри и быстро рассказал о тоннеле в «Башку борова».

– Поттер, мы говорим о *сотнях* учеников...

– Знаю, профессор, но пока Волдеморт и Упивающиеся Смертью окружают школу, вряд ли они будут следить, кто и куда аппарირует из «Башки борова».

– Пожалуй, вы правы, – согласилась профессор Макгонаголл. Она направила палочку на Карроу – серебристая цепь упала на их связанные тела, обмотала и подняла их в воздух, под сине-золотой потолок, где брат и сестра закачались, похожие на двух больших уродливых морских чудищ. – Идемте. Надо предупредить других кураторов. А вам лучше опять спрятаться под плащом.

Она направилась к двери, на ходу поднимая палочку. Из кончика вырвались три серебристые кошки с очковыми отметинами вокруг глаз. Заступники, серебристо поблескивая, освещали своим сиянием винтовую лестницу. Профессор Макгонаголл, Гарри и Луна сошли следом за ними.

В коридорах Заступники один за другим разбежались. Полы клетчатого халата профессора Макгонаголл шуршали по полу; Гарри и Луна спешили за ней, прячась под плащом.

Спустившись еще на два этажа, они уловили чьи-то тихие шаги. Гарри, у которого по-прежнему покалывал шрам, услышал первым. Он нащупал в кисете Карту Каверзника, но даже не успел ее вытащить: профессор Макгонаголл тоже почувствовала чужое присутствие. Она остановилась с палочкой на изготовку и спросила:

– Кто здесь?

– Я, – ответил негромкий голос.

Из-за рыцарских доспехов вышел Злотеус Злей.

Гарри вскипел от ненависти. Он успел забыть, как выглядит Злей, — эту подробность заслонил масштаб его преступлений. Гарри забыл сальные черные волосы, обрамляющие бледное худое лицо, черные глаза, мертвый, холодный взгляд. Злей был не в пижаме, а в своем всегдашнем черном плаще и тоже держал палочку так, будто ждал нападения.

— Где Карроу? — тихо спросил он.

— Там, полагаю, куда вы их направили, Злотеус, — ответила профессор Макгонаголл.

Злей подошел ближе и огляделся, будто зная, что Гарри здесь. Тот на всякий случай поднял палочку и приготовился к бою.

— У меня создалось впечатление, — по-прежнему негромко проговорил Злей, — что Алекто задержала нарушителя.

— Впечатление, вот как? — язвительно протянула профессор Макгонаголл. — Отчего же?

Злей слегка дернул левой рукой, на которой был выжжен Смертный Знак.

— Ах да. Разумеется, — сказала профессор Макгонаголл. — У вас, Упивающихся Смертью, особые связи. Я и забыла.

Злей сделал вид, что не расслышал. Он напряженно вглядывался в пустоту вокруг и как бы невзначай придвигался все ближе.

— Я не знал, что сегодня ваша очередь патрулировать коридоры, Минерва.

— У вас есть возражения?

— Я хотел бы узнать, что подняло вас с постели в столь поздний час.

— Мне показалось, я слышала шум, — ответила профессор Макгонаголл.

— В самом деле? Но, похоже, все спокойно. — Злей посмотрел ей в глаза. — Вы видели Гарри Поттера, Минерва? Если да, я вынужден настаивать...

Гарри и не думал, что профессор Макгонаголл умеет так стремительно двигаться. Ее палочка рассекла воздух. Казалось, Злей сейчас рухнет без сознания, но его оборонительный щит возник до того внезапно, что профессор Макгонаголл потеряла равновесие. Она махнула палочкой, и настенный факел выскочил из крепления. Гарри, который уже приготовился атаковать Злея, пришлось оттолкнуть Луну

от пламени — падая, оно превратилось в огненное кольцо, заняло весь коридор и, как лассо, полетело к Злею...

Пламя исчезло, и появилась огромная черная змея. Макгонаголл развеяла ее в дым, но через пару секунд тот затвердел и превратился в стаю летящих кинжалов. Злей заслонился от них доспехами, а кинжалы один за другим с громким лязгом вонзились в нагрудник...

— Минерва! — пискнул кто-то.

Гарри, по-прежнему загораживая Луну от летающих туда-сюда проклятий, оглянулся и увидел, как по коридору бегут Флитвик и Спарж в ночных одеждах. Следом, тяжело отдуваясь, поспешал грузный профессор Дивангард.

— Нет уж! — пропищал профессор Флитвик, поднимая волшебную палочку. — Больше вы в «Хогварце» никого не убьете!

Заклятие Флитвика ударило по доспехам, за которыми укрывался Злей. С грохотом и скрежетом те ожили и вцепились в Злея. Он с трудом освободился и заклятием швырнул доспехи в противников. Гарри и Луна еле увернулись; доспехи врезались в стену и развалились. Когда Гарри поднял голову, Злей уже удирал со всех ног, а Макгонаголл, Флитвик и Спарж неслись за ним. Злей, с треском распахнув дверь, ворвался в какой-то класс, и спустя пару мгновений оттуда донесся вопль Макгонаголла:

— Трус! ТРУС!

— Что? Что случилось? — спросила Луна.

Гарри помог ей подняться, и они, волоча за собой плащ-невидимку, бросились на крик. Макгонаголл, Флитвик и Спарж стояли у разбитого окна.

— Он выпрыгнул, — негодуя сказала профессор Макгонаголл, когда Гарри и Луна влетели в класс.

— В смысле... *разбился?* — не обращая внимания на возгласы Флитвика и Спарж, потрясенных его внезапным появлением, Гарри подбежал к окну.

— Нет, он жив, — с горечью ответила профессор Макгонаголл. — В отличие от Думбльдора у него была с собой палочка... И похоже, он научился паре трюков у своего хозяина.

Гарри с ужасом заметил далеко в ночной тьме очертания огромной летучей мыши, приближающейся к ограде.

Позади послышался тяжелый топот и громкое сопение. Дивангард нагнал их только сейчас.

– Гарри! – Он задыхался и потирал широкую грудь, туго обтянутую изумрудной шелковой пижамой. – Дорогой мой... какой сюрприз... Минерва, объясните, пожалуйста... Злотеус... что с ним?..

– Наш директор взял небольшой отпуск, – профессор Макгонаголл показала на окно, на дыру в форме Злея.

– Профессор! – вдруг закричал Гарри, хватаясь за лоб.

Он снова увидел озеро, кишашее инферниями, и почувствовал, как призрачная зеленая лодка ткнулась носом в берег, как Вольдеморт шагнул из нее, снедаемый жаждой крови. – Профессор, надо защитить школу, он направляется сюда!

– Очень хорошо. Тот-Кто-Не-Должен-Быть-Помянут приближается, – объяснила она другим учителям.

Спарж и Флитвик охнули. Дивангард застонал.

– У Поттера в замке есть дело, он действует по указаниям Думбльдора. Чтобы Поттер все успел, мы должны, как сумеем, защитить замок.

– Но... ясно ведь, что никакой защите Сами-Знаете-Кого не остановить, – пропищал Флитвик.

– Да, но его можно задержать, – вмешалась профессор Спарж.

– Спасибо, Помона, – сказала профессор Макгонаголл, и ведьмы обменялись угрюмыми понимающими взглядами. – Предлагаю установить базовую защиту вокруг территории, а затем собрать учеников в Большом зале. Почти всех срочно эвакуируем, хотя, если кто-то из совершеннолетних захочет остаться и сражаться, я считаю, им надо предоставить шанс.

– Согласна, – проговорила профессор Спарж уже от двери. – Я со своими буду в Большом зале через двадцать минут. – Она удалилась, и до них донеслось ее бормотание: – Щупалица, Силки Дьявола. И стручки свирепня... да... посмотрим, как Упивающимся Смертью понравится...

– Я могу действовать отсюда. – Флитвик, едва дотягиваясь до окна, выставил волшебную палочку в дыру в стекле и забормотал какие-то сверхсложные заклинания. Что-то зашипело и засвистело: Флитвик как будто выпускал на улицу смерч.

– Профессор, – Гарри подошел ближе, – простите, что прерываю, но это важно. Не знаете ли, где может находиться диадема Вранзор?

– ...Протега хоррибиллис... Диадема Вранзор, Поттер? – пискнул Флитвик. – Лишняя капелька мудрости, конечно, никогда не помешает, но – *сейчас*?

– Я только... Вы знаете, где она? Видели ее когда-нибудь?

– «Видели»! Никто из ныне живущих ее не видел! Она давно утеряна, мой мальчик.

Гарри охватило сильное разочарование – и паника. Что же тогда окаянт?

– Жду вас с учениками в Большом зале, Филиус, – сказала профессор Макгонаголл, кивком призывая Гарри и Луну за собой.

Они были у двери, когда невнятно бурчавший Дивангард наконец обрел дар членораздельной речи и пророкотал:

– Клянусь честью! – Он был бледен и весь вспотел; густые усы подрагивали. – Вот так история! Вы уверены, что это разумно, Минерва? Он неизбежно прорвется и, знаете ли, уничтожит всякого, кто осмелится мешать...

– Вас тоже жду через двадцать минут в Большом зале вместе с учащимися «Слизерина», – невозмутимо отозвалась профессор Макгонаголл. – Если хотите уйти с ними, не станем удерживать. Однако если кто-то из ваших выступит против нас, не взыщите, Гораций, мы будем драться насмерть.

– Минерва! – ошеломленно воскликнул он.

– Пора «Слизерину» определиться с выбором, – бросила профессор Макгонаголл. – Идите, будите учеников, Гораций.

Гарри не остался послушать растерянное лопотание Дивангарда; они с Луной последовали за профессором Макгонаголл. Та встала посреди коридора и подняла палочку.

– Пьертотум... О, ради всего святого, Филч, не *сейчас*...

Старый смотритель, прихрамывая, выскочил из-за угла с воплями:

– Учащиеся вне спален! Учащиеся в коридорах!

– Там, где и должны быть, дурак вы непроходимейший! – закричала Макгонаголл. – Лучше идите и сделайте что-нибудь полезное! Найдите Дрюзга!

– Д-дрюзга? – заикаясь, переспросил Филч, будто впервые слышал это имя.

– Да, *Дрюзга*, старый вы недотепа, *Дрюзга*! Не вы ли жаловались на него четверть века? Вот теперь идите и приведите его, сию секунду.

Филч, очевидно, решил, что профессор Макгонаголл тронулась умом, но тем не менее захромал прочь, горбясь и бормоча что-то себе под нос.

– Итак... Пьертотум локомотор! – выпалила профессор Макгонаголл, и по всему коридору статуи и рыцарские доспехи поспрыгивали с пьедесталов. С других этажей донеслось гроыхание: видимо, там произошло то же самое. – «Хогварц» под угрозой! – громко объявила Макгонаголл. – Охраняйте все подступы, защитите нас, исполните долг перед школой!

Мимо Гарри с грохотом пронеслась орда статуй – больших, маленьких, всяких, и животные, и лязгающие доспехи, которые размахивали мечами и кистенями.

– А сейчас, Поттер, – сказала Макгонаголл, – вы с мисс Лавгуд возвращайтесь к вашим друзьям и приведите их в Большой зал. А я подниму остальных гриффиндорцев.

Они расстались наверху следующего лестничного марша. Гарри и Луна повернули назад, к скрытому входу в Кстати-комнату. По пути им встречались толпы школьников, большинство – в дорожных плащах поверх пижам. Учителя и старосты вели их вниз в Большой зал.

– Это же Поттер!

– *Гарри Поттер*!

– Точно он, клянусь, я только что видел!

Но Гарри не оглядывался. В конце концов они добрались до входа в Кстати-комнату, Гарри прислонился к заколдованной стене, и та открылась, пропуская их с Луной. Они помчались вниз по крутой лестнице.

– Как?..

Увидев комнату, Гарри от изумления поскользнулся и пролетел несколько ступенек. Здесь оказалось полно народу, гораздо больше, чем было. Кингсли и Люпин смотрели на них снизу – как и Оливер Дреув, Кэти Белл, Ангелина Джонсон, Алисия Спиннет, Билл и Флёр, мистер и миссис Уизли...

– Гарри, что там? – спросил Люпин, встречая его у подножия лестницы.

– Вольдеморт на пути сюда, вокруг школы ставят защиту... Злей сбежал... А вы что тут делаете? Как вы узнали?

– Мы оповестили «Думбльдорову армию», кто еще остался, – объяснил Фред. – Ты ведь не думал, что они пропустят веселье, а? Д. А. сообщила Ордену Феникса, ну и пошло-поехало.

– С чего начнем, Гарри? – крикнул Джордж. – Доложи обстановку!

– Младших эвакуируют, остальные встречаются в Большом зале для инструктажа, – сказал Гарри. – Будет бой.

Все громко взревели и толпой хлынули к лестнице. Гарри прижало к стене, когда мимо него с палочками наперевес ринулись вперемешку Орден Феникса, «Думбльдорова армия» и старая команда «Гриффиндора» по квидишу.

– Пошли, Луна, – позвал Дин и на ходу протянул свободную руку. Луна схватилась за нее и побежала за ним по лестнице.

Толпа рассеивалась. Лишь кучка людей оставалась внизу в Кстатикомнате, и Гарри подошел к ним. Миссис Уизли скандалила с Джинни. Вокруг стояли Люпин, Фред, Джордж, Билл и Флёр.

– Ты несовершеннолетняя! – кричала миссис Уизли на дочь. – Я не позволю! Мальчики – да, но ты, ты! Сию минуту отправляйся домой!

– Ни за что!

Джинни вырвала руку из материной хватки; ее волосы взметнулись.

– Я в «Думбльдоровой армии»...

– Какая еще армия! Банда подростков!

– Банда подростков, которая собирается с ним биться, хотя никто другой пока не осмеливался! – вмешался Фред.

– Ей шестнадцать! – воскликнула миссис Уизли. – Она еще маленькая! О чем только вы двое думали? Зачем вы ее сюда потащили?!

Фред и Джордж чуть пристыженно переглянулись.

– Мама права, Джинни, – мягко произнес Билл. – Тебе здесь нельзя. Несовершеннолетние должны покинуть школу, так будет правильнее.

– Я не могу домой! – выкрикнула Джинни. Злые слезы сверкали в ее глазах. – Вся моя семья здесь! Как я буду там одна, ничего не зная, и...

Тут она впервые встретилась взглядом с Гарри. Она посмотрела умоляюще, но он покачал головой, и Джинни с горечью отвернулась.

– Хорошо, – сказала она, уставившись на вход в тоннель, ведущий к «Башке борова». – Тогда всем пока и...

Послышался шум и тяжелый удар. Из тоннеля, слегка пошатываясь, выбрался некто и тут же упал. Затем поднялся, уцепившись за ближайший стул, огляделся сквозь криво сидящие очки в роговой оправе и спросил:

– Я не опоздал? Уже началось? Я только что узнал, поэтому... в общем...

Невнятное бормотание Перси стихло. Очевидно, он не ожидал встретить здесь почти всю семью. Последовала долгая изумленная пауза, которую нарушила Флёр – на редкость неловко стараясь разрядить обстановку, она повернулась к Люпину и спросила:

– А... как там маленький Тедди?

Люпин удивленно заморгал. Молчание в стане Уизли напоминало глыбу льда.

– Он... он... очень хорошо! – громко ответил Люпин. – Они с Бомс... у ее мамы...

Перси и остальные Уизли, застыв на месте, смотрели друг на друга.

– У меня фотография есть! – крикнул Люпин, выхватывая снимок из кармана пиджака. Флёр и Гарри посмотрели, как крошечный малыш с ярко-бирюзовыми волосами размахивает толстыми кулачками перед камерой.

– Я был идиот! – рявкнул Перси так громко, что Люпин чуть не выронил фотографию. – Болван, напыщенный придурок, я был...

– Кретин, который лизал зад министерству, жаждал власти и отрекся от своей семьи, – закончил за него Фред.

Перси сглотнул.

– Да.

– Что ж, точнее не скажешь. – И Фред протянул ему руку.

Миссис Уизли разрыдалась. Оттолкнув Фреда, она бросилась к Перси и чуть не задушила его в объятиях. Тот гладил ее по спине, глядя на отца.

– Мне очень стыдно, па, – проговорил Перси.

Мистер Уизли быстро-быстро заморгал и тоже кинулся обнимать сына.

– С чего вдруг такое прозрение, а, Перс? – осведомился Джордж.

– Да я уже давно догадался, – ответил Перси, утирая глаза под очками уголком дорожного плаща. – Но надо было выбраться, что в министерстве не просто: так называемых предателей сажают в тюрьму почем зря. Сумел связаться с Аберфорсом, десять минут назад он сообщил, что «Хогварц» собирается дать бой, так что я... вот.

– Что ж, в столь тяжелые времена кому как не старостам взваливать на себя бремя лидерства, – произнес Джордж, подражая напыщенной манере Перси. – Ну, айда воевать, а то всех лучших Упивающихся Смертью разберут.

Фред, Джордж, Билл, Флёр и Перси устремились к лестнице.

– Так вы теперь моя невестка? – Перси на ходу церемонно пожал руку Флёр.

– Джинни! – рявкнула миссис Уизли.

Джинни в неразберихе примирения попыталась улизнуть вместе со всеми.

– Молли, а что, если мы поступим иначе? – предложил Люпин. – Пусть Джинни останется здесь? Она не будет сражаться, но будет знать, что происходит.

– Я...

– Хорошая мысль, – твердо сказал мистер Уизли. – Джинни, ты останешься в этой комнате, слышишь?

Джинни была не в восторге, но под необычайно суровым взглядом отца кивнула. Мистер и миссис Уизли с Люпином тоже направились к лестнице.

– Где Рон? – спросил Гарри. – И Гермиона?

– Наверное, уже в Большом зале! – крикнул мистер Уизли через плечо.

– Мимо меня не проходили, – сказал Гарри.

– Они говорили что-то про туалет, – сообщила Джинни. – Вскоре после твоего ухода.

– Туалет?

Гарри вышел в открытую дверь из Кстати-комнаты и проверил туалет снаружи. Там было пусто.

– Уверена? Точно туа...

Внезапно шрам пронзила боль, и Кстати-комната исчезла. Сквозь высокие кованые ворота с крылатыми кабанями на колоннах, сквозь тьму он смотрел на сверкающий огнями замок. На плечах покоилась

Нагини. Им владела ледяная жестокая целеустремленность — как обычно перед убийством.

Глава тридцать первая

Битва за «Хогварц»

Зачарованный потолок Большого зала мерцал звездами, а внизу вдоль четырех длинных столов сидели заспанные, встрепанные ученики, кто в дорожных плащах, кто в халатах. Тут и там жемчужно белели школьные привидения. Взгляды живых и мертвых были устремлены на профессора Макгонаголл, которая выступала с возвышения, где обычно располагался учительский стол. Позади нее стояли остальные преподаватели, включая солового кентавра Фиренце, и члены Ордена Феникса, явившиеся на подмогу.

— ...Эвакуацией руководят мистер Филч и мадам Помфри. Старосты, по моему приказу соберете учеников своих колледжей и в порядке очереди сопроводите их к месту эвакуации.

Многие были в ужасе. Однако хуффльпuffец Эрни Макмиллан — Гарри как раз шел по стенке вдоль гриффиндорского стола, разыскивая Рона и Гермиону, — вскочил и выкрикнул:

— А если мы тоже хотим в бой?!

Послышались редкие рукоплескания.

— Совершеннолетние могут остаться, — сказала профессор Макгонаголл.

— А вещи? — спросила девочка из «Вранзора». — Сундуки, совы?

— На это нет времени, — объяснила профессор Макгонаголл. — Главное — вывести вас целыми и невредимыми.

— А где профессор Злей? — громко поинтересовалась какая-то слизеринка.

— Он, выражаясь культурно, свалил, — ответила профессор Макгонаголл, и столы «Гриффиндора», «Хуффльпuffа» и «Вранзора» взорвались аплодисментами.

Гарри продвигался вдоль гриффиндорского стола, высматривая Рона и Гермиону. Все поворачивались ему вслед, и его провожало громкое перешептывание.

– Мы установили вокруг замка защиту, – продолжала профессор Макгонаголл, – однако, если ее не укрепить, она простоит недолго. Поэтому я вынуждена просить вас двигаться быстро и спокойно, слушаться ваших старост...

Но ее перебил другой голос, эхом разнесшийся по залу: пронзительный, холодный, отчетливый. Непонятно, откуда он исходил, – словно заговорили сами стены, словно голос этот дремал в них веками, подобно чудовищу, которым он некогда повелевал.

– Я знаю, что вы готовитесь к бою. – Кое-кто вцепился друг в друга, все в ужасе озирались, слышались вскрики. – Ваши усилия тщетны. Вам меня не побороть. Я не хочу убивать вас. Я очень уважаю преподавателей «Хогварца». И не хочу проливать колдовскую кровь.

В зале воцарилась тишина – казалось, от нее вот-вот лопнут барабанные перепонки, еще миг – и она сокрушит стены.

– Отдайте мне Гарри Поттера, – сказал голос Волдеморта, – и останетесь целы. Отдайте Гарри Поттера, и я не трону замок. Отдайте Гарри Поттера, и будете вознаграждены. Я жду до полуночи.

Тишина вновь поглотила зал. Все головы повернулись, все взглядом искали Гарри, припечатывая его к месту невидимыми лучами тысяч прожекторов. Затем из-за стола «Слизерина» кто-то встал, и Гарри узнал Панси Паркинсон. Она подняла дрожащую руку и закричала:

– Но он же здесь! Поттер *здесь*! Хватайте его!

Гарри не успел вымолвить ни слова, как все пришло в движение. Гриффиндорцы встали стеной, загородив его от слизеринцев. Затем поднялись хуффлупуффцы, и почти в тот же миг – ученики «Вранзора». Все стояли спиной к Гарри, лицом к Панси, и Гарри в оцепенелом благоговении увидел, как из-под плащей и из рукавов стремительно вырос целый лес волшебных палочек.

– Благодарю, мисс Паркинсон, – резко произнесла профессор Макгонаголл. – Вы первой покинете зал с мистером Филчем. А за вами – остальные учащиеся вашего колледжа. Попрошу.

Гарри услышал, как заскрипели скамьи и раздался топот, – слизеринцы выходили из зала.

– «Вранзор», следующие! – скомандовала профессор Макгонаголл.

Столы медленно пустели. Слизеринцы ушли в полном составе, однако кое-кто из старшеклассников «Вранзора» остался сидеть.

Хуффлупуффцев осталось еще больше, а гриффиндорцев – добрая половина. Профессору Макгонаголл пришлось сойти в зал и отсеивать несовершеннолетних.

– Даже не думайте, Криви! Прочь! И *вы* тоже, Пикс!

Гарри подбежал к Уизли, которые всей семьей сидели за столом «Гриффиндора».

– Где Рон и Гермиона?

– Ты их не нашел? – встревожился мистер Уизли.

Однако его внимание отвлек Кингсли – тот вышел на возвышение и обратился к залу:

– До полуночи полчаса, времени на раздумья нет. Учителями «Хогварца» и Орденом Феникса разработан план обороны. Профессора Флитвик, Спарж, Макгонаголл поведут отряды бойцов на три самые высокие башни: астрономическую, «Вранзора» и «Гриффиндора». Там отличный обзор и прекрасные позиции. Далее. Рем, – он указал на Люпина, – Артур, – Кингсли повернулся к мистеру Уизли, – и я возглавим отряды для действий на территории. Нам нужен тот, кто организует защиту тайных проходов в школу.

– Похоже, работенка для нас, – сказал Фред, указывая на себя и Джорджа. Кингсли одобрительно кивнул.

– Итак, командиры: встаньте здесь. Разделимся на группы.

Школьники сгруппировались у кафедры, толкаясь и получая инструкции.

– Поттер. – Профессор Макгонаголл подбежала к Гарри. – *Вам разве не нужно было что-то искать?*

– Что? Ой... – спохватился Гарри. – Да!

Он почти забыл об окаянте, почти забыл, что само сражение затеяно ради того, чтобы дать ему время на поиски. Непонятное отсутствие Рона и Гермионы на время вытеснило из головы все остальное.

– Ну так идите, Поттер, идите!

– Да-да...

Выбегая из Большого зала в вестибюль, где все еще бурлила эвакуация, он спиной чувствовал провожавшие его взгляды. Влившись в толпу, он поднялся вместе с ней по мраморной лестнице, но наверху отделился и побежал по пустому коридору. Страх и паника мешали думать. Он старался успокоиться, сконцентрироваться на окаянте, но мысли гудели, метались отчаянно и бесполезно, как осы, накрытые

стеклянной банкой. Без Рона и Гермионы в голове все путалось. Гарри пошел тише, в середине коридора сел на пьедестал призванной на войну статуи и достал из кисета Карту Каверзника. Рона и Гермионы нигде не было, но, возможно, они просто затерялись в густоте точек, устремившихся к Кстати-комнате. Гарри убрал карту, сжал руками лицо, закрыл глаза и попытался сосредоточиться.

Вольдеморт думал, что я пойду в башню «Вранзора».

Вот он, конкретный факт, от которого нужно плясать. Вольдеморт направил Алекто Карроу в общую гостиную «Вранзора», чему есть только одно объяснение: окаянт связан с этим колледжем, и Вольдеморт боялся, что Гарри это уже известно.

Однако единственное, что все связывают с Вранзор, – утерянная диадема... Но чтобы она стала окаянтом? Как? Каким образом слизеринец Вольдеморт мог найти сокровище, которое веками считалось пропавшим? Кто рассказал ему, где искать диадему, если никто из ныне живущих ее и в глаза не видел?..

Никто из ныне живущих...

Глаза Гарри распахнулись под пальцами. Он соскочил с пьедестала и бросился назад, туда, откуда пришел, в погоню за последней надеждой. Чем ближе к мраморной лестнице, тем громче гудели голоса. Сотни учеников направлялись к Кстати-комнате. Старосты громко командовали, пытаясь уследить за подопечными; все пихались и толкались. Гарри увидел, как Захария Смит, раздвигая первоклашек локтями, протискивается в начало очереди. Кое-где плакали младшие, а те, кто постарше, отчаянно звали друзей, братьев, сестер...

Гарри заметил полупрозрачную белую фигуру, медленно проплывавшую через вестибюль вниз, и заорал во всю глотку, перекрывая шум толпы:

– Ник! НИК! Нужно поговорить!

Он с трудом пробрался сквозь плотные ряды школьников к подножию лестницы, где его ждал Почти Безголовый Ник, призрак гриффиндорской башни.

– Гарри! Мой дорогой друг!

Ник схватил Гарри за руки, и те словно окунулись в ледяную воду.

– Ник, нужна твоя помощь. Кто привидение башни «Вранзора»?

Почти Безголовый Ник удивился и немного обиделся:

– Серая Дама, конечно, но если тебе требуется помощь привидения...

– Мне нужна именно она. Не знаешь, как ее найти?

– Сейчас посмотрим... – Голова Ника закачалась над плетеным воротником; он высматривал Серую Даму поверх кишащей толпы. – Вон она. Молодая женщина с длинными волосами.

Гарри посмотрел туда, куда указывал прозрачный палец Ника, и увидел высокую призрачную женщину. Поймав его взгляд, она подняла брови и медленно улетела прочь сквозь стену.

Гарри побежал за ней. Выскочив в коридор, куда она скрылась, он разглядел ее в самом конце перехода. Она плавно ускользала.

– Стойте, погодите! Вернитесь!

Она снизошла: остановилась, зависнув над полом. Длинные волосы до пояса, плащ до пят. Красивая, решил Гарри, но ко всему очень надменная и гордая. Вблизи он понял, что пару-тройку раз встречал ее в коридорах замка, хотя никогда с ней не разговаривал.

– Вы Серая Дама?

Она кивнула, но не произнесла ни слова.

– Призрак башни «Вранзора»?

– Именно так. – Ее голос звучал не слишком приветливо.

– Пожалуйста, мне нужна помощь! Вы знаете что-нибудь о пропавшей диадеме?

Губы женщины растянулись в холодной улыбке.

– Боюсь, – бросила она, отворачиваясь и собираясь уйти, – я не смогу помочь.

– ПОДОЖДИТЕ!

Гарри не думал кричать, но от возмущения и страха не совладал с собой. Она повисла в воздухе прямо перед ним, а он взглянул на часы: без четверти двенадцать.

– Это срочно! – неистово выпалил он. – Если диадема в «Хогварце», она нужна мне немедленно!

– Ты не первый, кто за ней охотится, – презрительно отозвалась Серая Дама. – Целые поколения школьников донимали меня...

– Я не для хороших оценок! – рявкнул Гарри. – А из-за Вольдеморта... чтобы его уничтожить... или вас это не интересует?

Серая Дама, конечно, не могла покраснеть, однако щеки ее определенно стали менее прозрачны, и ответила она с жаром:

– Разумеется, я... Как ты смеешь предполагать...

– Хорошо, тогда помогите!

Сдержанность давалась ей с трудом.

– Дело... не в том... – Серая Дама запнулась. – Диадема моей матери...

– *Матери?*

Она словно рассердилась сама на себя и чопорно объявила:

– При жизни меня звали Хелена Вранзор.

– Вы ее *дочь*? Но тогда вы должны знать, куда подевалась диадема!

– Диадема дарует мудрость, – сказала Серая Дама, всеми силами стараясь сохранять хладнокровие. – Только я сомневаюсь, что она серьезно поможет тебе одолеть колдуна, именующего себя лордом...

– Говорю же: я не собираюсь в нее наряжаться! – в отчаянии воскликнул Гарри. – Нет времени объяснять, но если вас волнует судьба «Хогварца», если вы хотите, чтобы с Волдемортом было покончено, вы должны рассказать мне все, что знаете о диадеме!

Она неподвижно висела в воздухе, глядя на Гарри сверху вниз, и он сник от безнадежности. Если б она хоть что-то знала, давно рассказала бы Флитвику или Думбльдору, они ведь наверняка спрашивали. Гарри покачал головой и почти уже собрался уходить, когда она вдруг тихо произнесла:

– Я украла диадему у матери...

– Вы... что?

– *Украла диадему*, – шепотом повторила Хелена Вранзор. – Я хотела стать умней и важней ее. И сбежала с диадемой.

Гарри не знал, как умудрился вызвать ее на откровенность, и не стал любопытствовать: он просто жадно слушал.

– Говорят, моя мать притворялась, будто диадема по-прежнему у нее. Скрыла пропажу и мое подлое предательство даже от других основателей «Хогварца». Потом мать заболела – неизлечимо. И, несмотря на мое вероломство, жаждала увидеть меня перед смертью. Она отправила на поиски мужчину, который давно меня любил, хоть я и отвергала его. Она знала, он не успокоится, пока меня не разыщет.

Гарри ждал. Серая Дама глубоко вздохнула и запрокинула голову.

– Он нашел меня в лесу, где я пряталась. Когда я отказалась вернуться с ним, он вышел из себя. Барон всегда был вспыльчив.

Разъяренный моим неповиновением, обезумев от ревности к моей свободе, он ударил меня кинжалом.

– *Барон?* В смысле?..

– Кровавый Барон, да, – подтвердила Серая Дама, распахнула плащ и показала темную рану на белой груди. – Когда он понял, что натворил, его охватило раскаяние. Он взял оружие, отобравшее мою жизнь, и убил себя. Вот уже много веков в знак раскаяния он носит цепи... И поделом, – горько прибавила она.

– А... диадема?

– Осталась там, где я ее спрятала, слышав, как Барон ломится ко мне по лесу. В дупле дерева.

– В дупле? – переспросил Гарри. – Какого дерева? Где?

– В лесах Албании. Глухое место – мне казалось, моей матери туда не добраться.

– Албании, – повторил Гарри. Чудесным образом путаница обретала смысл, и Гарри вдруг понял, почему Серая Дама рассказывает ему то, в чем не призналась Думбльдору и Флитвику. – Вы говорили об этом кому-то еще, да? Другому школьнику?

Она закрыла глаза и кивнула.

– У меня... и в мыслях не было... Он был так... учтив. Мне казалось... он понимает... сочувствует...

«Да уж, – подумал Гарри. – Кому, как не Тому Реддлю, понять желание Хелены Вранзор обладать чудесным сокровищем, на которое у нее нет прав».

– Ну, вы не первая, кого Реддль задурил, – пробормотал он. – Он умеет очаровывать, если надо...

Итак, Вольдеморт хитростью выведал у Серой Дамы, где находится украденная диадема, отправился в далекий лес и забрал реликвию из тайника – возможно, сразу после окончания «Хогварца», еще до того, как поступил работать к «Боргину и Д'Авилло».

И не тот ли албанский лес десять лет служил Вольдеморту укрытием много позже, когда потребовалось тихо отлежаться в уединении?

Но диадема, став ценным окаянтом, не могла валяться в каком-то дупле... Нет, она тайно возвратилась в свой истинный дом. Вольдеморт, должно быть, спрятал ее...

– ...в тот вечер, когда просил о работе! – вслух договорил Гарри.

– Прошу прощения?

– Он спрятал диадему в замке в тот вечер, когда просил Думбльдора взять его преподавателем, – повторил Гарри. Он произнес это вслух и все понял. – По дороге в кабинет Думбльдора или на обратном пути! Оно и вообще того стоило, попробовать получить работу – тогда он мог бы добраться и до меча Гриффиндора... Благодарю вас, спасибо!

Гарри оставил крайне изумленную Серую Даму висеть в воздухе, а сам побежал обратно в вестибюль и, заворачивая за угол, поглядел на часы. Без пяти минут полночь. А он, хоть и знает теперь, *что* из себя представляет последний окаянт, по-прежнему не в курсе, *где* он...

Многие поколения школьников искали диадему, и значит, она, скорее всего, не в башне «Вранзора» – но если не там, то где? Что за вечный тайник обнаружил Том Реддль в замке «Хогварца»?

Теряясь в догадках, Гарри еще раз свернул за угол и прошел всего несколько шагов по другому коридору, как слева с оглушительным звоном разбилось стекло. Он отскочил. В окно ввалилось что-то огромное и ударилось о противоположную стену. От него отделилось нечто большое, шерстяное и бросилось к Гарри.

– Огрид! – завопил Гарри, отбиваясь от Клыка, пока бородатый великан поднимался на ноги. – Откуда?..

– Гарри, ты здесь! *Ты здесь!*

Огрид наклонился, торопливо обнял Гарри – у того затрещали ребра – и отбежал назад к разбитому окну.

– Умница, Гурпи! – заорал он через дыру в стекле. – Я тут это... Щас приду! Умница, хороший мальчик!

За массивной фигурой Огрида Гарри увидел отдаленные всполохи в ночи и услышал странный режущий вопль. Он посмотрел на часы: полночь. Битва началась.

– Чтоб я сдох, Гарри! – пропыхтел Огрид. – Оно, да? Пора драться?

– Огрид, откуда ты взялся?

– Услышал Сам-Знаешь-Кого из пещеры, – мрачно ответил Огрид. – Голосок-то будь-будь... Отдавайте Поттера, времени вам до полуночи. Я знал, что ты здесь и чего происходит. *Отстань, Клык!* В общем, вот они мы: я, Гурпик да Клык. Прорвались через периметр у леса, Гурп нас с Клыком нес. Я ему говорю, давай меня в замок, ну он

и пихнул нас через окно, храни его небеса. Не совсем как я хотел, но... А где Рон с Гермионой?

– Очень хороший вопрос, – сказал Гарри. – Идем.

Они побежали по коридору, Клык – следом. Отовсюду слышались быстрые шаги, крики; за окнами то и дело мелькали вспышки.

– А куда мы? – пропыхтел Огрид, поспешая за Гарри. Под его тяжестью прогибались половицы.

– Если честно, понятия не имею, – ответил Гарри, сворачивая наугад. – Но Рон и Гермиона наверняка где-то здесь...

По дороге им попались первые жертвы боевых действий: две каменные горгульи, которые обычно охраняли вход в учительскую, были расколоты заклятием, влетевшим в разбитое окно. Их останки слабо шевелились на полу. Когда Гарри перепрыгивал через отколовшуюся голову, та слабо простонала:

– О-о, не обращайтесь внимания... Бросьте меня здесь, я буду тихо лежать и осыпаться...

Гарри глянул в уродливое каменное лицо и вдруг подумал о мраморном бюсте Эвраны Вранзор в безумном головном уборе, творении Ксенофила, и о статуе в башне «Вранзора» с мраморной диадемой на белых кудрях...

А в конце коридора он вспомнил и третью каменную фигуру: старого уродливого ведуна, на чью макушку он собственноручно водрузил парик и древнюю диадему. Гарри окатило жаром, словно от огневиски, и он едва не споткнулся.

Он наконец догадался, где его поджидает окаянт...

Том Реддль, который никому не доверял и всегда действовал в одиночку, должно быть, высокомерно полагал, что он, и только он, проник в сокровенные тайны замка «Хогварц». Конечно, Думбльдор и Флитвик, примерные мальчики, в такие места нос не совали, но он, Гарри, учась в школе, не раз сходил с проторенных троп – и в этом-то они с Вольдемортом сильно отличались от Думбльдора...

Внимание Гарри отвлекла профессор Спарж: она протопотала мимо в сопровождении Невилла и полудюжины других учеников. Все были в наушниках и тащили большие горшки с растениями.

– Мандрагора! – на бегу крикнул Невилл Гарри. – Будем перебрасывать через стену! Спорим, им не понравится!

Гарри, зная теперь, куда идти, еще поднажал; Огрид и Клык торопились за ним. Они миновали многочисленные портреты, и нарисованные фигуры перемещались в ногу с ними; колдуны и ведьмы в гофрированных воротниках, в бриджах, доспехах и плащах перебежали с полотна на полотно, создавая живописные заторы, разнося последние новости о том, что происходит в замке.

В конце очередного коридора они вдруг почувствовали, как содрогнулось все здание. Гигантскую вазу смело с пьедестала взрывной волной, и мгновенно стало ясно, что столь страшные заклятия – дело рук не учителей и не Ордена.

– Все хорошо, Клык... хорошо! – завопил Огрид, но огромный пес снарядом пронесся в воздухе, улетая прочь вместе с осколками фарфора. Огрид погнался за перепуганной собакой, оставив Гарри одного.

Гарри летел по замку, едва касаясь содрогающегося пола, с палочкой на изготовку. Целый коридор рядом с ним мчался нарисованный маленький рыцарь, сэр Кэдоган. Он перемещался из картины в картину, лязгая доспехами и подбадривая Гарри, а маленький упитанный пони трусил следом.

– Выскочки, негодяи, собаки, подлецы! Покончи с ними, Гарри Поттер, выгони их отсюда!

Гарри завернул за угол и наткнулся на Фреда. Тот вместе с Ли Джорданом, Ханной Аббот и еще несколькими школьниками стоял у пустого пьедестала, где раньше была статуя, закрывавшая тайный проход. Выставив перед собой палочки, они внимательно слушали, не раздастся ли изнутри шум.

– Ночка – самое оно! – выкрикнул Фред, когда стены замка снова содрогнулись. Гарри побежал дальше, охваченный страхом и ликованием. Один коридор кишел совами; миссис Норрис шипела и махала на них лапами, очевидно пытаясь вернуть на место...

– Поттер!

Аберфорс Думбльдор с палочкой наготове вырос впереди, перегораживая дорогу.

– Поттер, через мой паб прошли сотни школьников!

– Да, знаю: эвакуация, – сказал Гарри. – Вольдеморт...

– ...атакует, потому что они тебя не отдали, – закончил за него Аберфорс. – Я не глухой, его весь Хогсмед слышал. И вы не

догадались взять в заложники парочку слизеринцев? Вы ведь и деточек Упивающихся Смертью переправили в безопасное место. Не умнее ли было оставить?

– Это Вольдеморта не остановило бы, – ответил Гарри. – К тому же ваш брат никогда бы так не поступил.

Аберфорс хмыкнул и ринулся прочь.

«Ваш брат никогда бы так не поступил...» Да, это правда, – на бегу думал Гарри. – Думбльдор, который так долго защищал Злея, не оставил бы детей в заложниках».

Он свернул в последний коридор и завопил от досады и облегчения, увидев Рона и Гермиону с какими-то большими, изогнутыми грязно-желтыми штуками в руках. У Рона из-под мышки торчала метла.

– Что за фигня, где вы были? – закричал Гарри.

– В Тайной комнате, – сказал Рон.

– В Тайной... *Где?* – Гарри покачнулся, резко затормозив.

– Это все Рон придумал! – задыхаясь, воскликнула Гермиона. – Ну не гений? Ты ушел, и я сказала Рону: даже если мы найдем другой окаянт, как от него избавимся? Мы и с кубком пока ничего не сделали! А Рон и придумал! Василиск!

– Что василиск?

– Средство избавления от окаянтов, – просто объяснил Рон.

Взгляд Гарри скользнул на грязно-желтые штуки у них в руках, и он понял, что это огромные изогнутые клыки, вырванные, очевидно, у мертвого чудовища.

– Но как вы туда попали? – спросил он Рона. – Вы же не говорите на серпентарго!

– А вот Рон и говорил! – прошептала Гермиона. – Покажи, Рон!

Тот жутко зашипел, будто его душат.

– Так ты открыл медальон, – сконфуженно сказал он Гарри. – А я, хоть и не с первой попытки, но, – он скромно пожал плечами, – повторил.

– Гений! – радостно воскликнула Гермиона. – Просто гений!

– Значит... – Гарри пытался уследить за ходом событий. – Значит...

– Минус еще один окаянт, – договорил Рон и достал из-под куртки изуродованные останки кубка Хельги Хуффльпуфф. – Гермиона его расколола. Хотела сама. А то все клюют, а ей не дают.

– Гениально! – восхитился Гарри.

– Да ерунда. – Рон, чрезвычайно довольный собой, деликатно потупился. – А у тебя что новенького?

Едва он это произнес, наверху что-то взорвалось, с потолка посыпалась пыль, и вдалеке закричали.

– Я знаю, как выглядит диадема, и знаю, где она, – затараторил Гарри. – Он спрятал ее там же, где я – учебник по земледелию, где вообще веками всё прятали. Он думал, один такой умный. Пошли.

Стены опять задрожали. Гарри через скрытый проход увлек Рона и Гермиону вниз по лестнице в Кстати-комнату. Там было пусто – если не считать Джинни, Бомс и пожилой ведьмы в изъеденной молью шляпе. Гарри сразу узнал бабушку Невилла.

– А, Поттер, – невозмутимо проговорила та, будто как раз его и ждала. – Вот вы-то и расскажете, что там творится.

– Все целы? – в один голос спросили Джинни и Бомс.

– Насколько мы знаем, – ответил Гарри. – В переходе к «Башке борова» еще кто-то остался?

Он знал: комната не изменится, пока в ней кто-то есть.

– Я была последняя, – сказала миссис Лонгботтом, – и запечатала тоннель. Неразумно оставлять его открытым, раз Аберфорса нет в пабе. Вы видели моего внука?

– Он сражается, – ответил Гарри.

– Естественно, – гордо произнесла старуха. – Прошу простить, я должна ему помочь. – И она с неожиданной прытью помчалась к каменной лестнице.

Гарри посмотрел на Бомс:

– Я думал, ты с Тедди у мамы.

– Я не могла там торчать и не знать ничего. – Бомс мучительно скривилась. – Мама присмотрит за малышом... вы знаете, где Рем?

– Собирался вести отряд на территорию...

Бомс убежала без единого слова.

– Джинни, – попросил Гарри, – не выйдешь ли отсюда ненадолго? Прости. Потом можешь вернуться.

Джинни в восторге кинулась следом за Бомс прочь из своего убежища.

– Потом можешь вернуться! – крикнул Гарри ей вслед. – Слышишь, *вернись обязательно!*

– Стоп! – резко сказал Рон. – Мы кое о ком забыли!
– О ком? – спросила Гермиона.
– О домовых эльфах. Они же внизу, на кухне?
– Хочешь отправить их драться? – поинтересовался Гарри.
– Нет, – серьезно ответил Рон. – Надо сказать им, чтоб уходили. Чтобы не было как с Добби, правильно? Нельзя приказать им умирать за нас...

Раздался грохот: клыки василиска посыпались из рук Гермионы. Она кинулась Рону на шею и страстно поцеловала его в губы. Отбросив клыки и метлу, Рон ответил на поцелуй с таким воодушевлением, что приподнял Гермиону над землей.

– Нашли время, – беспомощно пробормотал Гарри. Они не отреагировали, только обнялись еще крепче и закачались на месте, и Гарри повысил голос: – Эй! У нас тут война!

Рон и Гермиона лишь чуть-чуть отстранились друг от друга.

– Мы в курсе, друг. – У Рона был такой вид, будто его хорошенько треснуло Нападалой по затылку. – А потому – сейчас или никогда, верно?

– Отлично, но как же окаянт?! Может... потерпите, пока не найдем диадему?

– Да-да... конечно... извини, – пробурчал Рон, и они с Гермионой, дружно покраснев, начали собирать клыки.

Едва все трое вышли в коридор, стало ясно: за те несколько минут, что они провели в Кстати-комнате, ситуация сильно ухудшилась. Стены и потолок ходили ходуном, воздух загустел от пыли, а зеленые и красные вспышки за окнами мелькали под самой стеной, и было ясно, что Упивающиеся Смертью скоро прорвутся в замок. Поглядев вниз, Гарри увидел великана Гурпа – тот бродил с недовольным ревом, размахивая каменной горгульей, сорвавшейся с крыши.

– Хорошо бы он там затоптал кого-нибудь! – заметил Рон. Вблизи замечались громкие крики.

– Лишь бы не наших! – откликнулся кто-то.

Гарри повернулся и у соседнего окна, где не хватало половины стекол, увидел Джинни и Бомс с палочками на изготовку. На его глазах Джинни метко пальнула заклятием в толпу сражающихся.

– Молодчина! – прокричал некто, неожиданно появившийся из пыльного облака. Гарри узнал Аберфорса. Тот промчался мимо; седые

волосы развевались на ходу. За ним следовала стайка учащихся. — Похоже, северным укреплениям вот-вот конец — у них там тоже гиганты.

— Вы видели Рема? — окликнула его Бомс.

— Он бился с Долоховым, — заорал в ответ Аберфорс, — а с тех пор не видел!

— Бомс, — сказала Джинни, — Бомс, наверняка с ним все хорошо...

Но та уже исчезла в клубах пыли вслед за Аберфорсом. Джинни беспомощно обернулась к Гарри, Рону и Гермионе.

— С ними все обойдется, — заверил Гарри, хоть и знал, что это пустые слова. — Джинни, мы сейчас вернемся, а ты не лезь на рожон, будь осторожна. Пошли! — позвал он Рона и Гермиону, и они побежали к стене, за которой Кстати-комната ждала пожеланий следующего визитера.

«Мне нужно место, где всё прячут!» — мысленно умолял Гарри, и, когда они пробежали мимо стены третий раз, появилась дверь.

Они переступили порог; дверь закрылась, гром битвы смолк. Комната походила на собор, на город, где высоченные стены зданий были возведены из хлама, спрятанного тысячами учеников, давным-давно закончивших школу.

— И он не понимал, что сюда может прийти *кто угодно*? — Голос Рона эхом разнесся в тишине.

— Нет, Вольдеморт думал, что он уникам, — сказал Гарри. — Ему не повезло: мне тоже пришлось тут кое-что прятать... Давайте сюда, — добавил он. — По-моему, это здесь...

Он миновал чучело тролля и шкаф-исчезант, который в прошлом году — с катастрофическими последствиями — сумел починить Драко Малфой. Затем остановился, вглядываясь в завалы. Он не помнил, куда идти дальше...

— Ацио диадема! — отчаянно выкрикнула Гермиона, но ничего не прилетело. Похоже, Кстати-комната, как и хранилище «Гринготтса», не отдавала сокровища просто так.

— Давайте поделимся, — предложил Гарри. — Ищите каменный бюст старика в парике и короне. Он стоит на буфете... Это точно где-то поблизости...

Они разбежались по соседним проходам. Шаги друзей отдавались эхом в лабиринте разной дребедени, бутылок, шляп, ящиков, стульев,

книг, оружия, метел, квидишных бит...

— Где-то тут, — бормотал Гарри. — Где-то... где-то...

Он заходил глубже и глубже, выглядывая предметы, которые видел в единственный свой предыдущий визит сюда. Он тяжело дышал — и вдруг самая душа его, казалось, задрожала. Прямо впереди вырос пузырчатый старый буфет, куда Гарри спрятал учебник по зельеделию. На буфете стоял щербатый бюст ведуна в старом пыльном парике и старинной потускневшей диадеме. До ведуна оставалось еще футов десять, но Гарри уже протянул руку, и тут голос за спиной произнес:

— Минуточку, Поттер.

Он затормозил, обернулся. Сзади, целясь в него волшебными палочками, плечом к плечу стояли Краббе и Гойл. А из-за их ухмыляющихся рож выглядывал Драко Малфой.

— Палочка у тебя — моя. — Малфой выставил между Краббе и Гойлом еще одну палочку.

— Уже нет, — задыхаясь, ответил Гарри, крепче сжимая в руке палочку из боярышника. — Кто победил, тот и хозяин. А эту кто тебе одолжил, Малфой?

— Моя мать, — ответил Драко.

Гарри засмеялся, хотя ничего смешного тут не было. Он больше не слышал ни Рона, ни Гермионы. Наверное, далеко забрели в поисках диадемы.

— Что ж вы к Вольдеморту не побежали? — осведомился Гарри.

— Мы хотим награду, — поведал Краббе. Надо же, такая громадина, а голос тихий: кажется, до этого он при Гарри ни разу не раскрывал рта. Краббе улыбался как ребенок, которому обещали мешок конфет. — Мы остались, Поттер. Решили не уходить. Отдадим тебя ему.

— Отличный план, — делано восхитился Гарри. Вот ведь незадача: он почти у цели, а тут эти кретины. Неужто они ему помешают? Он медленно попятился к окаянту, криво венчающему бюст. Если б схватить его прежде, чем вспыхнет драка...

— Ну и как вы сюда проникли? — спросил он, отвлекая противника.

— Я весь прошлый год только что не ночевал в Камере Хранения Вещей, — пронзительно сказал Малфой. — Уж знаю, как войти.

— Мы прятались в коридоре, — хрюкнул Гойл. — Мы теперь умеем прозарычальные заклятия! А тут ты, — его физиономия расплылась в

тупой улыбке, – и говоришь такой, ищущий «диа-демона». Что за «диа-демон», а?

– Гарри? – внезапно позвал Рон из-за горы барахла. – Ты с кем разговариваешь?

Краббе махнул волшебной палочкой, словно огромным кнутом, и завопил:

– Десцендо!

Пятидесятифутовая гора старой мебели, сломанных чемоданов, древних книг, мантий и прочего непонятного старья зашаталась и начала рушиться в проход, где стоял Рон.

– Рон! – заорал Гарри.

Он услышал, как закричала Гермиона, как по другую сторону рушащейся стены сыплется на пол бесчисленные вещи, указал палочкой на шатающуюся гору и произнес:

– Фините!

Все замерло.

– Стой! – завопил Малфой, хватая за руку Краббе, который собрался повторить заклинание. – Если все тут разгромишь, тогда прощай диадема!

– И что? – Краббе высвободился. – Черному Лорду нужен Поттер, а не «диа-демон».

– Поттер пришел за ней, – объяснил Малфой с плохо скрываемым раздражением на тупость своих соратников. – А значит...

– Что «значит»? – свирепо переспросил Краббе. – Кого волнует твое мнение? Я тебе больше не подчиняюсь, *Драко*. Вам с твоим папашей кранты!

– Гарри?! – снова закричал Рон. – Что там у тебя происходит?

– Гарри? – передразнил Краббе. – Что там у тебя?... *Руки прочь, Поттер! Круцио!*

Гарри потянулся к диадеме. Проклятие Краббе промазало, но попало в каменный бюст. Тот взлетел, диадема соскочила – и следом за бюстом исчезла в куче всякого мусора.

– ПРЕКРАТИ! – заорал Малфой Краббе, и крик эхом прокатился по огромной комнате. – Он нужен Черному Лорду живым...

– И чего? Я ж его не убиваю! – завопил Краббе, сбрасывая руку Малфоя. – Но вообще могу! Черный Лорд хочет его прикончить, так какая раз...

Алый луч молнией пронесся в дюйме от Гарри – Гермiona, выбежав из-за угла позади него, послала сногшибатель прямо Краббе в голову. Но не попала: Малфой вовремя его оттолкнул.

– А вот и мугродье! Авада Кедавра!

Гарри видел, как Гермiona увернулась, и ярость оттого, что Краббе взаправду попытался ее убить, буквально ослепила его. Он пальнул сногшибателем. Краббе отскочил и случайно выбил волшебную палочку из руки Малфоя. Та откатилась под гору сломанной мебели и коробок.

– Не убивать его! НЕ УБИВАТЬ! – закричал Малфой; Краббе и Гойл между тем подступали к Гарри. Они замешкались всего на секунду, но Гарри хватило и этого.

– Экспеллиармус!

Палочка Гойла вылетела из его руки и исчезла в грудe хлама за его спиной. Гойл по-дурацки запрыгал на месте, пытаясь ее достать. Малфой отшатнулся от второго сногшибателя Гермiony, а Рон, появившись в другом конце прохода, послал в Краббе полный телобинт, от которого тот еле спасся.

Краббе развернулся и опять выпалил:

– Авада Кедавра!

Рон исчез из виду, спасаясь от смертоносной зеленой молнии. Обезоруженный Малфой спрятался за трехногим платяным шкафом. Гермiona кинулась в атаку, по пути сшибив Гойла.

– Где-то здесь! – крикнул ей Гарри, указывая на грудy рухляди, где затерялась диадема. – Поищи, а я пока помогу Ро...

– ГАРРИ! – завопила она.

Нарастающий рев заставил его обернуться, и вовремя: Рон и Краббе неслись к нему со всех ног.

– Что, припекает, тварь? – орал Краббе на бегу.

Но, похоже, он был не властен над тем, что сотворил. Испепеляя все на своем пути, их преследовала огненная стена.

– Агуаменти! – заорал Гарри, но мощная струя воды из палочки испарилась в воздухе.

– БЕЖИМ!

Малфой схватил оглушенного Гойла и потащил за собой. Краббе, ошалев от ужаса, обогнал всех. Гарри, Рон и Гермiona бросились следом. За ними неслись огонь. То был не обычный огонь – Краббе

использовал проклятие, какого Гарри никогда не встречал. Они свернули, но языки пламени мчались за ними, как живые, разумные существа, явно намереваясь убить. Пламя превращалось в гигантскую стаю чудовищ: огненные змеи, химеры, драконы взметались, опускались, вздымались вновь, пожирали вековой хлам, подбрасывали его, подхватывали когтистыми лапами и заглатывали клыкастыми пастьями.

Малфой, Краббе и Гойл пропали из виду. Гарри, Рон и Гермиона встали как вкопанные в кольца яростных монстров. Те надвигались ближе, ближе, обступали, всюду мелькали клыки, рога, хвосты, жар стоял стеной...

– Что делать? – Гермиона с трудом перекрикивала оглушительный рев пламени. – Что нам делать?

– Вот!

Гарри выхватил из горы вещей поблизости две крепких на вид метлы, бросил одну Рону, и тот посадил Гермиону у себя за спиной. Гарри оседлал вторую метлу, и они, сильно оттолкнувшись от пола, взлетели, едва не угодив в пасть огненного велоцираптора. Жар и дым были невыносимы: внизу магический огонь пожирал имущество многих поколений школьников, когда-то проташенное сюда контрабандой, – позорные свидетельства запретных экспериментов, тайны бесчисленных душ, искавших здесь убежища. Ни следа Малфоя, Краббе и Гойла: выглядывая их, Гарри летел над бушующими огненными монстрами как можно ниже, но видел только пламя... какая жуткая смерть... он никому не пожелал бы такого...

– Гарри, давай наружу, наружу! – орал Рон, но в черном дыму невозможно было понять, где дверь.

И тут сквозь рев всепожирающего пламени до Гарри донесся тоненький, жалобный человеческий вопль.

– Это... слишком... опасно! – прокричал Рон, но Гарри уже развернулся. Очки немного защищали глаза от дыма, и он искал в огненной буре ладонь, лицо, что-нибудь живое, еще не почерневшее...

И нашел: Малфой, обхватив руками бесчувственного Гойла, стоял на хрупкой горе обугленных столов. Гарри устремился вниз. Малфой заметил и потянулся к нему – Гарри цапнул, но сразу понял, что ничего не получится. Гойл слишком тяжелый, потная ладонь Малфоя выскользнула...

– ЕСЛИ ИЗ-ЗА НИХ МЫ УМРЕМ, Я ТЕБЯ УБЬЮ, ГАРРИ! – прорычал Рон.

Огромная пылающая химера бросилась на него с Гермионой, когда они принялись затаскивать Гойла на свою метлу. Метла взвилась, виляя и раскачиваясь. Малфой вскарабкался позади Гарри и заорал ему в ухо:

– Дверь, давай к двери, к двери!

Едва дыша, Гарри прибавил скорости, в клубах черного дыма догоняя Гермиону, Рона и Гойла; вокруг все, что еще не успело загореться, взлетало в воздух: огненные монстры торжествовали, игриво подбрасывали кубки, щиты, блестящее ожерелье и старую потускневшую диадему...

– Ты что, ты что, дверь не там! – заверещал Малфой, но Гарри круто развернулся и ушел в пике. Будто в замедленной съемке, диадема, вертясь и сверкая, падала в разверстую змеиную пасть – Гарри изловчился, выхватил диадему, она повисла у него на запястье...

Он снова взмыл. Змея ринулась следом, он взвился выше и устремился туда, где – *пожалуйста, пожалуйста!* – должна была находиться открытая дверь. Рон, Гермиона и Гойл уже пропали из виду, Малфой кричал и больно цеплялся за Гарри. Затем в дыму проступил темный прямоугольник в стене; Гарри направил туда метлу – и через несколько секунд легкие наполнились чистым воздухом, а метла со всего маху врезалась в стену коридора.

Малфой рухнул лицом вниз, задыхаясь и надрывно кашляя. Гарри перевернулся и сел: дверь Кстати-комнаты исчезла, а Рон и Гермиона, тяжело дыша, сидели рядом с бесчувственным Гойлом.

– К-Краббе, – сумел наконец выговорить Малфой, – К-Краббе...

– Погиб, – отрезал Рон.

Повисла тишина – все четверо только кашляли и отдувались. Затем стены замка мощно затряслись, и мимо проскакала толпа прозрачных всадников, держа под мышками кровожадно вопящие головы. Когда Безголовая Братия унеслась прочь, Гарри встал и огляделся. Повсюду шло сражение, и кричали не только безголовые призраки. Гарри охватила паника.

– Где Джинни? – резко спросил он. – Она была здесь. Я сказал ей вернуться в Кстати-комнату.

– Думаешь, комната уцелеет после такого пожара? – Рон поднялся, потирая грудь и озираясь. – Может, нам разделиться и поискать?..

– Нет, – сказала Гермиона, тоже встав. Малфой и Гойл бессильно лежали на полу, оба без палочек. – Будем держаться вместе. По-моему, теперь надо... Гарри, что это у тебя на руке?

– Что? А-а, да...

Он снял с запястья горячую закопченную диадему. Присмотревшись, под копотью он прочитал гравировку: «Ум и талант – вот главный брильянт».

Диадема словно истекала кровью, темной и тягучей, как смола. Внезапно она содрогнулась, распалась на части, и Гарри почудилось, что он услышал очень слабый вопль боли – не из замка, не снаружи, а из обломков.

– Это, наверное, был паскуд-пламень! – простонала Гермиона, не отрывая взгляда от погибшей диадемы.

– Что?

– Паскуд-пламень – проклятый, им тоже уничтожают окаянты. Но я бы никогда-никогда не решилась... Страшно опасно – откуда Краббе узнал, как?..

– Небось от Карроу научился, – мрачно изрек Гарри.

– Жаль, что он плохо слушал, когда учили тушить, идиот. – У Рона, как и у Гермионы, обгорели волосы и почернело лицо. – Я б его даже пожалел, если б он не пытался нас убить.

– Вы что, не понимаете? – прошептала Гермиона. – Теперь нам осталось только найти змею...

Но она осеклась на полуслове, потому что коридор заполнился воплями и грохотом битвы. Гарри оглянулся, и душа его ушла в пятки: Упивающиеся Смертью прорвались в «Хогварц». Он увидел Фреда и Перси – те сражались против людей в масках и капюшонах.

Гарри, Рон и Гермиона бросились на подмогу. Повсюду летали вспышки заклинаний. Противник Перси торопливо попятился, его капюшон соскользнул, открыв высокий лоб и волосы с проседью...

– Здравствуйте, министр! – вскричал Перси, ловко послав порчу прямо в Ретивса. Тот выронил палочку и схватился за мантию на груди – что-то его сильно мучило. – Я не говорил, что увольняюсь?

– Ты шутишь, Перси! – прокричал Фред.

Упивающегося Смертью, с которым дрался он, оглушило сразу тремя сногсшибателями. Ретивс упал на пол, и по всему его телу вылезли колючки: он на глазах превращался в морского ежа. Фред ликуя посмотрел на Перси:

– Ты *правда* шутишь, Перс... Ты, по-моему, не шутил лет с...

Воздух взорвался. Гарри, Рон, Гермиона, Фред и Перси стояли рядом, у ног их валялись двое Упивающихся Смертью, один оглушенный, другой превращенный. И в этот миг, когда опасность, казалось, временно отступила, мир разлетелся на куски, Гарри словно воспарил, цепляясь за палочку, свое единственное оружие, и руками закрывая голову. Он слышал крики товарищей, но уже не надеялся узнать, что с теми случилось...

Затем мир собрался заново, темный и полный боли: Гарри завалило обломками. Потянуло холодом – очевидно, взрывом снесло часть замковой стены; горячая липкая кровь текла по лицу... Гарри услышал ужасный крик, разорвавший ему душу; вой отчаяния, какой не вызовет ни пламя, ни проклятие. Пошатываясь, он встал – он за весь день, за всю свою жизнь так не пугался...

Гермиона с трудом поднималась на ноги среди развалин, а двое рыжеволосых мужчин сидели подле третьего на полу у пробоины в стене. Гарри схватил Гермиону за руку, и они спотыкаясь заковыляли по обломкам дерева и камня.

– Нет... нет... нет! – кричал кто-то. – Нет! Фред! Нет!

И Перси тряс брата, и Рон стоял на коленях рядом, но глаза Фреда смотрели невидяще, и на лице его застыл призрак последней улыбки.

Глава тридцать вторая

Бузинная палочка

Мир рухнул – почему же сражение не прекратилось, замок не застыл в ужасе, бойцы не сложили оружие? Сознание Гарри падало в пустоту без руля и ветрил, не в силах поверить в немыслимое: Фред Уизли не мог умереть, а значит, все чувства лгут...

Но тут мимо пробоины пролетело вниз чье-то тело, и из темноты пальнули заклятиями. Те промазали и ударили в стену.

– Ложись! – заорал Гарри. Грянул новый залп.

Гарри и Рон схватили Гермиону и потянули на пол, но Перси накрыл собой тело Фреда, чтобы с братом больше ничего не случилось.

– Перси, вставай, нужно уходить! – заорал Гарри, но тот лишь замотал головой. – Перси!

Рон – слезы прорисовали дорожки на чумазом лице – взял старшего брата за плечи и потащил за собой, но Перси не двигался.

– Перси, ему уже не поможешь! Мы сейчас...

Гермиона истошно закричала, и Гарри, обернувшись, сразу понял почему: в пробоину протискивался ужасный паук размером с небольшой автомобиль. Потомок Арагога решил поучаствовать в битве.

Рон и Гермиона дружно завопили, их заклятия столкнулись, и чудище отбросило назад. Судорожно дергая конечностями, оно пропало в темноте.

– Он привел дружков! – крикнул Гарри, выглянув из пробоины.

Гигантские пауки карабкались вверх по стене. Должно быть, Упивающиеся Смертью проникли в Запретный лес и выпустили их. Гарри послал в пауков сногшибатели – паучий предводитель полетел вниз, сбивая сородичей, и все они исчезли из виду. Новые заклятия просвистели над головой Гарри, растрепав ему волосы.

– Уходим, БЫСТРО!

Толкнув вперед Рона и Гермиону, Гарри схватил под мышки тело Фреда. Перси, догадавшись, что Гарри делает, прекратил цепляться за погибшего брата и стал помогать. Пригибаясь под градом проклятий, они вдвоем поволокли Фреда в сторону.

– Сюда, – сказал Гарри. Они положили тело в нишу, где раньше стояли доспехи. Смотреть на мертвого Фреда было невыносимо, и Гарри, убедившись, что тело хорошо спрятано, помчался за Роном и Гермионой. Малфой и Гойл куда-то делись, зато в конце коридора, белого от пыли, заваленного камнями и осколками стекла, царило паническое столпотворение. Свои или чужие, не разберешь. Вчетвером они повернули за угол. Перси взревел, как разъяренный бык:

– ГАДВУД! – и бросился за высоким мужчиной, который преследовал двоих школьников.

– Гарри, сюда! – закричала Гермиона.

Она затащила Рона за гобелен, и они как будто начали бороться. На секунду Гарри посетило безумие – ему почудилось, что они опять обнимаются, – но потом до него дошло: Гермиона удерживает Рона, не пускает побежать за Перси.

– Послушай... *ДА ПОСЛУШАЙ, РОН!*

– Я помочь... я их всех убью!

Его лицо, все в саже и пыли, мучительно исказилось; он трясся от горя и гнева.

– Рон, покончить со всем этим можем только мы! Прошу тебя... Рон... Надо найти змею, мы должны убить змею!

Но Гарри прекрасно понимал Рона. Погоня за очередным окаянтом не утолит жажду мести. Гарри тоже рвался в бой, хотел сражаться, покарать тех, кто убил Фреда, а еще найти остальных Уизли – и, главное, самое главное, убедиться, что Джинни не... Нет, даже подумать нельзя.

– Мы *будем* сражаться! – пылко говорила Гермиона. – Нам придется, иначе не доберемся до змеи! Но нельзя забывать о цели! Только мы можем все это прекратить!

Она говорила и плакала, вытирая лицо порванным, подпаленным рукавом; затем глубоко вдохнула раз, другой и, не выпуская Рона, повернулась к Гарри:

– Узнай, где Вольдеморт. Змея ведь с ним, так? Давай, Гарри, загляни в него!

Почему это оказалось так просто? Потому что шрам который час пылал от боли, словно жаждал показать ему мысли Вольдеморта? Гарри закрыл глаза – и сразу крики, шум, лязг, удары, грохот боя затихли, отошли далеко-далеко...

Он стоял посреди нежилой, но странно знакомой комнаты: обои висят лохмотьями, окна заколочены. Где-то глухо шумит сражение: там штурмуют «Хогварц». За единственным окном, не забитым досками, мелькают вспышки, но комнату освещает лишь одинокая масляная лампа.

В полумраке он катал между пальцами волшебную палочку, разглядывал ее и думал о комнате в замке, еще одной тайной комнате, о которой никто, кроме него, не знает, лишь чрезвычайный ум, хитрость и любознательность способны привести туда... Нет, нет, мальчишке диадему не найти... хотя он, этот выкормыш Думбльдора, зашел много дальше, чем ожидалось... даже слишком...

– Милорд... – надтреснуто, отчаянно произнес кто-то. Он обернулся: а, Люциус Малfoy. Жметя в самом темном углу, потрепанный, следы наказания еще не сошли. Один глаз заплыл и не открывается. Что ж, ответил за побег мальчишки. – Милорд... прошу вас... мой сын...

– Если он погиб, Люциус, я ни при чем... Он не пришел ко мне, как все слизеринцы. Может, подружился с Гарри Поттером?

– Нет... никогда... – прошептал Малfoy.

– Твое счастье, если так.

– А вы не боитесь, милорд, что Поттер умрет от чужой руки? – дрожащим голосом спросил Малfoy. – Разве не... простите мою дерзость... не разумнее прекратить сражение, войти в замок и найти его л-лично?

– Какой же ты хитрец, Люциус. Ты хочешь перемирия, чтобы узнать про сына. А мне не нужно искать Поттера. Еще до рассвета он сам меня найдет.

Вольдеморт вновь пристально посмотрел на волшебную палочку. Она его беспокоила... а то, что беспокоит лорда Вольдеморта, следует исправить...

– Иди приведи Злея.

– Злея, м-милорд?

– Злея. Сейчас же. Он мне нужен. У меня для него... дело. Пошел.

Перепуганный Люциус, слегка спотыкаясь в полутьме, бросился вон. Вольдемонт остался стоять, воззрившись на палочку, крутя ее длинными пальцами.

– Других вариантов нет, Нагини, – шепнул он, оборачиваясь. Огромная толстая змея висела в воздухе, свернувшись красивыми кольцами внутри магически защищенного пространства, которое он для нее соорудил, – звездчатая прозрачная сфера, не то аквариум, не то клетка.

Гарри, ахнув, открыл глаза. В уши ударили визг, вопли, грохот.

– Он в Шумном Шалмане. Змея с ним в какой-то защитной штуке. Он только что велел Люциусу Малфою разыскать Злея.

– Вольдемонт в Шумном Шалмане? – возмутилась Гермиона. – Он даже... даже не *сражается*?

– Не считает нужным, – ответил Гарри. – Уверен, что я сам приду.

– Но почему?

– Он знает, что я ищу окаянты... а Нагини он держит при себе. Понятно, что я и правда приду, раз хочу к ней подобраться...

– Так. – Рон расправил плечи. – Нечего к нему идти, раз он только того и хочет. Останешься здесь, присмотришь за Гермионой, а я...

Но Гарри перебил:

– Вы оставайтесь, я пойду под плащом и вернусь, как только...

– Нет, – сказала Гермиона, – логичнее, если плащ возьму я и...

– Даже не думай! – рявкнул Рон.

– Рон, я пока еще способна сама... – начала было Гермиона, но тут гобелен распахнулся.

– ПОТТЕР!

На верхней площадке лестницы стояли двое Упивающихся Смертью под масками. Но не успели они поднять палочки, Гермиона выкрикнула:

– Глиссео!

Лестница превратилась в крутой скат. Гермиона, Гарри и Рон стремительно заскользили вниз с такой скоростью, что сногшибатели Упивающихся Смертью пронесли высоко над их головами. Проскочив через маскировочный гобелен у подножия, они врезались в стену следующего коридора.

– Дуро! – крикнула Гермиона, прицелившись в гобелен, и с другой стороны послышалось два громких вопля и отвратительный хруст:

ткань превратилась в каменную стену, куда и впечатало преследователей.

– Назад! – завопил Рон, и они с Гарри и Гермионой распластались по двери.

Мимо галопом проскакало стадо столов, подгоняемое профессором Макгонаголл. Она неслась следом и мало что замечала вокруг. Волосы ее растрепались, щеку рассекла глубокая рана. Сворачивая за угол, Макгонаголл завопила:

– В АТАКУ!

– Гарри, бери плащ, – сказала Гермиона. – Мы обойдемся...

Но он набросил его на всех троих. Плащ, конечно, маловат, но в густой пыли, среди битых камней и мелькающих вспышек кто заметит какие-то бестелесные ноги?

Они сбежали на один марш и очутились в коридоре, полном дуэлянтов. Упивающиеся Смертью, в масках и без, сражались с учениками и учителями, а персонажи картин по стенам подбадривали дерущихся и давали советы. Дин у кого-то отвоевал волшебную палочку и теперь вел поединок с Долоховым, Парвати – с Трэверсом. Гарри, Рон и Гермиона вскинули палочки, готовые помочь, но дуэлянты метались так стремительно, что страшно было задеть своих. Пока они втроем старались прицелиться по врагу, сверху раздалось громкое «уи-и-и-и!», и Гарри увидел Дрюзга: полтергейст летел, сбрасывая на Упивающихся Смертью стручки свирепней, и те прорастали на головах длинными зелеными ростками, напоминающими жирных червей...

– Ай!..

Пригоршня ростков свалилась на плащ, Рону на голову, скользкие зеленые стебли неестественно зависли в воздухе, а Рон отчаянно пытался их стряхнуть.

– Тут кто-то невидимый! – Упивающийся Смертью в маске на миг отвлекся, и Дин, удачно воспользовавшись моментом, сразил его сногшибателем. Долохов хотел нанести ответный удар, но телобинт Парвати связал его по рукам и ногам.

– УХОДИМ! – завопил Гарри и вместе с Роном и Гермионой, плотнее закутавшись в плащ и пригнув голову, сквозь гущу дерущихся ринулся к мраморной лестнице в вестибюль, то и дело поскальзываясь на свирепенном соке.

– Я Драко Малфой, я Драко, я за вас! – на верхней площадке лестницы умолял Малфой Упивающегося Смертью в маске.

Гарри, пробегая мимо, сшиб Упивающегося Смертью. Малфой просиял и заозирался, ища своего спасителя, но Рон из-под плаща со всей силы треснул его кулаком. Из разбитой губы потекла кровь. Малфой в изумлении упал навзничь на Упивающегося Смертью.

– Второй раз за сегодня спасаем тебе жизнь, ублюдок двуличный, – бросил Рон.

На лестницах и в вестибюле шло сражение. Куда ни глянь, Упивающиеся Смертью: Гнусли у парадных дверей сошелся в поединке с Флитвиком, рядом Кингсли дрался с кем-то в маске. Школьники бегали взад-вперед; некоторые несли на себе или волокли раненых. Гарри, послав сногсшибательное заклятие в Упивающегося Смертью, едва не попал в Невилла, который выскочил неведь откуда, размахивая охапкой ядовитых щупалиц. Растение радостно бросилось на ближайшего Упивающегося Смертью и в секунду его запеленало.

Гарри, Рон и Гермиона помчались вниз по мраморной лестнице. Слева зазвенело стекло – прямо им под ноги из песочных часов «Слизерина», которые вели учет баллов колледжа, посыпались изумруды, и все вокруг зашптыкались и заскользили на бегу. Сверху с балкона полетели два тела; затем одно, серое – Гарри сначала принял его за зверя, – на четвереньках бросилось к другому, явно собираясь вцепиться зубами тому в горло.

– НЕТ! – взвизгнула Гермиона. С оглушительным взрывом из ее палочки вылетело заклятие, и Фенрира Уолка отбросило прочь от еле живой Лаванды Браун. Он ударился о перила мраморной лестницы и попытался встать, но тут, ярко полыхнув белым, ему на голову с треском свалился хрустальный шар. Уолк рухнул на пол и больше не двигался.

– У меня еще есть! – заверещала из-за перил профессор Трелони. – На всех хватит!.. Вот...

Она вытащила из сумки еще один огромный шар и, взмахнув палочкой, словно теннисной ракеткой, послала его через весь зал. Шар угодил в окно и разбил его вдребезги. В тот же миг тяжелые деревянные двери распахнулись, и в вестибюль со двора лавиной хлынула армия гигантских пауков.

Воздух взорвался криками ужаса: Упивающиеся Смертью и защитники «Хогварца» бросились врассыпную. В надвигающуюся массу чудовищ полетели красные и зеленые лучи. Пауки дрогнули и повставали на дыбы, отчего стали только страшнее.

– Как выйдем-то? – заорал Рон, перекрикивая гам. Ни Гарри, ни Гермиона ответить не успели; их отпихнул Огрид, который пронесся вниз, размахивая розовым зонтиком в цветочек.

– Не трогайте их... не убивайте! – вопил он.

– ОГРИД, НЕТ!

Гарри забыл всякую осторожность: он выскочил из-под плаща и побежал, согнувшись в три погибели и увертываясь от заклятий, вспышками освещавших вестибюль.

– ОГРИД, ВЕРНИСЬ!

Но он не одолел и полпути, когда увидел, что кишасщее паучье месиво погребло под собой Огрида и откатилось назад, уступив под бешеным напором заклятий.

– ОГРИД!

Кто-то громко звал Гарри по имени – друг? Враг? Наплевать! Гарри спрыгнул с крыльца и ринулся в темноту. Пауки уходили нерушимым монолитом и уносили свою добычу.

– ОГРИД!

Огромная рука вроде бы махнула из паучьей гущи, но тут путь Гарри преградила гигантская ступня – она внезапно опустилась из мрака, и земля содрогнулась. Гарри задрал голову: перед ним стоял двадцатифутовый великан. Голова его терялась где-то в ночи; в свете из открытых дверей замка виднелись только волосатые ноги, похожие на древесные стволы. Невероятный кулак великана точно и резко разбил окно наверху, и под градом осколков Гарри кинулся под покрытие дверного проема.

– Ой!.. – взвизгнула Гермиона. Она и Рон догнали Гарри и теперь стояли, уставившись на гиганта, который через окно пытался выудить из замка людей, бегавших по коридорам.

– НЕ НАДО! – закричал Рон и схватил Гермиону за руку, не давая ей поднять палочку. – Если ты его оглушишь, он тут все развалит...

– ОХЫТ?

Из-за угла приковылял Гурп – и впрямь не самый, как теперь понял Гарри, крупный гигант на свете. Первый гигант отвлекся от охоты на

людей, взревел и двинулся на меньшего собрата. Каменные ступени содрогались от его топота. Гурп открыл кривой рот, обнажив желтые зубы, каждый с полкирпича, и великаны свирепо, точно львы, кинулись друг на друга. Ночная тьма зазвенела от ударов и криков.

– БЕЖИМ! – заорал Гарри. Он схватил Гермиону за руку и потащил с крыльца, Рон следовал за ними. Гарри не терял надежды найти и спасти Огрида. Они бежали так быстро, что остановились лишь на полдороге к лесу.

Воздух вдруг заledenел; у Гарри перехватило дыхание. Вокруг за клубились черные тени, будто сотканые из загустевшего мрака. Огромной стаей они летели к замку; их лица были скрыты капюшонами, из-под которых доносилось хриплое дыхание...

Рон и Гермиона плотно придвинулись к Гарри, шум сражения позади внезапно стих, повисла густая зловещая тишина. Дементоры...

– Гарри, давай! – Голос Гермионы доносился откуда-то очень издалека. – Заступник, Гарри! Ну же!

Он поднял палочку, но едва мог пошевелиться от безысходности. Фред умер, Огрид погибает или уже погиб, сколько еще людей умерло сегодня? Да и его душа практически покинула тело...

– ГАРРИ! ДАВАЙ ЖЕ! – кричала Гермиона.

К ним гладко скользила сотня дементоров: отчаяние Гарри сулило им пиршество.

Серебристый терьер Рона выпрыгнул из палочки, слабо мигнул и погас; выдра Гермионы кувырнулась и растворилась в воздухе, а его собственная волшебная палочка мелко дрожала, и он почти радовался скорому забвению. Впереди ждала пустота, где нет ничего, никаких чувств...

И тогда мимо промчались серебристые заяц, вепрь и лисица. Дементоры попятились отступая.

Из темноты вышли трое и встали рядом, не опуская палочек: Луна, Эрни и Шеймас.

– Хорошо! – одобрительно произнесла Луна, будто на очередном занятии Д. А. в Кстати-комнате. – Вот так, Гарри... Вспомни счастливый момент...

– Счастливый момент? – повторил он, и голос его сорвался.

– Мы все еще живы, – прошептала она. – Еще боремся! Ну-ка давай...

Серебряная искра, дрожащий свет... Никогда Заступник не давался ему с таким трудом, но из кончика волшебной палочки все-таки вылетел олень. Он ринулся на дементоров, и тех разметало; они исчезли, снова стало тепло, снова загрохотал бой.

– Даже не знаю, как вас благодарить, – сказал Рон, поворачиваясь к Луне, Эрни и Шеймасу. – Вы нас спасли...

Земля затряслась, послышался оглушительный рев – еще один громадный гигант, размахивая дубиной больше человеческого роста, выскочил из черноты леса.

– БЕЖИМ! – снова крикнул Гарри. Ненужный призыв; всех как ветром сдуло, а через секунду огромная ножища опустилась туда, где они только что стояли.

Гарри оглянулся: Рон и Гермиона бежали за ним, остальные трое, очевидно, вернулись в замок – сражаться.

– Давайте-ка подальше от него! – крикнул Рон, когда гигант снова взмахнул дубиной и над «Хогварцем» разнесся рев. Тьму вокруг рассекали зеленые и красные вспышки.

– Дракучая ива, – сказал Гарри. – Скорей!

Мысли о Фреде, Огриде, страх за всех, кого он любит, в замке или где-то еще – все это подождет. Это надо замуровать глубоко в сознании и до поры до времени туда не заглядывать, потому что нужно спешить, нужно добраться до змеи, до Вольдеморта. Гермиона права, иначе с этим не покончить...

Он бежал и почти верил, что удастся обогнать самую смерть, и не замечал ни вспышек, ни озера, что шумело, словно море, ни деревьев Запретного леса, скрипевших, несмотря на безветрие, – сами земли замка будто встали на его защиту. Гарри в жизни еще так не бегал и первым увидел огромную Дракучую иву, которая размахивала кнутами ветвей, защищая секретный ход под корнями.

Гарри замедлил шаг и, еле переводя дыхание и держась подальше от ветвей, пошел вокруг ивы, отыскивая нарост на стволе, который обездвиживал дерево. Вскоре прибежали Рон и Гермиона. Гермиона так запыхалась, что не могла говорить.

– Как... как мы войдем? – задыхаясь, спросил Рон. – Вон... узел... нам бы... Косолапсуса...

– Косолапсуса? – прохрипела Гермиона, согнувшись и хватаясь за грудь. – *Ты колдун или кто?*

– И то верно... – Рон огляделся и направил волшебную палочку на прут, лежащий на земле: – Вингардиум Левиоза!

Прут взвился в воздух, словно его подхватило порывом ветра, пролетел сквозь грозно раскачивающиеся ветви и уткнулся прямо в ствол возле корней. Дерево замерло.

– Идеально! – выдохнула Гермиона.

– Погодите.

Прислушиваясь к грохоту боя, Гарри на долю секунды засомневался... Вольдеморту хочет, чтобы он пришел... Вдруг он приведет Рона и Гермиону в западню?

Но суровая реальность такова: чтобы победить, надо убить змею, а змея там, где Вольдеморту, – в конце тоннеля под деревом...

– Гарри, мы идем вместе, залезай! – И Рон подтолкнул его вперед.

Гарри втиснулся в земляной проход среди корней. Здесь оказалось теснее, чем в прошлый раз. Четыре года назад они всего лишь сгибались пополам, но теперь приходилось ползти на четвереньках. Гарри пополз первым, освещая дорогу палочкой, готовый к любым препятствиям, но препятствий не встретилось. Все двигались молча, Гарри не отрывал взгляда от колеблющегося луча палочки. Наконец тоннель пошел вверх, и впереди показалась полоска света. Гермиона дернула Гарри за ногу.

– Плащ! – шепнула она. – Плащ надень!

Гарри протянул руку за спину, и Гермиона вложила в нее шелковистый сверток. Гарри с трудом набросил плащ, пробормотал: «Нокс», погасив свет, а затем, стараясь не издавать ни звука, пополз дальше. Все его чувства были обострены. В любой момент его могли обнаружить; он готовился услышать холодный ясный голос, увидеть зеленую вспышку...

Скоро из комнаты впереди послышались голоса, которые почти не приглушал старый деревянный ящик, загородивший выход из тоннеля. Гарри, еле осмеливаясь дышать, продвинулся ближе и заглянул в узкую щель между ящиком и стеной. В тускло освещенной комнате он увидел Нагини: та свернулась кольцами в своей заколдованной звездной сфере, парившей между полом и потолком. Внезапно заговорил Злей, и сердце Гарри екнуло: они находились всего в паре дюймов друг от друга.

– ...Милорд, их сопротивление слабеет...

– Причем без твоей помощи, – отозвался Вольдеморту пронзительно и четко. – Ты опытный колдун, Злотеус, но теперь едва ли что-то зависит от тебя... Мы почти у цели... Почти.

– Позвольте разыскать мальчишку. Привести к вам Поттера. Я обязательно его найду, милорд. Позвольте.

Злей прошел мимо щели, и Гарри слегка отпрянул, не сводя глаз с Нагини и пытаясь вспомнить какое-нибудь заклятие, способное разрушить ее защиту. Ничего не придумывалось. А рисковать нельзя: одна неудачная попытка – и он себя выдаст.

Вольдеморту встал. Гарри теперь видел его: красные глаза, приплюснутое змеиное лицо, бледное, почти светящееся в сумраке.

– Есть одна загвоздка, Злотеус, – тихо произнес Вольдеморту.

– Какая, милорд? – спросил Злей.

Вольдеморту поднял бузинную палочку, изящно и точно, как дирижер.

– Почему она не слушается меня, Злотеус?

Гарри показалось, что змея зашипела, свивая кольца, – или это свистяще вздохнул Вольдеморту?

– Милорд? – опешил Злей. – Я не понимаю. Этой палочкой вы творили невероятные чудеса.

– Нет, – сказал Вольдеморту. – Самые что ни на есть обычные. Я – невероятный чародей, но эта палочка... нет. Она не оправдала моих ожиданий. Я не чувствую различия между нею и моей палочкой, купленной много лет назад у Олливандера.

Вольдеморту говорил раздумчиво и спокойно, однако шрам Гарри запульсировал: боль обострялась, и он чувствовал, что Вольдеморту еле сдерживает возрастающую ярость.

– Никакого различия, – повторил Вольдеморту.

Злей молчал. Гарри не видел его лица и не понимал, почуял ли тот опасность, подыскивает ли нужные слова, чтобы успокоить своего господина.

Вольдеморту кругами заходил по комнате: на несколько секунд Гарри потерял его из виду и слышал только размеренный голос, а боль и чужой гнев внутри нарастали с каждой секундой.

– Я много и долго думал, Злотеус... Знаешь, почему я отозвал тебя с поля боя?

На мгновение показался профиль Злея. Его глаза неотрывно смотрели на змею в заколдованной клетке.

– Нет, милорд, но я прошу разрешения вернуться. Позвольте мне найти Поттера.

– Ты говоришь как Люциус. Никто из вас не понимает Поттера, как я. Его не надо искать. Он придет сам. Я знаю его слабое место, его главный недостаток. Он не терпит, чтобы кто-то погибал из-за него. Он захочет остановить это любой ценой. Он придет.

– Но, милорд, его может случайно убить кто-нибудь другой, не вы...

– Я приказал Упивающимся Смертью совершенно четко. Схватить Поттера. Убить его друзей... чем больше, тем лучше... но его самого – не трогать. Впрочем, я желаю говорить о тебе, Злотеус. Ты был мне очень полезен. Очень.

– Господин знает, что я жажду лишь служить ему верой и правдой. Но... позвольте найти мальчишку, милорд! Позвольте привести его к вам. Я уверен, что мне удастся...

– Я же сказал, нет! – Гарри разглядел блеск красных глаз; различил змеиное шуршание плаща. Раздражение Вольдеморта жгло шрам. – В данный момент, Злотеус, меня больше волнует, что произойдет, когда я наконец встречу с мальчишкой!

– Но, милорд, какие сомнения...

– ...сомнения *есть*, Злотеус. Есть.

Гарри отчетливо увидел его снова – Вольдеморт остановился и воззрился на Злея, вертя бузину палочку в длинных пальцах.

– Почему обе палочки подвели меня в поединке с Поттером?

– Я... не знаю ответа на этот вопрос, милорд.

– Не знаешь?

Его ярость шипами пронзала голову Гарри. Он прикусил кулак, чтобы не закричать от боли, закрыл глаза – и внезапно стал Вольдемортом и глядел в бледное лицо Злея.

– Моя тисовая палочка исполняла все, что я просил, Злотеус, но отказалась убить Гарри Поттера. Дважды. Олливандер под пыткой рассказал мне о сердцевинах-близнецах и посоветовал воспользоваться чужой палочкой. Я так и сделал, но палочка Люциуса при столкновении с палочкой Поттера попросту разлетелась на куски.

– У меня... нет объяснения, милорд.

Злей смотрел не на Волдеморта. Его темные глаза были по-прежнему прикованы к змее.

– Я нашел третью палочку, Злотеус. Бузинную палочку, палочку Судьбы, Смертный жезл. Я отобрал ее у предыдущего владельца. Я взял ее из могилы Альбуса Думбльдора.

При этих словах Злей перевел взгляд на Волдеморта. Лицо Злея напоминало посмертную маску; когда он заговорил, стало жутко – эта мраморно-белая неподвижность, этот пустой взгляд не могли принадлежать живому человеку.

– Милорд... отпустите меня разыскать мальчишку...

– Всю эту долгую ночь, на пороге победы, я сидел здесь, – невозмутимо продолжал Волдеморт почти шепотом, – и гадал, почему бузинная палочка не становится тем, чем, согласно легенде, должна стать в руках законного владельца... и я думаю, что нашел ответ.

Злей молчал.

– Может, и ты уже знаешь? Ты ведь умный, Злотеус. Ты был хорошим, преданным слугой, и я сожалею о том, что вынужден сделать.

– Милорд...

– Бузинная палочка не может служить мне как должно, Злотеус, потому что не я ее истинный хозяин. Бузинная палочка принадлежит тому, кто убил ее последнего владельца. Альбуса Думбльдора убил ты. Пока ты жив, Злотеус, бузинная палочка не может стать моей.

– Милорд! – Злей протестующе поднял свою волшебную палочку.

– Это единственный выход, – продолжал Волдеморт. – Я должен ее подчинить. Если она станет моей, я наконец расправлюсь с Поттером.

И Волдеморт бузинной палочкой рассек воздух. Со Злеем ничего не случилось, и ему, вероятно, на долю секунды почудилось, будто он помилован, но тут намерения Волдеморта прояснились. Змеиная клетка прокатилась по воздуху, и Злей только вскрикнул, когда она охватила его голову и плечи. Волдеморт приказал на серпентарго:

– *Убей.*

Раздался душераздирающий крик. Клыки змеи вонзились в шею Злея. Гарри видел, как побелело его лицо, как распахнулись черные глаза. Злей не мог стряхнуть заколдованную клетку; колени его подогнулись, и он рухнул на пол.

– Я сожалею, – холодно произнес Вольдеморт и отвернулся; в его лице не было ни печали, ни раскаяния. Пора выбираться из этой лачуги и действовать, теперь бузинная палочка исполнит любой приказ. Он направил ее на сверкающую клетку с Нагини, и та взлетела. Злей лежал на боку, из ран на шее струилась кровь. Не оглядываясь, Вольдеморт стремительно вышел из комнаты; змея в огромной защитной сфере поплыла вслед за ним.

Вернувшись в тоннель и в собственное сознание, Гарри открыл глаза. Костяшки, которые он кусал, чтобы не закричать, кровоточили. В узкой щели между ящиком и стеной теперь виднелась лишь мелко подрагивающая нога в черном ботинке.

– Гарри! – еле слышно выдохнула Гермиона, но он уже направил палочку на ящик, заслонявший проход. Ящик на дюйм поднялся над полом и бесшумно отодвинулся в сторону. Как можно тише Гарри пролез в комнату.

Он не знал, зачем это делает, зачем идет к умирающему, не понимал, что чувствует, глядя на белое лицо Злея, на его пальцы, тщетно зажимавшие раны на шее. Гарри скинул плащ-невидимку и посмотрел вниз, на человека, которого ненавидел. Распахнутые черные глаза нашли Гарри, Злей попытался что-то сказать. Гарри склонился над ним, тот схватил его за мантию, притянул к себе.

Из горла вырывался страшный булькающий хрип:

– Возьми... возьми...

Он истекал не только кровью. Из рта, ушей, глаз сочилось нечто серебристо-голубое, не газ и не жидкость. Гарри знал, что это, но не понимал, что делать...

Гермиона сунула ему в трясущуюся руку флакон, возникший прямо из воздуха. Гарри принялся палочкой направлять туда мерцающую голубоватую субстанцию. Когда флакон наполнился до краев, из Злея словно вытекла вся кровь. Его хватка ослабла.

– Посмотри... на... меня... – прошептал он.

Зеленые глаза встретились с черными, но через секунду в глубине черных глаз что-то погасло; они застыли, опустели. Рука, цеплявшаяся за Гарри, упала на пол, и Злей больше не двигался.

Глава тридцать третья

История Принца

Гарри еще стоял на коленях около Злея, еще смотрел на него, когда рядом внезапно зазвучал пронзительный холодный голос. От неожиданности Гарри вскочил, крепко сжимая склянку. Он решил, что Вольдемо́рт вернулся в комнату.

Но голос гулко отражался от стен, от пола, и Гарри понял: Вольдемо́рт говорит со всем «Хогварцем» и его окрестностями, с жителями Хогсмеда и с теми, кто продолжает драться, и они слышат его так, будто он – сама смерть, занесшая руку для удара, – стоит у них за спиной.

– Вы сражались, – говорил резкий холодный голос, – как герои. Лорд Вольдемо́рт ценит храбрость. Однако вы понесли большие потери. Продолжая сопротивляться, вы умрете, все без исключения, один за другим. Я этого не хочу. Каждая пролитая капля колдовской крови – ужасная и бессмысленная потеря. Лорд Вольдемо́рт милостив. Я приказываю своим войскам отступить немедленно. У вас есть один час. Прощайтесь достойно с убитыми. Позаботьтесь о раненых. А теперь, Гарри Поттер, я обращаюсь к тебе. Вместо того чтобы встретиться со мной лицом к лицу, ты позволил друзьям умирать за тебя. Я буду час ждать тебя в Запретном лесу. Если по истечении часа ты не придешь, битва продолжится. И тогда я буду сражаться сам, я найду тебя и жестоко покараю каждого, кто попытается тебя спрятать. Пощады не будет ни мужчинам, ни женщинам, ни детям. У тебя один час.

Рон и Гермиона, уставившись на Гарри, яростно замотали головами.

– Не слушай, – сказал Рон.

– Все будет нормально, – в отчаянии произнесла Гермиона. – Давайте... вернемся в замок. Если он правда ушел в лес, придумаем что-то новое...

Она глянула на тело Злея и торопливо скрылась в тоннеле. Рон последовал за ней. Гарри поднял с пола плащ-невидимку, затем тоже посмотрел на Злея. Он не знал, что чувствовать, но до сих пор не мог прийти в себя оттого, как и почему Злея убили...

Они молчали, пока ползли назад по тоннелю, но Гарри размышлял, слышат ли Рон и Гермиона голос Вольдеморта, который по-прежнему раздавался в голове у него.

Вместо того, чтобы встретиться со мной лицом к лицу, ты позволил друзьям умирать за тебя. Я буду час ждать тебя в Запретном лесу... У тебя один час...

Лужайку перед замком как будто завалило свернутыми ковриками. До рассвета какой-то час, но светлее не становилось. Втроем они поспешили к каменному крыльцу. Огромный, с небольшую рыбацкую лодку, башмак валялся неподалеку, но не видно ни Гурпа, ни того, с кем он дрался.

В замке стояла неестественная тишина. Ни вспышек, ни шума, ни криков. Плиточный пол опустевшего вестибюля залит кровью. Повсюду изумруды вперемежку с кусками мрамора и обломками дерева. Часть перил оторвало взрывом.

– Где все? – прошептала Гермиона.

Рон первым шагнул в Большой зал. Гарри остановился в дверях.

Столбы убрали, и зал был набит битком. Выжившие стояли группками, обнимая друг друга. На возвышении мадам Помфри и несколько добровольцев оказывали помощь раненым. Среди пострадавших был Фиренце: из раны в его боку лилась кровь, и он трясся как в лихорадке, не в силах подняться.

Мертвые лежали в ряд посреди зала. Тела Фреда не было видно – вокруг столпились родные. Джордж стоял на коленях у головы брата; миссис Уизли, пав Фреду на грудь, вздрагивала от рыданий. Мистер Уизли гладил ее по волосам, и по его щекам ручьями стекали слезы.

Ни слова не сказав, Рон и Гермиона направились туда. Гермиона обняла Джинни, чье лицо, все в красных пятнах, распухло от слез. Рон приблизился к Биллу, Флёр и Перси; те его обняли. Джинни и Гермиона подошли к остальным, и Гарри увидел рядом с Фредом еще два тела. Рем и Бомс лежали неподвижно, бледные и умиротворенные, будто спали под темным зачарованным потолком.

Пол Большого зала ушел из-под ног, пространство сжималось, и Гарри попятился назад в вестибюль. Он не мог дышать. Не мог видеть другие тела, зная, кто еще погиб за него. Не мог подойти к Уизли и посмотреть им в глаза: если бы он сразу сдался Вольдеморту, Фред вообще остался бы жив...

Гарри развернулся и побежал вверх по мраморной лестнице. Люпин, Бомс... Он не хотел ничего чувствовать... Хотел вырвать себе сердце, внутренности, все, что сейчас кричало от невыносимой боли...

Замок был абсолютно пуст; видимо, даже призраки присоединились к скорбящим. Гарри бежал не останавливаясь, сжимая хрустальный флакон с последними мыслями Злея, пока не очутился у каменной горгульи, охранявшей кабинет директора.

– Пароль?

– Думбльдор! – не задумываясь выкрикнул Гарри, просто потому, что именно Думбльдора очень хотел бы сейчас видеть, и, к его удивлению, каменная горгулья отпрыгнула, явив проход на винтовую лестницу.

Но в круглом кабинете Гарри обнаружил перемены: все портреты бывших директоров и директрис опустели. Видимо, разбежались по картинам замка посмотреть, что происходит.

Гарри безнадежно взглянул на портрет, брошенный Думбльдором, прямо над директорским креслом, и отвернулся. Каменный дубльдум, широкая чаша с руническими символами по краю, стоял где обычно. Гарри перенес его на стол и вылил воспоминания Злея. Сбежать в чужое сознание – какое наслаждение... Никакие мысли Злея не могут быть хуже его собственных. Воспоминания серебристо переливались, и Гарри в каком-то безрассудном отчаянии, лишь бы скорее получить облегчение, нырнул.

Он долго падал в омут солнечного света и наконец ощутил под ногами теплую землю. Выпрямился, огляделся. Он был на почти пустой игровой площадке. Вдалеке на фоне неба чернела громадная труба. Две девочки качались на качелях, а из-за кустов за ними наблюдал худенький мальчик с чересчур длинными черными волосами, в одежде настолько разномастной, будто он нарядился так нарочно: слишком короткие джинсы, большая мешковатая куртка явно со взрослого плеча, странная рубашка, похожая на женское платье.

Гарри подошел к мальчику ближе. Злею было лет девять или десять. Блезненный, маленький, тощий, он с нескрываемой алчностью смотрел на младшую девочку, которая раскачивалась все выше и выше, дразня старшую сестру.

– Лили, перестань! – взвизгнула та.

Но в самой высокой точке младшая девочка отпустила качели и полетела, буквально полетела, громко хохоча, и не упала, а воспарила, будто гимнастка на трапеции, и, провисев в воздухе слишком долго, слишком мягко приземлилась на асфальт.

– Мама сказала так не делать!

Петуния остановила качели, скрипуче затормозив подошвами сандалий, прыгнула и подбоченилась.

– Мама тебе запретила, Лили!

– Но ведь ничего не случилось, – ответила Лили, еще смеясь. – Туни, смотри! Смотри, что я умею!

Петуния огляделась. На площадке никого не было, кроме них и Злея, но о нем девочки не знали. Лили подобрала цветок, валявшийся под кустами, за которыми притаился Злей. Петуния приблизилась, снедаемая любопытством и крайним неодобрением. Лили подождала, пока Петуния подойдет близко, и разжала ладонь. Лепестки цветка начали раскрываться и закрываться сами собой, словно щупальца невиданного моллюска.

– Прекрати! – взвизгнула Петуния.

– Он же тебя не съест, – проговорила Лили, однако сжала цветок в кулак, а потом бросила на землю.

– Это неправильно. – Но Петуния следила, как падает цветок, и не сразу отвела от него глаза. – Как ты это делаешь? – спросила она, и в голосе явственно прозвучала зависть.

– Но это же ясно! – Злей, не в силах больше прятаться, выскочил из-за кустов. Петуния вскрикнула и отбежала к качелям, а Лили, хоть и испугалась, осталась на месте. Злей, похоже, пожалел о своей импульсивности. Он смотрел на Лили, и его щеки заливались краской.

– Что ясно? – спросила она.

Злей нервно вздохнул. Кинув взгляд на Петунию, спрятавшуюся за качелями, он понизил голос и сказал:

– Я знаю, кто ты.

– И кто?

– Ты... ведьма, – прошептал Злей.

Лили обиделась:

– Некрасиво так обзывать! – И она, задрав нос, развернулась и пошла к сестре.

– А вот и нет! – сказал Злей. Он сильно покраснелся, и Гарри удивился, почему он не снимет свою огромную куртку. Разве чтобы не показывать платью под ней.

Злей подбежал к девочкам; куртка развевалась, и в ней он напоминал летучую мышь – и себя взрослого. Сестры в единодушной неприязни смотрели на него, держась за качели, будто играли в салки и теперь спрятались в домике.

– Но ты, – обратился Злей к Лили, – *правда* ведьма. Я за тобой наблюдал. В этом нет ничего стыдного. Моя мама ведьма, а я – колдун.

Смех Петунии пролился как ушат холодной воды.

– Колдун! – выкрикнула Петуния. Она уже не боялась выпрыгнувшего неизвестно откуда мальчишки. – Да знаю я, *кто* ты. Ты – сын Злеев! Они живут в Ткацком тупике у реки, – объяснила она Лили. По ее тону было ясно, что сама эта улица – уже дурная рекомендация. – Ты зачем за нами шпионишь?

– Я не шпионил. – Злей очень разволновался и покраснелся, сальные волосы блестели на солнце. – Уж не за *тобой*, – язвительно добавил он, – ты-то *муглянка*.

Слова Петуния не поняла, но догадалась, что это плохо.

– Лили, мы уходим, – повысив голос, приказала она.

Лили мгновенно послушалась и, окатив Злея презрением, направилась за сестрой. Он смотрел на них, пока они не скрылись за воротами площадки. Гарри, оставшись с ним один на один, заметил его горькое разочарование и понял, что Злей очень долго готовился к встрече, но все пошло наперекосяк...

Сцена словно рассыпалась, и, не успев Гарри и глазом моргнуть, декорации сменились. Он перенесся в небольшую рощицу. Меж деревьев, искрясь на ярком солнце, текла речка. На берегу в прохладной зеленой тени ветвей сидели двое детей, скрестив ноги, лицом друг к другу. На Злее не было огромной куртки, а странная рубашка в полумраке выглядела не такой уж и странной.

– ...и министерство накажет, если колдовать вне школы. Они присылают уведомление.

– Но ведь я уже колдовала!

– Нам можно. У нас еще нет волшебных палочек. Детей не наказывают, потому что мы не умеем это контролировать. Но когда тебе исполняется одиннадцать, – он покивал со значением, – и ты поступаешь учиться, тогда уже надо осторожнее.

Они замолчали. Лили подобрала упавшую ветку и покрутила ею в воздухе. Гарри знал: она представляет, что от ветки разлетаются искорки. Лили бросила ветку, наклонилась к мальчику и спросила:

– А это *правда*? Ты не шутишь? Петуния говорит, ты все врешь и нет никакого «Хогварца». Но он же *есть*, да?

– Для нас – есть, – сказал Злей. – А для нее нет. Письма получим мы. Я и ты.

– Точно? – прошептала Лили.

– Непременно, – кивнул Злей. И, несмотря на ужасную стрижку и безумный наряд, выглядел он до странности внушительно, растянувшись перед ней вот так, полный уверенности в своем предназначении.

– А письмо приносит сова? – шепотом спросила Лили.

– Обычно – да, – сказал Злей. – Но ты муглорожденная, поэтому кто-то из школы придет все объяснить твоим родителям.

– А есть разница, муглорожденный ты или нет?

Злей замялся. Его черные глаза в зеленоватом полумраке жадно скользнули по бледному личику и темно-рыжим волосам.

– Нет, – ответил он наконец. – Нет никакой разницы.

– Отлично, – облегченно вздохнула Лили; было ясно, что ее это всерьез волновало.

– Ты настоящая ведьма, – заверил Злей. – Я видел. Я все время за тобой наблюдал...

Его голос стих. Лили не слушала – она растянулась на палой листве и любовалась зеленым пологом над головой. Злей смотрел на нее алчно, как тогда, на игровой площадке.

– Как дома? – спросила Лили.

Он немного насупил брови.

– Нормально.

– Они больше не ссорятся?

– Конечно, ссорятся. – Злей подобрал какие-то листики и принялся рвать их на мелкие кусочки, явно не сознавая, что делает. – Но ничего,

еще чуть-чуть, и я уеду.

– Твоему отцу не нравится колдовство?

– Ему, по-моему, вообще ничего не нравится, – ответил Злей.

– Злотеус?

Он слегка улыбнулся, когда она произнесла его имя.

– Да?

– Расскажи еще про дементоров.

– Зачем тебе?

– Ну, если я наколдую что-нибудь не в школе...

– Из-за этого к дементорам не пошлют! Они для настоящих преступников. Дементоры охраняют колдовскую тюрьму – Азкабан. А тебя в Азкабан не отправят, ты слишком...

Он опять покраснел и порвал еще пару листочков. Раздался шелест, и Гарри обернулся: Петуния, прячась за деревом, оступилась.

– Туни! – удивленно и радостно воскликнула Лили, но Злей вскочил на ноги.

– И кто теперь шпионит?! – выкрикнул он. – Что нужно?

Петуния, застигнутая врасплох, молчала, но Гарри видел: она старается придумать что-нибудь пообиднее.

– А что это ты напаялил? – издевательски спросила она. – Мамулину кофточку?

Раздался треск. Ветка над головой Петунии обломилась и упала. Лили закричала. Ветка ударила Петунию по плечу, та шарахнулась и заплакала.

– Туни!

Но Петуния уже убегала. Лили обернулась к Злею:

– Это ты?

– Нет. – Он ответил с вызовом, но вид у него был испуганный.

– Это ты! – Лили отшатнулась. – *Ты!* Нарочно!

– Нет, нет, не я!

Его ложь не убедила Лили. Она испепелила его взглядом и побежала за сестрой. Злей остался стоять, несчастный и сконфуженный...

Смена декораций. Гарри огляделся: платформа девять и три четверти. Злей стоял неподалеку, слегка сутулясь, рядом с худой, угрюмой, болезненной женщиной, похожей на него как две капли

воды. Злей смотрел на семью чуть поодаль. Две девочки отошли от родителей; кажется, Лили уговаривала сестру. Гарри подошел ближе.

– Туни, Туни, прости меня! Послушай! – Лили схватила сестру за руку и крепко сжала, хотя Петуния вырывалась изо всех сил. – Как только я туда приеду – нет, послушай! – я сразу пойду к профессору Думбльдору, попрошу, чтобы он передумал!

– Да – не хочу – я – туда! – воскликнула Петуния и опять дернула рукой. – Очень мне надо жить в каком-то дурацком замке и учиться всякой...

Ее бледные глаза скользнули по платформе: коты мяукали на руках хозяев, совы махали крыльями и, ухая, переговаривались из клеток, школьники, кое-кто уже в длинных черных мантиях, грузили сундуки в поезд и весело вопили, приветствуя друг друга после долгого лета.

– ...думаешь, я сплю и вижу стать... чокнутой?

Петунии удалось вырвать руку. У Лили на глаза навернулись слезы.

– Я не чокнутая, – сказала она. – Зачем ты так? Это ужасно.

– Вот туда ты и едешь, – с наслаждением бросила Петуния. – В интернат для психов. Ты и твой Злей... чокнутые, вот вы кто. Это правильно, что вас изолируют от нормальных людей. Для нашей же безопасности.

Лили глянула на родителей – те озирались, от души наслаждаясь зрелищем, – и вновь обратилась к сестре, тихо и зло:

– Ты не считала, что моя школа – интернат для чокнутых, когда писала директору и умоляла тебя принять.

Петуния побагровела:

– Умоляла? Ничего я не умоляла!

– Я видела ответ. Он был очень любезен.

– Зачем ты читала... – прошептала Петуния. – Это личное... Как ты посмела?..

Лили выдала себя: ее взгляд метнулся к Злею. Петуния удивленно раскрыла рот:

– Так он его нашел! Вы рылись у меня в комнате?

– Нет... мы не рылись... – Теперь пришлось защищаться Лили. – Злотеус увидел конверт и удивился, что из «Хогварца» написали муглянке, вот и все! Он сказал, что, видно, на почте работает колдун, который...

– Эти ваши колдуны вообще суют носы куда не надо! – выпалила Петуния, побледнев так же быстро, как до этого покраснела. – *Чокнутая!* – И она убежала к родителям...

Затемнение; новая сцена. «Хогварц-экспресс» выехал за город. Злей бежал по вагонам. Он уже переоделся в школьную мантию – наверняка радовался, что можно избавиться от ненавистной мугловой одежды. Наконец он остановился у купе, где громко разговаривали два мальчика, а у окна, прижавшись лицом к оконному стеклу, притулилась Лили. Злей скользнул внутрь и сел напротив нее. Лили глянула на него и опять отвернулась к окну. Она плакала.

– Не хочу с тобой разговаривать, – гнусаво сказала она.

– Почему?

– Туни меня н-ненавидит. За то, что мы видели письмо Думбльдора.

– И что?

Она посмотрела на него с заметной неприязнью:

– А то, что она – моя сестра!

– Она же просто... – Злей осекся.

Лили, пытаясь незаметно вытереть слезы, его не слушала.

– Но мы ведь едем! – воскликнул он, не в силах скрыть восторга. – Наконец-то! Мы едем в «Хогварц»!

Она кивнула, вытирая глаза, и неожиданно для себя чуть улыбнулась.

– Хорошо бы ты попала в «Слизерин», – проговорил Злей, ободрившись оттого, что она повеселела.

– В «Слизерин»?

Мальчики в купе до сих пор не обращали на Лили и Злея внимания, но сейчас один обернулся – и Гарри, чье внимание было приковано к двоим у окна, узнал своего отца. Худой и темноволосый, как Злей, но как-то очень явно ребенок любимый и даже балованный – чего Злею кричаще не доставало.

– Кому охота там учиться? Я бы сразу ушел, а ты? – спросил Джеймс у мальчика напротив, и Гарри вздрогнул, узнав Сириуса. Тот не улыбался.

– Вся моя семья училась в «Слизерине», – процедил он.

– Да иди ты, – удивился Джеймс, – а я думал, ты нормальный!

Сириус ухмыльнулся:

– Может, я нарушу традицию. А ты бы куда хотел, если выбирать?
Джеймс воздел над головой невидимый меч:

– Мне *в «Гриффиндор» дорога – по ней храбрые идут!* Как мой отец.

Злей тихо, пренебрежительно хмыкнул. Джеймс повернулся к нему:

– Что-то не устраивает?

– Да нет, – пожал плечами Злей, хотя еле заметная ухмылка говорила другое. – Сила есть, ума не надо.

– А ты-то сам куда пойдешь, раз у тебя ни того ни другого? – вмешался Сириус.

Джеймс расхохотался. Лили села прямо. Ее лицо покраснелось, и она гневно посмотрела на Джеймса и Сириуса:

– Пойдем, Злотеус, найдем другое купе!

– О-о-о-о-о-о...

Джеймс и Сириус передразнили ее надменный тон. Джеймс попытался подставить Злею ножку.

– Увидимся, Соплеус! – послышался голос, когда дверь купе закрывалась...

Декорации сменились еще раз...

Гарри стоял прямо позади Злея, лицом к столам колледжей, и в воздухе плавали свечи. Профессор Макгонаголл вызвала:

– Эванс, Лили!

Гарри смотрел, как его мама вышла на дрожащих ногах и села на шаткий табурет. Профессор Макгонаголл опустила ей на голову Шляпу-Распределницу, и та, едва коснувшись рыжей копны волос, прокричала:

– «Гриффиндор»!

Злей едва слышно застонал. Лили сняла шляпу, отдала ее Макгонаголл и поспешила к ликующим гриффиндорцам, но по пути оглянулась и грустно улыбнулась Злею. Гарри увидел, что Сириус подвинулся и освободил Лили место. Она посмотрела на него, и, похоже, узнала: скрестила руки на груди и решительно отвернулась.

Распределение продолжалось. Гарри наблюдал, как его отец, Люпин и Петтигрю присоединились к Лили и Сириусу за гриффиндорским столом. Наконец, когда остался всего десяток нераспределенных детей, профессор Макгонаголл вызвала Злея.

Гарри вместе с ним прошел к табурету и посмотрел, как Злей надевает Шляпу-Распределницу.

– «Слизерин»! – прокричала она.

И Злотеус Злей отправился через весь зал, прочь от Лили. Там его приветствовали слизеринцы, и Люциус Малfoy с блестящим значком старосты на груди похлопал Злея по спине, когда тот сел рядом...

И опять смена декораций...

Лили и Злей шли по двору замка, о чем-то споря. Гарри ускорил шаг, чтобы догнать и послушать, и, лишь настигнув их, понял, как сильно они выросли. Похоже, с Распределения прошло несколько лет.

– ...Я думал, мы друзья, – говорил Злей. – Лучшие друзья?

– Да, друзья, но мне не нравится кое-кто из тех, с кем ты общаешься! Прости, но Эйвери и Мультцибера я просто не выношу! *Мультцибер!* Что ты в нем нашел? Он жуткий! Ты слышал, что он на днях пытался сделать с Мэри Макдональд?

Лили остановилась и прислонилась к колонне, глядя в худое землистое лицо.

– Ничего особенного, – сказал Злей. – Просто шутка, и все...

– Черная магия! Это, по-твоему, смешно?..

– А Поттер с дружками лучше? – парировал Злей. На его щеках выступил румянец – казалось, он не в силах сдерживать негодование.

– При чем тут Поттер? – спросила Лили.

– Они шастают где-то по ночам. Что-то странное с этим Люпином. Куда он пропадает?

– Он болен, – сказала Лили. – Говорят, у него приступы...

– Каждый месяц в полнолуние? – осведомился Злей.

– Я в курсе твоей теории, – отрезала Лили. – Но почему они-то тебя так волнуют? Какое тебе дело, что они делают ночью?

– Я просто пытаюсь открыть тебе глаза. Они вовсе не такие распрекрасные, как все думают.

Под его пристальным взглядом она покраснела.

– Но они не занимаются черной магией. – Лили понизила голос: – А ты – неблагодарный! Я слышала, что случилось, когда ты ночью полез через тоннель к Шумному Шалману, а Джеймс Поттер спас тебя от того, что там было внутри...

Лицо Злея перекошилось.

– Спас? Спас? – заклокотал он. – Думаешь, он герой? Он свою шкуру спасал, свою и своих друзей! Ты не... Я тебе не позволю...

– *Не позволишь? Мне?*

Блестящие зеленые глаза Лили превратились в узкие щелочки. Злей опомнился.

– Прости, я не имел в виду... Но я не хочу, чтоб тебя дурили... Ты ему нравишься! Джеймсу Поттеру ты нравишься! – Эти слова вырвались как будто против его воли. – А он не... все думают... великий герой квидиша... – От горечи и неприязни Злей наконец потерял дар речи. Брови Лили поднимались выше и выше.

– Я знаю, что Джеймс Поттер – самодовольный осел, – перебила она. – Это мне не нужно объяснять. Но шуточки Мульцибера и Эйвери очень злые. Просто-напросто *злые*. И я не понимаю, как ты можешь дружить с этими людьми.

Гарри сомневался, что Злей услышал ее попреки Мульциберу и Эйвери. Стоило ей плохо отозваться о Джеймсе Поттере, Злей выдохнул с облегчением, и, когда они пошли дальше, походка его бодро пружинила...

И опять смена декораций...

После экзамена на С.О.В.У. по защите от сил зла Злей вышел из Большого зала и нечаянно свернул к озеру, где на берегу под деревом сидели Джеймс, Сириус, Люпин и Петтигрю. Но Гарри туда не пошел. Он знал, что случилось, когда Джеймс подвесил Злотеуса в воздухе и издевался над ним, знал, что было сказано и сделано, и ему вовсе не улыбалось наблюдать за этим снова... Он видел, как подошла Лили и встала на защиту Злея, слышал издали, как Злей, вне себя от унижения и ярости, обозвал ее непростительным словом «мугродье».

Смена декораций...

– Прости меня.

– Мне все равно.

– Прости!

– Не трать слова.

Была ночь. Лили в халате, скрестив руки на груди, стояла перед портретом Толстой Тети у входа в гриффиндорскую башню.

– Я вышла только потому, что Мэри сказала, ты грозишься здесь заночевать.

– Да. Я и собирался. Я не хотел называть тебя мугродьем, это просто...

– С языка слетело? – В голосе Лили не было сочувствия. – Слишком поздно. Я тебя оправдывала много лет. Никто из моих друзей не понимает, почему я с тобой до сих пор разговариваю. Ты и твои драгоценные товарищи, Упивающиеся Смертью... видишь, ты даже не отрицаешь! Не отрицаешь, кем вы все мечтаете стать! Ждешь не дожدهшься примкнуть к Сам-Знаешь-Кому?

Он открыл рот – и закрыл, так и не ответив.

– Я больше не могу притворяться. Ты выбрал свой путь, я – свой.

– Ерунда... Послушай, я не хотел...

– ...называть меня мугродьем? Но таких, как я, ты именно так и называешь, Злотеус. Чем я лучше других?

Он изо всех сил пытался что-то сказать, но Лили, презрительно глянув, развернулась и скрылась за портретом...

Коридор растаял, но следующая сцена возникла не сразу: Гарри словно летел через разноцветные обрывки воспоминаний, а когда они отвердели, очутился на одинокой вершине холма в ледяной темноте; ветер свистел, пригибая голые ветви деревьев. Взрослый Злей, тяжело дыша, крутился на месте и крепко сжимал в руках волшебную палочку, ждал кого-то или чего-то... Его страх передался Гарри, и тот, даже зная, что ему ничего не грозит, обернулся, гадая, кого поджидает Злей...

Затем ослепительная белая вспышка пронзила тьму. Молния, подумал Гарри, однако Злей упал на колени, и палочка вылетела из его руки.

– Не убивайте меня!

– Даже не собирался.

Ветви так шумели под ветром, что не было слышно, как аппарировал Думбльдор. Он стоял перед Злеем, и мантия его развевалась, а лицо подсвечивала волшебная палочка.

– Итак, Злотеус? Что желает мне передать лорд Вольдеморт?

– Ничего. Я пришел по своей воле!

Злей отчаянно заломил руки. Его черные волосы вздымались на ветру, отчего он смахивал на безумца.

– Я... пришел предупредить... нет, просить... пожалуйста...

Думбльдор взмахнул палочкой. Деревья по-прежнему гнулись к земле, но на вершине холма воцарилась тишина.

– О чем может просить меня Упивающийся Смертью?

– Пророчество... предсказание... Трелони...

– Вот как, – сказал Думбльдор. – Что ты передал лорду Вольдеморту?

– Все... все, что слышал! – ответил Злей. – И поэтому... по этой причине... он думает, что речь о Лили Эванс!

– В пророчестве не упоминалась женщина, – возразил Думбльдор. – Там говорилось о мальчике, рожденном в конце июля...

– Вы меня поняли! Он думает, что речь о ее сыне! Он будет охотиться за ними... и убьет их всех...

– Если она тебе так дорога, – изрек Думбльдор, – разумеется, лорд Вольдемонт ее помилует. Разве ты не можешь попросить о спасении матери в обмен на жизнь сына?

– Уже... уже просил...

– Ты мне омерзителен. – Гарри никогда не слышал в голосе Думбльдора столько презрения. Злей чуть-чуть съежился. – Значит, ее муж и ребенок тебя не волнуют? Пусть умрут, лишь бы ты получил свое?

Злей поднял голову и посмотрел на Думбльдора.

– Тогда спрячьте всех троих, – хрипло попросил он. – Спасите ее... их. Пожалуйста.

– А что взамен, Злотеус?

– В-замен? – Злей уставился на Думбльдора, и Гарри ждал возражений, но спустя несколько долгих секунд Злей ответил: – Все что угодно.

Холм исчез. Гарри стоял в кабинете Думбльдора, а рядом словно был раненый зверь. Злей, уронив голову, сидел в кресле, а над ним возвышался мрачный Думбльдор. Злей поднял к нему мученические глаза. Казалось, после встречи на холме он прожил сто горестных лет.

– Я думал... вы... ее... спасете...

– Она и Джеймс доверились не тому человеку, – ответил Думбльдор. – Как и ты, Злотеус. Ты ведь надеялся, что лорд Вольдемонт ее пощадит?

Злей задыхался.

– Ее мальчик выжил.

Злей тряхнул головой, словно отгоняя надоедливую муху.

– Ее сын жив. У него ее глаза, в точности ее глаза. Ты помнишь глаза Лили Эванс?

– ХВАТИТ! – закричал Злей. – Ее нет... умерла...

– Это раскаяние, Злотеус?

– Лучше... лучше бы умер я...

– И что пользы? – холодно поинтересовался Думбльдор. – Если ты любил Лили Эванс, если ты *действительно* ее любил, ты знаешь, как поступить.

Сквозь завесу боли Злей смотрел на Думбльдора, силясь понять, – и не понимал.

– Что... о чем вы?

– Ты знаешь, как и почему она умерла. Сделай так, чтобы ее смерть не была напрасной. Помоги защитить ее сына.

– Ему не нужна защита. Черный Лорд исчез...

– Черный Лорд вернется, и тогда Гарри Поттеру грозит большая опасность.

Надолго наступила тишина. Постепенно Злей взял себя в руки, задышал ровнее. И наконец сказал:

– Хорошо. Хорошо. Но никогда... никогда никому не рассказывайте, Думбльдор! Только между нами! Поклянитесь! Я не вынесу... К тому же сын Поттера... Дайте слово!

– Дать слово, что никогда не расскажу о лучшем в тебе, Злотеус? – Думбльдор вздохнул и посмотрел в страдальческое и свирепое лицо Злея. – Ну, если ты настаиваешь...

Кабинет исчез, но тут же возник вновь. Злей метался взад-вперед перед Думбльдором.

– ...заурядный, самодовольный, как отец, неисправимый хулиган, жадный до славы и внимания, нахальный...

– Ты видишь то, что хочешь видеть, Злотеус, – невозмутимо произнес Думбльдор, не отрывая глаз от свежего номера «Современных превращений». – Другие преподаватели отмечают его скромность, обаяние и пристойные способности. Лично я нахожу его очаровательным ребенком.

Думбльдор перевернул страницу и, не поднимая глаз, прибавил:

– Последни-ка за Страунсом.

Цветной водоворот вновь поглотил Гарри, а затем все потемнело. Думбльдор и Злей стояли чуть поодаль друг от друга в вестибюле замка. Последние загулявшие ученики разбредались по спальням после рождественского бала.

– Ну что? – пробормотал Думбльдор.

– Знак Каркарова тоже темнеет. Он в панике и боится наказания – вы же знаете, как он помогал министерству после падения Черного Лорда. – Злей покосился на кривоносый профиль Думбльдора. – Каркаров собирается бежать, если Знак начнет жечь.

– Неужели? – тихо спросил Думбльдор. В замок, хихикая, вошли Флёр Делакур и Роджер Дэйвис. – Ты бы тоже хотел?

– Нет, – сказал Злей, черными глазами провожая их удаляющиеся фигуры. – Я не такой трус.

– Действительно, – согласился Думбльдор, – ты гораздо храбрее Игоря Каркарова. Знаешь, иногда мне кажется, что мы торопимся с Распределением...

И ушел, оставив Злея в горьком потрясении...

Гарри опять перенесся в кабинет директора. Была ночь. Думбльдор почти без сознания криво полулежал в высоком кресле за столом. Его правая рука, обожженная и почерневшая, бессильно свисала с подлокотника. Злей нашептывал заклятия, волшебной палочкой тыча Думбльдору в запястье, а левой рукой вливал ему в горло густое золотистое зелье из кубка. Через некоторое время веки Думбльдора дрогнули, и он открыл глаза.

– Зачем, *зачем* вы надели кольцо? – без предисловий спросил Злей. – На нем проклятие – вы ведь наверняка это понимали. Зачем вообще было к нему прикасаться?

На столе перед Думбльдором лежало разбитое кольцо Ярволо Монстера, а рядом меч Гриффиндора.

Думбльдор поморщился:

– Я... сглупил. Это было так соблазнительно...

– Что соблазнительно?

Думбльдор не ответил.

– Чудо, что вы вообще вернулись! – Злей был в бешенстве. – Это проклятие редкой силы! Остается лишь надеяться, что удастся его сдержать; я запечатал его в одной руке... пока что...

Думбльдор поднял почерневшую, уже бесполезную руку и оглядел ее, словно занимательную диковину.

– Ты отлично справился, Злотеус. Как думаешь, сколько мне осталось?

Говорил он непринужденно, будто узнавал прогноз погоды на завтра. Злей помедлил, потом сказал:

– Точно не знаю. Может, год. Такое проклятие нельзя сдерживать вечно. Оно постепенно расползется; подобная дрянь со временем только крепнет.

Думбльдор улыбнулся. Новость о том, что у него в запасе не больше года, казалось, нисколько его не огорчила.

– Мне повезло, очень повезло, что у меня есть ты, Злотеус.

– Если бы вы призвали меня раньше! Я бы успел больше, у вас было бы больше времени! – яростно воскликнул Злей. Он посмотрел на сломанное кольцо и меч. – Вы решили, что, сломав кольцо, разрушите проклятие?

– Что-то вроде того... Разумеется, я был сам не свой... – произнес Думбльдор и с трудом выпрямился. – Хотя, если вдуматься, это все упрощает.

Злей посмотрел на него недоуменно. Думбльдор улыбнулся:

– Я имею в виду планы лорда Вольдеморта касательно моей персоны. И несчастного Драко Малфоя, которому надлежит меня убить.

Злей опустил в кресло перед столом, где так часто сидел сам Гарри. Злею явно хотелось еще поговорить о больной руке, но Думбльдор вежливым жестом показал, что тема закрыта.

Злей нахмурился:

– Черный Лорд не рассчитывает, что у Драко получится. Это лишь наказание Люциусу за недавние проступки. Медленная пытка для родителей Драко. Им придется стать свидетелями его провала и расплаты за неудачу.

– Короче, мальчику тоже вынесен смертный приговор, – констатировал Думбльдор. – И, надо думать, естественным преемником, если Драко провалит задание, будешь ты?

Повисла недолгая пауза.

– Полагаю, таков план Черного Лорда.

– Значит, в ближайшем будущем лорду Вольдеморту шпион в «Хогварце» не понадобится?

– Да, он рассчитывает, что школа скоро окажется в его власти.

– И если так, – сказал Думбльдор как бы между прочим, – ты обещаешь сделать все возможное, чтобы защитить учеников «Хогварца»?

Злей чопорно кивнул.

– Хорошо. Итак. Прежде всего узнай, что затевает Драко. Напуганный подросток опасен и окружающим, и самому себе. Предложи ему помощь и защиту; он согласится, ты ему нравишься...

– ...намного меньше с тех пор, как его отец впал в немилость. Драко винит меня, думает, я подсел Льюиса.

– Все равно, попробуй. Я беспокоюсь не столько за себя, сколько за его случайных жертв. Мало ли что он натворит со страху. Само собой, спасти его от гнева лорда Вольдеморта мы в итоге можем только одним способом.

Злей приподнял брови и язвительно поинтересовался:

– Вы дадите ему вас убить?

– Конечно нет. Убьешь меня *ты*.

Последовало долгое молчание. В тишине было слышно, как феникс Янгус щелкает клювом, разгрызая каракатицу.

– Желаете прямо сейчас? – Голос Злея сочился иронией. – Или дать вам пару минут сочинить эпитафию?

– К чему такая спешка? – улыбнулся Думбльдор. – Удобный момент рано или поздно представится. Учитывая, что произошло сегодня, – он приподнял сморщенную руку, – мы можем с уверенностью сказать: *не пройдет и года*.

– Если вы не против умереть, – бросил Злей, – почему не позволить Драко убить вас?

– Душа мальчика еще не настолько изуродована, – ответил Думбльдор. – И я бы не хотел стать причиной ее распада.

– А моя душа, Думбльдор? Моя?

– Только ты один знаешь, сколь пагубно для души избавить старика от боли и унижения, – сказал Думбльдор. – Я прошу тебя оказать мне эту большую услугу, Злотеус, потому что моя смерть так же неизбежна, как и то, что «Пуляющие пушки» закончат сезон на последнем месте. И признаюсь, я хотел бы смерти быстрой и

безболезненной, а не медленной и мучительной, какой она станет, если, например, ей поспособствует Уолк – я слышал, Вольдеморт принял его в свои ряды? Или очаровательная Беллатрикс. Эта кошечка любит поиграть с мышкой, прежде чем ее прикончить.

Говорил Думбльдор беззаботно, но его голубые глаза пронзали Злея, как всегда пронзали Гарри, – будто Думбльдор видел эту самую душу насквозь. В конце концов Злей коротко кивнул.

Думбльдор удовлетворенно улыбнулся:

– Спасибо, Злотеус...

Кабинет исчез, и теперь Злей и Думбльдор в сумерках прогуливались по пустынным окрестностям замка.

– Чем вы занимаетесь с Поттером по вечерам? – выпалил Злей.

Думбльдор выглядел уставшим.

– А что? Хочешь *снова* его наказать, Злотеус? Мальчик и так только и делает, что отрабатывает какие-то грехи.

– Он совсем как его папаша...

– Внешне – возможно, но по сути он больше похож на мать. Я обсуждаю с Гарри кое-какие вопросы, сообщаю ему некие сведения... пока не поздно.

– Сведения, – повторил Злей. – Вы доверяете ему... но не мне.

– Дело не в доверии. Мое время, как мы оба знаем, ограничено. Естественно, я стараюсь передать ему то необходимое, без чего он не сможет сделать что нужно.

– А почему это нельзя передать мне?

– Я предпочитаю не хранить все яйца в одной корзине. Особенно в корзине, которая регулярно болтается на локте лорда Вольдеморта.

– По вашему приказу, между прочим!

– Да, и ты превосходно справляешься. Не думай, что я недооцениваю твой постоянный риск, Злотеус. Снабжать Вольдеморта так называемой ценной информацией, при этом утаивая главное, я не доверил бы никому, кроме тебя.

– И тем не менее вы больше доверяетесь мальчишке с весьма заурядными магическими способностями, который ничего не смыслит в окклюменции и при этом напрямую связан с разумом Черного Лорда!

– Вольдеморт боится этой связи, – сказал Думбльдор. – Недавно он на своей шкуре испытал, что значит взаправду проникнуть в разум Гарри. Ему никогда в жизни не выпадало такой боли. Больше он в

сознание Гарри не сунется, я уверен. По крайней мере таким способом.

– Не понимаю.

– Изувеченная душа лорда Волдеморта не способна вынести тесного контакта с такой душой, как у Гарри. Это все равно что лизать языком ледяную сталь или сунуть руку в огонь...

– Душа? Мы же о разуме говорим!

– В случае с Гарри и лордом Волдемортом это одно и то же.

Думбльдор огляделся, удостоверился, что они одни. Они приблизились к Запретному лесу, и вокруг не было ни души.

– Когда ты меня убьешь, Злотеус...

– Вы отказываетесь посвящать меня в свои планы, но рассчитываете, что я выполню эту вашу пустяковую просьбу! – Худое лицо Злея гневно вспыхнуло. – Вы слишком многое принимаете как должное, Думбльдор! Может, я больше не хочу это делать!

– Ты дал мне слово, Злотеус. И раз уж мы заговорили о просьбах и долгах: ты же вроде бы обещал присматривать за нашим юным другом-слизеринцем?

Злей по-прежнему негодовал. Думбльдор вздохнул:

– Приходи сегодня ко мне в кабинет в одиннадцать, и ты перестанешь жаловаться, что я тебе не доверяю...

Они вернулись в кабинет Думбльдора; за окнами – тьма. Янгус сидел тихо, Злей – неподвижно, а Думбльдор расхаживал взад-вперед и говорил:

– Гарри не должен знать до последнего момента. Пока не придет время. Иначе как он найдет силы сделать то, что должен?

– Но что он должен сделать?

– Это касается только нас с ним. А сейчас слушай внимательно, Злотеус. Придет время... уже после моей смерти... не спорь и не перебивай! Придет время, когда лорд Волдеморт испугается за жизнь своей змеи.

– Нагини? – изумился Злей.

– Да. Он перестанет отправлять змею с поручениями, будет держать ее при себе под магической защитой, и вот тогда, я думаю, можно сказать Гарри...

– Что сказать?

Думбльдор сделал глубокий вдох и закрыл глаза:

– Что в ночь, когда лорд Вольдеморт пытался его убить, когда Лили заслонила Гарри собой, убийственное проклятие отрикошетило в лорда Вольдеморта, и отколовшийся фрагмент его души вселился в единственное живое существо, что еще оставалось в разрушенном доме. Часть лорда Вольдеморта живет внутри Гарри. Поэтому Гарри умеет говорить со змеями, отсюда непонятная ему связь с разумом лорда Вольдеморта. И пока этот осколок души, отсутствия которого сам Вольдеморт не заметил, остается внутри Гарри и под его защитой, лорд Вольдеморт умереть не может.

Казалось, Гарри смотрит на них двоих в очень длинный тоннель. Они были ужасно далеко, и голоса их странным эхом отдавались у него в ушах.

– То есть мальчик... должен умереть? – бесстрастно спросил Злей.

– Да. От руки Вольдеморта, Злотеус. Это очень важно.

Последовала долгая пауза. Затем Злей сказал:

– Я думал... что все эти годы... мы защищали его ради нее. Ради Лили.

– Мы защищали его, потому что было важно обучить его, воспитать, дать почувствовать свою силу. – Глаза Думбльдора оставались зажмурены. – Но связь между ними укрепляется, разрастается как вирус. Порой мне казалось, что Гарри и сам догадывается. И если я его знаю, он примет свою судьбу и все устроит так, чтобы его смерть означала и конец Вольдеморту.

Думбльдор посмотрел на Злея. Тот взирал на него в ужасе:

– Вы сохраняли ему жизнь, чтобы он умер в нужный момент?

– Не возмущайся так, Злотеус. Сколько мужчин и женщин погибло у тебя на глазах?

– В последнее время – только те, кого я не смог спасти, – сказал Злей и встал. – Вы меня использовали.

– То есть?

– Я шпионил для вас, лгал ради вас, подвергался смертельной опасности. Делал все, чтобы защитить сына Лили Поттер. А теперь вы говорите, что растили его как свинью на убой...

– Очень трогательно, Злотеус, – серьезно произнес Думбльдор. – Неужели ты все-таки привязался к мальчику?

– К *мальчику*? – закричал Злей. – Экспекто патронум!

Из кончика его волшебной палочки вырвалась серебристая лань, сделала круг по кабинету и выпрыгнула в окно. Думбльдор посмотрел ей вслед, а когда ее серебристое сияние рассеялось, повернулся к Злею, и глаза его были полны слез:

– После стольких лет?

– Всегда, – сказал Злей.

Декорации изменились. Теперь Гарри наблюдал, как Злей в кабинете директора разговаривает с Думбльдором на портрете позади стола.

– Ты должен сообщить Вольдеморту точную дату отъезда Гарри из дома дяди с тетей, – говорил Думбльдор. – Иначе у Вольдеморта возникнут подозрения – он же полагает, что ты прекрасно осведомлен. Внедри идею обманок; надеюсь, этого хватит, чтобы защитить Гарри. Попробуй заморочить Мундугнуса Флетчера. И еще, Злотеус, если придется участвовать в преследовании, играй роль убедительно... Ты должен оставаться у лорда Вольдеморта на хорошем счету как можно дольше, не то «Хогварц» достанется на откуп Карроу...

Теперь Злей в незнакомой таверне склонился к Мундугнусу, чье лицо было странно пустым. Злей сосредоточенно хмурился.

– Вы предложите Ордену Феникса, – шептал Злей, – использовать обманки. Всеэссенция. Несколько человек в обличье Поттера. Только это сработает. Вы забудете, что идея моя. Скажете, что придумали сами. Все понятно?

– Все понятно, – пролепетал Мундугнус, и его взгляд поплыл...

Теперь Гарри летел рядом со Злеем на метле в безоблачной темной ночи вместе с другими Упивающимися Смертью. Впереди неслись Люпин и Гарри, то есть Джордж... Упивающийся Смертью обогнал Злея и поднял палочку, целясь в спину Люпина.

– Сектумсемпра! – закричал Злей.

Но заклинание, которым он метил в руку с палочкой, просвистело мимо и попало в Джорджа...

Следующая сцена. Злей стоял на коленях в спальне Сириуса. Он читал старое письмо Лили, и слезы капали с кончика его крючковатого носа. На второй странице было всего несколько слов:

...в юности дружил с Геллертом Гриндельвальдом. Лично я думаю, она точно тронулась!

*С любовью,
Лили*

Злей забрал страницу с подписью Лили и ее любовью, спрятал во внутренний карман мантии. Потом разорвал пополам фотографию. Себе оставил смеющуюся Лили, а Джеймса и Гарри швырнул на пол под комод...

Злей снова стоял в директорском кабинете – на свой портрет вбежал Финей Нигеллий.

– Директор! Они в Дольнем лесу! Мугроде...

– Не смейте произносить это слово!

– ...в общем, девчонка Грейнджер сказала, когда открыла сумку, я слышал!

– Хорошо. Очень хорошо! – вскричал Думбльдор на портрете позади директорского кресла. – А теперь, Злотеус, меч! Только не забывай, Гарри должен добыть его, преодолев трудности и проявив храбрость, – и не должен знать, что ему помогаешь ты! Если Вольдеморт прочтет его мысли и увидит тебя...

– Да, знаю, – отрубил Злей. Он отвел в сторону портрет – открылась ниша, откуда он достал меч Гриффиндора. – Вы так и не скажете, почему надо передать Поттеру меч? – спросил Злей, надевая поверх мантии дорожный плащ.

– Пожалуй, нет, – ответил Думбльдор. – Он сам поймет, что с ним делать. И, Злотеус, будь предельно осторожен. После неприятности с Джорджем Уизли тебе могут не обрадоваться...

Злей обернулся с порога.

– Не волнуйтесь, Думбльдор, – хладнокровно произнес он. – У меня есть план...

И он вышел, а Гарри взмыл и мгновение спустя очутился на ковре в том же самом кабинете – Злей словно только что закрыл за собой дверь.

Глава тридцать четвертая

Снова в лесу

Так вот она, правда. Лежа ничком на пыльном ковре в кабинете, где некогда, казалось бы, изучал науку побеждать, Гарри наконец-то понял: он не выживет. Его задача – невозмутимо шагнуть в объятия Смерти. А попутно оборвать все связи Вольдеморта с жизнью и броситься ему наперерез, не защищаясь, чтобы без сучка без задоринки завершить дело, которому полагалось кончиться давно, еще в Годриковой Лощине: выжить не суждено никому.

Сердце Гарри яростно билось. Как странно: на пороге смерти оно упрямо, отважно перекачивает кровь, поддерживает в нем жизнь. Но оно остановится, и скоро. Его удары сочтены. Сколько раз оно успеет сократиться, пока он встанет, в последний раз пройдет по замку, по двору, в лес?

Ужас охватил Гарри. Он лежал на полу и слушал похоронную барабанную дробь в груди. Больно ли умирать? Сколько раз он чудом избегал гибели, но никогда по-настоящему не задумывался о смерти: его воля к жизни всегда пересиливала страх погибнуть. Однако теперь ему и в голову не приходило спасаться, бежать от Вольдеморта. Он знал: все кончено, остается лишь умереть.

Ах, если бы он погиб той летней ночью, когда навсегда покинул дом № 4 по Бирючинной улице! Пусть бы его не спасла палочка с пером благородного феникса. Если бы он умер, как Хедвига, мгновенно, не успев понять, что произошло! Или – спасая кого-то дорогого, любимого... Сейчас он завидовал даже смерти своих родителей. А хладнокровно шагнуть навстречу собственной гибели – для этого требуется какая-то другая храбрость... У Гарри тряслись руки. Он попробовал унять дрожь, хоть его никто и не видел: с портретов все разбежались.

Медленно, очень медленно он сел. Никогда еще он не чувствовал себя настолько живым, не ощущал так остро жизнь своего тела. Почему он не ценил это чудо – мозги, нервы, сердце? Все это

исчезнет... или, по крайней мере, он все это покинет. Он дышал медленно и глубоко; во рту, в горле пересохло, но сухими были и глаза.

Предательство Думбльдора в общем-то ерунда. Гарри лишь по глупости не понимал, что он винтик, часть грандиозного плана. Решил почему-то, что его жизнь Думбльдору важна. Да – но только до той поры, пока не уничтожены окаянты. Думбльдор завещал ему эту задачу, и Гарри послушно обрывал связи с жизнью – и Вольдеморта, и свои! Как ловко, как изящно – без лишних жертв! Опасное задание выполнит мальчик, уже предназначенный на заклятие. Его смерть не станет катастрофой, нет – всего-навсего последним ударом по Вольдеморту.

И ведь Думбльдор знал, что Гарри не отступит, пойдет до конца, даже такой ценой. Он немало постарался, хорошо изучил того, кого сделал своим орудием. Он, как и Вольдеморт, не сомневался: Гарри никому не позволит умирать за него, едва поймет, что в его власти прекратить смертоубийство. Гарри вспомнил тела Фреда, Люпина и Бомс в Большом зале и задохнулся: Смерть была нетерпелива...

Но Думбльдор переоценил его. Гарри не справился с задачей: змея жива. Даже после его гибели один окаянт будет связывать Вольдеморта с этим миром. Что же, кому-то достанется легкая работенка. Интересно, кому... Очевидно, Рону и Гермионе, они знают, что делать... Вот почему Думбльдор хотел, чтобы Гарри доверился еще двоим... чтобы они продолжили его дело, если он выполнит свое истинное предназначение раньше срока...

Эти мысли, как дождь по холодному стеклу, стучали по твердой, непреложной данности: он должен умереть. *Я должен умереть.* Все закончится.

Казалось, Рон и Гермиона давным-давно остались где-то далеко, в другой стране. И хорошо: не надо ни прощаний, ни объяснений. Он не возьмет друзей с собой в последнее путешествие, и незачем тратить драгоценное время на их попытки остановить его. Гарри взглянул на потертые золотые часы, которые получил на семнадцатилетие. Из часа, отведенного Вольдемортом, прошло почти тридцать минут.

Гарри встал. Сердце испуганной птицей колотилось о ребра. Видно, понимает, как мало времени осталось, и хочет втиснуть в него удары за всю жизнь. Притворяя за собой дверь кабинета, Гарри даже не оглянулся.

Замок был пуст. Шагая по коридорам, Гарри чувствовал себя привидением, словно уже умер. Люди на портретах отсутствовали; «Хогварц» погрузился в тягостное безмолвие. Все живое сосредоточилось в Большом зале, полном смерти и скорби.

Гарри натянул плащ-невидимку, спустился по этажам, по мраморной лестнице сошел в вестибюль. Возможно, крошечной частью сознания он надеялся, что его почувствуют, заметят, остановят, но плащ, как всегда, выполнял свою работу образцово, и Гарри беспрепятственно достиг парадного входа.

И там в него чуть не врезался Невилл. Он в паре с кем-то еще вносил со двора тело. Гарри посмотрел – и его точно ударили под дых: Колин Криви. Несовершеннолетний, он все-таки исхитрился пробраться назад в замок, как Малфой, Краббе и Гойл. Мертвый Колин казался совсем крошечным.

– Знаешь, Невилл, я сам справлюсь, – сказал Оливер Древ, перекинул тело Колина через плечо и понес в Большой зал.

Невилл на мгновение прислонился к дверному косяку и отер лоб. Он смотрелся древним стариком. Затем он снова вышел на улицу, во тьму, за другими телами.

Гарри оглянулся на двери в Большой зал. Там все суетились, старались подбодрить друг друга, пили воду, стояли на коленях возле погибших, но Гарри не видел тех, кого любил. Он готов был отдать все, что ему еще осталось, лишь бы в последний раз посмотреть на Гермиону, Рона, Джинни, всех Уизли, Луну – но хватит ли тогда сил оторвать взгляд? Лучше уж так.

Гарри спустился с крыльца в темноту. Было около четырех утра, стояла гробовая тишина; земли «Хогварца» будто задержали дыхание и замерли в ожидании: сможет ли Гарри сделать то, что должен?

Он направился к Невиллу, склонившемуся над чьим-то телом.

– Невилл!

– Гарри! Ну ты даешь! Меня чуть инфаркт не хватил!

Гарри снял плащ. Его осенило: надо ведь подстраховаться.

– Куда это ты один? – подозрительно спросил Невилл.

– Так надо, – сказал Гарри. – Есть дело. Слушай, Невилл...

– Гарри! – Невилл явно испугался. – Ты же не сдаваться пошел?

– Нет. – Лгалось легко. – Еще чего... Тут другое. Меня не будет какое-то время. Короче, знаешь змею Вольдеморта? У него огромная

змея... Он зовет ее Нагини...

– Да, слышал... А что?

– Ее надо убить. Рон и Гермиона в курсе, но если они...

При одной мысли об этом от ужаса перехватило дыхание. Но Гарри взял себя в руки. Момент решающий, нужно действовать, как Думбльдор, хладнокровно и трезво, вовремя подставляя запасных игроков. Думбльдор умер, зная, что в тайну окаянтов посвящены трое. Теперь место Гарри займет Невилл, и в игре будут трое по-прежнему.

– На случай, если они... не сумеют... а тебе представится шанс...

– Убить змею?

– Убить змею, – подтвердил Гарри.

– Понял. А ты как, в норме?

– Да. Спасибо, Невилл.

Но тот схватил его за запястье, не пуская.

– Мы все будем бороться. Ты же это понимаешь?

– Да, я...

Ком встал в горле, и Гарри осекся. Невилл несколько не удивился. Он потрепал Гарри по плечу, выпустил его руку и ушел искать погибших.

Гарри снова накинул плащ и двинулся дальше. Кто-то неподалеку склонился над чьей-то распластанной фигуркой. Гарри узнал Джинни.

Он замер. Джинни нагнулась к девочке, которая шепотом звала маму.

– Все хорошо, – говорила Джинни. – Все хорошо. Сейчас мы перенесем тебя в замок.

– Но я хочу *домой*, – шептала девочка. – Я больше не хочу сражаться!

– Я знаю. – Голос Джинни сорвался. – Все будет хорошо.

Холод пробежал по телу Гарри. Ему хотелось кричать – в пустоту, в черноту, – чтобы Джинни знала: он здесь. Чтобы знала, куда он идет. Чтобы его остановили, утащили обратно, отправили домой...

Но он и так *дома*. «Хогварц» – его первый настоящий дом, лучшего он не знал. Он, Вольдеморт, Злей – брошенные мальчишки – нашли здесь свой кров...

Джинни стояла на коленях возле раненой девочки и держала ее за руку. Огромным усилием воли Гарри заставил себя пройти мимо.

Джинни, кажется, оглянулась. Неужели почувствовала? Но Гарри ни слова не сказал и не обернулся.

В темноте неявно вырисовывалась хижина Огрида. Только свет не горит, и не слышно приветственного лая Клыка, и собачьи когти не царапают дверь. Сколько они здесь бывали! Медный чайник на огне, и печенье с изюмом, и гигантские гусеницы, и большое бородатое лицо Огрида, и как Рона рвало слизняками, и как они с Гермионой спасали Норберта...

Он пошел дальше и на краю леса остановился.

Дементоры скользили меж деревьев. Гарри обдало гнетущим холодом. Он сомневался, что сможет их миновать, у него не осталось сил вызывать Заступника. Он и дрожь-то унять не в состоянии. Оказывается, умирать – дело нелегкое. Каждый миг, каждый вдох и выдох, и запах травы, и прохладный ветерок на лице ощущались как драгоценный подарок. Подумать только, у других впереди годы и годы – столько времени, что его можно тратить впустую и жаловаться, что оно еле тянется, – а он цепляется за секунды. Ноги отказываются идти – но он ведь должен, должен! Долгая игра окончена, Проныра пойман, пора приземляться...

Проныра. Непослушными пальцами Гарри достал из кисета мяч.

Я открываюсь в конце.

Часто и тяжело дыша, Гарри глядел на золотой шарик. Теперь, когда он хотел, чтобы время шло как можно медленней, оно летело стремглав, зато и понимание пришло сразу, без раздумий. В конце. То есть сейчас.

Гарри прижал Проныру к губам и прошептал:

– Я скоро умру.

Золотая скорлупа раскрылась. Гарри опустил дрожащую руку, поднял под плащом волшебную палочку Драко и пробормотал:

– Люмос.

В Проныре лежал черный камень с ломаной трещиной посередине. Он треснул по вертикали, символизирующей бузинную палочку. Треугольник и круг – плащ и камень – были еще различимы.

И снова понимание пришло само: воскрешать мертвых ни к чему, он скоро сам к ним присоединится. Это не он призывает их, а они – его.

Он закрыл глаза и трижды повернул камень в руке.

И почувствовал: получилось. По усыпанной хворостом опушке задвигалось что-то легкое, невесомое. Гарри открыл глаза и огляделся.

То были не призраки и не живые люди. Больше всего они напоминали Реддля, вышедшего из дневника: воспоминание, почти обретшее плоть. Не так материальны, как живые тела, но гораздо плотнее призраков. Они шли к нему, и их лица одинаково светились ласковыми улыбками.

Джеймс был одного роста с Гарри и одет так же, как в ночь смерти. Волосы встрепаны, очки слегка перекошены на носу, как у мистера Уизли.

Высокий, статный Сириус выглядел очень молодым – Гарри знал его много старше. Сириус двигался с непринужденной грацией, руки в карманах, на губах усмешка.

Люпин тоже был моложе и гораздо приличнее одет, а волосы темнее и гуще. Казалось, он счастлив вернуться в знакомые места, видевшие столько его юношеских проделок.

Лили улыбалась лучезарнее всех. Она приблизилась к Гарри, отбросила назад длинные волосы; зеленые глаза, так похожие на его собственные, жадно всматривались ему в лицо – и не могли насмотреться.

– Ты у меня такой храбрый.

Гарри не мог говорить. Он глядел на мать, и ему хотелось стоять и глядеть на нее вечно.

– Ты почти у цели, – сказал Джеймс. – Совсем близко. Мы... очень гордимся тобой.

– Это больно? – Детский вопрос сам сорвался с губ Гарри.

– Умирать? Нисколько, – небрежно ответил Сириус. – Быстрее и проще, чем уснуть.

– К тому же тянуть он не станет. Разделается со всем поскорее, – прибавил Люпин.

– Я не хотел, чтоб вы умерли! – против воли выпалил Гарри. – Никто из вас. Мне очень, очень жаль... – Он умолял о прощении, Люпина в особенности. – Только родился сын... Рем, мне так...

– Мне тоже, – улыбнулся Люпин. – Я никогда его не узнаю... Зато он будет знать, почему я умер, и надеюсь, поймет. Я боролся за мир, где он будет счастлив.

Холодный ветерок из чащи леса взъерошил челку Гарри. Он понимал – они не скажут: «Пора». Он должен сам решить.

– Вы будете со мной?..

– До конца, – заверил Джеймс.

– Они вас не увидят?

– Мы – часть тебя, – ответил Сириус. – Для остальных нас нет.

Гарри посмотрел на мать.

– Будь ко мне поближе, – тихо попросил он.

И зашагал дальше. Холода дементоров он не замечал; мертвые служили ему Заступниками. Вместе они шагали меж старых деревьев, таких густых, что их ветви сплелись, а узловатые корни путались под ногами. Гарри кутался в плащ и углублялся в лес, не имея понятия, где находится Вольдеморт, но точно зная, что отыщет его. Рядом почти бесшумно шли Джеймс, Сириус, Люпин, Лили. Их присутствие придавало Гарри храбрости, помогало делать шаг за шагом, шаг за шагом...

Его сознание и тело странно разъединились. Руки и ноги работали так, словно он был пассажиром, а не водителем своего тела, которое ему вот-вот предстояло покинуть. Мертвые, шагавшие подле него, казались реальнее людей в замке. Рон, Гермиона, Джинни и все прочие сделались для него призраками. Подскакивая на колдобинах, его жизнь катилась к концу – к Вольде марту...

Раздался глухой стук и шепот: рядом кто-то завозился. Гарри замер, озираясь и прислушиваясь. Его родители, Сириус и Люпин тоже остановились.

– Там кто-то есть, – слышался хриплый шепот вблизи.

– У него плащ-невидимка. Может, это он?

Из-за ближнего дерева появились двое. Вспыхнули палочки, и Гарри увидел Гнусли и Долохова. Они всматривались в темноту, туда, где стояли Гарри, Лили, Джеймс, Люпин и Сириус. Упивающиеся Смертью явно ничего не видели.

– Я точно что-то слышал, – проговорил Гнусли. – Думаешь, тварь какая-нибудь?

– Этот придурок Огрид держал здесь целый зверинец, – отозвался Долохов, оглядываясь через плечо.

Гнусли посмотрел на часы.

– Время на исходе. У Поттера был час. Он не идет.

– А Черный Лорд был так уверен! Он расстроится.

– Лучше вернуться, – сказал Гнусли. – Пусть даст указания.

И они с Долоховым зашагали в глубь леса. Гарри последовал за ними, зная, что они выведут его куда надо. Он обернулся, и мама улыбнулась ему, а отец ободряюще кивнул.

Так они шли несколько минут, пока впереди не замаячил свет. Гнусли и Долохов выступили на поляну. Гарри ее узнал: когда-то здесь жил ужасный Арагог. Повсюду виднелись остатки необъятной паутины, но мириады паучьих потомков были угнаны Упивающимися Смертью сражаться.

Костер посреди поляны красными бликами озарял толпу притихших, настороженных соратников Вольдеморта. Одни в масках и капюшонах, другие открыли лица. В стороне, отбрасывая огромные тени, сидели двое гигантов со зверскими физиономиями, будто высеченными из скал. Фенрир затаился в тени, грызя длинные когти, массивный блондин Раул промакивал кровь с губы. Люциус Малфой смотрел затравленно; заплаканные, ввалившиеся глаза Нарциссы переполнял страх.

Все взгляды были устремлены на Вольдеморта. Тот стоял, склонив голову, с бузинной палочкой в белых пальцах. Он словно молился или считал в уме. Как будто ребенок в прятки играет, подумал Гарри, замирая на краю поляны. Нелепое сравнение. За головой Вольдеморта, словно чудовищный нимб, извиваясь, сплетаясь кольцами, в сверкающей заколдованной клетке плавала огромная Нагини.

Когда Долохов и Гнусли ступили в круг света, Вольдемо́рт поднял глаза.

– Поттера не видеть, милорд, – сообщил Долохов.

Вольдемо́рт остался невозмутим. Его красные глаза горели в свете костра. Он медленно погладил бузинную палочку длинными пальцами.

– Милорд... – Это заговорила Беллатрикс. Она сидела к Вольдемо́рту ближе всех – растрепанна, лицо слегка расцарапано, но в остальном невредима.

Вольдемо́рт поднял руку: молчи. И она больше не произнесла ни слова, лишь смотрела с благоговейным восторгом.

– Я думал, он придет, – сказал Вольдемо́рт пронзительно и ясно, глядя на взметнувшееся пламя. – Ждал, что придет.

Повисла тишина. Видимо, Упивающиеся Смертью перепугались не меньше Гарри. А его сердце билось о ребра так, словно решило вырваться из тела раньше души. Повлажневшими руками он снял плащ-невидимку и сунул под одежду вместе с палочкой, чтобы отрезать себе все пути к сопротивлению.

– Но я, похоже... ошибся, – произнес Вольдемор.

– Не ошибся.

Гарри сказал это очень громко и очень твердо: пусть не думают, что он боится. Камень воскрешения выскользнул из онемевших пальцев, и Гарри краем глаза увидел, как исчезли его родители, Сириус и Люпин. Он шагнул вперед, к костру. И в этот миг ничто больше не имело значения – они остались с Вольдемором один на один.

Эта иллюзия тотчас развеялась. Гиганты взревели, Упивающиеся Смертью разом встали, раздались крики, ахи, даже смех. Вольдемор замер; его красные глаза впились в Гарри и следили, как он приближается. Их разделял только огонь.

Кто-то завопил:

– ГАРРИ! НЕТ!

Гарри обернулся: неподалеку к стволу прикрутили Огрида, связанного по рукам и ногам. Он отчаянно бился, рвался, мощное тело сотрясало дерево до самой кроны.

– НЕТ! НЕТ! ГАРРИ, ТЫ ЧТО?..

– ЦЫЦ! – И Раул взмахом палочки заставил Огрида замолчать.

Беллатрикс, вскочив, нетерпеливо переводила взгляд с Вольдеморта на Гарри. Ее грудь вздымалась. Больше ничто не двигалось, кроме пламени и змеиных колец в сверкающей клетке.

Гарри чувствовал палочку у себя на груди, но не попытался ее достать. Нагини слишком хорошо защищена; стоит прицелиться, как в него полетит минимум пятьдесят проклятий. Вольдемор и Гарри все смотрели друг на друга; Вольдемор слегка склонил голову набок, и его безгубый рот скривился в замечательно безрадостной улыбке.

– Гарри Поттер, – промолвил он очень тихо, не громче потрескивания костра. – Мальчик, который остался жив.

Упивающиеся Смертью не шевельнулись. Все ждали. Все вокруг замерло, только Огрид рвался из пут, и тяжело дышала Беллатрикс. А Гарри непонятно почему думал о Джинни, видел ее огненный взгляд, чувствовал на губах ее поцелуй...

Вольдеморт поднял палочку. Его голова по-прежнему склонялась набок, как у любопытного ребенка: интересно, что сейчас будет? Гарри смотрел прямо в красные глаза и хотел, чтобы все случилось как можно быстрее, пока он еще способен стоять, пока не потерял над собой контроль, не поддался страху...

Он увидел движение рта, зеленую вспышку – и все исчезло.

Глава тридцать пятая

Кингз-Кросс

Он лежал лицом вниз и слушал тишину. Он был абсолютно один. Никто на него не смотрел. Вокруг никого не было. Он сомневался, есть ли здесь он сам.

Прошло очень много времени – а может, несколько, – пока до него не дошло, что он, вероятно, все-таки есть, причем не в виде бестелесной субстанции: он лежал, определенно лежал *на чем-то*. Чувствовал прикосновение. А следовательно, существовал – как и то, на чем он лежит.

Сделав этот вывод, Гарри практически сразу обнаружил, что он голый. Это его не смутило – никого же нет, – но слегка заинтриговало. Интересно: осязание у него сохранилось – а зрение? Он открыл глаза. Видят!

Его окружал светозарный туман. Гарри никогда такого не встречал. Собственно, это и на туман не походило. Белая пелена не скрывала мир – скорее мир формировался из тумана, но еще не сформировался полностью. То, на чем Гарри лежал, было белым, не холодным и не теплым – некая ровная плоскость.

Он сел. Тело, кажется, невредимо. Он прикоснулся к лицу. Очков нет.

Затем из бесформенной пустоты донесся шум: тихие шлепки, как будто что-то билось, сопротивлялось, барахталось; жалкий, чуточку неприличный звук. Гарри стало неприятно: он словно подслушивал нечто тайное, постыдное.

И ему захотелось одеться.

Тотчас рядом возникла мантия. Он взял ее и надел: мягкая, чистая, теплая. Непостижимо – как она возникла из ничего в ответ на его желание...

Он встал, осмотрелся. Может, он попал в некую необъятную Кстати-комнату? Чем дольше он смотрел, тем больше деталей вырисовывалось вокруг. Высоко над головой в солнечном свете

блистал огромный стеклянный купол. Это что, дворец? Все тихо, все неподвижно – если не считать странных шлепков и хныканья из тумана...

Гарри медленно повернулся, и с его движением мир словно бы рождался на глазах. Широкое, открытое, яркое, чистое пространство – просторнее Большого зала, под гигантским стеклянным куполом. Абсолютно пусто. Гарри здесь один, за исключением...

Он отпрянул, увидев, что там хнычет. Маленькое, голое, мерзкое, вроде младенца без кожи – оно, свернувшись комочком, содрогаясь, лежало под креслом, где его бросили и забыли, и боролось за каждый вдох.

Гарри боялся его. Оно крохотное, больное, хрупкое, но приближаться к нему неохота. И все же он стал медленно подходить, готовясь отскочить в любой момент. Подошел – но не мог коснуться. Что же он за трус такой! Надо успокоить несчастное существо. Но оно его отвращало.

– Ты ничем не поможешь.

Он обернулся. Прямо к нему, расправив плечи, бодро шагал Альбус Думбльдор в развевающейся темно-синей мантии.

– Гарри! – Думбльдор широко раскинул руки. Обе ладони – белые, здоровые. – Замечательный мальчик! Смелый, смелый человек! Давай пройдемся.

Гарри ошеломленно последовал за Думбльдором, который быстро уходил прочь от всхлипывающего младенца без кожи, к двум креслам поодаль, которых Гарри прежде не заметил. Думбльдор сел в одно, Гарри – в другое. Он пристально вглядывался в лицо старого директора. Длинные седые волосы, борода, сияющие голубые глаза, очки со стеклами-полумесяцами, крючковатый нос: все как он помнил. Но...

– Вы же умерли, – сказал Гарри.

– Я? Да, – как ни в чем не бывало подтвердил Думбльдор.

– Тогда... и я, значит, тоже?

– А! – Думбльдор улыбнулся шире. – Хороший вопрос. В целом, мой мальчик, я полагаю, что нет.

Они смотрели друг на друга, и старик по-прежнему лучезарно улыбался.

– Нет? – повторил Гарри.

– Нет, – ответил Думбльдор.

– Но... – Гарри инстинктивно ощупал лоб, но не нашел шрама. – Я должен был умереть... я же не защищался! Я дал ему себя убить!

– И это, – сказал Думбльдор, – насколько я понимаю, изменило ход вещей.

Он излучал счастье, как свет, как огонь: Гарри никогда еще не видел, чтобы Думбльдор был столь явно, столь откровенно всем доволен.

– Объясните.

– Но ты ведь и сам знаешь. – Думбльдор повертел большими пальцами.

– Я дал ему убить себя, – произнес Гарри. – Так?

– Так, – кивнул Думбльдор. – Продолжай.

– И осколок его души, который был во мне...

Думбльдор кивнул еще энергичнее и широко, ободряюще улыбнулся.

– ...что, умер?

– О да! – подтвердил Думбльдор. – Вольдеморт его уничтожил. Твоя душа теперь целиком и полностью твоя.

– Но тогда...

Гарри оглянулся на маленькое, искалеченное, дрожащее существо под дальним креслом.

– Что это, профессор?

– То, чему мы оба не в силах помочь, – ответил Думбльдор.

– Но если Вольдеморт использовал убийственное проклятие, – снова начал Гарри, – и никто за меня не умер... почему я жив?

– Думаю, ты сам понимаешь, – сказал Думбльдор. – Вернись мысленно назад. Вспомни, что он сделал в своем невежестве, жадности, жестокости.

Гарри задумался, обвел взглядом зал. Если это и дворец, то весьма странный. Кресла короткими рядами, тут и там рельсы – и никого, только Гарри, Думбльдор и убогое существо без кожи. Ответ пришел легко, без усилий:

– Он взял мою кровь.

– Точно! Взял твою кровь и воссоздал из нее свое тело! Твоя кровь в его жилах, Гарри! Защита Лили в вас обоих! Он обрек тебя жить, пока жив он сам!

– Я жив... пока он жив? Но я думал... все как раз наоборот! Я думал, мы оба умрем! Или это одно и то же?

Его отвлекли всхлипы бьющегося в агонии существа; Гарри обернулся.

– Вы уверены, что ничего нельзя сделать?

– Решительно ничего.

– Тогда объясните... подробнее, – попросил Гарри. Думбльдор улыбнулся.

– Ты был седьмым окаянтом, Гарри, окаянтом, который он создавать не собирался. Он искалечил свою душу настолько, что от немыслимого зла – убийства твоих родителей, покушения на ребенка – она развалилась на части. Но то, что выбралось из комнаты, было даже меньше, чем он думал. В комнате осталось не только его тело. Он запер часть себя в тебе, в своей несостоявшейся жертве... Его знания были постыдно неполны, Гарри! То, чего он не признавал, он не хотел и понять. Вольдеморт знать не желал о домовых эльфах и детских сказках, о любви, верности, чистоте. Он ничего в этом не понимал. *Ничего*. Ему не дано было постичь, что это сильнее его и сильнее любой магии... Он взял твою кровь в надежде, что она его укрепит. Он принял в свое тело крошечную частицу чар твоей матери, которые она передала тебе, умирая. Его тело хранит ее жертву, и пока эти чары живы, живы и ты, и последняя надежда Вольдеморта.

Думбльдор улыбнулся Гарри. Тот уставился на него:

– И вы знали? Знали... все время?

– Догадывался. Но я обычно угадываю, – удовлетворенно произнес Думбльдор.

Они довольно долго сидели в тишине – только существо под креслом дрожало и хныкало.

– И еще, – сказал наконец Гарри. – Почему моя палочка сломала ту, которую он одолжил?

– Тут у меня нет уверенности.

– А догадки? – спросил Гарри, и Думбльдор засмеялся.

– Тебе следует понять, мой мальчик, что вы с лордом Вольдемортом достигли сфер магии, до сих пор не изученных. То, что произошло, – по-моему, случай беспрецедентный, и, я думаю, никакой изготовитель палочек ничего не смог бы ни предсказать, ни объяснить Вольдеморту... Как ты уже понял, лорд Вольдеморт, возвращая себе

человеческий облик, невольно вдвое укрепил связь с тобой. Осколок его души и так был связан с тобой, а он, думая стать сильнее, принял в себя часть жертвы твоей матери. Если бы он отчетливо постигал ужасное могущество ее жертвы, он, наверное, не посмел бы коснуться твоей крови... Впрочем, тогда он не был бы лордом Вольдемортом и, возможно, никогда бы не убивал... С этой двойной связью ваши судьбы сплелись воедино – и как! История колдовского мира еще не знала ничего подобного. Поэтому, когда Вольдеморт попробовал убить тебя палочкой, чья сердцевина была близнецом твоей, случилось, как мы помним, нечто чрезвычайно странное. Лорд Вольдеморт не знал, что ваши палочки – близнецы, и никак не ожидал такого... В ту ночь он испугался куда больше твоего, Гарри. Ты допускал возможность смерти, ты даже раскрыл ей объятия, но для лорда Вольдеморта это немыслимо. Твоя смелость победила, твоя палочка взяла верх над его, и то, что между ними произошло, своеобразно отразило отношения между вами. Мне представляется, в ту ночь твоя палочка впитала часть силы и умений палочки Вольдеморта, можно даже сказать, крупицу его самого. И когда он преследовал тебя, твоя палочка узнала его – брата и смертельного врага – и направила против него его собственную магию, мощнейшую и, разумеется, не доступную палочке Люциуса. Твоя палочка, а значит, твоя невероятная храбрость плюс чрезвычайные способности самого Вольдеморта: был ли у бедной хворостинки Люциуса Малфоя шанс выстоять?

– Но если моя палочка так могущественна, как Гермиона умудрилась ее сломать? – удивился Гарри.

– Дорогой мой, все ее могущество было направлено исключительно на Вольдеморта, который столь опрометчиво нарушил глубинные законы магии. Только против него твоя палочка обладала феноменальной силой. В остальном она была самой обычной палочкой... Впрочем, я уверен, очень хорошей, – любезно закончил Думбльдор.

Гарри сидел, задумавшись, очень долго – или несколько секунд. Время здесь текло непонятно.

– Он убил меня вашей палочкой.

– Он *не сумел* убить тебя моей палочкой, – поправил Думбльдор. – Полагаю, мы можем принять как данность тот факт, что ты жив... Хотя, разумеется, – добавил он, будто опасаясь показаться

неучтивым, – я отнюдь не преуменьшаю твоих страданий. Их было много.

– Но теперь мне замечательно, – сказал Гарри, разглядывая чистые ладони. – А мы вообще где?

– Ну, об этом я собирался спросить тебя, – проговорил Думбльдор, озираясь. – Как думаешь, где мы?

Пока он не спросил, Гарри не имел ни малейшего представления. Сейчас, однако, ответ возник сам собой.

– Похоже, – медленно начал Гарри, – на вокзале Кингз-Кросс. Только здесь слишком чисто и пусто, и, по-моему, нет поездов.

– Вокзал Кингз-Кросс! – Думбльдор неудержимо захихикал. – Батюшки, неужели?

– А, по-вашему, где? – довольно воинственно спросил Гарри.

– Милый мой, без понятия! Здесь все по-твоему.

Гарри не понял, что это значит; поведение Думбльдора его бесило. Он воззрился на старика, но потом вспомнил, что у него есть и более интересные темы для обсуждения.

– Дары Смерти, – произнес он и обрадовался, когда улыбка сползла с лица Думбльдора.

– Ах да, – пробормотал тот в легкой тревоге.

– Итак?

Впервые на памяти Гарри директор из почтенного старца будто превратился в маленького мальчика, пойманного на какой-то шалости.

– Простишь ли ты меня? – заговорил Думбльдор. – За то, что не доверял тебе? За то, что не рассказал? Гарри, я боялся, что ты потерпишь неудачу – так же, как потерпел неудачу я. Боялся, что ты повторишь мои ошибки. Я прошу у тебя прощения, Гарри. Я уже некоторое время назад понял, что ты намного лучше меня.

– О чем вы? – спросил Гарри, пораженный тоном Думбльдора и его внезапными слезами.

– Дары, Дары... – бормотал тот. – Греза отчаянных!

– Но они же существуют!

– Да, и очень опасны. И к тому же соблазн для дураков, – сказал Думбльдор. – Я и был дурак. Но ты ведь и сам теперь знаешь, верно? У меня больше нет от тебя секретов. Ты знаешь все.

– Что знаю?

Думбльдор развернулся к Гарри всем телом. Слезы поблескивали в ярко-голубых глазах.

– Хозяин Смерти, Гарри, хозяин Смерти! Чем я в конечном счете лучше Вольдеморта?

– Как чем? – возмутился Гарри. – Конечно, вы лучше! Что вы такое говорите! Вы никогда никого не убивали, если можно было не убивать!

– Что правда, то правда, – согласился Думбльдор; он был как ребенок, который ждет, что его утешат. – Но я тоже искал способ покорить смерть.

– Да, но по-другому, – ответил Гарри. Он так долго злился на Думбльдора, что теперь ему было очень странно сидеть здесь, под высоким куполом, и оправдывать Думбльдора перед ним же самим. – Дары, а не окаянты.

– Дары, – пробормотал Думбльдор, – а не окаянты. Точно.

Повисла пауза. Существо под креслом всхлипывало, но Гарри больше не оглядывался.

– Гриндельвальд тоже их искал? – спросил он.

Думбльдор на мгновение прикрыл глаза и кивнул.

– Это и объединяло нас всего превыше, – тихо сказал он. – Двое умных, самонадеянных юнцов, одержимых общей идеей... В Годриковой Лощине он, как ты, я уверен, догадался, хотел найти могилу Игнотуса Певерелла. Хотел исследовать место смерти третьего брата.

– Так это правда? – спросил Гарри. – Все это? Братья Певереллы...

– ...те самые три брата из сказки, – снова кивнул Думбльдор. – Думаю, что так. Не знаю, правда ли они встретили Смерть на пустынной дороге... Скорее всего, братья были просто очень талантливые, опасные колдуны, которые и сотворили эти предметы. По-моему, история о том, что владелицей Даров была сама Смерть, – обычная легенда, какие всегда возникают вокруг могущественных артефактов. Плащ, как ты знаешь, передавался сквозь века: от отца к сыну, от матери к дочери, вплоть до последнего потомка Игнотуса. Он, как и сам Игнотус, родился в Годриковой Лощине.

Думбльдор улыбнулся Гарри.

– Это я?

– Да. Ты ведь догадался, почему в ночь смерти твоих родителей плащ оказался у меня? Джеймс показал мне его незадолго до гибели.

Стало ясно, как ему удавалось безобразничать в школе! Я с трудом поверил своим глазам и попросил одолжить плащ для изучения. Я давно отказался от мечты собрать Дары, но не смог устоять, хотел разглядеть поближе... Ничего подобного я никогда не видел! Такой древний, такой совершенный... А потом твой отец погиб, и я стал единоличным обладателем целых двух Даров!

Он произнес это с большой горечью.

– Плащ бы их в любом случае не спас, – поспешил сказать Гарри. – Вольдеморт знал, где они. Плащ не защитил бы их от проклятия.

– Это правда, – вздохнул Думбльдор. – Правда.

Гарри подождал, но Думбльдор молчал, и тогда Гарри спросил:

– Значит, вы уже бросили искать Дары, когда увидели плащ?

– Да, да, – чуть слышно ответил Думбльдор. Казалось, ему потребовались все силы, чтобы посмотреть Гарри в глаза. – Ты знаешь, что случилось. Знаешь. И не можешь презирать меня сильнее, чем я презираю сам себя.

– Ничего я вас не презираю...

– А должен бы, – бросил Думбльдор и глубоко вздохнул. – Тебе известно о болезни моей сестры, о том, что стало с ней из-за этих муглов. Ты знаешь, как мой несчастный отец отомстил им – и поплатился за это, умерев в Азкабана. А моя мать отдала жизнь заботам об Ариане. Я обижался на судьбу, – откровенно и бесстрастно признался Думбльдор. Он смотрел куда-то поверх головы Гарри. – Я был одарен. Я был талантлив. Я хотел сбежать от родных. Хотел блистать. Жаждал славы... Не пойми превратно, – продолжал он. Его лицо болезненно исказилось, и он вновь превратился в глубокого старика. – Я любил их, родителей, брата и сестру, но я был эгоист, Гарри! Ты, человек самоотверженный, даже представить не можешь... Когда мать умерла, отвечать за больную сестру и капризного брата пришлось мне. Я вернулся домой вне себя от злости и обиды. Мне казалось, я в ловушке, я понапрасну растрачиваю себя! А потом появился он...

Думбльдор опять посмотрел Гарри прямо в глаза.

– Гриндельвальд. Ах, Гарри, как меня захватили, взбудоражили его идеи! Муглы в рабстве. Триумф колдунов. Гриндельвальд и я – великолепные юные лидеры революции... Разумеется, у меня были и сомнения. Но я успокаивал совесть пустыми словами. Все это – ради

высшего блага. Зло стократ окупится пользой для колдунов. Понимал ли я в глубине души, кто таков Геллерт Гриндельвальд? Пожалуй. Но я на все закрывал глаза. Если бы наши задумки принесли плоды, мои мечты осуществились бы... И все наши планы строились вокруг Даров Смерти. Как они влекли его, как влекли нас обоих! Непобедимая волшебная палочка, оружие, что приведет нас к власти! Камень воскрешения! Для него это означало – армия инферний! Я, правда, делал вид, будто этого не понимаю. Сам-то я хотел вернуть родителей и снять с себя груз ответственности. А плащ... Так сложилось, что плащ нас особо не интересовал. Мы оба неплохо умели скрываться и без плаща, а его настоящее волшебство конечно же в том, что он защищает и скрывает не только владельца, но и других. Я думал: если найдем плащ, удобней будет прятать Ариану. Но в основном плащ требовался нам затем, что завершал комплект, ведь в легенде сказано, что только со всеми тремя предметами человек становится хозяином Смерти – то есть, в нашем понимании, непобедимым... Непобедимые хозяева Смерти – Гриндельвальд и Думбльдор! Два месяца безумия, жестоких грез и полного пренебрежения родными, которые у меня еще оставались... А потом... ты знаешь, что было потом. Реальность напомнила о себе – в обличье моего грубого, неграмотного и бесконечно более порядочного брата. Он кричал мне правду, а я не желал слушать. Отказывался понимать, что нельзя по всему свету искать Дары, таская за собой больную сестру... Спор перешел в драку. Гриндельвальд потерял контроль над собой. То дурное, что я всегда чувствовал в нем и не хотел замечать, предстало нам во всем безобразии. Ариана... о которой так бережно заботилась мать... лежала мертвая на полу.

Думбльдор всхлипнул – и зарыдал. Гарри протянул руку и порадовался, обнаружив, что может прикоснуться к старику: он крепко сжал его локоть, и постепенно Думбльдор справился с собой.

– Гриндельвальд сбежал – предсказуемо, как сказали бы все, кроме меня. Исчез с планами захвата власти, с намерениями пытаться мучить и мечтами о Дарах Смерти – мечтами, которые я поощрял, которым помогал осуществиться. Он сбежал, а я остался хоронить сестру и учиться жить с угрызениями совести и своим ужасным горем – платой за свой позор... Шли годы. О нем ходило много слухов. Говорили, что он заполучил волшебную палочку невообразимой силы. Мне тем

временем неоднократно предлагали занять пост министра магии. Естественно, я отказывался. Я знал, что власть мне доверять нельзя.

– Но вы были бы лучше, гораздо лучше Фуджа или Скримджера! – не выдержал Гарри.

– Думаешь? – мрачно переспросил Думбльдор. – Не уверен. Юношеский опыт показал, что власть – моя слабость, слишком большой соблазн. Любопытная вещь, Гарри. Власть более всего пристала тем, кто никогда ее не ищет. Истинные лидеры вроде тебя принимают королевскую мантию из чувства долга и лишь потом, к своему удивлению, обнаруживают, что носят ее по праву. А в «Хогварце» угрозы не было. И, мне кажется, из меня вышел неплохой учитель.

– Самый замечательный на свете!

– Ты очень добр, Гарри. Но пока я обучал юных колдунов, Гриндельвальд создавал армию. Говорят, он боялся меня. Не исключено. Но, думаю, все же меньше, чем я его... Нет, я боялся не смерти, – ответил Думбльдор на вопросительный взгляд Гарри. – Не того, что он может со мной сделать колдовством. Я знал, что тут мы равня, а может, я даже чуть-чуть искуснее. Меня страшила правда. Понимаешь, я ведь так и не узнал, кто из нас в том последнем ужасном бою произнес заклинание, убившее Ариану. Считаю меня трусом – и будешь прав. Больше всего я боялся узнать, что не только своей самонадеянностью и глупостью привел сестру к гибели, но лично нанес удар, оборвавший ее жизнь. По-моему, он это знал, понимал мой страх. Я откладывал встречу с ним, пока избегать поединка не стало попросту позорно. Кругом умирали люди – казалось, его невозможно остановить. Я обязан был сделать все, что в моих силах... Остальное ты знаешь. Я выиграл поединок. И получил волшебную палочку.

Повисло молчание. Гарри не спрашивал, удалось ли Думбльдору выяснить, кто на самом деле убил Ариану. Он не желал этого знать, а вынуждать Думбльдора откровенничать – и того меньше. Но теперь стало ясно, что видел Думбльдор в Зеркале Джедан и почему так хорошо понимал, чем оно заворожило Гарри.

Они надолго замолчали. Всклипов существа под дальним креслом Гарри почти не замечал.

В конце концов он сказал:

– Гриндельвальд пытался помешать Вольдеморту завладеть палочкой. Он соврал, притворился, будто у него ее никогда не было.

Думбльдор кивнул, глядя на свои колени. Слезы еще блестели на его крючковатом носу.

– Говорят, в последние годы, в одиночной камере Нурменгарда, он раскаялся. Надеюсь, это правда. Хотелось бы верить, что он устыдился содеянного, ужаснулся своему злу. Возможно, солгав Вольдеморту, он рассчитывал искупить вину... не подпустить к Дару...

– ...а может, не дать вскрыть вашу гробницу? – предположил Гарри, и Думбльдор отер глаза.

После еще одной паузы Гарри сказал:

– Вы пробовали воспользоваться камнем воскрешения.

Думбльдор кивнул.

– Когда спустя столько лет я нашел его в заброшенном доме Монстеров... Дар, о котором я мечтал больше всего, хотя в юности – совсем по иным мотивам... Я потерял голову, Гарри. Начисто забыл, что это окаянт, что кольцо проклято. Схватил и надел! И на секунду мне показалось, что сейчас я увижу Ариану, мать, отца... Повинюсь перед ними... До чего же я глуп, Гарри. За всю жизнь так ничему и не научился. Я неоднократно доказывал, что не достоин собрать Дары Смерти, и это было еще одно, последнее доказательство.

– Почему? – не понял Гарри. – Это же естественно! Вы хотели опять их увидеть. Что тут плохого?

– Собрать Дары способен, может, один человек из миллиона. А я был достоин лишь самого низменного из всех – или, во всяком случае, самого ординарного. Я получил право обладать бузинной палочкой, и не затем, чтобы ею хвастаться или убивать. Мне позволили приручить ее, потому что я сделал это не ради выгоды, а чтобы защитить от нее других. Но плащ-невидимку я взял из тщеславного любопытства, и он никогда не стал бы служить мне так, как тебе, его истинному хозяину. И с помощью камня я всего лишь хотел вернуть тех, кто покоится с миром, а не пожертвовал собой, как ты. Ты – достойный владелец Даров.

Думбльдор похлопал Гарри по руке. Гарри посмотрел на него и не сдержал улыбки. Ну вот как теперь злиться на старика?

– Но зачем вы все так усложнили?

На губах Думбльдора тоже появилась робкая улыбка.

– Боюсь, в расчете на мисс Грейнджер – дабы она сдержала твой пыл. Я опасался, Гарри, что твоя горячность возобладает над добротой. Что ты соблазнишься Дарами, как некогда я, – воспользуешься ими в неподходящее время и для достижения неверных целей. Я хотел максимально обезопасить тебя от них. Ты – истинный хозяин Смерти, ибо только истинный хозяин от нее не бежит. Он принимает ее неизбежность и понимает, что в жизни есть вещи страшнее смерти.

– А Вольдеморт не знал о Дарах?

– По-моему, нет. Он ведь не опознал камень воскрешения, превратил его в окаянт. Но даже если и слышал... вряд ли его заинтересовало бы что-то кроме первого Дара. Он решил бы, что не нуждается в плаще-невидимке, а камень – кого ему возвращать из царства мертвых? Он их боится. Он не знает любви.

– Но вы ждали, что он захочет завладеть палочкой?

– Был уверен, что он попытается. С той минуты, когда твоя палочка взяла верх над его на кладбище Малого Висельтона. Сначала он испугался, что ты превзошел его мастерством. Потом, похитив Олливандера, узнал о сердцевинах-близнецах. Решил, что это все объясняет. Но позже с твоей палочкой не совладала и одолженная! И тогда Вольдеморт, вместо того чтобы спросить себя, где черпает силу твоя палочка, в чем твой уникальный талант, принялся разыскивать палочку, которая считается непобедимой. Стал одержим бузиновой палочкой – немногим меньше, чем тобой. Он считает, что бузиновая палочка устраняет последнюю его слабость, делает его по-настоящему неуязвимым. Бедный Злотеус...

– Если вы со Злеем спланировали вашу смерть, значит, хотели, чтобы бузиновая палочка перешла к нему?

– Признаюсь, у меня было такое намерение, – сказал Думбльдор. – Но все пошло наперекосяк.

– Да уж, – ответил Гарри. – В этой части план провалился.

Существо под дальним креслом дергалось и поскуливало. Гарри и Думбльдор надолго застыли в молчании. И постепенно на Гарри, словно легкий пушистый снег, легло понимание того, что теперь будет.

– Я должен вернуться?

– Как ты сам решишь.

– Я могу выбирать?

– О да. – Думбльдор улыбнулся. – Говоришь, мы на вокзале Кингз-Кросс? Значит, если решишь не возвращаться, можешь... скажем так... сесть на поезд.

– И куда он повезет?

– Дальше, – просто ответил Думбльдор.

Снова тишина.

– У Вольдеморта бузинная палочка.

– Да. Она у него.

– И вы хотите, чтобы я вернулся?

– Мне кажется, – отозвался Думбльдор, – что, если ты так решишь, есть шанс покончить с ним навсегда. Обещать не могу. Но знаю, что *сюда* ты боишься вернуться намного меньше, чем он.

Гарри опять глянул на убогое создание, что тряслось и давилось под креслом.

– Не жалея мертвых, Гарри. Жалей живых и прежде всего тех, кто лишен любви. Если ты вернешься, возможно, меньше будет искалеченных душ и семей, разделенных смертью. Если ты считаешь, что это достойная цель, мы можем пока попрощаться.

Гарри со вздохом кивнул. Уйти отсюда совсем не так трудно, как отправиться в Запретный лес, но здесь тепло, светло, спокойно, а там его ждет боль и ужас новых потерь. Он поднялся, Думбльдор тоже. Они долго смотрели друг другу в глаза.

– Ответьте на последний вопрос, – попросил Гарри. – Это все на самом деле? Или только у меня в голове?

Думбльдор просиял, и его голос звучал громко и отчетливо, даже когда сам он скрылся во вновь сгустившемся светозарном тумане.

– Конечно, у тебя в голове. Но чем это не на самом деле, Гарри?

Глава тридцать шестая

План провалился

Он снова лежал ничком, вдыхая запахи леса. Щека вжималась в твердую холодную землю; дужка очков, перекосившихся при падении, врезалась в висок. Все тело болело, а там, куда ударило убийственное проклятие, похоже, образовался огромный синяк, будто от железного великанского кулака. Гарри не шевелился. Как упал, так и лежал: с неестественно заломленной левой рукой и раскрытым ртом.

Он ждал радостных криков, ликования по поводу своей гибели, но услышал торопливые шаги, ропот голосов и страстный шепот:

– Милорд... *милорд*...

Беллатрикс будто взывала к возлюбленному. Гарри не осмеливался открыть глаза и свои непростые обстоятельства исследовал другими органами чувств... Палочка, судя по ощущениям, по-прежнему под мантией, под животом что-то мягкое – значит, и плащ-невидимка при нем, и никто об этом не знает.

– *Милорд*...

– Ну, хватит, – раздался голос Вольдеморта.

Еще шаги: несколько человек попятились в разные стороны. Отчаянно желая понять, в чем дело, Гарри на миллиметр приоткрыл глаза.

Кажется, Вольдеморт поднимался на ноги. Несколько Упивающихся Смертью бросились прочь, к толпе на краю поляны. Лишь Беллатрикс осталась на коленях подле своего господина.

Гарри снова закрыл глаза и задумался. Упивающиеся Смертью суетились вокруг Вольдеморта, который почему-то упал. Значит, когда он поразил Гарри убийственным проклятием, что-то случилось. Ему тоже не поздоровилось? Похоже. И они оба потеряли сознание, а сейчас очнулись...

– Милорд, позвольте...

– Мне не нужна помощь, – раздраженно бросил Вольдеморт, и Гарри, хоть и не видел, отчетливо представил, как Беллатрикс

испуганно отдернула руку. – Мальчишка... мертв?

На поляне царила абсолютная тишина. Никто не приближался к Гарри, но он почувствовал на себе взгляд такой силы, что его буквально вдавило в землю. Гарри испугался, как бы у него не дрогнул палец или веко.

– Ты, – сказал Вольдеморт. Послышался удар; кто-то взвизгнул от боли. – Проверь, мертв ли он.

Гарри не знал, кого отправили проверять. Он лежал и ждал, что будет, и слушал, как в груди предательски грохочет сердце. Отчасти его утешало, что Вольдеморт опасается подходить к нему сам – видно, подозревает, что все в очередной раз пошло не по плану...

Чьи-то руки, гораздо нежнее, чем он ожидал, коснулись его лица, приподняли веко, забрались под рубашку, пощупали сердце. Женщина задыхалась, ее длинные волосы щекотали Гарри лицо. Он знал: она уловила биение пульса под его ребрами.

– *Драко жив? Он в замке?* – раздался едва различимый шепот.

Женщина склонилась над Гарри так низко, что ее губы почти касались его уха, а длинные волосы закрывали его лицо от сторонних взглядов.

– *Да*, – выдохнул он.

Он почувствовал, как ее ногти конвульсивно впились ему в грудь, а затем она отдернула руку. И выпрямилась.

– Мертв! – провозгласила Нарцисса Малфой.

Только теперь Упивающиеся Смертью закричали. Они ликовали, топали ногами, и сквозь закрытые веки Гарри видел красные и серебристые вспышки, триумфально полетевшие в небо.

Гарри не шевелился. Он все понял. Нарцисса могла найти сына, лишь войдя в «Хогварц» с армией завоевателей. Ее уже не интересовало, победит Вольдеморт или нет.

– Видите?! – пронзительно крикнул Вольдеморт, перекрывая гвалт. – Гарри Поттер умер от моей руки! Теперь мне никто не страшен! Смотрите! Круцио!

Гарри был готов к этому, догадывался, что его тело не оставят в покое, а для пущей убедительности подвергнут унижениям. Его подбросило в воздух, и ему стоило невероятных усилий не напрячься, остаться ватным. Но боль, к которой он готовился, не пришла. Его подкинуло раз, другой, третий. Очки слетели на землю, волшебная

палочка под одеждой куда-то сползла, однако Гарри упорно притворялся мертвым. Когда он в последний раз упал, все кругом взорвалось глумливыми воплями и хохотом.

– А теперь, – крикнул Вольдемор, – в замок! Покажем им их героя. Ну, кто потащит труп? Нет... Секундочку...

Новый взрыв смеха. Земля под Гарри задрожала.

– Понесешь ты, – приказал Вольдемор. – Он будет мило смотреться у тебя на руках. Подними своего маленького приятеля, Огрид! И очки... не забудьте очки, а то вдруг его не узнают...

Кто-то с силой напялил Гарри на нос очки, но огромные руки, поднявшие его, были ласковы. Огрид прижимал его к себе, поливая слезами и сотрясаясь от рыданий, но Гарри не смел ни жестом, ни звуком дать понять, что еще не все потеряно.

– Пошевеливайся, – рявкнул Вольдемор, и Огрид побрел вперед, продираясь сквозь чащу. Ветки цеплялись за одежду и волосы Гарри, но он не двигался, закрыв глаза и открыв рот. Огрид поминутно всхлипывал, а из толпы Упивающихся Смертью никто не заметил, что на шее Гарри Поттера бьется пульс...

Ряды замыкали двое гигантов. Гарри слышал, как за ними трещат и валятся деревья, а испуганные птицы, вереща, улетают прочь. За этим грохотом было почти не слышно язвительных шуточек Упивающихся Смертью. Триумфальное шествие продолжалось. Вскоре Гарри сквозь закрытые веки почувствовал, что тьма рассеивается: лес редел.

– БЕЙН!

Огрид взревел так неожиданно, что Гарри чуть не открыл глаза.

– Ну что, довольны? Не полезли в драку? Клячи трусливые! Радуйтесь теперь: Гарри Поттер м-мертвый!..

Голос сорвался, и Огрид вновь залился слезами. Интересно, сколько кентавров наблюдает за процессией; подсмотреть Гарри не посмел. Кое-кто из Упивающихся Смертью походя осыпал кентавров оскорблениями. Через некоторое время воздух посвежел; очевидно, они вышли на опушку.

– Всем стоять.

Огрид слегка пошатнулся – видимо, остановился не по своей воле. Сгустился холод, послышался хрип патрульных дементоров. Но они больше не пугали Гарри. Он выжил, и это было его талисманом: олень,

отцовский Заступник, словно бы поселился в сердце и надежно его охранял.

Кто-то прошел совсем близко – судя по всему, Вольдеморт: спустя миг над землями замка, больно ударяя по барабанным перепонкам, разнесся его магически усиленный голос:

– Гарри Поттер мертв. Он был убит как трус, когда пытался сбежать с поля боя, где вы отдавали за него свои жизни. Мы принесли его тело, дабы вы знали: ваш герой уничтожен. Я победил. Вы потеряли половину своих бойцов. Наши силы превосходят числом, а мальчика, который остался жив, больше нет. Война окончена. Всякий, кто продолжит сопротивление, мужчина, женщина или ребенок, будет жестоко убит, а семья его истреблена. Поэтому выходите из замка, преклоните предо мною колена, и я пощажу вас. Ваши родители и дети, ваши братья и сестры будут жить, получают прощение, и мы вместе начнем строительство нового мира.

Тишина объяла замок и окрестности. Вольдеморт стоял слишком близко, и Гарри не решался открыть глаза.

– Вперед, – приказал Вольдеморт, и Гарри услышал его удаляющиеся шаги. Огрида толкнули в спину. Гарри осмелился чуть-чуть разомкнуть веки и увидел, что Вольдеморт идет во главе своего войска. На плечах у него лежала Нагини – без зачарованной клетки. Увы, незаметно палочку не достать: по бокам от Огрида шагали Упивающиеся Смертью. Тьма медленно рассеивалась...

– Гарри, – причитал Огрид. – Ой, Гарри... Гарри...

Тот снова крепко закрыл глаза. Они приближались к замку, и Гарри изо всех сил напрягал слух, за злорадными воплями и топотом стараясь уловить, что творится в школе.

– Стоять.

Процессия замерла. Все, похоже, растянулись цепью перед парадными дверями «Хогварца». Даже сквозь закрытые веки Гарри видел красноватое свечение из вестибюля. Гарри ждал. Вот-вот те, ради кого он пытался умереть, увидят на руках Огрида его безжизненное тело.

– НЕТ!

Вопль был страшен: Гарри не ожидал и не представлял, что профессор Макгонаголл способна так кричать. Рядом раздался женский смех – Беллатрикс наслаждалась отчаянием Макгонаголл.

Гарри на секунду приоткрыл глаза и успел увидеть, как на крыльце появляются выжившие: встретиться с победителями, воочию убедиться в смерти Гарри. Вольдеморт стоял чуть впереди и белым пальцем гладил Нагини по голове. Гарри снова закрыл глаза.

– Нет!

– *Нет!*

– Гарри! ГАРРИ!

Слышать Рона, Гермиону и Джинни было невыносимо. Больше всего на свете Гарри хотелось ответить, но он заставил себя прикусить язык. Крики подействовали как спусковой механизм: защитники «Хогварца» принялись осыпать Упивающихся Смертью бранью...

– ТИХО! – рявкнул Вольдеморт. Раздался грохот, и яркая вспышка заставила всех умолкнуть. – Все кончено! Положи его на землю, Огрид, к моим ногам, где ему самое место!

Гарри уложили на траву.

– Видите? – Гарри почувствовал, как Вольдеморт заходил туда-сюда. – Гарри Поттер мертв! Теперь-то понимаете? Вас надули. Он был пустышка! Щенок, ради которого жертвовали собой другие!

– Он тебя победил! – крикнул Рон. Чары рассеялись, и защитники «Хогварца» снова заорали, однако их заглушил грохот еще сильнее прежнего.

– Его убили, когда он пытался улизнуть. – Вольдеморт явно упивался своей ложью. – Когда спасал свою шкуру...

Он не договорил. Гарри услышал какую-то возню, раздался крик, опять грохот, что-то полыхнуло, кто-то застонал. Гарри совсем немножко приоткрыл глаза и понял, что из толпы некто бросился на Вольдеморта, но рухнул, обезоруженный. Вольдеморт отшвырнул его палочку и рассмеялся.

– Кто это тут у нас? – как змея, зашипел он. – Кто это решил показать нам, что случается с побежденными, если они продолжают рыпаться?

Беллатрикс в восторге расхохоталась:

– Это Невилл Лонгботтом, милорд! Тот, что донимал Карроу! Сын авроров, помните?

– Ах да... Помню. – Вольдеморт сверху вниз глянул на Невилла. Тот поднялся и теперь стоял безоружный на нейтральной полосе между защитниками «Хогварца» и Упивающимися Смертью. – Но ведь

ты, мой храбрый мальчик, чистокровный? – осведомился Вольдемор, когда Невилл вытянулся перед ним во весь рост, сжимая кулаки.

– И что с того? – с вызовом отозвался Невилл.

– Ты силен духом и храбр, и к тому же из благородной семьи. Из тебя получится отличный Упивающийся Смертью. Такие люди нам нужны, Невилл Лонгботтом.

– Скорее солнце погаснет, чем я к вам присоединюсь, – ответил Невилл. – «Думбльдорова армия»! – крикнул он, и за его спиной подхватили клич. Похоже, замолчары у Вольдеморта получались недолговечные.

– Прекрасно, – бархатисто промолвил Вольдемор, и голос этот был опаснее мощнейшего заклятия. – Тогда поступим по плану. Раз ты так решил, Лонгботтом. Пеняй, – тихо прибавил он, – на себя.

Сквозь полусомкнутые ресницы Гарри видел, как Вольдемор взмахнул палочкой; в полумраке из разбитого окна бесформенной птицей вылетело нечто и упало ему прямо в руку. Вольдемор встряхнул заплесневелый предмет за острый конец, и в его руке закачалась потрепанная, пустая Шляпа-Распределница.

– В «Хогварце» больше не будет Распределения, – объявил Вольдемор. – Никаких колледжей. Всем довольно символа, герба и цветов моего благородного предка Салазара Слизерина. Верно, Невилл Лонгботтом?

Он направил палочку на Невилла – тот оцепенел – и нахлобучил Шляпу ему на голову до самого носа. Толпа у замка заволновалась, но Упивающиеся Смертью дружно взметнули палочки и взяли защитников «Хогварца» на прицел.

– А теперь на примере Невилла мы увидим, что ждет глупцов, продолжающих сопротивление. – Вольдемор едва уловимо шевельнул палочкой, и Шляпа-Распределница вспыхнула.

Воздух всколыхнулся от криков, Невилл, прикованный к месту, горел, это было невыносимо, надо что-то делать, успел подумать Гарри...

И в тот же миг произошло сразу много чего.

Вдалеке послышался грохот – судя по всему, к «Хогварцу», перевалив через ограду, с боевым кличем неслась огромная армия. Из-за угла с ревом «ОХЫТ!» выскочил Гурп. На его вопли откликнулись гиганты Вольдеморта, и земля задрожала, когда они, как стадо слонов,

ринулись Гурпу навстречу. Потом застучали копыта, запели тетивы, в Упивающихся Смертью полетели стрелы, и застигнутые врасплох Вольдемортовы приспешники закричали, забегали, смешав стройные ряды. Гарри выхватил плащ-невидимку, накинул на себя и вскочил, а вместе с ним зашевелился и Невилл.

Одним стремительным гибким рывком он освободился от полного телобинта, полыхающая шляпа слетела, и из ее глубин Невилл вытащил нечто серебряное, с рубинами, сверкающими на эфесе...

В реве надвигающейся толпы, в топоте копыт кентавров, в громе драки гигантов удар серебряного лезвия не был слышен, и однако все взгляды обратились к нему: единым махом Невилл отсек голову гигантской змее, и голова взлетела, блеснув в прямоугольнике света из вестибюля, и Вольдеморт распахнул рот в яростном крике, но и этого не услышал никто, а мертвое змеиное тело рухнуло к его ногам...

Не успел Вольдеморт поднять палочку, Гарри под плащом-невидимкой прикрыл Невилла заградительным заклятием. И тут над битвой, заглушая крики, рев, гром и топот, раздался мощный голос Огрида:

– ГАРРИ! ГАРРИ! ГДЕ ГАРРИ?!

Царил хаос. Разбушевавшиеся кентавры расшвыривали Упивающихся Смертью, люди разбежались кто куда из-под огромных ступней гигантов, и все ближе и ближе накатывали крики пришедшей непонятно откуда подмоги; над головами гигантов Вольдеморта Гарри увидел целую стаю огромных крылатых существ: тестрали и гиппогриф Конькур налетали на гигантов и выцарапывали им глаза; Гурп вовсю мутузил своих сородичей; колдунов – и защитников «Хогварца», и сторонников Вольдеморта – оттеснило к замку. Гарри без разбору палил проклятиями в Упивающихся Смертью, и те падали, не понимая, кто их атаковал, а отступающая толпа затаптывала их тела.

Людской водоворот утянул невидимого Гарри в вестибюль: Гарри искал глазами Вольдеморта и вскоре заметил его у дальней стены – стреляя проклятиями направо и налево, тот пятился в Большой зал и попутно во весь голос отдавал распоряжения своим приспешникам; Гарри наколдовал еще несколько заградительных щитов, и Шеймас Финниган с Ханной Аббот, избежав гибели, кинулись в зал, где вовсю полыхало сражение.

Все больше и больше народу взбегало на крыльцо и устремлялось внутрь; Гарри увидел, как Чарли Уизли обогнал Горация Дивангарда, так и не снявшего изумрудную пижаму. Похоже, они вели за собой семьи и друзей чуть ли не всех учеников «Хогварца», оставшихся воевать, а заодно полк торговцев и жителей Хогсмеда. Загрохотали копыта: кентавры Бейн, Ронан и Магориан ворвались в вестибюль, а за спиной Гарри со страшным треском сорвало с петель дверь на кухню.

В проем устремилась толпа домовых эльфов – они кричали и размахивали кухонными ножами, а во главе бежал Шкверчок; медальон Регула Блэка подпрыгивал у него на груди, и своим утробным лягушачьим голосом, различимым даже в этом невероятном гвалте, Шкверчок вопил:

– Сражайтесь! Сражайтесь за моего хозяина, защитника домовых эльфов! Сражайтесь с Черным Лордом во имя храброго Регула! В бой!

Злобно щерясь, эльфы сновали под ногами Упивающихся Смертью и ножами кромсали им лодыжки и колени; куда ни глянь, Упивающиеся Смертью валились под натиском наседавших противников, падали от заклятий, вытаскивали из ран стрелы, получали ножами по ногам от эльфов или попросту пытались убежать и тонули в наплыве толпы ополченцев.

Однако война еще не кончилась; сквозь толпу дуэлянтов, мимо связанных пленных Гарри пробился в Большой зал.

Вольдемонт в самом сердце боя крушил и сметал всех, кто попадался под руку. Гарри не удавалось точно прицелиться; по-прежнему невидимый, он стал проталкиваться ближе. Большой зал наполнялся людьми – все, кто еще мог ходить, устремлялись сюда.

Гарри видел, как Джордж и Ли Джордан сбили с ног Гнусли. Долохов с криком пал от руки Флитвика. Огрид через весь зал швырнул Уолдена Макнейра – тот впечатался в стену и без сознания сполз на пол. Рон и Невилл завалили Фенрира Уолка, Аберфорс сшиб Гадвуда, Артур и Перси обезвредили Ретивса, а Люциус и Нарцисса Малфои бежали сквозь толпу, даже не попытавшись сражаться, и истошно звали сына.

Вольдемонт тем временем, кривясь в холодной ненависти, отбивался от Макгонаголл, Дивангарда и Кингсли, а те увертывались и пригибались; попытки его уничтожить пока не увенчались успехом.

Беллатрикс яростно дралась ярдах в пятидесяти от Вольдеморта. Как и ее господин, она воевала с троими: Гермионой, Джинни и Луной; они очень старались, но Беллатрикс была им не по зубам. В дюйме от головы Джинни пронеслось убийственное проклятие...

Гарри развернулся и бросился к Беллатрикс, но не успел сделать и нескольких шагов, как его смели в сторону.

– НЕ ТРОНЬ МОЮ ДОЧЬ, СВОЛОЧЬ!

Миссис Уизли на бегу сбросила плащ, освобождая руки. Беллатрикс развернулась и при виде новой соперницы расхохоталась.

– С ДОРОГИ! – крикнула миссис Уизли девочкам и, взмахнув палочкой, вступила в бой. Гарри с ужасом и восторгом наблюдал, как мелькает и кружится палочка Молли Уизли; улыбка Беллатрикс Лестранж дрогнула и обернулась звериным оскалом. Световые заряды летели из палочек, и вскоре пол под ногами ведьм раскалился докрасна и растрескался: женщины бились насмерть.

– Нет уж! – рывкнула миссис Уизли каким-то школьникам, бросившимся на помощь. – Прочь! *Назад!* Она моя!

Сотни человек, теснясь у стен, наблюдали за двумя поединками: Вольдеморта и трех его противников и Беллатрикс с Молли, а Гарри оставался невидим, разрывался от желания вмешаться, защитить, но боялся, как бы не пострадали невинные.

– Что-то будет с твоими детками, когда я тебя укокошу? – язвительно бросила Беллатрикс, совершенно обезумевшая, как и ее господин. Заклятия танцевали вокруг, и она ловко уворачивалась. – Что будет, когда мамочка отправится вслед за Фредди?

– Ты! Больше! Никогда! Не тронешь! Наших! Детей! – заорала миссис Уизли.

Беллатрикс ликующе расхохоталась – совсем как ее кузен Сириус перед тем, как исчезнуть за завесой, – и Гарри вдруг понял, что сейчас произойдет.

Заклятие Молли пролетело под рукой Беллатрикс и поразило ее в грудь, прямо над сердцем.

Злорадная ухмылка застыла на лице Беллатрикс, глаза вытаращились; на крошечную долю секунды она постигла, что случилось, а потом упала замертво, и тогда толпа взревела, а Вольдемо́рт завизжал.

Точно в замедленной съемке Гарри развернулся и увидел, как Вольдеморт, взбешенный потерей последней, самой верной своей соратницы, запустил в Макгонаголл, Кингсли и Дивангарда заклятием такой взрывной силы, что все трое отлетели назад, кувыркаясь в воздухе. Затем он направил палочку на Молли Уизли.

– Протего! – прогремел голос Гарри, и посреди зала встал заградительный щит. Вольдеморт заозирался, не понимая, кто это сделал, и Гарри наконец-то сбросил плащ-невидимку.

Со всех сторон понеслись восторженные, ошеломленные возгласы:

– Гарри! ОН ЖИВ! – и тотчас замерли. Толпа испугалась, повисла гробовая тишина, а Гарри и Вольдеморт, сцепившись взглядами, одновременно заходили по кругу, точно волки перед дракой.

– Помогать не надо, – громко объявил Гарри. В тишине его голос прозвучал подобно горну. – Все так, как должно быть. Я все должен сделать сам.

Вольдеморт зашипел:

– На самом деле Поттер думает иначе. – Его глаза горели красным огнем. – У него совершенно другие планы. Кем ты сегодня прикроешься, Поттер?

– Никем, – спокойно ответил Гарри. – Окаянгов больше нет. Остались только ты да я. Выжить суждено лишь одному, и один из нас вот-вот уйдет...

– Один из нас? – усмехнулся Вольдеморт, и все тело его напряглось, а кровавые глаза смотрели не моргая – он был словно змея перед смертельным броском. – И кто же выживет? Уж не ты ли, молокосос, который остался жив благодаря случайности и Думбльдору, дергавшему за ниточки?

– Моя мама погибла, спасая меня, – это случайность? – поинтересовался Гарри. Они все ходили по кругу, вперившись друг в друга, и для Гарри сейчас не существовало никого на свете, кроме Вольдеморта. – Или что я дрался с тобой на кладбище? Что сегодня я не защищался, но выжил и снова с тобой дерусь? Это все случайности?

– *Случайные совпадения!* – завопил Вольдеморт, но не атаковал. Толпу вокруг словно заморозили заклятием, и во всем зале, кроме них двоих, кажется, и не дышал никто. – Случай, стечение обстоятельств

плюс еще люди умнее и искуснее твоего, за чьими спинами ты прятался и хныкал, пока они за тебя умирали!

– Ты больше никого не убьешь, – сказал Гарри. Они медленно двигались по кругу, продолжая дуэль глазами: зеленые против красных. – Просто не сможешь. Еще не понял? Я был готов умереть, чтобы ты не тронул всех этих людей...

– Но не умер!

– Но *хотел*, и в этом все дело. Я повторил то, что сделала моя мать. Они от тебя защищены. Ты не заметил, что ни одно твое заклятие не держится? Ты никого больше не сможешь пытаться. Ты даже коснуться никого не сможешь. Ты вообще не учишься на своих ошибках, Реддль?

– *Да как ты смеешь...*

– Смею! – ответил Гарри. – Я знаю то, о чем ты понятия не имеешь, Том Реддль. Много-много всякого важного, о чем ты и не догадываешься. Хочешь послушать, пока опять не налажал по-крупному?

Вольдемо́рт молчал, двигаясь по кругу, и Гарри понял, что на время зачаровал его, удержал призрачным посулом. Действительно, вдруг мальчишка и в самом деле знает какую-то роковую тайну...

– Неужто опять любовь? – Змеиная физиономия Вольдеморта искривилась усмешкой. – Вечная панацея от всех бед. Которая, как уверял Думбльдор, якобы побеждает смерть. Что же ваша хваленая *любовь* не спасла его, когда он сверзился с башни и расшибся в лепешку, как старая восковая кукла? Что ж *любовь* не помешала мне раздавить как таракана мугродину, которая тебя родила, Поттер? И сейчас вряд ли кто-то любит тебя настолько, чтобы прикрыть собой от моего удара. И что убережет тебя от смерти на сей раз?

– Только одно, – ответил Гарри, и они всё ходили по кругу, не отрывая взглядов друг от друга, разделенные лишь последней тайной.

– Если не любовь, – произнес Вольдемо́рт, – тогда, вероятно, ты полагаешь, что тебе известна магия, неведомая мне? Или твое оружие мощнее моего?

– И то и другое. – На змеином лице мимолетно нарисовалось потрясение, однако Вольдемо́рт быстро справился с собой и расхохотался. Смех его, безрадостный и безумный, был страшнее любого крика и эхом разнесся под сводами безмолвного зала.

– Ты думаешь, что *ты* знаешь о колдовстве больше *меня*?! – вскричал он. – Больше лорда Вольдеморта, который умеет такое, о чем не грезил даже Думбльдор?

– Да нет, он как раз грезил, – отозвался Гарри, – только соображал получше твоего. И не делал того, что делал ты.

– Значит, он был слабак! – взвизгнул Вольдеморт. – Не посмел рискнуть! Не смог взять то, что могло принадлежать ему – и скоро станет моим!

– Просто он был умнее тебя, – возразил Гарри. – Намного лучше тебя и как колдун, и как человек.

– Я обрек его на смерть!

– Это тебе так казалось, – сказал Гарри. – Но ты ошибался.

Тут толпа встрепелулась – сотни людей тихо ахнули хором.

– *Думбльдор мертв!* – Вольдеморт швырнул эти слова в Гарри, будто рассчитывая причинить нестерпимую боль. – Я сам видел труп, Поттер! Он благополучно гниет в мраморной гробнице рядом с замком! Думбльдор не вернется!

– Да, он мертв, – невозмутимо согласился Гарри. – Но убил его не ты. Он сам выбрал, как ему умереть, за многие месяцы до того, как это случилось, и обо всем уговорился с человеком, которого ты считал верным слугой.

– Что за бред? – усмехнулся Вольдеморт, но не нападал, и красные глаза не отрывались от Гарри.

– Злотеус Злей не был за тебя, – сказал Гарри. – Он был за Думбльдора. Он перешел на сторону Думбльдора, как только ты развязал охоту на мою мать. А ты и не догадывался, потому что ничего не понимаешь в любви. Ты никогда не видел его Заступника, а, Реддль?

Вольдеморт не ответил. Они ходили и ходили по кругу, готовые вцепиться друг другу в глотки.

– У него Заступник – лань, – сообщил Гарри. – Как и у моей матери. Потому что он любил ее почти всю жизнь, с детства. Что же ты не догадался? – прибавил он, увидев, как раздулись ноздри Вольдеморта.

– Он же просил пощадить ее, верно? – Он хотел ее, вот и все, – презрительно фыркнул Вольдеморт. – Но, когда она умерла, он понял,

что есть и другие женщины, достойные его, не мугродье какое-нибудь...

– Так он тебе говорил, – ответил Гарри. – Но, едва она оказалась под угрозой, он стал шпионом Думбльдора и с тех пор работал против тебя! Думбльдор уже и так умирал, когда Злей его убил!

– Да какая разница! – заорал Вольдеморт, который чутко ловил каждое слово, но сейчас испустил безумный смешок. – Какая разница, за кого был Злей и какие мелкие преграды они с Думбльдором возводили на моем пути? Я сокрушил их всех, как некогда твою мамашу, якобы великую Злееву *любовь*! Похоже, все встает на свои места, Поттер, хотя ты и не понимаешь! Думбльдор из кожи вон лез, чтобы бузинная палочка не попала ко мне, и решил передать ее Злею! Но я тебя опередил, шмакодявка, я завладел палочкой прежде, чем ты протянул к ней свои ручки, я познал истину первым. Злотеус Злей пал от моей руки три часа назад, и теперь я настоящий хозяин бузинной палочки – Смертного жезла, палочки Судьбы! Последний план Думбльдора провалился, Гарри Поттер!

– Это да, – согласился Гарри, – тут ты прав. Но перед тем, как ты попытаешься меня убить, советую поразмыслить над своими поступками... подумай и попробуй хоть немного раскаяться, Реддль...

– Что?!

Этот совет потряс Вольдеморта сильнее любых откровений и насмешек. Зрачки его превратились в щелочки, кожа вокруг глаз побелела.

– Это твой последний шанс, – пояснил Гарри. – Все, что тебе остается... Я видел, во что ты превратишься иначе... будь мужчиной... давай... постарайся раскаяться...

– Да как ты смеешь... – повторил Вольдеморт.

– Смею, – перебил Гарри. – Потому что последний план Думбльдора не ударил по мне, а отрикошетил в тебя, Реддль.

Рука Вольдеморта, державшая бузинную палочку, затряслась, и Гарри сильнее обхватил палочку Драко. Он знал: решающий момент близко.

– Палочка в твоих руках не слушается тебя, потому что ты убил не того человека. Злотеус Злей никогда не был ее истинным хозяином. Он никогда не побеждал Думбльдора.

– Он убил...

– Ты что, глухой? *Злей не побеждал Думбльдора!* Злей убил его, потому что они так договорились! Думбльдор хотел умереть непобежденным и остаться последним истинным хозяином палочки! Если бы все пошло по плану, сила волшебной палочки умерла бы вместе с ним, потому что никто бы ее у него не отбирал!

– Но в таком случае, Поттер, Думбльдор все равно что вручил мне ее самолично! – злорадно ухмыльнулся Вольдеморт. – Я выкрал палочку из его могилы! Забрал против его воли! Ее могущество перешло ко мне.

– До тебя не доходит, Реддль? Владение палочкой ничего не дает! Ты можешь держать ее, пользоваться ею, но она не твоя. Ты не слушал, что говорил Олливандер? «Палочка выбирает колдуна». Бужинная палочка признала нового владельца раньше, чем умер Думбльдор, хотя он, новый, и пальцем ее не коснулся. Он разоружил Думбльдора и так и не понял, что сделал. Он и предположить не мог, что его признает своим хозяином самая опасная палочка на свете...

Грудь Вольдеморта заходила ходуном; Гарри чувствовал, как в палочке, направленной ему в лицо, набухает проклятие.

– Истинным хозяином бужинной палочки был Драко Малфой.

Потрясение мелькнуло в лице Вольдеморта, но он сразу взял себя в руки.

– И какое это имеет значение? – тихо спросил он. – Даже если ты прав, Поттер, нам с тобой это безразлично. У тебя больше нет палочки с пером феникса. Теперь главное – мастерство... Я убью тебя, а потом займусь Драко Малфоем...

– Оpozдал, – ответил Гарри. – Упустил шанс. Я разобрался с Драко первым неделей этак несколько назад. И отнял у него волшебную палочку.

Гарри дернул боярышниковой палочкой. Все взоры были прикованы к ней.

– Ну? Вот оно, главное, – прошептал Гарри. – Знает ли палочка в твоей руке, что ее последнего хозяина разоружили? Если да... тогда истинный хозяин бужинной палочки – я.

Заколдованный потолок Большого зала полыхнул ало-золотой зарей, а из-за подоконника ближнего окна выглянул краешек солнца. Свет озарил их обоих одновременно, и лицо Вольдеморта обернулось одним сплошным пылающим пятном. Гарри услышал пронзительный

крик и, целясь палочкой Драко, тоже завопил что было сил, обращая к небесам свою последнюю надежду:

– Авада Кедавра!

– Экспеллиармус!

Раздался оглушительный взрыв, и там, где встретились заклинания, в самом центре разделявшего их круга, рассыпался сноп золотых искр. Гарри видел, как убийственная зеленая вспышка встретила с разоружным заклятием, как бузинная палочка взметнулась ввысь, чернея на фоне восхода, и, кувыркаясь, как отрубленная голова Нагини, полетела к своему хозяину, которого не желала убивать и который наконец-то стал ее полноправным обладателем. Гарри поймал ее твердой рукой Ловчего, а Вольдеморт тем временем уже падал навзничь, раскинув руки и закатывая красные глаза с вертикальными зрачками. Том Реддль рухнул на пол с обыденной окончательностью: его тело было хлипким и сморщенным, белые руки пусты, змеиное лицо безжизненно, безучастно. Вольдеморт умер от своего же отрикошетившего проклятия, а Гарри стоял с двумя волшебными палочками и глядел на отслужившую оболочку своего врага.

На миг повисла вибрирующая потрясенная тишина, а затем зал взорвался воплями, гиканьем и ревом. В пламени утреннего солнца ослепительно вспыхнули окна, и сотни людей устремились к Гарри, но первыми рядом оказались Рон и Гермиона, и они обнимали его, их крики оглушали его, хотя он ни слова не понимал, а затем подоспели Джинни, Невилл и Луна, и прочие Уизли, и Огрид, и Кингсли, Макгонаголл, Флитвик, Спарж, и Гарри не понимал, что ему кричат, не мог сказать, чьи руки хватают его и куда тащат; толпа напирала со всех сторон в надежде прикоснуться к мальчику, который остался жив, поблагодарить за то, что самое страшное наконец позади...

Солнце неуклонно поднималось над «Хогварцем», и Большой зал сиял жизнью и светом. Гарри был средоточием ликования и траура, печали и торжества. Все хотели, чтобы Гарри был здесь, рядом – лидер, символ, путеводная звезда, – а то, что он смертельно устал и мечтал побыть в кругу своих, никого, похоже, не волновало. Он должен поговорить с теми, кто понес утрату, пожать им руки, увидеть их слезы, выслушать благодарности – а также новости, летевшие в замок со всех концов страны. Ибо прямо сейчас те, кто находился под проклятием подвластия, приходили в себя; Упивающиеся Смертью

бежали либо были схвачены; невинно осужденные узники Азкабана выходили на свободу, а Кингсли Кандальера назначили временно исполнять обязанности министра магии.

Тело Вольдеморта перенесли в комнату по соседству с залом, подальше от Фреда, Бомс, Люпина, Колина Криви и пяти десятков других, погибших в сражении с ним. Макгонаголл вернула столы колледжей на место, но никто не сидел где положено — все перемешалось: преподаватели и ученики, привидения и родители, кентавры и домовые эльфы, и Фиренце, приходя в себя после ранения, лежал в углу, и Гурп смеясь заглядывал в разбитое окно, а из зала ему в рот кидали еду. Через некоторое время Гарри, донельзя измученный и выжатый как лимон, вдруг обнаружил, что сидит на скамье рядом с Луной.

— На твоём месте я бы мечтала побыть в тишине и покое, — сказала она.

— Да, было бы неплохо, — согласился Гарри.

— Я всех отвлеку, — предложила Луна, — а ты уйди под плащом.

И, не успев он ответить, закричала, тыча пальцем в окно:

— Ой, смотрите, балабольный вотэтодавр!

Все, кто услышал, дружно повернулись к окну, а Гарри накинул плащ и встал.

Теперь он мог идти по залу беспрепятственно. Через два стола от него сидела Джинни, положив голову матери на плечо. Он поговорит с ней потом. Времени у них предостаточно — часы, дни, может, годы. Гарри увидел Невилла в окружении стайки ярких поклонников; Невилл ел, а меч Гриффиндора лежал рядом с тарелкой. Проходя между столов, Гарри заметил Малфоев — они жались друг к другу и, видимо, не понимали, имеют ли право здесь находиться, но на них никто не обращал внимания. Повсюду Гарри видел воссоединившиеся семьи и наконец отыскал тех двоих, кто сейчас был ему особенно нужен.

— Это я, — пробормотал он, присев на корточки между ними. — Пойдете со мной?

Оба вскочили и вместе вышли из Большого зала. Мраморной лестнице сильно досталось, кусок балюстрады снесло, на ступенях валялись каменные обломки и алела кровь.

Где-то вдали Дрюэг распевал победную песнь собственного сочинения:

*Мы их победили, плохих мы побили,
Все гады в могиле, а Поттер – герой!
Раз Вольдик-волдырик прокис, как кефирик,
Нам светят танцульки, затем пир горой!*

– Да уж, кантата-оратория... В полной мере описывает масштабы трагедии, – заметил Рон, толкая дверь и пропуская вперед Гарри и Гермиону.

Счастье непременно наступит, думал Гарри. Но пока счастье приглушали невероятная усталость и мучительная боль от потери Фреда, Люпина и Бомс, то и дело пронзавшая его, будто ножом. Впрочем, сильнее всего было огромное облегчение и непреодолимое желание поспать. Однако сначала требовалось все объяснить Рону и Гермионе. Они так долго были рядом с ним; они заслуживали знать правду. Гарри подробно описал, что видел в дубльдуме и что случилось в лесу. Рон и Гермиона еще толком не успели выказать шок и изумление, когда все трое добрались туда, куда, собственно, и направлялись, не сговариваясь.

Горгулья, охранявшая вход в кабинет директора, валялась в стороне, перекошенная и, кажется, в нокауте. Гарри засомневался, сможет ли она теперь распознавать пароли.

– Можно наверх? – спросил он.

– Да пожалуйста, – простонала горгулья.

Они перелезли через нее и поднялись по медленно движущемуся винтовому эскалатору. Гарри открыл дверь.

Он мельком заметил на столе дубльдум – ровно там, где его оставил, – а в следующий миг раздался оглушительный грохот, и Гарри вскрикнул. Вольдеморт воскрес, Упивающиеся Смертью вернулись?..

Но то были всего лишь бурные овации. Со стен кабинета бывшие директора и директрисы «Хогварца» аплодировали ему стоя и размахивали шляпами, а некоторые – париками. Они пожимали друг другу руки через рамы и танцевали в своих креслах. Дилис Дервент, не стесняясь, плакала, Декстер Фортескью махал слуховым рожком, а Финей Нигеллий тоненько выкрикивал:

– Заметьте, колледж «Слизерин» тоже внес свою лепту в общую победу! Не забывайте!

Но взгляд Гарри был прикован к картине за спинкой директорского кресла – к самому большому портрету, где стоял старик в очках со

стеклами-полумесяцами. По его щекам текли слезы, исчезающие в длинной седой бороде, весь он светился от гордости и благодарности, и улыбка его пролилась на душу Гарри бальзамом – совсем как песнь феникса.

В конце концов Гарри поднял руки, и портреты почтительно умолкли. Улыбаясь и утирая глаза, они с нетерпением ждали, что он скажет. Однако Гарри обратился к одному Думбльдору. Ноги подгибались от усталости, в глазах все плыло, но ему все же нужен был последний совет. Гарри заговорил, тщательно подбирая слова.

– То, что было спрятано в Проныре... – начал он. – Я уронил это в лесу, точно не помню где и искать не собираюсь. Правильно ли я поступаю?

– Да, мой мальчик, правильно, – ответил Думблдор. Его предшественники смотрели озадаченно, заинтригованно. – Это очень мудрое и мужественное решение. Именно такого я от тебя и ожидал. Кто-нибудь еще знает, где оно?

– Никто, – сказал Гарри.

Думблдор удовлетворенно кивнул.

– Подарок Игнотуса я хочу оставить себе, – продолжил Гарри, и Думблдор просиял:

– Разумеется, он твой навеки, пока ты не передашь его дальше!

– И последнее...

Гарри предъявил бузинную палочку. Рон и Гермиона смотрели на нее благоговейно, и ему, ошалелому и невыспавшемуся, это очень не понравилось.

– Она мне не нужна, – заявил Гарри.

– Чего?! – воскликнул Рон. – Ты что, спятил?!

– Она, конечно, очень мощная, – устало пробормотал Гарри. – Но мне было гораздо лучше с моей... Поэтому...

Он порылся в кисте и достал половинки волшебной палочки, соединенные хрупким пером феникса. Гермиона говорила, что палочку невозможно починить, что повреждения слишком серьезные. Ну если и это не сработает...

Он положил обломки на директорский стол, коснулся их концом бузиновой палочки и произнес:

– Репаро!

Сломанные края соединились, и из кончика посыпались красные искры. Получилось! Гарри взял в руки любимую палочку, и по пальцам побежало тепло: волшебная палочка и рука весело праздновали встречу после долгой разлуки.

– Я верну бузинную палочку туда, откуда ее взяли. – Гарри обращался к Думбльдору. Тот смотрел на него с великой любовью и восхищением. – Пусть там и лежит. Если я умру естественной смертью, как Игнотус, ее сила исчезнет, так? Потому что прежний владелец не был побежден. И на этом ее путь закончится.

Думбльдор кивнул. Они улыбнулись друг другу.

– Ты уверен? – с легкой тоской спросил Рон, не отрывая взгляда от бузинной палочки.

– По-моему, Гарри прав, – тихо сказала Гермиона.

– От этой палочки больше неприятностей, чем пользы, – пояснил Гарри. – А неприятностей, если честно, – он отвернулся от портретов, думая сейчас только о кровати под балдахином в гриффиндорской башне и о том, не принесет ли Шкверчок туда бутербродов, – я уже наелся на всю жизнь.

Эпилог

Девятнадцать лет спустя

Осень в том году наступила внезапно. Утро первого сентября выдалось золотое и хрусткое, как яблоко. Маленькое семейство торопливо пересекало шумную улицу, направляясь к большому закопченному вокзалу. Автомобильные выхлопы и дыхание прохожих серебряными паутинками искрились в холодном воздухе. Родители толкали перед собой груженные под завязку тележки – там подпрыгивали две большие клетки, и совы в них возмущенно ухали. Заплаканная рыжеволосая девочка, цепляясь за руку отца, плелась за своими братьями.

– Осталось совсем недолго, и ты тоже поедешь, – сказал ей Гарри.

– Два года, – всхлипнула Лили. – А я хочу *сейчас*!

Люди на вокзале с любопытством разглядывали сов, а семья пробиралась к барьеру между платформами девять и десять. В шуме до Гарри донесся голос Альбуса; сыновья продолжали спор, начатый еще в машине.

– *Не попаду! Я не попаду* в «Слизерин»!

– Джеймс, прекрати! – прикрикнула Джинни.

– Я только сказал, что он *может* туда попасть, – усмехнулся Джеймс, глядя на младшего брата. – А что такого? Может ведь.

Но, встретившись взглядом с матерью, он замолчал. Пятеро Поттеров подошли к барьеру. Задиристо глянув через плечо на Альбуса, Джеймс вырвал у Джинни свою тележку и кинулся вперед. Секундой позже он исчез.

– Вы будете мне писать? Будете? – пользуясь отсутствием брата, немедленно спросил Альбус.

– Каждый день, если хочешь, – улыбнулась Джинни.

– Не *каждый* день, – затараторил Альбус, – Джеймс говорит, большинство получает письма из дома раз в месяц.

– Джеймсу в прошлом году мы писали три раза в неделю, – напомнила Джинни.

– И вообще, не верь всему, что он рассказывает о «Хогварце», – добавил Гарри. – Твой братец любит пошутить.

Бок о бок они толкали вторую тележку к барьеру, набирая скорость. Альбус вздрогнул, но столкновения не последовало. Семья оказалась на платформе девять и три четверти, укутанной густыми белыми клубами, которые валили от малинового паровоза «Хогварц-экспресса». Неясные фигуры сновали в тумане, где уже успел скрыться Джеймс.

– Где все? – забеспокоился Альбус. Вглядываясь в смутные силуэты, они медленно шли по платформе.

– Ничего, найдем, – подбодрила его Джинни.

Но в густом пару было трудно разглядеть лица. Бестелесные голоса звучали неестественно громко. Гарри показалось, будто он слышит, как Перси зычно разъясняет кому-то правила полета на метле; он порадовался, что можно не останавливаться и не здороваться...

– Вот они, Ал, – вдруг сказала Джинни.

У последнего вагона из дымки появились четверо. Их лица стали различимы, лишь когда Гарри, Джинни, Лили и Альбус подошли вплотную.

– Привет, – с огромным облегчением поздоровался Альбус.

Роза, уже одетая в новую школьную мантию, просияла.

– Нормально припарковался? – первым делом спросил у Гарри Рон. – Я – да. Гермиона думала, я не сдам мугловый экзамен на вождение, представляешь? Она считала, мне придется заморочить экзаменатора.

– Неправда, – возразила Гермиона. – Я бесконечно в тебя верила.

– На самом деле я его и правда заморочил, – заговорщицки прошептал Рон, когда они с Гарри грузили в поезд сундук и сову Альбуса. – Я всего-то забыл посмотреть в боковое зеркало! Да и шут с ним: а чучелы на что?

Вернувшись на платформу, они обнаружили, что Лили и Хьюго, младший брат Розы, оживленно обсуждают, в какой колледж попадут в «Хогварце», когда наконец туда доберутся.

– Не попадете в «Гриффиндор» – лишим наследства, – посулил Рон. – Но я на вас не давлю.

– Рон!

Лили и Хьюго рассмеялись, но Альбус и Роза даже не улыбнулись.

– Он шутит! – хором воскликнули Гермиона и Джинни, но Рон уже отвлекся. Поймав взгляд Гарри, он незаметно мотнул головой в сторону. Дымка на мгновение рассеялась, и ярдах в пятидесяти стали отчетливо видны трое.

– Ты глянь, кто здесь.

Драко Малfoy в темном пальто, застегнутом под самое горло, стоял рядом с женой и сыном. Его волосы поредели, подбородок еще больше заострился. Сын походил на него так же сильно, как Альбус – на Гарри. Драко поймал пристальные взгляды Гарри, Рона, Гермионы и Джинни, сдержанно кивнул и отвернулся.

– Маленький Скорпиус, значит, – понизив голос, сказал Рон. – Роза, будь любезна побеждать его во всем! Хвала небесам, что мозги ты унаследовала от матери.

– Рон, ради всего святого, – одернула Гермиона, с трудом сдерживая улыбку. – Не настраивай их друг против друга еще до школы!

– Ты права, права, извини, – забубнил Рон, но, не в силах сдержаться, добавил: – И все же не *слишком* с ним дружи, Роза. Дедуля Уизли не простит, если ты выйдешь замуж за чистокровку.

– Привет!

Вернулся Джеймс. Он уже погрузил в поезд сундук и сову и, похоже, принес кучу новостей.

– Там Тедди стоит, – задыхаясь, сообщил он и махнул рукой на облако пара за спиной. – Только что видел! Угадайте, что он делает? *Целуется с Виктуар!*

Он воззрился на взрослых, явно разочарованный отсутствием должного отклика на эту сенсацию.

– *Наш Тедди! Тедди Люпин!* Целуется с *нашей* Виктуар! Нашей двоюродной сестрой! И я говорю, Тедди, ты чего делаешь, а...

– Ты им помешал? – переспросила Джинни. – Ты совсем как Рон...

– ...а он сказал, что пришел ее проводить! И велел мне проваливать. Они *целовались!* – не унимался Джеймс, решив, что, видимо, недостаточно внятно объяснил.

– Ой, хорошо бы они поженились! – восторженно зашептала Лили. – Тедди бы *по правде* стал нашим родственником!

– Он и так приходит на ужин по четыре раза в неделю, – заметил Гарри. – Может, уже поселим его у нас и покончим с этим?

– Да! – возрадовался Джеймс. – Я поживу в одной комнате с Алом, а Тедди в моей!

– Нет! – отрезал Гарри. – Вы с Алом поселитесь в одной комнате, только когда я решу, что дом пора сносить.

Он взглянул на старые часы, некогда принадлежавшие Фабиану Пруитту.

– Почти одиннадцать, пора. Идите в поезд.

– Не забудь передать привет Невиллу! – Джинни обняла Джеймса.

– Мам! Ну как я передам профессору *привет*?

– Но вы же знакомы...

Джеймс закатил глаза:

– Вне школы – да. Но в «Хогварце» он профессор Лонгботтом! Только представь: прихожу я такой на гербологию – приветик вам!..

Покачивая головой – до чего же мама глупая! – он отыгрался на Альбусе:

– До встречи, Ал. Берегись тэстралей.

– Они же невидимые? *Ты говорил, они невидимые!*

Но Джеймс лишь рассмеялся, подставил матери щеку, а отцу позволил обнять себя на секунду и тут же вскочил в поезд, стремительно заполнявшийся школьниками. Короткий прощальный взмах рукой – и Джеймс рванул по вагону искать друзей.

– Тэстралей бояться нечего, – успокоил Альбуса Гарри. – Они очень кроткие. И в любом случае вы не поедете в каретах, а поплывете в лодках.

Джинни поцеловала Альбуса на прощание:

– Увидимся на Рождество.

– Пока, Ал, – сказал Гарри и обнял сына. – Не забудь, Огрид звал тебя на чай в следующую пятницу. Не задирай Дрюзга. И никаких дуэлей, пока не научишься сражаться. Да, и не поддавайся на фокусы Джеймса.

– А вдруг я попаду в «Слизерин»? – Ал прошептал это так, чтобы слышал только отец, и Гарри понял: только в момент расставания Альбус решился признаться, как сильно и искренне боится.

Гарри сел на корточки и посмотрел на него снизу вверх. Из троих детей только Альбус унаследовал глаза Лили.

– Альбус Злотеус, – произнес Гарри тихо-тихо. Слышала его только Джинни, но она тактично замахала Розе, уже севшей в поезд. – Тебя

назвали в честь двух директоров «Хогварца». Один из них был слизеринец – и, пожалуй, я в жизни не встречал никого храбрее.

– Но *что, если...*

– ...тогда в «Слизерине» появится замечательный ученик. Нам это правда не важно, Ал. Но если важно тебе, скажи, что предпочитаешь не «Слизерин», а «Гриффиндор». Шляпа-Распределница учтет твой выбор.

– Правда?

– Мой учла, – сказал Гарри.

Он никогда не говорил об этом детям и сейчас увидел, как изумился Альбус. Но тут в малиновом экспрессе стали захлопываться двери, а все родители хлынули к поезду с прощальными поцелуями и последними наставлениями. Альбус прыгнул в вагон, и Джинни закрыла за ним дверь. Школьники свешивались из окон. Великое множество лиц и в поезде, и на перроне оборачивались к Гарри.

– Чего они *установились?* – осведомился Альбус. Они с Розой крутили головами, рассматривая соседей по вагону.

– Не парься, – ответил Рон. – Они смотрят на меня, я жутко знаменитый.

Альбус, Роза, Хьюго и Лили дружно рассмеялись. Поезд тронулся. Гарри пошел рядом, глядя на сына, чьи щеки уже полыхали от предвкушения. Гарри улыбался и махал рукой, хотя это было чуточку горько – смотреть, как сын в первый раз от него уезжает...

Последнее облако пара растворилось в осеннем воздухе. Поезд скрылся за поворотом. Гарри так и стоял, подняв руку.

– С ним все будет в порядке, – шепнула Джинни.

Гарри взглянул на нее, рассеянно опустил руку и коснулся шрамолнии на лбу.

– Знаю.

Шрам не тревожил Гарри уже девятнадцать лет. Все было хорошо.

Книги из серии о Гарри Поттере (в порядке чтения):

Гарри Поттер и философский камень

Гарри Поттер и тайная комната

Гарри Поттер и узник Азкабана

Гарри Поттер и кубок огня

Гарри Поттер и орден феникса

Гарри Поттер и принц-полукровка

Гарри Поттер и Дары Смерти

Pottermore

from J.K. Rowling

Pottermore

from J.K. Rowling

Узнайте еще больше о мире J.K. Rowling's Wizarding World...

Посетите сайт www.pottermore.com, на котором вы сможете пройти настоящую церемонию распределения, прочесть эксклюзивные новые материалы от Дж. К. Роулинг и узнать о последних новостях из мира Wizarding World.

Pottermore – это компания Дж. К. Роулинг, занимающаяся цифровыми публикациями, электронной коммерцией, развлечениями и новостями. Она является всемирным издательством электронных материалов о Гарри Поттере и мире J.K. Rowling's Wizarding World. Сайт pottermore.com – цифровое сердце мира J.K. Rowling's Wizarding World. Он призван пробуждать силу воображения. Здесь вы найдете новости, очерки, статьи, а также новые и ранее не издававшиеся материалы Дж. К. Роулинг.

Оригинальное название: Harry Potter and the Deathly Hallows
Перевод с английского: Марии Спивак

Все права защищены; никакая часть этой публикации не подлежит воспроизведению, полностью или частично, или передаче в любой форме и любыми средствами, будь то с помощью ксерокопирования, записи или электронным, механическим или иным способом, без предварительного разрешения издателя

Это цифровое издание было впервые опубликовано компанией Pottermore Limited в 2017 г

Впервые опубликовано в печатном виде в Россия в 2015 году издательством Азбука-Аттикус

Авторские права на текст © J.K. Rowling 2007
Иллюстрация на обложке: Олли Мосс © Pottermore Limited
Перевод на русский язык © Азбука-Аттикус

Harry Potter characters, names and related indicia are trademarks of and © Warner Bros. Entertainment Inc.

J.K. ROWLING'S WIZARDING WORLD TM J.K. Rowling and Warner Bros. Entertainment Inc.

Моральное право автора защищено

ISBN 978-1-78110-440-8

Примечания

1

Пер. Вяч. Иванова.